

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР И РЕГИОНЫ

экономическая политика правительства
на окраинах
Российской империи

1894–1917

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР И РЕГИОНЫ:
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
ПРАВИТЕЛЬСТВА
НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ (1894–1917)

Ответственный редактор *М. В. Ходяков*

2-е издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 93/94
ББК 63.3(2)
ЦЗ8

Авторский коллектив:

канд. ист. наук *Д. Г. Янченко* (историография, источники — в соавт. с М. В. Ходяковым, А. А. Ивановым, А. Э. Котовым; заключение — в соавт. с М. В. Ходяковым); д-р ист. наук *М. В. Ходяков* (введение — в соавт. с Д. Г. Янченко, А. А. Ивановым, А. Э. Котовым; гл. 1 — в соавт. с Д. Г. Янченко, Е. О. Старовойтовой; гл. 2 — в соавт. с Д. Г. Янченко, Е. О. Старовойтовой, Г. М. Слободзяном; гл. 3, гл. 4 — в соавт. с Д. Г. Янченко, Е. О. Старовойтовой, А. А. Ивановым; заключение — в соавт. с Д. Г. Янченко); д-р ист. наук *А. А. Иванов* (гл. 9 — в соавт. с А. Э. Котовым); д-р ист. наук *А. Э. Котов* (гл. 10 — в соавт. с А. А. Ивановым); д-р ист. наук *В. Л. Степанов* (гл. 7); канд. ист. наук *А. В. Мамаев* (гл. 5 — в соавт. с Д. Г. Янченко); канд. ист. наук *Э. О. Сагинадзе* (гл. 8); канд. ист. наук *Б. А. Алимджанов* (гл. 6 — в соавт. с Д. Г. Янченко, А. В. Мамаевым)

Рецензенты:

д-р ист. наук *Е. Ф. Кринко* (Федеральный исследовательский центр
«Южный научный центр РАН»);

д-р ист. наук, проф. *М. Ф. Флоринский* (С.-Петерб. гос. ун-т)

*Рекомендовано к печати Научной комиссией в области истории и археологии
Санкт-Петербургского государственного университета*

ЦЗ8 **Центр и регионы: экономическая политика правительства
на окраинах Российской империи (1894–1917) / Д. Г. Янченко,
М. В. Ходяков (отв. ред.), А. А. Иванов, А. Э. Котов, В. Л. Степанов,
А. В. Мамаев, Э. О. Сагинадзе, Е. О. Старовойтова, Б. А. Алимджанов,
Г. М. Слободзян. 2-е изд. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та,
2021. — 660 с. ISBN 978-5-288-06102-8**

Первое издание вышло в 2020 г. при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ). В коллективной монографии, основанной на широком круге архивных материалов, рассматривается экономическая политика, проводившаяся центром на окраинах Российской империи в эпоху царствования Николая II (1894–1917 гг.). Характеризуя результаты экономического курса царского правительства на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Кавказе, в Западном крае и Прибалтике, авторы определяют механизмы законодательного продвижения региональных интересов в столице, демонстрируют направленность правительственных мероприятий и специфику экономического пространства в различных по уровню развития частях страны. В книге показано, что усилия российского правительства в экономической сфере были направлены на решение ряда важнейших задач, но успешную реализацию этих усилий прервала начавшаяся Первая мировая война.

Издание предназначено для историков, экономистов и всех интересующихся историей России.

УДК 93/94
ББК 88.4

ISBN 978-5-288-06102-8

© Коллектив авторов, 2021
© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2021

Оглавление

Список сокращений	6
Введение: историография и источники.....	7

Часть I

Освоение Дальнего Востока в геополитических и экономических планах России конца XIX — начала XX века

Глава 1. Дальневосточная окраина: своя и чужая земля.....	60
1.1. Дальний Восток России и Северо-Восток Китая в планах русской военной элиты конца XIX — начала XX века	60
1.2. Китайско-Восточная железная дорога: статус, оборона, организация управления.....	73
1.3. Политика в отношении Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: экономические перспективы и международные договоры	90
Глава 2. Русский Дальний Восток в планах правительства на рубеже веков	109
2.1. Колонизация российского Дальнего Востока в правительственной политике	109
2.2. Комитет по заселению Дальнего Востока и организация хозяйственного освоения региона	124
2.3. Рабочая колонизация и рабочий вопрос на Дальнем Востоке империи	151
Глава 3. Маньчжурия накануне и в годы Первой мировой войны.....	160
3.1. Маньчжурия в государственных интересах России в преддверии и в годы Первой мировой войны.....	160
3.2. Маньчжурское сельскохозяйственное общество и попытки создания Колонизационного банка в 1914–1915 годах.....	175

Глава 4.	Миграционные процессы и экономика Дальнего Востока в конце XIX — начале XX века	188
4.1.	Отношение общества и государства к использованию желтого труда в экономике Дальнего Востока.....	188
4.2.	Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны.....	198
4.3.	Промысловые ресурсы Дальнего Востока и борьба с браконьерством.....	232

Часть II

Российское самодержавие и экономическая политика в отношении Средней Азии

Глава 5.	Подготовка реформы управления русским Туркестаном в начале XX века: хозяйственно-экономические аспекты	248
5.1.	Проекты реформ в начале XX века.....	248
5.2.	Проекты и перспективы реформ в Туркестане между двумя революциями	259
5.3.	Первый законопроект о колонизации Туркестана: вопрос о заселении орошенных земель в Голодной степи в начале XX века	287
Глава 6.	Деятельность российских кредитно-финансовых организаций в Средней Азии на примере Русско-Азиатского коммерческого банка	314
6.1.	Ново-Ургенчское отделение Русско-Азиатского коммерческого банка — русский банк в Хиве (1909–1917 годы).....	314
6.2.	Верненское отделение Русско-Азиатского коммерческого банка на территории генерал-губернаторства	339
6.3.	Проблемы экономического развития Туркестана в работе IV Государственной думы накануне и в годы Первой мировой войны	346

Часть III

Имперская экономическая политика на Кавказе в конце XIX — начале XX века

Глава 7.	Государство и кавказская нефть на рубеже веков.....	376
7.1.	Бакинские нефтепромыслы	376
7.2.	Нефтяная промышленность Северного Кавказа	396

7.3.	Государственное регулирование кавказской нефтяной промышленности в годы Первой мировой войны	425
7.4.	Вопрос о создании казенного нефтяного хозяйства в 1913–1917 годах.....	436
Глава 8.	Аграрная колонизация и курортное дело на Кавказе в конце XIX — начале XX века.....	449
8.1.	Оживление черноморского побережья Кавказа	449
8.2.	Выставка «Русская Ривьера» (1913 год).....	457
8.3.	Переселенческая политика в Закавказье (на примере Муганской степи).....	466
8.4.	Развитие рекреационного потенциала Кавказа: Кавказские Минеральные Воды в 1894–1917 годах.....	474

Часть IV

Особенности осуществления экономической политики России в Западном крае и Прибалтике на рубеже веков

Глава 9.	Земельный вопрос и трудовая миграция.....	490
9.1.	Власть и переселенческий вопрос на западных окраинах России в 1890-е годы.....	490
9.2.	Зарубежная трудовая миграция на западных окраинах Российской империи	507
9.3.	Чиншевое право в Западном крае Российской империи и законодательные попытки его ликвидации.....	537
Глава 10.	Власть, общество и социально-экономические проблемы западных окраин.....	555
10.1.	Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати.....	555
10.2.	Социально-экономические аспекты введения земства в западных губерниях Российской империи	575
10.3.	Социально-экономические аспекты балтийского вопроса во второй половине XIX — начале XX века	592
Заключение.....		607
Список литературы.....		615
Именной указатель		650

Список сокращений

ГД	— Государственная дума
ГС	— Государственный совет
ГУЗиЗ	— Главное управление землеустройства и земледелия
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН
КВЖД	— Китайско-Восточная железная дорога
КЗДВ	— Комитет по заселению Дальнего Востока
КМВ	— Кавказские минеральные воды
ЛГИА	— Литовский государственный исторический архив
МВД	— Министерство внутренних дел
МГИ	— Министерство государственных имуществ
МЗиГИ	— Министерство земледелия и государственных имуществ
Минюст	— Министерство юстиции
МНП	— Министерство народного просвещения
МПС	— Министерство путей сообщения
МТиП	— Министерство торговли и промышленности
МФ	— Министерство финансов
ОЗППТ	— Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанского края
ОРТК	— Отчет по ревизии Туркестанского края
ОСО	— Особое совещание
ОСОТОП	— Особое совещание по топливу
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
РАКБ	— Русско-Азиатский коммерческий банк
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив
РГИА ДВ	— Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РОО	— Русское окраинное общество
СУиР	— Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате
УГ	— Устав Горный
ЦИА Грузии	— Центральный исторический архив Грузии

Введение: историография и источники

В поисках глобальной национальной идеи мы часто забываем, что провинция, регион, город представляют собой особый, сложный мир, который служит сильным и очень надежным объединяющим наднациональным фактором. Влияние этого мира на процесс принятия государственных решений стало по-настоящему ощутимым с созывом Государственной думы в начале XX в. Уже современники признавали широкую трактовку термина «окраины». Под ними подразумевали и национальные регионы (Среднюю Азию, Закавказье, Прибалтику, Западный край, Польшу, Финляндию), и губернии с преимущественно русским населением, находящиеся на периферии Российской империи (Сибирь и Дальний Восток). Архивные документы сохраняют свидетельства того, что объединяло народы и разные части страны. Помимо общности территории, это поступательное политическое и экономическое развитие, борьба с врагом в годы Первой мировой войны, рост экономической и политической активности всех подданных империи, попытки элит преодолеть экономический и вслед за ним государственный кризис в военные годы. Возникновение и борьба легальных политических партий, созыв законодательного представительного органа власти в лице Государственной думы, законодательные инициативы в Совете министров были важнейшими явлениями в жизни России в начале XX столетия. Развитие института самоуправления и городского хозяйства все острее ставило вопрос о выборе пути дальнейшей эволюции России: что приоритетнее — интересы местных сообществ, личности, социума или государства в целом; что важнее — децентрализация, стимулирование местной инициативы или укрепление вертикали, административно-бюрократической репрессивной системы; куда двигаться — в сторону народовластия и конституции или в сторону сохранения института самодержавия, пока он может быть полезным и соответствует состоянию общества?

Современные исследования не затрагивали до сих пор политику правительства, направленную на унификацию законодательства и экономического пространства в разных по уровню развития регионах страны. Региональные представители в Государственной думе Российской империи также в определенной степени влияли на принятие общегосударственных решений. Экономическая политика на окраинах имела немало черт, сочетавших практику управления европейских держав в отдаленных колониальных владениях и специфику законов пореформенной России.

Предлагаемое издание посвящено экономической политике России в «регионах-окраинах» в период царствования Николая II (1894–1917 гг.). В нашем случае к ним следует отнести Дальний Восток, Среднюю Азию, Кавказ, Западный край и Прибалтику. Подобная исследовательская задача ранее не ставилась современной российской историографией. Имевшие особый статус Польша (Царство Польское, Привислинский край) и Финляндия в достаточной степени охарактеризованы как в отечественной, так и в национальной исторической литературе и потому не являлись предметом специального изучения.

Главы книги состоят из очерков, в которых рассматриваются отдельные сюжеты из экономической истории ряда регионов Российской империи. Авторы не стремились создать подробную историю экономического развития Дальнего Востока, Средней Азии, Кавказа, Западного края и Прибалтики. Также решено было отказаться и от «энциклопедического» формата подачи материала, поскольку при изложении в сжатом виде всех основных сюжетов экономической политики властей Российской империи применительно к территориям, отнесенным к «окраинам России», едва ли удалось бы избежать схематизма. Вместо этого авторы предпочли ограничить себя отдельными проблемами, вызывавшими в конце XIX — начале XX в. наибольший резонанс и ставшими предметом широкого общественного обсуждения. Среди таких проблем: переселенческая политика, проблемы трудовой миграции; вопросы, связанные с местной спецификой аграрных отношений; земская деятельность; социально-экономические аспекты русификации регионов и др. При обращении к вопросам экономической политики, проводившейся центром на западных окраинах Российской империи, особое внимание уделяется ее связям с этноконфессиональными и социальными проблемами, игравшими здесь особо значимую роль.

На рубеже XIX–XX вв. стремление к усилению русского экономического влияния на Дальнем Востоке и в Маньчжурии демонстрировали не только центральные, но и местные власти в лице Приамурских генерал-губернаторов. Отмечая в целом враждебное отношение к России со стороны китайских властей, они были уверены в том, что Приамурский край, получив после введения в строй в начале XX в. Китайско-Восточной железной дороги (далее — КВЖД) быстрое сообщение с административными и торговыми центрами Китая и Японии, будет вовлечен в сферу международных политических и торговых интересов на Дальнем Востоке. Таким образом, КВЖД, открывшая движение в начале XX в. и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром, прорезая Маньчжурию, не только стала проводником российского военного влияния, но и превратилась в своеобразный торговый путь для российской промышленности. Сегодня не вызывает сомнения тезис, согласно которому КВЖД сыграла ключевую роль в освоении Маньчжурии — пустынных земель на Северо-Востоке Китая. Ее строительство было направлено на укрепление российского военного, экономического и культурного влияния на Дальнем Востоке.

После военного поражения и заключения Портсмутского мира казалось, что определение дальнейшей стратегии должно было стать прерогативой гражданских ведомств (Министерства финансов и Министерства иностранных дел), но этого не произошло из-за сопротивления военных. Тогдашний министр финансов В. Н. Коковцов не планировал поступаться влиянием на дальневосточные дела, передоверять военным контроль над пограничной охраной в Маньчжурии. Вполне логичным ходом министра стало указание на внешнеполитические обязательства как основополагающий принцип проводимой политики.

Новые внутривластные условия думской монархии и подготовка к войне в Европе заставили правительство скорректировать цели и задачи России на Дальнем Востоке. Проекты, которые обсуждало русское правительство, были достаточно либеральными для российских порядков начала XX в. — с учетом полной зависимости Общества КВЖД от Министерства финансов. Русское население в итоге не получило дополнительных привилегий, а государственные власти России не принимали официального участия в образовании общественного управления.

Система управления в полосе отчуждения КВЖД после 1905 г. подверглась существенным коррективам под воздействием внешних и внутренних факторов. Попытки противостоять растущему японскому влиянию вынуждали чиновников в сотрудничестве с членами Государственной думы и военными корректировать экономическую политику вдоль железнодорожной линии.

Одной из важнейших задач русского правительства и накануне Первой мировой войны оставалась колонизация Дальнего Востока России. Однако, несмотря на разнообразные меры по привлечению переселенцев из европейской части страны, приток рабочей силы в этот регион был ограничен — прежде всего из-за отсутствия необходимых путей сообщения. Выяснилось, что хозяйственное освоение края невозможно без участия китайской рабочей силы. Иницируя китайскую миграцию в годы Первой мировой войны, русское правительство пыталось смягчить кризис рабочей силы в экономике.

Планы России в отношении освоения территории Дальнего Востока и Маньчжурии в целом заставляли правительственные круги постоянно искать пути для укрепления там своего присутствия. В связи с этим представляют интерес взгляды группы ярких представителей высших военных кругов России в отношении и перспектив колонизации русского Дальнего Востока в период, предшествовавший Первой мировой войне. Позиция руководителей военного ведомства зачастую сводилась к попыткам создания такого способа управления Маньчжурией, при котором она была бы освобождена от влияния пекинского правительства и в то же время не имела внешних признаков полного подчинения России. Военное министерство в начале XX в. стремилось к сохранению российских позиций на КВЖД, испрашивая сверхсметные кредиты у правительства для создания оборонительных укреплений на железной дороге. Понимая невозможность присоединения Маньчжурии к России, высшая военная бюрократия России выдвигала на первый план необходимость сохранить занятые позиции в этом регионе Китая и упрочить общее положение на российском Дальнем Востоке.

В начале XX в. большое военно-политическое значение южной окраины России сохранял Туркестан, который воспринимался как пространство, нуждавшееся в хозяйственном освоении, использовании в интересах метрополии и значительных вложениях в развитие. Россия к тому времени столкнулась с множеством проблем, включая аграрное перенаселение и малоземелье в европейской части

страны, в то время как Средняя Азия, казалось, обладала огромным запасом свободных земель. Несмотря на закрытие края, его наполняли самовольные переселенцы, вынужденные обходить или нарушать закон, вступать в неформальные соглашения и зависимость, как подчеркивали власти, от чуждого в религиозном и культурном отношении населения. К началу 1912 г. число безземельных русских крестьян в крае доходило до 50 тыс.¹ Парадоксально, но все более национализировавшаяся империя для сохранения социального порядка была вынуждена противостоять этому самовольному движению из метрополии на окраину.

В настоящей монографии исследуются, в частности, предпосылки, разработка, обсуждение и принятие законопроекта о заселении орошенных государством земель в первом крупном районе Средней Азии — Голодной степи — в начале XX в. Накануне революции происходил процесс «национализации» империи и трансформации отношений между центром и окраинами. В тот период в правительстве в ходе дискуссий была четко сформулирована цель аграрной колонизации Туркестана в интересах империи, начался переход от слов к активным действиям для геополитического и экономического закрепления окраины. Важность изучения проблемы обусловлена значением проекта колонизации Голодной степи, в котором центр, поставивший амбициозную цель создания «русского Туркестана», впервые определял желаемый образ переселенца и его хозяйства и организовывал соответствующий отбор. Ведущую роль в формулировании этого курса правительства сыграл главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин.

Одним из основных направлений экономической политики России на Кавказе конца XIX — начала XX в. было развитие нефтяных промыслов Бакинского района, где добывалась основная часть «черного золота» империи. Министерство финансов всемерно поощряло развитие промыслов Апшеронского полуострова путем широкого привлечения иностранных капиталов, сдачи в аренду казенных нефтеносных земель частным предпринимателям, установления высоких таможенных барьеров на ввоз конкурирующего американского керосина, предоставления льготных ссуд Государственного банка, совершенствования в регионе транспортной инфраструктуры,

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 37 об.

введения пониженных железнодорожных тарифов для стимулирования вывоза нефтепродуктов за границу.

Правительство стремилось к укрупнению нефтяных компаний, оказывало первоочередное содействие фирмам, имевшим возможность модернизировать свои предприятия и осуществлять широко-масштабные экспортные операции. Политика финансового ведомства во многом способствовала значительным успехам в развитии нефтяной промышленности к началу XX в. В 1898–1901 гг. по добыче нефти Россия обгоняла США и занимала первое место в мире. Государственный бюджет ежегодно пополнялся за счет солидных поступлений акциза с керосина, арендных доходов и платы за железнодорожные перевозки нефтяных грузов. Однако под воздействием мирового экономического кризиса 1900–1903 гг. основные показатели нефтяной промышленности снизились, а темпы ее роста замедлились.

Наряду с нефтедобычей главные архитекторы имперской политики на Кавказе в конце XIX — начале XX в. — министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов и член Государственного совета Н. С. Абаза — уделяли большое внимание оживлению кавказского Черноморского побережья. Первоочередной задачей на побережье центральное правительство считало сельскохозяйственную колонизацию этой отдаленной окраины. Примечательно, что высшая местная власть после 1905 г. объясняла в целом скромные итоги кавказской переселенческой политики недостаточным казенным финансированием. Особенно разительными были отличия от активно заселявшихся Сибири и Дальнего Востока. Кавказский наместник И. И. Воронцов-Дашков в 1910 г. мог рапортовать только о 54 тыс. переселенцев. Весьма вероятно, что столь скромные результаты были связаны с чересчур самостоятельной политикой наместника. Она привела к конфликту с петербургской бюрократией и Государственной думой, что затруднило проведение как политических, так и экономических преобразований в ходе Первой русской революции и после нее. Стоит учитывать и личностный фактор — непростые отношения И. И. Воронцова-Дашкова с представителями правительства, в особенности с П. А. Столыпиным.

Особые окраинные области Российской империи представляли собой Западный край и Прибалтика. Эти соседние регионы, разделенные административными границами, на деле имели много общего и с географической точки зрения вполне могут быть отне-

сены к западными окраинам империи², что позволяет объединить посвященные им сюжеты в рамках отдельного блока. Во-первых, эти территории отличались высокой плотностью населения и экономической развитостью, во-вторых, там наблюдались острые противоречия, связанные с пестрым этноконфессиональным составом их жителей и оказывавшие сильное влияние на политическую, экономическую и социальную политику в регионе.

Западный край включал в себя бывшие земли Речи Посполитой, присоединенные к Российской империи в конце XVIII в. В рассматриваемый период край состоял из девяти губерний: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Волынской, Киевской и Подольской³. Первые шесть из них относились к Северо-Западному краю, последние три — к Юго-Западному. Основное (с точки зрения администрации — коренное) население края составляли русские (белорусы и малороссы), а также литовцы. Последние нередко рассматривались как родственный русским народ: «русско-литовские» князья Гедимин, Ольгерд, Кейстут и Витовт вместе с прочими представителями национально-государствообразующего пантеона красовались на барельефе памятника «Тысячелетие России», а имперские власти вплоть до 1904 г. делали попытки перевести литовскую письменность на кириллицу. Сравнительно немногочисленное великорусское население региона в значительной степени было представлено выходцами из центральных губерний — как крестьянами, так и чиновниками. Разумеется, грань между ними и «тутейшими» белорусами быстро стиралась.

Польское население края, составлявшее значительную часть местной интеллигенции, в XIX в. перестало считаться коренным. В Юго-Западном крае борьбу с «польским засильем» начал Д. Г. Бибииков еще в 1840-х годах; на Северо-Западе к ней приступили только после восстания 1863 г. Как и в Царстве Польском, важнейшими элементами этой борьбы стали подрыв экономического положения «мятежной шляхты» и всемерная поддержка местного крестьянства⁴. К тому времени политика русификации Северо-Запада

² См. подробнее: Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2007. С. 13.

³ Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1894. Т. 12. С. 247.

⁴ См. об этом: Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 38–166.

проводилась сравнительно недавно, причем наблюдалась определенная непоследовательность властей в этой сфере, а большая часть местной польской шляхты все-таки не была пришлым элементом (так как происходила из ранее полонизированных местных русских родов), поэтому «польский вопрос» на рубеже XIX–XX вв. стоял здесь более остро, чем на юге. Территория нынешних Литвы и Белоруссии, несмотря на внешнее умиротворение, все еще оставалась «нравственным Кавказом»⁵, т. е. не вполне освоенной окраиной, воспринимавшейся частью общества как арена противостояния архаического шляхетского и прогрессивного национально-русского начал.

Меньшую проблему представлял для центральной власти еврейский вопрос, лишь постепенно приобретавший значимость по мере развития капиталистических отношений, демократизации общества и роста революционных настроений. Остальные проживавшие на территории региона этносы не играли существенной роли в его общественно-политической и экономической жизни, если не считать немецкой колонизации на Волыни, беспокоившей воображение консервативных публицистов и отдельных администраторов⁶.

Прибалтийский край, также именовавшийся Остзейским, как составная часть Российской империи возник в XVIII в. в результате победы над Швецией в Северной войне и третьего раздела Речи Посполитой. Утративший в 1876 г. статус генерал-губернаторства и, соответственно, административное единство, регион состоял из трех губерний: Курляндской, Лифляндской и Эстляндской. Подавляющее большинство их населения составляли латыши и эсты (эстонцы), также заметную роль в нем играли немцы, русские и евреи. В составе Российской империи остзейские губернии обладали особым статусом, имели специфическое местное законодательство, основывавшееся на привилегиях влиятельных прибалтийско-немецких сословий — дворянства и бюргерства⁷. Современник А. С. Будилович свидетельствовал: «Нет теперь в Европе страны, где пережитки

⁵ См. об этом: *Корнилов И. П.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Вып. 1. СПб., 1908. С. 137.

⁶ См. об этом: *Котов А. Э.* Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати: 1894–1899 годы // Научный диалог. 2018. № 7. С. 256.

⁷ См. об этом: *Андреева Н. С.* «Остзейский вопрос» в политике Российской империи (1900 — февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010. С. 5.

феодалного строя сохранились бы в такой силе, как в Остзейских губерниях»⁸.

Вопрос о необходимости отмены этих «пережитков» был поднят еще Ю. Ф. Самариным, противопоставлявшим остзейскому рыцарству не только русских, но и «совокупность тех, кому Провидение отказало в праве родиться немцами»⁹. Не случайно стоявшие у истоков эстонского и латышского национального возрождения второй половины XIX в. К. Вальдемар и К. Бесбардис выступали как русофилы и опирались на поддержку московских националистических кругов¹⁰. В 1870-е годы идеи Самарина активно транслировались консервативной печатью, в 1880-е они начали реализовываться центральной властью, приступившей к внедрению русского языка в местное судебное и административное делопроизводство, а затем и в образование¹¹. Эта линия во многом продолжилась и в затронувших Прибалтику столыпинских преобразованиях, и в аграрных законах 1912–1916 гг.

Таким образом, именно на западных русских окраинах наиболее остро развернулась борьба за «русское дело», призванная поддержать и укрепить позиции великорусского, малорусского и белорусского населения края, рассматривавшихся в рамках тогдашней имперской парадигмы как единый русский народ. Также наиболее рельефно проявили себя польский, еврейский, литовский, немецкий и другие национальные вопросы, неизбежно отражавшиеся и на экономической политике, правительства — не случайно современные исследователи используют термин «финансовый национализм»¹².

Последние десятилетия история регионов России вызывает неподдельный интерес у ученых-историков, реализующих ряд научных

⁸ Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века: сб. документов и материалов / сост. Т. Карыхьярм. Тарту, 2000. С. 34.

⁹ «Я любил Вас любовью брата...»: переписка Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден (1861–1876). СПб., 2015. С. 40.

¹⁰ Инфантьев Б. Ф. Малоизвестные страницы жизни и деятельности Криштьяна Валдемара // Русский мир и Латвия. 2009. Три века русской культуры в Латвии. Памяти Б. Ф. Инфантьева. Рига, 2009. С. 47–60.

¹¹ Андреева Н. С. «Остзейский вопрос»... С. 102–131.

¹² См., напр.: Правилова Е. А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах. 1801–1917. М., 2006. С. 107.

проектов. Так, группа сотрудников Южного научного центра РАН (руководитель Е. Ф. Кринко) в течение ряда лет проводила масштабное исследование, посвященное изучению войн и вооруженных конфликтов XVIII — начала XXI в. как социальных феноменов, их демографическим итогам и воздействию на население Юга России. Значительное внимание коллектив авторов уделил формированию территории южного макрорегиона и его административному обустройству в составе России¹³.

Историки Санкт-Петербургского государственного университета с 2015 г. осуществляют междисциплинарное исследование (руководитель Б. Н. Миронов), направленное на изучение исторического опыта управления этническим разнообразием в регионах и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России¹⁴.

Сотрудники Сибирского федерального университета с 2006 г. реализуют проект (руководитель Д. Н. Гергиев) по выявлению и изучению факторов, способствовавших складыванию единого административно-территориального и социально-экономического пространства Сибири в имперский период истории России¹⁵.

Исследователи Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН на протяжении многих лет плодотворно изучают особенности социально-экономического развития Дальнего Востока второй половины XIX — начала XX в., роль в этом процессе иностранных подданных, проблемы иммиграции, урбанизации, государственного управления и самоуправления, роль военно-сухопутных сил в истории Дальнего Востока, специфику переселенческой политики, общественно-политической и культурной жизни края¹⁶.

¹³ Войны и население Юга России в XVIII — начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019.

¹⁴ *Миронов Б. Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.

¹⁵ *Гергиев Д. Н., Дуреева Н. С.* Сибирь как пример оптимальных государственных механизмов управления // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 103–108; *Гергиев Д. Н.* Административно-территориальное реформирование Сибири в XIX — начале XX веков: опыт и необходимые выводы // Клио. 2014. № 4 (124). С. 129–133; и др.

¹⁶ Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России монография / под ред. Л. И. Галлямовой. Владивосток, 2015.

Вопросам, связанным с экономической политикой и развитием российских окраин, в современной историографии уделяется огромное внимание. Само понятие «окраины» было устоявшимся уже в имперском лексиконе и не нуждается в подробном пояснении. Исследователи нередко забывают, что еще на рубеже XIX и XX вв. правительство сместило акценты с политических решений на хозяйственное освоение территорий. Экономическое благополучие рассматривалось как панацея от потрясений, но декларативно оно уже связывалось с положением и успехами титульной нации. Это касалось и национальных регионов, и тех, в которых русское население составляло большинство. Консервативные идеологи последнего царствования в периодике и публицистике проецировали это отношение и на западные¹⁷, и на восточные¹⁸ окраины империи.

В начале XX в. о юридических и финансово-экономических аспектах деятельности российской власти в контексте реформ писали русские правоведы Б. Э. Нольде¹⁹, Н. И. Лазаревский²⁰, С. А. Котляревский²¹, П. Е. Казанский²², Н. И. Палиенко²³, И. С. Плехан²⁴ и др., отмечая несовершенство действовавшего российского законодательства, проводя аналогии с западноевропейскими нормами.

Особое место в системе геополитических ориентиров занимал Дальний Восток, о значении которого для России говорили и публицисты, и военные деятели²⁵. В частности, генерал А. Н. Куропат-

¹⁷ См. об этом: *Ivanov A. A., Kotov A. E., Yanchenko D. G., Ovsjannikov D. V.* Ukrainian question in the Russian conservative thought. The end of 19th — early 20th century // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 43 (1). С. 129–138.

¹⁸ См. об этом: *Иванов А. А.* Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX — начало XX веков // Научный диалог. 2018. № 6. С. 124–142.

¹⁹ *Нольде Б. Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911.

²⁰ *Лазаревский Н. И.* Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1908.

²¹ *Котляревский С. А.* Юридические предпосылки русских Основных Законов. М., 1912.

²² *Казанский П. Е.* Государственная дума по действующим законам. СПб., 1906.

²³ *Палиенко Н. И.*: 1) Основные Законы и форма правления в России. Харьков, 1910; 2) Основы конституционного права. Пг., 1917.

²⁴ *Плехан И. С.* Бюджетные законы. СПб., 1911.

²⁵ См., напр.: *Меркулов С. Д.* Вопросы колонизации Приамурского края. Вып. II. СПб., 1911; *Воишинин В.* Колонизационное дело при А. В. Кривошеине. Пг., 1916; и др.

кин — один из идеологов усиления российского влияния в дальневосточном и центрально-азиатском регионах — указывал на «желтую опасность», которой подвергались Европа и Россия, и предлагал изменить очертания российских границ в Азии²⁶. Несколько позже проблему дальневосточных рубежей России затронул Б. А. Романов²⁷.

Однако в целом до начала 1960-х годов финансово-экономическая проблематика не становилась центральной в исследованиях советских историков. Вместе с тем в 1950–1970-е годы в научный оборот были введены новые архивные материалы, историки не раз обращались к социально-экономическому развитию разных частей империи. Появились книги С. М. Сидельникова²⁸, Е. Д. Черменского²⁹, К. Н. Тарновского³⁰. С 1960-х годов исследователи активно изучали зарубежную, преимущественно англо-американскую историографию трех российских революций³¹. Этот интерес объяснялся не столько научными причинами, сколько потребностями идеологической борьбы. Заметное место занял анализ зарубежной литературы, посвященной проблемам российского либерализма, в том числе его экономической программе. Отметим обобщающие монографии Г. З. Иоффе, Б. И. Маркушиной, Н. В. Романовского³². В 1960–1980-х годах наиболее крупными исследователями рассматриваемой экономической проблематики стали А. Я. Аврех³³, В. С. Дякин³⁴. Одновременно происходило складывание двух основных школ — московские

²⁶ Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 6–7, 14–15, 221.

²⁷ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

²⁸ Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962.

²⁹ Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.

³⁰ Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в.: Советская историография середины 50-х — начала 60-х годов. М., 1990.

³¹ См., напр.: Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976.

³² Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; Маркушина Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977.

³³ Аврех А. Я.: 1) Столыпин и третья Дума. М., 1968; 2) П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; 3) Распад третьеиюньской системы. М., 1985.

³⁴ Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988.

и ленинградские историки расходились в оценке Совета министров и Государственной думы. В работах А. Л. Сидорова³⁵ и П. В. Волобуева³⁶ содержится разносторонняя характеристика финансового и в целом экономического положения России накануне и в ходе Мировой войны. Коллективная монография «Кризис самодержавия в России. 1895–1917» — фундаментальное исследование внутренней политики конца XIX — начала XX в.³⁷ Авторский коллектив сумел отразить противоречивость внутренней политики правительства в эти переходные для России годы.

В зарубежной историографии различные аспекты истории российского парламентаризма наиболее тщательно анализировались в работах Г. Хоскинга³⁸. В целом в зарубежных исследованиях отсутствует подробный анализ влияния зарубежного и национального опыта на законодательную работу правительства после реформ 1905–1907 гг. и издания новой редакции Основных законов 23 апреля 1906 г. Недостаточно проанализированы отношения Думы с исполнительной властью, национальный вопрос. Исследователи изучали главным образом либо отдельные юридические нормы, либо деятельность государственных и общественных институтов в широком контексте российских реформ.

В западной историографии вопрос о государственных преобразованиях рассматривается, как правило, в контексте общих проблем развития России, а региональным вопросам уделяется незначительное внимание. В зарубежной историографии можно назвать работы М. Раева³⁹, С. Ф. Старра⁴⁰ по данной тематике. Некоторые моменты, связанные с организацией управления Прибалтикой, затрагиваются

³⁵ Сидоров А. Л.: 1) Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960; 2) Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973.

³⁶ Волобуев П. В.: 1) Монополистический капитализм в России и его особенности. М., 1956; 2) Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.

³⁷ Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Б. Б. Дубенцов, В. С. Дякин, С. И. Потолов. Л., 1984.

³⁸ Hosking G.: 1) Russian Constitutional Experiment: Government and Duma. 1907–1914. Cambridge, 1973; 2) Russia. People and empire. London, 1997.

³⁹ Raeff M. Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime. New York, 1984.

⁴⁰ Starr S. F. Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870. Princeton University Press, 1972.

в исследованиях Т. Викаса⁴¹, Э. Тадена⁴² и др. Наибольшее внимание авторы обращали на события XIX в., выявляя, в частности, истоки сепаратистских настроений в Сибири. Так, канадский исследователь Н. Перейра предпринял попытку определить цели и задачи сибирского областничества. Он стремился выяснить, насколько широкой была поддержка этого института и имел ли он жизненную силу как политическая альтернатива⁴³.

В отечественной историографии последнего десятилетия XX в. история российской думской монархии (в том числе экономическая история) стала одной из центральных проблем, а ведущие позиции продолжали занимать такие исследователи, как В. С. Дякин⁴⁴, В. В. Шелохаев⁴⁵, И. Ф. Гиндин⁴⁶. Огромную работу по изучению наследия С. Ю. Витте проделали Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин⁴⁷. Большой труд по истории российского парламента издан А. Ф. Смирновым⁴⁸. Концептуальный характер носит коллективная монография «Власть и реформы. От самодержавной к советской России» — исследование «о природе власти в России, ее эволюции на протяжении более чем пяти столетий, ее реформаторских возможностях»⁴⁹. Принципиально новой для советско-российской историографии стала не только сама постановка проблемы — реформы или рево-

⁴¹ Weeks T.: 1) *Russification and the Lithuanians: 1863–1905* // *Slavic review*. Chicago, 2001. Vol. 60, no. 1. P. 96–114; 2) *Nation and State in late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier: 1863–1914*. Northern Illinois University Press, 1996.

⁴² Thaden E. C. *Russification in Tsarist Russia* // *Modern Encyclopedia of Soviet and Russian History*. 1983. Vol. 32. P. 205–212; *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914* / ed. by E. C. Thaden. New Jersey, 1981.

⁴³ Pereira N. G. O. *Regional consciousness in Siberia before and after October 1917* // *Canadian Slavonic Papers*. 1988 (March). Vol. 30, no. 1. P. 112–133.

⁴⁴ Дякин В. С. *Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914 гг.: аграрный вопрос в экономической политике царизма*. СПб., 1997.

⁴⁵ *Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. Т. 3: Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению* / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2014; Шелохаев В. В. *Либеральная модель переустройства России*. М., 1996.

⁴⁶ Гиндин И. Ф. *Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.)*. Избранное: Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997.

⁴⁷ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994.

⁴⁸ Смирнов А. Ф. *Государственная дума Российской империи 1906–1917*. М., 1998.

⁴⁹ *Власть и реформы. От самодержавной к советской России* / редкол.: Б. В. Ананьич (отв. ред.), Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях. М., 2006. С. 2.

люция, но и возможность подобной альтернативы состоявшемуся историческому развитию страны, обращение к нереализованным по той или иной причине замыслам, среди которых оказалось большинство либеральных проектов начала XX в.

Многие новейшие исследования по истории думской монархии посвящены анализу структуры государственного управления и лишь отчасти деятельности по финансово-экономическим, хозяйственным вопросам, условиям функционирования власти и взаимоотношениям с общественностью. Что касается охвата проблемы окраин в самой Государственной думе, то ситуация в российской историографии за последние годы принципиально не изменилась. Данные проблемы в силу их обширности затрагиваются нечасто. В 1990-е годы в условиях выработки новой национальной политики России внимание исследователей было обращено к схожим темам в имперском парламенте, о чем свидетельствует появление большого количества кандидатских диссертаций и монографий (работы И. Н. Вельможко⁵⁰, В. Ю. Зорина⁵¹, Д. А. Аманжоловой⁵² и др.). В ходе революции 1905–1907 гг. представители «туземного» населения получили возможность избираться в члены высшего законодательного учреждения страны — Государственной думы. На Кавказе и в Средней Азии в начале XX в. избирательный процесс был весьма специфичен. Перипетии судеб депутатов, среди которых имелось немало представителей экономической элиты, в новейшей историографии освещены должным образом, в том числе в работе фундаментального характера — энциклопедии «Государственная дума Российской империи: 1906–1907»⁵³.

В конце 1990-х — 2000-х гг. создаются работы, рассматривающие как широкий период исторической русской государственности⁵⁴,

⁵⁰ Вельможко И. Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

⁵¹ Зорин В. Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М., 2002; Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М., 1999; Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.

⁵² Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994.

⁵³ Государственная дума Российской империи: 1906–1907: энциклопедия / редкол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2008.

⁵⁴ Национальная политика в России: история и современность / сост. Н. И. Наумова. М.: Русский мир, 1997; Агаджанов С. Г., Трепавлов В. В. Националь-

так и отдельные административные проблемы имперской власти. Публикуются монографии В. С. Дякина⁵⁵, А. Ю. Бахтуриной⁵⁶. Экономическая политика правительства в начале XX в. исследовалась мало. Вопросы управления окраинами нередко изучались совместно с функционированием института генерал-губернаторства⁵⁷. Проблемы государственного управления и экономических реформ в пограничных регионах до последнего времени не становились целями специальных работ.

Рассматривая историю государственного управления национальными окраинами России в годы Первой мировой войны, А. Ю. Бахтурина⁵⁸ анализирует проблемы, связанные с защитой империи путем экономической консолидации. Хотя ее исследование не акцентировано на особенностях хозяйственного развития разных регионов империи, она затрагивает, в частности, сюжеты, связанные с экономикой таких окраин, как Прибалтийские губернии, Средняя Азия, Царство Польское и Финляндия.

Важным исследованием, посвященным экономическим аспектам развития Российской империи, стала монография Е. А. Правиловой, где предпринята попытка соединить историю империи с историей экономики, поскольку в большинстве работ историки экономики и исследователи национальной и региональной политики в Российской империи шли параллельными курсами. Между тем «в Российской империи экономический фактор играл важнейшую роль в отношениях между центром и окраинами, а “фактор империи” оказывал влияние на формирование всех элементов экономической системы»⁵⁹. В связи с этим Е. А. Правилова концентрирует внимание на анализе взаимодействия двух факторов — экономического и им-

ные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.

⁵⁵ Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998.

⁵⁶ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.

⁵⁷ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. В. Черкесова, науч. ред. тома Д. И. Луковская, Д. И. Раскин. СПб., 2001.

⁵⁸ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи.

⁵⁹ Правилова Е. А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006. С. 7.

перского, характеризуя финансовую политику в отношении таких регионов, как Царство Польское, Великое княжество Финляндское, Северный Кавказ и Закавказье, Туркестан. Изучая экономическую политику империи на окраинах, автор отмечает важность для ее понимания «дискурсивной среды, в которой эти отношения институционализировались»: не только того, сколько действительно тратило и получало Государственное казначейство в конкретном регионе, но и того, «как представляли себе стороны — центр и периферия — сложившийся баланс затрат и прибылей»⁶⁰. Анализируя различные аспекты «финансового национализма» конца XIX в., Е. А. Правилова констатирует, что его расцвет приходится именно на вторую половину 1890-х годов⁶¹.

Восприятие «окраинной» проблематики русским обществом и влияние на государственную политику его консервативно-националистической части рассмотрено в классической монографии Д. Схиммельпенника ван дер Ойе⁶².

Известный петербургский историк Б. Н. Миронов в ряде крупных исследований сосредоточивается на проблемах унификации административного, правового, экономического и культурного поля имперских территорий и попытках интеграции народов, населявших эти территории, в единое имперское пространство⁶³. В одной из работ автора этноконфессиональная политика рассматривается в контексте модернизации России — последней попытки сохранить существовавший порядок управления⁶⁴.

Зарубежная историография традиционно сосредоточена на применении западных понятий колониализма и ориентализма к русской культуре и общественно-экономической жизни второй половины XIX — начала XX в. В частности, А. Эткинд пишет о формировании языка самоколонизации у российских историков, о крепостном праве и крестьянской общине как колониальных институтах,

⁶⁰ Там же. С. 89.

⁶¹ Там же. С. 108.

⁶² *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.

⁶³ *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр.: в 3 т. СПб., 2018.

⁶⁴ *Миронов Б. Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.

о попытках литературы по-своему разрешить проблемы внутренней колонизации, поставленные российской историей⁶⁵.

На Дальнем Востоке ситуация складывалась благоприятно для правительственных инициатив во многом благодаря появлению особого административного органа при Совете министров — Комитета по заселению Дальнего Востока (далее — КЗДВ). В 1909–1911 гг. он работал под председательством П. А. Столыпина⁶⁶. Решения Комитета напрямую связаны с одним из крупных исследовательских мероприятий эпохи заката империи — Амурской экспедицией. Полученные данные служили планом действий для местной администрации при проведении переселенческой и экономической политики в регионе. Материалы Амурской экспедиции публиковались как в крупных городах Сибири, так и в Петербурге в виде серии изданий разных авторов под общим руководством Н. Л. Гондатти и раскрывали особенности ведения хозяйства на исследуемых территориях, структуру почв, лесное и горное дело, торговлю, этнографическую ситуацию.

Взаимоотношения центральной власти и территорий за Уралом рассматриваются в коллективной монографии «Сибирь в составе Российской империи»⁶⁷, работах А. В. Ремнева⁶⁸. Акцент в правительственной политике делался на поддержке демографического роста, в том числе переселении, продовольственной и военной безопасности. Отсутствие успехов в ассимиляции корейцев, китайцев и японцев порождало у царской бюрократии опасения перед «желтой угрозой»⁶⁹. Экономический успех реформ эпохи думской монархии в значительной степени был связан с огромным количеством

⁶⁵ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2013.

⁶⁶ См. подробнее: Янченко Д. Г., Слободзян Г. М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике 1909–1911 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 93–106.

⁶⁷ Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007.

⁶⁸ Ремнев А. В.: 1) Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков. Омск, 1997. 253; 2) Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004.

⁶⁹ Ходяков М. В., Чжао Чжицин. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 7–30.

свободной земли в Сибири и на Дальнем Востоке. Это «прощало» административные ошибки в деле русской колонизации и приводило к бескровному результату, значимому для будущего страны.

Омские исследователи (А. В. Ремнев, а также его коллеги и ученики) разработали управленческо-региональный подход к изучению имперской политики на Дальнем Востоке. Историк И. В. Белоконь отметила, что предложенное А. В. Ремневым понятие «география власти» позволило вписать политические взгляды и государственную деятельность отдельных «строителей империи» в общую канву империи- и нациостроительства⁷⁰. Исследователи получили возможность ставить новые вопросы, касающиеся определения особенностей дальневосточной составляющей российского движения на Восток⁷¹.

На рубеже XIX–XX вв. особое значение приобрела полоса отчуждения Китайско-Восточной железной дороги с крупными городами, русскоязычным населением и прямым управлением Министерства финансов⁷². Формально порядок управления на КВЖД определялся международными соглашениями, однако на практике чиновники столкнулись с традиционными проблемами российских окраин и в крупных русских поселениях на территории Китая. В начале XX в. вместе с российским Дальним Востоком Маньчжурия дает ярчайший образец русской колонизационной имперской политики. К настоящему времени в России опубликовано немало книг и статей, посвященных КВЖД, в частности монографии Н. Е. Абловой⁷³, И. К. Капран⁷⁴, О. Г. Гончаренко⁷⁵,

⁷⁰ И. В. Белоконь стала автором главы «“Цивилизационные разломы” и “желтая опасность” в контексте геополитических взглядов и идей А. Н. Куропаткина» в книге: Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: коллективная монография / под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2018. С. 71–86.

⁷¹ См., напр.: *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008; *Янченко Д. Г., Слободзян Г. М.* Колонизация русского Дальнего Востока...; и др.

⁷² См. подробнее: *Самойлов Н. А., Старовойтова Е. О., Ходяков М. В., Янченко Д. Г.* Китайско-Восточная железная дорога — историческое наследие двух народов: перспективы изучения // *Новейшая история России.* 2016. № 3. С. 205–210.

⁷³ *Аблова Н. Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005.

⁷⁴ *Капран И. К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. — 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011.

⁷⁵ *Гончаренко О. Г.* Русский Харбин. М., 2009.

М. В. Кротовой⁷⁶, Н. П. Крадина⁷⁷. В основном это работы по истории русской эмиграции в Китае. Они подробно рассматривают различные стороны жизни огромной диаспоры, ее правовое положение, быт, взаимоотношения с властями.

Вопросы экономического продвижения на Дальнем Востоке, роли железнодорожного строительства в планах Совета министров России изучены по-прежнему недостаточно. В исследованиях В. Г. Дацышена⁷⁸ и А. И. Петрова⁷⁹ анализировалась роль китайского населения в освоении дальневосточных окраин России и участии в строительстве КВЖД.

Современные оценки экономического курса, осуществлявшегося центральной властью на дальневосточном направлении, далеки от радужных. Так, петербургский историк И. В. Лукоянов отмечает неудачную экономическую политику С. Ю. Витте на Дальнем Востоке: после Русско-японской войны власти пришлось бороться уже не за освоение Маньчжурии, а за недопущение влияния оттуда на русские территории. В подтверждение своей мысли исследователь приводит слова, прозвучавшие в Финансовой комиссии Государственной думы в 1909 г.: «Обстоятельства на Дальнем Востоке в последнее время приняли такой оборот, что Россия без всякого промедления должна принять решительные таможенные меры к тому, чтобы закрепить за собою в экономическом отношении свои дальневосточные области»⁸⁰.

Для усиления русского влияния на Дальнем Востоке власти рассматривали несколько вариантов реорганизации местного управления и экономической жизни по образцу Европейской России. Внешнеполитические проблемы и несогласованность действий высшей бюрократии вынуждали откладывать масштабные преобразования⁸¹. Влияние Министерства финансов на внутривластическую

⁷⁶ Кротова М. В. Харбин — центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.). СПб., 2010.

⁷⁷ Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. [Страницы истории Харбина — бывшего русского города в Китае.] Хабаровск, 2010.

⁷⁸ Дацышен В. Г.: 1) Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008; 2) Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX в. Кызыл, 2000.

⁷⁹ Петров А. И. История китайцев в России: 1856–1917 гг. СПб., 2003.

⁸⁰ Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». С. 161–162.

⁸¹ См. подробнее: Янченко Д. Г., Старовойтова Е. О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской

ситуацию в стране и на планы экономического развития окраин и после 1906 г. (т.е. после появления Государственной думы) оставалось определяющим⁸². В годы Первой мировой войны правительство, а затем и промышленники центральных губерний испытали колоссальное давление со стороны дальневосточных предпринимателей, японских и китайских конкурентов в Маньчжурии, американских — на Дальнем Востоке России. Масштабная земская реформа для Сибири, которая могла бы экономически и политически консолидировать активную общественность за Уралом, по ряду причин не получила поддержки в III и IV Думах⁸³.

Историографическое изучение публикаций англоязычных российских авторов, в той или иной степени освещавших процесс проведения «хозяйственной модернизации» на окраинах Российской империи в период правления Николая II⁸⁴, дает основание утверждать, что зарубежные авторы используют «историографические технологии», не получившие широкого применения в отечественной историографии. Прежде всего, требуют дальнейшей историографической проработки научная правомерность и объективность введения в научный оборот отдельными англоязычными российскими авторами такого метода исследования, как «реконструированное проецирование», т.е. выяснение того, насколько в триедином сочетании анализируемые социальные, рационально-управленческие и регионально-ментальные процессы влияли на степень и скорость проведения на окраинах Российской империи хозяйственной модернизации, инициируемой и реализуемой из Запада (Центра) России в Сибирь, на Дальний Восток.

Конкретизация умозаключений англоязычных авторов, которые сконцентрировались на исследовании трансформационных хозяйственных процессов, происходивших на окраинах Российской империи в период царствования Николая II, свидетельствует о том,

войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. 2017. Т. 8, № 3. С. 583–597.

⁸² См. об этом: *Florinsky M. F., Yanchenko D. G.* The Finance of Russia and Extraordinary Powers of the Government in 1906–1914 // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 42 (4). С. 1328–1336.

⁸³ См. подробнее: *Янченко Д. Г.* Бюджет и финансы в Государственной думе 1907–1912 гг.: от Балтики до Дальнего Востока. СПб., 2015.

⁸⁴ См., напр.: *Hoch S.* Essays in Russian Social and Economic History. Academic Studies Press, 2015; *Gatrell P.* Russia's First World War: a Social and Economic History. Hoboken, 2014; *Hartley J.* Siberia: a history of the people. New Haven, 2014.

что они придерживаются тезиса о «верхушечном» (реализуемом сверху) хозяйственном (модернизационного типа) перестроении многополюсной экономической реальности, сложившейся на местах.

В плане историографического осмысления полученных результатов можно сделать вывод о том, что методологическое видение англоязычными русистами такого сложного процесса, как хозяйственная модернизация Российской империи 1881–1917 гг. вытекает из принципа преимущественно прямой деятельности инновационных управленцев. В подобных расчетах не учитываются сложившиеся и укоренившиеся культурные правила инновационного развития, нацеливавшие население на модернизацию экономической жизни всей страны.

Анализ ряда англоязычных работ⁸⁵ приводит к выводу о том, что зарубежная англоязычная историография, обращаясь к сюжетам о реализации экономической политики времен Николая II на окраинах Российской империи (Сибирь, Дальний Восток), акцентирует внимание на «мрачной пустоши», ставшей местом прибежища ссыльных, вынужденно переселившихся из Центра, авантюристов и малочисленных коренных жителей. Выдвигается идея, согласно которой окраины Российской империи (Сибирь, Дальний Восток) — это «земля необетованная», что в совокупности предопределило в России (в отличие, например, от Западной Европы) ручное управление хозяйственной модернизацией, осуществляемой монархической властью на далекой периферии.

Конфликты начала XX в. в Закавказье и российском Туркестане показали, что национальная рознь страшнее социальной. В Средней Азии акценты правительственной политики сместились в сторону противодействия исламскому фактору. Идеологические и экономические противоречия сыграли роль катализатора общей напряженности в крае к 1916 г. Среднеазиатское восстание 1916 г. рассматривается в отдельной группе работ. Национальная историография постсоветских стран дрейфует в сторону синтеза коммунистических оценок «колониального прошлого» с этноцентристской трактовкой

⁸⁵ Barnett V. The revolutionary Russian economy, 1890–1940: ideas, debates and alternatives. London; New York, 2004; Forsyth J. A history of the peoples of Siberia: Russia's north Asian colony, 1581–1990. Cambridge; New York, 1992; Wood A. Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. London; New York, 2011.

конфликта русских и кочевников (вплоть до конструирования мифа о геноциде)⁸⁶. Среди отвечающих критериям научности новаций последних лет нужно отметить расширение хронологических рамок восстания, уточнение людских потерь, публикацию новых данных об иностранном вмешательстве⁸⁷. В 2000-е годы опубликовано немало исследований по данной проблеме. Д. М. Усманова внесла весомый вклад в изучение мусульманской фракции Думы⁸⁸, а благодаря усилиям Т. В. Котюковой⁸⁹ сложилась группа исследователей восстания 1916 г. из бывших союзных республик. В подготовленной ими коллективной монографии изучены различные аспекты тех трагических событий в широком географическом контексте, не ограничивающемся Туркестанским и Степным генерал-губернаторствами. В перечисленных работах обобщены данные о ситуации в других регионах Азиатской России, на которые распространялись мобилизационные планы русского правительства в 1916 г.⁹⁰

Т. В. Котюкова исследовала в традиционном национально ориентированном ключе думскую политику, связанную с Туркестаном, отношение Думы к переселенческому вопросу. Историк обращает внимание на борьбу жителей Туркестана за свои права, в первую очередь избирательные, отмечая, что их отсутствие негативно влияло на качество решений имперского центра, в том числе по экономическим вопросам. Она констатирует такой принцип переселен-

⁸⁶ См. об этом: *Бедельбаев А. Б.* Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати 1991 г. // *Вестник Кыргызско-Российского славянского университета.* 2016. Т. 16, № 1. С. 201–205; *Какеев А. Ч.* Восстание 1916 г.: к проблеме историографии и источниковедения // Там же. 2015. Т. 15, № 5. С. 200–206.

⁸⁷ См. обзорный материал: *Галиева З.* Восстание 1916 г. в Кыргызстане и Центральной Азии: новые подходы и интерпретации // *Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»:* сб. ст. Бишкек, 2017. С. 33–40.

⁸⁸ *Усманова Д. М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005.

⁸⁹ *Котюкова Т. В.:* 1) Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // *Обозреватель-Observer.* 2011. № 8. С. 98–126; 2) «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // *Вопросы истории.* 2010. № 9. С. 97–112; 3) *Окраина на особом положении: Туркестан в преддверии драмы.* М., 2016.

⁹⁰ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): [колл. монография] / [ред.-сост. Т. В. Котюкова]. М., 2017.

ческой политики царизма, как решение земельных проблем одной категории населения (переселенцев) за счет другой (коренного населения), что затрагивало их экономические и социальные интересы. Насильственный захват земель принимал угрожающий характер, а вопрос поземельного устройства коренного населения так и не был решен. На примере Туркестана Т. В. Котюкова описывает системный кризис российской этнорегиональной политики. Дума, согласно ее выводу, поддерживала проводимый царизмом великодержавный курс экономического господства, узаконивавший ограбление коренных народов и провоцировавший национально-освободительную борьбу. Также Т. В. Котюкова подчеркивает наличие противоречий между официальным Петербургом и местной колониальной администрацией⁹¹.

Сегодня на повестку дня вновь поставлен активно дебатировавшийся до революции вопрос о «цене» Туркестана для империи и о повышении доходности данного региона. Актуальность этого вопроса до революции означала, что российское общество рассматривало территориальное расширение как альтернативу сосредоточению ресурсов для индустриализации и социальной модернизации. Империя не успевала «переваривать» ресурсы новых территорий, которые потенциально могли служить резервом развития. С. Н. Абашин обращает внимание на существовавшие до революции 1917 г. представления, будто окраины обеспечиваются за счет недостаточного финансирования центральных районов страны, хотя с 1906 г. доходы казны от Туркестана стали превышать расходы⁹². Е. А. Правилова приходит к выводу, что геополитические интересы всегда имели приоритет над экономической рациональностью, а долговременная убыточность регионов, в том числе Туркестана,

⁹¹ Котюкова Т. В.: 1) Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М., 2008. С. 152–153; 2) Отношение Государственной думы к переселенческой политике царизма в Туркестанском крае // *Общественные науки в Узбекистане*. 1999. № 3–4. С. 46–49; 3) Свет и тени русской колонизации: отношение Государственной думы к переселенческой политике в Туркестане // *Этнические проблемы в современной России: сб. докладов*. М., 2007. С. 89–94; 4) Проблемы Туркестана в центральных законодательных органах Российской империи (1905–1917 гг.): дис. канд. ист. наук. Ташкент, 2001.

⁹² Абашин С. Н. Социально-экономическое и демографическое развитие Центральной Азии в составе Российской империи // *Центральная Азия в составе Российской империи* / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. СПб., 2008. С. 137–138.

была связана в первую очередь со значительными военными расходами и неразвитостью налогообложения, что происходило из-за асимметричности экономического развития, неравенства ресурсного потенциала и других особенностей окраин. Исследователь полагает, что подсчитать все выгоды от приобретения Туркестана невозможно, и регион мог бы приносить больший доход, если бы империя активнее занялась развитием его хозяйства⁹³. Задачу всесторонней оценки доходности Средней Азии для империи пока нельзя считать решенной.

Е. А. Правилова изучила планы и конкретные проекты орошения Туркестана, рассматривая это как попытки проводить «иригационный» империализм, осуществляя символическую «цивилизаторскую» миссию, укреплявшую авторитет имперской власти. Представление в имперских кругах о связи власти и проблемы орошения региона оставалось поверхностным, вопрос ирригации рассматривался не как основа социальных отношений в обществе, а лишь как легитимация господства. Попытка регламентировать водопользование и через это построить систему управления на местах по русскому образцу (на основе земельной общины) была предпринята лишь в самом конце имперского правления — при принятии закона о водопользовании в 1916 г.⁹⁴

Туркестан как окраину российского империализма историки сравнивают с Британской Индией. Востоковед К. А. Фурсов, изучив экономическую политику колониальных держав в Туркестане и Индии с использованием мир-системного подхода, приходит к выводу о том, что и Российская, и Британская империи выступали во второй половине XIX — начале XX в. агентами распространения капитализма в периферийных зонах мировой капиталистической системы. В своих главных колониях — Туркестане и Индии — они не только развивали новый уклад, но и приспособляли к своим нуждам старые формы эксплуатации, например в хлопководстве. Как полагает К. А. Фурсов, степень трансформации капитализмом экономик Туркестана и Индии не следует завышать, процесс происходил очень медленно и неравномерно. В экономической политике двух империй

⁹³ Правилова Е. А. «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX–XX века // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 115–143.

⁹⁴ Правилова Е. А. Река империи. Амударья в геополитических и ирригационных проектах второй половины XIX века // *Азиатская Россия: люди и структуры империи* / под ред. Н. Г. Суворовой. Омск, 2005. С. 453–455.

в Туркестане и Индии исследователь находит две стороны: признавая негативную роль явления, названного в советской историографии «колониальным грабежом», он выделяет и положительные эффекты, например рост экспорта, немалые вложения в новые экономические проекты, внедрение технологий, средств сообщения⁹⁵. К. А. Фурсов считает, что приоритетной целью экспансии России и Британии в Центральной Азии следует считать геополитическую, но признает, что роль экономических соображений недооценивается. По его мнению, можно говорить о диалектическом единстве целей экспансии: две категории целей работали в общем направлении, усиливая одна другую, так как в конечном счете геополитика означает стремление к экономическому освоению территорий вслед за установлением военно-политического контроля⁹⁶.

Западную историографию вопроса, во многом в духе времени, характеризуют догматизм, влияние идеологических реликтов вроде концепта тюркизма, а также вторичность в источниковедческом отношении⁹⁷, в том числе в переизданиях⁹⁸. Тем не менее работа А. Каппелера сыграла значимую роль в осмыслении истории России как империи в 1990-е годы. Его взгляды на проблемы среднеазиатской окраины были консервативны, в частности, он говорил о колониальном характере российской экономической политики, приспособлявшей регион к хозяйственным потребностям метрополии, насаждавшей монокультуру хлопка. По его оценке, такая политика «заложила основы... тяжелых хозяйственных и экологи-

⁹⁵ Фурсов К. А.: 1) Две империи. Экономическая политика колониальных держав в Русском Туркестане и Британской Индии во второй половине XIX — начале XX в. (научный доклад). М.: Ин-т экономики РАН, 2009; 2) Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 6. С. 28–44.

⁹⁶ Фурсов К. А. Геополитика или экономика? Соотношение целей англо-русской экспансии в Центральной Азии в XIX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 1. С. 6–28.

⁹⁷ См., напр.: Моррисон А. Беженцы, реабилитация и «революционное» насилие после восстания 1916 года // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: сб. ст. Бишкек, 2017. С. 144–154; Central Asia. 130 years of Russian Dominance. A historical overview / ed. by E. A. Allworth. London, 1994.

⁹⁸ См., напр.: Sokol E. D. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia / Foreword by S. Frederick Starr. Baltimore, 2016.

ческих проблем»⁹⁹. Б. Пенати обращает внимание, что бурное развитие хлопкового дела в Туркестане во многом было обусловлено не усилиями имперского центра, основным вкладом которого были налоговые льготы, а инициативой тысяч местных хозяйствующих субъектов Туркестана — крестьян, купцов, предпринимателей. По мнению Б. Пенати, инвестиции государства в ирригацию были произведены слишком поздно и оказались слишком неэффективными, а четко осознанной и согласованной политики по этому вопросу центральная власть не имела¹⁰⁰.

Историк А. Моррисон сопоставил российское правление в Самарканде с британским в Индии, сделав вывод, что России не хватало финансовых ресурсов для модернизации региона, царизм был не способен сбалансировать бюджет, неэффективен в проведении модернизационной политики в Туркестане. По мнению А. Моррисона, нехватка капиталов и образованных кадров делала систему русского управления в Самарканде куда менее эффективной, но гораздо более человечной, чем то, что появилось после 1917 г.¹⁰¹ Исследователи изучают переселенческий¹⁰² и хлопковый вопросы, тесно связанные с проблемой ирригации. А. Моррисон подчеркивает, что в условиях конкуренции за ресурсы с местным населением у переселенцев формировалось представление о своей привилегированности. По мнению ученого, это порождало насилие и конфликты в неменьшей

⁹⁹ Канпелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 148.

¹⁰⁰ Penati B. The cotton Boom and the Land Tax in Russian Turkestan (1880s — 1915) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2013. Vol. 14, no. 4. P. 741–774. — См. также: Peterson M. Technologies of Rule: Empire, Water, and the Modernization of Central Asia, 1867–1941. PhD diss. Harvard University, 2011; Томпсон С. Реакция империи на дефицит хлопка: развитие российской ирригационной системы в Средней Азии в свете опыта Британской империи // *Российская текстильная промышленность. Технологический трансферт, сырье, финансы*. СПб., 2006. С. 82–102; Беляев С. Г. Русско-Азиатский банк и хлопковая промышленность России в начале XX в. // Там же. С. 116–125.

¹⁰¹ Morrison A. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910. A comparison with British India. New York, 2008. — См. также: Morrison A. Russian Rule in Turkestan and the Example of British India // *The Slavonic and East European Review*. 2006. Vol. 84, no. 4. P. 666–707.

¹⁰² См., напр.: Бартенева И. А. Переселенческое движение в Кыргызстан во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2010; Каниметов А. К. Земельный вопрос в Пишпекском и Пржевальском уездах Семиреченской области в конце XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2003.

степени, чем расовая иерархия в англоязычных переселенческих обществах¹⁰³. В области железнодорожной политики исследуются разрабатывавшиеся в XIX — начале XX в. проекты соединения железнодорожных сетей России и Индии, чему мешало обостренное соперничество России и Англии¹⁰⁴.

В современных российских исторических работах проблематика экономической политики центра остается на втором плане. Большинство исследователей не считают решающими экономические мотивы России в обладании среднеазиатской окраиной, ставя на первый план геополитическое соперничество с Англией. Как справедливо отмечает С.Н.Абашин, «лишь на самом закате империи власть стала более целенаправленно формулировать и рационализировать экономические задачи»¹⁰⁵. По его мнению, только в 1910-е годы была осознана идея, что задачи империи необходимо переформулировать с точки зрения превращения Туркестана в экономический придаток метрополии. Именно этот период остается самым неизученным. С. Н. Абашин полагает, что применительно к Туркестану можно говорить «скорее о концептуальном экономическом колониализме, который лишь частично был реализован на практике»¹⁰⁶. В целом нынешние исследователи среднеазиатской экономики обращают мало внимания на изучение экономической политики метрополии — одного из многих факторов хозяйственного развития и трансформации региона.

В современной российской историографии, посвященной освоению Средней Азии, существует тенденция к подчеркиванию позитивной, цивилизаторской роли метрополии, затушевыванию противоречий, выявлению положительных отличий от колониальной

¹⁰³ Morrison A.: 1) "Sowing the Seed of National Strife in this Alien Region": The Palen Report and Pereselenie in Turkestan, 1908–1910 // *Acta Slavica Iaponica*. 2012. No. 31. P.1–29; 2) Peasant settlers and the "civilizing mission" in Russian Turkestan, 1865–1917 // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2015. Vol.43, no. 3. P.387–417.

¹⁰⁴ См. об этом: Литвинов П. П. Британская Индия и русский Туркестан во второй половине XIX — начале XX в. // *Россия — Индия. Перспективы регионального сотрудничества* (Липецкая область). М., 2000. С.98–111; Симонов К. В. Проблема соединения железнодорожных сетей России и Индии (середина XIX — начало XX века) // Там же. С.58–66.

¹⁰⁵ Абашин С. Н. Социально-экономическое и демографическое развитие... С.133.

¹⁰⁶ Там же. С.151.

политики Запада. Как отмечает Е. А. Глущенко, именно в пять предреволюционных десятилетий было заложено основание новой среднеазиатской экономики и культуры, перед регионом, задержавшимся в средневековье, открылись новые разнообразные возможности. По мнению исследователей, «колониального грабежа» не было, так как для колонизаторов он был нерационален и нерентабелен, наоборот, в колонию вкладывались капиталы¹⁰⁷.

В противовес такой точке зрения историки бывших советских республик и некоторые западные исследователи большее внимание уделяют элементам национализма, подчинения и национального превосходства, дихотомии «подавления — сопротивления» при проведении империей экономической политики в Туркестане, концепции «колониального ограбления», эксплуатации ресурсов¹⁰⁸. Историки экс-республик СССР опираются в основном на местные архивы, центральные почти не исследованы. Как отмечают авторы «Очерков по истории государственности Узбекистана», колониальная система власти лишила народ национальной государственности, отрезав от «путей самостоятельного участия в общецивилизационных процессах развития»¹⁰⁹.

Противоречивость в экономической политике центра фиксирует Н. А. Абдурахимова: власти, с одной стороны, поддерживали промышленность и национальную буржуазию, с другой — затрудняли капиталистическую эволюцию на среднеазиатской окраине, сохраняя военно-административную систему управления, феодальные

¹⁰⁷ Глущенко Е. А.: 1) Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001; 2) Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010. С. 176; Некрасов О. В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX — начало XX в. М., 2017.

¹⁰⁸ См., напр.: Очерки по истории государственности Узбекистана / отв. ред.: Д. А. Алимова, Э. В. Ртвеладзе. Ташкент, 2001; Малтусынов С. Н. От переселения к заселению окраин (вопросы колонизации Степных областей и Туркестана в Третьей Государственной думе) // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: материалы международной конференции, Казань, 11–13 мая 2006 г. / редкол.: Г. П. Мягков, Р. А. Циунчук (отв. ред.) и др. М., 2007. С. 443–449; Ахмеджанов Г. А. Российская империя в Центральной Азии (история и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент, 1995; Исабаева Н. А. Аграрная политика Российской империи в Северном Кыргызстане во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2007.

¹⁰⁹ Очерки по истории государственности Узбекистана. С. 139–140.

пережитки, превращая Туркестан в аграрный придаток и поставщика сырья¹¹⁰.

Среди работ по экономической политике России в Туркестане нужно выделить диссертацию Б. А. Алимджанова, в которой он исследует финансовую, промышленную, аграрную и таможенную политику российских властей в Средней Азии со второй половины XIX в. до революции 1917 г. Заслугой исследователя следует признать обработку огромного массива фактологического материала, комплексный подход и учет контекста пребывания Туркестана в империи. Историк в большей степени опирается на материалы архива в Узбекистане и местную периодику, что приводит к акцентированию внимания на политике туркестанской администрации, а не центральных властей. Хорошо исследованы ранние этапы имперского управления Туркестаном. Б. А. Алимджанов в целом критически оценивает «модернизационные» проекты властей в отношении окраины, однако его оценки неоднозначны. По мнению исследователя, споры между местной администрацией и центром о необходимых преобразованиях вели в итоге к укреплению сторонников «пассивной» политики и откладыванию планов модернизации Туркестана на далекое будущее. Тем не менее Б. А. Алимджанов полагает, что империя нашла приемлемые решения по экономическому развитию края, «туркестанская модель» оправдала надежды метрополии и укрепила Российскую империю¹¹¹.

С 1906 г. на окраинах России перед губернскими администрациями ставилась задача продвижения не только «благонадежных», но и работоспособных, образованных и экономически состоятельных кандидатов в законодательную власть — Государственную думу. Задача не была решена, что привело к непрогнозируемым властью изначально политическим результатам¹¹². Из новейших работ

¹¹⁰ Абдурахимова Н. А. Становление и особенности экономической политики России в Туркестане во второй половине XIX — начале XX вв. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2008. № 1–4. С. 88; Абдурахимова Н. А., Рустамова Г. К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX — первой четверти XX в. Ташкент, 1999.

¹¹¹ Алимджанов Б. А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX — начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.

¹¹² См. об этом: Янченко Д. Г., Андреев А. А., Шорохов В. А. Выборы депутатов — «инородцев» от Средней Азии в Первую и Вторую Думы // КЛИО. 2017. № 12. С. 83–95.

о Средней Азии отметим монографии О.Д. Тальской об идеологии российской колонизационной политики и роли средств массовой информации в ее продвижении¹¹³, Т.М. Китаниной о внедрении российского капитала в экономику Средней Азии на примере инвестиций финансово-промышленной группы Путилова — Стахеева — Батолина в железнодорожное строительство¹¹⁴, некоторые материалы в сборнике «Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.», касающиеся вопросов имперской социально-экономической модернизации региона¹¹⁵.

История Закавказья дает пример наиболее успешных действий русской администрации в годы Революции 1905–1907 гг. Сложно представить серьезное исследование этого периода без характеристики деятельности И.И. Воронцова-Дашкова — наместника на Кавказе в 1905–1916 гг. (работы Д.И. Исмаил-Заде)¹¹⁶. Политика И.И. Воронцова-Дашкова по «усмирению» социальных и этнических конфликтов в регионе с опорой на военные части и компромиссы с элитами учитывала в том числе экономические интересы местного населения и именно поэтому к 1907 г. дала нужные власти результаты. Вопросы взаимодействия имперских властей и местных сообществ в Закавказье рассматривались как в коллективных трудах¹¹⁷, так и в отдельных работах Д.Ю. Арапова¹¹⁸. Среди историков, внесших весомый вклад в исследование вопросов управления

¹¹³ Тальская О.Д. Россия в Средней Азии. М., 2018.

¹¹⁴ Китанина Т.М. Проникновение крупного российского финансового капитала в экономику Средней Азии в конце XIX — начале XX в. (Финансово-промышленная группа А.И. Путилова и железнодорожное строительство). СПб., 2019.

¹¹⁵ Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: сб. науч. трудов международного семинара. М., 2019.

¹¹⁶ Исмаил-Заде Д.И.: 1) И.И. Воронцов-Дашков — администратор, реформатор. СПб.: Нестор-история, 2008; 2) И.И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник. М., 2005.

¹¹⁷ Северный Кавказ в составе Российской империи / под ред. В.О. Бобровникова, И.Л. Бабич. М., 2007.

¹¹⁸ Арапов Д.Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 132–137; Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и введ. коммент. Д.Ю. Арапов; отв. ред. А.М. Васильев. М., 2001.

Кавказом и показавших, как Российская империя стремилась окончательно решить проблему интеграции региона в общегосударственное политико-правовое пространство, следует выделить М. Ф. Флоринского¹¹⁹ и А. Т. Урушадзе¹²⁰.

Без сомнения, идеология составляла предмет особой заботы российских администраторов. Однако в советской и западной социальной истории этнические и конфессиональные аспекты российских революций были надолго заслонены классовым подходом¹²¹. При этом заметим, что Грузинская православная церковь и состоятельное грузинское дворянство в начале XX в. оставались достаточно надежной опорой русской власти на Кавказе. Причины такого положения вещей кроются в особом правовом статусе грузинской знати, закреплённом в русском законодательстве, и в ее экономическом влиянии. Приниженное экономическое положение Армянской церкви на волне правительственной реакции на революцию мало изменилось из-за противодействия П. А. Столыпина. Конфликт до определенной степени был погашен благодаря авторитету и влиянию кавказского наместника в Петербурге¹²².

При изучении экономической политики, проводившейся российским правительством на Кавказе, большое значение имеет коллективная монография «Северный Кавказ в составе Российской империи», выпущенная под редакцией В. О. Бобровникова и И. Л. Бабич¹²³, где рассматривается политика имперского центра по отношению окраинам России. Большинство сюжетов данной работы касаются законодательной, миграционной, земельной, обра-

¹¹⁹ Флоринский М. Ф. Центральная власть и Кавказская администрация в системе управления Российской империи // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 380–411.

¹²⁰ Урушадзе А. Т.: 1) Кавказ в конце XIX — начале XX в.: проблемы управления и модернизации на южной окраине Российской империи // *Quaestio Rossica*. 2015. № 2. С. 144–157; 2) «Мнимая юстиция»: горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования Кавказского края в материалах ревизии Н. М. Рейнке // *Новейшая история России*. 2019. Т. 9, № 4. С. 914–927.

¹²¹ См. об этом: Эткинд А. Внутренняя колонизация. С. 9–10.

¹²² См. об этом: *Yanchenko D. G., Shorokhov V. A. The Caucasian Policy of the Imperial Power Branches during the First Russian Revolution* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2017. № 4 (62). С. 674–692.

¹²³ Северный Кавказ в составе Российской империи / ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М., 2007.

зательной, административно-политической, конфессиональной и этнической политики в периферийных регионах, однако определенное внимание уделено и экономическим вопросам. Авторы также анализируют дотационный характер экономики окраин.

Нельзя не отметить и западные публикации, акцент в которых сделан на национальной проблематике Закавказья в 1905–1907 гг.¹²⁴ Правда, экономические вопросы рассматриваются в них в качестве дополнения к основной теме исследований. Среди зарубежных трудов упомянем работу А. Каппелера¹²⁵.

На наш взгляд, приоритетами для российской власти на Кавказе оставались подавление и предотвращение рабочих волнений в крупных городах и промышленных центрах наместничества. Аппарат наместника и Совет министров были вовлечены в разработку управленческих решений по укреплению административной, полицейской и судебной отрасли в крае, а также безопасности торгово-промышленной деятельности¹²⁶. В этом смысле идеология российского консерватизма и правящей элиты была определена еще в начале царствования Николая II¹²⁷. В последнее время значительно возрос интерес российских ученых к истории нефтедобычи — основы кавказской экономики¹²⁸. Большой интерес при изучении истории российских нефтепромыслов, располагавшихся на окраинах империи, представляет специальный выпуск «Экономического обозрения», издающегося под редакцией известного исследователя экономической истории России Л. И. Бородкина¹²⁹. Среди статей, вошедших в сборник, особенно важными в рамках изучения

¹²⁴ См., напр.: *Sargent L.* The “Armeno-Tatar War” In the South Caucasus, 1905–1906: Multiple Causes, Interpreted Meanings // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 143–169.

¹²⁵ *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология* / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 395–435.

¹²⁶ См. об этом: *Yanchenko D. G., Shorokhov V. A.* The Caucasian Policy...

¹²⁷ См. об этом: *Котов А. Э.* Экономическая политика в Кавказском регионе, Сибири и Средней Азии глазами русских консерваторов: 1894–1899 гг. // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 16–20.

¹²⁸ См., напр.: *Степанов В. Л.* Нефтяная политика С. Ю. Витте в Закавказье (1892–1903 гг.) // *Вопросы теоретической экономики*. 2018. № 2. С. 136–145.

¹²⁹ *Экономическая история. Обозрение*. Вып. 10 / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2005.

экономической политики на окраинах Российской империи являются публикации В. Н. Косторниченко¹³⁰ и М. В. Славкиной¹³¹.

А. А. Иванов изучает вопрос об отношении русских консервативных (правых) публицистов к экономической ситуации, сложившейся на Кавказе и в Закавказье во время царствования императора Николая II¹³². Новизна его исследования заключается в том, что экономическое развитие региона впервые рассматривается через призму взглядов деятелей русского правого движения, всегда относившихся с повышенным вниманием к этой окраине Российской империи. В статье всесторонне проанализированы получившие широкое распространение представления правых о влиянии национально-религиозного фактора на экономическую ситуацию на Кавказе. Показано, что консервативные круги придавали огромное значение именно экономическому положению русских поселенцев и мерам по поднятию их численности и благосостояния. В публикации А. А. Иванова уделено внимание взглядам консервативных кругов на господство иностранных компаний в нефтяной промышленности региона.

В изучаемый период в экономической сфере наиболее ярко обособились неоднозначные последствия того курса, за который славянофилы, «катковцы» и иные представители «русского направления» боролись в 1860–1870-е годы и который воплотился в «народном самодержавии» Александра III: культурной и экономической русификации окраин, распространении «русского землевладения» на западе империи и активной колонизации ее востока. Осмысление данного опыта не могло не оказать влияния на окраинную политику правительства в начале XX столетия. Это влияние лишь косвенно затронуто в историографии, в последние годы вполне успешно разрабатывавшей вопросы истории управления Кавказом, Сибирью

¹³⁰ Косторниченко В. Н.: 1) Иностранный капитал в нефтяной промышленности дореволюционной России: к разработке периодизации процесса // Экономическая история. Обзорение. Вып. 10. М., 2005. С. 46–68; 2) К вопросу о национализации отечественной нефтяной промышленности в 1918 г. // Там же. С. 80–101.

¹³¹ Славкина М. В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обзорение. Вып. 10. М., 2005. С. 146–163.

¹³² Иванов А. А. Экономическая политика в Кавказском регионе... С. 124–142.

и азиатскими владениями Российской империи, их экономического и культурного развития в рамках русского мира.

Из общих работ, посвященных русским консерваторам, упомянем монографию А. В. Репникова. Анализируя социально-экономические воззрения консервативной части общества, он обращается к наследию С. Ф. Шарапова, М. О. Меншикова и Л. А. Тихомирова. По справедливому замечанию А. В. Репникова, «в критике “язв капитализма” правые иногда были единодушны с левыми», признавая неразрешимость многих коренных проблем той поры без «потрясения основ»¹³³.

Экономическая политика на окраинах империи рассматривалась влиятельными консервативными кругами русской политической элиты прежде всего с позиций национализма, а их экономические представления были подчинены идеологическим установкам. Оказавшись в правой оппозиции к национальной и экономической политике российских властей, консерваторы не смогли предложить детально проработанных альтернативных программ, способных изменить ситуацию согласно их представлениям о благе периферийных регионов. Взгляды русских консерваторов на экономическую политику правительства на имперских окраинах затрагивались в историографии лишь эпизодически. Западные же окраины в данном контексте еще не были предметом специального исследования.

Признанным специалистом в области истории русификации западных окраин Российской империи был американец Эдвард Таден. Его перу принадлежит широко известная монография «Conservative Nationalism in Nineteenth-century Russia»¹³⁴, также он являлся редактором сборника «Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914»¹³⁵. Западные окраины России рассматривались в специальных работах А. Миллера¹³⁶ и М. Долбилова¹³⁷, о Царстве Польском

¹³³ Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014. С. 358.

¹³⁴ Thaden E. C. Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle, 1964.

¹³⁵ Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / ed. by E. Taden. New Jersey, 1981.

¹³⁶ Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.

¹³⁷ Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2007.

писал Л. Е. Горизонтов¹³⁸. Из обобщающих исследований по национальной политике отметим работу И. В. Бельской¹³⁹.

Изучая историю прибалтийских губерний, нельзя не обратиться к работам Т. Карьяхарма. Благодаря его трудам в научный оборот введен комплекс источников по истории революционного движения в Прибалтике. Опубликованные документы убедительно показывали, что всплеск насилия в годы Первой русской революции был связан, как и в русских губерниях, с экономическим угнетением местного населения¹⁴⁰. Одна из последних работ о преобразованиях в Прибалтике начала XX в. посвящена планировавшимся в годы Первой мировой войны реформам местного управления¹⁴¹. Н. С. Андреевой проделана огромная работа, а ее монография¹⁴², статьи¹⁴³ и упомянутая докторская диссертация надолго сняли вопросы о статусе и перспективах этой окраины Российской империи в начале XX в., о формах организации немцев и немецкого дворянства.

Представляется, что механизмы и ход процесса избрания в Государственную думу в прибалтийских губерниях уже в годы Первой русской революции модерировались из Петербурга и находились под жестким контролем Министерства внутренних дел (далее — МВД). В ряде статей петербургских историков — А. А. Иванова, А. Э. Котова, М. Ф. Флоринского, Д. Г. Янченко — история политики имперских властей в регионах, в том числе в экономической сфере, исследуется с этих ракурсов.

¹³⁸ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999.

¹³⁹ Бельская И. В. Национальный вопрос в Государственной думе Российской империи, 1906–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

¹⁴⁰ Карьяхарм Т. Попытки реформ местного управления в Прибалтике в 1914–1916 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924) / редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.), А. А. Комаров, М. Л. Коробочкин, Е. Л. Назарова (ред.-сост.). М., 2002. С. 48–59.

¹⁴¹ Андреева Н. С. «Остзейский вопрос» в политике Российской империи (1990 — февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010.

¹⁴² Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008.

¹⁴³ Андреева Н. С.: 1) Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 44–61; 2) Прибалтийско-немецкое дворянство и политика российского правительства в начале XX в. // Там же. 2008. № 1. С. 103–111.

Значимое событие последних лет — выход сборника статей «Города империи в годы Великой войны и революции»¹⁴⁴. Его авторы и составители попытались проследить политическую и социальную трансформацию городов, преимущественно окраин Российской империи. Городское самоуправление и муниципальное хозяйство — лишь одна из множества проблем, рассматриваемых как часть общей тематики города. Сборник выводит изучение данной темы на более высокий уровень, объединяет и суммирует фактический материал, накопленный в регионах, новые ракурсы, открывающиеся с региональной точки зрения, предлагает варианты концептуально-го осмысления.

За последние два десятилетия вышел ряд англоязычных работ по интересующей нас тематике: Роберта Гераси (проблема «инородцев», национальных меньшинств и влияния русской культуры)¹⁴⁵, Теодора Вика (национальная политика в поздней Российской империи, Польша и Западный край)¹⁴⁶, Уэйна Доулера (политика правительства и церкви в вопросах просвещения разных народов империи)¹⁴⁷, Питера Холквиста (case studies, региональная история в контексте мобилизации и боевых действий)¹⁴⁸, Джошуа Сэнборна (распад империи в контексте «феномена деколонизации», перемещение населения в годы Первой мировой войны)¹⁴⁹ и коллективные работы зарубежных и российских историков¹⁵⁰.

Интерес к окраинам Российской империи сегодня во многом обусловлен актуальностью опыта «имперской модели» государственного строительства, благодаря которой стране на протяжении

¹⁴⁴ Города империи в годы Великой войны и революции / ред. А. Миллер, Д. Черный. СПб., 2017.

¹⁴⁵ Geraci R. P. Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca; London, 2001.

¹⁴⁶ Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western Frontier: 1863–1914. Northern Illinois University Press, 1996.

¹⁴⁷ Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. McGill-Queen's University Press, 2001.

¹⁴⁸ Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge; London, 2002.

¹⁴⁹ Sanborn J. Imperial apocalypse: The Great War and the destruction of the Russian empire. New York; Oxford, 2014.

¹⁵⁰ Nationalizing Empires / eds A. Miller, S. Berger. Budapest; New York, 2015; Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / eds J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington; Indianapolis, 2007.

нескольких столетий удавалось находить и поддерживать баланс между различными евразийскими народами. Яркий пример подобного интереса — переиздание в 2013 г. «Истории формирования Российской империи» Б.Э.Нольде¹⁵¹. Данная работа является, с одной стороны, фундаментальным, выполненным в лучших традициях русской дореволюционной историографии научным исследованием, с другой — своеобразным источником по истории общественной мысли, отразившим эволюцию воззрений оппонентов русского политического национализма.

Анализ историографии свидетельствует как о серьезных достижениях в изучении проблемы экономических взаимоотношений центра и регионов, так и о недостаточной изученности конкретных вопросов планирования, конструирования и реализации экономической политики центра в отношении окраин в 1894–1917 гг. Преобладающее число современных исследователей согласны с тем, что эта политика была противоречивой, нецелостной и запаздывающей. Актуален поиск ответа на вопросы, какими экономическими причинами и в какой степени был обусловлен курс центра в отношении регионов, в чем он выражался, как влиял на ирригацию, аграрный сектор, структуру общества, как менялась экономическая политика центра в отношении среднеазиатской окраины в период правления Николая II, в том числе после создания Государственной думы, насколько значим был фактор курса центральных властей на трансформацию экономики регионов, можно ли говорить об успешности решения экономических проблем региона в имперской парадигме. Также важно исследовать роль центральной власти в процессе накопления экономических и социальных противоречий в Туркестане, ярко проявившихся во время Первой мировой войны, восстания 1916 г. в Средней Азии, революции 1917 г. в России.

С началом советского периода развития исторической науки именно восстание в русском Туркестане 1916 г. и реакция на него Государственной думы оказались в центре внимания профессиональных исследователей, политиков и публицистов. Публикации середины 1920-х годов, приуроченные к десятилетию трагических событий, задавали отнюдь не беспристрастный тон обсуждения проблемы, трактуя ее в рамках колониального дискурса и марксист-

¹⁵¹ Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013.

ской парадигмы. Таковыми были работы Т.Р.Рыскулова¹⁵² (переизданные позже в независимой Киргизии¹⁵³), И. Чеканинского¹⁵⁴, Г.И.Бройдо¹⁵⁵, А.Шестакова¹⁵⁶, Ф.Божко и П.Г.Галузо¹⁵⁷, Б.Исакеева¹⁵⁸, публиковавшиеся и в регионах, и в столице. Восстание народов Туркестана рассматривалось как сугубо антиимпериалистическое и антикапиталистическое. Но, что еще важнее, конфликт оценивался либо как намеренно спровоцированный царской администрацией (Т.Р.Рыскулов, Г.И.Бройдо), либо как неизбежный с точки зрения законов классовой борьбы. Однозначно негативные оценки имперского управления, данные исследователями 1920–1930-х годов, во многом подготовили почву для политизации научной проблемы в постсоветской историографии.

В советской историографии разработка законодательства об управлении Туркестаном находилась на периферии интереса, в первую очередь изучались социально-экономические отношения в контексте становления капитализма и усиления классовой эксплуатации. Вопросы экономики дореволюционного Туркестана, конечно, интересовали историков и экономистов еще в 1920-е годы¹⁵⁹, в первую очередь отметим работы П.Г.Галузо¹⁶⁰ и В.Лаврентье-

¹⁵² Рыскулов Т. Р.: 1) Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году // Очерки революционного движения в Средней Азии: сб. ст. М., 1926. С. 46–122; 2) Из истории борьбы за освобождение Востока // Красный Восток. 1924. № 6. С. 270–274.

¹⁵³ Рыскулов Т. Р. Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек, 1991.

¹⁵⁴ Чеканинский И. Восстание киргиз-казахов и каракиргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле — сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кызыл-Орда, 1926.

¹⁵⁵ Бройдо Г. И. Восстание киргиз в 1916 г. М., 1925.

¹⁵⁶ Шестаков А. Восстание в Средней Азии в 1916 г. // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 84–114.

¹⁵⁷ Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. статей / П. Галузо, Ф. Божко; Среднеазиатский научно-исследовательский ин-т истории революции при Среднеазиатском ЦК ВКП(б) (САНИИР). М.; Ташкент, 1932.

¹⁵⁸ Исакеев Б. Киргизское восстание 1916 года. Фрунзе, 1932.

¹⁵⁹ Юфреву В. И. Хлопководство в Туркестане. Л., 1925; Силонов А. К. К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве Средней Азии. Ташкент, 1926; Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М., 1926; Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., 1930; Непомнин В. Я. К истории ирригации в Узбекистане. Ташкент, 1940.

¹⁶⁰ Галузо П. Г.: 1) Туркестан-колония. Ташкент, 1929; 2) Троцкистско-колониальная концепция истории Туркестана-колонии. М., 1933.

ева¹⁶¹: изучались проблемы ирригации, развития хлопководства, промышленности, банков, анализировалась природа российского капитализма в регионе. Советская историография акцентировала внимание на классовом антагонизме и эксплуатации местных и русских трудящихся со стороны бюрократии и буржуазии как из центра, так и местной, национальной. Дискуссии в имперской элите о правовых основах развития хозяйства края трактовались с позиций экономического детерминизма — как борьба феодально-помещичьих и буржуазных тенденций эксплуатации¹⁶².

Обсуждались следующие вопросы: торговый или промышленный капитализм начал эксплуатировать колонию, как сильно он повлиял на экономическое развитие региона, можно ли оценивать колониальное господство России как прогрессивное явление. П. Г. Галузо отмечал, что к революции 1917 г. туземная промышленная буржуазия оставалась в зародыше, а капиталы в промышленной форме в Туркестан почти не попадали. В то же время росла торгово-ростовщическая эксплуатация со стороны банков, русских хлопковых фирм и туземных баев, хлопководство было заведено этим в тупик и переживало скрытый кризис. Русских переселенцев П. Г. Галузо оценивает как эксплуататоров. По его мнению, русское колониальное господство становилось препятствием развитию капитализма, поэтому оценивается как явление негативное. Тех, кто был с этим не согласен, П. Г. Галузо называл «троцкистами», отстаивающими великодержавные шовинистические интересы¹⁶³. Напротив, В. Лаврентьев писал об «исторически прогрессивной» роли имперского господства в Средней Азии. Он считал, что Туркестан к 1917 г. превратился в колонию наиболее экономически передовой и агрессивной российской буржуазии, монополистического промышленного и финансового капитала; колонизация ускорила экономическое развитие края, капитализм дал толчок развитию производительных сил; однако особенностью ситуации было сочетание

¹⁶¹ Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии). Л., 1930.

¹⁶² См., напр.: Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX века до Первой мировой войны). Ташкент, 1959; Суворов В. А. Историко-экономический очерк развития Туркестана (по материалам ж.-д. строительства в 1880–1917 гг.). Ташкент, 1962.

¹⁶³ Галузо П. Г.: 1) Туркестан-колония. С. 72, 81; 2) Троцкистско-колонизаторская концепция истории Туркестана-колонии. С. 55.

капиталистической колониальной эксплуатации с сохранением до-капиталистической феодальной и родовой личной зависимости¹⁶⁴.

С 1950-х годов колониальное влияние России на Туркестан в большей степени начало осмысляться в прогрессивном ключе, но факт колониальной эксплуатации по-прежнему не отрицался, особенно в исследованиях среднеазиатских историков, перу которых принадлежат основные работы того времени. Как заявляет, например, А. М. Аминов, экономическая политика царского правительства была направлена на превращение Средней Азии в сырьевой придаток империи, в рынок сбыта промышленных товаров метрополии и в район колонизации. В итоге, по его мнению, такая политика потерпела провал из-за разорения самого значительного «класса» — мелких дехкан, а также терявшего земли кочевого и полукочевого населения, которое эксплуатировалось местным торгово-ростовщическим и русским промышленно-финансовым капиталом. А. М. Аминов полагает, что капитализм до революции так и не стал господствующей формой и не произвел коренных изменений — преобладали докапиталистические отношения, которые капитализм консервировал и использовал в своих интересах¹⁶⁵.

Помимо общей предвзятости, в силу идеологических ограничений советские историки затушевывали, оставляли без внимания многие аспекты сложной ситуации вокруг среднеазиатской окраины, которые не вписывались в общую схему; это касается в том числе формирования экономической политики центра. Тем не менее в тот период появились богатые фактурой конкретно-исторические исследования отдельных сфер экономики Средней Азии, в том числе первые зарубежные работы¹⁶⁶. Историки изучали развитие железнодорожного строительства, переселенческую политику, сельское хозяйство и орошение, экономику русских, казачьих и киргизских поселений¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане. С. 151–156.

¹⁶⁵ Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии. С. 275–281.

¹⁶⁶ См., напр.: Pierce R. A. Russian Central Asia, 1867–1917: a study in colonial rule. Berkeley, 1960; Demko G. J. The Russian colonization of Kazakhstan: 1896–1916. Bloomington, 1969; MacKenzie D. Turkestan's Significance to Russia (1850–1917) // Russian Review. 1974. Vol. 33, no. 2. P. 167–188.

¹⁶⁷ См., напр.: Аминов А. М., Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966; Вексельман М. И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1987; Вережанин П. Д. Переселенче-

Важность исследования того, как готовилась в начале XX в. реформа управления Туркестанским краем, была по-настоящему осознана лишь современными учеными. Однако они сосредоточились на административных вопросах, на организации управления и истории обсуждения нового проекта Положения об управлении краем в бюрократических инстанциях, не акцентируя внимание на хозяйственно-экономических аспектах, обозначенных лишь обзорно. Исследователи констатировали тенденцию к интеграции управления с остальной Россией, что не соответствовало менталитету коренного населения, и отметили промедление с принятием важных для края законов из-за нехватки информации и отсутствия консенсуса элит. Б. А. Алимджанов объясняет это тем, что существовавшее положение устраивало власти, которые сдерживали экономическое развитие края, не желая модернизации торговли и производства «снизу»¹⁶⁸.

Часть российских и зарубежных исследователей стремится по-новому осмыслить проблематику и отказаться от оценок в русле «национального нарратива» и «имперской» версии русской истории. К этому призывает, например, известный исследователь империй и национализма А. Миллер¹⁶⁹. Экономическая политика изучается сквозь призму соответствия имперской модели управления¹⁷⁰, существовавшей в России и к началу XX в. исчерпавшей (или не исчерпавшей) свои ресурсы и возможности эффективного развития. Историки пытаются уйти от современной негативной коннотации понятия «империя», иногда используется концепция гегемонии,

ская политика царизма в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в годы столыпинской реакции: дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; Геллер А. Б. Переселенческая политика царизма и колонизация Казахстана в XX в. (1900–1916 гг.): по материалам бывшей Семиреченской обл.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954; Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. Ташкент, 1973; Мийманбаева Ф. Н. Социально-экономические отношения в киргизском и казахском хозяйствах Семиречья в начале XX в. (по материалам комиссии П. П. Румянцева): дис. ... канд. ист. наук. Фрунзе, 1990; Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983.

¹⁶⁸ Алимджанов Б. А. Экономическая политика Российской империи...

¹⁶⁹ Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

¹⁷⁰ Новая имперская история Северной Евразии: в 2 ч. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань, 2017; Brower D. Turkestan and the fate of the Russian Empire. London; New York, 2003.

где гегемон видится лидером, добивающимся процветания себя и периферии, обеспечивающим ей покровительство и «публичные блага»¹⁷¹.

Сама имперская периферия рассматривается не как пассивный объект воздействия метрополии, что было характерно для советской историографии, а как важный актор происходивших процессов. С точки зрения Е. А. Правиловой, задачей имперских правительств являлось согласование экономических интересов элит и властей национальных окраин и центра, правил взаимодействия и распределения ресурсов между участниками, что не должно было противоречить общей задаче экономического роста, социального прогресса и интересам геополитики. По мнению Е. А. Правиловой, метрополия в России со своей задачей не справилась: отсутствовала осознанная стратегия взаимодействия империи с регионами, согласования экономического развития частей и целого, имевшиеся попытки были спорадическими и бессистемными из-за институциональной слабости российской государственной системы, т. е. проблему «империи» в экономическом смысле правительство не решило¹⁷². Современные исследователи экономической политики России рубежа XIX–XX вв. полагают, что империи как экономические системы малоуспешны, и в имперской России централизация власти в сочетании с национализмом создала неблагоприятные условия для экономического роста¹⁷³.

История банков и банковского дела в Туркестане, в частности в ханствах, фактически не изучена и освещена преимущественно в свете советской концепции «монополистического капитализма». В основном учеными фрагментарно исследованы деятельность Государственного банка, Русско-Азиатского¹⁷⁴ и Волжско-Камского

¹⁷¹ См. подробнее: *Правилова Е. А. «Империя или гегемония»? Современные концепции экономического лидерства и историческая наука // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.): материалы конференции.* СПб., 2004. С. 224–230.

¹⁷² *Правилова Е. А. Финансы империи: Деньги и власть... С. 367–369, 375.*

¹⁷³ *Ананьич Б. В., Правилова Е. А. Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей / под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 230–260.*

¹⁷⁴ *Вексельман М. И. Российский монополистический и иностранный капитал... С. 35, 40–50, 62–67, 69–74, 82–83, 85–90, 93, 114–116, 119–120; Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997; История Узбекской ССР*

банков. Мы не можем однозначно оценить характеристики деятельности и функционирования имперских банков в Средней Азии, данные советскими и постсоветскими историками. Например, З. Д. Кастельская считала, что «российский капитализм для обеспечения эксплуатации местной экономики создал в Туркестане густую сеть банков»¹⁷⁵. Полагаем, что банки не эксплуатировали местную экономику, а, наоборот, помогали купечеству увеличить экспорт из региона. Один из крупных исследователей хивинской экономики (довольно схожей с казахской степной экономикой) А. С. Садыков считал, что «деятельность финансового капитала не изменила в корне характера товарно-денежных и кредитных связей, существовавших в Хиве в прежнее время, а лишь создала известную иерархию в подчинении банковскому капиталу почти всех производителей (через посредников)»¹⁷⁶. Мнение Ц. Л. Фридмана о смыкании банковского капитала с торгово-ростовщическим¹⁷⁷ сегодня представляется спорным, поскольку цели и задачи этих институтов не всегда совпадали, как утверждали многие советские историки экономики.

Взаимодействие русской администрации на окраинах России, Совета министров, общественности (в виде Думы) и местных экономических элит до 1917 г. осложнялось разным пониманием

/ под ред. М. Г. Вахабова, В. Я. Непомнина, Т. Н. Кары-Ниязова. Т. 1, кн. 2. Ташкент, 1956. С. 207–208; Китанина Т. М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова — Стахеева — Батолина. Л., 1969; Махкамова Н. Р. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. — 30-е годы XX в.). Ташкент, 2009. С. 26; Погорьелский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873–1917 гг.). Л., 1968. С. 92; Потапова Н. Ю. История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX — начало XX в.). Ташкент, 2011. С. 74–76, 91; Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент, 1972; Юлдашев А. М.: 1) Проникновение русского монополистического капитала в экономике Туркестана (1900–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ташкент, 1961; 2) Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). Ташкент, 1970. С. 124–126, 208–217, 219–221; Хотамов Н. Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе, 1990.

¹⁷⁵ Кастельская З. Д. Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980. С. 64.

¹⁷⁶ Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX вв. Ташкент, 1965. С. 153.

¹⁷⁷ Фридман Ц. Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане (1900–1914 гг.). Алма-Ата, 1974.

внутри- и внешнеполитических перспектив. В условиях роста революционной напряженности, подготовки России к большой войне велся поиск оптимальной системы управления при сохранении существовавшего административного ресурса. До 1914 г. административный контроль доминировал и сдерживал общественную инициативу и революционное движение. Введение земского управления в Сибири, остзейских губерниях, на Кавказе, городского положения вдоль линии КВЖД наталкивалось не только на сопротивление властей (Кавказ), но и на объективные обстоятельства: устаревшее законодательство (Прибалтика и Средняя Азия), дипломатические обязательства и противодействие великих держав (арендованная у Китая полоса отчуждения в Маньчжурии), огромные расстояния между крупными населенными пунктами (Дальний Восток), остатки военной системы управления (генерал-губернаторства). В ходе внутреннего кризиса в годы Первой мировой войны власть постепенно утрачивала авторитет и экономическое влияние на окраинах.

Большое значение для понимания политики правительства на окраинах Российской империи имеют опубликованные сборники документов. Так, для анализа русской политики на Дальнем Востоке представляет интерес подготовленный И. В. Лукояновым совместно с Д. Б. Павловым сборник, раскрывающий функционирование уникального социума в Порт-Артуре и Дальнем со смешанным китайско-русским и одновременно военно-гражданским населением¹⁷⁸. Несколько ценных сборников документов выпущено на основе материалов, извлеченных исследователями из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (далее — РГИА ДВ)¹⁷⁹.

¹⁷⁸ Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов / сост. И. В. Лукоянов, Д. Б. Павлов. М.; СПб., 2018.

¹⁷⁹ Порто-франко на Дальнем Востоке: сб. документов и материалов / сост. Н. А. Троицкая; редкол.: Л. И. Галлямова и др. Владивосток, 1998; Для пользы и процветания: из истории экономических связей Российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1865–1925 гг.: документы и материалы / сост. и ред. Н. А. Троицкая. Владивосток, 2012; Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников: документы и материалы / сост. и ред. Н. А. Троицкая. Владивосток, 2014; Дальний Восток накануне Первой мировой войны: справочные материалы из «Сибирского Ежегодника». Владивосток, 2018; и др.

Таким образом, исследование характера и особенностей экономической политики, проводившейся центральными властями в отношении окраин, может осуществляться только на основании ввода в научный оборот массива ранее не проанализированных документов, сохранившихся в фондах как российских, так и зарубежных архивов. Привлекая новые материалы, коллектив авторов настоящего издания уточняет механизмы законодательного продвижения региональных интересов в столице, определяет общие принципы государственного управления различными по уровню экономического развития окраинами с учетом конфессиональных и национальных особенностей в условиях нарастающей внешней угрозы.

Для изучения проблем колонизации Дальнего Востока значительный научный потенциал сохраняют материалы, отложившиеся в фонде Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия (Министерства земледелия; далее — ГУЗиЗ) Российского государственного исторического архива (РГИА, Ф. 391), прежде всего 5-го делопроизводства Управления, которое ведало переселенческим делом в Амурском, Приморском районах и на Кавказе. Кроме того, вопросы переселенческой политики, проекты колонизации Дальнего Востока и развития инфраструктуры региона позволяют охарактеризовать планы правительства в отношении дальневосточных окраин в преддверии и в ходе начавшейся Первой мировой войны (РГИА. Ф. 1276, 1278).

Чрезвычайно важны также материалы Комитета по заселению Дальнего Востока (Ф. 394), в частности: отчеты и письма иркутского, якутского и камчатского губернаторов на имя П. А. Столыпина, протоколы заседаний и журналы КЗДВ, справки Переселенческого управления и отчеты ГУЗиЗ. Полагаем, что эти документы позволяют разносторонне охарактеризовать правительственную политику при П. А. Столыпине в отношении дальневосточной окраины.

Материалы РГИА также содержат богатую информацию о развитии и функционировании КВЖД (Ф. 323): документы канцелярии управления, русско-китайского секретариата, отдела уполномоченного по сношениям с китайскими властями, юридического и военного отделов, службы пути, тяги и подвижного состава, отдела судоходства, горного и земельного отделов, экономического бюро, службы телеграфа, врачебно-санитарного отдела и т. д. Это позволяет охарактеризовать реальные действия руководства дороги по организации «русской жизни» в полосе отчуждения КВЖД.

Проблемы рабочей колонизации восточных окраин России исследованы в гораздо меньшей степени, нежели земледельческая колонизация края. Наряду с материалами Переселенческого управления и КЗДВ большое значение для исследования поставленных вопросов имеют документы, отложившиеся в фондах РГИА ДВ: канцелярии Приамурского генерал-губернатора (Ф.702), заведующих переселенческим делом в Приморском (Ф.19) и Амурском районах (Ф.810). Анализ этих материалов позволяет оценить потребности в рабочих руках для нужд колонизации края, увидеть проблему глазами как петербургских чиновников, так и дальневосточных администраторов. Особый интерес представляет анализ документов РГИА ДВ, освещающих планы Совета Маньчжурского сельскохозяйственного общества и комитета Российской экспортной палаты по колонизации Маньчжурии и по присоединению пограничных дальневосточных территорий к России при помощи Колонизационного общества и специально созданного для этих целей банка.

Основой источниковой базы исследования по имперской экономической политике в Средней Азии стали законодательные акты, ведомственная переписка и делопроизводственная документация, отложившиеся в материалах архивных фондов Совета министров (РГИА. Ф.1276) и Азиатской части Главного штаба (Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф.400), так как край вплоть до революции оставался под управлением Военного министерства. В этих материалах представлены предложения ведомств, обсуждение и критика предлагаемых норм, что позволяет оценить мотивацию и причины затягивания в реформировании Туркестанского положения, в том числе в экономических аспектах.

Важнейшее место в экономической политике центра в отношении туркестанской окраины занимали переселение, ирригация, а также регулирование земельных и связанных с ними водных ресурсов. Поэтому в исследовании использовались архивные материалы о выработке переселенческой политики, подготовке массового переселения русских крестьян, поземельном урегулировании, землеустройстве кочевников, разработке мер по орошению, созданию соответствующей юридической базы (РГВИА. Ф.400; РГИА. Ф.1276 и др.). В фонде Азиатской части изучены дела, отражающие политику метрополии по связанным с экономикой вопросам, например, о распространении на Туркестан правил о надзоре за

фабрично-заводской промышленностью, об открытии земельных банков, благоустройстве.

Для характеристики банковской сферы в Средней Азии использован фонд 630 РГИА. По его материалам определено состояние счетов основных клиентов Русско-Азиатского банка (как торговой, промышленной, так и политической элиты региона), изучены вопрос о финансировании торговых сделок из средств банковских филиалов и ситуация с залогами, проведена оценка состояния местных рынков, в том числе в связи с ухудшавшейся макро- и микро-экономической ситуацией в годы Первой мировой войны. В частности, подробно рассмотрены перспективы рынка хлопка и люцерны, особенности осуществлявшихся сделок, участие банков в развитии местной обрабатывающей промышленности. Кредитная политика русских финансовых учреждений в регионе изучалась во взаимосвязи с политической ситуацией на местах, в частности в автономном Хивинском ханстве. Материалы банковских ревизий проливают свет на факты коррупции среди местных служащих, недостатки банковского управления в условиях дефицита квалифицированных кадров.

В ходе исследования полезными оказались материалы, отложившиеся в фонде ревизии Туркестанского края сенатором К. К. Паленом (РГИА. Ф. 1396), в первую очередь подготовительные и справочные, докладные записки, отчеты, проекты, прошения жителей, заинтересовавшие ревизоров газетные статьи, сведения о финансах, природных богатствах края. В фонде Госсовета (РГИА. Ф. 1158), в частности, изучены дела о разработке законодательства о пользовании водами и финансовых аспектах переселения. Понять контекст экономической политики империи помогли материалы о восстании в Средней Азии 1916 г. в делах Управления по делам о воинской повинности МВД (РГИА. Ф. 1292) и Азиатской части Главного штаба, где отражены в том числе хозяйственно-экономические предпосылки, причины и обстоятельства беспорядков, мотивы действий метрополии.

В работе широко представлены опубликованные законодательные акты с объяснительными записками и комментариями к ним, материалы совещаний, доклад генерал-губернатора А. В. Самсонова, записка главноуправляющего ГУЗиЗ А. В. Кривошеина, отчеты по ревизии сенатора К. К. Палена, стенографические отчеты Государственной думы, приложения к ним, материалы бюджетной комис-

сии, в которых отражены работа над проектами законодательных актов, ход дискуссий по заинтересовавшим парламентариев темам, среди которых были и вопросы экономического развития Туркестана (проблемы колонизации, обеспечения земель казаков, орошения, развития транспортных связей). Изданные в советское и постсоветское время сборники и журнальные публикации документов, в первую очередь посвященные восстанию 1916 г., национальной политике самодержавия, позволяют уточнить контекст экономической политики метрополии в Туркестане. Политика центра рассматривается нами и сквозь призму парламентских дискуссий, отраженных на страницах стенографических отчетов заседаний Государственной думы IV созыва.

В монографии также используются публицистика и воспоминания современников о положении в Туркестане: впечатления и заметки члена Госдумы А.Л. Трегубова, размышления кадета А. А. Кауфмана, служившего в Министерстве государственных имуществ, брошюры делопроизводителя канцелярии туркестанского генерал-губернатора А.С. Стеткевича, служащего Переселенческого управления Г.К. Гинса, воспоминания начальника канцелярии генерал-губернатора Г.П. Федорова о службе в крае. Задействована и периодика: издаваемый сотрудниками ГУЗиЗ сборник «Вопросы колонизации», газета «Туркестанский курьер», журнал «Туркестанское сельское хозяйство».

Исследование имперской экономической политики на Кавказе осуществлено с опорой на широкий круг самых разнообразных источников, как архивных, так и опубликованных, подавляющее большинство которых впервые введены в научный оборот. Выделим здесь материалы Полного собрания законов Российской империи, Свода законов Российской империи, Собрания узаконений и распоряжений правительства, а также данные статистики, содержащиеся в ведомственных и авторских изданиях; материалы предпринимательских организаций: съездов представителей промышленности и торговли; съездов бакинских, терских и кубанских нефтепромышленников; путеводители и справочные книги по Кавказу, каталоги и обозрения сельскохозяйственных выставок; периодические издания: газету «Нефтяное дело», журналы «Известия Особого совещания по топливу», «Новый экономист», «Русские субтропики» и др.

Особо отметим материалы государственного делопроизводства: протоколы заседаний Комитета министров, Совета министров,

Государственного совета, Государственной думы, различных министерских совещаний, комиссий и комитетов, отчеты центральных и местных учреждений, начальников казачьих областей, директора Кавказских минеральных вод, командированных чиновников; ведомственную переписку.

Большая часть этих материалов отложилась в фондах РГИА: Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности); Ф. 32 (Совет съездов представителей промышленности и торговли); Ф. 37 (Горный департамент); Ф. 40 (Всеподданнейшие доклады и торговые договоры с иностранными государствами); Ф. 92 (Особое совещание по топливу); Ф. 268 (Департамент железнодорожных дел); Ф. 375 (Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей); Ф. 391 (Переселенческое управление МВД); Ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов); Ф. 565 (Департамент государственного казначейства); Ф. 856 (С. И. Залесский); Ф. 1152 (Департамент государственной экономии Государственного совета); Ф. 1158 (Финансовая комиссия Государственного совета); Ф. 1228 (Особое совещание для рассмотрения вопроса о порядке заведования Кавказскими минеральными водами при Государственном совете); Ф. 1263 (Комитет министров); Ф. 1276 (Совет министров); Ф. 1278 (Государственная дума).

Для анализа рекреационного потенциала Кавказа широко использовались материалы Центрального исторического архива Грузии (Тбилиси): Ф. 13 (Канцелярия наместника на Кавказе); Ф. 243 (Уполномоченный министра земледелия на Кавказе); Ф. 351 (Управление инспектора Кавказских удельных имений); Ф. 365 (Инспектор вод на Кавказе), а также документы Государственного архива Краснодарского края: Ф. 468 (Канцелярия губернатора Черноморской губернии).

При обращении к сюжетам, связанным с западными окраинами Российской империи и Прибалтикой (Остзейским краем), большое значение также имели документы РГИА. Значительная часть из них впервые введена в научный оборот, в частности материалы Отделов торгового мореплавания и торговых портов Министерства торговли и промышленности (Ф. 95), Государственной думы (Ф. 1278), Департамента общих дел Министерства внутренних дел (Ф. 1284) и некоторых других. Среди материалов последнего фонда особо отметим всеподданнейшие губернаторские отчеты, позволившие выявить

многие болевые точки в социально-экономической политике западных окраин.

Для понимания экономической политики правительства на западных окраинах весьма значимы материалы, отложившиеся в Литовском государственном историческом архиве: делопроизводственные документы, связанные с деятельностью местных учреждений — виленского гражданского губернатора (Ф. 380), виленского губернского правления (Ф. 381), виленской казенной палаты (Ф. 515) и т.д. На примере некоторых из них хорошо видны мелочность и формализм бюрократического администрирования на местах. В частности, для истории повседневности ценны вводимые в научный оборот отчеты уездных исправников виленскому губернатору по поводу слухов о переселении в Сибирь (Ф. 380).

Вспомогательную, но не менее важную роль при уточнении отдельных сюжетов сыграли материалы, извлеченные из фондов Института русской литературы (ИРЛИ. Ф. 572), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ. Ф. 377), Архива Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (Ф. 1). Помимо архивных материалов, в научный оборот также введены материалы периодической печати, которые не только информационно освещали политику имперского центра в отношении Западного края и Прибалтики, но и становились площадками для ее обсуждения различными политическими силами дореволюционной России. Особо отметим как центральные российские газеты и журналы («Биржевые ведомости», «Московские ведомости», «Новое время», «Русский вестник», «Русский труд», «Русское обозрение» и др.), так и региональные («Минское слово», «Киевлянин»). Для освещения темы значимы и земские периодические издания («Вестник Могилевского земства», «Вестник Минского губернского земства», «Известия Волынского губернского земства» и др.), а также газета Русского окраинного общества «Окраины России», на протяжении 1906–1912 гг. подробно освещавшая окраинную политику. При изучении законодательных инициатив, касавшихся социально-экономических преобразований в Западном крае и Прибалтике, авторы обращались к стенографическим отчетам Государственной думы Российской империи, а также приложениям к ним, что позволило прояснить позицию различных политических сил страны по ряду экономических проблем указанных регионов.

В реализации настоящего издания приняли участие специалисты различных учебно-образовательных и научных организаций России и зарубежья: Санкт-Петербургского государственного университета (А. А. Иванов, А. Э. Котов, Э. О. Сагинадзе, Г. М. Слободзян, Е. О. Старовойтова, М. В. Ходяков (руководитель проекта), Д. Г. Янченко), Института экономики РАН (А. В. Мамаев, В. Л. Степанов), Ташкентского филиала НИЯУ МИФИ (Б. А. Алимджанов). В процессе подготовки коллективного труда отдельные его части публиковались в виде статей. Соответствующие указания на те или иные научные журналы приведены в главах книги.

Авторы выражают благодарность профессорско-преподавательскому составу Санкт-Петербургского университета (А. Х. Даудову, А. Ю. Дворниченко, Н. А. Самойлову, М. Ф. Флоринскому, А. А. Андрееву, Д. А. Овсянникову, В. А. Шорохову) за поддержку исследовательских начинаний и архивных изысканий по теме этой книги.

Часть I

ОСВОЕНИЕ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Глава 1. Дальневосточная окраина: своя и чужая земля

Глава 2. Русский Дальний Восток в планах правительства
на рубеже веков

Глава 3. Маньчжурия накануне и в годы Первой мировой войны

Глава 4. Миграционные процессы и экономика Дальнего Востока
в конце XIX — начале XX века

ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ОКРАИНА: СВОЯ И ЧУЖАЯ ЗЕМЛЯ¹

1.1. Дальний Восток России и Северо-Восток Китая в планах русской военной элиты конца XIX — начала XX века

Вошедшие в состав России во второй половине XIX в. территории Дальнего Востока заставляли правительственные круги постоянно искать пути для укрепления там своего присутствия. Рост территориальных appetитов империи привел к тому, что жизнедеятельность региона в значительной степени зависела от труда китайцев. В этих условиях мерой «активной обороны» стали попытки политиков и военных оформить «удобные» российские границы.

О необходимости обезопасить территории русского Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. активно писали журналисты, в частности И. С. Левитов. Еще в 1900 г. он предлагал для «уплотнения населения и развития русской гражданственности на Амуре» предоставить населению возможность «легко приобретать земельные участки»². Вместе с тем, говоря о «триумфальном шествии китайцев в Россию», о том, что «китайцы сами лезут к нам, предлагая так дешево свои рабочие руки»³, анализируя причины ненависти русских рабочих по отношению к китайским «кули» в Забайкалье, на Амуре

¹ Содержание главы частично отражено в опубликованных ранее статьях: Янченко Д. Г., Старовойтова Е. О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 583–597; Ходяков М. В. Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Там же. № 4. С. 880–897; Янченко Д. Г. Вопросы обороны, внутреннего управления и статуса Китайско-Восточной железной дороги в правительственной политике в начале XX в. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. № 50 (4). С. 1712–1724.

² Левитов И. Желтая раса. СПб., 1900. С. 41.

³ Там же. С. 40.

и в Маньчжурии, он все же признавал: «[Ничего] кроме пользы от китайцев для страны, не говоря уж об Амуре, но даже и для Забайкалья, я не видал»⁴.

И. С. Левитов являлся и автором термина «Желтороссия», вошедшего в лексикон не только публицистов, но и политиков. Идею создания особой территории на крайних юго-восточных рубежах Российской империи — «желтой России» — он развивал в целом ряде своих печатных трудов и выступлений. Под Желтороссией И. С. Левитов понимал пространство от Байкала до вод Тихого океана, в котором «русский элемент смешивается с населением желтой расы». И. С. Левитову в тот момент казалось, что «площадь эта как бы изолирована от России и имеет мало общего с ней». Одновременно он признавал: «Пока довольно трудно установить настоящую границу такой колонии, цель которой и должна состоять в том, чтобы тормозить столкновение между желтой и белой расой»⁵. Нашумевший доклад И. С. Левитова «Желтороссия, как буферная колония» был прочитан им на собрании Общества для содействия русской промышленности и торговле 16 мая 1905 г. — в момент только что завершившегося катастрофой для России Цусимского морского сражения, предопределившего исход Русско-японской войны.

Проблема освоения Дальнего Востока, растущей «желтой угрозы»⁶ серьезно волновала либеральную общественность России. Она нашла отражение в многочисленных публикациях писателей и журналистов рубежа XIX–XX вв.⁷

Не обошли стороной вопросы, так или иначе связанные с Желтороссией, и отечественные историки⁸. География понятия

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Левитов И. Желтороссия, как буферная колония. СПб., 1905. С. 109.

⁶ Оговоримся, что термин «желтый» часто использовался в конце XIX — начале XX в. для обозначения людей восточноазиатского типа, в данной работе применяется исключительно как историческое понятие.

⁷ Основательный историографический обзор «дальневосточных настроений» читающей публики тех лет представлен в диссертационном исследовании: Кудрявцева Т. М. Дальневосточная политика России в восприятии русской либеральной общественности по материалам столичной периодической печати (1895–1901 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.

⁸ Борьба с «желтой опасностью» в настоящей главе специально не рассматривается, поскольку данный вопрос имеет свою историографическую традицию. См., напр.: Меркулов С. Д. Вопросы колонизации Приамурского края. Вып. II. СПб., 1911; Панов А. А. Борьба за рабочий рынок в Приамурье. СПб., 1912;

«Желтороссия» быстро расширилась, включив в себя также Маньчжурию, а вместе с ней и Китайско-Восточную железную дорогу⁹. Произошло это, вероятно, потому, что Приамурье и Приморье до момента включения в состав России (по договорам 1858 и 1860 гг.) являлись составной частью Маньчжурии.

Автором одной из самых известных работ, посвященных дальневосточной политике России и русской экономической экспансии, стал Б. А. Романов. Его книга, создававшаяся на протяжении 1920-х годов как серия очерков, до сих пор не утратила научной ценности, поскольку написана на большом архивном материале¹⁰.

Омский историк А. В. Ремнев продемонстрировал ход строительства межгосударственных отношений с Китаем и другими государствами региона. Не был им обойден стороной и вопрос о «желтой опасности» для России и европейских стран. Обратившись к творческому наследию известного военачальника А. Н. Куропаткина, он охарактеризовал его не как «генерала-неудачника», а как крупного имперского идеолога и геополитика. А. В. Ремнев также проанализировал взгляды генерала на перспективы развития российских дальневосточных окраин¹¹. Вслед за А. В. Ремневым исследование азиатского вектора России продолжили его ученики и коллеги в разных городах нашей страны, дав современную оценку геополитическим проектам А. Н. Куропаткина¹².

Ларин В. Л. Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и в конце XX в. // *Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока*. Т. 1. Владивосток, 1996. С. 34–52; *Дятлов В. И.* Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в дореволюционной России // *Идеи и идеалы*. 2014. Т. 1, № 2 (20). С. 23–41.

⁹ См., напр.: *Владимиров А.* Ураган над «Желтороссией» // *Родина*. 2001. № 7. С. 72–78.

¹⁰ *Романов Б. А.* Россия в Маньчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.

¹¹ *Ремнев А. В.*: 1) Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // *Родина*. 2004. № 9. С. 32–34; 2) *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков*. Омск, 2004; 3) *Имперская история России: азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания* // *Вестник Омского университета*. 2007. № 4. С. 6–22; *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013; и др.

¹² *Белоконь И. В.* Политические идеи и военно-государственная деятельность А. Н. Куропаткина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012; *Белозерова О. А.*: 1) *Государственная и военная деятельность А. Н. Куропаткина накануне*

Красноярский историк В. Г. Дацышен показал широкий спектр взаимоотношений русского и китайского народов¹³, включавший не только вооруженное противостояние, но и мирное экономическое взаимодействие на протяжении многих десятилетий.

Широкий круг вопросов российской дальневосточной политики поставили А. В. Игнатьев и И. В. Лукоянов¹⁴, не только рассмотрев дипломатическую деятельность С. Ю. Витте, но и проанализировав царскую «неофициальную» политику в регионе. И. В. Лукоянов вслед за А. В. Ремневым, показавшим, что дальневосточное наместничество 1903–1905 гг. «вписывалось в рамки традиционной “окраинной” модели управления»¹⁵, отметил также слабую связь наместничества с реальными проблемами управления Дальним Востоком. При этом исследователь обратил внимание на наличие «двух политик»: царской официальной и царской же, но неофициальной¹⁶.

Вопросы создания и функционирования КВЖД на рубеже XIX–XX вв., борьба вокруг финансирования этого грандиозного проекта в Государственной думе, переселенческая политика Китая, колонизация Маньчжурии рассмотрены в исследованиях ряда специалистов, занимающихся проблемами политической и экономической истории начала XX в.¹⁷

и в период Русско-японской войны. 1903–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015; 2) Военный министр А. Н. Куропаткин накануне Русско-японской войны в связи с боксерским восстанием // Мир политики и социологии. 2017. № 5. С. 11–26; Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: коллективная монография / под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2018; *Рябцев В. Н.* Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки). М., 2018. С. 186–235; и др.

¹³ *Дацышен В. Г.*: 1) Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб., 1996; 2) Русско-китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб., 1999; 3) Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX — начале XX века. Кызыл, 2000; 4) Китайцы-земледельцы в Приморье: эпизод длиной в сто лет // Известия Восточного института. 2005. № 9. С. 70–89.

¹⁴ *Игнатьев А. В.* С. Ю. Витте — дипломат. М., 1989; *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008.

¹⁵ *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока. С. 398.

¹⁶ *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...». С. 503–526.

¹⁷ *Буркова В. В.* Китайско-Восточная железная дорога. Основные периоды эксплуатации и перевозки коммерческих грузов // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае / под ред. Н. И. Дубининой, В. М. Пескова. Хабаровск, 2008; *Янченко Д. Г.* Бюджет и финансы в Го-

Характеризуя вектор развития русской экономики на рубеже XIX–XX вв., норвежский исследователь Йенс Петтер Нильсен полагает, что «архитектор русской индустриализации» С. Ю. Витте, выбирая между Екатерининской гаванью на Мурмане и Порт-Артуром, изначально склонялся к северному варианту базирования русского военно-морского флота»¹⁸. После своего поражения в этом вопросе С. Ю. Витте тем не менее остался приверженцем русской колонизации Дальнего Востока. Это совпадало с планами военно-морского ведомства, поддерживавшего идею создания круглогодичной морской базы на Дальнем Востоке.

Многие известные военные деятели той поры имели собственное представление относительно будущего противостояния России с Китаем. Документы, отложившиеся в фонде Общей канцелярии министра финансов России¹⁹, позволяют рассмотреть военно-экономические планы высшего военного руководства страны на Дальнем Востоке.

Известно, что еще в 1883 г. Генерального штаба полковник Я. Ф. Барабаш после очередного посещения «с военно-дипломатической миссией» Китая опубликовал «Записку о Маньчжурии»²⁰. Вскоре после этого он стал председателем комиссии по уточнению российско-китайской границы, а затем военным губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. Уже став генерал-майором, в 1887 г. он представил очередной доклад «Об условиях, способах и средствах, обеспечивающих успех военного столкновения с Китаем в Приамурском военном округе»²¹. Отмечая усиление военных приготовлений китайцев

сударственной думе 1907–1912 гг.: от Балтики до Дальнего Востока. СПб., 2015; Янченко Д. Г., Слободзян Г. М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1906–1911 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 93–106; Янченко Д. Г., Старовойтова Е. О. Перспективы экономического развития... С. 583–597; и др.

¹⁸ Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / под ред. Й. П. Нильсена; пер. с норв. М., 2017. С. 497–499.

¹⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. — В данную опись включены секретные дела III (Восточного) отделения, которое ведало делопроизводством по вопросам политики русского правительства на Дальнем Востоке.

²⁰ Барабаш Я. Ф. Записка о Маньчжурии (по данным, добытым при поездке в Гири в 1882 г.). Иркутск, 1883.

²¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1. Л. 46–64.

в Маньчжурии, Я. Ф. Барабаш указывал на необходимость расширения русского военного влияния в Приамурье, что предотвратило бы попытки наступления неприятеля на Владивосток с суши и угрозу его блокады²². Генерал предлагал «обороняться со стороны моря и наступать со стороны Маньчжурии». Призывая готовиться к войне с Китаем (предполагалось, что только со стороны Маньчжурии России будет противостоять армия численностью 105 тыс. чел., не считая 183 тыс. чел. из числа местного населения)²³ и оценивая китайских солдат как «прекрасный материал», из которого «нетрудно создать хорошую армию», Я. Ф. Барабаш определил и цели грядущего противостояния. Среди них он выделял необходимость сохранить «коммуникационную линию с Забайкальем». Этого можно было достичь занятием «некоторых пунктов, лежащих на Маньчжурской территории», что являлось, по мысли генерала, «неизбежной необходимостью» для России²⁴. Практический вывод, который делался воинственным генералом, мог серьезно встревожить умеренных политиков: «В случае войны с Китаем мы первоначально должны все свои наличные силы употребить на нанесение противнику решительных ударов в Маньчжурии и идти на Пекин в том лишь случае, если действия в Маньчжурии не достигнут желаемой цели»²⁵.

Спустя всего несколько месяцев, в феврале 1888 г., генерал Я. Ф. Барабаш был назначен военным губернатором тыловой и пустынной Тургайской области.

Идея освоения северо-восточного Китая и организационно-оформления «Желтороссии» была представлена Приамурским генерал-губернатором Н. И. Продековым (1898–1902) во всеподданнейшем отчете, опубликованном в 1901 г. В нем генерал откровенно признавался: «Отказаться от господства над Маньчжурией и допустить не только постороннее, но даже китайское влияние в этой стране мы не можем, не рискуя нашими интересами первостепенной важности. Оставление Маньчжурии в настоящем ее положении — полной зависимости от Пекина — представляет опасность в том отношении, что местные власти будут находиться в этом случае под постоянным давлением центрального правительства и получать от него нравственную и материальную поддержку во всех своих

²² Там же. Л. 48.

²³ Там же. Л. 49.

²⁴ Там же. Л. 51–52, 54.

²⁵ Там же. Л. 53 об.

действиях, направленных против нас. И таким образом мы будем иметь у себя, в ближайшем соседстве, постоянный враждебный очаг, готовый вспыхнуть при каждом удобном случае»²⁶.

Одновременно с этим генерал Н. И. Гродеков выступал против полного присоединения Маньчжурии к России, полагая, что это не только встретило бы серьезное сопротивление со стороны иностранных держав, но и не отвечало бы интересам России: «...при известной стойкости желтой расы такое присоединение повело бы за собой лишь новые для нас затруднения»²⁷. План Н. И. Гродекова предусматривал управление Маньчжурией, при котором она была бы освобождена от власти пекинского правительства и одновременно не имела бы признаков полного подчинения России.

После окончания Русско-японской войны Н. И. Гродеков был убежден в новом неизбежном столкновении интересов России и Японии в Маньчжурии; осенью 1906 г. он утверждал: «[В настоящее время] на Дальнем Востоке нет ни одного человека, который сомневался бы в неизбежности войны с Японией в самом ближайшем будущем»²⁸ — и предлагал осуществить ряд чрезвычайных мер по охране КВЖД. Именуя себя «членом побежденной нации» и исходя из того, что «война неизбежна», Н. И. Гродеков настаивал на необходимости «держат в порядке железнодорожный персонал», не допуская роста революционных настроений. Одновременно он предлагал провести «обширную военную разведку» и сконцентрировать запасы военного ведомства «разного рода» на линии КВЖД²⁹.

Однако глава правительства П. А. Столыпин, а вслед за ним и Николай II идеи генерала не одобрили. В результате 17 и 24 октября 1906 г. на заседаниях Особого совещания, образованного для рассмотрения вопросов, касающихся КВЖД, обсуждалось устройство гражданского управления на линии дороги. «Особое мнение» Н. И. Гродекова не было принято во внимание, и совещание постановило предоставить министру финансов право утверждать положения «об общественном управлении в поселениях на линии дороги, с тем, чтобы помянутые управления устраивались по образцу рус-

²⁶ Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1898–1900 годы. Хабаровск, 1901. С. 147–148.

²⁷ Там же. С. 148.

²⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 13.

²⁹ Там же. Л. 12–13.

ских и иностранных селтльментов на Дальнем Востоке»³⁰. На документе, отражающем «отдельное мнение» генерала Н. И. Гродекова, сохранились автограф П. А. Столыпина и карандашная помета Николая II: «Дай Бог, чтобы изложенные опасения не сбылись!»³¹

Преемник Н. И. Гродекова на посту Приамурского генерал-губернатора (1902–1903) генерал Д. И. Суботич в развернутом письме на имя военного министра А. Н. Куропаткина³², написанном за несколько месяцев до начала Русско-японской войны, изложил свое видение дальневосточных задач России, которое могло бы стать программой государственной деятельности³³.

Письмо появилось в ответ на просьбу военного министра подготовить «отзыв о нашем современном положении на Дальнем Востоке». По глубокому убеждению Д. И. Суботича, России как державе континентальной, а не морской на Дальнем Востоке вполне достаточно было порта во Владивостоке: «Я решительно не могу придавать в военном деле нашему военному флоту большее значение, чем он может иметь в государстве по природе своей континентальном. Я не могу не помнить твердо, что Россия — держава сухопутная, что вся ее сила на суше... Чрезмерно большой флот на Тихом океане не только не увеличивает там нашего могущества, а скорее, наоборот, является обузой. Максимум эскадры на Тихом океане должен определяться, на мой взгляд, вместимостью Владивостокской бухты»³⁴.

Представляют интерес размышления генерала Суботича относительно будущего Севера Маньчжурии, где в конце XIX в. Россия начала прокладку линий КВЖД: «Мысль о занятии Маньчжурии, несомненно, явилась у нас под влиянием того предположения, что предприятие это не только будет выгодно для России в материальном отношении, не только обогатит ее, но и будет содействовать воз-

³⁰ Там же. Л. 9 об.

³¹ Там же. Л. 12.

³² Суботич Д. И. Задачи России на Дальнем Востоке: письмо генерала Д. И. Суботича к Военному министру А. Н. Куропаткину в 1903 году. Ревель, 1908.

³³ См. об этом: Самойлов Н. А.: 1) Россия и Китай в геополитической концепции генерала Д. И. Суботича // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI века: в 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 187–191; 2) Китай в геополитических построениях российских авторов конца XIX — начала XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: в 2 т. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 452–457.

³⁴ Суботич Д. И. Задачи России на Дальнем Востоке. С. 9.

величению ее значения и силы в политическом и международном отношении»³⁵. В действительности строительство железной дороги в регионе стоило огромных финансовых затрат. Стоимость сооружения одной версты железной дороги в Маньчжурии составляла 152 тыс. руб., что было на 80 тыс. больше, чем при сооружении Забайкальской или Уссурийской линий железных дорог³⁶. В результате уже к 1903 г. в Маньчжурию было вложено не менее 1 млрд руб.³⁷ Из анализа экономической ситуации в Приморской области Суботич делал вывод о том, что Россия на Дальнем Востоке движется не к обогащению, а «скорее к разорению и истощению»³⁸.

Выход из ситуации Суботич видел в том, чтобы Россия нашла в себе силы «ликвидировать свое предприятие в Маньчжурии, ликвидировать возможно скорее и возможно полнее и тщательнее»³⁹. Одновременно генерал признавал, что, поскольку осуществить такую «ликвидацию» уже невозможно, Северная Маньчжурия должна оставаться под контролем и в полном ведении России. «Отчуждение» Россией Северной Маньчжурии должно было означать создание единого Приамурского края, единого целого: «Бассейн Амура — это и есть Русский Дальний Восток»⁴⁰. Осуществить такое «отчуждение» северной части Маньчжурии, по мнению Суботича, следовало в виде реализации честной коммерческой сделки с Китаем, наподобие той, что осуществили в отношении выкупа нашей Аляски Северо-Американские Соединенные Штаты. Предполагалось, что передача Южной Маньчжурии в полное и нераздельное владение Китая (ветка Южно-Маньчжурской железной дороги, сооружения, город и порт Дальний, укрепления, постройки и казармы в Порт-Артуре и на Квантуне) и составит «в совокупности такую ценность, которая может дать почти полный “эквивалент” Северной Маньчжурии»⁴¹.

Наиболее активным в отношении составления аналитических записок, адресованных высшему политическому руководству России, был Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер (1905–

³⁵ Суботич Д. И. Задачи России на Дальнем Востоке. С. 15.

³⁶ Там же. С. 14–15.

³⁷ Там же. С. 18.

³⁸ Там же. С. 17.

³⁹ Там же. С. 21.

⁴⁰ Там же. С. 24.

⁴¹ Там же. С. 25.

1910). Некоторые его замечания и размышления публиковались в открытой печати⁴². Однако бóльшая их часть в то время проходила под грифом «весьма секретно». 24 марта 1908 г. сенатор, инженер-генерал П. Ф. Унтербергер направил «на Высочайшее Государя Императора усмотрение» записку «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края»⁴³. 12 февраля 1909 г. председателю Совета министров П. А. Столыпину им была направлена новая записка «Неотложные нужды Приамурья»⁴⁴. 17 октября 1909 г. на имя министр финансов В. Н. Коковцова от Унтербергера поступила записка «Серьезность нашего положения на Дальнем Востоке»⁴⁵. 5 марта 1911 г. тому же Коковцову он адресовал записку «События на Дальнем Востоке в 1910 г.», написанную в конце февраля.

Круг вопросов, поставленных в упомянутых документах, весьма широк. Генерал был уверен в том, что Япония готовится к новым агрессивным действиям и первой подвергнется нападению наша Приморская область: японцы увеличивают численность армии, перевооружают пехоту и артиллерию, строят новые суда, готовят базы в Северной Корее и Южной Маньчжурии. Отсюда вытекала необходимость скорейшего закрепления за Россией Дальнего Востока посредством колонизации края русским населением⁴⁶.

Войска, находящиеся в Приамурском крае, должны были, по мнению генерала, содержаться по штатам военного времени. Офицеров надлежало обеспечить материально и предоставить квартиры. Значительные средства необходимо было выделить на возведение казарм для нижних чинов. Укрепление Владивостока и устья Амура, содержание в боевой готовности нашей военной флотилии являлось обязательной составляющей для защиты русских границ. Большое внимание П. Ф. Унтербергер предполагал уделить тайной разведке, без которой ему представлялось невозможным следить за передвижением неприятельских войск до начала военных действий. Для поддержания боевой готовности войск округа они должны были быть обеспечены необходимыми запасами. Все эти меры

⁴² Унтербергер П. Ф.: 1) Приморская область. 1856–1898 гг. СПб., 1900; 2) Приамурский край. 1906–1910. СПб., 1912.

⁴³ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1. Л. 97–101 об.

⁴⁴ Там же. Л. 117–120.

⁴⁵ Там же. Л. 123–127.

⁴⁶ Там же. Л. 98–99.

необходимо было осуществить «без промедления», пользуясь «мирным затишьем на Дальнем Востоке»⁴⁷.

Говоря о «неотложных нуждах Приамурья», П. Ф. Унтербергер вновь указывал на активную подготовку Японии «к следующей войне на Дальнем Востоке»⁴⁸. С Китаем, в отличие от Японии, по его мнению, Россия при умелом ведении дел и взаимном уважении вполне способна установить дружеские отношения, пошатнувшиеся после событий 1900 г. Но главной задачей генерал по-прежнему считал заселение Дальнего Востока русскими людьми и сооружение железной дороги, которая свяжет край с внутренними районами империи⁴⁹.

«Серьезность нашего положения на Дальнем Востоке», по мнению П. Ф. Унтербергера, усугублялась тем, что Северная Корея, по сути, превратилась в «японскую провинцию», где построены железные дороги и организованы военные лагеря⁵⁰. Приамурье оказалось наводнено японскими разведчиками, скрывавшимися под масками рабочих и служащих различных профессий. Да и «официальные агенты» объезжали край «по всем направлениям», особенно зорко следя за строительством Амурской железной дороги⁵¹. Вновь говоря о грядущей войне с Японией, генерал предлагал значительно увеличить количество российских войск на Дальнем Востоке, укрепить Владивосток и устье Амура. Особое внимание он предлагал обратить на правильную организацию и мобилизационную готовность Заамурского округа пограничной стражи, который должен обеспечить за Россией владение КВЖД «до надежного ее занятия нашими войсками»⁵².

Оценивая события на Дальнем Востоке в 1910 г., П. Ф. Унтербергер писал, что к тому моменту Япония могла выставить армию численностью 488 тыс. штыков и 17 тыс. сабель, а к 1913 г. планировала довести ее до 1 млн чел., увеличив численность дивизий с 19 до 25, имея еще столько же дивизий резервных⁵³. Поскольку при этом часть японских сил в виде крупного авангарда обязательно будет

⁴⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1. Л. 99 об. – 101.

⁴⁸ Там же. Л. 118.

⁴⁹ Там же. Л. 119.

⁵⁰ Там же. Л. 123 об.

⁵¹ Там же. Л. 124.

⁵² Там же. Л. 125 об.

⁵³ Там же. Л. 144 об.

расположена в Южной Маньчжурии, наше военное положение на Дальнем Востоке «сделается до нельзя опасным». Не откажется Япония и от плана «оттеснения нас от берегов Тихого океана»⁵⁴. Исходя из сложившейся ситуации, П. Ф. Унтербергер настаивал на срочном принятии плана по усилению российского военного присутствия на Дальнем Востоке. Он должен был включать реализацию не только чисто военных мер, но и организационных начинаний. В частности, генерал предлагал еще в мирное время уделить внимание созданию органа, который смог бы объединить совместные действия Иркутского и Приамурского военных округов⁵⁵.

Не остался в стороне от широко обсуждавшихся вопросов, связанных с оценкой военно-политической ситуации на Дальнем Востоке, и полковник А. И. Деникин. Однако его взгляды во многом диссонировали с той милитаристской риторикой, которая использовалась российским генералитетом. В очерке «Русско-китайский вопрос», опубликованном в 1908 г., он заметил, что «бездарная дипломатия» проглядела новый тревожный фактор — появление на международной арене пробуждающегося Китая, этого «неразгаданного сфинкса»⁵⁶. Вслед за этим «благоразумная» и осторожная дальневосточная политика России оказалась, по словам Деникина, на пути «безудержного авантюризма»⁵⁷. Виновником русского вторжения в Маньчжурию он называл С. Ю. Витте. Эффективность КВЖД он считал низкой: «Экономическое значение дороги ныне ничтожно, стратегическое — 1500 в[ерст] по чужой территории — скорее отрицательное, в политическом отношении создавалась острая причина будущих международных осложнений». Более того, А. И. Деникин был убежден: «Отвлекая все наше внимание, силы и средства, Восточно-Китайская дорога обходила и без того обездоленный и забытый Приамурский край»⁵⁸, плотность населения которого на одну квадратную версту составляла в тот момент 0,43 чел.⁵⁹

Признавая огромное значение и неизбежность русского продвижения на Восток в будущем, А. И. Деникин полагал: «Выход

⁵⁴ Там же. Л. 145–145 об.

⁵⁵ Там же. Л. 146–147.

⁵⁶ Деникин А. И. Русско-китайский вопрос. Военно-политический очерк. Варшава, 1908. С. 5.

⁵⁷ Там же. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 10.

⁵⁹ Там же. С. 21.

к южным портам Великого океана для современного поколения следует считать непосильным и, следовательно, преждевременным»⁶⁰. Современным потребностям России, по его мнению, в достаточной степени удовлетворяла и гавань Владивостока.

Оставаясь человеком военным, присутствие русских войск в Маньчжурии А. И. Деникин, избегая дипломатических выражений, именовал оккупацией⁶¹. Говоря о возможном вооруженном противостоянии с Китаем, он отмечал, что богатая и населенная Маньчжурия, клином врезаясь в русские владения, становится «весьма вероятным театром борьбы». Таким образом, именно Амурский край представлял собой самое реальное направление для будущего вражеского вторжения — он был «наименее обороноспособен». КВЖД, проходящая по чужой территории, и ее важнейший узел Харбин должны были стать «первым объектом военных действий китайской армии, с целью порвать связь между Забайкальем и Уссурийским районом»⁶².

Несмотря на признание факта роста «желтой волны», движущейся «к нашим беззащитным и пустынным берегам», А. И. Деникин оставался сторонником оборонительной тактики в дальневосточном вопросе, всячески поддерживал необходимость «удержания Россией» этих территорий, и их колонизации: «Потеря дальневосточной окраины отзывалась бы громким эхом по всему матерiku Азии, создав нам неисчислимые затруднения по всем азиатским границам»⁶³.

Не мог обойти стороной русско-китайский вопрос и бывший военный министр А. Н. Куропаткин. По его мнению, при непрерывном заселении Сибири и Дальнего Востока со стороны России и заселения Маньчжурии и Монголии со стороны Китая пограничные отношения «будут все усложняться»⁶⁴. Более того, он считал, что российская граница с Китаем носит случайный характер, представляя собой ломаную линию. Эти и многие другие факторы свидетельствовали, по мнению А. Н. Куропаткина, о том, что борьба между белой и желтой расами в XX веке неизбежна⁶⁵. При «невыгодном

⁶⁰ Деникин А. И. Русско-китайский вопрос. С. 11.

⁶¹ Там же. С. 15, 20–21.

⁶² Там же. С. 21.

⁶³ Там же. С. 34.

⁶⁴ Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 7.

⁶⁵ Там же. С. 27.

начертании границы» российским дальневосточным окраинам, особенно Уссурийскому краю, грозила опасность в случае войны быть отрезанными от страны. В данных обстоятельствах, по убеждению генерала, необходимо было «приступить к изменению русско-китайской границы» таким образом, чтобы Северная Маньчжурия оказалась в сфере нашего влияния, а пустыня Гоби отделила бы Россию от Китая⁶⁶.

1.2. Китайско-Восточная железная дорога: статус, оборона, организация управления

Как известно, формальным основанием русского присутствия в Китае было международное соглашение. 27 августа (8 сентября) 1896 г. в Берлине китайский посланник в Российской империи Сюй Цзинчэн⁶⁷ подписал с правлением Русско-Китайского банка контракт о предоставлении права на постройку железной дороги через Маньчжурию. Этот документ уточнил положения Союзного договора между Российской империей и Китаем от 22 мая (3 июня) 1896 г.⁶⁸ По § 6 контракта административная и судебная власть в полосе отчуждения принадлежала Обществу КВЖД. Формально руководящими органами компании были собрание акционеров и правление. Номинальным главой — председателем правления был подданный Китая, вице-председателем — подданный России. Управляющий дорогой и совет при управляющем, в который входили начальники отделов и служб дороги, назначались из русских подданных. Связующим звеном между представителями российской и китайской власти был председатель Общества — китайский чиновник. Он должен был контролировать соблюдение контракта со стороны Русско-Китайского банка и Общества КВЖД в отношении Империи Цин. В России Общество КВЖД обладало правами юридического лица. Устав компании не противоречил типовым уставам российских железных дорог⁶⁹.

⁶⁶ Там же. С. 194–195.

⁶⁷ Сюй Цзинчэн (许景澄) — посланник цинского Китая в Санкт-Петербурге с 1891 по 1897 г. Председатель правления Общества КВЖД с 1897 по 1900 г.

⁶⁸ Русско-китайские отношения 1689–1916.: официальные документы / сост. П. Е. Скачков и В. С. Мясников. М., 1958. С. 73–77.

⁶⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XVI. 1896. Отд. 1. № 13486. СПб., 1899. С. 749–757.

Представители китайской администрации продолжали осуществлять свои полномочия, и действие китайских законов не отменялось⁷⁰, однако контракт предоставил России исключительные привилегии, не включенные ни в один из известных концессионных договоров. Управление в полосе отчуждения компания осуществляла самостоятельно на основании русского законодательства. В январе 1897 г. по ходатайству российской стороны первым председателем Общества КВЖД стал бывший посланник Китая в Петербурге и Берлине Сюй Цзинчэн, однако после его гибели во время восстания ихэтуаней нового председателя не назначали.

Судебные полномочия по вопросам, связанным с дорогой, реализовывались в совместных российско-китайских судах (цзяошэ-цзюй), юрисдикция которых распространялась на все население полосы отчуждения⁷¹. На китайские власти возлагалась охрана дороги от хунхузов (местных банд), но власти не справлялись с этой задачей. Для защиты правопорядка была учреждена специальная вольнонаемная охранная стража (4,5 тыс. чел.), подчинявшаяся руководителю строительства — главному инженеру дороги. В 1901 г. ввиду трудности пополнения частей вольнонаемными лицами и возникшей после ихэтуаньского восстания необходимости увеличить состав войск было решено образовать в составе отдельного корпуса пограничной стражи особый Заамурский округ, которому вверили защиту КВЖД.

Вопросы административного устройства в Маньчжурии до Русско-японской войны рассматривались в Особом комитете Дальнего Востока. Ведению Комитета подлежали дела по управлению наместничеством, сметные предположения о доходной и расходной части, торговое и промышленное развитие края, дела о применении общероссийского законодательства и правительственных распоряжений, требующих согласования наместника с министрами, а также дела, решение которых превышало власть наместника⁷².

⁷⁰ См. об этом: Вишняков О. В. Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX — начало XX века // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 55–57.

⁷¹ Казанцев В. П., Салогуб Я. Л. Становление судебной системы в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги (1896–1901) // История государства и права. 2013. № 9. С. 28–30.

⁷² См. об этом: Казанцев В. П. Планы реорганизации управления российским Дальним Востоком и арендованными у Китая территориями в начале XX века // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 25.

По окончании Русско-японской войны правила, по которым осуществлялось внутреннее управление в полосе отчуждения вдоль КВЖД, нуждались в изменении по многим причинам. К практике особых совещаний (далее — ОСО) как способа решения приоритетных задач (экономических, военных или административных) в развитии железнодорожной линии и региона в целом русское правительство прибегало часто. После войны вопросы обороны Дальнего Востока и линии КВЖД увязывались с колонизацией края. Материалы Особого совещания членов Совета министров по данной теме за подписью П. А. Столыпина датированы 1906 г. На заседании ОСО 25 июля 1906 г. рассматривались вопросы пополнения железнодорожных частей по линии КВЖД, усиления русского военного присутствия. Параллельно разрабатывались проекты реорганизации местного управления как в столице, в Министерстве финансов, так и на Дальнем Востоке — инициативными высшими офицерами и чиновниками.

В дальнейшем при созыве особых совещаний центральная власть будет привлекать региональных экспертов. Так, министр финансов В. Н. Коковцов в 1908 г. писал председателю Государственной думы Н. А. Хомякову, что расходы КВЖД из средств казны рассматривались в междуправительственном совещании, образованном при правлении Общества, с участием «специально для сего вызванного с места управляющего дорогой и председателя Ревизионной комиссии Общества»⁷³.

Неопределенность и отсутствие политического урегулирования в отношениях России с дальневосточными соседями — Японией и Китаем — привели в 1906–1907 гг. к застою и спаду в экономической жизни края. Русско-японская война вызвала массовую миграцию китайского населения и ломку сложившихся хозяйственных связей. «Многие русские фирмы, работавшие в Маньчжурии, остались с громадными запасами различных товаров <...> и разорились. В этих условиях возобновление нормальной работы КВЖД явилось важным фактором возрождения экономической жизни Северной Маньчжурии»⁷⁴.

О численности русского населения на Северо-Востоке Китая в «Историческом обзоре КВЖД» Е. Х. Нилуса приведены следующие

⁷³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685/1332. Л. 64 об.

⁷⁴ Ратманов П. Э. История врачебно-санитарной службы Китайской Восточной железной дороги (1897–1935 гг.). Хабаровск, 2009. С. 50.

данные: в 1907 г. на западном участке дороги было 15 970 русских, 5577 в поселке Маньчжурия (Маньчжоули), 1428 в Чжайлоно-ре, 4375 в Хайларе, 2767 в Бокэту (Бухэду), 1643 в Чжаланьтуне. К 1910 г. их численность выросла до 17 061 чел. — это более 30 % от численности населения Хулуныбуирского аймака (волости). На восточной линии проживало 7127 чел. (из них на дороге служили 3305) и 2004 ребенка, на южной линии — 729 мужчин и женщин (в том числе 503 служащих)⁷⁵.

К 1910 г. поселков, имевших более 2 тыс. жителей (русских и китайцев), было, кроме Харбина, семь: Маньчжурия, Хайлар, Имянь-по, Ханьдаохэцзы, Пограничная, Цицикар, станция Бухэду. По современным подсчетам, к 1910 г. русское население в поселках на линии КВЖД, казачье-крестьянское население Трехречья, в Харбине (после окончания Русско-японской войны его население уменьшилось) «составило порядка 70–75 тыс. чел. Маньчжурия стала даже неофициально именоваться Желтороссией»⁷⁶.

Уже на стадии постройки КВЖД сместила экономическую жизнь с Амурского региона в Маньчжурию, «интересы крупнейшей и бедствующей российской территории были принесены в жертву китайской провинции»⁷⁷. Проблемы колонизации русского Дальнего Востока в начале XX в. уже рассматривались в отдельной статье⁷⁸, отметим только, что с 1906 г. правительственные приоритеты и отношение к Маньчжурии и всему дальневосточному региону стали меняться.

После военного поражения и заключения Портсмутского мира определение дальнейшей стратегии, казалось, должно было стать прерогативой гражданских ведомств (Министерства финансов и Министерства иностранных дел), а не военных, но этого не про-

⁷⁵ Нилус Е. Х. Исторический обзор КВЖД: 1896–1923. Харбин, 1923; СПб., 2012. С. 621.

⁷⁶ Чапыгин И. В. Русские на территории Маньчжурии и полосы КВЖД (XVII — начало XX в.) // Преподаватель XXI век. Исторические науки. 2014. № 1. С. 326.

⁷⁷ Дятлова А. К. Внешняя политика Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в работах Стивена Маркса // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 611.

⁷⁸ Янченко Д. Г., Слободзян Г. М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 93–106.

изошло. В условиях японской угрозы цель мероприятий Военного министерства и Генерального штаба состояла в том, чтобы «отстоять хоть часть наших владений на побережье Тихого Океана до прибытия подкреплений»⁷⁹. Появление японских баз в Корее ослабило российские позиции. Японцы контролировали южную часть Маньчжурии. Приведем цитату из секретного доклада начальника Управления по делам о воинской повинности от 8 марта 1908 г.: «На север к Ляояну и Мукдену <...> части, заблаговременно перевезенные через море, могут ныне притекать уже тремя железнодорожными путями, а именно по линиям Андун — Ляоян, из Артура и Дальнего, и от Инкоу на Синминтин»⁸⁰. По расчетам военных аналитиков, в таких условиях за два месяца потенциальный противник легко сосредоточил бы у Харбина трехсоттысячную группировку.

В Особом совещании под председательством товарища министра финансов тайного советника Чистякова был принят ряд принципиальных решений по охране магистрали. Совещание определило пять основных пунктов дальнейшей правительственной политики вдоль линии КВЖД. Они оставались фактическим руководством к действию для русских властей до 1917 г., несмотря на изменения внешнеполитической ситуации на Дальнем Востоке. Без союзника (Китая) российская власть спешно искала выход из дипломатической и военной изоляции, в том числе в попытках проведения новых управленческих решений в Маньчжурии.

Особую активность в это период проявил командующий войсками на Дальнем Востоке Н. И. Гродеков. Бывший приамурский генерал-губернатор, человек, обладавший административным опытом, связями и авторитетом среди придворных чинов и научной элиты, стал выразителем интересов военных и смог предложить верховной власти и правительству свой вариант местных реформ. Идеальным устройством для генерала и до Русско-японской войны «был такой способ управления Маньчжурией, при котором она была бы освобождена от влияния пекинского правительства, и в то же время “не имела бы внешних признаков полного подчинения нам этой страны”»⁸¹. В 1906 г. Н. И. Гродеков добился поддержки от начальника Главного управления Генерального штаба Ф. Ф. Палицына,

⁷⁹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64. Л. 1 об.

⁸⁰ Там же. Л. 11.

⁸¹ Цит. по: *Ходяков М. В.* Китайско-Восточная железная дорога и планы усиления русского экономического влияния на Дальнем Востоке в преддверии

но столкнулся с непреодолимым сопротивлением со стороны Министерства финансов.

По мнению генерала, Заамурскую железнодорожную бригаду следовало подчинить управляющему КВЖД, «чтобы командир <...> состоял помощником управляющего дорогою по технической части и первым его заместителем»⁸². Командующий войсками на Дальнем Востоке предлагал: «[Нужно] вручить охрану Китайской Восточной железной дороги всецело ведению военного ведомства, передав последнему подчиненный ныне министру финансов Заамурский округ пограничной стражи. [В целях] всемерного объединения и защиты государственных интересов России в Манчжурии надлежало бы <...> поставить во главе всех наших мероприятий в названном крае особое лицо со званием Главноуполномоченного Правления Общества Китайской Восточной железной дороги, назначаемого по соглашению трех министров: военного, финансов и иностранных дел»⁸³.

Обсуждение перспектив управления КВЖД на уровне правительства, свидетельствовало, с одной стороны, об авторитете чиновников, участвовавших в дискуссии, с другой — об очередном витке межведомственной борьбы за влияние. Новый министр финансов — В. Н. Коковцов — не планировал поступаться прерогативами в дальневосточных делах, передоверять военным контроль над пограничной охраной в Маньчжурии. Вполне логичным ходом министра стало указание на внешнеполитические обязательства как основополагающий принцип проводимой политики. По утверждению В. Н. Коковцова, передача управления военным — прямое нарушение условий концессии на сооружение КВЖД. «Обществу <...> предоставлено лишь правило содержать на линии полицейскую охранную стражу. Организация ее в виде части корпуса пограничной стражи, подчиненной Министерству финансов, признавалась до сих пор китайским правительством как естественное последствие финансовой зависимости Общества Китайской железной дороги от упомянутого ведомства»⁸⁴.

В. Н. Коковцов, впрочем, не возражал, чтобы в «отношении строевой подготовки чинов названного округа и проверки их бое-

Первой мировой войны // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 3 (19). С. 53.

⁸² РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 3 об.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

вой готовности Военному министерству было предоставлено необходимое право надзора и самая широкая возможность убеждаться в соответствии округа возложенным на него секретным боевым задачам»⁸⁵.

Известно, что В. Н. Коковцов зачастую выступал противником усиления Военного министерства. В условиях думской монархии в России оно пользовалось большей административной и финансовой независимостью, чем другие структуры правительства, при неизменной поддержке со стороны Николая II. Для В. Н. Коковцова как министра это достаточно типичная ситуация в отношениях с иными ведомствами. Отчасти она и привела к его отставке в 1913 г. В 1906 г. в пику военным министр финансов предложил включить железнодорожные войска в состав Заамурского округа, чтобы достичь «полного единства в деле организации и управления теми силами, коим будет поручена охрана и эксплуатации дороги». Что касается мнения Н. И. Гродекова «об учреждении должности особого Главноуполномоченного для высшего руководства нашим Маньчжурским предприятием», то В. Н. Коковцов оправданно увидел в нем «воссоздание в новой форме наместничества на Дальнем Востоке, установление коего дало в первый раз такие плачевные результаты»⁸⁶.

Министра финансов поддерживал в этом начинании министр иностранных дел А. П. Извольский. Для того чтобы учесть интересы военных в регионе, правительство было готово повысить статус командиров в Маньчжурии. Начальнику Заамурского округа пограничной стражи было предложено присвоить «обязанности и права командира корпуса, подчинив его непосредственно министру финансов с сохранением существующего порядка заведования округом в хозяйственном отношении». Включив Заамурскую железнодорожную бригаду в состав Заамурского округа пограничной стражи, В. Н. Коковцов предлагал дать командиру бригады права «начальника дивизии и с подчинением его в отношении технической части железнодорожной эксплуатации <...> управляющему дорогой, а во всех прочих отношениях — начальнику названного округа»⁸⁷.

«В вопросах, требующих сношений с китайскими властями или затрагивающими права и интересы туземного населения, [округ]

⁸⁵ Там же. Л. 4 об.

⁸⁶ Там же. Л. 5 об.

⁸⁷ Там же. Л. 6 об.

действовал не иначе, как через управляющего дорогой или по соглашению с сим последним»⁸⁸, т.е. под контролем Министерства финансов (правительства). В полосе отчуждения дороги применялись законодательство и судебные уставы, функционировали войска и полиция, тюрьмы и таможенная служба Российской империи. Их действия зависели от согласованной политики Совета министров в отношении КВЖД.

В 1909–1910 гг. на дипломатическом уровне рассматривались проекты ограничения свободного перехода границы российскими и китайскими подданными⁸⁹. Обеспечить полный контроль дальневосточной границы в Российской империи не удалось. Министерство финансов признало этот факт в Инструкции для несения службы пограничного надзора сотням, командированным на усиление охраны участков государственной границы в Забайкальской и Приморских областях (апрель 1910 г.). В документе отмечалось: «[Пограничные жители], переходящие и переезжа[ющ]ие границу вне мест расположения таможенных учреждений не с торговыми целями <...> не должны подвергаться <...> ответственности за тайный переход границы и пропускаются беспрепятственно при условии соблюдения полицейских требований, установленных местными административными властями»⁹⁰.

В целом конец XIX — начало XX в. характеризуются ростом влияния как Министерства финансов, так и других центральных ведомств на все сферы управления периферийных и колонизируемых регионов. Именно стоимость проектов, финансы в условиях думской монархии определяли правительственную политику, хотя инструментов реализации ее в регионах было недостаточно⁹¹.

К 1906–1908 гг. относятся попытки формирования новой системы местного самоуправления в полосе отчуждения вдоль линии КВЖД. Гражданское управление осуществлялось Обществом КВЖД от своего имени на основании ст. 6 договора, заключенного 27 ав-

⁸⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 7.

⁸⁹ См. об этом: *Дацышен В. Г.* Очерки истории российско-китайской границы...

⁹⁰ Цит. по: *Чапыгин И. В.* Русские на территории Маньчжурии... С. 326.

⁹¹ См. об этом: *Флоринский М. Ф., Янченко Д. Г.* Финансы России и чрезвычайные полномочия Правительства в 1906–1914 гг. // *Былые годы. Российский исторический журнал.* 2016. № 42 (4). С. 1328–1336; *Янченко Д. Г.* Бюджет и финансы в Государственной думе...

густа (8 сентября) 1896 г. китайским правительством с Русско-Китайским банком об исключительном праве управления землями, отведенными для нужд дороги⁹². Русское правительство неоднократно подчеркивало приверженность в этом вопросе международным обязательствам, соблюдению «постановлений Высочайше утвержденного устава Общества и существующих международных трактатов»⁹³.

До 1907 г. проблему составляло отсутствие правового статуса муниципалитета Харбина. «В районе железной дороги появился новый для Дальнего Востока тип поселения — железнодорожные поселки, которые становились крупными узловыми пунктами и даже торгово-промышленными центрами на отдельных участках железнодорожной линии, разрастаясь в крупные города»⁹⁴. Города в полосе отчуждения вдоль линии КВЖД формально не могли считаться таковыми официальной российской властью. Используя европейские термины, это был обширный сэттлмент. На линии КВЖД к 1910 г. было создано около 20 поселений, в том числе достаточно крупные Маньчжурия и Харбин. «Для успешной эксплуатации КВЖД, создания обслуживающей базы дороги Россия вложила 280 млн руб. в городскую инфраструктуру г. Харбина»⁹⁵.

В полосу отчуждения вошел г. Цицикар, занимавшийся китайско-русской торговлей с конца XVII в. Более 2 тыс. чел. проживало в поселках Маньчжурия, Хайлар, Имянь-по, Ханьдаохэцзы, Пограничная, Цицикар, Бухэду. В Мулине, Фуляэрти, Шитоухэцзы, Чжаланьтуне, Чжалайноре, Уцзимихэ проживало порядка 1 тыс. чел. «В поселениях Общества КВЖД активно строилось жилье для переселенцев (в 1903 г. 294 061 м² жилья, 1910 г. — 606 587 м²)»⁹⁶. По южной ветке дороги, отошедшей японцам, было построено свыше 10 поселков, наиболее крупные из них — Порт-Артур и Дальний.

⁹² Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 / сост. И. В. Козьменко, отв. ред. Е. А. Адамов. М., 1952. С. 299.

⁹³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 1.

⁹⁴ Вивдыч М. А. Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX века // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). С. 43.

⁹⁵ Чэнь Цюцзе. Влияние КВЖД на численность населения Харбина // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 83.

⁹⁶ Ордынская Ю. В., Козыренко Н. Е. Исторический аспект градостроительного освоения Северо-Востока Китая // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 3, № 5. С. 126.

Основными перевалочными пунктами транзитной торговли Китая, Японии и России стали города Мукден и Харбин.

Количество мигрантов постоянно увеличивалось. К июлю 1911 г. численность населения Харбина составила 59 677 чел. К началу Первой мировой войны, по подсчетам современных исследователей, «русское население Харбина составляло 43 500 чел. (64,5 % общего числа жителей). Если в 1903 г. китайское население в городе преобладало, то к 1914 г. оно, не уменьшившись по абсолютным цифрам (примерно 28 тыс.), составляло 34,5 % от общего числа жителей. Возросла доля промышленников и торговцев»⁹⁷. Города вдоль линии перестраивались с учетом потребностей железной дороги. Станции, как правило, делились на русскую и китайскую части, планировка которых была различной. В китайских поселениях, вошедших в полосу отчуждения (Куанченцзы, Ляоян, Мукден, Телин, Хайчен, Цзинчжоу, Шуанченпу), сохранялась старая застройка.

Контракт 1896 г. на постройку КВЖД предполагал создание специальной судебной комиссии (цзяо-шэ-цзюй) — Смешанного присутствия из китайских чиновников и уполномоченных от главного инженера дороги. Оно ведало вопросами взаимоотношений между местным населением, строителями дороги, переселенцами, выполняло нотариальные функции. Территория северной части КВЖД была в компетенции Владивостокского и Читинского окружных судов. Все учреждения были подведомственны Иркутской судебной палате. Особое совещание по вопросам об обустройстве судебной части в Маньчжурии (9 июня 1901 г.) постановило учредить в полосе отчуждения КВЖД должности мировых судей «с их подчинением ведению ближайших окружных судов Российской империи»⁹⁸.

Вопрос о введении местного самоуправления особенно важен, поскольку большинство российских регионов, Сибирь и Дальний Восток столкнулись с этой проблемой еще накануне Первой русской революции, и решения своего она не получила. Разработку проекта реформы по указанию первого председателя Совета министров Российской империи С. Ю. Витте начал в 1905 г. действовавший тогда

⁹⁷ Чапыгин И. В. Русские на территории Маньчжурии... С. 327.

⁹⁸ Цит. по: Друзяка А. В. «Институт хотя и чуждый пока китайскому законодательству, но жизненно ему необходимый»: русский нотариат в Маньчжурии (1904–1940-е гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2015. Т. 2, № 4 (24). С. 5.

министр финансов И. П. Шипов. Предлагались следующие изменения:

- гражданское управление вводилось и осуществлялось Обществом КВЖД самостоятельно с соблюдением условий концессии и международных договоров;
- русское правительство осуществляло надзор через Министерство финансов на основании устава Общества;
- Общество КВЖД организовывало гражданское управление в виде особого отдела управления железной дороги;
- руководство администрацией и полицией возлагалось на управляющего дорогой и его помощника по гражданской части;
- управляющий железной дорогой и его помощник по гражданской части назначались правлением Общества с утверждения министра финансов;
- расходы по содержанию гражданского управления относились на счет Общества КВЖД и производились на основании смет и штатов, утвержденных в общем порядке, т. е. министром финансов по журналам Правления КВЖД⁹⁹.

Вслед за Министерством финансов министры иностранных дел (до мая 1906 г. В. Н. Ламздорф, затем А. П. Извольский) и российский посланник в Пекине Д. Д. Покотилов подчеркивали важность того, что управление должно вводиться «от имени Общества, с приурочением организации дела к деятельности частной компании, преследующей исключительно экономические задачи»¹⁰⁰.

В конце мая 1906 г. к дискуссии подключился командующий войсками на Дальнем Востоке Н. И. Гродеков. Он, как и местная комиссия под председательством исполняющего должность главного начальника тыла войск Дальнего Востока генерал-лейтенанта К. А. Кондратовича, в целом разделял точку зрения министров финансов и иностранных дел, но детали видел иначе. По мнению комиссии К. А. Кондратовича и Н. И. Гродекова, управляющий дорогой был перегружен работой и ему следовало оставить лишь технические вопросы, выделив гражданское управление в самостоятельный отдел КВЖД.

⁹⁹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 об. – 2.

¹⁰⁰ Там же.

В чем состояли основные предложения местной комиссии? В создании окружных и городских общественных учреждений, а также Главного комитета по делам общественного управления «применительно к действующим в России “Положению о земских учреждениях” и “Городовому положению” 1892 г.»¹⁰¹.

Предполагалось, что окружные управления займутся соответственно названию делами округов, каждый из которых составлялся бы из группы небольших поселков. Городские управления занимались бы делами крупных поселений, а Главный комитет становился высшей администрацией в полосе отчуждения, наблюдавшей за правильностью и законностью действий властей. Выборность части администрации могла обеспечить доверие местных жителей. Это в какой-то степени нивелировало мнение большинства военных из комиссии генерала К. А. Кондратовича о том, что «интересы населения не всегда могут совпадать с интересами дороги», т.е. коммерческого предприятия, неограниченное хозяйствование которого «на территории, занимаемой десятками тысяч русских подданных, не может быть допущено по государственным соображениям»¹⁰².

Комиссия настаивала на сохранении именно 33 гласных городской думы, а не девяти (четыре по назначению и пять выборных), как это предлагалось министром финансов В. Н. Коковцовым. Отмечалось, что «члены по назначению, как должностные, всегда будут посещать совет более аккуратно, чем выборные <...> виду необходимости предоставить каждой национальности хотя бы по одному представителю в думе или совете, при числе совета из девяти может случиться, что на долю преобладающего в Харбине русского населения придется всего лишь один представитель»¹⁰³.

Что касается назначаемых членов Главного комитета, то руководящую роль в нем планировалось оставить управляющему дорогой. Обязательное участие прокурора окружного суда, чиновников и представителей общественных управлений гарантировало коллегиальность решений, что в условиях думской монархии приобрело большое политическое значение. Министр финансов оставался высшей инстанцией в делах управления в полосе отчуждения. Та роль, которая когда-то негласно принадлежала С. Ю. Витте, становилась официальной прерогативой министра.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 2 об.

¹⁰² Там же. Л. 2.

¹⁰³ Там же. Л. 3.

Особая роль в реформаторских планах военных отводилась «русскому городу» — Харбину. Его благоустройство во многом ставилось в зависимость от успешного внедрения Городового положения 1892 г., но и в это положение предлагалось ввести коррективы. Число городских гласных — 33 чел., но 11 назначались бы из чинов управления дороги (сам Н. И. Гродеков предлагал расширить права местного населения и назначать не 1/3 от состава, а 25 %) и 22 избирались. При этом вводилась дискриминационная мера по отношению к китайскому населению и иностранцам. В составе 22 выборных городской думы должно было состоять не менее 14 христиан русского подданства и не более пяти китайцев. Избирательные собрания предлагалось разделить: одно — для китайцев, другое — для прочих поселенцев¹⁰⁴.

В июне 1906 г. работы министерского Особого совещания по вопросу о введении гражданского правления на территории КВЖД начались с признания того, что на Дальнем Востоке России предстоит серьезная борьба за экономическое влияние с иностранцами. Заселение полосы отчуждения КВЖД, развитие торговли и промышленности были возможны, по мнению членов ОСО, только в случае реорганизации гражданского управления. Состав ОСО определялся Министерством финансов (товарищ министра финансов тайный советник Чистяков, юрисконсульт действительный статский советник Цветков, директор Канцелярии министра статский советник Львов) и Министерством иностранных дел (в совещании участвовал будущий посланник в Пекине, вице-директор Первого департамента МИД статский советник Коростовец). Члены правления Общества КВЖД в составе ОСО могли охарактеризовать положение дел на дороге, соблюсти процедуру (так как речь идет о коммерческой компании), но окончательное решение в силу зависимости Общества от Министерства финансов принимал руководитель ведомства. Организация местного управления, круг его деятельности определялись особыми положениями, утверждаемыми правлением Общества КВЖД «по образцу существующих на Дальнем Востоке русских и иностранных селтльментов, как, например, в Тяньцзине, Ханькоу, Шанхае»¹⁰⁵.

Для надзора за «общественными управлениями и для заведования делами тех пунктов, где таковых управлений не имеется, а также для рассмотрения и утверждения в подлежащих случаях

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 1 об.

постановлений общественных управлений» при КВЖД в виде особого отдела учреждалось управление гражданской частью. Расхождений с проектом военных в этом пункте не было. Заведование отделом должно было возлагаться на помощника управляющего дорогой по гражданской части в соответствии с предложениями, выработанными Шиповым по поручению С. Ю. Витте. Одновременно с расширением гражданской администрации признавалось желательным упразднить временное жандармское полицейское управление, которое было введено высочайшим повелением 13 мая 1904 г. для несения полицейской службы и ведения розыска на линии.

Ведению общественного управления подлежала «в каждом отдельном пункте на полосе отчуждения» КВЖД «определенная, четко обозначенная на утверждаемом правлением Общества плане, территория в составе земель Общества Китайской Восточной железной дороги, городского населения и частных владельцев». Вся городская инфраструктура, «улицы, общественные площади, сады, парки, мосты и т. п.» поступала в ведение самоуправления¹⁰⁶. Использование этих земель под иные цели могло санкционировать только правление Общества. По сути, самоуправлению передавались некоторые права земств, что также не противоречило предложениям военных. Работа новых структур обеспечивалась из «средств, которые составляются из сборов земель, домов, торговли и промыслов, и прочих сборов»¹⁰⁷. Для решения неотложных дел, общих для всей территории КВЖД, полагались отчисления «из местных по каждому поселению сборов» не более 5 % в распоряжение Управления дорогой¹⁰⁸.

Проблему на какое-то время составило отсутствие правового статуса городского муниципалитета Харбина, но с 1907 г. самоуправление получило право на сборы с актов, заключаемых у местных нотариусов¹⁰⁹. Правовой статус харбинских нотариусов был уникален. «Их должности учреждались специальными императорскими указами, а именные печати украшал не областной герб, как у их коллег, действовавших в пределах России, а государственный герб империи»¹¹⁰. Должности харбинских нотариусов были учреждены указами Николая II в 1904 и 1906 гг., и работы им хватало.

¹⁰⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 10.

¹⁰⁷ Там же. Л. 10 об.

¹⁰⁸ Там же. Л. 11.

¹⁰⁹ См. об этом: *Друзья А. В. «Институт хотя и чуждый...»*. С. 5.

¹¹⁰ Там же.

КВЖД выкупала у частных владельцев отчуждаемые для нужд дороги земли, сделки оформлялись юридически. На перегонах между станциями ширина такого участка «устанавливалась в 40 сажен (по 20 в каждую сторону), но фактически была меньше: по 15 сажен с одной стороны и 18 — с другой (<...> около 32 м и немногим более 38 м). Под большие станции отчуждалось по 50 десятин земли (54,5 га), под остальные и разъезды — до 30 десятин (32,7 га)»¹¹¹.

Жалобы на действия по гражданскому управлению рассматривались правлением Общества КВЖД. Заведывание полицией осталось у Общества КВЖД. Там, где выборы были невозможны, сохранялись прежние порядки, взимались натуральные повинности.

Очевидно, что «восприятие Маньчжурии как российской колонии, так называемой “Желтороссии”, было весьма распространено среди дореволюционных российских политических деятелей»¹¹². Предложения Н. И. Гродекова, сделавшего образцовую военную карьеру, в целом нужно рассматривать как попытку усилить положение Военного министерства на имперской окраине, а не как политическую интригу. В. Н. Коковцов настоял на том, чтобы в дальнейшем рассматривать общие вопросы, связанные с железнодорожной охраной КВЖД, в совещании под руководством «председателя Совета министров, из министров: финансов, военного, иностранных дел, путей сообщения, а также государственного контролера и начальника Генерального штаба»¹¹³. За собой министр оставил и гражданское управление.

Военные пытались напугать Николая II революционной угрозой со стороны железнодорожников, которые состоят «в значительной степени, из элементов, враждебных русской государственности. <...> Стоит только военное положение упразднить, командира сводного корпуса убрать, как революционное движение вновь поднимется», — утверждал Н. И. Гродеков¹¹⁴. Толчком к новой волне революционных потрясений на Дальнем Востоке, по мнению генерала, должна была стать годовщина выборов в Первую Государственную думу — апрель 1907 г.

В целом предложения генерала, рассмотренные Советом министров и императором, сводились к четырем пунктам и увязывались

¹¹¹ Чапыгин И. В. Русские на территории Маньчжурии... С. 322.

¹¹² Ратманов П. Э. История врачебно-санитарной службы... С. 65.

¹¹³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 70. Л. 3 об.

¹¹⁴ Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 12 об.

с обеспечением безопасности на линии: 1) пополнение служащих КВЖД «запасными чинами, как офицерского звания, так и нижними чинами, которые, с наступлением военного времени, призывались бы на службу и продолжали исполнять на дороге прежние свои обязанности»; 2) усиление военной разведки, что, как показывала история взаимодействия с местным населением, было мерой необходимой; 3) создание складов военного ведомства вдоль железнодорожной линии; 4) создание особого органа при военном министре для контроля над войсками вдоль КВЖД¹¹⁵.

Если второй и третий пункты предложений Н. И. Гродекова возражений вызвать не могли, то первый и четвертый в случае их принятия Советом министров и царем разрушали сложившуюся после войны систему управления и обеспечения безопасности, как внутренней, так и внешней.

Очевидно, военные предполагали сопротивление со стороны правительства, поэтому в материалах, представленных Н. И. Гродековым Николаю II, должность военного управляющего КВЖД называлась временной. Вторя многим российским политикам, Н. И. Гродеков писал, что с окончанием постройки Амурской железной дороги военное значение КВЖД отпадет, а должность можно будет упразднить. Перспективы дороги по Амуру российскими политическими деятелями и обществом в целом оценивались выше, чем аренда дороги в Маньчжурии. Генерал Н. И. Гродеков апеллировал к весьма распространенным в русском обществе настроениям о неизбежности новой войны с Японией¹¹⁶.

Главноуполномоченным Общества должен был, по мнению военных, стать авторитетный человек, выбранный по согласованию министров (военного и финансов) с подчинением ему начальника Заамурского округа, управляющего дорогой и гражданской частью. Конечно, роль Министерства финансов в решении вопросов КВЖД в такой системе сводилась бы к чисто формальной функции, а министр становился своего рода свадебным генералом. Его ведомство ассигновывало бы средства на железную дорогу, а расходы осуществляли и контролировали бы военные. В этой главе мы проанализируем структуру государственных расходов по модернизации русской части КВЖД. Очевидно, что эксплуатационные расходы при

¹¹⁵ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 61. Л. 12 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 13.

любых организационных изменениях осуществлялись бы за счет казны. Постройка альтернативной Амурской магистрали, потребности внутреннего рынка Российской империи делали необходимыми не только перераспределение подвижного состава и модернизацию дороги, но и корректировку правительственного курса¹¹⁷.

Император предпочел согласиться с доводами правительства и ограничился упомянутой выше резолюцией на мнении генерала Н. И. Продекова: «Дай Бог, чтобы изложенные опасения не сбылись!»¹¹⁸ Предложения Особого совещания по реорганизации местного управления были утверждены Николаем II 28 ноября 1906 г. и на протяжении трех лет сохраняли свою силу. В 1907 г. между Россией и Японией было заключено соглашение по политическим вопросам. Таким образом, неопределенность статуса КВЖД и ее полосы отчуждения после Русско-японской войны, непонимание правительством перспектив их дальнейшего развития относятся лишь к короткому периоду 1906–1907 гг. Подготовка к большой войне в Европе вынуждает отказаться от экспансии в Маньчжурии и использовать дипломатические инструменты для урегулирования противоречий с другими региональными игроками. Зимой 1910–1911 гг. в Маньчжурии свирепствовала эпидемия чумы. Этот вопрос был под пристальным вниманием газет и обсуждался в январе 1911 г. на заседании Государственной думы. Министр финансов В. Н. Коковцов вынужден был объяснять, что Маньчжурия не является территорией России и «КВЖД не может ни по финансовым, ни политическим соображениям принять на себя полномочия борьбы с эпидемией чумы во всем Северо-Восточном Китае»¹¹⁹.

К началу Первой мировой войны русские частные вложения в Маньчжурию составили почти 91 млн руб. Основной собственностью России в Китае оставалась «КВЖД, в строительство и развитие которой было вложено к 1914 г. около 542 млн руб.»¹²⁰. Именно поэтому интересы Министерства финансов на Дальнем Востоке и в Китае продолжали оказывать влияние на всю политику до 1917 г.

¹¹⁷ См. об этом: Янченко Д. Г., Старовойтова Е. О. Перспективы экономического развития... С. 583–597.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 12.

¹¹⁹ Цит. по: Ратманов П. Э. История врачебно-санитарной службы... С. 65.

¹²⁰ Жигалов Б. С. КВЖД в дальневосточной политике России (1906–1914 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 1. С. 41.

После окончания Русско-японской войны была предпринята попытка перенести Городовое положение 1892 г. на дальневосточную окраину и колонизируемые территории Маньчжурии. Примечательно, что локомотивом этой идеи выступили военные и гражданские чиновники, хорошо знакомые с состоянием дел в регионе. Изменение переселенческой политики, разношерстный контингент тех, кто прибывал в Маньчжурию и оседал там, подталкивали к либерализации административной системы. Министр финансов оставался сторонником соблюдения международных обязательств и предлагал введение общественного управления в Харбине по образцу иностранных концессий. В Тяньцзине и Ханькоу уже действовали русские селтльменты, и очевидной новизны такая форма управления не требовала. В итоге министр добился своего.

Проекты, обсуждавшиеся русским правительством, для российских порядков начала XX в. были достаточно либеральными, при этом Общество КВЖД полностью зависело от Министерства финансов. В условиях подготовки к большой войне в Европе в регионе усиливается иностранное, в том числе китайское, влияние. Русские власти под давлением МИДа не желали обострять отношения с Японией и Китаем. Согласно Положению о Харбинском общественном управлении (Предварительное русско-китайское соглашение о порядке управления в полосе отчуждения КВЖД, 1909 г.), русские не получили никаких дополнительных привилегий, а государственные власти России официально не принимали участия в образовании общественного управления и никакого представительства в нем не имели. Министр финансов при этом остался высшей инстанцией в делах управления в полосе отчуждения КВЖД.

1.3. Политика в отношении Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: экономические перспективы и международные договоры

Экономическое и культурное значение Китайско-Восточной железной дороги сложно переоценить. Заложенная в 1896 г. как продолжение Транссибирской магистрали и введенная в эксплуатацию в 1903 г. железнодорожная линия впервые связала Читу с Владивостоком и Порт-Артуром, став базой для защиты интересов Российской империи на Дальнем Востоке. Поражение в «несчастливой»

войне 1904–1905 гг. продолжило цепь неудач российской дальневосточной политики. Процессы экономического освоения региона, огромные финансовые вложения, успехи русской колонизации и вопросы государственного престижа не позволяли русскому правительству напрямую отказаться от экспансии в Маньчжурии. Однако новые внутривластные условия думской монархии и подготовка к войне в Европе заставили правительство скорректировать цели и задачи на Дальнем Востоке.

По мнению Н. Е. Абловой, строительство КВЖД привело к возникновению в Маньчжурии своеобразного феномена: «На пустынных китайских землях возникло в лице полосы отчуждения КВЖД “государство в государстве”: со своими четко обозначенными границами и территорией, многонациональным населением, законодательной (Правление КВЖД) и исполнительной (Управление КВЖД) властями, своими “главой государства” (Управляющий КВЖД), министерствами (Земельный отдел, Служба тяги и т.п.), полицией и армией (Заамурский округ пограничной стражи), судом и муниципальным управлением, собственной системой образования и здравоохранения и т.д.»¹²¹ Н. А. Самойлов отмечает, что «КВЖД не только оказала благотворное влияние на развитие экономики, рост народонаселения и другие стороны общественной жизни Маньчжурии, но и стимулировала разнообразную культурно-просветительскую деятельность в крае»¹²².

До недавнего времени большая часть китайских авторов, занимающихся изучением международных отношений на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в., игнорировала значение КВЖД для экономического развития Маньчжурии, сознательно умалчивая о положительных аспектах деятельности России в регионе¹²³. Однако в публикуемых с 2000-х годов статьях по истории КВЖД и экономической истории Маньчжурии китайские авторы все чаще пишут о значении, которое первая железнодорожная магистраль оказала на экономическое и культурное развитие, а также о положительном

¹²¹ Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005. С. 20–21.

¹²² Самойлов Н. А. Историческое наследие КВЖД и формирование образа России на Северо-Востоке Китая // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 90.

¹²³ См. об этом: Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае... С. 20–21.

влиянии русской культуры на культуру региона, в частности Харбина. Можно отметить публикации таких авторов, как Чэн Линь¹²⁴, Фань Лицзюнь и Цюй Личао¹²⁵, Син Линьчи¹²⁶, Го Лань¹²⁷, Лю Цзе¹²⁸ и др.

Ни классическая монография Б. А. Романова «Россия в Маньчжурии...»¹²⁹, ни книга И. В. Лукоянова¹³⁰ — одна из наиболее известных и подробных современных работ по этой теме — не затрагивают анализируемого нами периода и пересмотра правительственной экономической политики после военного поражения на Дальнем Востоке. В 1906–1908 гг. политические условия думской монархии вывели на первый план дискуссии о целесообразности большинства экономических мероприятий правительства, в том числе финансирования расходов КВЖД как эффективного способа сохранения русского влияния в Китае.

Заключенный 23 августа (5 сентября) 1905 г. Портсмутский мирный договор, помимо прочих уступок со стороны России в отношении Японии, фактически прекратил действие секретного российско-китайского договора 1896 г. о союзе в отражении японской экспансии в Восточной Азии и строительстве КВЖД¹³¹. Россия уступала Японии право на аренду части полуострова Ляодун с портами Люйшунькоу (Порт-Артур), Далянь (Дальний), а также часть Южно-Маньчжурской железной дороги (часть КВЖД, соединяющая Харбин с Порт-Артуром; далее — ЮМЖД) — от Порт-Артура до Ку-

¹²⁴ Чэн Линь (程琳). Еще раз к вопросу о КВЖД и урбанизации (中东铁路与区域城镇化问题再探) // Хэйлунцзян шичжи (东北师范大学). Чанчунь, 2008. № 15. С. 5–7.

¹²⁵ Фань Лицзюнь, Цюй Личао (范立君、曲立超). КВЖД и разработка лесных ресурсов на р. Сунгари в Новое время (中东铁路与近代松花江流域森林资源开发) // Цзилинь шифань дасюэ сюэбао (吉林师范大学). Сыпин, 2009. № 3. С. 35–37.

¹²⁶ Син Линьчи (邢林池). КВЖД — отправная точка Северо-Востока отмечает 100-летие (中东铁路：百年东北起点站) // Кань лиши (看历史). Пекин, 2012. № 9. С. 58–67.

¹²⁷ Го Лань (郭岚). Влияние КВЖД на страховую отрасль Харбина (1900–1931) (中东铁路对哈尔滨保险业的影响(1900-1931年)) // Цие цзишу кайфа (企业技术开发). Чанша, 2014. № 6. С. 109–110.

¹²⁸ Лю Цзе (刘洁). Влияние сооружения КВЖД на Маньчжурию (中东铁路的修筑对满洲里的影响) // Хэйлунцзян шичжи (黑龙江史志). Харбин, 2015. № 3. С. 35–37.

¹²⁹ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906).

¹³⁰ Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...».

¹³¹ Русско-китайские отношения 1689–1916. С. 73–77.

аньчэнцзы (современный г. Чанчунь в провинции Цзилинь). Таким образом, КВЖД оказалась в зоне японской политической и экономической экспансии. Контракты КВЖД, оставаясь одним из средств, регулирующих положение России в Маньчжурии, формально являлись частными соглашениями, «лишь в малой степени могли быть использованы в государственных целях» и не способны были в полной мере гарантировать «существующее положение», особенно если принимать во внимание «пробудившееся самосознание китайцев и их стремление освободиться от иностранной опеки»¹³².

Японии по итогам Портсмутского мира удалось приобрести новую, хотя и поврежденную в ходе боев дорогу. Современники писали: «Они в своем балансе вправе занести в актив железнодорожного дела 15 000 000 рублей. Это — капитал, не требующий никакого погашения <...> обеспечивающий при всяких условиях нормальный рост в 4–5 %»¹³³. После подписания мирного договора с Россией и заключения соглашения с Китаем 5 (22) декабря 1905 г. Япония продолжила расширять влияние в регионе. Среди мер, предпринятых японскими властями для достижения этой цели, — возбуждение вопроса о преимуществах азиатских стран в освоении Маньчжурии, требования свободного хождения судов по р. Сунгари, а также участие в строительстве новых железнодорожных линий Чанчунь — Гирин и Мукден — Синминтинь¹³⁴. Победители, в отличие от русского правительства, активнейшим образом включились в экономическое освоение территорий, прилегающих к ЮМЖД.

Особенности российской колонизации начала XX в. и тяжелая финансовая ситуация требовали от российского правительства новых подходов. В конце 1906 г. российское Министерство путей сообщения (далее — МПС) потребовало у Государственного казначейства 60 млн руб. на подвижной состав. Министр финансов В. Н. Коковцов предложил сократить сумму до 45 млн руб., безвозмездно передав на железнодорожную внутреннюю сеть часть вагонов и платформ, принадлежавших КВЖД¹³⁵. Речь шла о 6 тыс. вагонов и 1850 платформах. Количество подвижного состава сократилось бы до 4 тыс. единиц «в счет коих уже передано свыше 2000 вагонов»¹³⁶; предполагалась

¹³² РГИА. Ф. 560. Оп. 45. Д. 23. Л. 6.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 91.

¹³⁶ Там же.

передача паровозов. В. Н. Коковцов отмечал: «Эта дорога недостаточно справедливо оценивается общественным мнением, она построена и оборудована лучше, чем большинство наших дорог, и дай Бог, чтобы наши дороги имели такую пропускную и провозную способность»¹³⁷. Противодействие русского Генерального штаба политике Министерства финансов было связано с возможностью очередного столкновения с Японией и дискуссиями о перспективах колонизации на Дальнем Востоке, начавшимися в Совете министров России в 1906 г. и продолжавшимися с переменными успехами до 1909 г.

Министерство путей сообщения не представило бюджетной комиссии Государственной думы подробных разъяснений о состоянии дел на КВЖД, сославшись на то, что дорога частная. В дискуссии с правительством поучаствовал представитель западных окраин в Третьей думе Г. И. Свенцицкий. Он считал, что постройка товарных вагонов в то время была излишней, а в связи с постройкой особого типа переселенческих вагонов нужно «возвратить товарному парку 15 000 теплушек и, кроме того, имеется еще на КВЖД 6000 вагонов, которые стоят на солнце, трескаются, ржавеют»¹³⁸. По мнению депутата, нужно было реорганизовать управление дорогой так, чтобы капитал в 7–8 млн руб., «которые представляют эти вагоны, без процентов не пропадал, чтобы сеть пользовалась этими вагонами, тем более что, если когда-нибудь нужна будет перевозка войск, то <...> вагоны должны быть на сети»¹³⁹.

Экономические успехи японцев, несмотря на бойкот японских товаров местным китайским населением, были впечатляющими. По сообщениям русской прессы, уже в 1907 г. возрос объем перевозок платных грузов по линии ЮМЖД («около 80 млн пудов»); кроме того, японцы «проявляли настоящую виртуозность в умении “нащупать и использовать” дополнительные ресурсы в районе дороги <...> о чем свидетельствовали существенные показатели миграции туземного населения»¹⁴⁰.

В 1908 г. британская пресса организовала идеологическую кампанию, направленную против японского правительства, обвиняя его в попытках захватить Маньчжурию и в препятствовании свободной

¹³⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 91.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Штейнфельд Н. Южно-Маньчжурская железная дорога в освещении цифрами и фактами // Харбинский вестник. 1908. № 1315. 8 июня.

торговле на Дальнем Востоке¹⁴¹. В том же 1908 г. в Харбине были открыты представительства корпорации «Мицуй Буссан Кайся» (Mitsui Bussan Kaisha) и агентство ЮМЖД. «Южная Маньчжурия завоевана японцами оружием, а северную они начинают завоевывать экономическим путем», — полагали современники¹⁴². «Почему-то всякому было бы обидно, если бы его упрекнули во Франции, что он не умеет считать на франки, а здесь, в Китае, считать на дяо считается чем-то ненормальным. Когда говорят о курсе рубля во франках, марках или енах (так в оригинале. — *Авт.*), то это всем понятно. Когда же говорят о курсе рубля в дяо — это для многих китайская грамота»¹⁴³.

В течение трех лет после окончания военных действий крупные японские корпорации, такие как Mitsui Bussan Kaisha, располагавшие значительными капиталами и пользовавшиеся поддержкой со стороны государства и кредитных организаций, «покрыли всю Южную Маньчжурию сетью факторий и складов для скупки местных продуктов и сбыта японских фабрикантов»¹⁴⁴. По мнению управляющего КВЖД, генерал-майора Д. Л. Хорвата, Россия «могла противопоставить этой могущественной сплоченной организации лишь обесиленное и прекратившее почти все активные операции единственное наше банковское учреждение и дополнительные предприятия дороги, которые из-за отсутствия средств и недостаточного отпуска кредитов не имеют возможности развить в должной мере полезной и плодотворной деятельности, для которой они существуют»¹⁴⁵.

Влияние на Китай итогов этого противостояния и последовавшего затем сближения России с Японией было негативным. Китайские авторы объясняют подобный союз в том числе необходимостью противодействия проводимой Соединенными Штатами «политике открытых дверей». Российская империя не могла преуспеть в противостоянии в силу своей экономической отсталости¹⁴⁶. По

¹⁴¹ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 555. Л. 33.

¹⁴² *Ирклевский А.* Завоевание японцами Северной Маньчжурии // Харбинский вестник. 1908. № 1365. 10 авг.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 555. Л. 67 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 67 об. — 68.

¹⁴⁶ *Ху Личжун, Цзинь Гуанъяо, Шэнь Цзиши* (胡礼忠、金光耀、沈济时). От Нерчинского договора до визита Ельцина. 300 лет российско-китайских и советско-китайских отношений (从尼布楚条约到叶利钦访华: 中俄中苏关系300年). Фучжоу, 1994. С. 109.

мнению Юэ Вэй, автора диссертации, посвященной особенностям русско-китайских отношений 1900–1924 гг., «для слабого правительства Цин заключение секретного соглашения между Россией и Японией (Русско-японское соглашение от 17/30 июля 1907 г. — *Авт.*), несомненно, стало началом новой катастрофы. Оно сделало абсолютно неэффективным “единственное волшебное оружие”, на которое делался расчет, а именно стратегию “руками варваров подавлять варваров”»¹⁴⁷.

Если обратиться к материалам о русской Маньчжурии, хранящимся в РГИА, то большая их часть посвящена именно попыткам сохранить влияние и расширить экономическую экспансию в Северной Маньчжурии, а также проблемам управления КВЖД. Со времени планирования строительства и сама КВЖД, и ее полоса отчуждения были постоянными предметами споров между представителями различных петербургских ведомств, прежде всего Министерства финансов и военного ведомства. По мнению В. В. Бурковой, директора музея Дальневосточной железной дороги ОАО «РЖД» в г. Хабаровске, период с 1903 по 1907 г., т. е. с момента пуска КВЖД в эксплуатацию и до ее полного восстановления после Русско-японской войны, являлся наиболее сложным для коммерческой деятельности. Это было связано с наличием большого количества недоделок перед пуском дороги, с необходимостью обслуживать театр военных действий в ходе войны, с потерей южной части ветки (Чанчунь — Порт-Артур) по условиям Портсмутского мира. В то же время автор подчеркивает, что с 1908 по 1913 г., в условиях мирного времени, КВЖД удалось преодолеть основные трудности и она «неуклонно наращивала объемы грузовых перевозок, повышая рентабельность»¹⁴⁸.

Именно к 1906–1909 гг. относится формирование особой системы местного самоуправления в полосе отчуждения КВЖД. Поскольку гражданское управление осуществлялось Обществом КВЖД от своего имени на основании ст. 6 международного договора, заклю-

¹⁴⁷ Юэ Вэй (岳巍). Об особенностях русско-китайских отношений 1900–1924 гг. (论1900–1924年中俄关系之特点) // China Academic Journal Electronic Publishing House. С. 130. URL: [http://oversea.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?recid=&FileName=2007146598.nh&DbName=CDFD2008&DbCode=CDFD&uid=WEEvREcwSljHSldRa1FhdjkjVWI0QVROTKlvNnJCZy9pRHY1SEJvSHozYz0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw!!](http://oversea.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?recid=&FileName=2007146598.nh&DbName=CDFD2008&DbCode=CDFD&uid=WEEvREcwSljHSldRa1FhdjkjVWI0QVROTKlvNnJCZy9pRHY1SEJvSHozYz0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4IQMovwHtwkF4VYPoHbKxJw!!) (дата обращения: 17.10.2016).

¹⁴⁸ Буркова В. В. Китайско-Восточная железная дорога. С. 28–29.

ченного 27 августа (8 сентября) 1896 г. китайским правительством с Русско-Китайским банком об исключительном праве управления землями, отведенными для нужд дороги¹⁴⁹, то после войны правительство в интересах России подчеркивало приверженность в этом вопросе международным обязательствам, точному соблюдению «устава Общества и существующих международных трактатов»¹⁵⁰. В Харбине и части населенных пунктов на территории дороги планировалось расширить «общественное управление при участии выборных от местного населения лиц, но с сохранением непосредственной зависимости учреждений местного самоуправления» и полиции от Общества КВЖД, т. е. правительства¹⁵¹. В перспективе, как уже отмечалось, предполагалось дать местному управлению некоторые права российских городских учреждений, в том числе в сфере налогообложения.

Однако в такой ситуации активизировались русские ястребы из Военного министерства, Генерального штаба и правые члены Думы, которые жаждали реванша на Дальнем Востоке. Контроль над КВЖД был первым шагом к нему. Международные договоры с Китаем и Японией в случае выполнения их требований, по сути, отменялись. Успех военных привел бы к изменению структуры управления КВЖД в сторону усиления русского влияния с неочевидными экономическими и геополитическими перспективами. Правительство под руководством П. А. Столыпина (прежде всего Министерство финансов В. Н. Коковцова при поддержке МИД) на первом этапе сумело противостоять настойчивым попыткам военных установить полный контроль над железной дорогой. Компромиссная внешняя политика России накануне Синьхайской революции в Китае и урегулирование противоречий с Японией привели к отказу от планов ввести самоуправление на основе городского положения 1892 г. в русской Маньчжурии, к сохранению ограниченного количества выборных от некоренного населения при росте китайского влияния в городах полосы отчуждения КВЖД¹⁵².

¹⁴⁹ Контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. М., 1952. С. 297–301. С. 299.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 1.

¹⁵¹ Там же. Л. 10.

¹⁵² Предварительное русско-китайское соглашение о порядке управления в полосе отчуждения КВЖД от 27 апреля 1909 г. // Русско-китайские отношения 1689–1916. С. 97–99.

Управление линией КВЖД сохранило ведомственный характер, а экономическое, инфраструктурное развитие целиком зависело от бюджетного финансирования. На железные дороги приходилась одна из самых значительных расходных статей государственной росписи доходов и расходов (бюджета), как по смете МПС, так и по линии Департамента железнодорожных дел Министерства финансов. Вопросы финансирования КВЖД, обсуждавшиеся в комиссиях Государственной думы, позволяют охарактеризовать состояние капитального строительства в полосе отчуждения, необходимость возведения новых сооружений, а также проблемы долгостроя. В ноябре 1907 г. министр финансов и директор Департамента железнодорожных дел представили в Думу смету доходов и расходов специальных средств на 1908 г.

В 1907 г. на выдачу Обществу КВЖД было ассигновано 5,3 млн руб. Правительство предполагало поддержку железнодорожного строительства в размере 7,5 млн руб., но 2,2 млн переносились в отдел обыкновенных расходов бюджета. Расходы 1908 г. предлагалось оставить без изменения — 7,5 млн руб.¹⁵³ При общем сокращении сметы Департамента железнодорожных дел на 2,5 млн — с 43,75 млн руб. в 1907 г. до 41,24 млн в 1908 г. — сохранение чрезвычайных расходов было обусловлено необходимостью поддерживать дорогу, а значит, и русское влияние, престиж России на Дальнем Востоке в условиях японской экономической экспансии. Чиновники постоянно отмечали вынужденный характер финансирования в целях поддержки стратегически значимой дороги. В условиях обсуждения бюджета нижней палатой — Государственной думой — Министерству финансов важно было провести ассигнования до утверждения государственной росписи в конце марта — начале апреля 1908 г. Дума могла сократить предполагавшийся кредит до размеров предыдущего года и без одобрения правительства¹⁵⁴. Расходы на формально частное Общество КВЖД до утверждения в законодательном порядке сохранялись в размере предыдущего года, как если бы речь шла о государственном учреждении. В целом основные политические фракции — октябристы (Союз 17 октября) и кадеты (конституционные демократы) — считали необходимым в условиях

¹⁵³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 45 об.

¹⁵⁴ См. об этом: Янченко Д. Г. Бюджет и финансы в Государственной думе... С. 45; Florinskiy M. F., Yanchenko D. G. The Finance of Russia and Extraordinary Powers of the Government in 1906–1914 // Былые годы. 2016. № 42(4). С. 1328–1336.

любой экономической конъюнктуры продолжать железнодорожное строительство. При выработке нового курса железнодорожной политики, по мнению экспертов-октябристов, следовало учитывать два обстоятельства: 1) «насколько данная железнодорожная линия способна оживлять местный край в экономическом отношении»; 2) «насколько она поможет использовать природные богатства данной местности»¹⁵⁵. Однако в случае с обсуждением финансирования КВЖД всегда сохранялась вероятность перехода думского большинства к нежелательным для правительства дискуссиям о внешней политике России, неоправданных бюджетных тратах и т. п.

В письме от 3 февраля 1908 г. за № 1012 председателю Думы Н. А. Хомякову В. Н. Коковцов отмечал, что финансирование дороги из средств казны рассматривалось в образованном при правлении Общества КВЖД межуведомственном совещании. Его важность подчеркивалась присутствием «специально для сего вызванного с места управляющего дорогой и председателя Ревизионной комиссии Общества». Вероятно, это была тактическая уступка В. Н. Коковцова перед подачей в Думу бюджета на 1908 г. Министр писал Н. А. Хомякову: «Работы сего совещания, ввиду их сложности, были закончены лишь к 23 декабря 1907 г., т. е. значительно позже представления проекта помянутой сметы в Государственную думу, почему объяснения, оправдывающие назначение означенного кредита, не могли быть своевременно включены в проект сметы»¹⁵⁶ и направлены в Думу вместе со сметой Департамента железнодорожных дел. Результатом работы совещания стало сокращение суммы ассигнований на КВЖД до 5 млн руб.

Детальный анализ сметы характеризует проблемы, стоявшие перед администрацией в связи с относительно недавним пуском магистрали, соединившей Дальний Восток с европейской частью России. В Думу были переданы расценочные ведомости недостроенных объектов КВЖД и новых работ на 1908 г. Общая стоимость незавершенного строительства была определена правительством в 2,95 млн руб., предполагалось проведение новых работ на сумму в 100 тыс. руб. с корректировкой в сторону увеличения на 43 тыс. руб.¹⁵⁷ Необходимость быстрого ввода дороги в эксплуатацию накануне

¹⁵⁵ Красовский М. В. К вопросу о подъеме экономических сил России. М., 1910. С. 24, 26.

¹⁵⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 64 об.

¹⁵⁷ Там же. Л. 75.

дальневосточного конфликта привела к тому, что после Русско-японской войны приходилось исправлять конструкционные недоработки, используя средства из бюджета. На модернизацию инфраструктуры в общей сложности нужно было потратить 2,24 млн руб., с учетом 3,25 %, выражаясь современным языком, накладных расходов, т. е. оплаты административно-технического персонала и работы контрольных служб.

Значительные средства (1,7 млн руб.) — в 1908 г. планировалось выплатить за отчуждение имуществ. Укрепление полотна дороги в связи с разливами рек, защита искусственных сооружений (ферм мостов и пр.) требовали малых капиталовложений (10 тыс. руб.). Вместо деревянных дренажных сооружений устанавливались каменные трубы для пропуска воды под полотном дороги (50 тыс.). Вводились в эксплуатацию новые металлические мосты на каменных фермах (150 тыс.), а старые модернизировались путем установки металлоконструкций, перил, контррельсов (50 тыс.). Временные мосты, распространенные при постройке дороги, заменялись каменными арочными сооружениями (75 тыс. руб.). На станциях строились пакгаузы (25 тыс. руб.)¹⁵⁸.

Даже Главные мастерские КВЖД в 1907 г. не были укомплектованы станками и ручными инструментами (предлагалось выделить 20 тыс. руб. на 1908 г.), 60 тыс. руб. требовалось для завершения монтажа станций водоснабжения, хотя в построенных резервуарах и водонапорных башнях обнаруживались «мелкие недоделки», на ликвидацию которых также просили средства (6997 руб.). Очевидно, что вопросы устройства быта обслуживающего персонала дороги, санитарная безопасность постепенно выходили на первый план. При станциях отстраивались жилые дома (50 тыс. руб.), магазины (50 тыс. руб.), территория огораживалась заборами (10 тыс. руб.), строились бани при Главных мастерских (6390 руб.) и планировалась постройка дезинфекционной камеры на станции Маньчжурия (25 тыс. руб.)¹⁵⁹.

Петербургские бюрократы, в особенности В. Н. Коковцов, оценивали состояние дел на магистрали достаточно практично. И. В. Лукоянов отмечал: «Сооружение КВЖД и ЮМЖД, проходившее большей частью по малонаселенной местности, да еще и в чужой стране,

¹⁵⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 76 об.

¹⁵⁹ Там же. Л. 75 об. — 77.

требовало затрат значительно больших, чем основная трасса Сибирской дороги. Помимо решения тех же проблем, что и при строительстве Транссибирской магистрали (необходимость привозить рабочую силу, все материалы и т.п.), возникали и специфические, например организация охраны дороги»¹⁶⁰. После Русско-японской войны укрепление охранных подразделений на дороге по ряду причин внутривластного характера фактически было возложено на Министерство финансов. Оно выделяло средства на устройство жилых помещений для нижних чинов полиции (50 тыс. руб.), постройку помещений для солдат и офицеров Заамурской железнодорожной бригады (300 тыс. руб.), зданий округа пограничной стражи (95 тыс. руб.), помещений для 2-й бригады пограничной стражи (140 тыс. руб.), расширение здания штаба округа (20 тыс. руб.).

Окончание военной кампании на Дальнем Востоке требовало решения эксплуатационных проблем вдоль наиболее уязвимых участков линии КВЖД. Спешно модернизировался Хинганский тоннель, разрабатывались штрассы второго пути, укреплялись своды в тех местах, где порода выветрилась. Модернизация подвижного состава дороги включала в себя установку шпренгелей и подножек у длинных платформ, что тоже закладывалось в бюджет 1908 г. (50 тыс. руб.)¹⁶¹.

В стратегических целях Уссурийская железная дорога также была передана под управление Обществу КВЖД. Российское правительство предполагало проведение работ по модернизации Уссурийской магистрали на 1,66 млн руб.¹⁶² Как и в случае с основной линией КВЖД, предполагались замена ветхих мостов, установка новейшего станционного оборудования (железных аппаратов Вебба — Томпсона и т.д.), устройство водосборных колодцев, земляные работы, улучшение быта обслуживающего персонала, железнодорожных частей, благоустройство городов. В сообщении бюджетной комиссии Думы докладчик Н.Л.Марков (1-й) отмечал, что МПС сохранило «право технического контроля» за выполнением Обществом КВЖД принятых обязательств по содержанию Уссурийской дороги в «исправном с технической точки зрения состоянии»¹⁶³.

¹⁶⁰ Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». С. 103.

¹⁶¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 76–77.

¹⁶² Там же. Л. 78.

¹⁶³ Там же. Л. 81 об.

У Думы объективно не было реальных рычагов воздействия на правительство кроме критики проводимых мероприятий во время ежегодного обсуждения бюджета. В § 3 российского бюджета на 1908 г. на выплаты, пособия и другие выдачи частным обществам железных дорог запрашивалось 33,4 млн руб., из них на покрытие дефицита по КВЖД и переданным последней в эксплуатацию Уссурийской дороге и Сучанской железнодорожной ветке — 17,3 млн руб. В. Н. Коковцов предоставил Думе дополнительные сведения, на основании которых ожидаемый в 1908 г. дефицит по эксплуатации дороги составил 15,1 млн руб., т. е. был снижен на 2,2 млн руб. В связи с этим комиссия предложила сократить кредитование всех железных дорог на эту сумму, до 31,2 млн¹⁶⁴. По чрезвычайным расходам бюджетная комиссия Думы предложила уменьшить кредит Обществу КВЖД на 2,5 млн руб., оставив 3,34 млн на ссуду под залог гарантированных правительством обязательств и выделив Обществу 1,66 млн руб. на модернизацию Уссурийской железной дороги. Итоговую сумму в 4,7 млн депутаты предложили исключить из перечня условных кредитов и расходовать на общих бюджетных основаниях¹⁶⁵.

Дебаты о перспективах КВЖД и русского присутствия в Маньчжурии развернулись по смете Департамента железнодорожных дел в бюджетной комиссии 26 и 30 апреля 1908 г. Выступали В. Н. Коковцов и его постоянный оппонент — кадет А. И. Шингарев. Министр финансов указал на медленный рост железнодорожных сборов в 1908 г., подводя к выводу, что прогнозы думцев о доходности не соответствуют действительности. В. Н. Коковцов отметил, что правительство дважды снижало расходы по смете КВЖД. Процедура согласования затрагивала как Управление дороги, так и местные учреждения Государственного контроля, поэтому внесение кредитов в бюджет на общем основании (следовательно, отметим особо, без отдельной дискуссии в общем собрании Думы по дальневосточной политике) не вызвало у присутствовавших возражений. Уступки В. Н. Коковцова возымели действие.

Тем не менее критика со стороны А. И. Шингарева справедлива: сумма расходов по КВЖД составила 33 млн руб. (министр возражал: 17 млн, и по чрезвычайной смете — 5 млн). КВЖД, по спра-

¹⁶⁴ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 81 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 81 об. — 82.

ведливому мнению многих оппозиционеров, «не совсем русское, частное»¹⁶⁶, безусловно убыточное предприятие, и передача в ее ведение стратегически важной казенной Уссурийской железной дороги не была обоснованной. После ввода в эксплуатацию КВЖД возникла проблема выплаты российского долга китайскому правительству (5–7 млн таелей¹⁶⁷), так и не решенная Министерством финансов. Не обошлось и без отсылок на условия работы руководящих органов Общества. «По договору председателем правления дороги состоит китайский мандарин, а эта должность не замещена. Таким образом, некоторые обязательства не исполняются русским правительством»¹⁶⁸, — заключил А. И. Шингарев. Однако в 1907 г. кадеты в Думе были не в том положении, чтобы требовать изменения проводимой политики. Именно поэтому, вероятно, А. И. Шингарев поспешил уверить коллег по Думе и министра в том, что считает дорогу важной для России, убежден в росте грузоперевозок и учитывает рост населения Северной Маньчжурии; единственное, на чем настаивал представитель кадетской фракции, — обязательность публичных отчетов: «Мне кажется в высокой степени важным, чтобы все, что связано с данной местностью, с обязательствами этой дороги, с будущими планами правительства, было бы опубликовано или во всяком случае разъяснено перед Государственной думой»¹⁶⁹.

Особенно беспокоил А. И. Шингарева вопрос о лесных концессиях частных лиц. Как заявил В. Н. Коковцов, железнодорожное общество могло разрабатывать каменный уголь в полосе отчуждения, но других прав не имело, подрядчики поставляли лес для нужд КВЖД с арендованных у китайского правительства земель. А. И. Шингарев пытался перевести дискуссию в политическую плоскость: «Все пункты, которые могли бы так или иначе вызвать замешательство, особенно ввиду заманчивости этой дороги для Китая, должны быть устранены. <...> необходимо подробное освещение этого вопроса перед русским обществом и перед Думой»¹⁷⁰. По сведениям кадетов, 500 тыс. десятин было арендовано частными лицами, которые вели дела с Обществом КВЖД. Вероятно, А. И. Шингарев хотел провести

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 88 об.

¹⁶⁷ Вероятно, речь шла о китайской монете чеканки 1904 г. (37,7 г, серебро 887-й пробы).

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 89 об.

¹⁶⁹ Там же. Л. 88 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 90.

параллель с ситуацией вокруг частных концессий в Корее накануне Русско-японской войны. Министр же предпочел не вдаваться во внешнеполитические тонкости перед думцами. Он сдержанно и, как часто бывало, с иронией прокомментировал выступление А. И. Шингарева: «Дай Бог, чтобы какое-нибудь другое частное предприятие вело так свои дела с представителями государства, сдавшего на особых условиях в аренду свою землю»¹⁷¹. Причиной неуплаты долга российский стороной министр назвал делопроизводственные формальности. Совместное с Китаем управление, по утверждению В. Н. Коковцова, было невозможно, поскольку китайский чиновник был казнен восставшими ихэтуанями.

Дела вдоль полосы отчуждения находились под пристальным вниманием не только финансового ведомства, но и Министерства иностранных дел. В. Н. Коковцов отмечал: «В прошедшем году мы закончили отвод земель, без всякого острого дипломатического вмешательства. Правда, у нас был такой посланник в Пекине (П. М. Лессар, умерший в марте 1905 г. — *Авт.*), которого, к сожалению, нет более в живых и который держал высоко русское знамя и умел ладить с китайцами. При его содействии и с помощью всегда осторожных приемов, которыми руководилось местное управление Китайской Восточной дороги, мы достигали результатов благоприятных, и не было недоразумений»¹⁷².

А. Л. Цитович, примыкавший в Думе к умеренно правым, задал В. Н. Коковцову два вопроса о статусе Общества КВЖД и его отношениях с Министерством финансов: 1) являлось ли оно фикцией или коммерческим предприятием с большинством акций в распоряжении правительства; 2) почему Общество не выплачивало процентов по облигациям и не погашало их, а (на основании Высочайшего повеления от 17 декабря 1901 г.) записывало долгом правительству? Критикой затратной виттевской системы управления КВЖД был упрек Цитовича в адрес министра: «Значит, все-таки является два кармана: один карман — Общества, другой карман — казначейства, которое владеет этими облигациями»¹⁷³.

И. В. Лукоянов отметил, что, хотя финансирование КВЖД официально и отличалось от финансирования полностью государ-

¹⁷¹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 90 об.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же.

ственной Сибирской магистрали, дорога лишь формально являлась частным предприятием: «Порядок был таким: министр финансов испрашивал высочайшее согласие на очередной заем, он оформлялся как облигационный, с процентами и целиком приобретался Государственным банком. Само общество КВЖД реализовало через Русско-Китайский банк лишь первый облигационный заем 1897 г. на 15 млн руб.»¹⁷⁴ Непрозрачность финансирования строительства и благоустройства магистрали, как и полосы отчуждения КВЖД, приводила к частым злоупотреблениям со стороны недобросовестных чиновников и подрядчиков и, как следствие, к огромному перерасходу бюджетных средств.

В 1907 г. министр финансов В. Н. Коковцов настаивал в Думе на том, что Общество является частным, поскольку «концессия была выдана китайским правительством Русско-Китайскому банку»¹⁷⁵, существовавшему с 1895 г. Устав Общества КВЖД был «утвержден по русским законам, акционерный капитал очень невелик, и, в отличие от других обществ, оно имеет преобладающий капитал облигационный»¹⁷⁶. Сам устав был написан так, что давал министру финансов право рассмотрения всех смет и утверждения членов правления, а банк через учредителей по-прежнему оставался зависимым от французского кредитного рынка.

В России прибыли от доли государства в частных железнодорожных компаниях в целом были незначительными, за 1907–1908 гг. они выросли с 1 млн до 1,3 млн руб. Доходность государственных железных дорог до созыва Третьей думы возрастала почти так же динамично, как доход от казенной винной операции. В 1907 г. было получено 510,3 млн руб., в 1908 г. планировалось получить 550 млн, а в 1909 г. — 546,1 млн руб. По данным А. П. Погребинского, с 1903 по 1913 г. доходность железных дорог выросла с 453 до 813 млн руб.¹⁷⁷

С точки зрения законов финансовая деятельность Общества КВЖД осуществлялась на общих основаниях. Ежегодно по § 31 государственной росписи (бюджета) железнодорожными компаниями вносились: доходы по облигациям, которыми владело государство; арендная плата за государственные линии, находящиеся в управлении

¹⁷⁴ Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...». С. 105.

¹⁷⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685/1332. Л. 90 об.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России, XIX–XX вв. М., 1954. С. 194.

частных компаний; взносы частных обществ в качестве возмещения произведенных на них расходов. КВЖД находилась на особом положении в системе финансового управления России. Первый выпуск облигаций на 15 млн руб. предназначался для придания русской концессии коммерческого характера. В дальнейшем облигации, согласно отчетам Государственного контроля, реализовывались с помощью выдачи ссуд из Государственного казначейства в обмен на выпущенные финансовые бумаги. Таким образом, все активы находились в портфеле Департамента государственного казначейства. При такой системе проценты от Общества КВЖД в Министерство финансов не поступали в связи с нецелесообразностью. Обязанностью министра было определение размеров доплаты по эксплуатационным расходам. В тех случаях, когда выручка не покрывала расходов, министр назначал ссуду из Государственного казначейства по смете Департамента железнодорожных дел. В.Н.Коковцов предполагал, что «если в известный срок последует соглашение между русским правительством и китайским о выкупе дороги», то «все расходы эксплуатационные, так же как и по уплате процентов и погашений по облигациям, составят сумму, которую должно будет уплатить китайское правительство»¹⁷⁸.

Напомним общий настрой оппозиции в Думе по вопросам поддержки железных дорог из казны. В феврале 1908 г. 43 депутата Думы, в основном кадеты, внесли запрос председателю Совета министров и министру финансов по поводу неправильного ведения дел «по разрешению выпуска гарантированных правительством облигаций частных железных дорог»¹⁷⁹. Кадеты, апеллируя к данным Государственного контроля за 1906–1907 гг., утверждали, что бюджетные доплаты частным железным дорогам достигли 40 млн руб. Большую часть капиталов частных обществ составляли гарантированные государством облигации. Только две частные железные дороги имели стабильную высокую доходность: Владикавказская и Московско-Киево-Воронежская. КВЖД на их фоне не выделялась из перечня прочих частных железных дорог. На заседании 25 марта 1908 г. Дума признала бессистемность и убыточность ведения железнодорожного хозяйства под руководством Н.К.Шауфуса и вырази-

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 90 об.

¹⁷⁹ Приложение к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. 1908 г. СПб., 1908. Т. I. Доклад № 142. С. 710–712.

ла желание создать особую комиссию для ревизии железнодорожного дела в России¹⁸⁰.

Пользуясь правом рассмотрения бюджетных расходов, либеральная оппозиция в Думе критиковала административно-хозяйственную деятельность Общества КВЖД, но, как и представители военных, получила отпор со стороны министра финансов В. Н. Коковцова и вынуждена была отступить. В итоге даже после ухода из большой политики С. Ю. Витте и поражения страны в Русско-японской войне Министерство финансов при В. Н. Коковцове сохранило контроль над железной дорогой, а значит, и над всеми процессами русской колонизации «потенциальной окраины» — Северо-Восточного Китая. В 1905–1909 гг. существенно изменились расстановка внешнеполитических сил на Дальнем Востоке и внутрисполитическая ситуация в империи. «Стало очевидно, что факт поражения от Японии лишь приблизил крах и без того трещавшей по швам системы императорской власти»¹⁸¹. Однако экономическая политика вдоль линии КВЖД, несмотря на изменившуюся ситуацию, в основном оставалась прежней.

Финансирование дороги и после созыва Государственной думы в 1906 г. проходило отдельной строкой в российском бюджете. В него включались средства на прокладку новых железнодорожных веток, строительство путевых служб, модернизацию мостов и железнодорожного полотна, благоустройство территорий на станциях, строительство рабочих казарм и пр. Дума получила возможность в деталях обсудить необходимость постройки железнодорожных объектов, качество и количество подвижного состава, возможности его пополнения. Первое обсуждение бюджета КВЖД в Думе в 1907–1908 гг., на наш взгляд, было показательным. Оно затронуло важную сферу политики правительства в области железнодорожного строительства, его соответствия нуждам промышленности и сельского хозяйства. Бюджетная комиссия предложила изучить тарифные вопросы в законодательных учреждениях¹⁸².

Лишь постепенно — в контексте общегосударственной политики заселения Приамурья, модернизации дорог на территории России,

¹⁸⁰ См. об этом: Янченко Д. Г. Бюджет и финансы в Государственной думе... С. 136.

¹⁸¹ История русско-китайских отношений (中俄关系史): в 2 ч. Ч. 2 / сост. Мин Цзи (明驥). Тайбэй, 2008. С. 312.

¹⁸² РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 2685. Л. 82.

а также вследствие резкого увеличения расходов на освоение русского Дальнего Востока по сметам Министерства внутренних дел, Министерства путей сообщения, Главного управления землеустройства и земледелия — меняются приоритеты у Министерства финансов¹⁸³. Отсутствие согласия между различными фракциями в Государственной думе при обсуждении бюджета КВЖД, сохранение прежней политики Министерства финансов сдерживали деятельность отечественных предприятий во всем колонизируемом регионе. Сравнение с японскими конкурентами, как видим, также было не в пользу России, что осознали уже современники. Неудивительно, что именно представители харбинской прессы так ревностно отзывались об успехах японцев на ЮМЖД и в Северной Маньчжурии. Ведь экономическое развитие и благополучие региона после войны 1904–1905 гг. и гипотетическая возможность вхождения этой территории в состав Российской империи были напрямую связаны с успешной хозяйственной деятельностью на линии КВЖД и вдоль полосы отчуждения. Между тем интересы центральной власти сместились в сторону ускоренного развития Приамурья.

¹⁸³ См. об этом: Янченко Д. Г., Слободзян Г. М. Колонизация русского Дальнего Востока... С. 93–106.

Глава 2

РУССКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В ПЛАНАХ ПРАВИТЕЛЬСТВА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ¹

2.1. Колонизация российского Дальнего Востока в правительственной политике

Освоение Дальнего Востока со второй половины XIX в. стало одной из первоочередных задач Российской империи, при решении которой правительство столкнулось с рядом известных сложностей: суровыми климатическими условиями, малонаселенностью края, отсутствием развитой транспортной инфраструктуры и др. После окончания Опиумных войн в Китае Восточная Азия стала зоной столкновения стратегических интересов европейских великих держав, а также США и Японии. Эти факторы, наряду со значительной географической отдаленностью от центральной власти, усложняли процесс освоения Российской империей ее дальневосточных окраин. Кроме того, российский историк А. В. Ремнев заметил: «Одной из важнейших особенностей функционирования региональной власти в Азиатской России XIX — начала XX в. было отсутствие четкой грани между внешней и внутренней политикой, незавершенность процесса оформления государственных границ»².

¹ Содержание главы частично отражено в опубликованных ранее статьях: Янченко Д. Г., Слободзян Г. М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1906–1911 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 93–106; Ходяков М. В. Попытки рабочей колонизации восточных окраин империи в начале XX в. По документам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Вестник архивиста. 2019. № 4. С. 995–1006; Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г. Колонизация, миграция и порто-франко на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX вв. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. № 55 (1). С. 206–214.

² Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004. С. 20.

Несмотря на трудности, Россия планомерно расширяла свою экспансию на Дальний Восток, а со второй половины 1890-х годов перешла к политике активного экономического проникновения на Северо-Восток Китая (в Маньчжурию). Эти явления часто связывают как с личными амбициями Николая II, «желавшего вообще распространить влияние России на Дальний Восток»³, так и с изменившейся геополитической ситуацией в регионе в целом. Колонизация русских окраинных территорий требовала решения нескольких принципиальных задач. Первоочередной из них было заселение Приамурья, Камчатки и Сахалина крестьянами из Сибири и Европейской России для нужд экономического развития края, в том числе для создания современного сельского хозяйства, промышленности, торговли, инфраструктуры.

Неопубликованные или малоизученные документы Российского государственного исторического архива и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока позволяют комплексно охарактеризовать как миграцию русскоязычного населения империи, так и приток иностранной рабочей силы (преимущественно китайских и корейских рабочих) в изучаемый регион.

В целом большинство исследователей приходят к выводу о том, что со второй половины XIX в. заселение Дальнего Востока России было преимущественно добровольным, однако процесс этот проходил крайне медленно ввиду отдаленности дальневосточных регионов и оставался наиболее затратным по сравнению с заселением других окраин страны⁴.

Сегодня Дальний Восток не обделен вниманием ученых. Существующие характеристики проблем, традиционно выделяемых в историографии, были востребованы при подготовке данной работы⁵. Обеспечение колонизационной активности ресурсами и то-

³ *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. Т. 2: 1894–1905. Царствование Николая II. Таллин; М., 1994. С. 42.

⁴ См., напр.: *Любавский М. К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / отв. ред. А. Я. Дегтярев. М., 1996; *Кабузан В. М.* Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII — начало XX в.). 2-е изд., доп. Хабаровск, 1976; *Сидоркина З. И.* Демографические процессы и демографическая политика на Российском Дальнем Востоке / Рос. акад. наук. Дальневосточное отделение, Тихоокеанский ин-т географии. Владивосток, 1997.

⁵ *Кабузан В. М.* Как заселялся Дальний Восток; *Дацышен В. Г.* Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX в. Кызыл, 2000; *Ремнев А. В.* Россия Дальнего Востока; *Ходяков М. В.* Российское законо-

варами в значительной степени было связано с системой порто-франко, введенной на начальном этапе заселения Дальнего Востока России⁶.

Несмотря на наличие льгот для крестьян-переселенцев из европейской части России в виде предоставления обширных земельных наделов, денежных ссуд, посевного зерна и даже сельскохозяйственных орудий и инвентаря, освобождения от уплаты податей на определенный срок, корейские и китайские переселенцы, осевшие в Приамурье еще в 1870–1880-х годах, вели хозяйство успешнее русских. В отчете военного губернатора Амурской области за 1895 г. мы находим такие строки: «Китайские подданные, проживающие на левом берегу Амура, ниже устья Зеи, живут в особом, сравнительно с русскими, привилегированном положении, пользуясь землей и всеми угодьями в пределах своей оседлости без всяких платежей за право пользоваться ими»⁷.

Даже во второй половине царствования Николая II льготы, какими бы существенными они ни были, мало способствовали переселению и закреплению населения в отдаленных частях огромного дальневосточного региона — на Сахалине и Камчатке. В целом и участники описываемых событий, и исследователи приходили к выводу о том, что крестьянские хозяйства оказались неспособны в должной мере обеспечивать продовольствием все население русского Дальнего Востока. В отчете Приамурского генерал-губернатора министру внутренних дел за 1897 г. отмечено: «Данные о производительности Амурской и Приморской областей показывают, что продовольствие населения этих областей не обеспечивается местным

дательство начала XX в. об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 78–83; Иванов А. А. Иностранное хищничество и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) // Научный диалог. 2019. № 2. С. 221–236; и др.

⁶ Аленко А. В. Государственная экономическая политика и иностранный капитал на Дальнем Востоке России: конец XVIII в. — 1917 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2003; Беляева Н. А.: 1) Дискуссия о судьбе приамурского порто-франко (1901–1905) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1 (5). С. 5–10; 2) Таможенная политика России на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2004.

⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 80. Л. 1–1 об.

производством» (в отчете приводятся данные о сельскохозяйственной производительности в регионе с 1883 по 1896 г.)⁸.

Во многом такое положение связывалось с тяжелыми условиями труда в регионе, приспособиться к которым русским переселенцам было крайне нелегко. Со второй половины XIX в. наблюдался неуклонный рост числа китайских переселенцев, прежде всего из Северо-Восточных регионов Китая, в том числе крестьян, занимавшихся сельским хозяйством. По данным, приводимым Т. Н. Сорокиной, число китайских земледельцев только на территории Амурского края составляло 33 % от всего числа китайских переселенцев, которое насчитывало около 15 тыс. чел.⁹

Данные местной администрации свидетельствовали о том, что в 1895 г. население Амурской области составляло 121 516 жителей, из которых 80 165 чел. — сельское население с приисковыми рабочими¹⁰. По официальным данным, китайские и корейские земледельцы, хоть были более привычны к обработке местных земель, очевидно, кормили лишь самих себя. Они не могли обеспечить нужды местного русского населения, около 30 % которого составляли военные. Несмотря на то что темпы роста населения русского Дальнего Востока были не слишком высокими (в 1900 г. население Амурской области составило около 138 тыс. чел.), исследователи отмечают, что неземледельческое население увеличивалось значительно быстрее, чем земледельцы, что негативно сказывалось на обеспечении городов и поселков продовольствием¹¹.

В упомянутом выше отчете Приамурского генерал-губернатора с тревогой говорилось об этой ситуации: «[С каждым годом] с умножением земледельческого населения площадь распаханых земель увеличивается, а вместе с тем увеличивается и количество собираемого хлебного зерна, но вместе с этим еще быстрее идет увеличение городского и промыслового неземледельческого населения, а также <...> расположенных в крае войск»¹².

⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6 об.

⁹ Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999. С. 49.

¹⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6.

¹¹ Устюгова О. А. Торговля на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002. С. 14.

¹² РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 213. Л. 6 об. — 7.

Основные поставки недостающего хлеба, согласно этому же документу, осуществлялись из Китая, Японии, Одессы и Америки¹³. С каждым годом темпы ввоза хлеба на Дальний Восток существенно увеличивались. Так, только через порты Владивостока и Николаевска было ввезено хлебных продуктов в 1893 г. — 715,2 тыс. пудов, в 1894 г. — 1 млн 497,7 тыс. пудов, а в 1896 г. — уже более 2,5 млн пудов¹⁴. Как подсчитано А.В.Алепко, доля завозимого из Сибири или из-за границы зерна для мукомольной отрасли Приамурского и Уссурийского края к концу XIX в. составляла более 66 %¹⁵.

С началом аграрной реформы 1906 г. приток крестьянского населения на Дальний Восток увеличился, и с 1907 по 1913 г. составлял около 40 тыс. чел. в год¹⁶. Тем не менее архивные данные свидетельствуют о том, что ситуация с нехваткой крестьянского населения и, соответственно, с производством зерна в количестве, необходимом для обеспечения продовольственной безопасности региона, оставалась крайне актуальной. Современники полагали: «При тех неблагоприятных для России условиях, которые сложились на Дальнем Востоке после войны с Японией, увеличение численности населения и укрепление русской народности в областях этого края представляется вопросом государственной важности»¹⁷. В качестве одной из мер по увеличению населения края с 1908 г. начался допуск в регион переселенцев из числа зарубежных старообрядцев и малороссов, преимущественно из Придунайских земель, с установлением особого льготного порядка принятия таких переселенцев в русское подданство. Отмечалось: «Переселенцы этого рода должны быть признаны наиболее пригодным для колонизации нашей дальневосточной окраины элементом [благодаря качествам, отличающим старообрядцев: трудолюбию], неприхотливости к быту, а главное преданности исконным началам русской народности»¹⁸. Помимо этого, предполагалось, что такие переселенцы смогут привнести

¹³ Там же. Л. 6 об.

¹⁴ Там же. Л. 7 об.

¹⁵ Алепко А. В. Государственная экономическая политика... С. 33.

¹⁶ Приводится по: Простакишина Н. П. Особенности переселенческой политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. — начале XX в. // История и археология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб., 2012. С. 54–58.

¹⁷ РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 637. Л. 16.

¹⁸ Там же. Л. 16 об.

в край «более совершенные приемы сельскохозяйственной культуры»¹⁹. Однако вопрос с нехваткой местного продовольствия так не удалось решить вплоть до кануна Первой мировой войны. Регион оказался в значительной зависимости от поставок зерна из Маньчжурии, что никак не могло соответствовать задаче обеспечения продовольственной безопасности дальневосточных окраин империи. Очевидно, что успехи не могли сопровождать все направления деятельности как центральной, так и региональной власти. В этом контексте справедливо утверждение А. В. Ремнева: «Реальное административное поведение империи на окраинах представляло собой совокупность (зачастую не систему и даже не комплекс) правительственных мероприятий, направленных на сохранение государственной целостности, хозяйственное освоение регионов, ответы на этнические, конфессиональные и социокультурные запросы, а также учет управленческих и правовых традиций при элиминировании политических претензий»²⁰.

Показательна ситуация, сложившаяся на Камчатке и Сахалине после Русско-японской войны и подробно охарактеризованная в рапортах местных чиновников Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) и Министерства внутренних дел (МВД). Область, дотационная даже по меркам Дальнего Востока, требовала принципиально иного подхода к вопросам экономического освоения и трудовой миграции. Поселенцы, в течение нескольких лет жившие в Камчатской области, «не имели в нем долгих связей, “укоренения” и могли вернуться в центральные губернии в любой момент»²¹. В 1909 г. губернатор Камчатской области В. В. Перфильев писал о необходимости проводить своеобразный отбор «благонадежных» (т. е. имевших долговременные планы) переселенцев. Часть из них, в основном мастеровые, зачислялась в петропавловские мещане. Чиновник писал о целесообразности финансовой мотивации переселенцев с трудовыми навыками: «На побережье при устьях более или менее крупных рек, мною сажается такой народ (преимущественно рабочие с рыбалок), который обещает сделаться специально промысловым и создает на месте кадр промысловых рабочих для капиталистического рыболовства. Так, пока основалась колония при

¹⁹ РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 637. Л. 18.

²⁰ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. С. 17.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 46 об.

устье р. Озерной (начало ей было положено еще в 1907/8 годах). Эти новоселы работали в текущем году на промысле Грушецкого, там же в Озерной, и в общем заработали до 60 000 руб.»²². Впрочем, даже консервативные публицисты проправительственной столыпинской газеты «Окраины России» негативно оценивали перспективы рыбной отрасли: «Японцы отправляют на Камчатку научно-исследовательские суда, изучающие рыбный промысел в соответствии с последними достижениями науки», в отсутствие русских крейсеров хищнической эксплуатации подвергался пушной промысел на Командорских островах, страшным ударом по экономике края было пьянство, широко распространявшееся среди местных жителей²³. Выделение русским артелям наиболее выгодных промысловых участков оставалось одной из ключевых мер стимулирования новых жителей Камчатки к долговременной хозяйственной деятельности.

Из Приамурья на север переселялись сектанты молокане — люди, как правило, весьма состоятельные по местным меркам. Проблемы Камчатки были характерны для раннего этапа освоения Приамурья: «Привлечение на Камчатку переселенцев требует большой осторожности и таких же опытов, как и посевы злаков, дабы предварительно выяснить действительно ли переселенцы на Камчатке могут прочно и навсегда устроиться и [в] каком количестве»²⁴. Образцовые участки с высокой агрономической культурой создавались при поддержке властей и укоренившихся в регионе крестьян-старожилов²⁵. Даже при постоянном внимании областного губернатора к миграционным делам размеры крестьянского переселения по факту признавались ГУЗиЗ ничтожными. «Переселение на Камчатку обычным порядком по проходным свидетельствам, едва ли применимо», — писал В. В. Перфильев в 1910 г. в Комитет по заселению Дальнего Востока: «Чтобы получить на Камчатке сильный и надежный элемент, нужно допустить вольное заселение»²⁶. Существенными проблемами были дороговизна, необходимость присылки строительных материалов из Владивостока, организация охраны промыслов

²² Там же. Л. 46 об. — 47.

²³ Приводится по: Иванов А. А., Котов А. Э. Экономическая публицистика газеты «Окраины России» // Вопросы истории. 2019. № 8. С. 55.

²⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 47 об.

²⁵ Там же. Л. 43–43 об.

²⁶ Там же. Л. 51 об.

от браконьерства²⁷, недостаточная медицинская помощь, требовавшая финансовой поддержки от предпринимательских кругов. Например, петропавловскую лечебницу «какое-то время поддерживало Камчатское торгово-промышленное общество, выделяя по 2000 руб. в год»²⁸.

В целом организация и развитие торговли в регионе оказались тесно связанными с глобальной проблемой обеспечения жителей Дальнего Востока продовольствием. Когда в начале колонизации региона, преследуя цель скорейшего включения этих районов в активную экономическую жизнь страны, правительство Российской империи ввело (в 1860 г.) на территории Приамурья и Приморья режим беспошлинной торговли (порто-франко), то эта мера казалась обычной практикой для второй половины XIX в. Она должна была способствовать привлечению востребованных местным населением товаров, а также иностранных инвестиций. Среди причин привлечения иностранного капитала для освоения дальневосточных окраин империи А.В.Алепко выделяет: «отсутствие необходимых сумм в государственном казначействе; узость внутрироссийского денежного рынка; незаинтересованность крупной буржуазии экономического центра страны во вложении своих средств в промышленно-транспортные предприятия далекой и безлюдной окраины; крайний недостаток рабочих рук»²⁹. Действительно, мера оказалась довольно успешной и способствовала значительному увеличению товарооборота в регионе в сжатые сроки.

Основными предметами ввоза были товары первой необходимости: «бумажные, шелковые, шерстяные, пеньковые и льняные ткани, сахар, свечи, мыло, кожи и кожаные изделия, виноградные вина, изделия из благородных металлов»³⁰. С 1890-х годов регион стал остро нуждаться в орудиях для сельскохозяйственного производства, речных и морских судах, а также машинах для промышленных работ, рельсах и элементах подвижного состава для возмставших нужд железнодорожного строительства Российской империи на Дальнем Востоке. Такая продукция поступала главным образом из США (в то время — Северо-Американские Соединенные Шта-

²⁷ См. об этом: *Иванов А. А.* Иностранное хищничество... С. 221–236.

²⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 662. Л. 43–43 об.

²⁹ *Алепко А. В.* Государственная экономическая политика... С. 34.

³⁰ *Беляева Н. А.* Дискуссия о судьбе приамурского порто-франко (1901–1905). С. 6.

ты, САСШ). Согласно данным департамента таможенных сборов, приводимым Л. Н. Гарусовой, в 1891–1900 гг. импорт североамериканских товаров в Российскую империю составлял 43 млн руб., в то время как экспорт — всего 2,6 млн руб.³¹ И хотя речь в данном случае идет о всей российско-американской торговле за указанный период, очевидно, что во Владивостоке американский импорт значительно преобладал над русским экспортом. Современники даже шутили, что «всякая вообще американская вещь стоит втрое дешевле, чем в Америке»³². Неудивительно, что уже со второй половины 1880-х годов, опасаясь оттока капиталов и ухудшения позиций русской экспортной торговли и, как следствие, чрезмерного укрепления иностранных предприятий на Дальнем Востоке России, сторонники протекционистских мер пытались ограничить режим порто-франко, стремясь обеспечить более выгодные позиции для представителей молодого российского капитала. Эта тенденция лишь усилилась на рубеже XIX и XX вв. вслед за активизацией Западных держав и Японии в регионе и появлением потенциальной угрозы потери Россией дальневосточных окраин³³.

Основным ударом по позиции сторонников сохранения режима свободной торговли стало начало строительства Транссибирской магистрали в 1891 г. Предполагалось, что теперь регион можно будет снабжать сухопутным путем и потребность в поставках товаров морем через Владивосток отпадет. В результате сторонники отмены зоны беспошлинной торговли на Дальнем Востоке одержали верх, он был отменен с 1 января 1901 г. Однако неподготовленность местных предпринимателей и плохая организация таможенного регулирования приводили ко множественным жалобам со стороны представителей деловых кругов дальневосточного региона. Н. А. Беляева отмечает: «В отмене порто-франко и введении таможенного обложения местные предприниматели и поддерживающая их администрация Приморской области видели главную причину явно обозначившегося упадка Владивостока, который терял свои позиции

³¹ Гарусова Л. Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2001. С. 37.

³² Там же. С. 55.

³³ См. подробнее: Янченко Д. Г., Старовойтова Е. О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 586.

важнейшего торгового центра»³⁴. Среди причин, повлиявших на ослабление экономического положения Приамурья в первые годы XX столетия, современники также называли строительство КВЖД и последовавший за этим отток капиталов в Маньчжурию³⁵. В попытках разрешить противоречия и побороть существенный рост контрабанды, доставляемой в Приамурье сухопутным путем, режим порто-франко был восстановлен в регионе в мае 1904 г. в условиях военных действий. Однако в целом торговый баланс на Дальнем Востоке продолжал складываться не в пользу Российской империи. Так, в 1906 г. импорт товаров из Китая достигал 97,4 млн руб., тогда как экспорт российских товаров составил 57,5 млн руб.³⁶

Окончательная отмена режима беспошлинной торговли на Дальнем Востоке произошла лишь в марте 1909 г., когда вступил в силу Закон Государственной думы о закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства. Однако и тогда местные консулы говорили: «[Отмечается] неподготовленность русских купцов к этой мере и неосведомленность их об ее введении, вследствие чего они могут нести значительные убытки»³⁷. Этот шаг привел к краху некоторых русских, а также китайских предприятий, строивших свои обороты исключительно на ввозе иностранных товаров³⁸. Согласимся с Н. А. Беляевой, которая, исследуя таможенную политику Российской империи на Дальнем Востоке в описываемый период, пришла к выводу: «Ни в одном регионе мира таможенные проблемы не приобретали такой остроты и не использовались так широко в качестве мощного оружия политического и экономического противоборства»³⁹. В условиях относительно слабого контроля русско-китайской границы⁴⁰ от Министерства финансов и правительства в целом требовалось непрерывное

³⁴ Беляева Н. А. Дискуссия о судьбе приамурского порто-франко (1901–1905). С. 7.

³⁵ Там же. С. 8.

³⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 438. Л. 4.

³⁷ Там же. Д. 437. Л. 22 об.

³⁸ См. об этом: Ходяков М. В. Российское законодательство начала XX в. об использовании желтого труда... С. 79.

³⁹ Беляева Н. А. Таможенная политика России на Дальнем Востоке... С. 6.

⁴⁰ См. подробнее: Дацышен В. Г. Очерки истории российско-китайской границы...

финансирование инфраструктуры и промышленности региона, всего проекта дальневосточной колонизации.

Удручающей даже после отмены каторги в 1906 г. была ситуация с заселением Сахалина. В представлении 1907 г. военного губернатора Сахалина Приамурскому генерал-губернатору отмечалось: «Сахалин... не включен в заселяемый переселенцами район, на нем нет сельских обществ, нет определенных казенных участков»⁴¹. Северная часть острова была обследована в 1909 г. для определения площадей, пригодных для заселения. В Хабаровске действовала специальная Комиссия по колонизационному делу, обобщавшая поступавшие материалы. Основная проблема острова — разрешение вопроса о статусе ссыльного населения, признания за ним прав сельских обывателей, тем более что, согласно указу от 13 марта 1908 г., по высочайшему повелению Сахалин был открыт для вольного заселения. Предельный размер надела определялся в 15 десятин (16,35 га) как для старожилов, так и пребывавших поселенцев. «Земли старожилого населения занимают 67 000 дес.; и только 53 000 дес. остаются для образования переселенческих участков. Из старожильческих селений в 12 доприселение недопустимо за окончательным их заполнением, в остальных 15 таковое возможно»⁴². 1500–2000 определенных чиновниками земельных долей Сахалина должны были привлечь переселенцев. Депопуляция острова после отмены каторги, нежелание прибывавших из европейской России крестьян уезжать на остров тревожили чиновников. «Размеры переселения на Сахалин крайне незначительны: за истекшее двухлетие (со времени открытия его для заселения) туда переселилось только 6 семейств и один одинокий домохозяин (всего 30 душ обоего пола) <...> в 1910 г. ожидается, на основании данных зачисления текущего года, всего 15 семейств (120 душ обоего пола)»⁴³.

За почти пять десятилетий существования каторги остров приобрел дурную славу, прав сельских обывателей у местного населения не было. В материалах хабаровской Комиссии по переселенческому делу отмечалось: «Возникают серьезные практические опасения, что ссыльное население, лишенное учтенной уже им возможности использовать выгоды своего фактического землепользования, крайне

⁴¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 113 об.

⁴² Там же. Д. 687. Л. 1–1 об.

⁴³ Там же. Л. 1 об.

недружественно встретит переселенцев. <...> Если даже допустить, что современное фактическое землепользование каждого домохозяйина будет тщательно обмежевано и ограничено в натуре прочными межевыми признаками, то и эта мера не облегчит новоселу занятие необходимых угодий, ибо ближайшие соседи — ссыльные всегда найдут возможность серьезно вредить ему»⁴⁴. Каторжане находились в ведении приамурского генерал-губернатора, но их землеустройство было поручено местной власти, что порождало споры о статусе как самих поселенцев, так и земельных наделов. Вот как в мае 1911 г. характеризовал ситуацию Приамурскому генерал-губернатору глава Приморского переселенческого района А. А. Татищев: «Семьи водворяются по общему правилу на земельных участках, покинутых бывшими ссыльнопоселенцами, [участки] находятся в распоряжении соответственных сельских обществ», вследствие чего устройство новоселов предполагалось оформлять «приемными приговорами»⁴⁵. «Между тем в силу примеч. 2-го к ст. 42 правил о переселении лица, водворяющиеся в старожилых обществах по приемным приговорам, получают ссуды лишь в половинном размере, явно недостаточном при дороговизне жизни на Сахалине... Сахалинские старожилы не могут иметь юридических прав на земли, покинутые бывшими засельщиками острова, и водворение на эти земли новоселов должно производиться исключительно распоряжением местных властей, без всяких приговоров обществ»⁴⁶. А. А. Татищев просил указать на проблему губернатору Сахалинской области и сообщал, что своей властью дал распоряжение о выдаче ссуд в предельном размере, установленном для крестьянских начальников.

Примечательно, что в оценках столичного, близкого к власти издания «Окраины России» японский опыт и успехи в колонизации южной части острова представлялись заинтересованному читателю незначительными⁴⁷. Так, конкуренцию с японцами в Маньчжурии, соседствующей с российским Дальним Востоком, русские власти к 1911 г. стремительно проигрывали и вынуждены были это признать. Северная же, русская часть острова Сахалин, в отличие от

⁴⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 112 об. — 113.

⁴⁵ Там же. Л. 113 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См. об этом: *Иванов А. А., Котов А. Э.* Экономическая публицистика... С. 55.

Маньчжурии, где существовали многочисленные консульские учреждения иностранных держав, огромное количество местных изданий, не обладала разнообразием источников информации и оставалась под бдительным административным контролем. А. В. Ремнев отмечал: «Региональная политика империи преследовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой и административной однородности. Но конкретные потребности управления заставляли правительство продолжать учитывать региональное своеобразие территорий, что придавало административной политике на окраинах известную противоречивость»⁴⁸. Административный ресурс позволял контролировать миграцию на остров, ни о каком вторжении иностранной рабочей силы не могло быть и речи.

Между тем вопрос о китайских переселенцах в Приамурье на рубеже XIX–XX вв. оставался открытым. Помимо уже упомянутых земледельцев, с конца XIX в. в регион стало проникать большое количество китайских рабочих, гонимых нехваткой пропитания на родине. В условиях дефицита рабочей силы для растущих хозяйственных нужд региона, китайские работники оказались крайне востребованы. Рабочие-китайцы были заняты как на казенных, так и на частных предприятиях, в основном в строительстве — в первую очередь железнодорожных путей и портов, а также на работах по добыче полезных ископаемых. Китайский труд был крайне популярен у местных работодателей, так как азиатские работники требовали меньших расходов на содержание и довольствовались крайне скромным бытом. Современники отмечали, что, в отличие от их соотечественников, китайцы не пили, не требовали прибавки, не бунтовали, работали практически без выходных. Согласно архивным документам, на содержание среднестатистического китайского рабочего уходило 14–20 руб. в летний сезон (с мая по октябрь) и 12–15 руб. зимой, в то время как русские хотели получать 35–40 руб. в месяц летом и 40–45 руб. зимой⁴⁹.

Столь существенная разница в оплате иностранцев с лихвой компенсировала производительность их труда, которая была в среднем на 25 % ниже по сравнению с российскими рабочими. В целом можно уверенно утверждать, что количество китайских переселенцев

⁴⁸ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. С. 17.

⁴⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 966. Л. 127.

на Дальнем Востоке России в первые десятилетия XX столетия постоянно увеличивалось, что являлось важным фактором колонизации и хозяйственного освоения окраины. Этому процессу способствовали такие события, как окончание строительства КВЖД, когда на территории Маньчжурии высвободилось большое количество рабочих рук, а также Русско-японская война, приведшая к массовым миграциям китайского населения. Широкий диапазон мнений высшего военного руководства страны относительно планов на Дальнем Востоке и в Северной Маньчжурии отражался в дискуссиях о будущем региона. Оценивая ситуацию в так называемой Желтой России, большинство представителей русской элиты были убеждены в том, что Россия не должна отказываться от военного, административного и экономического господства над Маньчжурией (хотя бы в целях безопасного развития русского Дальнего Востока). При таких внешнеполитических установках создание искусственных преград для трудовой миграции при отсутствии полного контроля границы становилось в послевоенных условиях делом достаточно проблематичным.

Рост числа китайских переселенцев и трудности в вопросах административного регулирования этого процесса приводили к недовольству среди различных слоев местного русского населения. Уже с начала XX в. все чаще слышались призывы к ограничению или даже полному запрету использования азиатского, в первую очередь китайского, труда. Однако, как отмечает А. Г. Ларин, приток китайских переселенцев на русский Дальний Восток на рубеже XIX–XX вв. все же был существенно меньше, чем количество прибывавших из европейской части России. Так, в 1910 г. количество китайских переселенцев даже с учетом погрешности в подсчетах стабильно составляло лишь 10–12 % от общего числа российских подданных, составившего порядка 1,2 млн чел.⁵⁰

Ускоренная русская колонизация и заселение Дальнего Востока — безусловно важнейшее начинание правительства, формировавшее экономическую повестку огромного региона. Проблемные территории — Северный Сахалин, отчасти Камчатка — находились на периферии политического внимания властей и экономической жизни региона. Районы, прилегавшие к Транссибу и КВЖД, стре-

⁵⁰ Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 27.

нительно обрастали новыми городами, поселками, заселялись как выходцами из европейской России, так и мигрантами. Полагаем, что китайский труд, несмотря на враждебную риторику центральной власти, с точки зрения региональных администраторов и предпринимателей, вряд ли представлял угрозу для процветания местного русского населения. Как и сегодня, он являлся важной составной частью хозяйственного освоения Дальнего Востока. Система порто-франко как составная часть политики по экономическому обеспечению окраины с 1870–1880-х годов сопровождалась привлечением дешевой рабочей силы из Северо-Восточного Китая. Примечательно, что все попытки отмены порто-франко сопровождались многосторонними дискуссиями о «желтой опасности» и необходимости усиления русского экономического влияния, но возымели эффект только в условиях думской монархии.

В 1910–1911 гг. с подачи приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти была организована массовая депортация китайских нелегальных мигрантов, однако весной 1911 г. сезонные рабочие потребовались даже военному ведомству⁵¹. С началом Первой мировой войны, когда первоочередной задачей Российской империи стала ускоренная милитаризация экономики, именно железнорудные и каменноугольные предприятия Дальнего Востока вновь стали инициаторами притока дешевого китайского труда⁵².

Восточные и северо-восточные территории колонизировались медленнее, чем Приамурье. Привлечение иностранного труда для их освоения было стратегически неоправданным. На Камчатке и Сахалине в ходе активной фазы столыпинского переселения расходы фактически ограничивались самыми неотложными потребностями. Обследование свободных площадей не проводилось, ходатайство ограничивалось отчасти в силу транспортной удаленности (Камчатка), но больше из-за опасений крестьянских волнений со стороны администрации края (Сахалин). Планы по созданию крупных животноводческих хозяйств остались на бумаге⁵³. В ноябре — декабре

⁵¹ См. об этом: *Иванов А. А., Котов А. Э.* Экономическая публицистика... С. 55.

⁵² См. подробнее: *Ходяков М. В., Чжао Чжицин.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России.* 2017. № 1 (18). С. 7–30.

⁵³ См. об этом: *Янченко Д. Г., Слободзян Г. М.* Колонизация русского Дальнего Востока... С. 100.

1916 г. во Владивостоке рассматривался вопрос о проведении повторной экспедиции ГУЗиЗ для обследования Камчатки, поскольку условия переселения после проведенной административной реформы в области существенно изменились. Экспедиция планировалась на март 1917 г., и возглавить ее должен был уже проводивший исследование края семью годами ранее, в 1908–1909 гг., статский советник В. И. Рубинский. Однако в условиях 1917 г. перед центральной и региональной властью были поставлены совсем иные задачи. Революция и Гражданская война приостановили дело комплексного экономического освоения и колонизации Дальнего Востока.

2.2. Комитет по заселению Дальнего Востока и организация хозяйственного освоения региона

В начале XX в. правительство уделяло особое внимание хозяйственной политике на Дальнем Востоке. Слабо защищенный регион попадал в сферу интересов соседних с Россией стран. Вопрос укрепления и обороны важной в стратегическом плане русской окраины актуализировался. Успех колонизации Дальнего Востока напрямую зависел от развития инфраструктуры, надежного закрепления населения. Еще до Русско-японской войны местные власти настаивали на скорейшем заселении края русскими людьми, заявляя: «Теперь [это] едва ли не самый важный вопрос не только в сфере <...> интересов русского дела на Дальнем Востоке. <...> здесь есть все, что нужно для его дальнейшего развития, кроме населения»⁵⁴.

Дореволюционными исследователями края были как путешественники и ученые (Г. Т. Муров⁵⁵, А. А. Кауфман⁵⁶, В. К. Арсеньев⁵⁷), так и государственные деятели (Г. Е. Грум-Гржимайло⁵⁸, П. Ф. Унтербергер⁵⁹). Проблемы заселения и колонизации, сельского хозяйства,

⁵⁴ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. С. 318.

⁵⁵ Муров Г. Т. (Гантимуров Г. С.) По русскому Дальнему востоку. Люди, их жизнь и нравы: Дневник странника: В 2 т. Т. I. М., 1910; Т. II. М., 1911.

⁵⁶ Кауфман А. А. По новым местам (очерки и путевые заметки): 1901–1903. СПб., 1905.

⁵⁷ Арсеньев В. К. Краткий военно-географический и военно-стратегический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. Хабаровск, 1912.

⁵⁸ Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области / под ред. П. П. Семёнова. СПб., 1894.

⁵⁹ Унтербергер П. Ф.: 1) Приморская область. 1856–1898. СПб., 1900; 2) Приамурский край. 1906–1910. СПб., 1912.

торговли и промышленности, анализ основных возможностей дальнейшего использования природных богатств считались основными исследовательскими задачами. Экономическое развитие южной части Дальнего Востока как до Русско-японской войны, так и в изучаемый период рассматривалось в работах А. В. Даттана⁶⁰, А. Н. Митинского⁶¹. «Колонизация Приамурья есть тот краеугольный камень, от которого должны идти все мероприятия по развитию края и использованию его природных богатств и с которым тесно связано спокойное обладание обширной окраиной»⁶², — писал в ноябре 1909 г. на имя А. В. Кривошеина член совета ГУЗиЗ В. П. Михайлов.

В Российской империи территории за Уралом традиционно имели свою административную стратегию, которая во многом определялась местными условиями. «В 1892 г. в связи с кодификацией “Общего Учреждения Губернского” было оговорено, что управление Сибирью (и Дальним Востоком. — *Авт.*) должно осуществляться по особому учреждению»⁶³. В частности, в «Учреждении Сибирском» по Своду законов издания 1892 г. было закреплено существование двух генерал-губернаторств: 1) Иркутского, включавшего Иркутскую и Енисейскую губернии и Якутскую область; 2) Приамурского, состоявшего из Забайкальской, Приморской и Амурской областей, а также острова Сахалин. В 1909 г. из Приморской была выделена Камчатская область.

А. В. Ремнев писал: «Повышенный интерес к Сибири и Дальнему Востоку на рубеже XIX–XX вв. подогревался прежде всего международными причинами, активностью внешней политики России на восточных и южных рубежах, усложнением экономических связей различных регионов страны»⁶⁴. Огромный потенциал

⁶⁰ Даттан А. В. Исторический очерк развития Приморской торговли. М., 1897.

⁶¹ Митинский А. Н.: 1) Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 8. СПб., 1911. 284 с.; 2) Материалы по вопросу о снабжении Дальнего Востока сибирским хлебом и мясом: по данным обследования 1911 года / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Прил. 1 к вып. 8. СПб., 1912.

⁶² РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

⁶³ Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. В. Черкесова; науч. ред. тома Д. И. Луковская, Д. И. Раскин. СПб., 2001. С. 198.

⁶⁴ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. С. 318.

региона в начале XX в. не ставился под сомнение: «Почва, климат и другие природные условия на Дальнем Востоке таковы, что край этот может сделаться одной из богатейших земледельческих колоний в мире. Но прежде чем будет открыт доступ к пользованию природными богатствами, потребуются чрезвычайные материальные жертвы со стороны государства»⁶⁵. Накануне Русско-японской войны многие бюрократы, знакомые с положением дел на окраинах, заявляли о важности перспективного планирования для колонизации Дальнего Востока. Например, военный министр А. Н. Куропаткин в 1900 г. писал: «Необходимо помнить, что в 2000 г. население России достигнет почти 400 млн. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере для четвертой части этой цифры»⁶⁶. Экстенсивный характер крестьянского землевладения побуждал власть к расширению земельной площади, пригодной для ведения хозяйства.

Поражение в Русско-японской войне, утрата южной части Сахалина, потеря арендных прав на Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую железную дорогу, засилье на Дальнем Востоке китайских, японских и корейских рабочих, промышленников и рыболовов — эти и ряд других причин заставили российские власти в 1906–1911 гг. пересмотреть окраинную политику. Укрепление восточных границ империи стало важной правительственной задачей. Деятельность особого межведомственного органа, созданного для разработки и решения миграционных и хозяйственных проблем края, — Комитета по заселению Дальнего Востока (1909–1915 гг.) — нуждается в аналитической оценке.

В 1910 г. якутский губернатор И. И. Крафт писал П. А. Столыпину: «[Дальний Восток и Сибирь] служат предметом особого внимания со стороны наших соседей — японцев и американцев, — проявляющих большую энергию в смысле распространения своего пока экономического влияния на малонаселенные и беззащитные наши окраины. Предприимчивых иностранцев соблазняют огромные естественные богатства наших окраин; им, кроме того, нужны рынки для сбыта своих фабрикатов и свободные земли для заселения. <...> Нельзя, мне кажется, упускать из виду, что при отсутствии у нас сильного военного флота все указанное побережье в случае

⁶⁵ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 11. Л. 364.

⁶⁶ Цит. по: Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. С. 320.

каких-либо осложнений на Дальнем Востоке окажется совершенно беззащитным»⁶⁷.

Существовала общая проблема, которая являлась серьезным препятствием для развития практически всех дальневосточных областей: «Отдаленность, точнее, недоступность рынков является главным препятствием для заселения многих мест в Сибири»⁶⁸. После издания главного законодательного акта аграрной реформы — указа 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования»⁶⁹ — изменяется характер переселенческой политики, которая теперь развивалась в ключе столыпинских аграрных преобразований.

В бюрократических кругах на заселение Дальнего Востока стали смотреть иначе: «В долине Амура необходимы люди вроде американских фермеров на Дальнем Западе»⁷⁰. По-иному трактуются хозяйственные перспективы крестьянина-переселенца: «Введение частной земельной собственности, совершенное уничтожение общины было бы величайшим благом для спящего края, который, несмотря на свой суровый климат и неудачное географическое положение, открывает безграничное поле для приложения труда и капитала»⁷¹.

Согласно справке о положении переселенческого дела на Дальнем Востоке за 1906–1909 гг., составленной Переселенческим управлением (до 1 мая 1905 г. существовало на правах департамента в составе МВД, затем передано учрежденному ГУЗиЗ⁷²), поступательно увеличивались размеры дорожного строительства, менялась инфраструктура края. В общей сложности с 1906 по 1909 г. в Приморской, Амурской и Забайкальской области было построено 2656 верст новых дорог (2833,42 км). Согласно отчетам, на постройку новых дорог было израсходовано 1 747 306 руб. 80 коп.⁷³ Проводились гидротехнические работы, заключавшиеся частью в постройке

⁶⁷ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 128.

⁶⁸ Там же. Д. 11. Л. 364.

⁶⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. 26. Отд. I. С. 970–974. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 28.10.2017).

⁷⁰ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 11. Л. 364.

⁷¹ Там же. Л. 367.

⁷² См. об этом: Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России / отв. сост. Д. И. Раскин. М., 2007. С. 582.

⁷³ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.

колодцев для нужд первых переселенческих участков, частью в производстве осушительных работ для улучшения усадебных площадей и для приведения в «культуроспособный вид» заболоченных пространств. В общей сложности на ведение переселенческого дела в трех областях Дальнего Востока за четыре года было израсходовано 12 691 112 руб.⁷⁴

Приведем данные Объяснительной записки к проектам «Учреждения Министерства земледелия» и «Положения о местных его установлениях», представленные в Государственную думу в 1910 г.: «Опыт последних двух лет (1907 и 1908), когда переселение развилось у нас до небывалых еще размеров, показал, что Переселенческое управление, при самой напряженной деятельности и при затрате значительных средств (11 000 000 руб.), было в состоянии заготовить в 1908 г. немного более 350 душевых долей общей площадью в 6 000 000 дес. (6 млн 555 тыс. га. — *Авт.*). И водворить 664 777 душ обоего пола переселенцев. В прежние же годы площадь заготовок и количество переселенцев было значительно меньше. Если бы в будущем число ежегодно водворяемых переселенцев удалось довести даже до 1 000 000 душ обоего пола, то и тогда применение для своего труда в области сельского хозяйства нашло бы не более половины ежегодного естественного прироста населения, а, следовательно, наличный избыток рабочих сил не только по-прежнему оставался бы неиспользованным, но даже увеличился бы за счет второй половины прироста»⁷⁵.

Наблюдавшийся в те годы рост внутренней миграции заметно отразился на заселении дальневосточных областей империи. Для сравнения: в 1894–1903 гг. в Приамурский край переселялось в среднем по 7600 чел. в год. В 1906 г. число переселенцев, прибывших на Дальний Восток, достигло почти 11 тыс. чел.; в 1907 г. этот показатель возрастает до небывалых ранее размеров — 81 тыс. Затем, опустившись в 1908 г. до 30 тыс. чел., он поднимается снова в 1909 г., когда, по сведениям заведующих переселенческим делом, число переселенцев, переехавших за Байкал, достигло 40 тыс. чел. Таким образом, за четыре года, прошедших со времени окончания Русско-японской войны, на Дальний Восток направилось свыше 160 тыс. мигрантов⁷⁶.

⁷⁴ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 53.

⁷⁵ Министерская система в Российской империи. С. 587.

⁷⁶ В советское время эта тематика активно изучалась в 1980-х годах, когда публиковались работы, посвященные различным аспектам демографических

Резкое падение числа переселенцев в 1908–1909 гг. по сравнению с показателем 1907 г. объясняется тем, что в 1907 г. ГУЗиЗ разрешалось переселение семей на Дальний Восток без предварительного зачисления земельных душевых долей через ходяков. После этого «льготный порядок переселения не допускался, ибо ведомство опасалось чрезмерного наплыва в край переселенцев при имевшемся там сравнительно ограниченном запасе непосредственно пригодных для заселения свободных участков»⁷⁷. По сведениям Переселенческого управления, желающих могло быть больше количества размежеванных участков. Всего со времени учреждения в крае межевых партий (в Приамурье с 1888 г. межеванием занималось строительное отделение в Управлении генерал-губернатора) до 1909 г. было образовано 195 294 переселенческих участка из расчета один участок на душу мужского пола⁷⁸. Обратное переселение с 1906 по 1909 г. составило 14 744 чел., т. е. менее 10 %. Предварительные расчеты Переселенческого управления предсказывали: «В 1910 г. численность водворения на Дальнем Востоке окажется, по всей вероятности, значительно больше, нежели в оба предшествующих года»⁷⁹.

В ходе столыпинских преобразований возникла необходимость объединить усилия различных ведомств в деле хозяйственного освоения дальневосточных окраин империи. Правительство планомерно анализирует и обобщает документы по этому вопросу. В 1907 г. с началом строительства Амурской железной дороги Переселенческое управление ГУЗиЗ сосредотачивает свое внимание на регионе. Ведомство анализирует данные о колонизационном потенциале территорий, прилегающих к будущей железнодорожной линии. В 1908 г. в Хабаровске заведующий Приморским переселенческим районом С. П. Шликевич объединил в своих руках управление крестьянской колонизацией на Дальнем Востоке. Самой серьезной проблемой в его работе становится извечная беда имперской

процессов на Дальнем Востоке императорской России. См., напр.: *Пятков С. В.* Место и значимость традиционного жилища переселенца в культурной среде крестьянской общины (Приамурье XIX — начала XX вв.) // *Архитектура и градостроительство на Дальнем Востоке*. Хабаровск, 1985. С. 12–20; *Алексеев А. И., Морозов Б. Н.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. — 1917 г.). М., 1989; *Рыбаковский Л. Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет / отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. М., 1990.

⁷⁷ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

⁷⁸ Там же. Л. 53.

⁷⁹ Там же. Л. 52.

бюрократии — отсутствие согласованности с правительством, с другими ведомствами. Министр финансов В. Н. Коковцов в письме к председателю Совета министров П. А. Столыпину 21 июня 1908 г. писал: «В настоящее время в наших владениях на Дальнем Востоке нет специального органа, на который можно было бы возложить наблюдение за реализацией комплексной программы, направленной на оживление края»⁸⁰.

Министерство внутренних дел предлагало свой проект организации особой экспедиции по изучению и благоустройству прилегающих к будущей Амурской железной дороге местностей. Руководство экспедицией должно было остаться за МВД при содействии уполномоченных от Министерства финансов, Министерства путей сообщения, Государственного контроля и ГУЗиЗ. По итогам деятельности экспедиции должны были отправляться ежемесячные отчеты председателю Совета министров, а также в заинтересованные министерства и приамурскому генерал-губернатору. По плану на экспедицию возлагались обширные задачи: «1. Изучение местности, прилегающей к железнодорожной линии. 2. Устройство подъездных путей. 3. Организация почтового и телеграфного сообщений. 4. Выбор места для будущих поселений и городов вдоль строящейся дороги. 5. Организация на начальном этапе управления этими поселениями и городами. 6. Продажа и отвод приусадебных участков. 7. Выдача ссуд переселенцам»⁸¹.

Однако главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин выступил за предоставление ведущей роли в осваиваемом крае своему ведомству: «[Дело колонизации Дальнего Востока] есть одно из важнейших при современных политических условиях и требует планомерного объединения всех прилагаемых к достижению сей цели государственных сил как там — на месте, так и здесь — в центре»⁸².

А. В. Кривошеин указал на ограниченность возможностей и полномочий экспедиции: «[Необходима] другая организация, которой во главе с особым уполномоченным будут подчинены все местные переселенческие учреждения и которая не только будет ведавать земледельческой колонизацией, но и осуществлять управление

⁸⁰ Цит. по: Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. С. 475.

⁸¹ Там же. С. 477.

⁸² Там же. С. 477–478.

государственными имуществами, заботиться об эксплуатации естественных богатств края»⁸³. Проект МВД якобы не соответствовал необходимым требованиям. Степень доверия между Кривошеиным и Столыпиным была высока, и межведомственных трений не возникло. К. А. Кривошеин писал о своем отце после его назначения в 1908 г. на должность главноуправляющего: «Он увлекся работой, смог показать всю меру своих способностей и со свойственной энергией стал преодолевать стоявшие на его пути препятствия благодаря исключительно удачному подбору сотрудников и неизменной поддержке Столыпина и, нужно признать, императора Николая II»⁸⁴. В условиях Третьеиюньской монархии выработка единой политики правительства была важной не только для будущего имперской окраины, но и для демонстрации консолидированной позиции министров в Государственной думе.

Появление межведомственного управленческого центра позволило найти удачный компромисс. 23 июня 1909 г. вопрос о создании Комитета по заселению Дальнего Востока (далее — КЗДВ) обсуждался в Совете министров. А 27 октября 1909 г. решение о создании Комитета было утверждено Николаем II, в частности «для объединения и общего направления правительственных мер по колонизации Приамурского края»⁸⁵, хотя сфера деятельности нового органа была значительно шире. В состав КЗДВ входили председатель — один из членов Совета министров по назначению императора, представители министерств императорского двора и уделов, иностранных дел, военного, морского, внутренних дел, юстиции, финансов, торговли и промышленности, путей сообщения, а также ГУЗиЗ и Государственного контроля, «в необходимых случаях — Синода и Министерства народного просвещения; на правах членов в заседаниях участвовали во время пребывания в Петербурге приамурский и иркутский генерал-губернаторы, военные губернаторы Амурской, Приморской и Забайкальской областей, а также иркутский, якутский и камчатский гражданские губернаторы»⁸⁶.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Bakhmeteff Archive. General Ms Coll Kriger. Krivoshein: Correspondence Photocopies; Manuscripts. No list numbers.

⁸⁵ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁸⁶ Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг. / отв. сост. Д. И. Раскин. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб., 1998. С. 203.

Главой Комитета был назначен председатель Совета министров П. А. Столыпин, а его заместителем стал главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин. В состав Комитета вошли представители почти всех министерств. Кроме того, предусматривалась возможность участия в заседаниях приамурского и иркутского генерал-губернаторов. «Единоголосные решения Комитета по заселению Дальнего Востока, не требующие нового закона, напрямую направлялись в ведомства для исполнения, в случае же разногласия переносились на рассмотрение Совета министров»⁸⁷.

11 декабря 1909 г. П. А. Столыпин потребовал от камчатского губернатора статского советника В. В. Перфильева: «...озаботиться незамедлительным доставлением в образованную при Комитете по заселению Дальнего Востока Канцелярию, заведование коей возложено на Управляющего делами Комитета [Г. В.] Глинку, подробного перечня всех вопросов и дел, которые, в той или иной степени касаясь заселения вверенной Вам области или иных мер укрепления в ней русского дела, поступили на рассмотрение центральных правительственных учреждений и не получили еще окончательного разрешения»⁸⁸. Кроме непосредственной задачи Комитета — сбора необходимых сведений по управлению краем, отметим назначение Г. В. Глинки на пост Управляющего делами Комитета. Оно подчеркивало преимущественное значение в деле освоения Дальнего Востока ГУЗиЗ и в данном случае носило компромиссный характер. Г. В. Глинка являлся начальником Переселенческого управления ГУЗиЗ. Таким образом, если освоение Манчжурии оставалось преимущественно прерогативой министра финансов В. Н. Коковцова⁸⁹, то русское Приморье становилось «уделом» А. В. Кривошеина. С одной стороны, это несколько ослабляло влияние министра финансов на дальневосточные дела и усиливало позиции П. А. Столыпина в правительстве, но с другой — сам В. Н. Коковцов был сторонником взвешенной, осторожной политики в регионе и в целом поддерживал мероприятия КЗДВ до 1911 г.

⁸⁷ Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. С. 479–480.

⁸⁸ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁸⁹ Самойлов Н. А., Старовойтова Е. О., Ходяков М. В., Янченко Д. Г. Китайско-Восточная железная дорога — историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 207.

Для первоочередного рассмотрения чиновниками предполагался следующий перечень наиболее важных вопросов: «1. Об увеличении площади колонизационного запаса земель Дальнего Востока и о скорейшем использовании для этой надобности расположенных вблизи китайской границы земель, временно отведенных бывшим Приамурским генерал-губернатором [С. М.] Духовским Амурскому и Уссурийскому войскам, и земельных излишков Забайкальского казачьего войска. 2. О мерах борьбы против наплыва в Приамурье рабочих желтой расы и о привлечении на постройки, производящиеся за счет и распоряжением казны, рабочих из европейской России. 3. Об ускорении постройки Амурской железной дороги. 4. О развитии на Дальнем Востоке дорожного строительства для нужд колонизации и об изыскании для сего средств, сверх отпущенных по переселенческой смете. 5. Об особых мерах поощрения переселения на Дальнем Востоке и льготах лицам, водворяющимся в Приамурском крае. 6. Об организации учрежденной для изучения района Амурской железной дороги экспедиции и о нужных на ее содержание ассигнованиях»⁹⁰.

Эти предложения были выдвинуты практически сразу после начала деятельности Комитета. П. А. Столыпин считал, что разработка программы деятельности Комитета «явится результатом последующей работы всех заинтересованных ведомств и учреждений»⁹¹. Сведения о состоянии дел поступали в Совет министров от руководителей профильных ведомств, генерал-губернаторов и иных учреждений (например, Общества ККВЖД, Русско-Китайского (с 1910 г. — Русско-Азиатского банка) и пр.). П. А. Столыпин особо отмечал важность всеподданнейших отчетов приамурского генерал-губернатора, сведений Министерства иностранных дел: донесений российских дипломатических и консульских представителей по предметам, касающимся русских интересов на Дальнем Востоке.

Как председатель Комитета П. А. Столыпин запросил у ведомств перечень вопросов, которые необходимо было изучить и по которым требовалось принятие срочных решений. Два вопроса были указаны в ответном письме министра финансов В. Н. Коковцова: 1) «об открытии в районе строящейся Амурской железной дороги казначейств в видах облегчения строительной администрации расчетов

⁹⁰ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁹¹ Там же. Л. 3.

по поставкам и подрядам»; 2) «об открытии там же казенных винных лавок в целях борьбы с контрабандным водворением в наши пределы маньчжурского спирта, который находит широкое распространение среди населения Приамурского края»⁹².

Государственный контролер П. А. Харитонов отправил четыре вопроса для обсуждения: 1) об организации «опытных сельскохозяйственных станций и показательных хозяйств в заселяемых районах Дальнего Востока»; 2) об определении местностей «из коих, по преимуществу, должны направиться переселенцы на Дальний Восток в целях заселения последнего лицами, наиболее пригодными для оседлости в нем»; 3) выяснение вопроса, «какие из земель Кабинета Его Величества в районе Амурской железной дороги могут быть обращены под заселение, и на каких условиях эти земли могут быть предоставлены переселенцам»; 4) «о мерах улучшения водных путей Приамурья в видах организации на них переселенческого движения и сообщения с населенными районами»⁹³.

Вопрос, представленный в письме министра путей сообщения С. В. Рухлова, касался «местностей по линии Амурской железной дороги, где могут получить развитие наиболее крупные населенные пункты, чтобы заблаговременно, с надлежащей успешностью и минимальными расходами, произвести работы по составлению дополнительных топографических съемок для разработки общих планов поселков в связи с железнодорожными станциями»⁹⁴.

Министр народного просвещения А. Н. Шварц предлагал обсудить вопросы об открытии «во вновь заселяемых районах сельских училищ и оказании правительством помощи в деле учреждения упомянутых училищ и постройки необходимых для сего зданий»⁹⁵.

В итоге из предложений ведомств была сформирована программа первоочередных задач по колонизации Дальнего Востока, носившая, впрочем, предварительный характер. Очевидно, что планировалось внесение дополнительных вопросов как со стороны ведомств, так и со стороны администрации окраины. Этот документ упоминался А. В. Ремневым, однако здесь необходимо привести комплексный анализ основных положений, ранее впервые проведенный

⁹² РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 16–17.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. Л. 16–17.

авторами настоящей монографии⁹⁶. В целом задачи правительства сводились к девяти пунктам.

1. Меры поощрения переселенческого движения на Дальневосточные окраины.

А. Вопрос о свободном ходачестве или свободном семейном переселении без предварительного ходачества.

Б. Особые льготы при передвижении и устройстве на месте (увеличение ссуд, тариф, продовольствие в пути).

В. Особые мероприятия по приему переселенцев (усиление медицинской помощи, приискание заработков, заготовление продовольствия, рабочего скота, расчистка лесных площадей, заготовка останочных бараков на участках).

Г. Издание плаката о дальневосточном заселении, обращение к землеустроительным учреждениям и земствам.

Д. Привлечение особых категорий переселенцев: румынских старообрядцев (как наиболее подготовленных к условиям на Дальнем Востоке. — *Авт.*), Некрасовцев, рыболовов, прибалтийских латышей, поляков, австрийских подданных из Галиции.

2. Количественное и качественное улучшение предлагаемого к заселению земельного запаса как необходимое условие возможности поощрения правительством дальневосточного переселения.

А. Образование переселенческих участков из излишков войскового запаса временного отвода Духовского в Амурской и Приморской областях (11,5 млн дес.) (12 563 750 га. — *Авт.*), независимо от разрешения вопроса о преимуществах казачьей колонизации пред крестьянской.

Б. Землеустройство Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск и порядок использования под переселение земельных излишков в Забайкальской области.

В. Облегчение порядка причисления переселяющихся крестьян к станицам, получившим уже земельные наделы.

Г. Постановка осушительных работ в Приамурье.

3. Развитие местных сообщений.

А. Усиление дорожного строительства на Дальнем Востоке. Ассигнование на это дело в 1910 г. особых средств сверх сметы Переселенческого управления, с привлечением к делу военных технических сил.

⁹⁶ Подробнее см.: *Янченко Д. Г., Слободзян Г. М.* Колонизация русского Дальнего Востока... С. 93–106.

Б. Развитие пароходных береговых и речных сообщений путем как приобретения буксиров и барж, так и поощрения частной инициативы.

В. Оборудование почтовых и телеграфных сообщений, намеченных начальником края.

4. Борьба с наплывом желтых рабочих (напряженные дискуссии по «желтой проблеме» были довольно частым явлением в дореволюционной России начала XX в.⁹⁷, Комитет по заселению Дальнего Востока также не обошел стороной этот вопрос. — *Авт.*).

А. Исчисление потребной на месте рабочей силы. Образование рабочих партий в губерниях Европейской России при участии местных учреждений и организация их перевозки в порядок передвижения воинских частей.

Б. Запрещение к сдаче казенных работ инородцам и участия в них желтых рабочих, кроме принявших русское подданство корейцев.

В. Организация на местах работ рабочих артелей, потребительных товариществ и товарных складов для продажи необходимых им продуктов.

5. Обеспечение развития частновладельческих хозяйств и промысловых предприятий.

А. Предоставление крестьянам и казакам отведенных им в дальневосточных областях земель в собственность с правом распоряжения ими и отчуждения как общественных, так и выделенных из общественного владения участков, но с воспрещением покупки или аренды этих земель иностранцами или инородцами.

Б. Предоставление в собственность и аренду частных предпринимателей на особых льготных условиях участков казенных земель для устройства заводов, фабрик и промышленных предприятий.

В. Пересмотр для дальневосточных областей правил образования и аренды оброчных статей и взимания промысловых сборов и акциза в целях особого покровительства развитию на местах сахароваренной промышленности и винокурения.

6. Выяснение возможности особыми тарифами охранить дальневосточные области от перевоза маньчжурских и японских хлебов, муки и леса с целью обеспечить перевозку сюда хлеба и скота из Забайкалья, Восточной Сибири и Алтая и содействовать развитию в пределах края мукомольного производства и лесных работ.

⁹⁷ Самойлов Н. А., Старовойтова Е. О., Ходяков М. В., Янченко Д. Г. Китайско-Восточная железная дорога... С. 208.

7. Меры к скорейшему обследованию дальневосточных областей путем изучения почв, климата и растительного покрова и широкой постановки топографических работ.

8. Образование при губернаторах дальневосточных областей постоянных совещаний местных людей, назначаемых или избираемых из числа русского населения для обсуждения вопросов скорейшей колонизации края.

9. Выяснение всех данных для разрешения коренного вопроса колонизации Дальнего Востока — о наилучшей военной его обороне.

А. Ускорение постройки Амурской железной дороги.

Б. Увеличение числа войск на местах.

В. Заготовка продовольственных запасов.

Г. Постройка казенных заводов для военных надобностей.

Д. Борьба военной силой против японского хищничества и шпионов⁹⁸.

Именно КЗДВ принял решение командировать для всестороннего исследования района Амурской железной дороги особую экспедицию. Ей поручалось определение мест для «тех станций амурской железной дороги и тех пунктов вне оной, у которых в силу их естественного положения следует ожидать развития поселений городского типа, а равно разработку предшествующих в означенной местности путей сообщения»⁹⁹. Впрочем, результаты лишь в небольшой, хотя и весьма содержательной части были связаны с изучением существовавших станций и поселков вдоль линии новой дороги.

Отправка экспедиции перекликалась с инициативой МВД, но устранила ведомство от прямого кредитования переселенцев, как предлагалось ранее. Амурская экспедиция 1909–1912 гг. под руководством выдающегося администратора Н. Л. Гондатти была последним крупным научным мероприятием по изучению региона в Российской империи. Более 28 томов «Трудов Амурской экспедиции» представляли собой полевые отчеты и монографии по естественнонаучному, историческому, административному и экономическому описаниям Дальнего Востока и Амурской области. Они издавались в ходе проводимых исследований различными типографиями Санкт-Петербурга и Сибири в 1910–1913 гг., снабжались дополнительными материалами: картами, схемами, графиками, таблицами.

⁹⁸ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 20–22.

⁹⁹ Там же. Л. 27.

В 1910 г. был подготовлен «Общий отчет Амурской экспедиции». В 1911 г. шталмейстер Н. Л. Гондатти стал первым Приамурским генерал-губернатором из гражданских чиновников. Вопрос о том, была ли экспедиция инициирована Н. Л. Гондатти через МВД, оставим открытым.

Итоговой целью всех мероприятий являлись закрепление русского населения на Дальнем Востоке, обеспечение военной безопасности окраины. Ранее мы писали о причинах, по которым правительство всерьез рассматривало внешнюю угрозу после Русско-японской войны. Заместитель председателя КЗДВ А. В. Кривошеин писал министру иностранных дел А. П. Извольскому: «В видах наилучшей постановки деятельности Канцелярии Комитета по заселению Дальнего Востока представлялось бы весьма желательным, чтобы в состав ее входил бы в числе других чинов представитель ведомства Министерства иностранных дел, всесторонне осведомленного о положении на нашей Дальневосточной окраине»¹⁰⁰.

По предложению П. А. Столыпина был поднят вопрос об информировании русского правительства о значимых событиях экономического и политического характера в соседних с Приамурьем странах: Японии, Китае, Корее, США. Важным также являлось отражение в общественном мнении и печати этих стран всех дел, которые касались правительственной политики по заселению дальневосточных областей России. Комитет хотел поручить российским дипломатическим чиновникам и консульским служащим предоставлять отзывы и сообщения иностранной печати по соответствующим целям программы освоения Дальнего Востока. Со своей стороны Главное управление по делам печати МВД по указанию Столыпина проводило поиск интересующих КЗДВ сведений в русских и иностранных публикациях. Комитет настоятельно просил министров иностранных дел и финансов предоставить все материалы о положении на имперской окраине¹⁰¹.

А. П. Извольский, формально не подчинявшийся П. А. Столыпину, возражал против прямой передачи дипломатических сведений в КЗДВ. Важность такой меры, он, разумеется, признавал, но решение о том, что именно присылать, оставлял за собой. Напротив, В. Н. Коковцов заявил, что в Управлении Заамурского округа погра-

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 109.

¹⁰¹ Там же. Л. 86.

ничной стражи организована специальная разведка для сбора сведений о наиболее важных политических и экономических событиях в пределах Манчжурии: «Ввиду особой ценности этих данных для предстоящих работ Комитета, Статс-секретарь В. Н. Коковцов выразил готовность сделать распоряжение о сообщении таковых Комитету по заселению Дальнего Востока»¹⁰².

Как же складывалась ситуация на местах? Интересное мнение об уровне подготовленности к ведению хозяйства и настроениях среди переселенцев мы находим в сохранившейся в материалах РГИА записке С. Е. Бельского о заселении Сибири и Дальнего Востока, отправленной на имя П. А. Столыпина 7 октября 1910 г. Настроения среди приезжих крестьян, характеризуются автором как упаднические: «Крайне неблагоприятным для русского дела на Дальнем Востоке является то обстоятельство, что на этой отдаленной окраине <...> много малодушных людей, которые не верят в прочность нашего положения; в то, что России долго еще удастся удержать за собой Амурскую и Приморскую области. Ирония слабых, маловольных людей по отношению к собственному делу составляет основной психический тон работы <...> Строят Амурскую дорогу и говорят: — Мы строим, а ездить будут японцы и китайцы. <...> Заселяют побережье и уверены, что на участках окажутся желтолицые земледельцы. Чувствуют себя словно в гостях. Россия начинается за Байкалом от Иркутска. Впрочем, один генерал-губернатор рассказывал переселенческим чиновникам, что, пожалуй, нас и из Енисейской губернии погонят. Чиновники, переселенцы, инженеры, промышленники, купцы, охвачены этим гибельным недугом недоверия к силе устойчивости России на ее далекой окраине. Это недоверие находится, конечно, в тесной связи с результатами войны, но поддерживается также множеством современных явлений, обыденной жизнью русского Востока»¹⁰³. Иностранцы составляли значительное количество жителей региона и принимали активное участие в его экономической жизни. Проблема «желтой угрозы» прослеживается во многих правительственных документах эпохи, тем более что корейцы и китайцы были приспособлены к ведению сельского хозяйства с учетом местных природных и климатических условий.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. Д. 11. Л. 360–361.

Губернатор Камчатской области В. В. Перфильев, занимавший должность с 1909 по 1912 г. писал П. А. Столыпину: «Вопрос о земледелии на Камчатке — это еще вопрос будущего. Полагаю, что и теперь с уверенностью можно сказать, что в ближайшем будущем земледелие на Камчатке ни в каком случае не будет играть значительной роли и в лучшем случае явится лишь некоторым подспорьем для остальных отраслей хозяйства и притом далеко не во всех ее районах»¹⁰⁴. Губернатор считал преждевременным принимать специальные меры для привлечения на Камчатку переселенцев. «Элемент положительный, трудоспособный найдет много лучшего для себя и вне Камчатки и сюда не пойдет. Разные же неудачники, лентяи, неврастеники и вообще люди, выбитые из колеи, которые нигде не могут пристроиться, идут сюда теперь в большом количестве, и пока что, на первых порах, приходится принимать меры, чтобы оградить Камчатку от наплыва подобного элемента, который делу колонизации ее принесет только вред, а не пользу»¹⁰⁵. Местный высокопоставленный чиновник поднимает вопрос о превалировании качественного состава переселенцев над количественным. Вопрос этот и раньше волновал Переселенческое управление, однако конкретных действий по нему не предпринималось.

На одном из докладов по внесенному МВД законопроекту об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин отмечалось, что «полевая культура никогда не получит на Камчатке первенствующего значения и не может служить исключительным источником существования населения»¹⁰⁶. На Камчатке предлагалось создать скотоводческую базу, которая позволила бы снабжать необходимыми продуктами весь регион: «Развитие скотоводства на Камчатке дало бы возможность Южно-Уссурийскому и Амурскому краю получать мясо и прочие продукты животноводства не из Австралии, как теперь, а из Камчатки»¹⁰⁷.

В. В. Перфильев и Комиссия по направлению законодательных предположений Третьей Государственной думы настаивали «на энергичных мерах привлечения сильных элементов переселенцев, как на Камчатке и Удском крае, так и на Сахалине, и в насаждении сельского хозяйства в тех его формах, которые будут соответство-

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 200.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же. Д. 11. Л. 101.

¹⁰⁷ Там же.

вать местным условиям»¹⁰⁸. Так складывалась ситуация не только на Камчатке. «Следует заметить, что все крестьянские селения, расположенные по реке Амуру вниз от г. Хабаровска на тысячу верст, совершенно не сеют хлеба; г. Николаевск тоже»¹⁰⁹, — писал член совета ГУЗиЗ В. П. Михайлов. Материалы РГИА не сохранили примеров, в которых мнение камчатского губернатора (напомним, что Камчатка — один из самых больших по площади регионов империи — с 1856 по 1909 г. не являлась самостоятельной административной единицей) сталкивалось с мнением начальника Амурской экспедиции Н. Л. Гондатти. Однако развитие животноводства на южной части дальневосточной окраины было более вероятно с точки зрения практической целесообразности в силу развитой инфраструктуры и заселенности этих территорий, а также в силу большей проработанности вопроса по итогам Амурской экспедиции.

Камчатская область, по сведениям ГУЗиЗ, имела 100–120 млн десятин (от 109 млн 250 тыс. до 131 млн 100 тыс. га) земли и 7 тыс. жителей, преимущественно из числа коренных народностей. Добывающей промышленности в области не было. Из записки В. П. Михайлова: «Относительно Камчатки есть кое-какие отрывочные сведения, но в общем эта область совершенно еще не исследована и не известна. <...> Камчатская область нуждается в систематическом исследовании. <...> Говорить о колонизации этого края — еще рано. <...> Заселение Камчатки возможно лишь при развитии там крупной добывающей промышленности такой, которая могла бы иметь значение для мирового рынка, но такого развития не предвидится»¹¹⁰.

Несмотря на то что «старожилое» население и переселенцы особо не занимались сельским хозяйством, они активно вели рыбный промысел, который к тому времени приобрел существенное значение на Дальнем Востоке. Предполагалось, что со временем «продукты лова пойдут по воде и железной дороге в Европейскую Россию». Часть продукции нашла бы покупателей в регионе, поскольку, «золотые прииски, привлекая массу рабочих, требуют большое количество хлебных и других грузов»¹¹¹. Постоянного сообщения с приисками на тот момент установлено не было, отсутствовали телеграф, телефон, регулярная почта.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. Л. 4.

¹¹⁰ Там же. Л. 25.

¹¹¹ Там же. Л. 5.

В Приморской области на западе от Амура дела обстояли схожим образом, рыбный промысел стал вытеснять сельское хозяйство. «Крестьяне по Амуру занимались хлебопашеством еще не так давно и ловили рыбу — кету в пределах своих потребностей. Но как только кета стала проникать на рынок и явилась предметом торговли — все Амурское население совершенно забросило сельское хозяйство и занялось исключительно ловлей и торговлей рыбой»¹¹². В низовьях Амура, по западному берегу Сахалина, с начала XX в. было образовано до десяти переселенческих поселков. Жили здесь исключительно ловлей рыбы в целях ее перепродажи, главным образом японцам. Попыток наладить сельскохозяйственную деятельность не предпринималось. «Город Николаевск — центр Амурской рыбопромышленности, своих злаков не производит, хлебом питается из Благовещенска, а овощами — благодаря корейцам, великолепно возделывающим земли, признаваемые русским населением якобы непригодными для обработки»¹¹³. В ведомстве понимали, что для колонизации свободных пространств, помимо пригодности земель для сельского хозяйства, необходима прочная экономическая база.

Где-то нужно было размещать лишнюю рабочую силу, сбывать и приобретать продукты: «Без такой базы наше крестьянство, вышедшее из условий чисто натурального хозяйства, существовать не может, а, следовательно, где ее нет — там и не может быть речи о колонизации. Поскольку эта экономическая база близка к населению и доступна, постольку свободнее совершается товарообмен и обрабатывается личный труд, постольку успешнее идет дело колонизации»¹¹⁴.

Изучение правительственных мероприятий, направленных на развитие городов не является специальной задачей данной монографии. Сибирские и дальневосточные ученые с начала 1990-х годов сосредоточились на этом направлении исторических исследований, в XXI в. защищались кандидатские диссертации. Города юга Дальнего Востока с высоким для региона уровнем урбанизации в рассматриваемый период развивались быстро, а КЗДВ и ГУЗиЗ уделяли внимание пустующим территориям края, не освоенным русскими переселенцами.

¹¹² РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.

¹¹³ Там же. Л. 12.

¹¹⁴ Там же. Л. 1.

Амурская область оказалась малопривлекательной для колонизации. Все ее сельское крестьянское население составляло 87 тыс. чел., с 1901 по 1909 г. было размещено всего 4 тыс. семей. Заселение шло вблизи Благовещенска, в низменности между реками Бурей и Зеей. Количество населения значительно уступало Приморской области. «Что такое из себя представляла Амурская область — никто в то время решительно не знал: мари, тундры, заболоченные лесные пространства, а местами непроходимые горы — вот общий абрис, приводивший всегда к выводу полной ее непригодности к колонизации»¹¹⁵. Однако по исследованиям, проведенным Переселенческим управлением, свободных земель, пригодных для русского переселенческого дела, было много. Итоги этих изысканий, проведенных в 1909–1910 гг., стали достоянием гласности уже к 1913 г. и коснулись прежде всего флоры края, почвоведения — всего, что могло способствовать хозяйственной деятельности русских крестьян. В. П. Михайлов писал: «По своим личным впечатлениям <...> должен заключить, что колонизационная емкость Амурской области велика»¹¹⁶. В Переселенческом управлении понимали, что колонизация края требует иного подхода, чем освоение и экономическое развитие других окраин. «Нельзя забывать, что Амурская область — страна совершенно почти не заселенная, жизненного опыта имеет очень мало и по своим естественно-историческим условиям резко отличается не только от условий Европейской России, но и того материала, с которым оперировало до сих пор Переселенческое управление в Сибири»¹¹⁷.

Советский исследователь Л. Ф. Складов писал: «История переселенческого движения в годы столыпинской аграрной реформы подводит итоги правительственных мероприятий по заселению окраин в предыдущие десятилетия»¹¹⁸. Колонизации должен предшествовать ряд серьезных подготовительных мер. Для заселения территорий нужно было исследовать их, выделить земли неудобные или ранее уже предоставленные в пользование местного инородческого и русского старожильского населения, нарезать свободные участки. Производство межевых работ, перевозка и устройство

¹¹⁵ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же. Л. 3.

¹¹⁸ Складов Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 4.

переселенцев — мероприятия дорогостоящие. Одной из самых сложных задач стала подготовка участков: «Местному управлению надлежит предоставить особый технический состав (производителей работ и землемеров) для обследования и отграничения продаваемых участков; планы работ и сметы подлежат составлению и направлению в порядке, установленном в отношении переселенческого дела, и, наконец, руководство и заведывание продажей земель в центральном управлении должно быть объединено с переселенческим делом»¹¹⁹. Вместе с подготовкой участков планировались постоянная организация топографической съемки (как писали чиновники, «хотя бы в грубом масштабе») и изучение области «во всех отношениях <...> и, главным образом, агрономическом»¹²⁰. В ходе работы Амурской экспедиции (фактически по заказу правительства) это направление будет основательно исследовано, включая возможности мелиорации, правила ведения семенного хозяйства и перспективы выращивания злаковых культур. «Не может возникать сомнений, что на какие бы прочные начала ни было поставлено дело переселения на Дальний Восток сельских обывателей-землепашцев, вне широкого отвода казенных земель под культурные сельские хозяйства и различные промышленные предприятия, надлежащее экономическое развитие этой окраины, а следовательно, и прочное заселение ее немыслимо»¹²¹, — писал А. В. Кривошеин приамурскому генерал-губернатору П. Ф. Унтербергеру 17 февраля 1909 г.

В остальной части Приморской области, в междуречье Амура и Сунгари, отвод переселенческих участков проходил по долинам рек. По сведениям ГУЗиЗ, земельный фонд здесь был почти исчерпан и колонизация этого края с сельскохозяйственной точки зрения становилась практически невозможной. КЗДВ рассматривал возможности предоставления земель в аренду и собственность. Это содействовало бы мобилизации земель, росту их ценности, изменению рынка труда. «Уплотнение население весьма важно и в том отношении, что оно выделит из себя рабочую массу, необходимую для разного рода промышленных предприятий, развивающихся в крае»¹²². Подробный анализ ситуации с частновладельческими землями был завершён к 1913 г. на основании материалов, собран-

¹¹⁹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.

¹²⁰ Там же. Д. 11. Л. 3.

¹²¹ Там же. Д. 26. Л. 2.

¹²² Там же. Д. 11. Л. 16.

ных статистиком Амурской экспедиции А. А. Макаренко и ученым агрономом В. М. Василевским, а также сведений о частной земельной собственности в Амурской области, полученных из архива местного нотариата. «Из мер содействия промышленному развитию Приамурья особого внимания заслуживают предположения об облегчении условий долгосрочной аренды и продажи казенных земель»¹²³. В контексте мобилизации земельных ресурсов в отчете ГУЗиЗ отмечалось: «Все лучшие удобные земли занято с одной стороны казачье ведомство, а с другой — крестьяне в порядке прежних стадесятинных отводов»¹²⁴. При этом использование земель ведомство считало неэффективным.

«В распоряжении Уссурийского казачьего войска находится сейчас обширная территория до 10 миллионов десятин (10 млн 925 тыс. га. — *Авт.*), а увеличение казачьего населения идет очень медленно. Земля эксплуатируется личным трудом казаков слабо и сдается китайцам и корейцам в то время, когда предоставление казенных земель в аренду желтолицым воспрещено властью генерал-губернатора»¹²⁵. Отмечалось, что казачество при существовавшем положении военного дела являлось анахронизмом, а привилегии, которыми оно пользовалось, препятствовали заселению дальневосточной окраины. И все же упрекнуть правительство в волонтаристском подходе к распределению земельного фонда нельзя. В «Трудах Амурской экспедиции» ситуация с казачьими и крестьянскими землями региона рассматривалась на основании статистических материалов, собранных при проведении подворной переписи и составлении бюджетов казачьих и крестьянских хозяйств. Данные сводились в таблицы, проводился комбинаторный групповой и бюджетный подсчет результатов, полученные сведения анализировались и публиковались.

Наказной атаман Уссурийского казачьего войска Н. М. Чичагов в пику Переселенческому управлению, изымавшему казачьи земли, указывал на неудовлетворительный по своим качествам состав переселенцев: «[Для колонизации края] широкий наплыв в область малороссов менее желателен, а необходим прилив переселенцев великороссов из средних промышленных губерний Европейской России, как людей менее избалованных почвенными и климатическими

¹²³ Там же. Д. 26. Л. 2.

¹²⁴ Там же. Д. 11. Л. 16–17.

¹²⁵ Там же. Л. 17 об.

условиями, чем малороссы, более энергичных и предприимчивых, поэтому имеющих возможность гораздо скорее, лучше и прочнее обосноваться в области, чем приходящие в край жители малороссийских губерний Европейской России»¹²⁶.

Заселение побережья, по заключению ГУЗиЗ, являлось нежелательным, так как эта территория производила крайне невыгодное впечатление: бесплодные каменистые горы, покрытые слабой и мелкой лесной растительностью. Единственными удобными местами для поселений считались узкие речные долины, хотя отмечалось, что на многих прибрежных горах, расположенных ближе к Владивостоку, корейцы прекрасно выращивают огородные овощи и некоторые злаки. На этой территории колонизации мешала отчужденность населения от соседей и экономических центров: «Отсутствие грунтовых дорог и слабое морское и речное сообщение препятствует <...> водворению здесь русских крестьян»¹²⁷. В Объяснительной записке к проектам «Учреждения Министерства земледелия» и «Положения о местных его установлениях», представленным в Государственную думу в 1910 г., констатировалось: «Одно лишь увеличение площади возделываемых земель не может само по себе привлечь к производительному труду не только излишка рабочих сил, но даже значительной части его. <...> Как бы ни были расширены мелиоративные работы, до каких бы размеров ни возросло число устраиваемых на новых землях переселенцев, все же это принесло бы лишь временное улучшение»¹²⁸. ГУЗиЗ предлагало сосредоточиться на открытии показательных сельскохозяйственных станций и ферм: «В настоящее время имеется только одно опытное поле в Никольск-Уссурийске». Действительно впоследствии подобные станции будут открыты, однако существенной роли не сыграют. В документах КЗДВ подчеркивалось, что следует «обратить внимание на скотоводство»¹²⁹.

Важной, но не первоочередной задачей являлась колонизация северной (русской) части Сахалина. В 1908 г. туда командировали исследовательскую экспедицию, а в 1909 г. партия топографов нарезала переселенческие участки. Все русское население было сосредоточено в 27 пунктах, из них только 13 имели вид крупных селений. На все 27 пунктов приходилось 710 домохозяев, а на 13 из них — 579.

¹²⁶ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 66. Л. 16.

¹²⁷ Там же. Д. 11. Л. 17–18.

¹²⁸ Министерская система в Российской империи. С. 587.

¹²⁹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 11. Л. 21.

Численность населения русского Сахалина составляла 6 тыс. чел., из которых 2 тыс. — «иностранцы»¹³⁰. «Все селения дают вид запустения, масса домов заколоченных или брошенных на произвол судьбы; нигде не видно созидательной работы. По общему заявлению число старожилов уменьшается, а не увеличивается»¹³¹. Несмотря на то что переселенческую политику того периода принято рассматривать в контексте аграрных преобразований в России, с точки зрения сельскохозяйственной колонизации Сахалин не рассматривался. Из записки В. П. Михайлова: «Я совершенно уверенно могу сказать, что колонизация Сахалина хлеборобом при настоящих условиях — есть праздное дело. <...> Совершенно иначе вопрос станет, если взглянуть на Сахалин с точки зрения разработки недр. <...> Сахалин богат прекрасным каменным углем, присутствие нефти также не подлежит сомнению. Если горное дело пойдет, то колонизация будет обеспечена сама собою. Следовательно, все внимание правительства должно быть обращено на горное дело. Рыбное и лесное дело, по моему мнению, серьезного значения для Сахалина иметь не могут»¹³².

В. П. Михайлов подводил руководство Комитета (П. А. Столыпина) к мысли о том, что именно ГУЗиЗ должно возглавить колонизацию на Дальнем Востоке. Начать следовало с южной части окраины. «Так как на Главное управление землеустройства и земледелия возложена колонизация таких пространств, то вполне естественно, что это ведомство должно держать все нити управления и развития страны в своих руках, оно должно иметь авторитетный голос в разрешении всех вопросов, касающихся Приамурского края»¹³³. С изданием Основных законов 23 апреля 1906 г. взаимоотношения центральной власти и генерал-губернаторов, некогда полновластных решателей судеб вверенного им края, изменились. «Соответствующие решения царской администрации, даже в случае проведения их в чрезвычайно-указном порядке (ст. 87 Основных законов в редакции Свода законов), неизбежно подлежали утверждению законодательных палат»¹³⁴. Иными словами, претворение в жизнь административных решений на окраинах требовало усиления правительственного

¹³⁰ Там же. Л. 21 об.

¹³¹ Там же. Л. 22–23.

¹³² Там же. Л. 24.

¹³³ Там же. Л. 59.

¹³⁴ Институт генерал-губернаторства... Т. 1. С. 248.

влияния на местную власть. По мнению авторитетного русского юриста Н. И. Лазаревского, после 1906 г. «непосредственное получение генерал-губернатором высочайших повелений от Государя, помимо министров, представляется юридически невозможным»¹³⁵.

В. П. Михайлов описывал П. А. Столыпину пагубность ситуации, когда управление в регионе подчинено генерал-губернаторам: «Вся колонизационная политика Восточной окраины, крайне неопределенная и неустойчивая, постоянно колеблется и очень часто зависит от личного усмотрения того или другого лица, поставленного во главе управления краем»¹³⁶. Центральное ведомство землеустройства и земледелия также стремилось «освободиться от управления окраиной и выполнения в ней серьезных задач государства»¹³⁷. В итоге вопросами колонизации ведал генерал-губернатор. От его решений зависели утверждение плана работ, изменение плана в течение года, надзор и общее руководство переселением. Осуществление этого надзора и распоряжения по колонизационным делам производились через канцелярию генерал-губернатора. Несмотря на то что в распоряжение «хозяина» края был откомандирован особый чиновник пятого класса при главноуправляющем землеустройством и земледелием, «колонизационным делом заведовал все-таки чиновник особых поручений генерал-губернатора, причем все доклады первого переделывались вторым»¹³⁸.

Из представленных в КЗДВ материалов можно сделать вывод, что центральное управление, не отказываясь от руководящей роли, заведывание колонизацией и государственными имуществами вынуждено было передать высшей власти края. При П. А. Столыпине генерал-губернаторы потеряли «значительную долю своего статуса должностных лиц, непосредственно сносящихся с монархом, а в отношениях с министром внутренних дел <...> приблизились к “простым” губернаторам»¹³⁹. Однако местные учреждения ГУЗиЗ не пользовались должным влиянием. Крестьянский поземельный банк, Главное управление по делам местного хозяйства, Межевое управление находились в подчинении других ведомств. В Объяснитель-

¹³⁵ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. II: Административное право. Ч. 1: Органы управления. СПб., 1910. С. 208.

¹³⁶ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 11. Л. 59 об.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. Л. 60.

¹³⁹ Институт генерал-губернаторства... Т. 1. С. 248.

ной записке к проектам «Учреждения Министерства земледелия» и «Положения о местных его установлениях» 1910 г. отмечалось: «В исключительно неблагоприятные условия поставлены местные учреждения главного управления. В них замечается не только крайняя ограниченность по числу личного состава и недостаток специалистов и техников, но, в противоположность другим ведомствам, также отсутствие сколько-нибудь стройной и связанной организации на местах для осуществления лежащих на них обширных и крайне разнообразных задач»¹⁴⁰. Решения Комитета по заселению Дальнего Востока значили, конечно, больше, чем указания генерал-губернаторов, но фактически распорядительная власть осталась у опытных местных чиновников. С явным неудовольствием в отчете ГУЗиЗ делался вывод, что в связи с частой сменой генерал-губернаторов «политика, основанная на их личном усмотрении, подвергается резким колебаниям и не дает никакой прочности и устойчивости развитию промышленности в крае»¹⁴¹.

Ряд планируемых экономических мер подразумевал введение особых протекционистских тарифов. Они должны были охранять дальневосточные области от поставок хлеба, муки и леса из Маньчжурии с целью обеспечить перевозку продукции из Забайкалья, Восточной Сибири и Алтая, содействовать развитию в пределах края мукомольного производства и лесных разработок. Рассматривалась возможность изменения для дальневосточных областей правил образования и аренды оброчных статей, взимания промысловых сборов и акциза. Третья Государственная дума по инициативе правительства фактически шла по пути усиления русского начала в дальневосточной торговле, отменялось порто-франко, но тарифы на ввоз техники и комплектующих сохранялись на низком уровне.

Для решения вопросов и координации действий по скорейшей колонизации края на местах планировалось создание при губернаторах дальневосточных областей постоянных совещаний, назначаемых или избираемых из числа местного русского населения. Между тем в Третьей Думе отношение к перспективам введения органов самоуправления (как, например, земств в Сибири) на окраинах было отрицательным. Даже подробно обоснованные правительственные проекты в угоду националистам и правым отправлялись на доработку

¹⁴⁰ Министерская система в Российской империи. С. 596.

¹⁴¹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 11. Л. 60.

или оставались без движения¹⁴². Реализация подобных начинаний становилась сферой ответственности властей на местах.

В условиях колонизации значение имеют не только экономическая поддержка или обеспечение новой техникой, но и культурно-просветительское развитие региона. Впрочем, в начале XX в., оно ограничилось предложениями, которые вполне укладывались в русло государственной политики. Обер-прокурор Святейшего синода С. М. Лукьянов представил проект возможной деятельности своего ведомства на колонизируемых территориях, особо отметив важность создания «на Дальнем Востоке того внутреннего уклада жизни, который действительно придает переселенцу облик русского человека»¹⁴³. С. М. Лукьянов ратовал за открытие церковно-приходских школ, увеличение окладов для привлечения «правоспособных» учителей. КЗДВ, вероятно, по инициативе министра народного просвещения признавал необходимым и открытие общеобразовательных учебных заведений, подготовку специалистов для школы. Статус окраины уравнивал Сибирь и Дальний Восток с национальными регионами империи. Так, обер-прокурор Синода запросил об отпуске из казны дополнительных 250 тыс. руб. на увеличение содержания учащимся и законоучителям церковно-приходских школ губерний и областей Сибири (вместе с Дальним Востоком), Средней Азии и Кавказа. Общая потребность по империи, по мнению С. М. Лукьянова, составляла 774 927 руб.¹⁴⁴ Расширилось влияние церкви, обер-прокурор предполагал открытие епархии на Камчатке¹⁴⁵. Формально Камчатская епархия существовала с 1840 г., однако в Петропавловске не было отдельной кафедры. Самостоятельной епархия будет провозглашена 11 сентября 1922 г. Временным архиерейским Синодом Русской православной церкви за границей. Развитие православных приходов, по мнению С. М. Лукьянова, являлось неотложной задачей в колонизации дальневосточной окраины. Вместе со строительством храмов возникал вопрос о благоустройстве, хорошем богословском образовании и материальном обеспечении православного духовенства.

¹⁴² См. об этом: Янченко Д. Г. Бюджет и финансы в Государственной думе 1907–1912 гг.: от Балтики до Дальнего Востока. СПб., 2015. С. 201.

¹⁴³ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 3. Л. 55.

¹⁴⁴ Там же. Л. 61.

¹⁴⁵ Там же. Л. 64.

Правящие круги считали, что колонизация на востоке страны отличается от аналогичных процессов в остальных областях России. Создание межведомственного Комитета по заселению Дальнего Востока служит примером особого подхода к делу развития региона. Вместе с тем многие начинания 1909–1911 г. можно характеризовать как следование сложившимся еще в XIX в. традициям российской имперской политики. Схожие процессы наблюдались и на других окраинах страны, в частности на Кавказе. Все ведомства проводили активные действия по реализации намеченной КЗДВ программы. К сожалению, Комитет просуществовал недолго, и после смерти П. А. Столыпина административные преобразования на Дальнем Востоке застопорились. Деятельность КЗДВ после 1911 г. сосредоточилась на решении «желтого вопроса» — важного, но не основного в развитии края. Это отчасти подтверждалось материалами о местном японском, китайском и корейском населении, собранными по итогам Амурской экспедиции. И все же пока был жив Столыпин, а переселенческим вопросом занимался А. В. Кривошеин, КЗДВ вполне успешно вписывался в контекст реформ сверху в России начала XX в.

Еще одна тенденция, характерная для других окраин империи, — совершенно иное восприятие переселенцев бюрократией на местах. Ставка делалась на подготовленных, материально обеспеченных переселенцев. Качественный состав, безусловно, должен был преобладать над количественным. Хозяйство должно было вестись вне общины. Признавалось преимущество крестьянской, а не казачьей колонизации. Нельзя не отметить масштабность переселения, способы организации, ранее не использовавшиеся в имперской практике. Несмотря на то что переселение осуществлялось в контексте аграрной реформы, Дальний Восток в перспективе рассматривался как ресурсная база страны.

2.3. Рабочая колонизация и рабочий вопрос на Дальнем Востоке империи

Современные исследователи выделяют несколько основных этапов хозяйственного освоения Россией Дальнего Востока в дореволюционный период. Мнения относительно точных хронологических границ этих этапов разнятся. Очевидно лишь то, что государственный курс на заселение отдаленных регионов империи привел в начале

XX в. к значительному увеличению расходов на освоение российского Дальнего Востока по сметам Министерства внутренних дел, Министерства путей сообщения, Главного управления землеустройства и земледелия¹⁴⁶.

Тогда же, в начале XX в., ход и проблемы колонизации дальневосточных окраин России получили некоторое освещение в научной и популярной литературе¹⁴⁷. Появились проекты, направленные на ускоренное претворение в жизнь планов хозяйственного освоения этих территорий, поскольку рабочие руки требовались с целью ускоренной постройки Амурской железной дороги, а также развития на Дальнем Востоке дорожного строительства для нужд колонизации. В отношении переселенцев на Дальний Восток правительство вводило особые меры поощрения и льготы¹⁴⁸. Эти планы российского правительства в значительной степени отражали идеи Приамурских генерал-губернаторов П. Ф. Унтербергер и Н. Л. Гондатти, стремившихся к тому, чтобы на всех казенных предприятиях, концессиях, арендованных землях «труд желтых рабочих» был заменен русским трудом¹⁴⁹.

Недостатка в исследованиях, освещавших специфику переселенческой политики начала XX в., в отечественной историографии не было. Чрезвычайно важным представляется то, что неземледельческие колонизационные потоки фиксировались недостаточно качественно, а потому сегодня их сложно проанализировать¹⁵⁰. Данное наблюдение крупного специалиста в области исторической демографии В. М. Кабузана разделяют и авторы коллективной монографии, посвященной этномиграционным процессам в Приморье — крае, имевшем существенные особенности в связи со специфическим

¹⁴⁶ См. об этом: Янченко Д. Г., Старовойтова Е. О. Перспективы экономического развития... С. 583–597.

¹⁴⁷ См., напр.: Турчанинов Н. В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). СПб., 1910; Меркулов С. Д.: 1) Вопросы колонизации Приамурского края. Вып. II. СПб., 1911; 2) Русское дело на Дальнем Востоке: доклад С. Д. Меркулова вел. кн. Александру Михайловичу [и прения]. СПб., 1912; Турчанинов Н. В., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916; и др.

¹⁴⁸ См. подробнее: Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. С. 482.

¹⁴⁹ Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906–1910. СПб., 1912. С. 94.

¹⁵⁰ Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998. С. 170.

статусом в иерархии российских регионов и приграничным положением¹⁵¹.

Историки справедливо отмечают, что ремесленники, купцы, предприниматели, рабочие-отходники, участвовавшие в неземледельческой колонизации края, часто оказывались вне точного учета, несмотря на то что их численность постоянно увеличивалась. Последнее обстоятельство было связано как с открытием золотых приисков, так и со строительством Уссурийской железной дороги. В результате на рубеже XIX–XX вв. на Дальнем Востоке вырос процент рабочих-отходников из Пермской, Нижегородской, Вятской губерний. Одновременно усилилось привлечение на контрактной основе рабочих из промышленно развитых центров России, в том числе Петербурга и Москвы¹⁵².

Значительный интерес представляет записка товарища министра иностранных дел Н. В. Чарыкова, направленная П. А. Столыпину 22 февраля 1909 г., «по поводу мероприятий <...> к ограничению наплыва желтых в Приамурье»¹⁵³. В ней формулировались предложения, которые должны были привести к постепенному вытеснению китайского населения с территории Дальнего Востока и замене его русским. В частности, авторы записки предлагали «предоставление льготного, по переселенческому билету, права проезда на Дальний Восток русским ремесленникам и мастеровым», подчеркивая, что «контингента таких лиц русских на Дальнем Востоке нет совершенно». Предлагалось также предоставление русским рабочим самых широких льгот в занятиях разнообразными промыслами¹⁵⁴. Все казенные подряды и работы должны были выполняться «исключительно русскими рабочими». Данная мера была направлена не только на борьбу с «желтым засильем», но и на сохранение государственной тайны при постройке дальневосточных крепостей. Лейтмотивом документа стала идея перенесения акцента «с переселенческого

¹⁵¹ Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н., Королева В. А., Дудченко Г. Б., Герасимова Л. А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002. С. 11.

¹⁵² Галлямова Л. И. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX в.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока / отв. ред. А. П. Деревянко. Вып. 3: Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. Благовещенск, 2000. С. 210.

¹⁵³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 6–10 об.

¹⁵⁴ Там же. Л. 9.

дела на колонизационное»; иными словами, главное внимание правительства планировалось обратить «не на разрежение плотно населенных мест в Центральной России, а на закрепощение окраин путем насаждения там русской государственности»¹⁵⁵.

Записки Приморского областного статистического комитета о количестве рабочих, требовавшихся для очередного строительного сезона, и те замечания, которые делались на полях этих документов Приамурским генерал-губернатором, дают представление об остроте проблемы. Так, в декабре 1910 г. в канцелярию генерал-губернатора поступили сведения о том, что на строительный сезон 1911 г. Приморской области потребуется 6134 рабочих: углекопов, плотников, каменщиков, мостовщиков, печников и т. д. Оговаривалось, что поскольку «почти все работы, вызывающие более или менее крупные расходы, большей частью гражданских учреждений, сдаются с подрядов», точно учесть необходимое для производства этих работ количество рабочих не представлялось возможным¹⁵⁶.

Спустя год, в декабре 1911 г., председатель Приморского областного статистического комитета сообщал в канцелярию Приамурского генерал-губернатора о том, что, согласно требованию Комитета по заселению Дальнего Востока, на 1912 г. «для производства казенных работ гражданских ведомств по Приморской области» потребуется 25 844 рабочих. Рукой генерал-губернатора на документе сделаны пометы: «Придется исправить», «Конечно, не верно», «Надо сообщать более точные сведения», «Что за дикие цифры» (напротив данных о том, что только Приамурскому управлению государственных имуществ потребуется в будущем году 9782 рабочих: плотников, пильщиков, печников, каменщиков, столяров и т. д.)¹⁵⁷.

С целью ускорить рабочую колонизацию Дальнего Востока 21 июня 1910 г. был высочайше утвержден закон об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства «некоторых ограничений» для лиц, состоящих в иностранном подданстве. Запрещалась передача иностранцам казенных подрядов и поставок, а также наем на работы, производимые для надобностей казенного управления, лиц, состоящих в иностранном подданстве. Правда, закон предо-

¹⁵⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 9 об.

¹⁵⁶ Там же. Л. 31.

¹⁵⁷ Там же. Л. 44–45 об.

ставлял Совету министров право «допускать в указанных местностях наем на срочные, для надобностей казенного управления, работы лиц, состоящих в иностранном подданстве, в том случае, если окажется невозможным произвести сии работы исключительно при помощи лиц русского подданства»¹⁵⁸.

Жизнь показала, что выполнить срочные заказы, в том числе во Владивостокской крепости, силами только русских рабочих не представлялось возможным. Об этом свидетельствуют доклады военного губернатора Приморской области в канцелярию Приамурского генерал-губернатора и секретный доклад командования Приамурского военного округа о необходимости привлечения к работам иностранцев. Так, военный губернатор 10 января 1911 г. сообщал, что приток рабочих из Европейской России на Дальний Восток невелик, поскольку часть из них оседает на строительстве Амурской железной дороги. Его предложение сводилось к привлечению иностранных рабочих «без ограничения их числа, в размерах действительной потребности». Рабочие-иностранцы должны были проходить через санитарную проверку «для предупреждения заноса чумы» и иметь «русские билеты, получаемые ими при выпуске с пароходов или из карантина, с обозначением на таковых билетах, что они прибыли в область морским путем из местностей благополучных по чуме или выдержали во Владивостокском карантине установленный observationalный срок»¹⁵⁹.

Командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант П. А. Лечицкий 21 апреля 1911 г. направил генерал-губернатору доклад «О допуске иностранных рабочих в числе 24 тысяч человек для надобностей войсковых строительных комиссий» на текущий строительный сезон¹⁶⁰.

Очевидно, что в полной мере контролировать процесс найма рабочих-иностранцев на Дальнем Востоке местные власти не могли, что подтверждает сохранившаяся переписка между Приамурским генерал-губернатором Н. Л. Гондатти и военным губернатором Амурской области. 3 июля 1911 г. генерал-губернатор в своем письме просил сообщить, действительно ли на строительных работах военного ведомства «занято много китайцев, не имеющих права быть

¹⁵⁸ Дальний Восток России в материалах законодательства. 1910–1911 гг. / ред. Н. А. Троицкая. Владивосток, 2011. С. 52–53.

¹⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 74–74 об.

¹⁶⁰ Там же. Л. 93–94.

допущенными на означенные работы»¹⁶¹. В ответном письме говорилось о том, что четыре войсковые строительные комиссии во Владивостоке, несмотря на неоднократные требования и настояния, не дали определенных сведений о том, сколько у них из общего числа иностранных рабочих находилось на работах зарубежных китайцев и корейцев, т. е. пришедших в область в навигацию 1911 г. Поданы были только общие сведения, которые и оказались «изложены в пояснениях к представленной ведомости»¹⁶².

Из этих общих сведений явствовало, что в ходе строительного сезона 1911 г. одним только военным ведомством на Дальнем Востоке использовался труд 8949 чел.: 227 русских рабочих, 8392 китайских и 330 корейских. Военный губернатор полагал, что эти данные «наиболее достоверные»¹⁶³.

Катастрофическую нехватку русских рабочих рук с целью хозяйственного освоения Дальнего Востока иллюстрирует череда телеграмм Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, направленных в Совет министров в 1911 г. В одной из них он, ссылаясь на донесение заведующего переселенческим делом в Амурском районе, сетовал на то, что подрядчики при условии выполнения дорожных работ исключительно силами русских рабочих требуют увеличения финансирования — «добавки от 30 до 50 %»¹⁶⁴. В другой телеграмме он сообщал, что осуществить на Камчатке прокладку телеграфной линии возможно лишь руками корейских рабочих. Выражая согласие на их использование, Н. Л. Гондатти предлагал задействовать только тех корейских рабочих, которые подали прошение «о принятии в русское подданство». Он также настаивал на том, что после окончания работ все они должны быть «вывезены из Камчатки»¹⁶⁵. Решение о допуске корейцев к работам на Камчатке фиксировалось Особым журналом Совета министров от 21 апреля и 5 мая 1911 г. Численность их должен был определить Приамурский генерал-губернатор, но «не ограничиваясь» только теми корейцами, которые подали прошение о принятии в русское подданство¹⁶⁶.

¹⁶¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 133.

¹⁶² Там же. Л. 135.

¹⁶³ Там же. Л. 137 об.

¹⁶⁴ Там же. Л. 192.

¹⁶⁵ Там же. Л. 207.

¹⁶⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1911 год / отв. сост. Б. Д. Гальперина. М., 2002. С. 171.

Курс на недопущение к хозяйственной деятельности на Дальнем Востоке иностранных рабочих Приамурский генерал-губернатор старался проводить и впоследствии. На донесении Военного губернатора Амурской области от 7 ноября 1911 г. о проверке полицией рабочих, занятых на постройке военных объектов в Благовещенске, и выявлении среди них китайцев, «принимавшихся на работы по-денно», была наложена резолюция Гондатти: «...чтобы с 1-го января 1912 г. совсем не было китайцев на казенных работах»¹⁶⁷.

Губернатор Камчатской области 28 мая 1912 г. докладывал в канцелярию Н. Л. Гондатти о том, что все высшие представители казенных учреждений г. Петропавловска и уездные начальники поставлены в известность о том, чтобы «ни под каким видом не принимать на казенные работы китайцев»¹⁶⁸.

Документы, отложившиеся в фонде заведующего переселенческим делом в Приморском районе, дают представление о динамике движения рабочих по годам¹⁶⁹, а также о том, какие меры принимались правительством для привлечения русских рабочих на Дальний Восток. В частности, междуведомственное совещание по рабочему вопросу на Дальнем Востоке в ходе своих заседаний 15 и 16 декабря 1911 г. констатировало необходимость доставить для одних только казенных предприятий 113 тыс. «пришлых русских рабочих», сведя до минимума наем китайцев и корейцев. Это было значительно больше тех 52 тыс. рабочих, которые прибыли на Дальний Восток в 1911 г.¹⁷⁰ при потребности в 97 тыс. чел., определенной строительными ведомствами.

Вместе с тем документы фонда свидетельствуют о том, что инициативу в вопросах освоения края проявляли и сами рабочие. Так, 14 октября 1911 г. в адрес управляющего государственным имуществом в Приморской области было направлено прошение Первого дальневосточного экономического рабочего союза, насчитывавшего свыше 1000 членов, о выделении 15 тыс. десятин земли близ Владивостока для заселения их «русскими рабочими разных категорий и специальностей»¹⁷¹. Указывая на интересы «общегосударственно-го дела», авторы документа отмечали, что при решении этого вопроса

¹⁶⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 139.

¹⁶⁸ Там же. Л. 143.

¹⁶⁹ Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 15, 58, 67, 97, 1048; и др.

¹⁷⁰ Там же. Д. 46. Л. 126, 131 об.-132.

¹⁷¹ Там же. Л. 80-80 об.

военное ведомство и казенные учреждения Владивостока будут обеспечены «настоящими постоянными русскими рабочими и навсегда освободятся от тяжелой и в смысле национальной гордости унижительной зависимости желтой расы — от этого страшного кошмара на Дальнем Востоке»¹⁷².

31 октября 1910 г. губернатор Камчатской области направил Приамурскому генерал-губернатору представление, в котором содержались предложения о необходимости геологического исследования Камчатки «в горнопромышленном отношении». Это должно было привлечь предпринимателей, способствовать созданию горной промышленности и воспрепятствовать хищнической добычи золота¹⁷³.

В 1914 г. уполномоченный Министерства земледелия в Амурской области представил Переселенческому управлению исчерпывающий проект «планомерной колонизации» Амурской области в течение последующих 15 лет¹⁷⁴. В документе говорилось о переселении на Дальний Восток 1 088 760 душ земледельцев и 163 300 душ городского рабочего и промышленного населения обоего пола. Одобренный главноуправляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеиным проект колонизации ввиду начавшихся военных действий был отложен «до более благоприятного времени»¹⁷⁵.

В проекте указывалось на необходимость дальнейшего развития золотодобычи и подчеркивалось: «Эта главнейшая отрасль добывающей промышленности если не сократилась, то измельчала и в большинстве случаев приняла хищнический характер добычи при помощи желтых рабочих, что повело к отливу за границу значительного капитала в виде заработной платы желтых и скрытого ими металла. Мелкие предприятия не в силах выдержать дорогого привозного русского рабочего, местных же русских рабочих при малонаселенности области нет»¹⁷⁶.

Сложившееся положение вещей подтвердил и состоявшийся зимой 1915 г. съезд золотопромышленников Приамурья. Отдавая должное превосходству русских рабочих перед китайскими, предприниматели края все же высказались за использование желтых ра-

¹⁷² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 46. Л. 80 об.

¹⁷³ Там же. Ф. 702. Оп. 5. Д. 201. Л. 120 об.–121.

¹⁷⁴ Там же. Ф. 810. Оп. 1. Д. 361. Л. 2–6 об.

¹⁷⁵ Там же. Л. 6.

¹⁷⁶ Там же. Л. 2.

бочих, справедливо считая «русского привозного рабочего, при современной технике работ, слишком дорогим»¹⁷⁷.

Дополнительный импульс рабочей колонизации могло придать также развитие лесного промысла в Амурской области. Однако начавшаяся Первая мировая война хоть и не прервала полностью процесс рабочей колонизации края, но привела к серьезной корректировке намеченных планов. В 1915 г. при содействии Переселенческого управления на Дальний Восток прибыло 6116 рабочих. Большинство из них являлись выходцами из Симбирской (2459 чел.), Витебской (742 чел.), Смоленской (497 чел.), Нижегородской (356 чел.), Калужской (278 чел.) и Астраханской (244 чел.) губерний. Они направлялись в Приморскую область на работы по сооружению Владивостокской крепости, в войсковые строительные комиссии и на рыбные промыслы¹⁷⁸. Но уже в 1916 г. вектор миграции резко изменил свое направление. Мобилизации на фронт привели к нехватке рабочих рук в промышленности основных производящих районов России. В результате в центральные регионы страны направились рабочие не только с Дальнего Востока, но и с территории Китая.

¹⁷⁷ Там же. Л. 4 об.

¹⁷⁸ Приводится по: Заколотная А. С. Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России / под ред. Л. И. Галлямовой. Владивосток, 2015. С. 107.

МАНЬЧЖУРИЯ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ¹

3.1. Маньчжурия в государственных интересах России в преддверии и в годы Первой мировой войны

К началу XX столетия идея освоения дальневосточных окраин была весьма широко распространена в российском обществе. Об этом неоднократно говорилось и на заседаниях Государственной думы². Важную роль в укреплении экономического развития Дальнего Востока была призвана сыграть КВЖД, ставшая базой для защиты интересов Российской империи на Дальнем Востоке. Министерство финансов направляло на поддержание этого проекта значительные суммы. С 1895 г. на протяжении следующих 10 лет сумма русских инвестиций в КВЖД более чем в пять раз превысила стоимость русского экспорта в Китай. По оценкам специалистов, за 1895–1904 гг. в систему КВЖД и хозяйственное развитие ее инфраструктуры было вложено 563,5 млн руб. Данные относительно общих размеров русского экспорта в Китай в эти годы серьезно разнятся: от 102 млн руб. до 220 млн американских долларов³. Вложения шли в основном в пищевую промышленность, в частности в мукомольное производ-

¹ Содержание главы частично отражено в опубликованных ранее статьях: *Ходяков М.В.*: 1) Хлеб Маньчжурии и государственные интересы России на Дальнем Востоке накануне Первой мировой войны // *Вестник Рязанского государственного университета им. С.А.Есенина*. 2018. № 3 (60). С. 39–45; 2) Китайско-Восточная железная дорога и планы усиления русского экономического влияния на Дальнем Востоке в преддверии Первой мировой войны // *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории*. 2018. № 3 (19). С. 52–65.

² См., напр.: Государственная дума. Третий созыв. Сессия II. 1909 г. Стенографический отчет. СПб., 1909. С. 262, 496, 1904; Там же. Сессия III. 1910 г. Стенографический отчет. СПб., 1910. С. 535, 1217, 1325, 3163; Там же. Сессия V. 1912 г. Стенографический отчет. СПб., 1912. С. 2095, 2145, 2167–2171.

³ Приводится по: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008. С. 158.

ство, и сопровождалось протекционизмом: заградительные пошлины на муку препятствовали развитию производства в Забайкалье, Приамурье и Приморье.

Одновременно имелась и другая тенденция. В докладной записке министру финансов от торгово-промышленного класса Хабаровска, помеченной 17 октября 1909 г., говорилось о том, что мукомольная промышленность Приморья нуждалась в маньчжурском хлебе, который в течение нескольких десятилетий вывозился оттуда без оплаты пошлины. Однако в июле 1909 г. китайское правительство учредило таможенную по р. Сунгари с заставами в Харбине, Сансине, Лахасусу (совр. Тунцзян), взимая вывозную пошлину с хлебных продуктов — по 4 коп. с пуда⁴.

Со своей стороны Россия ввозила в Маньчжурию (через Владивосток) муку, керосин, виноградное вино, машины, сахар, табак. Наряду с «русским провенансом», в Маньчжурию ввозились и иностранные товары. Всего в 1906 г. было завезено 5 801 049 пудов грузов; в 1907 г. — 1 896 906 пудов; в первой половине 1908 г. — 794 508 пудов⁵. В Россию с территории Маньчжурии ввозились зерно и спирт, причем последний нередко достигал русского потребителя контрабандным путем⁶.

Публицисты начала XX в. отмечали, что для освоения Дальнего Востока правительство не только осуществляло меры по заселению этого региона выходцами с территории Европейской России, но и проводило мероприятия по ограничению ввоза в Россию маньчжурского зерна путем введения пошлины⁷. В действительности ситуация не была такой простой и однозначной. В установлении пошлин на вывозимое в Россию зерно были заинтересованы и китайские власти.

Современные исследователи отмечают, что основные направления помощи сельскому населению России на случай неурожаев и голода начали законодательно регулироваться и осуществляться в общероссийском масштабе лишь на рубеже XIX–XX вв.⁸ Таким

⁴ РГИА. Ф. 393. Оп. 1. Д. 718. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 616. Л. 47–49.

⁶ Там же. Д. 718. Л. 7–7 об., 13, 18 об., 39–39 об., 76 и др.

⁷ Воицинин В. Колонизационное дело при А. В. Кривошеине. Пг., 1915. С. 20.

⁸ Вопросы государственного регулирования хлебной торговли освещены в фундаментальной монографии: Китанина Т. М. Хлебная торговля России

образом, складывались общегосударственная и региональные системы продовольственной безопасности страны⁹.

Проблеме государственной безопасности посвящено письмо приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, направленное 3 февраля 1912 г. председателю Комитета по заселению Дальнего Востока. В нем он ставил вопрос об обложении пошлиной маньчжурского зерна, отмечая, что этого требуют интересы «государственной обороны»¹⁰. Видимо, не получив удовлетворяющего его ответа, Н. Л. Гондатти вновь сформулировал свои аргументы — на этот раз в секретном письме на имя министра финансов и одновременно председателя Совета министров В. Н. Коковцова. В документе подчеркивалось: «[Очевидна необходимость создания] вполне самостоятельной продовольственной базы в русских пределах Дальнего Востока и, во всяком случае, устранения нашей современной полной зависимости в насущном продовольствии от чужеземцев»¹¹.

Подготовка секретного письма Н. Л. Гондатти не была случайной — оно появилось после того, как влиятельный А. В. Кривошеин в 1909 г. инициировал законопроект о реорганизации Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ)¹², а вслед за этим вместе с П. А. Столыпиным совершил поездку в Сибирь и Поволжье.

Обращаясь к В. Н. Коковцову, Н. Л. Гондатти отмечал, что ежегодно только Амурская область получала из Маньчжурии свыше 3 млн пудов хлеба. Даже временное прекращение этого ввоза в случае политических осложнений или военных действий грозило «весьма серьезными последствиями для всего Приамурья»¹³. Регион могли оставить без хлеба и другие обстоятельства — те или иные правительственные мероприятия в отношении китайских подданных, прибывавших на русскую территорию, встречали со стороны

в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.

⁹ Корнилов Г. Е. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // Российская история. 2011. № 3. С. 91–101.

¹⁰ РГИА. Ф. 393. Оп. 1. Д. 780. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 6, 113–114 об.

¹² См. об этом: Воронов И. И. Министерство земледелия в царствование Николая II (1894–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2014. № 12-1 (50). С. 53.

¹³ РГИА. Ф. 393. Оп. 1. Д. 780. Л. 6 об.

китайцев частичное запрещение вывоза из Маньчжурии определенных продуктов. Так, в 1910 г. китайское правительство под предлогом голода в Мукденской провинции запретило вывоз хлеба в Россию из нескольких округов. Сложившееся положение Н. Л. Гондатти называл «экономической кабалой над русскими областями»¹⁴.

В качестве подтверждения серьезности ситуации приамурский генерал-губернатор привел выдержки из секретных документов, полученных им из Императорского российского генерального консульства. Корреспонденция исходила от председателя главного железнодорожного бюро в Харбине даотая¹⁵ Ли Хун Мо и была адресована 22 мая 1912 г. начальнику Хэйлунцзянской провинции. В перлюстрированных письмах говорилось о необходимости издать предписание всем местным властям, содержащее категорический запрет «вывоза зерновых продуктов в пределы России». Этим шагом китайские власти пытались решить ряд проблем, полагая, в частности, что так «можно было бы создать препятствия для русской колонизации в Приморской и Приамурской областях»¹⁶.

Китайские чиновники были убеждены: «...русские за последнее время заняты колонизацией в больших размерах. Днем и ночью беспрестанно перевозят они своих переселенцев по Китайской Восточной железной дороге, коих и размещают в Приморской области»¹⁷. <...> Если своевременно не принять мер к запрещению вывоза из Маньчжурии зерновых продуктов, то русским в конце концов безо всякого труда удастся заселить нашу землю своими подданными и наш хлеб будет поедаться ими же. Разве можно при таких условиях надеяться на спокойствие населения и ручаться за целостность нашей территории»¹⁸.

У Н. Л. Гондатти, призывавшего озаботиться ограничением поставок хлеба из Маньчжурии путем обложения китайских зерновых продуктов таможенной пошлиной и развития собственного земледелия, были свои аргументы относительно путей решения данной

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Даотай — чиновник, ведавший какой-либо отраслью управления в той или иной провинции.

¹⁶ РГИА. Ф. 393. Оп. 1. Д. 780. Л. 7.

¹⁷ В действительности к 1908 г. на Дальний Восток из Европейской России, по официальным сведениям, прибыло примерно 212,7 тыс. чел. См. об этом: Лукоянова И. В. «Не отстать от держав...». С. 161.

¹⁸ РГИА. Ф. 393. Оп. 1. Д. 780. Л. 7–7 об.

проблемы: «В настоящее время ввоз в пределы [России] дешевого маньчжурского хлеба влечет за собой если не упадок, то полный застой в деле развития собственного производства. Ввоз этот, увеличиваясь с каждым годом, давит местное население, и пока он не будет затруднен или прекращен, нет оснований рассчитывать, что земледелие здесь окрепнет и разовьется. С наложением же пошлин на маньчжурское зерно и урегулированием тем самым цен на зерновые продукты рост земледелия должен пойти быстрыми шагами, и я не сомневаюсь, что через пять-шесть лет нужды в привозном хлебе не будет»¹⁹.

Одновременно с этим Н. Л. Гондатти предлагал оказывать помощь местным крестьянам путем улучшения семенного фонда, выдачи дешевого и доступного кредита, создания специальных сельскохозяйственных учебных заведений, проведения агрономических исследований. В данных обстоятельствах, по его мнению, следовало решить основной вопрос — о временном снабжении дальневосточной окраины сибирским хлебом. На это он и указывал в своей записке, направленной председателю Комитета по заселению Дальнего Востока еще в начале февраля 1912 г. По оценкам приамурского генерал-губернатора, «для замены маньчжурского продукта русским привозным» требовалось до 12 млн пудов хлеба ежегодно. У него не возникало сомнений в том, что это количество может быть дано богатыми земледельческими районами Сибири: «По количеству свободного хлеба Томская губерния могла бы легко покрыть двойную потребность Приамурья»²⁰. Действительно, вывоз хлеба из Сибири к 1914 г. составил 50 млн пудов²¹, а Томская губерния значилась в ряду районов с избытками хлеба²².

Настаивая на «скорейшем рассмотрении» его предложений, Н. Л. Гондатти вновь и вновь подчеркивал важность отстаивания в данном вопросе именно государственных интересов: «Все другие интересы и цели должны при рассмотрении этого дела занять второстепенное положение»²³.

¹⁹ РГИА. Ф. 393. Оп. 1. Д. 780. Л. 7 об.—8.

²⁰ Там же. Л. 55.

²¹ Приводится по: Азиатская Россия: в 3 т. Т. 1: Люди и порядки за Уралом / издано под руководством Г. В. Глинки; текст редактирован И. И. Тхоржевским; общая редакция карт М. А. Цветков. СПб., 1914. С. 496.

²² См. подробнее: Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922. С. 12.

²³ РГИА. Ф. 393. Оп. 1. Д. 780. Л. 9.

По распоряжению министра финансов вопрос о целесообразности осуществления мер, предложенных Н. Л. Гондатти, стал предметом обсуждения в ходе целого ряда заседаний и совещаний в разнообразных министерствах и ведомствах, получив неоднозначную оценку. Целесообразность введения пошлин на маньчжурский хлеб рассматривалась в Особом совещании при Министерстве торговли и промышленности, где не нашла понимания. Представленные сведения свидетельствовали якобы о том, что в связи с ростом цен «дешевого хлеба в Маньчжурии уже нет». Цена маньчжурской пшеницы во Владивостоке до 1911 г. составляла 95 коп. за пуд. В 1912 г. цена на хлеб в Харбине поднялась и с учетом расходов по транспортировке составляла во Владивостоке уже 1 руб. 30 коп. за пуд, т. е. столько же, во сколько оценивалась пшеница в Одессе²⁴. Однако у Н. Л. Гондатти были и сторонники в этом вопросе. Так, директор департамента Таможенных сборов С. Д. Ган в письме от 20 февраля 1913 г., адресованном товарищу председателя правления Общества КВЖД инженеру А. Н. Вентцелю, отмечал, что он «не может не присоединиться» к мнению Н. Л. Гондатти: «...обложение маньчжурского зерна пошлиной и временная замена его сибирским продуктом вполне своевременны и соответствовали бы не только государственным интересам, дав выход излишкам хлеба и сохранив России его покупную способность, но <...> и местным интересам, установив торговые связи, о которых поздно было бы думать в годину испытаний <...> когда маньчжурский рынок может оказаться для нас внезапно закрытым»²⁵.

Чрезвычайно важным было и то, что ГУЗиЗ и его Переселенческое управление высказались за обложение пошлиной маньчжурского зерна. В частности, А. В. Кривошеин, поддерживая идеи Н. Л. Гондатти, считал, что введение пошлин на маньчжурский хлеб не следует связывать с проблемой железнодорожных тарифов. По его мнению, эти предложения необходимо было обсудить с участием специалистов, не задерживая рассмотрения главного вопроса²⁶.

Однако даже весной 1914 г. размер пошлин на маньчжурский хлеб и целесообразность их введения не были определены — вопрос обсуждался на заседаниях комиссий Государственной думы,

²⁴ Там же. Л. 2–2 об.

²⁵ Там же. Л. 71–71 об.

²⁶ Там же. Л. 124.

вызвав «горячие споры»²⁷, но не получив окончательного разрешения. Таким образом, региональные деятели активно формировали дальневосточную составляющую русской политики. Однако при низкой степени взаимодействия центральных ведомств, слабой согласованности управленческих и политических действий столичной и губернской администрации, при отсутствии российского варианта «министерства колоний»²⁸ решение проблемы тормозилось, что свидетельствовало о многочисленных противоречиях в верхних эшелонах власти накануне Первой мировой войны.

Именно военные потребности обусловили принятие ряда мер, направленных на укрепление российских позиций в крае. Еще в 1900 г. генерал от инфантерии Приамурский генерал-губернатор Н. И. Гродеков (1898–1902) в своем всеподданнейшем отчете, говоря о «постепенном усилении русского элемента в Маньчжурии», заметил, что сооружением КВЖД «было положено прочное основание к сближению северной и средней Маньчжурии с Приамурским краем»²⁹. При этом он был уверен в том, что Приамурье, получив быстрое и легкое сообщение с такими административными и торговыми центрами, как Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Сеул, Чемульпо, Нагасаки и др., «силою обстоятельств будет вовлечен в сферу международных политических и торговых интересов на Дальнем Востоке»³⁰. Железная дорога, прорезавшая Маньчжурию и ставшая проводником российского военного влияния, превращалась и в своеобразный торговый путь для российской промышленности. Таким образом, на первый план выступала необходимость сохранить занятое положение в Маньчжурии и упрочить общее положение на Дальнем Востоке.

Одновременно с этим генерал Н. И. Гродеков понимал: «Полное присоединение Маньчжурии к Российской империи <...> не отвечало бы нашим собственным интересам, так как при известной стойкости желтой расы такое присоединение повело бы за собой лишь новые для нас затруднения». Идеальным устройством для генерала

²⁷ Новое время. 1914. 21 марта.

²⁸ См. об этом: Ремнев А. В. Имперская история России: азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания // Вестник Омского университета. 2007. № 4. С. 14.

²⁹ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1898–1900 годы. Хабаровск, 1901. С. 133.

³⁰ Там же. С. 134.

виделся такой способ управления Маньчжурией, при котором она была бы освобождена от влияния пекинского правительства и в то же время «не имела бы внешних признаков полного подчинения нам этой страны»³¹.

Как явствует из журнала Особого совещания, образованного для рассмотрения вопросов, касающихся КВЖД, устройство гражданского управления на линии дороги обсуждалось на заседаниях 17 и 24 октября 1906 г. Особое мнение по вопросу функционирования дороги высказал генерал Н. И. Гродеков (незадолго до этого он сдал свои «дальневосточные владения» преемнику и был назначен Туркестанским генерал-губернатором): «Наша граница, которая должна принять участие в приготовлении к будущей войне, простирается от Байкала до Владивостока. Правым флангом этой границы от Байкала до станции Маньчжурии ведает Командующий войсками Иркутского военного округа, а левым флангом, от Владивостока до станции Пограничной, Командующий войсками Приамурского военного округа. Средин же границы, от станции Маньчжурии до станции Пограничной, хозяина, в смысле подготовки к войне, не имеет»³². Будучи уверенным в неизбежности скорой войны с Японией, генерал Н. И. Гродеков предлагал осуществить ряд мер для отпора неприятелю, приведя КВЖД «в положение, соответствующее требованию военного времени»: расширить состав железнодорожных служащих запасными чиновниками офицерского звания и нижними чинами, устроить «обширную военную разведку», сформировать военные запасы, распределив их по линии дороги, «заселить русским элементом» отдельные участки КВЖД³³.

Одним из преемников Н. И. Гродекова на посту Приамурского генерал-губернатора был генерал П. Ф. Унтербергер (1905–1910). 5 марта 1911 г. он направил на имя министра финансов В. Н. Коковцова записку «События на Дальнем Востоке в 1910 г.», написанную им 28 февраля. В ней генерал на восьми страницах изложил свое видение ситуации на российских дальневосточных окраинах. Не-

³¹ Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. С. 148.

³² Журнал Особого совещания, образованного для рассмотрения вопросов, касающихся деятельности Общества Китайской Восточной железной дороги // РГИА. Ф. 1276. Оп. 26. Д. 72. Л. 12.

³³ Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. С. 147.

сколько позже П. Ф. Унтербергер опубликовал специальную работу, в которой, не раскрывая военных секретов, в общем виде описал свое видение будущего Приамурского края³⁴.

В записке же, представленной «весьма секретно» на имя В. Н. Коковцова, он излагал необходимость усиления военного присутствия России на Дальнем Востоке. П. Ф. Унтербергер отмечал: «Китай и до сих пор продолжает относиться к нам недружелюбно»³⁵. Если принять во внимание военные приготовления Японии и грядущее размещение ее войск в Южной Маньчжурии, положение России на Дальнем Востоке, то Китай мог стать «донельзя опасным». Однако главным театром будущих военных действий генерал считал не Маньчжурию, а Приморскую область³⁶, а потому предлагал «подвергнуть новому всестороннему обсуждению» ряд вопросов, касающихся государственных интересов России на Дальнем Востоке. По мнению П. Ф. Унтербергера, необходимо было увеличить до девяти дивизий российские силы в Приамурском военном округе с соответствующим количеством артиллерии, кавалерии и инженерных войск с укомплектованием их по штатам военного времени. На долю КВЖД генералом отводились «мобилизационная готовность» и накопление российских сил около Харбина «скорее, чем это случится со стороны японцев»³⁷. Одновременно должна была осуществляться ускоренная постройка укреплений Владивостока, оперативно создаваться инженерная защита залива Петра Великого и устья р. Амура, вестись постройка шоссейных и грунтовых дорог. В боевой готовности должна была находиться Амурская канонерская флотилия. Особое внимание генерал П. Ф. Унтербергер предлагал уделить созданию органа, объединяющего совместные действия Иркутского и Приамурского военных округов. Помимо чисто военных приготовлений, он ратовал также за быстрое заселение Приамурского края и более четкое определение русской политики по «желтому вопросу»³⁸.

На «невыгодность» и «небезопасность» сложной границы с Китаем указывал бывший военный министр А. Н. Куропаткин: «На

³⁴ Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906–1910. СПб., 1912.

³⁵ Записка П. Ф. Унтербергера министру финансов В. Н. Коковцову «События на Дальнем Востоке в 1910 г.» // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1. Л. 144.

³⁶ Там же. Л. 148.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Л. 149.

востоке северная Маньчжурия врезается в русские пределы огромным плацдармом в 1200 верст по длине и 500 верст по ширине»³⁹. Он отмечал, что Китай предпринял ряд мер для обеспечения сохранности своей территории посредством активного «заселения сей приграничной с Россией полосы в Маньчжурии и Монголии китайским населением»⁴⁰. К 1911 г. главную рабочую силу в Приамурском крае составляли не русские, а китайцы и корейцы. В том году только во Владивосток прибыло 29 тыс. китайцев⁴¹. Генерал А. Н. Куропаткин констатировал, что и в мирных условиях Приамурье стало попадать «под власть желтой расы». Он был убежден: «Закрепление Приамурского края за Россией невозможно, пока Восточно-Китайская дорога будет проходить по враждебной России территории. <...> Если бы граница проходила между Читою и Владивостоком по северной Маньчжурии, то она составляла бы только 1300 верст»⁴², а не 3250.

Характеризуя экономическое положение Приамурья, А. Н. Куропаткин напоминал, что и до боксерского (ихэтуаньского) восстания 1900 г. все лучшие русские земли были заняты для хлебопашества китайцами. Он же отмечал «систематическое стеснение русской торговли», которая, например, в Благовещенске полностью находилась в китайских руках⁴³. С китайской стороны в пограничные с Россией районы контрабандой доставлялся дешевый спирт «харбинского разлива». Об этом в докладных записках министру финансов неоднократно сообщали представители торгово-промышленного класса Хабаровска и городской голова⁴⁴.

Дополнительные трудности в решении экономических проблем Дальнего Востока возникли вследствие сложных отношений между руководителями министерств. Ярким примером тому стало стремление военного ведомства обеспечить сохранность важнейших технических сооружений вдоль линии КВЖД.

10 марта 1913 г. военный министр В. А. Сухомлинов направил письмо главе правительства и одновременно министру финансов

³⁹ Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 27.

⁴⁰ Там же. С. 61.

⁴¹ Вопрос об использовании желтого труда в России начала XX в. имеет свою историографию (см., напр.: Панов А. А. Борьба за рабочий рынок в Приамурье. СПб., 1912) и здесь специально не рассматривается.

⁴² Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. С. 65.

⁴³ Там же. С. 67.

⁴⁴ Докладные записки министру финансов от торгово-промышленного класса Хабаровска // РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 718. Л. 7–7 об., 18 об.; 39–39 об.

В. Н. Коковцову, в котором поднял вопрос об обеспечении целостности российских сооружений на КВЖД, «играющей огромную роль в сосредоточении [российских] сил при войне или осложнениях на Дальнем Востоке»⁴⁵. Он указывал на то, что остроту проблему первыми осознали командующие войсками Иркутского военного округа, а также начальники Заамурского округа Пограничной стражи генералы Н. М. Чичагов (1902–1910) и Е. И. Мартынов (1910–1913). Именно они и подняли вопрос о необходимости возведения оборонительных сооружений по линии КВЖД.

В письме В. Н. Коковцову от 11–12 марта 1913 г. В. А. Сухомлинов отмечал наличие в Северной Маньчжурии «крайне враждебного отношения к России и усиленные военные приготовления в этой области»⁴⁶. Тогда же командующий войсками Иркутского военного округа генерал А. Е. Эверт указывал на необходимость «удалить китайцев из состава служащих на Китайской Восточной железной дороге и воспретить перевозить по названной дороге принадлежащие китайцам грузы с оружием и боевыми припасами»⁴⁷.

Обострение в 1913 г. ситуации на русских дальневосточных рубежах было вызвано так называемым монгольским вопросом (Халха, входившая в состав Цинской империи, объявила независимость) и связанными с этим событиями в Кобдоском и Алтайском округах и Внутренней Монголии, вызвавшими энергичные военные приготовления китайского правительства в регионе.

11–13 апреля 1913 г. В. Н. Коковцов направил в особое совещание при Совете министров специальную записку «Об ассигновании средств на обеспечение обороны наиболее важных технических сооружений Китайской Восточной железной дороги»⁴⁸. В документе шла речь о сооружении укреплений для защиты тоннелей и мостов на реках Сунгари, Нонни (Нэньцзян), Лалинхэ и Муданцзян. С этой целью предполагалось выделить командующему войсками Иркутского военного округа «авансом для немедленного приступа к работам примерно 200 тыс. руб.»⁴⁹.

В связи с тем, что к управляющему КВЖД генералу Д. Л. Хорвату были предъявлены требования со стороны военных, он был

⁴⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1287. Л. 16 об.

⁴⁶ Там же. Л. 18.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 60–61.

⁴⁹ Там же. Л. 66.

вынужден обратиться к главе правительства и министру финансов В. Н. Коковцову с ходатайством об отпуске ему кредитов. Средства требовались для защиты мостов и создания «бонных заграждений из железных цепей, на поплавках из бревен с брандвахтами, якорями и стальными тросами»⁵⁰. На приобретение для охраны мостов 10 весельных шлюпок и 5 моторных лодок, по оценке управляющего КВЖД, требовалось 250 тыс. руб. Кроме того, в связи с предполагаемым вводом в Маньчжурию русских войск (по предложению В. А. Сухомлинова сюда должны были прибыть 1 тыс. офицеров, 41 тыс. нижних чинов и 12,5 тыс. лошадей) и необходимостью постройки для них временных жилых помещений Д. Л. Хорват просил дополнительно выделить 137 тыс. руб.⁵¹

Таким образом, В. Н. Коковцов был ориентирован на выделение «чрезвычайного сверхсметного кредита в размере 500 000 руб.»⁵², за счет которого и могли бы быть отпущены авансы как командующему войсками Иркутского военного округа, так и администрации КВЖД.

Совещание Совета министров приступило к рассмотрению этого вопроса на заседании 25 апреля 1913 г. и в итоге постановило предварительно выяснить у военного ведомства, «какие именно долговременные сооружения по усилению обороны названной железной дороги оно предполагало бы возвести и какие потребуются на это расходы». Совещание обозначило свою позицию, отметив, что оно «не против в принципе» выделения средств на указанные нужды, и сослалось на мнение начальника Генерального штаба Я. Г. Жилинского, заявившего «о предпочтительности возведения <...> постоянных защитных сооружений на упомянутой линии», а не временных, как первоначально предполагал В. А. Сухомлинов⁵³.

К тому времени и сам военный министр высказывался уже за возведение именно постоянных защитных сооружений на КВЖД. Их стоимость, конечно, превышала определенную изначально сумму и даже сумму в 700 тыс. руб., которую В. А. Сухомлинов обозначил в новом письме на имя В. Н. Коковцова. Глава правительства со своей стороны просил военного министра о разработке «хотя бы в общих чертах» проектов этих укреплений, чтобы можно было окон-

⁵⁰ Там же. Л. 60 об.

⁵¹ Там же. Л. 62 об.

⁵² Там же. Л. 60 об.–61.

⁵³ Там же. Л. 69.

чительно решить вопрос о финансировании работ⁵⁴. Проблема, по мнению В. А. Сухомлинова, не теряла остроты еще и по той причине, что на территории Хейлунцзянской провинции (с центром в г. Харбине) в тот момент времени находилось свыше 54 тыс. китайских войск⁵⁵.

К решению монгольского вопроса, обострившего ситуацию на КВЖД, подключилось и дипломатическое ведомство. Товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов в своей секретной телеграмме от 26 августа 1913 г. на имя посланника в Пекине показал себя сторонником решения проблемы «чисто дипломатическим путем, не прибегая к угрозам и военным мерам»⁵⁶. В отличие от него, русский посланник в Пекине В. Н. Крупенский (1913–1916) полагал, что только дипломатическим путем ситуацию не разрешить⁵⁷.

В письме В. Н. Коковцову от 12 ноября 1913 г. В. А. Сухомлинов просил выделить для реализации проекта 1 млн 250 тыс. руб., оговариваясь, что «в случае полной невозможности ассигнования всей испрашиваемой суммы» будет согласен и на частичное финансирование в сумме 1 млн 13 тыс. руб. Сметы, подробные проекты фортификационных сооружений В. А. Сухомлиновым были направлены товарищу председателя правления Общества КВЖД тайному советнику А. Н. Вентцелю⁵⁸.

Военное ведомство определило и очередность возводимых объектов. Ими стали мост через р. Лялинхэ (78 580 руб.) и мост через р. Муданьцзян (158 700 руб.). Остальные пять важнейших технических сооружений КВЖД (Хинганский тоннель, Хинганская петля, а также мосты через р. Нонни, р. Сунгари у Харбина и р. Сунгари у Лошагоу), по мнению В. А. Сухомлинова, «ввиду первостепенной важности в оперативном отношении» также не могли быть оставлены без укреплений. Он объяснял это так: «В будущем, с осуществлением японцами и китайцами проектируемого ими железнодорожного строительства в Маньчжурии, наше положение в этой стране ухудшится в значительной степени»⁵⁹.

⁵⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1287. Л. 72 об.

⁵⁵ Там же. Л. 136.

⁵⁶ Там же. Л. 142.

⁵⁷ Секретная телеграмма посланника в Пекине В. Н. Крупенского в МИД // Там же. Л. 142–143.

⁵⁸ Секретное письмо В. А. Сухомлинова И. Л. Горемыкину // Там же. Л. 153 об.

⁵⁹ Там же. Л. 154 об.–155.

Вопрос о выделении средств на возведение долговременных фортификационных сооружений для охраны важнейших технических объектов на КВЖД вновь рассматривался в Совете министров 12 декабря 1913 г. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов заметил, что Китай воспримет российские действия как меру военного характера, направленную против него. В результате этих действий может быть подорвано установившееся доверие между странами. В итоге Совет министров, ссылаясь на то, что и Япония может предпринять ответные меры военного характера, постановил: «Ныне едва ли можно признать своевременным проектирование Военным министерством мероприятия»⁶⁰. По мнению министров, защита сооружений КВЖД могла быть осуществлена посредством изменения дислокации войск Заамурского округа пограничной стражи, «с целью сосредоточения в наиболее важных пунктах дороги крупных отрядов, и путем постройки в таких пунктах простейших укреплений защитного типа»⁶¹. Абсурдность ситуации заключалась еще и в том, что возведение этих укреплений должно было быть осуществлено техническим персоналом КВЖД.

Отставка В. Н. Коковцова позволила В. А. Сухомлинову 19 февраля 1914 г. обратиться с секретным письмом к новому главе правительства И. Л. Горемыкину с предложением принять решительные меры и вновь внести на рассмотрение Совета министров этот вопрос. Военный министр подчеркнул, что ныне и министерство иностранных дел «признает возможным не возражать более против осуществления разработанного <...> проекта обеспечения долговременными фортификационными сооружениями важнейших технических сооружений Китайской Восточной железной дороги»⁶². С. Д. Сазонов даже сообщил об изменении своей позиции в этом вопросе В. Н. Коковцову специальным письмом буквально за неделю до отставки премьера.

Одновременно с этим военный министр подчеркивал: «[Поскольку сооружения представляют собой] чисто военные оборонительные бетонные сооружения, со специальной установкой на них орудий, пулеметов и прожекторов, то надлежащая постройка их может быть выполнена только военными специалистами, т. е. военными

⁶⁰ Там же. Л. 153 об.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

инженерами, но отнюдь не техническими силами Китайской Восточной железной дороги, как то выражено в журнале Совета министров 12 декабря 1913 г.»⁶³. Одновременно с этим В. А. Сухомлинов заметил, что осуществление проекта военного ведомства желательно при участии правления Общества КВЖД, ее технических сил и средств. Военный министр планировал осуществить строительство «в течение строительного сезона», т.е. начать возведение объектов уже в апреле 1914 г.

Отношение к проектам В. А. Сухомлинова не было однозначным. Бывший управляющий Государственным банком (1903–1909), а позже министр торговли и промышленности (1909–1915) С. И. Тимашев, хорошо знавший финансовые вопросы, указывал на стремление ряда ведомств «получать кредиты на мероприятия, далеко не разработанные и фактически неосуществимые в ближайшие сроки»⁶⁴. Свой упрек С. И. Тимашев адресовал прежде всего военному ведомству. Ведь после каждого крупного разногласия с министром финансов В. А. Сухомлинов «жаловался государю, что Коковцов тормозит его мероприятия, и такой упрек не мог не производить впечатления, подрывая доверие к министру и колебля его положение»⁶⁵. В действительности В. Н. Коковцов не столько возражал по существу против кредитов, сколько оспаривал их с точки зрения «неиспользованности ранее отпущенных сумм». Несмотря на это, в момент политических осложнений В. А. Сухомлинов спешно требовал сверхсметных ассигнований на десятки миллионов рублей, а В. Н. Коковцов доказывал, что в распоряжении военного министра имеются крупные свободные ресурсы, оставшиеся от прежних ассигнований ввиду того, что «спешные меры», по которым они испрашивались, фактически не осуществлялись. Внимательно следя за деятельностью военного министра и ее отражением в бюджете ведомства, В. Н. Коковцов относился к ней с резким осуждением и неоднократно высказывался в том смысле, что пока во главе военного ведомства стоит В. А. Сухомлинов, Россия не будет готова к большой войне⁶⁶.

⁶³ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1287. Л. 154 об.

⁶⁴ Автобиографические заметки С. И. Тимашева // С. И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избранные сочинения / сост. А. Л. Вычугжанин. Тюмень, 2006. С. 240.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

Таким образом, в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, на различных уровнях власти активно обсуждались вопросы необходимости колонизации русского Дальнего Востока и экономического закрепления за Россией этих территорий, тем более что в начале XX столетия в экономическом соревновании с иностранными конкурентами на Дальнем Востоке российская власть «безоговорочно выбросила белый флаг»⁶⁷. Важнейшим звеном в реализации планов правительства являлась Китайско-Восточная железная дорога. Спектр мнений высших военных кругов относительно КВЖД и российского Дальнего Востока не был широким: от желания А. Н. Куропаткина «спрямить» российские границы и тем самым дать импульс дальнейшему развитию дальневосточных территорий до уверенности П. Ф. Унтербергера и В. А. Сухомлинова в том, что Россия должна всеми возможными способами наращивать в регионе свое военное присутствие.

Не оставляя надежд на усиление русского влияния в Маньчжурии, политическое руководство все же воздерживалось от стремления присоединить ее к России, выступая за различные формы контроля над этой территорией и более активное освоение дальневосточных окраин. Поездка товарища председателя правления Общества КВЖД А. Н. Вентцеля в Пекин, Порт-Артур и Дайрен, совершенная им в 1915 г., уже в ходе Первой мировой войны, свидетельствовала о необходимости «в интересах нашего русского дела на Дальнем Востоке» избегать территориальных притязаний и «стремиться к закреплению дружественных отношений как с Японией, так и с Китаем»⁶⁸.

3.2. Маньчжурское сельскохозяйственное общество и попытки создания Колонизационного банка в 1914–1915 годах

Проникновение России на северо-восток Маньчжурии, начавшееся со строительством в конце XIX в. КВЖД, спровоцировало активное обсуждение вопроса о геополитических интересах государства. Мысли по данной проблеме излагали не только литераторы и публи-

⁶⁷ См. об этом: *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...». С. 136.

⁶⁸ Доклад А. Н. Вентцеля «О современном политическом положении на Дальнем Востоке» // РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1287. Л. 192.

цисты, предлагавшие в условиях роста территориальных appetитов империи различные формы контроля над Северной Маньчжурией, принадлежавшей Китаю, но и военные и государственные деятели, у которых был свой подход к обустройству дальневосточных рубежей России, продиктованный ожиданием грядущих вооруженных столкновений⁶⁹.

Современные исследователи не обошли вниманием вопросы, связанные с колонизацией дальневосточных окраин России⁷⁰. При всем разнообразии мнений и точек зрения на будущее российского Дальнего Востока очевидно одно: в начале XX столетия край переживал тяжелые времена. 30 января 1913 г. председатель Владивостокского биржевого комитета обратился с телеграммой на имя председателя Совета министров, указывая на разразившийся в регионе финансово-экономический кризис, способный привести российскую дальневосточную окраину к экономической катастрофе. 11 марта эта информация была заслушана в Совете министров, который высказался за необходимость выработки комплекса мер и обсуждения их в междуведомственном совещании по делам Дальнего Востока, учрежденном под председательством Приамурского генерал-губер-

⁶⁹ См., напр.: Всеподданейший отчет приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1898–1900 годы. Хабаровск, 1901; *Деникин А. И.* Русско-китайский вопрос. Военно-политический очерк. Варшава, 1908; *Суботич Д. И.* Задачи России на Дальнем Востоке: письмо генерала Д. И. Суботича к Военному министру А. Н. Куропаткину в 1903 году. Ревель, 1908; *Унтербергер П. Ф.* Приамурский край. 1906–1910; *Куропаткин А. Н.* Русско-китайский вопрос. СПб., 1913; и др.

⁷⁰ *Зиновьев В. П.* Современная историография хозяйственного освоения Сибири в XVIII — начале XX в. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск, 2007. С. 26–34; *Шиловский М. В.* Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII — начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: материалы Всероссийской научной конференции / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2008. С. 648–653; *Побережников И. В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 191–203; *Ремнев А. В., Суворова Н. Г.* Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013; *Заколотная А. С.* Основные направления деятельности Переселенческого Управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России / под ред. Л. И. Галлямовой. Владивосток, 2015. С. 99–119; и др.

натора. Вслед за этим в подготовленной для междуведомственного совещания справке была отмечена «неустойчивость политического положения» России на Дальнем Востоке. Одной из мер, призванных вывести регион из кризисного состояния, виделась организация Колонизационного банка, деятельность которого предполагалось направить «не только на поднятие и упрочение сельскохозяйственных промыслов, но и на развитие его добывающей и обрабатывающей промышленности»⁷¹.

Идея создания Колонизационного банка постепенно вызрела и в недрах Маньчжурского сельскохозяйственного общества (далее — МСХО), образованного в Харбине на рубеже 1911–1912 гг. и полагавшего, что рост торговли и промышленности в крае зависит исключительно от успехов сельского хозяйства⁷². Деятельность МСХО рассматривалась исследователями преимущественно через призму его вклада в распространение русскими учеными аграрных знаний, подготовку специалистов для сельского хозяйства в Маньчжурии, осуществление миссии по агротехническому просвещению местного населения⁷³. Между тем сохранившиеся документы свидетельствуют и о планах Общества по колонизации Маньчжурии.

Поскольку МСХО было учреждено 20 марта 1912 г. особым советом при управлении КВЖД, оно имело определенную поддержку руководителей дороги и ряда известных общественных деятелей. Почетным председателем совета Общества стал управляющий КВЖД генерал Д. Л. Хорват, а почетными членами — товарищ председателя правления Общества КВЖД тайный советник инженер А. Н. Вентцель, жена управляющего дорогой К. А. Хорват, помощник управляющего

⁷¹ Справка по вопросу о мерах для устранения финансово-экономического кризиса в Приамурье // Для пользы и процветания: из истории внешнеэкономических связей Российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1865–1925 гг.: документы и материалы / сост. и ред. Н. А. Троицкая. Владивосток, 2012. С. 374.

⁷² К истории Маньчжурского сельск.-хоз. о-ва // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 1. С. 6–10.

⁷³ См. об этом: *Хисамутдинов А. А.* Естественнонаучные исследования русских ученых-эмигрантов в Северном Китае (первая половина XX века) // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2016. № 1 (185). С. 99–107; *Белоглазов Г. П.* Научно-образовательная деятельность аграрных обществ в Маньчжурии в первой трети XX столетия // Образовательный потенциал Тихоокеанской России. XVIII–XXI вв. (Восьмые Крушановские чтения, 2016 г.). Владивосток, 2017. С. 238–245; и др.

КВЖД по общим вопросам М.Е.Афанасьев, первый заместитель управляющего дорогой инженер князь С.Н.Хилков, главный контролер КВЖД М.И.Мещерский, председатель Харбинского городского совета М.С.Уманский, а также крупный естествоиспытатель К.А.Тимирязев⁷⁴. К моменту, когда в ноябре 1913 г. структура и состав Общества приобрели вполне определенные очертания, его деятельность возглавил ученый-агроном, автор ряда работ о сельском хозяйстве и климате Северной Маньчжурии В.В.Солдатов.

Одним из первых решений общего собрания членов МСХО, принятых 3 июня 1912 г., стало поручение совету Общества «всеми зависящими от него мерами добиваться от Управления дороги отвода в арендное пользование на продолжительные сроки и льготных условиях некоторого количества земли, удобной для хозяйственных целей, для общего выпаса скота и т.д.»⁷⁵ Не найдя понимания в этом вопросе у руководителей КВЖД, члены совета Общества посетили председателя Российской экспортной палаты, располагавшейся в Санкт-Петербурге на Невском пр., 92, члена Государственного совета, известного предпринимателя В.И.Денисова⁷⁶, который выступил с поддержкой ряда начинаний Общества. В частности, в материалах канцелярии Приамурского генерал-губернатора сохранилась переписка с Переселенческим управлением и МСХО об учреждении русско-маньчжурского колонизационного общества со специально финансирующим его колонизационным банком. 9 июля 1914 г. за подписью В.И.Денисова на имя главноуправляющего землеустройством и земледелием было направлено письмо, в котором говорилось о необходимости «мирного экономического и культурного завоевания» Маньчжурии и Внешней Монголии, их присоединения к русским дальневосточным владениям: «С этой целью Россия в свое время приступила к сооружению железнодорожного пути от границ Забайкальской области через Монголию и Маньчжурию к Владивостоку и от Харбина на юг к крепости Порт-Артур»⁷⁷.

⁷⁴ Протокол годовичного общего собрания членов Маньчжурского сельскохозяйственного общества 9 февраля 1914 г. // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1914. № 3–4. С. 8.

⁷⁵ К истории Маньчжурского сельск.-хоз. о-ва. С. 7.

⁷⁶ Официальный отдел // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 6–7. С. 2.

⁷⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 12.

«Назревшим и наиболее важным» в письме назывался вопрос русской колонизации Маньчжурии. Ключевым аргументом стало напоминание о том, что в Южной Маньчжурии японцы уже основали колонизационное общество с колонизационным банком для заселения Маньчжурии и закрепления ее за Японией. Россия же, по мнению авторов письма, в этом направлении «пока ничего не сделала». Более того, правление КВЖД сдавало земли в полосе отчуждения только на краткие сроки (три-четыре года), причем сдавало их «главным образом не русским, а китайцам»⁷⁸. Для мелких русских хозяев-крестьян получить землю в полосе отчуждения было крайне трудно, а за полосой отчуждения — практически невозможно, поскольку китайцы земли русским сдавать отказывались. При этом иностранцы и японцы арендовали земли беспрепятственно⁷⁹.

Авторы письма полагали, что разрешить данную задачу «возможно только соответствующим воздействием на Китайскую Восточную железную дорогу и учреждением русского колонизационного общества и банка, имеющих задачей заселить русскими земледельцами свободные пустопорожние земли в Северной Маньчжурии, число которых, по данным министерства земледелия Китая, в тот момент определялось для Гиринской провинции в 20 млн 500 тыс. десятин, а для Цицикарской провинции — в 36 млн десятин. Из них для земледелия было пригодно не менее 40 млн десятин. На этих свободных землях двух провинций Маньчжурии могло бы быть поселено не менее 100 тыс. семейств русских земледельцев»⁸⁰.

Развивая тезис о необходимости колонизации Северной Маньчжурии, авторы письма, направленного в ГУЗиЗ, отмечали высокое плодородие почв и благоприятные климатические условия — «климат теплый, влажный, засух не бывает»⁸¹. Действительно, в тот момент в районе полосы отчуждения КВЖД нормальным считался урожай 75–100 пудов с десятины. Здесь можно было возделывать пшеницу, кукурузу, ячмень, кунжут, рис и другие культуры: «По климатическим условиям Северная Маньчжурия напоминает

⁷⁸ Несколько слов о земельной политике в полосе отчуждения // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 4–5. С. 2.

⁷⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 12 об.

⁸⁰ Там же. Л. 13.

⁸¹ Там же.

Юг России. Возможно самое широкое скотоводство»⁸². Тех, кто выступал за активную колонизацию Северной Маньчжурии, без сомнения, привлекала и дешевизна китайских рабочих рук: «Колонизовать Маньчжурию, при энергичном содействии нашего Правительства, не представлялось бы делом особенно трудным»⁸³. Вполне естественной казалась мысль о том, что заселенная русскими Северная Маньчжурия явилась бы «естественным этапом для дальнейшего развития восточных окраин Сибири»⁸⁴.

Однако колонизационные планы МСХО противоречили взглядам приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти относительно перспектив этого края. Представляют интерес замечания и комментарии, оставленные им 7 сентября 1914 г. на документе, исходившем из недр МСХО. На первой же странице текста он сделал ремарку: «Все это не так просто, как кажется. Китайцы сами начали колонизацию Манчжурии, и с ними конкурировать не легко, если говорить о мелкой единице — земельной, если же говорить о крупных <...> то пользы государству это не принесет, а лишь будет способствовать, благодаря вложению своих капиталов, колонизации Манчжурии китайцами, так как рабочая сила будет только китайская»⁸⁵. Русской колонизации края, по мнению Н. Л. Гондатти, будет препятствовать и то, что богатые земли располагаются «вдали от удобных средств сообщения»⁸⁶.

22 января 1915 г. глава Приамурского управления государственных имуществ П. И. Делле направил в канцелярию Приамурского генерал-губернатора письмо⁸⁷, в котором сообщал о документе за подписью председателя комитета Российской экспортной палаты от 9 июля 1914 г. (№ 1964) на имя главноуправляющего землеустройством и земледелием по вопросу о развитии русского земледелия в Маньчжурии и об учреждении Русско-маньчжурского колонизационного общества со специальным финансирующим его Колонизационным банком.

⁸² Приводится по: *Меньшиков П.* Об урожае хлебов в Хэйлунцзянской и Гиринской провинциях в 1913 г. // *Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии.* 1913. № 4–5. С. 24.

⁸³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 13 об.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. Л. 12.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. Л. 4–4 об.

Приамурское управление государственных имуществ подготовило и направило в канцелярию для доклада Главному начальнику края свои соображения по сути этого вопроса. На полях данного документа Н. Л. Гондатти также оставил свои комментарии. По мнению Приамурского управления государственных имуществ, пока Маньчжурия не присоединена политически к российскому государству, «нет смысла тратить и русских денег на культурное ее развитие, так как это в конечном итоге принесет пользу лишь китайцам, с которыми борьба в области экономической русским не под силу, а в особенности в земледельческой промышленности, в которой китайский труд и предприимчивость уже заняли доминирующую роль на лучших и ближайших к экономическим пунктам землях (район долины реки Сунгари)»⁸⁸. Напротив этого абзаца на полях оставлены чернильные пометы Н. Л. Гондатти: «Верно», «Конечно», «Надо поддерживать русский (неразборчиво. — *Авт.*) <...> а не Маньчжурию, которая является ему конкурентом. Если бы Маньчжурия принадлежала России, тогда дело другое. 23 января 1915 г.»⁸⁹ Здесь со всей наглядностью проявилась позиция Н. Л. Гондатти в отношении поддержки российских производителей, которую он неоднократно демонстрировал на всех уровнях. Так, еще 24 декабря 1912 г. в секретном письме министру финансов и председателю Совета министров В. Н. Коковцову он высказался за ограничение ввоза на Дальний Восток дешевого маньчжурского хлеба, поскольку это должно было повлечь «если не упадок, то полный застой в деле развития собственного производства»⁹⁰.

Оценивая идею учреждения Маньчжурско-русского колониального общества со специальным финансирующим его Колониационным банком и замечание Приамурского управления государственных имуществ о том, что это «было бы несправедливым по отношению к русскому Дальнему Востоку, который подобным, столь важным культурным учреждением пока не располагает», Н. Л. Гондатти заметил: «Совершенно верно». Свое видение перспектив КВЖД Приамурский генерал-губернатор отразил в том месте документа, где говорилось, что до присоединения Маньчжурии КВЖД в экономическом отношении может быть «лишь коммерческим

⁸⁸ Там же. Л. 4.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 780. Л. 7 об.

предприятием, которое должно давать России при наименьших затратах возможно больший доход и в то же время поддерживать русскую торговлю, в отношении же политическом дорога эта должна обслуживать наши нужды лишь на случай войны. И только исходя из последних соображений может быть было бы желательно развить русское земледелие, в особенности огородничество, вблизи станций и полотна железной дороги, лишь в полосе отчуждения, на которой возможно вести правительственную политику в отношении русских предпринимателей». Помета Н. Л. Гондатти на полях была весьма красноречивой: «И то лишнее, так как кит[айское] правит[ельств]во может выкупить дорогу, когда захочет»⁹¹.

Оценивая перспективы российской колонизации края, чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе М. П. Куренков, отвечая на запрос «о заселении русскими земледельцами свободных земель в Северной Маньчжурии», сообщал 26 января 1915 г. в канцелярию генерал-губернатора, что принятие с российской стороны каких-либо мер к проведению в жизнь данной меры «едва ли целесообразно»⁹². Признавая, что Северная Маньчжурия «находится в сфере нашего влияния», он указывал: «Это не дает нам оснований игнорировать права Китая как государственной единицы и совершенно свободно распоряжаться в пределах принадлежащей ему территории»⁹³. К тому моменту сдача в аренду иностранцам Маньчжурских земель в принципе не допускалась. Обычно китайские власти просто выдавали иностранцам «билеты на право эксплуатации земельных угодий» — сенокосения, рубки леса, ломки камня и т. п. Такие билеты в районе, тяготеющем к КВЖД, выдавались преимущественно русским подданным. В этих условиях любая попытка «использовать Маньчжурские земли по нашему усмотрению», с точки зрения чиновника по дипломатической части, должна была встретить вполне справедливый отпор со стороны китайского правительства: «Возбужденный вопрос о заселении нашими земледельцами этих земель обречен, по-видимому, на гибель, тем более что последние годы национальное самосознание китайцев принимает все более определенный характер и Китай пользуется каждым подходящим случаем, чтобы раз и навсегда освободиться от

⁹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 4 об.

⁹² Там же. Л. 2.

⁹³ Там же. Л. 2 об.

иностранного влияния во всех сферах своего государственного хозяйства вообще и в особенности в области землепользования, на каковую китайское правительство в колонизаторских целях обращает исключительное внимание и вопросу о заселении пустопорожних земель своей обширной территории придает кардинальное значение и с экономической и с политической точек зрения». Вердикт чиновника был категоричным: «...решение вопроса не представляется возможным»⁹⁴.

7 февраля 1915 г. из канцелярии Приамурского генерал-губернатора в Переселенческое управление было направлено письмо, в котором отмечалось, что отношением от 14 августа 1914 г. управление просило сообщить заключение Главного начальника края по вопросу об учреждении Русско-маньчжурского колонизационного общества со специальным финансирующим его Колонизационным банком с целью заселения Маньчжурии русскими колонистами. Генерал-губернатор обратил внимание на две стороны вопроса — политическую и экономическую, — повторив аргументы, сформулированные в записке чиновника по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе⁹⁵.

Казалось бы, вопрос о Северной Маньчжурии и ее русской колонизации можно было считать закрытым, тем более что в мае 1915 г. состоялась поездка в Пекин, Дайрен и Порт-Артур товарища председателя правления Общества КВЖД А. Н. Вентцеля. Представленный им после окончания визита доклад на имя министра финансов больше походил на разведывательное донесение. В нем была дана характеристика ряда государственных деятелей Китая (в том числе министра иностранных дел и министра путей сообщения). По оценке А. Н. Вентцеля, его везде принимали радушно, а президент Китайской республики подарил ему портрет с собственноручной надписью. Встречи превращались в «сплошное чествование», каждый шаг русской делегации фиксировался на фотографиях и киноплёнке, сопровождаясь газетными статьями. Японцы, как и китайцы, демонстрировали радушие, «поселили в лучшем отеле», устроили торжественную манифестацию, кричали «ура»⁹⁶. Вывод, который был сделан А. Н. Вентцелем, свидетельствовал о стремлении

⁹⁴ Там же. Л. 3.

⁹⁵ Там же. Л. 5–6.

⁹⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1287. Л. 173.

«просыпающегося гиганта» к установлению «политической солидарности между Россией и Китаем в дальневосточных делах, как противовеса Японии». Подтверждением тому была разработка русского проекта постройки железной дороги на Благовещенск, а также предпочтения, которые получали российские подданные на участие в освоении естественных богатств Цицикарской провинции и финансировании промышленных предприятий. Более того, генерал-губернатор Маньчжурии, по словам А. Н. Вентцеля, смог склонить правительственные сферы к тому, чтобы «поднять негласно вопрос о заключении секретного соглашения с Россией по делам Дальнего Востока»⁹⁷. Интересы России на ее дальневосточных окраинах требовали сохранения дружественных отношений и вполне определенного политического курса по отношению не только к Китаю, но и к Японии.

Эта тема получила отражение и в секретной переписке российских министров. Так, предложение министра финансов П. Л. Барка «добиваться льгот для КВЖД», аналогичных полученным японцами, сумевшими продлить срок концессии на эксплуатацию Южно-Маньчжурской железной дороги до 2002 г.⁹⁸, встретило противодействие министра иностранных дел С. Д. Сазонова. В ответном письме глава МИД, поддерживая мнение российского посланника в Пекине В. Н. Крупенского и отмечая неблагоприятную военно-политическую обстановку, связанную с поражениями России в 1915 г. на фронтах Первой мировой войны, предлагал: «...отложить наши домогательства <...> до наступления подходящих условий». С. Д. Сазонов все же считал, что Россия при определенных условиях могла бы, не прибегая к мерам давления, добиться продления до 99 лет срока российской железнодорожной концессии, сделав заявление Китайскому правительству о том, что концессия КВЖД принадлежит российскому правительству, а не частному обществу. Это дало бы основание требовать ее продления «ввиду того, что таковы права Японии на Южно-Маньчжурскую железную дорогу»⁹⁹.

Быстро почувствовав изменения в политической конъюнктуре, переменило тактику своих действий и МСХО. Уже 23 апреля 1915 г. его Совет направил на имя Приамурского генерал-губернатора

⁹⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 1287. Л. 174.

⁹⁸ Там же. Л. 193.

⁹⁹ Там же. Л. 199.

письмо, в котором сообщал, что получил от Российской экспортной палаты отзыв Приамурского генерал-губернатора по поднятому Обществом вопросу. Отмечая, что он выступил против учреждения Колонизационного общества и банка для целей колонизации Маньчжурии, Совет МСХО заметил, что генерал-губернатор все же высказал «сочувствие идее нашего Общества» об организации подобных учреждений для русских Дальневосточных окраин: «При соединяясь к воззрениям <...> о вероятной преждевременности означенных учреждений в Маньчжурии, Совет Общества полагает, что вопрос о создании в помощь Переселенческому управлению Колонизационного общества с субсидирующим его Колонизационным банком для обслуживания Забайкальской, Амурской, Приморской, Сахалинской и Камчатской областей имеет весьма существенное значение для колонизации и экономического процветания Края. В будущем, если бы изменилось наше положение в Маньчжурии в благоприятную сторону, таковое Общество и Банк могли бы расширить свою деятельность и на Маньчжурию»¹⁰⁰. Таким образом, МСХО решило отложить на время вопрос о русской колонизации Маньчжурии и содействовать делу развития экономики Дальнего Востока.

В связи с этим Совет МСХО просил генерал-губернатора «возбудить перед подлежащими властями означенный выше вопрос», изъявив готовность «возможными для него средствами» способствовать разработке проблемы, «если бы таковое содействие понадобилось»¹⁰¹. Не дожидаясь окончательного решения вопроса сверху, МСХО 11 июля 1915 г. направило в канцелярию Приамурского генерал-губернатора очередное письмо, сообщая о том, что «учреждение Колонизационного общества и Банка сельскохозяйственного общества считает за большую честь взять на себя». К тому моменту для выработки устава Колонизационного общества и банка уже была избрана специальная комиссия, которая приступила к работе. Именованная новая структура предполагалась «Русским обществом заселения Дальнего Востока (или Приамурья)». Был очерчен и район его действия: Забайкальская, Приморская, Сахалинская, Камчатская и Амурская области, Маньчжурия и Восточная Монголия. Объявлялась и цель общества: «Всеми мерами способствовать

¹⁰⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 11.

¹⁰¹ Там же. Л. 11 об.

Переселенческому управлению в деле скорейшего и прочнейшего заселения русскими подданными Дальнего Востока, а также в этих целях содействовать развитию на Дальнем Востоке сельского хозяйства, торговли и промышленности»¹⁰².

Предполагалось, что создаваемое Общество будет частным учреждением. Финансирующей его банк также виделся частным, но с субсидией от казны. Было предложено название банка: «Русский земельный и торгово-промышленный дальневосточный банк». Его средства его должны были складываться из акционерного капитала, облигаций и субсидий казны. Местонахождение Общества и банка предполагалось или в Хабаровске (как резиденции генерал-губернатора), или в Петрограде. Отделения Общества и банка планировалось организовать во всех крупных городах, входящих в район действия Общества. Проекты устава Общества и банка планировалось представить советом Общества в канцелярию генерал-губернатора «тотчас же, как будут закончены разработкой»¹⁰³.

Находившийся в Хабаровске управляющий госимуществами Приамурского края П. И. Делле 5 августа 1915 г. представил в канцелярию Приамурского генерал-губернатора письмо, в котором сообщал о том, что вопрос об учреждении Колонизационного общества с банком представляется в интересах колонизации Приамурья крайне желательным. Для обсуждения этого вопроса после предварительной разработки компетентным лицом вопроса о банке было предложено образовать во Владивостоке особое совещание с приглашением представителей как заинтересованных ведомств, так и общественных организаций и отдельных слоев населения. Задачей как Общества, так и банка провозглашалось содействие сельскохозяйственной и промышленной колонизации края. Общество при поддержке банка должно было организовывать сельскохозяйственные и промышленные предприятия, а затем передавать их в частные руки, получая в свою пользу сравнительно небольшие проценты прибылей сверх затрат, а также оказывать содействие за скромное вознаграждение частным лицам по организации сельскохозяйственных и промышленных предприятий не только денежными средствами, но и техническими силами. Капитал банка планировалось собрать акционерным порядком, но при условии гарантий со стороны

¹⁰² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 141. Л. 8.

¹⁰³ Там же. Л. 8 об.

правительства и с неперменным участием его представителей в распорядительных действиях банка, а также — главным образом — для строгого контроля¹⁰⁴.

Участие Колонизационного общества и банка в развитии экономики российского Дальнего Востока не исключало их деятельности и в Маньчжурии, где не только русские промышленные и коммерческие структуры, но и русские капиталистические сельскохозяйственные предприятия имели определенные шансы для успешного развития и конкуренции с китайцами. Однако вступление России в Первую мировую войну и поражения на фронтах значительно сузили возможности колонизации края.

По оценкам Амурского рабочего бюро, «сентябрьская мобилизация 1915 г. ослабила и без того ничтожный контингент местной рабочей силы», способствовав свободному допущению желтого труда в крае¹⁰⁵. Более того, резкое сокращение количества переселенцев, острая нехватка рабочих рук во всех отраслях привели к активному использованию в экономике региона дешевого труда военнопленных. Данные Переселенческого управления свидетельствовали о том, что для работ по линии министерства земледелия только в Амурском районе в 1916 г. требовалось 4 тыс., а в Приморском — 3 тыс. военнопленных¹⁰⁶.

Планам «наследников А. М. Безобразова», отстаивавших идеи активного освоения земель не только в полосе отчуждения КВЖД, но и во всей Северной Маньчжурии, не суждено было осуществиться. История МСХО, таким образом, свидетельствует о незавершенности к началу XX в. колонизационных процессов и особенностях модернизации Азиатской России.

¹⁰⁴ Там же. Л. 9.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 294. Л. 9.

¹⁰⁶ Там же. Д. 335. Л. 1.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЭКОНОМИКА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

4.1. Отношение общества и государства к использованию желтого труда в экономике Дальнего Востока

В начале XX в. российские публицисты, а вместе с ними и государственные деятели активно включились в обсуждение вопросов, связанных с китайским засильем на дальневосточных окраинах страны². В общественном мнении постепенно вызревал синдром «желтой опасности», ставший одним из механизмов формирования «образа врага»³.

О проблеме «желтой опасности» написано немало, однако ученые по-разному оценивают процессы, происходившие на дальневосточных окраинах России в начале XX в. Китайские авторы периода

¹ Содержание главы частично отражено в опубликованных ранее статьях: *Ходяков М. В., Чжао Ч.* Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России.* 2017. № 1 (18). С. 7–30; *Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г.* Роль китайских переселенцев в экономической освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX–XX вв. // *Вопросы национальных и федеративных отношений.* 2018. Т. 8. № 6 (45). С. 720–733; *Ходяков М. В.* Российское законодательство начала XX века об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2019. № 60. С. 78–83; *Иванов А. А.* Иностранное «хищничество» и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX в.) // *Научный диалог.* 2019. № 2. С. 221–236.

² См., напр.: *Левитов И. С.* Желтая Россия. СПб., 1901; *Меркулов С. Д.* «Желтый вопрос в Приамурье»: Открытое письмо автору его А. А. Панову. Владивосток, 1911; *Панов А. А.* Борьба за рабочий рынок в Приамурье. СПб., 1912.

³ См. об этом: *Ларин В. Л.* Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и в конце XX в. // *Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока.* Т. 1. Владивосток, 1996. С. 34–52; *Дятлов В. И.* Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» // *Идеи и идеалы.* 2014. Т. 1, № 2 (20). С. 23–41.

охлаждения советско-китайских отношений в основном акцентировали внимание на «варварской, бесстыдной» колонизаторской политике царизма по угнетению китайского населения в Маньчжурии и «геноциде» китайцев на «китайской территории, оккупированной русским империализмом», т. е. на Дальнем Востоке России. В тот период были опубликованы две «Истории вторжения царской России в Китай», содержавшие результаты деятельности шанхайской и пекинской научных школ. Оценки этномиграционных процессов на Дальнем Востоке, которые даются российскими и китайскими специалистами, серьезно разнятся: первые используют термин «китайские переселенцы», вторые — «русские колонизаторы и империалисты»⁴.

Сегодня китайские ученые в меньшей степени исследуют колониальную политику царизма на Дальнем Востоке и в Северо-Восточном Китае. Однако интерес к данной проблеме сохраняется — российские историки продолжают изучение комплекса вопросов, связанных со спецификой русской колонизации Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв.⁵ Один из них — выработка системы

⁴ Ван Куйси (王魁喜). Крах плана «Желтой России» (论沙俄«黄俄罗斯»计划的破产) // Вестник Цзилинского педагогического университета (吉林师大学报). 1979. № 4. С. 46–55; История вторжения царской России в Китай (沙俄侵华史) / редакционная группа «Истории вторжения царской России в Китай» при Историческом факультете Фуданьского университета (复旦大学历史系沙俄侵华史编写组). Шанхай, 1975; История вторжения царской России в Китай. Т. IV: в 2 ч. (沙俄侵华史第四卷上下册) / Институт по изучению новой истории при Китайской академии социальных наук (中国社会科学院近代研究所). Пекин, 1990; Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999; Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008; и др.

⁵ См., напр.: Дацышен В. Г.: 1) История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX века. Красноярск, 2000; 2) Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX — начале XX века. Кызыл, 2000; 3) Китайцы-земледельцы в Приморье: эпизод длинной в сто лет // Известия Восточного института. 2005. № 9. С. 70–89; Ващук А. С., Чернулицкая Е. Н., Королева В. А., Дудченко Г. Б., Герасимова Л. А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002; Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008; Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013; Заколотная А. С. Основные направления деятельности Переселенческого управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое:

законодательных мер, направленных на защиту экономики Дальнего Востока от наплыва китайских рабочих и использования их труда.

Привлечение китайцев и корейцев в важнейшие отрасли экономики Сибири и Дальнего Востока носило массовый характер. На этот факт неоднократно указывали российские историки. В частности, В. П. Зиновьев, проследив динамику численности и размещения иностранных рабочих на горных промыслах, подчеркнул, что сравнительные месячные нормы потребления русского и китайского рабочего серьезно отличались: китайский труд обходился практически вдвое дешевле русского. В конечном счете именно китайские рабочие победили в этой конкурентной борьбе⁶.

Рассматривая китайскую тему и характеризуя ее как одну из ключевых проблем Приамурского генерал-губернаторства в начале XX в., Т. Н. Сорокина отметила высокую информационную ценность материалов Хабаровских съездов приамурских губернаторов. На одном из них, созванном в августе 1903 г. по инициативе приамурского генерал-губернатора Д. И. Суботича, наиболее жгучим стал именно вопрос о китайских рабочих. Мнения выступавших оказались полярными. Съезд пришел к заключению о необходимости постепенного вытеснения из экономики представителей желтой расы. Однако большинством голосов присутствующие высказались против принятия репрессивных мер в отношении китайских рабочих⁷.

Целесообразность привлечения в экономику края труда китайцев и корейцев по-разному виделась в торгово-промышленных кругах Дальнего Востока и в чиновничьих кабинетах Санкт-Петербурга. В докладной записке городского головы Хабаровска И. И. Еремеева, направленной 18 июня 1907 г. генерал-адъютанту А. И. Пантелееву и затрагивающей вопрос о порто-франко для Приамурья, говорилось не только об огромных запасах золота, железа, каменного угля,

Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России / под ред. Л. И. Галлямовой. Владивосток, 2015.

⁶ Зиновьев В. П.: 1) Китайские и корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в. // Вопросы экономической истории России. Томск, 1996. С. 79–100; 2) Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX — начало XX в. Томск, 2009. С. 140–162.

⁷ Сорокина Т. Н. «Китайская тема» на IV Хабаровском съезде Приамурских губернаторов // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VIII международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2018. С. 281–287.

нефти, пушных и рыбных промыслов в регионе, но и о необходимости поддержки местной промышленности. Последняя же, по мнению И. И. Еремеева, создавалась «лишь руками китайцев и вообще иностранцев»⁸.

17 октября 1909 г. И. И. Еремеев направил докладную записку «от торгово-промышленного класса Хабаровска», адресованную министру финансов В. Н. Коковцову. В ней он сформулировал ряд предложений по решению насущных задач края, выделяя необходимость «скорейшего заселения края» русскими людьми, поскольку защита дальневосточных окраин от вторжения неприятеля могла, по его мнению, оказаться «не вполне возможной»⁹.

Первые шаги по разработке иммиграционного законодательства в отношении китайцев относятся к середине 1880-х годов, когда началось введение «русских билетов» и обязательного денежного сбора для китайских подданных. Однако увеличение паспортного сбора и последовавший запрет на сдачу казенных земель в аренду китайцам и корейцам (1908 г.) не решили проблему их наплыва на территорию российского Дальнего Востока¹⁰.

В правительственных кругах все активнее разворачивалась работа по выработке мер, способных ограничить масштабы желтого труда в экономике края. 22 февраля 1909 г. товарищ министра иностранных дел Н. В. Чарыков направил П. А. Столыпину записку «по поводу мероприятий, направленных к ограничению наплыва желтых в Приамурье». В ней предлагалось осуществить действия, которые должны были позволить постепенно вытеснить китайское население с территории Дальнего Востока и заменить его русским. Для этого планировалось сделать акцент на установлении санитарных и гигиенических правил по отношению к помещениям, занимаемым китайцами, а также потребовать неуклонного их исполнения. Соответственно, возникала необходимость тщательной регистрации китайского населения в целях правильного взимания городских

⁸ Цит. по: Для пользы и процветания: из истории внешнеэкономических связей Российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1856–1925 гг.: документы и материалы / сост. Н. А. Троицкая. Владивосток, 2012. С. 300.

⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 718. Л. 2 об.

¹⁰ См. об этом: *Сорокина Т. Н.* К вопросу о выработке иммиграционного законодательства для дальневосточных областей России в конце XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 66–69.

сборов — больничного и патентного. «Ныне по крайней мере половина китайцев, например, уклоняется от больничного сбора, — констатировал Н. В. Чарыков. — Китаец и на русской земле остается истым китайцем и в своем жизненном обиходе — одевается, ест, пьет, живет по-китайски, потребляя все китайское; ничего не привнося с своей стороны в Россию, кроме рабочей силы, он уносит с собой в Китай, помимо неприязни к России, вследствие отношения к себе русской администрации и населения, ежегодно много миллионов русских денег»¹¹.

Для того чтобы не допустить подобной ситуации, в пунктах отправления китайцев в Россию предлагалось вывешивать объявления об условиях их жизни на новом месте. При пересмотре в 1911 г. торгового договора 1881 г. с Китаем ввиду закрытия порто-франко на Дальнем Востоке предметы первой необходимости желтых рабочих (одежду, продукты, табак и т.д.) планировалось облагать высокой пошлиной. Наконец, правительству, по мнению Н. В. Чарыкова, следовало «перенести центр тяжести с переселенческого дела на колонизационное», т.е. главное внимание России в ее дальневосточной политике должно было быть обращено «не на разрежение плотно населенных мест в Центральной России, а на закрепощение окраин путем насаждения там русской государственности». Одновременно с этим предлагалось решительное применение закона, по которому китайские подданные, как не имеющие права собственности земли в Приамурье, должны были очистить занятые самовольно ими земли¹².

Высочайше утвержденное 27 октября 1909 г. положение Совета министров «О подготовительных к колонизации района Амурской железной дороги мерах» предусматривало создание Комитета по заселению Дальнего Востока¹³. Задачей Комитета провозглашалось создание прочного оплота русской государственности в дальневосточных областях. Для общего руководства колонизационным работами на Дальний Восток направлялся особый уполномоченный, назначавшийся с одобрения правительства главноуправляющим землеустройством и земледелием. Председателем Комитета, действовавшего при Совете министров, император назначил П. А. Сто-

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 726. Л. 8 об.—9.

¹² Там же. Л. 9 об.

¹³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 29. 1909. СПб., 1912. № 31369. С. 896–897.

лыпина, заместителем — Главноуправляющего землеустройством и земледелием. По мнению П. А. Столыпина, одной из насущных проблем региона в тот момент были борьба «против наплыва в Приамурье рабочих желтой расы» и «привлечение рабочих из Европейской России». Об этом он сообщал в письме от 26 ноября 1909 г. В. Н. Коковцову¹⁴. На заседаниях Комитета вплоть до 1916 г. регулярно рассматривались вопросы о выработке мер борьбы с желтой расой и доставке русских рабочих на Дальний Восток¹⁵.

С целью ускорить рабочую колонизацию Дальнего Востока 21 июня 1910 г. был высочайше утвержден закон, одобренный Государственным советом и Государственной думой, о введении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области Иркутского генерал-губернаторства «некоторых ограничений» для лиц, состоящих в иностранном подданстве. В пределах указанных территорий закон запрещал передачу казенных земель иностранцам и сдачу их в аренду, а также наем лиц, состоящих в иностранном подданстве, на работы, производимые для надобностей казенного управления. Вместе с тем Совет министров получал право «допускать в указанных местностях наем на срочные, для надобностей казенного управления, работы, лиц, состоящих в иностранном подданстве, в том случае, если окажется невозможным произвести сии работы при помощи лиц русского подданства»¹⁶.

Приток русских рабочих на Дальний Восток должен был создать противовес заполняющим окраину рабочим желтой расы, борьба с наплывом которой составляла одну из главнейших задач российского правительства в регионе. Для решения этой задачи Комитет по заселению Дальнего Востока на заседании 4 февраля 1911 г. установил бесплатный проезд по линиям казенных железных дорог и по КВЖД для русских рабочих, мастеров-специалистов и ремесленников, законтрактованных правительственными учреждениями или лицами, на работы в Приамурское генерал-губернаторство и в Забайкалье. Те рабочие, которые не имели контрактов, могли следовать к месту назначения по льготному переселенческому тарифу¹⁷.

¹⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 718. Л. 10 об.

¹⁵ Там же. Ф. 394. Оп. 1. Д. 7, 13, 48.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 30. 1910. СПб., 1913. № 33858. С. 825.

¹⁷ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 718. Л. 83.

Совещание по вопросу о доставке русских рабочих на Дальний Восток, проходившее 15 и 16 декабря 1911 г. под руководством сенатора Б. Е. Иваницкого, констатировало, что в первый год после принятия закона от 21 июня 1910 г. благодаря льготам, введенным Комитетом по заселению Дальнего Востока, удалось вытеснить с рынка труда значительную часть китайцев. Русские рабочие в Приамурье к тому времени составляли 58 % всей рабочей силы. Это дало основание Совещанию заключить: «...“желтое засилье” не является тем непреодолимым злом, каким оно еще недавно казалось и <...> при последовательном и неуклонном проведении намеченной Правительством покровительственной русскому труду политики окажется возможным в непродолжительном времени совершенно устранить китайский труд в казенных предприятиях и низвести до минимума применение его в частных»¹⁸.

В действительности подобные заявления не в полной мере соответствовали повседневной практике использования китайского труда в экономике Дальнего Востока. Если в Амурской области соотношение между русскими и желтыми рабочими признавалось благоприятным, то в Приморье ситуация была иной. Из представленной Переселенческим управлением справки явствовало, что в 1911 г. по отношению к Приморской области Советом министров было допущено «в изъятие из действия закона 21 июня 1910 г.»¹⁹ пользование желтым трудом со стороны военных казарменных комиссий, Уссурийской железной дороги, Владивостокского порта, таможенных учреждений и т. д. Из 31 566 рабочих, задействованных на казенных сооружениях Приморской области, русских было 17 121, или 54,2 %, а «желтых» — 14 472, или 45,8 %. Подавляющее большинство из них, 11 769, составляли китайцы. Трудность подбора русских рабочих для различных казенных ведомств не была одинаковой. Так, в Инженерном ведомстве оказалось занято 46,4 % желтых рабочих, на Уссурийской железной дороге — 55 %, во Владивостокском торговом порту — 60,8 %, в Строительных комиссиях Военного министерства — 94,2 %²⁰.

Таким образом, декларируя законом от 21 июня 1910 г. борьбу с желтым трудом на дальневосточных окраинах, российское прави-

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 46. Л. 127.

¹⁹ Там же. Л. 127 об.

²⁰ Там же.

тельство оставляло за собой право корректировать правила игры, допуская изъятия из действующего закона²¹, принимая решения о возможности допуска к выполнению казенных заказов рабочих желтой расы.

1 января 1912 г. истек срок данных Советом министров казенным управлениям отсрочек действия закона от 21 июня 1910 г. Лишь Уссурийская железная дорога, состоявшая в арендном пользовании КВЖД, и Забайкальская дорога сохраняли за собой право пользования трудом желтых рабочих «впредь до приискания мер к замене последних русскими рабочими»²².

Вопросами ограничения наплыва китайцев в пределы Дальнего Востока и Сибири были озабочены не только в Санкт-Петербурге, но и на окраинах империи. Так, известный общественный деятель и предприниматель, член Приморской областной комиссии по рабочему вопросу С. Д. Меркулов в декабре 1910 г. направил Приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондатти письмо, в котором затронул ряд насущных проблем Дальнего Востока. Рассуждая о необходимости «отстоять экономическую самостоятельность края, как русской окраины», С. Д. Меркулов ратовал за то, чтобы «остановить быстрый процесс его “окитаения”», поскольку во всех своих мельчайших потребностях русское население зависело от Маньчжурии и китайцев²³.

Приамурский генерал-губернатор также был решительным сторонником ограничения масштабов желтого труда на Дальнем Востоке. В своем письме от 28 ноября 1911 г., направленном заведующему переселенческим делом в Приморском районе А. А. Татищеву, говоря о государственных интересах в деле колонизации края, он просил, чтобы все подведомственные чины «попутно с исполнением своих прямых служебных обязанностей оказывали полиции всевозможное содействие по надзору за исполнением китайцами и корейцами установленных для них паспортных правил»²⁴. Спустя несколько дней в письме Н. Л. Гондатти заведующему переселенческим делом в Приморском районе содержались более категоричные требования: «...я категорически запрещаю применение желтого труда не только

²¹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1911 год / отв. сост. Б. Д. Гальперина. М., 2002. С. 171.

²² РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 46. Л. 128.

²³ Для пользы и процветания. С. 341.

²⁴ РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 46. Л. 94–94 об.

на работах, производимых переселенческой организацией за счет казны, но и на тех сооружениях и постройках, которые производятся с пособием от казны по смете переселенческого ведомства»²⁵. Н.Л.Гондатти требовал, чтобы все работы при постройке школ, волостных правлений и других объектов, возводимых за счет государственных субсидий выполнялись «исключительно русскими людьми»²⁶.

Такое положение дел устраивало далеко не всех представителей торгово-промышленных кругов. Накануне Первой мировой войны некоторые из них указывали на существующий в крае финансово-экономический кризис. В частности, председатель Владивостокского биржевого комитета 30 января 1913 г. обратился с телеграммой в Совет министров, ходатайствуя о принятии мер для устранения сложившегося положения, которое могло, по его мнению, «привести дальневосточную окраину к экономической катастрофе». Среди причин кризиса называлось «воспреещение применения желтого труда в казенных и некоторых частных предприятиях»²⁷.

Одновременно председатель Владивостокского биржевого комитета разослал в правительственные и общественные учреждения две записки. Одна из них была посвящена критическому положению экономики на Дальнем Востоке, а другая — использованию желтого труда в промышленности. В записках говорилось о пагубности правительственных мер, направленных на сокращение желтого труда. Коренная причина застоя авторам записок виделась именно в «покровительстве русскому труду» и невозможности обеспечить край достаточным количеством «хороших русских работников», поскольку «русский рабочий склонен к забастовкам, на месте не сидит и наводняет край празднующимся людом»²⁸.

12 февраля 1913 г. Владивостокский биржевой комитет вновь обратился с телеграммой в правительство с просьбой направить в Приамурье особую комиссию для «выяснения истинного положения дел на месте». Эта позиция встретила решительный протест со стороны созванного с разрешения владивостокских властей многочисленного совещания представителей различных артелей, ремесленников, торговцев, общественных деятелей. Свыше 740 чел. выска-

²⁵ РГИА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 46. Л. 93.

²⁶ Там же.

²⁷ Для пользы и процветания. С. 358.

²⁸ Там же. С. 359–360.

зали категорическое несогласие с оценкой экономической ситуации на Дальнем Востоке, данной Биржевым комитетом: «Биржевой комитет до сих пор всегда шел против всякого русского начинания, направленного к пользе края. <...> С его помощью желтые укрепились, и невозможно стало русским людям самим одолеть их: нужна поддержка правительства»²⁹.

11 марта 1913 г. Совет министров по ходатайству Владивостокского биржевого комитета рассмотрел вопрос о выработке мер «к устранению угнетенного положения отечественных торговли и промышленности на Дальнем Востоке». Специально приглашенный на это заседание Приамурский генерал-губернатор в ходе обсуждения заметил: «Владивостокский биржевой комитет не может считаться компетентным выразителем экономических нужд и потребностей нашей дальневосточной окраины. <...> Представляя собою лишь интересы богатого Владивостокского купечества, принадлежащего в значительной своей части <...> к составу местных крупных коммерсантов-евреев, комитет этот естественно склонен опорочивать правительственные меры, принятые в видах поднятия в крае русского труда, и желал бы, конечно, восстановить прежнее, действительно печальное положение этого края, безраздельно захваченного несколькими иностранными, китайскими и еврейскими предприятиями, обогащавшимися при существовании порто-франко, торговле беспрошлыми иностранными товарами»³⁰. В итоге Совет министров определенно высказался, что никаких изъятий из действующих на Дальнем Востоке ограничительных мер в отношении применения желтого труда «допущено быть не может», а тем более не может быть допущено общего пересмотра существующих узаконений³¹.

Проект общего иммиграционного закона, не без основания именуемый «проектом Н. Л. Гондатти»³², был подготовлен к весне 1913 г. и предусматривал двукратное увеличение сборов с иностранцев. Однако его принятие натолкнулось на позицию Министерства иностранных дел.

²⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1913 год / отв. сост. Б. Д. Гальперина. М., 2005. С. 158–159.

³⁰ Там же. С. 160.

³¹ Там же.

³² См. об этом: Сорокина Т. Н. К вопросу о выработке... С. 67.

С началом Первой мировой войны от амбициозных планов, направленных на избавление Дальнего Востока от желтого труда, российскому правительству пришлось отказаться. Паспортные льготы, установленные Советом министров для китайских рабочих в 1915–1916 гг., открывали широкие возможности для их массовой миграции по всей территории России.

4.2. Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны

Освоение дальневосточного региона было важнейшей задачей русского правительства на рубеже XIX–XX вв. Несмотря на меры по привлечению переселенцев из европейской части страны на Дальний Восток — освобождение от налогов сроком до 20 лет и др., — приток рабочей силы был ограничен, в первую очередь из-за отсутствия необходимых путей сообщения. Как отмечалось в источниках, «дорог, соединяющих округ с внешним миром, нет»³³. Тяжелые климатические условия препятствовали сообщению по рекам. В тайге отсутствовал корм для лошадей. Российское правительство столкнулось также с проблемой обеспечения продовольственной безопасности на Дальнем Востоке.

Дальневосточный регион развивался за счет городского строительства, промышленности и судоходства. В его освоении велика была роль частного капитала. Золотые прииски, пароходные компании и т. п. принадлежали крупным промышленникам и землевладельцам. В погоне за выгодой они привлекали к труду наемных китайских рабочих, которые были дешевле и считались «трудолюбивей»³⁴.

Изначально основными поселенцами в крае являлись ссыльные Цинской империи, бежавшие из Маньчжурии, и разорившиеся китайские крестьяне. Жили они поодиночке, «приспосабливаясь к жизни аборигенов»³⁵. Это были жители северных регионов Китая, мужчины-одиночки, занимавшиеся промыслами. Исторически Се-

³³ РГИА Ф. 37. Оп. 67. Д. 966. Л. 125.

³⁴ *Зиновьев В. П.* Китайские и корейские рабочие на горных промыслах... С. 79–100.

³⁵ *Соловьев Ф. В.* Китайское отходничество на Дальнем Востоке в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989. С. 34.

веро-Восток Китая, граничащий с Россией — один из самых отсталых регионов. С конца XIX в. началось заселение северных территорий. Большую часть трудовых мигрантов составляли низшие слои китайского населения: разорившиеся крестьяне, ремесленники, мелкие арендаторы. В Маньчжурии далеко не все находили работу, так как регион до строительства КВЖД колонизировался медленно. По данным китайского историка Ли Юнчана, население северо-восточных районов Китая, экономически связанных с Российской империей, с 1850 по 1910 г. возросло с 2 млн 898 тыс. чел. до 21 млн 582 тыс. чел.³⁶ В целом конец XIX в. — период активизации китайской эмиграции в страны Юго-Восточной Азии, в США, Латинскую Америку, Японию и на русский Дальний Восток.

Как отмечает Ф. В. Соловьев, «китайские отходники на русском Дальнем Востоке вплоть до XX столетия жили по своим законам, не подчиняясь русской администрации»³⁷. У китайцев существовала собственная система администрирования, «всегда было развито чувство землячества»³⁸. В городах китайцы жили отдельными районами, практически не вступая в контакт с русскими. Многие из них не заводили семей и сохраняли связи с родиной³⁹. В конце XIX — начале XX в. на Западе появляется понятие «чайнатаун» (Chinatown) — название подчас нескольких кварталов, занимаемых китайской общиной в большом городе. Такая община становилась «подобием общины в самом Китае»⁴⁰.

Быт китайцев-отходников был крайне скудным. «Китайские помещения <...> представляли собой муравейник: повсюду — на нарах, на столах, на прилавках и на полу — вповалку спали люди. Духота и смрад наполняли жилище. Питались китайцы плохо, в столовых и харчевнях пищу готовили в грязной посуде»⁴¹. Яркое описание положения коренного китайского, маньчжурского и даурского сельского населения в начале XX в. оставил русский офицер-

³⁶ Ли Юнчан (李永昌). Китайские рабочие в России и Октябрьская революция. (旅俄华工与十月革命). Шицзячжуан, 1988. С. 11.

³⁷ Соловьев Ф. В. Китайское отходничество... С. 70.

³⁸ Там же. С. 72.

³⁹ Там же. С. 74.

⁴⁰ Лайнгер С. Р. К вопросу о китайской эмиграции в страны Латинской Америки // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (проблемы истории и экономики). М., 1969. С. 65.

⁴¹ Соловьев Ф. В. Китайское отходничество... С. 82.

пограничник В. П. Крузенштерн⁴². Стараясь как можно сильнее оторваться от русских, китайцы организовывали (зачастую нелегально) собственные больничные учреждения, увеселительные заведения: игорные дома, дома терпимости, опиумные курильни, театры, клубы и т. п.

Между китайскими отходниками и русскими переселенцами на Дальнем Востоке возникало недопонимание, основной причиной которого становилось элементарное незнание языков и культурных традиций. Помимо этого, русские рабочие и коммерческие служащие сталкивались с конкуренцией со стороны дешевого китайского труда. В. Г. Дацышен отмечает: «За полвека так и не наметилось сближение двух общин: русской и китайской. Отчужденность китайцев по отношению к русским была аналогична отношению русских к китайцам. <...> Признавая превосходные качества китайца-земледельца, купца, промысловика, русские все же вольно или невольно презирали китайцев, очевидно так же и китайцы воспринимали русских»⁴³. Журналист — современник описываемых событий И. С. Левитов писал о Дальнем Востоке: «Русский человек там, это человек белой кости, а китаец черной»⁴⁴. В то же время говорить о расовом неприятии не приходится — Дальний Восток России исконно был местом проживания большого числа малых народностей. Ситуация здесь значительно отличалась от сложившейся в очагах западной эмиграции китайцев в конце XIX в. В США, например, частой практикой стал разбой по отношению к переселенцам из Азии, вплоть до убийств, которые происходили при попустительстве властей.

Причиной бегства китайцев на территорию русского Дальнего Востока был поиск любых источников дохода, что отражалось на многообразии способов заработка. Китайские отходники ориентировались на различные виды промыслов. Благоприятные климатические условия на территории Приамурья и Приморья, уникальные флора и фауна позволяли добыть и средства традиционной китайской медицины, и продукты, используемые в национальной китай-

⁴² Bakhmeteff Archive. General Ms Coll Kriger. Justina Kruzenstern Memoirs. Из записок шт. ротмистра I-го Заамурского конного полка Пограничной стражи В. П. Крузенштерна. Л. 1, 16–18, 28, 44–46.

⁴³ Дацышен В. Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб., 1996. С. 32.

⁴⁴ Левитов И. С. Желтая Россия. С. 24.

ской кухне, и меха, высоко ценимые маньчжурской и китайской знатью. По неполным официальным данным, «в 1879–1884 гг. на территории Уссурийского края находились примерно 2256–2356 китайцев, занимавшихся промыслом»⁴⁵. С каждым годом приток таких «добытчиков» возрастал, но они составляли лишь малую часть общего числа китайских иммигрантов в регионе.

По-настоящему важную роль в экономической жизни Дальнего Востока играли китайцы-земледельцы, составлявшие, по данным переписи 1897 г., 33 % китайского населения в Амурской области и 11,5 % в Приморской⁴⁶. В отличие от русских крестьян, китайцы быстро приспосабливались к местным условиям. До начала активной колонизаторской политики при П. А. Столыпине нельзя говорить о каком-то давлении со стороны китайских крестьян, а тем более о том, что они отбирали хлеб у русских земледельцев. Как отмечали наблюдатели, китайцы, арендуя земли у казаков, обладавших огромными землями по «отводу Духовского» (распоряжению генерал-губернатора края С. М. Духовского от 19 ноября 1894 г. об отводе пограничной береговой полосы верхнего и среднего Амура и Уссури в пользование казачеству и переселенцам-крестьянам на казачьих землях для улучшения финансового и хозяйственного положения) превращали тех в мелких помещиков, благосостояние которых росло за счет дешевой рабочей силы. Нередко китайцы брали в аренду у русских землю на длительный срок (до 16 лет) и строили на ней дом, который после переходил к владельцу надела с остальным имуществом⁴⁷. Причина же возникавших конфликтов заключалась в невозможности ассимиляции (культурной и религиозной) пришлого китайского и корейского населения.

Самую многочисленную группу китайских отходников составляли рабочие, используемые в различных сферах производства. Они были крайне востребованы на Дальнем Востоке России, в основном в строительстве железнодорожных путей и портов, работе на добыче полезных ископаемых, прежде всего золота. В отличие от промысловиков, рабочие начали проникать в эти регионы группами по мере развития промышленной инфраструктуры. «Первая партия китайских рабочих (150 чел.) была набрана в провинциях Шаньдун

⁴⁵ Соловьев Ф. В. Китайское отходничество... С. 62.

⁴⁶ Приводится по: Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных... С. 49.

⁴⁷ См. об этом: Левитов И. С. Желтая Россия. С. 48.

и Чжили и в середине [18] 70-х годов <...> доставлена в Приморскую область»⁴⁸. Рабочие-китайцы были заняты как на казенных, так и на частных предприятиях. Они требовали меньших расходов на содержание, довольствовались скромным бытом. В отличие от русских, китайцы не пили, не требовали прибавки, не бунтовали, работали практически без выходных и праздников. Если на содержание русского рабочего в летний сезон (с мая по октябрь) уходило 35–40 руб. в месяц, то китайцу платили 14–20 руб., и, хотя производительность русского рабочего была в среднем на 25 % выше, китайский труд был выгоднее. Зимой русский рабочий требовал 40–45 руб., китаец — только 12–15 руб.⁴⁹ Русский сезонный рабочий зимой возвращался домой. До 1903 г. за отсутствием железнодорожного транспорта такая отправка была крайне проблематична для работодателя. Китайцы этого не требовали и находились практически в полной зависимости от предпринимателей. Наем осуществлялся большими партиями через подрядчиков-китайцев. Подписав русский контракт, китаец-рабочий, не знавший языка, как и в других мировых центрах эмиграции, уже не мог повлиять на свое положение. Очевидно, что такая ситуация устраивала и работодателей, и подрядчиков, а с началом Первой мировой войны — и администрацию, нуждавшуюся в дешевой рабочей силе не только в Азии, но и в европейской России. Русских рабочих промышленники «избегали как своихвольных и требующих по отношению к себе исполнения рабочего законодательства»⁵⁰.

В экономическом развитии края важную роль играли китайские торговцы и предприниматели, деятельность которых начала развиваться с 1870-х годов и фактически продолжалась до установления советской власти в начале 1920-х годов. Основную часть русских переселенцев в имперской России априори составляли казаки, военные, крестьяне и чиновники. Рыночная ниша оставалась свободной, что дало возможность китайским предпринимателям практически полностью занять ее к началу активного этапа освоения Дальнего Востока. До 1909 г., т. е. отмены порто-франко на Дальнем Востоке, отсутствие путей, по которым русские товары могли доставляться в регион, делало жизнь без китайских товаров проблематичной для

⁴⁸ Соловьев Ф. В. Китайское отходничество... С. 44.

⁴⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 966. Л. 127.

⁵⁰ Там же.

местного населения. Это касалось в первую очередь Приморского края — вдоль Амура численность русских торговцев была довольно велика, сказывалось развитие судоходства, но все же китайская розничная торговля на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. составляла серьезную конкуренцию русской. Китайцы организовывали торговые фирмы, в которые, помимо самих предпринимателей, в качестве пайщиков входили и служащие. И. С. Левитов писал: «Китайские синдикаты <...> страшны для развития европейской торговли выдержанностью, тактом, силой»⁵¹. Например, в 1893 г. во Владивостоке было 127 китайских магазинов и лишь 23 русских⁵². Вполне очевидно, что торговый оборот китайцев был зачастую выше, чем у русских. Вместе с китайской торговлей еще в 1870-е годы начало развиваться китайское предпринимательство, которое занималось в основном обеспечением нужд китайских отходников на территории России (мелкое производство), был развит каботаж. К моменту активной фазы переселения на Дальний Восток власти оценивали китайскую бизнес-активность уже не столь оптимистично. В докладе, переданном П. А. Столыпиным в Думу в октябре 1908 г., отмечалось: «...китайцы являются неуловимыми распространителями китайской водки-ханшины, тайными скупщиками хищнически добываемого золота, наконец, среди них много бродячего преступного люда, из которого составляются шайки хунхузов. Между тем наплыв китайцев растет: в 1907 г. их проживало в Приморской области около 70 тыс. чел., Амурской свыше 13,5 тыс. чел. и Забайкальской — 8 тыс. чел. Прилив китайцев в ближайшие годы еще увеличится, в виду усиленного стремления в Приамурский край китайских рабочих, привлекаемых разнесшимися среди них сведениями о постройке Амурской железной дороги»⁵³.

Данные о численности китайских переселенцев на российском Дальнем Востоке разнятся. Как отмечала, например, «Амурская газета» в 1895 г., в крае не имелось ни одной деревни, где не было бы китайской лавочки⁵⁴. Согласно результатам переписи 1897 г., приводимым А. Г. Лариным, в России проживало 57 тыс. китайцев

⁵¹ Левитов И. С. Желтая Россия. С. 11.

⁵² Приводится по: Соловьев Ф. В. Китайское отходничество... С. 54.

⁵³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 492. Ч. 1. Л. 4 об.

⁵⁴ Приводится по: Петров А. И. История китайцев в России: 1856–1917 гг. СПб., 2003. С. 92.

(включая дунган), из которых 41 тыс. — на Дальнем Востоке⁵⁵. По данным Т.Н. Сорокиной, в 1900 г. китайское население Приамурского генерал-губернаторства насчитывало 51 801 чел. (15 106 чел. в Амурской области, 36 тыс. чел. — в Приморской и 695 чел. — в Забайкальской)⁵⁶. В правительственных дискуссиях после Русско-японской войны именно Забайкалье рассматривалось как исключительно русская территория, надежный оплот обороны и колонизации региона⁵⁷.

В 1910 г. численность китайцев в Приамурском генерал-губернаторстве достигла пика: Ф.В. Соловьев называет число 94 124 чел.⁵⁸, Т.Н. Сорокина — 93 041 чел.⁵⁹ В начале XX в. на Дальнем Востоке России не было структур, способных подсчитать всех китайских переселенцев, в том числе огромное количество нелегалов. Ли Юнчан утверждает, что в 1910 г. китайцев в России насчитывалось 111 466 чел.⁶⁰ Он ссылается на работу В.В. Граве «Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье»⁶¹, изданную в 1912 г. А.Г. Ларин полагает, что число китайских переселенцев в регионе в первой четверти XX в. находилось в диапазоне 150–250 тыс. чел., в среднем это составляет 10–12 % населения края⁶².

Наличие многочисленной китайской общины на Дальнем Востоке привело российские власти к необходимости создания специальной системы управления ею. Первые попытки организации китайских земледельцев предпринимались еще в 1881 г. военным губернатором Приморской области И.Г. Барановым. Тогда впервые были вывешены объявления на русском и китайском языках, сообщавшие о том, что китайцы, которые проживают на данной территории, должны подчиняться русским властям и соблюдать русские законы.

⁵⁵ Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 18.

⁵⁶ Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных... С. 37.

⁵⁷ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–1 об.

⁵⁸ Соловьев Ф. В. Китайское отходничество... С. 39.

⁵⁹ Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных... С. 40.

⁶⁰ Ли Юнчан. Китайские рабочие в России... С. 18.

⁶¹ Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI: Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье / В. В. Граве; Н. Гондатти. СПб., 1912.

⁶² Ларин А. Г. Китайцы в России... С. 23.

Первый генерал-губернатор образованной 16 июля 1884 г. Приамурской области барон А. Н. Корф заложил основы дальнейшего экономического развития края (добыча угля на Сахалине, организация котикового промысла на Командорских островах и др.). Корф уделял особое внимание вопросу о китайских переселенцах, проводил политику компромисса с местным населением (организация школ для инородцев, съезды местных деятелей)⁶³. Генерал-губернатор впервые предпринял попытку введения билетной системы учета количества китайцев, находившихся на русской территории. Согласно правилам, вступившим в силу с 1885 г., китайцы, прибывшие на территорию России после 1860 г., могли переходить границу лишь в специально отведенных местах, где они получали визу стоимостью 30 коп. сроком на один месяц, по истечении которого следовало приобрести русский билет за 1 руб. 20 коп. При просрочке выплачивался штраф, а безбилетных иммигрантов высылали на родину⁶⁴. Стоимость виз и билетов постепенно возрастала, но все же оставалась незначительной. К 1908 г. как иностранцы «китайцы и корейцы были обложены особыми сборами при визировании их национальных паспортов и выдачи им русских билетов. Из сборов этих зачислялись в казну основной налог с каждого билета (4 руб. 10 коп.) и штраф за просрочку обмена билетов (5 руб. — с китайца и 3 руб. — с корейца) по смете доходов Министерства внутренних дел, а гербовый сбор (60 коп.) по смете доходов Департамента окладных сборов. Дополнительные сборы за визирование национальных паспортов и выдачу русских билетов (30 коп.) поступали в депозиты местной администрации. В отношении расходования этих сборов не было установлено определенного порядка»⁶⁵.

Как отмечает Е. И. Нестерова, такой способ учета пришлых китайцев казался русской администрации универсальным, но в условиях все усиливающегося притока переселенцев он практически не действовал. Законы, имевшие силу в отношении других иностранцев

⁶³ См. об этом: Институт генерал-губернаторства и наместничества в российской империи: в 2 т. / под общ. ред. В. В. Черкесова. Т. 1 / науч. ред. тома Д. И. Луковская, Д. И. Раскин. СПб., 2001. С. 369.

⁶⁴ См. об этом: *Нестерова Е. И.* Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1897 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2000. № 2(90). С. 40–41.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 492. Ч. 1. Л. 5.

на территории Российской империи (визы, билеты и пр.), на Дальнем Востоке не работали⁶⁶.

С приходом нового Приамурского генерал-губернатора С.М.Духовского в 1893 г. политика русской администрации изменилась. Указы о создании китайских управлений юридически не имели силы, так как не получили высочайшего утверждения. Китайские управления, действовавшие на основе административного распоряжения, были официально упразднены в 1897 г., хотя некоторые из них реально просуществовали до 1901 г. Власть отказалась от возможности хоть как-то влиять на внутреннюю жизнь китайских общин на Дальнем Востоке⁶⁷. Ставка была сделана на активную русскую колонизацию и экономическое развитие территорий вдоль Амура и приграничной Маньчжурии как единственную альтернативу усиливавшемуся иностранному влиянию в регионе. В условиях острой конкуренции с Японией за ресурсы Северо-Восточного Китая⁶⁸ обострение отношений с империей Цин по вопросам миграционной политики на Дальнем Востоке не входило в планы русского правительства.

В начале XX в. с завершением строительства КВЖД приток иммигрантов из Цинской империи увеличился. Наем китайских рабочих промышленниками шел только через подрядчиков-китайцев, «которые собирали артели рабочих и умели немного говорить по-русски, являясь весьма лукавыми посредниками, а нередко и единственными переводчиками»⁶⁹. Русско-японская война привела к массовой миграции китайского населения и ломке сложившихся хозяйственных связей. Неопределенность, отсутствие политического урегулирования в отношениях России с дальневосточными соседями — Японией и Китаем — в 1906–1907 гг. не способствовали стабилизации миграционной политики.

Царская администрация не могла наладить отношения с китайским населением, не умела контролировать обширную диаспору — во-первых, в связи с невозможностью «разобрать особые отноше-

⁶⁶ Нестерова Е. И. Управление китайским населением... С. 40–50.

⁶⁷ Там же. С. 45–49.

⁶⁸ См. об этом: Янченко Д. Г., Старовойтова Е. О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-Японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 3. С. 586.

⁶⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 77. Д. 626. Л. 5.

ния рабочих к подрядчику; во-вторых, по отсутствию надлежащего счетоводства, понятного и русским, и китайцам; в-третьих, вследствие постоянной бесконтрольной замены одних рабочих другими, и, в-четвертых, наконец, ввиду таких написанных по-русски условий, заключенных хозяином с подрядчиком, по которым последний [находился] вполне и всегда в руках хозяина»⁷⁰. Попытка введения расчетных книжек для учета китайских рабочих не увенчалась успехом. Подобные документы чаще всего подписывались вымышленными именами и не имели никакого значения для китайцев, не умевших читать по-русски. Билеты, введенные еще при А. Н. Корфе, спокойно переходили из одних рук в другие. Постоянными явлениями стали нарушения со стороны мелких чиновников, полиции, предпринимателей и подрядчиков, заинтересованных в притоке дешевого труда.

Указы генерал-губернатора нередко имели статус временных постановлений, а значит, со сменой администрации могли вступить в действие противоположные решения. Организатор русских рабочих артелей некий купец Белой из Владивостока в своей телеграмме в Петербург председателю Совета министров П. А. Столыпину писал: «К сожалению, и местная администрация, не разбирающаяся [с] причинами печального положения русских рабочих, под влиянием богатых промышленников, подрядчиков и поставщиков поддерживала <...> китайский труд и оставляла на произвол судьбы русских рабочих»⁷¹. Белой напрямую обвинял власти в пренебрежении русскими интересами: «В 1908 г. губернатор Амурской области на Хабаровском съезде заявил о ненужности в крае беспокойных русских рабочих, ибо есть достаточное количество хороших рабочих[-] китайцев»⁷².

С началом XX в. появились радикальные предложения по ограничению наплыва китайских рабочих на русский Дальний Восток, например переход в кратчайшие сроки от желтого труда к русскому. С 1901 г. покупка и аренда казенных земельных участков могли осуществляться только русскими подданными. Современники признавали, что строительство КВЖД задержало развитие Дальнего Востока. Российские крестьяне-колонисты либо оседали в Маньчжурии, где проходила железная дорога, либо оставались в Западной

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 614. Л. 67.

⁷² Там же.

и Центральной Сибири. Благодаря этой линии Транссиб вел не к российскому порту — Владивостоку, а к Желтому морю, «интересы огромнейшей и бедствующей российской территории были принесены в жертву китайской провинции»⁷³.

В планах Приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтерберге-ра было «воспретить китайцам и корейцам аренду казенно оборон-ных земель, а остальным, имеющим на это право, сдавать их на осо-бо льготных условиях, но с воспрещением пользоваться “желтыми” рабочими»⁷⁴. В отдельной работе уже рассматривались особенности правительственной политики крестьянского переселения⁷⁵. Напом-ним, что после Русско-японской войны приоритеты изменились, и акцент в целом делался на русском заселении края.

В 1914 г. Приамурский генерал-губернатор издал обязательное постановление, запрещавшее владельцам приисков нанимать безби-летных (т. е. не обладавших разрешением на работу) китайцев и ко-рейцев. Предприниматели были обязаны сами вести учет количе-ства иностранных рабочих (и даже наделять каждого особым отли-чительным знаком). В случае обнаружения безбилетных рабочих на владельца прииска ложилась материальная ответственность по их высылке за пределы России, налагался штраф в размере 3 тыс. руб. или назначалось заключение сроком до трех месяцев⁷⁶.

Китайские переселенцы сыграли существенную роль в истории освоения Дальнего Востока России. На начальном этапе его эконо-мическое развитие было невозможным без участия китайского тру-да, и часто обедневшие переселенцы из европейской части России становились зажиточными людьми благодаря дешевому труду ки-тайцев. И. С. Левитов писал: «Вы не найдете на Дальнем Востоке той страшной нищеты, которую мы видим в Европейской России»⁷⁷.

После начала Первой мировой китайцы продолжали играть важную роль в освоении края. К середине 1915 г. в связи с необходи-

⁷³ Дятлова А. К. Внешняя политика Российской империи на Дальнем Вос-токе на рубеже XIX–XX вв. в работах Стивена Маркса // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитар-ные науки. 2012. № 27. С. 611.

⁷⁴ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 44. Л. 26–26 об.

⁷⁵ Янченко Д. Г., Слободзян Г. М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1909–1911 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 93–106.

⁷⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 67. Д. 966. Л. 129.

⁷⁷ Левитов И. С. Желтая Россия. С. 24.

мостью милитаризации экономики страны российское правительство вновь столкнулось с острой необходимостью притока дешевого китайского и корейского труда, в первую очередь для работ на железодобывающих и каменноугольных предприятиях. Массовая вербовка китайских рабочих для нужд российской экономики военных лет развернулась по всему Китаю — от Маньчжурии до Шанхая и даже Синьцзяна⁷⁸. О масштабах привлечения китайской рабочей силы свидетельствует то, что руководство предприятий не только использовало китайский труд, но и закупало в Китае привычную для китайцев одежду и даже продукты питания, что было довольно выгодно⁷⁹.

Вступление России в Первую мировую войну продемонстрировало ущербность русской военной доктрины, во многом определявшейся убеждением в отсутствии прямой зависимости боеспособности армии от экономического потенциала страны. В первые месяцы войны правительство не провело ни одного серьезного начинания в области милитаризации экономики. Не случайно, что при оценке организационных действий власти в 1914 г. в кругах буржуазии использовалось понятие «потерянный год»⁸⁰. К тому же проводившиеся мобилизации привели к сокращению количества рабочих рук на производстве, закрытию ряда промышленных предприятий.

Однако оценить масштабы надвигавшейся катастрофы российские власти смогли далеко не сразу. Только в середине 1915 г. были предприняты шаги, направленные на милитаризацию промышленности: Военное министерство подготовило «Правила об объявлении промышленных предприятий, изготовляющих предметы государственной обороны, на особом положении» и «Правила об оставлении в предприятиях, изготовляющих предметы государственной обороны, военнообязанных рабочих и служащих с зачетом времени пребывания на работах в действительную военную службу». Одновременно с этим 27 июня 1915 г. Особое совещание по обороне государства приняло решение: «Просить министра торговли

⁷⁸ См. об этом: *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. С. 64.

⁷⁹ См. подробнее: *Петров А. И.* История китайцев в России. С. 610–611.

⁸⁰ См. об этом: *Китанина Т. М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика: в 2 ч. Ч. 1: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 — середина 1916 г. СПб., 2003. С. 57, 63.

и промышленности по соглашению с управляющим министерством внутренних дел безотлагательно выработать правила обеспечения шахт и рудников рабочими и немедленно провести их в жизнь»⁸¹.

Решение Особого совещания было доведено до сведения главы правительства И. Л. Горемыкина, по распоряжению которого вопрос вынесли «на усмотрение Совета министров»⁸². Результатом проведенной подготовительной работы стал документ от 31 августа 1915 г., адресованный «Губернаторам, Градоначальникам и начальникам областей» за подписью управляющего МВД князя Н. Б. Щербатова. В нем указывалось на отсутствие необходимого количества рабочих «на железодобывающих <...> и каменноугольных предприятиях». Одновременно признавалось «неотложно необходимым», помимо широкого использования труда военнопленных, привлечение к работам и «представителей желтой расы (китайцев и корейцев)»⁸³.

Несмотря на то что вопросы китайской трудовой миграции рассматривались в работах ряда современных исследователей⁸⁴, в полной мере они не раскрыты. Известно, что у политики организованного ввоза в Россию китайских рабочих было немало противников. Так, департамент полиции опасался наплыва в страну германских шпионов. Министерство внутренних дел (в лице нового министра А. Н. Хвостова) видело проблему в области конкурентности труда, полагая, что вернувшиеся к станкам после окончания войны русские рабочие застанут на своих рабочих местах «желтолицых», а их засилье на рынке труда приведет не только к экономическим, но и к политическим потрясениям. Решительным противником организованного ввоза китайцев в Россию был Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти⁸⁵.

⁸¹ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. / под ред. А. П. Корелина, А. С. Грузинова. Т. 1. М., 2013. С. 537, 109.

⁸² Подробнее о взаимодействии Особого совещания по обороне с органами государственной власти и чрезвычайными органами военно-экономической мобилизации см.: *Алексеев Т. В.* Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2015. С. 461–464.

⁸³ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 1.

⁸⁴ См., напр.: *Дацышен В. Г.* Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории // *Проблемы Дальнего Востока*. 2008. № 5. С. 99–104.

⁸⁵ См. об этом: *Петров А. И.* История китайцев в России. С. 576–577.

Исследователи, анализирувавшие историю китайской общины в России и интенсивность потока иммигрантов из Китая, не имеют единого мнения относительно общего количества китайцев в России накануне Первой мировой войны — приводимые ими данные колеблются в диапазоне от 100 до 700 тыс. чел. Наиболее известные авторы полагают, что численность китайского населения на российском Дальнем Востоке в тот момент не превышала 200–250 тыс. чел.⁸⁶ Однако в 1915 г., принимая решение о применении в России труда китайских рабочих, власти исходили из необходимости завоза рабочей силы с территории Китая. Поскольку Совет министров указал на то, что при существующих «паспортных стеснениях» данная мера результатов не даст, руководство МВД и МИД признало необходимым «временно, до особого распоряжения» допустить беспрепятственный проезд в пределы империи тех китайских подданных, которые приглашались на работы на российских металлургических и каменноугольных предприятиях. Паспортные льготы для китайских и корейских рабочих предусматривались постановлениями Совета министров от 30 июля и 3 ноября 1915 г.⁸⁷

Предполагалось, что прибывавшие в Россию по КВЖД китайские рабочие будут предъявлять свои национальные паспорта, снабженные визой российских консульств. В визе должны были быть указаны имя и фамилия лица, отправляющегося в Россию, возраст, подданство, а также сведения о том, на какой завод или рудник данный рабочий приглашен. Все прочие паспортные формальности, ограничивавшие проезд китайцев в Россию и их пребывание в стране, считались «необязательными». Установленные для китайских рабочих паспортные льготы предусматривались только «партиям желтых, имеющим во главе ответственное лицо»⁸⁸. В пограничном пункте вместо национальных паспортов, подлежащих изъятию и пересылке на место работ, старосте партии выдавалось одно «проходное свидетельство» с перечислением в нем всех входящих в состав партии⁸⁹.

Однако в ряде случаев такое положение вещей позволяло даотаю (главе местной китайской администрации) препятствовать въезду в Россию китайских рабочих. Делалось это с целью корректировки

⁸⁶ См. подробнее: *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России... С. 8–26.

⁸⁷ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 4 об.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. Л. 5.

контрактов и недопущения привлечения китайцев к оборонным работам. В конечном счете российское правительство разрешило китайцам пересечение границы без паспортов по свидетельствам, выдававшимся «местными российскими консульствами». Правда, это решение было принято с запозданием и опубликовано лишь в начале 1917 г.⁹⁰

Вербовку рабочих на территории Китая организовали уже в 1915 г. Занимались этим как специальные посреднические компании, так и отдельные агенты. Китайская сторона настаивала на том, чтобы наем проводили именно коммерческие или консульские агенты — опытные чиновники со знанием русского языка, имеющие возможность вносить в заключавшиеся контракты статьи, способные защитить интересы китайских рабочих. По некоторым данным, только в течение 1915 г. были завербованы и уехали в Россию через Харбин 7212 чел.⁹¹ Стремясь придать процессу более организованный характер, Совет министров 15 января 1916 г. вновь обратился к вопросу о применении в России труда китайских рабочих⁹². 4 февраля 1916 г. министру земледелия А. Н. Наумову было предоставлено право образовать при вверенном ему министерстве Особое совещание из представителей заинтересованных ведомств «для соображения вопроса об условии применения в Империи труда рабочих желтой расы»⁹³. Вскоре после этого в Особом журнале Совета министров от 15 марта 1916 г. появляется указание на то, что труд китайцев допускается также и на сельскохозяйственных работах. Тогда же была очерчена география трудовой деятельности китайцев: «...на востоке — начиная от района озера Байкал к западу и на запад — от правого берега Волги к востоку, с изъятием из этого района двадцатипятиверстной полосы по обе стороны Сибирской магистрали и Троицкой дороги»⁹⁴. В отдельных случаях допускалось присутствие китайцев и вне указанного района. Жизнь продемонстрировала надуманность этого проекта. Ограничения в географии

⁹⁰ Собрание Указаний и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917. 11 февр. Отд. 1. Ст. 3, 10.

⁹¹ Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. С. 66–67.

⁹² Алексеев Т. В. Особое совещание по обороне государства... С. 462.

⁹³ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 3.

⁹⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1916 год / отв. сост. Б. Д. Гальперина. М., 2008. С. 119–120.

труда, которые предполагалось установить для китайских рабочих, в складывавшихся условиях не могли быть осуществлены.

Приступив к реализации намеченных планов, междудомственное совещание при Министерстве земледелия в начале мая 1916 г. подготовило для рассмотрения в Совете министров проект документа «Об условиях применения в Империи труда рабочих желтой расы...», в котором говорилось о необходимости командировать на юг Маньчжурии специальных агентов для найма рабочих. Согласно проекту, агенты должны были сопровождать «поезда с желтыми» не только до российской границы, но и до места работы. Поскольку план предусматривал выделение «на организацию этого мероприятия» 50 тыс. руб. в качестве «первоначальных расходов», 24 мая 1916 г. вопрос рассматривался в Министерстве финансов. По мнению министра земледелия, эти средства следовало отпустить в распоряжение Приамурского генерал-губернатора⁹⁵.

Нехватка рабочих рук в экономике страны вызвала к жизни еще несколько структур, призванных смягчить нараставший кризис. На основании предложения военного министра Д. С. Шуваева и последовавшего решения Особого совещания по обороне государства от 1 июня 1916 г. была образована специальная комиссия, целью которой стала предварительная разработка всех вопросов и мероприятий, связанных с обеспечением обслуживающих государственную оборону предприятий рабочей силой⁹⁶. Председателем комиссии был назначен человек крайне правых политических взглядов, член Государственного совета А. С. Стишинский⁹⁷, возглавлявший одновременно и Особый комитет по борьбе с немецким засильем⁹⁸. Комиссия, первое заседание которой состоялось 2 сентября 1916 г., не только рассматривала вопросы о возвращении из действующей армии квалифицированных рабочих, порядок отсрочек от военной службы, но и разрабатывала правила об изменении в империи труда иностранцев⁹⁹.

⁹⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 48 об.

⁹⁶ Журналы Особого совещания... Т. 2. С. 299.

⁹⁷ См. об этом: *Алексеев Т. В.* Особое совещание по обороне государства... С. 228.

⁹⁸ См. об этом: *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 56.

⁹⁹ Журналы Особого совещания... Т. 3. С. 785.

Проблема «скудости наличных рабочих рук», необходимых для обеспечения полевых работ 1917 г., обсуждалась 14 июня 1916 г. в Совете министров по инициативе товарища министра земледелия А. А. Риттиха. На заседании говорилось о «выписке значительно более крупных партий желтых и срочной доставки их, во что бы то ни стало, в Европейскую Россию»¹⁰⁰. Результатом обсуждения стало решение правительства «образовать при министерстве земледелия <...> особое межуведомственное совещание для предварительного соображения вопроса об объединении действий отдельных организаций по вывозу в Империю рабочих-китайцев»¹⁰¹.

За первую половину 1916 г. (январь — август) через Харбин было вывезено в Россию 40 928 китайцев (почти в шесть раз больше, чем за весь 1915 г.): 15 898 чел. — для нужд Полевого строительного управления; 7754 — для Мурманской железной дороги; 1821 — для Северной железной дороги; 15 455 — для прочих учреждений (железных дорог и заводов)¹⁰².

К тому моменту в правительственных кругах созрело понимание, что задачу доставки большого количества китайских рабочих в европейскую часть России не сможет решить ни одна из существующих организаций, включая бюро, созданное при Приамурском генерал-губернаторе. В письме председателю Совета министров Б. В. Штюмеру от 1 июня 1916 г. министр финансов П. Л. Барк высказал мысль об объединении усилий всех организаций по найму китайцев и их транспортировке в руках одного учреждения. Он предложил возложить эти функции на управление КВЖД, пользующееся «как административной властью в полосе отчуждения, так и правом непосредственных сношений с местными китайскими властями, а также обладающее соответствующими органами, связями и долголетним опытом в пользовании китайскими рабочими»¹⁰³.

Действительно, к началу Первой мировой войны КВЖД представляла собой сложный механизм. С момента постройки дороги на рубеже XIX–XX вв. Россия фактически осуществляла независимое администрирование полосы отчуждения, включавшей наиболее освоенную часть Северной Маньчжурии. Официальные данные отчета по эксплуатации КВЖД за 1915–1918 гг., фиксировали ее про-

¹⁰⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 225.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. Д. 831. Л. 8, 12.

¹⁰³ Там же. Д. 829. Л. 79.

тяженность. В то время она составляла 1618 верст «главных путей» и около 500 верст «станционных». Впечатляло и число служащих дороги: оно колебалось от 10 737 чел. в 1915 г. до 11 630 чел. в 1917 г. С учетом количества рабочих, занятых на КВЖД, дорогу обслуживали свыше 20 тыс. чел.¹⁰⁴ 21 июля 1916 г. в Министерстве земледелия состоялось междуведомственное совещание, в ходе которого обсуждались вопросы о дальнейшей организации найма и перевозки по КВЖД рабочих-китайцев. Совещание, на котором председательствовал А. А. Риттих, приняло решение возложить общую организацию найма китайских рабочих для нужд правительственных и общественных учреждений, а также частных предприятий на управление КВЖД¹⁰⁵.

Управление КВЖД брало на себя обязательства оказывать содействие найму в тех случаях, когда учреждения, предприятия или частное лицо нанимали рабочих партиями не менее 1 тыс. чел. на срок от полугода и более. Причем желающие нанять китайских рабочих обязывались направлять в Харбин своих уполномоченных, снабженных соответствующими доверенностями, дающими основания выяснять условия найма, подписывать договоры и вносить надлежащие денежные суммы в управление дороги. Управление КВЖД и само готово было осуществлять наем и отправку китайских рабочих предприятиям или учреждениям на территории России. Правда, тем следовало заранее перевести в распоряжение управления КВЖД необходимые суммы (за провоз до пункта назначения и питание в пути), а также взять на себя обязательства принять отправленных рабочих на условиях, установленных управлением дороги¹⁰⁶. Одновременно руководители управления КВЖД полагали, что они должны осуществлять лишь посредническую роль в деле найма рабочих. Непосредственно же «заботы и операции, связанные с наймом и отправкой выписываемых рабочих» предполагалось сохранить в ведении отдельных лиц, командированных в Маньчжурию и Китай заинтересованными учреждениями и организациями¹⁰⁷.

В Особом журнале Совета министров от 5 августа и 6 сентября 1916 г. сформулированы правила найма и перевозки рабочих желтой расы: вводился новый порядок вербовки рабочих, определялись

¹⁰⁴ Там же. Оп. 10. Д. 170. Л. 32 об., 284 об.

¹⁰⁵ Там же. Оп. 1. Д. 829. Л. 212.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же. Л. 102.

условия их транспортировки по железной дороге, водным транспортом и грунтовыми путями. Согласно высочайше утвержденным 27 сентября 1916 г. правилам (вместо правил от 4 апреля 1916 г.), «надзор и наем китайских рабочих» были поручены КВЖД, а все возникающие вопросы должны были решаться в образованном для этого при КВЖД Межведомственном совещании¹⁰⁸. В его состав входили представители КВЖД, Военного министерства, Министерства земледелия, МВД, МПС, Министерства торговли и промышленности, Министерства финансов, Госконтроля. Первое заседание нового Межведомственного совещания состоялось 12 октября 1916 г. и признало необходимым отпустить в распоряжение Переселенческого управления до конца 1916 г. «авансом под отчет» 61 500 руб. на расходы по перевозке китайцев¹⁰⁹.

Раньше других вербовку рабочих на Северо-Востоке Китая начало Полевое строительное управление (далее — ПСУ). Его руководители, не стесняясь, признавали, что являются «пионерами в использовании труда желтых в больших массах на фронтовых работах»¹¹⁰. Приступив к найму китайцев в апреле 1916 г., чиновники ПСУ избрали посредником китайскую фирму «И-чен-гун-сы». Первые партии из 20 тыс. китайцев, завербованных ПСУ, направились в Россию 22 июня 1916 г.¹¹¹ Там они нередко использовались в проведении инженерно-строительных работ на театре военных действий. Так, партия китайцев в количестве 700 чел. до сентября 1916 г. работала на Кулундинской дороге, а затем находилась в расположении 13-й Инженерно-строительной дружины, где занималась «укреплением позиций фронта» (Юго-Западный фронт)¹¹².

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 830. Л. 281–284; Д. 838. Л. 67–68. — Высочайше утвержденные Правила о найме от 27 сентября 1916 г. были опубликованы в «Правительственном вестнике» 12 октября и в «Собрании Узаконений и распоряжений правительства» 8 ноября 1916 г.

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 830. Л. 308–308 об., 366–375; Д. 831. Л. 134 об.–140.

¹¹⁰ Там же. Л. 152.

¹¹¹ Там же. Д. 831. Л. 152 об. — Фактически на врачебно-санитарных пунктах в Харбине и Куанченцзы из 20 тыс. китайцев 3 тыс. были отделены от общей массы по медицинским показаниям. Таким образом, в Россию отправились 17 тыс. чел., завербованных ПСУ. В пути следования были сняты с поездов 385 чел. «заразных больных», из которых 130 чел. выздоровели и впоследствии прибыли к месту работ. — Там же. Л. 153 об.

¹¹² Там же. Д. 838. Л. 68.

К отправке в Россию управление КВЖД принимало только тех китайцев (партиями не менее 200 чел.), за которых в станционную кассу была внесена стоимость довольствия «по солдатской раскладке»: горячая еда — один раз в день за три дня следования поезда, из расчета 23 коп. в день за обед и по 6 коп. за каждый фунт хлеба (три фунта на человека в день). Отправитель имел возможность вместо внесения платы за хлеб снабжать им рабочих в Харбине «на весь путь до Маньчжурии». К моменту прихода поездов на станции «от 5 часов утра до 11 часов вечера» предписывалось иметь там кипяток для партии перевозимых рабочих¹¹³. Эта задача не представлялась столь простой, как могло показаться на первый взгляд, поскольку на всем протяжении КВЖД насчитывалось свыше 160 станций и временных разъездов¹¹⁴. Приготовление пищи китайскими поварами практиковалось лишь в пределах КВЖД¹¹⁵. Вопросы же питания в пути, равно как и оказание китайцам медицинской помощи, возлагались на нанимателя. Общее количество «выписываемых китайцев», по данным министра финансов П.Л. Барка, сообщенным Б.В. Штюмеру в письме от 1 июня 1916 г., достигало 150 тыс. чел.¹¹⁶

Особое значение в процессе найма и транспортировки в Россию китайских рабочих имел санитарный надзор. Эти вопросы контролировал верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А.П. Ольденбургский, возложив их реальное выполнение в Китае на управление КВЖД. Проведение такого рода работ обусловливалось тем, что с конца XIX в. и до 1910 г. в полосе отчуждения были зафиксированы шесть вспышек чумы. Правда, в тот момент их удалось локализовать, и на самой дороге они не принимали сколько-нибудь угрожающих размеров. Однако осенью 1910 г. ситуация изменилась. По информации врачебно-санитарного отдела управления КВЖД, эпидемия чумы вспыхнула внезапно, «приняв по каким-то неизвестным причинам исключительно легочную форму, и разнеслась по всему Китаю»¹¹⁷. Подтверждением тому стали составленные российскими медиками карты движения эпидемии

¹¹³ Там же. Оп. 2. Д. 289. Л. 171 об.–172.

¹¹⁴ Там же. Оп. 10. Д. 170. Л. 228–238, 271–279.

¹¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 829. Л. 227.

¹¹⁶ Там же. Л. 78 об.

¹¹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 809. Л. 6.

чумы на территории этой страны, графики смертности, а также план чумного пункта в Харбине¹¹⁸.

Поскольку угроза повторения эпидемий сохранялась, а действующих правил (1908 и 1912 гг.) для предупреждения распространения холеры и чумы по железной дороге оказалось явно недостаточно, постоянная санитарно-эпидемиологическая организация врачебной службы КВЖД предприняла ряд дополнительных мер для предотвращения и локализации заразных болезней. 8 мая 1914 г. при центральной больнице Харбина прошло совещание железнодорожных врачей, в ходе которого была озвучена «примерная программа» организации на КВЖД медико-эпидемиологической и медико-санитарной работы¹¹⁹. 16 июня 1914 г. главный врач врачебно-санитарной части Ф. А. Ясенский представил план действий, предусматривавший организацию соответствующих больниц и лабораторий в Харбине, на станциях Маньчжурия, Хайлар, Куанченцзы, а также увеличение численности медицинского персонала по линии КВЖД.

Так, для больницы в Харбине предлагалось иметь штат медицинского персонала, состоящий из 3 фельдшеров, 12 сестер милосердия и 15 сиделок¹²⁰. Судя по отчету врачебно-санитарной части КВЖД, к концу 1918 г. на дороге работали 33 врача (14 участковых и 19 больничных), 6 провизоров и их помощников, 32 участковых фельдшера, 51 больничный фельдшер, 1 дезинфектор, 23 фельдшерницы-акушерки, 241 человек «остального персонала». Одновременно с этим на линии дороги действовали 7 дезинфекционных камер — 2 «подвижные» и 5 «неподвижных», имелись 22 санитарных вагона¹²¹.

Подготовительные мероприятия медицинского характера, конечно, не могли полностью предотвратить вспышки заразных болезней, которые регулярно фиксировались врачебно-санитарным отделом управления КВЖД в 1914–1917 гг.¹²², тем более что создание в Харбине санитарно-наблюдательного пункта затянулось. Отчасти это было связано с тем, что первоначально прием китайцев планировалось осуществлять на пограничной станции Маньчжурия. Еще 30 апреля 1916 г. Б. В. Штюмер «весьма срочно» сообщал П. Л. Барку

¹¹⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 6. Д. 810. Л. 57–62.

¹¹⁹ Там же. Д. 809. Л. 35–38.

¹²⁰ Там же. Л. 8 об.

¹²¹ Там же. Оп. 10. Д. 170. Л. 284 об.

¹²² Там же. Оп. 6. Д. 809. Л. 6.

о предстоящем прибытии (с 1 мая по 1 августа) в Россию именно через эту станцию до 20 тыс. китайских рабочих. Он указывал на необходимость создания при станции врачебного пункта для осмотра прибывающих и «дезинфекции их платья и багажа, в предупреждении занесения в пределы России заразных заболеваний»¹²³. Согласно утверждению Иркутского генерал-губернатора, в данном направлении уже были «сделаны и произведены некоторые затраты»¹²⁴.

В ответном письме П. Л. Барка от 3 мая 1916 г. не только содержалось указание на сложности при транспортировке китайских рабочих, но и говорилось о «бытовых особенностях китайского простого люда», без которых китаец «не может существовать на чужбине». Наряду с лирическими сентенциями в письме содержались и реальные указания на перегруженность железных дорог, а также на опасность «заноса выписываемыми из Китая рабочими в пределы России эпидемических заболеваний»¹²⁵. П. Л. Барк признавал целесообразным установить пропуск направляющихся в Европейскую Россию китайцев не через станцию Маньчжурия, а через Харбин: «[В случае возникновения эпидемических заболеваний это позволило бы] предотвратить целый ряд нежелательных явлений, могущих отразиться на правильности железнодорожного движения по нашему дальневосточному рельсовому пути, имеющему ныне особо важное государственное значение»¹²⁶. В итоге Б. В. Штюмер согласился с доводами П. Л. Барка и просил того «сделать зависящие распоряжения об устройстве на станции Харбин врачебно-пропускного пункта, через который должны быть направлены в пределы России партии китайских рабочих, с применением к ним в этом пункте всех необходимых санитарных мер»¹²⁷. Однако реализовать их в Харбине только силами «железнодорожных врачей», как предполагало сделать в апреле 1916 г. правление Общества КВЖД¹²⁸, в тот момент было уже невозможно¹²⁹.

¹²³ Там же. Оп. 1. Д. 829. Л. 23.

¹²⁴ Там же. Л. 40а.

¹²⁵ Там же. Л. 22 об.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же. Л. 40а–40а об.

¹²⁸ Там же. Л. 10.

¹²⁹ В РГИА сохранились материалы, отражающие процесс создания сети больниц и приемных покоев на линии КВЖД, в том числе альбомы планов больниц и приемных покоев дороги, холерных пунктов и т. д. (РГИА. Ф. 350. Оп. 16. Д. 1463–1547).

После того как стало ясно, что наем и транспортировка китайских рабочих для нужд российской экономики будут возложены на управление КВЖД, руководство дороги предприняло соответствующие действия организационного характера. 10 мая 1916 г. генерал Д. Л. Хорват направил телеграмму в Петроград, в которой содержалась просьба о кредите на устройство и содержание санитарно-наблюдательного пункта в Харбине. Генерал полагал, что «китайцы будут прибывать главным образом с юга Китая большими партиями общим числом до полутора ста тысяч, и движение рабочих продлится, возможно, целый год и по окончании войны». Исходя из этих соображений, Д. Л. Хорват сообщал о том, что санитарный пункт в Харбине должен быть рассчитан на одновременное пребывание в нем до 3 тыс. чел., которых «необходимо кормить и давать им ночлег»¹³⁰. Одновременно Д. Л. Хорват предложил на станции Куанченцзы (г. Чанчунь, провинция Гирин), откуда в Харбин прибывала значительная часть китайцев для нужд ПСУ, организовать предварительный осмотр всех рабочих. За их содержание в товарных вагонах генерал планировал взыскивать со строительного управления по 60 коп. за вагон в сутки. Правление Общества КВЖД в Петрограде высказало сомнение в успехе подобного «бизнес-плана», резонно усомнившись в том, что ПСУ будет согласно на подобные расходы¹³¹ (табл. 1).

Указанные генералом Д. Л. Хорватом суммы не были окончательными. Кроме единовременного расхода в 49,5 тыс. руб., в случае продолжения перевозки китайцев зимой возникала необходимость отопления пакгаузов, на что требовалось дополнительно 35 тыс. руб. в год. Еще 7 тыс. руб. ежемесячно (84 тыс. руб. в год) должно было пойти на оплату работ медицинского персонала, служащих пункта, расходов по ассенизации и т. д.¹³² Д. Л. Хорват был убежден в том, что все эти расходы следовало отнести «за счет военного фонда, как меры, вызванной войною»¹³³. Наступление летнего сезона требо-

¹³⁰ РГИА. Ф. 323 Оп. 1. Д. 829. Л. 32.

¹³¹ Там же. Л. 73–74.

¹³² Коллекция планов и чертежей КВЖД содержит варианты и типы каменных колодцев, платформ, складов, пакгаузов, бань, обогревательных печей, будок для кипятка и кипячения воды и т. д. (РГИА. Ф. 350. Оп. 16. Д. 1017–1268, 1276–1324 и др.).

¹³³ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 35. — Подробнее об ассигнованиях за счет военного фонда см.: *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 264–271, 596–600.

Таблица 1. Расходы по организации в Харбине санитарно-наблюдательного пункта (представлены генералом Д. Л. Хорватом 10 мая 1916 г.)

Тип работ	Сумма, руб.
Водоснабжение	4000
Бани	15 000
Околодок временного типа	4000
Помещение для служащих	7000
Устройство кухонь, помойных ям, отхожих мест	5800
Устройство нар в пакгаузах (420 кв. сажень)	4200
Обнесение пункта забором (500 погонных сажень)	5000
Установка освещения пункта и пакгауза фонарями	4500
Всего	49 500

Источник: РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 34–38.

вало ускоренного решения вопроса, и уже 18 мая 1916 г. П. Л. Барк информировал Б. В. Штюрмера о том, что управляющему КВЖД «предложено по телеграфу немедленно приступить к оборудованию в Харбине санитарно-пропускного пункта для следующих в Европейскую Россию рабочих[-]китайцев»¹³⁴. Сделать это надлежало, «не ожидая отпуска средств из военного фонда, за счет кассовой наличности КВЖД»¹³⁵. Аналогичное решение было принято и на заседании правления Общества КВЖД 24 мая 1916 г.¹³⁶

Вскоре в управление дороги из канцелярии военного министра пришло сообщение «об ассигновании за счет чрезвычайного кредита <...> 126 500 руб. на устройство и содержание учреждаемого в г. Харбине по повелению Верховного начальника санитарной и эвакуационной части санитарно-наблюдательного пункта для перевозимых в Россию китайских рабочих»¹³⁷. Кредит представлялся в непосредственное распоряжение управляющего КВЖД:

¹³⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 44.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. Л. 60.

¹³⁷ Там же. Л. 49.

на устройство и оборудование пункта — 49,5 тыс. руб., на его зимнее переустройство — 35 тыс. руб. и на содержание пункта в течение шести месяцев — 42 тыс. руб.¹³⁸ 22 июня 1916 г. генерал Д. Л. Хорват докладывал в правление общества КВЖД о том, что 18 июня санитарно-наблюдательный пункт в Харбине, устроенный в приспособленных для этого пакгаузах, начал функционировать¹³⁹. Поскольку верховный начальник санитарной и эвакуационной части принц А. П. Ольденбургский проявлял неподдельное внимание к процессу транспортировки китайцев в Россию, Д. Л. Хорват 22 июля 1916 г. послал в правление общества КВЖД письмо с просьбой: «...представить Его Императорскому Высочеству прилагаемый при сем альбом фотографий с кратким описанием пункта»¹⁴⁰.

Однако до нормализации санитарного дела на линии КВЖД было далеко. В телеграмме из Харбина, полученной в правлении общества КВЖД 5 июля 1916 г., сообщалось, что с 20 июня по 2 июля на Интендантском разъезде было осмотрено 5503 рабочих китайца, из которых 312 чел. оказались «с различными заразными болезнями»¹⁴¹. Возникла необходимость создания изоляционных пунктов не только в Харбине, но и на станции Маньчжурия. Одновременно с этим «для предотвращения острожелудочных заболеваний» А. П. Ольденбургский отдал распоряжение о ежедневном приготовлении горячей пищи «кашеварами из желтых рабочих по их вкусу»¹⁴². Тогда же он признал нежелательной «выдачу кормовых денег» китайцам, отмечая случаи злоупотреблений в этой сфере, «когда вместо нормы кормовых денег выдавали желтым всего 8 коп. в сутки»¹⁴³.

Поскольку на Харбинском пункте летом 1916 г. неоднократно обнаруживались больные сыпным тифом, что приводило к изоляции партий китайских рабочих численностью в несколько сотен человек¹⁴⁴, А. П. Ольденбургский потребовал «делать желтым прививки»¹⁴⁵. Еще в марте 1916 г. он утвердил «Правила для предупреждения разноса заразных заболеваний» и «Таблицу сроков вы-

¹³⁸ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 49.

¹³⁹ Там же. Л. 126.

¹⁴⁰ Там же. Л. 219.

¹⁴¹ Там же. Л. 142.

¹⁴² Там же. Л. 156.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же. Л. 170, 194 и др.

¹⁴⁵ Там же. Л. 166.

держки подозрительных по заразе и заразных лиц»¹⁴⁶. Этими документами следовало руководствоваться при обнаружении больных.

Однако реализация данных мер была связана с большими трудностями. Выяснилось, что в Харбине провести вакцинацию китайских рабочих (противохолерную, противотифозную и противооспенную) невозможно. Объяснялось это несколькими обстоятельствами. Во-первых, местное население было знакомо только «с противооспенной прививкой», наотрез отказываясь от других прививок. Во-вторых, в Харбине в тот момент просто не было вакцины. Наконец, по оценке врачей, три прививки заставили бы держать китайских рабочих на санитарном пункте «три недели и даже больше»¹⁴⁷. Начальник службы эксплуатации КВЖД инженер А. К. Гинце был более категоричен: «...если последует повеление производить прививку и карантинирование в Харбине, то осуществление этой меры <...> может независимо от необходимости сооружения большого количества специальных помещений вызвать полное прекращение найма и прекращение отправки рабочих в Россию»¹⁴⁸.

Ряд организаторов транспортировки китайцев в Россию предлагали проводить вакцинацию «по прибытии китайцев к месту работ и, во всяком случае, по ту сторону Урала, где они волей-неволей должны будут подчиниться требованиям врачей на прививки»¹⁴⁹. Были сторонники и того, чтобы осуществлять прививку китайцев в местах найма, т.е. в местах формирования рабочей партии. Прививка при этом становилась обязательным условием для поездки в Россию¹⁵⁰.

Формально порядок проведения прививок определялся соглашением управления КВЖД с Иркутским генерал-губернатором и утверждался верховным начальником санитарной и эвакуационной части¹⁵¹. Однако, несмотря на понимание всеми заинтересованными лицами важности вакцинации, по большому счету эта проблема так и не была решена. Иркутский санитарный инспектор в конце июля 1916 г. телеграфировал в Правление КВЖД, сообщая, что он «не информирован о том, делаются ли китайцам прививки

¹⁴⁶ Там же. Д. 830. Л. 133–135.

¹⁴⁷ Там же. Д. 829. Л. 166–166 об.

¹⁴⁸ Там же. Л. 237.

¹⁴⁹ Там же. Л. 169.

¹⁵⁰ Там же. Л. 237.

¹⁵¹ Там же. Л. 215.

против оспы, тифа и холеры и в каких пунктах»¹⁵². Ему вторил заведующий передвижением переселенцев Восточного района, сообщая, что китайцы «не согласятся на прививки, а тем более стрижку»¹⁵³. Одновременно руководители Полевого строительного управления, завербовавшие большую партию китайцев, сообщали в управление КВЖД, что всем рабочим, прибывшим в Россию, «в распределительных пунктах была сделана прививка — оспа, холера и тиф»¹⁵⁴.

Отправка китайцев в Россию осуществлялась целыми поездами. Первоначально предполагалось включать в состав поезда восемь вагонов для перевозки людей и два вагона для клади. Планировалось, что кладь китайцев составит «не более двух пудов на человека»¹⁵⁵. Однако уже 16 мая 1916 г. А. К. Гинце сообщал в Петроград телеграммой: «Требования на отправку рабочих в Россию так значительны, что если перевозку их совершать порядком, установленным управлением железной дороги, т.е. девять вагонов с людьми и один с их кладью, то перевозка рабочих затянется на такое продолжительное время, что большая часть их не прибудут на место к нужному времени»¹⁵⁶. В качестве выхода из положения А. К. Гинце предлагал формировать составы «по весу 35 тыс. пудов». При существующем весе состава около 13 тыс. пудов это давало возможность включить в состав еще 13–15 «нормальных груженых единиц»¹⁵⁷.

За перемещениями китайцев по линии КВЖД стояла огромная организационная работа. Немало споров вызывал даже вопрос о количестве китайских рабочих, перевозимых в одном вагоне. Так, в телеграмме управляющего КВЖД от 22 мая 1916 г., посланной в Правление дороги (в Петроград), сообщалось, что назначенный администрацией Забайкальской области для наблюдения на станции Маньчжурия за санитарной частью перевозки китайских рабочих заведующий Читинской бактериологической лабораторией врач Дудченко требовал размещения рабочих в приспособленном товарном вагоне не более 25 чел. Воинские чины перевозились в таких вагонах в количестве 32 чел. В местном же сообщении (по линии КВЖД) перевозка китайцев осуществлялась из расчета 40 чел.

¹⁵² РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 236.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. Д. 831. Л. 153 об.

¹⁵⁵ Там же. Д. 829. Л. 28, 31.

¹⁵⁶ Там же. Л. 43.

¹⁵⁷ Там же. Л. 43–43 об.

в одном вагоне¹⁵⁸. Управляющий эксплуатационным отделом железных дорог А.Тухин был вынужден обратиться во врачебную часть управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части, отмечая, что в ходе предварительного обсуждения вопроса признавалось возможным «допустить следование китайцев в вагонах в количестве, превышающем норму, принятую для перевозки европейцев»¹⁵⁹. Настаивая на «посадке китайцев по 40 чел. в вагон»¹⁶⁰, он разъяснял, что при условии выполнения требований врача Дудченко потребуется почти в два раза больше вагонов, а это, в свою очередь, серьезно замедлит перевозку рабочих. Его позицию поддержало и руководство Общества КВЖД, направив 4 июня 1916 г. телеграммы в Харбин, Иркутск, Томск, Омск, Пермь и Москву: «Китайские рабочие должны перевозиться по 40 чел. в вагоне»¹⁶¹.

Однако уже 5 июля 1916 г. из Харбина в Правление общества КВЖД поступила новая телеграмма. В ней содержалась просьба: «[...разрешить] вместо 40 желтых помещать в вагон 32 чел. из расчета 8 чел. на нару, так как в настоящее жаркое время помещение 40 чел. вызывает невыносимую духоту в вагоне и грозит возникновением заболеваемости»¹⁶² (табл. 2).

Таблица 2. Состав поездов на линии КВЖД в 1915–1918 гг.

Год	Среднее число вагонов в поезде		Среднее число поездов в сутки «во всю длину дороги»
	товарных	пассажирских	
1915	11,33	7,19	14
1916	7,50	8,04	16
1917	5,36	9,09	13
1918	8,24	6,77	9

Источник: РГИА. Ф. 323. Оп. 10. Д. 170. Л. 10 об.–11 об., 42.

¹⁵⁸ Там же. Л. 46, 63, 80.

¹⁵⁹ Там же. Л. 67.

¹⁶⁰ Там же. Л. 77.

¹⁶¹ Там же. Л. 92.

¹⁶² Там же. Л. 174.

Значительная часть китайских рабочих, отправлявшихся в Россию, была задействована в процессе строительства железных дорог. Так, в мае 1916 г. руководство КВЖД получило телеграмму от главного инженера Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги, содержащую просьбу «оказать содействие в найме китайских рабочих». В Харбин с рекомендательным письмом за подписью товарища председателя правления КВЖД А. Н. Вентцеля был командирован техник-строитель Д. Н. Федоров с целью вербовки китайцев, необходимых для срочной постройки железнодорожных линий Петроград — Новгород и Луга — Валдай¹⁶³.

Рабочие-китайцы были задействованы и на строительстве Мурманской железной дороги. В литературе чаще всего фигурируют чрезвычайно «удобные» для использования сведения — «10 тыс. маньчжурских рабочих-землекопов»¹⁶⁴, — причем в ряде случаев они приводятся со ссылкой на архивные материалы¹⁶⁵. Между тем такое круглое число само по себе вызывает вопросы. Его происхождение становится понятным из письма начальника работ по постройке Мурманской железной дороги, направленного 2 мая 1916 г. в адрес товарища председателя правления Общества КВЖД А. Н. Вентцеля.

В документе, в частности, говорилось о необходимости «не позже конца текущего года сомкнуть рельсовый путь от Петрозаводска до Мурмана». Для этого требовалось доставить в район строительства «рабочую армию большой численности». Сформировать ее решили в Маньчжурии: «Строительное управление остановилось на мысли применить к своим работам желтый труд и предпринимает наемку 10 тыс. китайских рабочих»¹⁶⁶. Для доставки из Харбина в Архангельск китайских рабочих в Маньчжурию отправились «особые представители», снабженные специальными удостоверениями. «Начальствующие лица КВЖД» должны были оказывать им «всяческое содействие»¹⁶⁷.

¹⁶³ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 71, 76.

¹⁶⁴ Киселев А. А. «Шанхай» на сопках Мурмана // Полярная правда. 1993. 9 февр.; Голубев А. А. История строительства Мурманской железной дороги (1894–1917 гг.). СПб., 2011. С. 117.

¹⁶⁵ Ярмолич Ф. К. Китайская диаспора на Кольском Севере в 20-е годы XX века: демографические характеристики // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде: сб. статей / ред. колл.: П. В. Федоров, Ю. П. Бардилова, Е. И. Михайлов. Мурманск, 2005. С. 36–42.

¹⁶⁶ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 26–26 об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 29.

В Харбине китайцы снабжались одеждой (каждому выдавалось два костюма, пара носок, обувь, кепка), несколькими полотенцами, посудой и самым главным инструментом — лопатами. Выдача зимней одежды не производилась. Отправка китайцев осуществлялась партиями по 200–300 чел. на маршрутных беспересадочных поездах до Архангельска. Оттуда до места стройки они двигались уже морским путем. По некоторым данным, с 23 мая по 25 июля 1916 г. из Харбина было отправлено для строительства Мурманской железной дороги 9246 чел.¹⁶⁸ По сведениям правления Общества КВЖД, только в июне 1916 г. планировалось перевезти из Харбина в Архангельск без пересадки «до 15 тыс. китайских рабочих в потребности Мурманской дороги»¹⁶⁹. Количество «законтрактованных» китайцев для срочных работ «на дорогах фронта и строящейся Мурманской дороги» в середине 1916 г. представители Эксплуатационного отдела КВЖД оценивали в 40 тыс. чел.¹⁷⁰ Материалы правления КВЖД содержат чуть более скромные данные: с января по июль 1916 г. из Харбина было перевезено для нужд Мурманской железной дороги 7754 рабочих. С августа 1916 г. «харбинский поток» китайцев в Романов-на-Мурмане ослабевает¹⁷¹, что не помешало представителю китайской миссии в Петрограде в меморандуме от 25 марта (7 апреля) 1917 г. заявить: из 12 тыс. китайцев, занятых на постройке Мурманской железной дороги, «несколько тысяч умерло»¹⁷².

Революционные события 1917 г. в России коренным образом изменили политику правительства в отношении китайских рабочих. Серьезно повлияли они и на работу КВЖД. Управляющий дорогой генерал Д. Л. Хорват в своих воспоминаниях указывал на то, что вслед за свержением монархии усилилось дезертирство: «Все поезда были переполнены безбилетными солдатами, которые выбрасывали из вагонов пассажиров, били зеркала, умывальники в уборных

¹⁶⁸ Приводится по: Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск, 2009. С. 159. — В деле, на которое ссылается П. В. Федоров (РГИА. Ф. 417 (Управление по постройке Мурманской железной дороги). Д. 40), сохранились справки 1917 г. о количестве китайских рабочих, нанятых для строительства Мурманской железной дороги.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 829. Л. 31.

¹⁷⁰ Там же. Л. 77.

¹⁷¹ Там же. Д. 831. Л. 8, 207, 254. — Видимо, количество китайцев, в итоге прибывших на Мурман, было еще меньше, так как приводимые данные не учитывают заболевших и снятых с поездов в пути, бежавших и т. д.

¹⁷² Там же. Д. 833. Л. 174 об.

и привели подвижной состав в ужасный вид. <...> Эта лава разнужданных людей, проникшая в полосу отчуждения КВЖД, обеспокоила Китай и местных консулов»¹⁷³. При всей экстраординарности ситуации, сложившейся на КВЖД, отчеты о деятельности дороги свидетельствуют, что далеко не все пассажиры той поры являлись «безбилетными солдатами». В 1915 г. по дороге было перевезено 1 618 204 «платных пассажира», в 1916 г. — 2 077 685, а в 1917 г. — 2 441 271 чел.¹⁷⁴

Временное правительство, «ввиду изменившихся условий жизни русского общества», в июле 1917 г. приняло решение о прекращении ввоза в Россию иностранных рабочих¹⁷⁵. По оценкам современных авторов, к тому времени по железной дороге было ввезено около 160 тыс. китайцев. Китайское министерство иностранных дел, оценивая масштабы миграции, называло цифру около 100 тыс. чел. Немецкие дипломатические круги, явно преувеличивая данные, считали, что российской стороной было завербовано около 500 тыс. рабочих-китайцев¹⁷⁶.

Нам представляется, что все эти цифры существенно завышены. Даже китайская миссия в Петрограде, руководители которой в складывавшихся политических условиях не были склонны преуменьшать или затушевывать проблему, весной 1917 г. заявляла, что число китайцев в Европейской России «доходит до 70–80 тыс. чел.»¹⁷⁷

15 ноября 1916 г. в письме А. Н. Вентцеля, возглавлявшего правление Общества КВЖД с российской стороны, на имя министра финансов П. Л. Барка отмечалось: «В настоящее время уже ввезено в Империю около 50 тыс. рабочих-китайцев»¹⁷⁸. Несмотря на то что междуведомственные совещания, проходившие в конце 1916 — начале 1917 г., принимали решения о вербовке в Китае около 30 тыс. рабочих¹⁷⁹, осуществить эту меру на практике было уже невозмож-

¹⁷³ «У меня на руках было большое русское дело...»: воспоминания из архива генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата (ч. I) / публикация А. В. Луговой // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 202.

¹⁷⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 10. Д. 170. Л. 41 об.

¹⁷⁵ Ларин А. Г. Китайские мигранты в России... С. 69.

¹⁷⁶ Там же. С. 67.

¹⁷⁷ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 833. Л. 174.

¹⁷⁸ Там же. Д. 831. Л. 92 об.

¹⁷⁹ Там же. Д. 830. Л. 450–457 об.; Д. 833. Л. 115, 119.

но. По признанию официальных лиц, осенью 1916 г. пропуск китайцев через основные пропускные пункты в Харбине, Маньчжурии и Куанченцзы «сильно сократился»¹⁸⁰. Видимо, общее количество китайцев, ввезенных в Россию в годы Первой мировой войны, не превышало 70 тыс. чел. Об этом свидетельствуют и данные Правления общества КВЖД¹⁸¹ (табл. 3).

Таблица 3. Железные дороги, предприятия и учреждения на территории России, для которых через Харбин были отправлены китайские рабочие (1 января 1916 г. — 1 сентября 1917 г.)

№ п/п	Наименование предприятия или учреждения	Количество (чел.)
1	Полевое строительное управление	17 053
2	Николаевская железная дорога	116
3	Северные железные дороги	2164
4	Мурманская железная дорога	9133
5	Московско-Виндаво-Рыбинская железная дорога	6358
6	Богословский горный округ	4323
7	Коломенский медный рудник	176
8	Надеждинский завод	422
9	Нижнетагильский завод	177
10	Петромариевские и Варваропольские копи	677
11	Новосильцевское горнопромышленное общество	90
12	Мариупольское металлургическое общество	172
13	Культинская мануфактура	54
14	Туринская фабричная дача Сан-Донато	401
15	Усьвинское лесничество	444

¹⁸⁰ Там же. Д. 831. Л. 72.

¹⁸¹ Известный исследователь проблемы А. И. Петров, определяя численность китайцев в России накануне падения монархии, приводил данные Департамента полиции (2-е делопроизводство). Согласно этим материалам, к середине января 1917 г. в Россию из Харбина были доставлены 50 176 чел. китайских рабочих (Петров А. И. История китайцев в России. С. 199).

Окончание табл. 3

№ п/п	Наименование предприятия или учреждения	Количество (чел.)
16	Кольчугинская железная дорога	68
17	Алапаевские заводы	848
18	Угольные копи князя Абамелек-Лазарева	2046
19	Куратинская джутовая мануфактура	62
20	Всероссийская организация земских и городских строительных партий	6397
21	Черноморская железная дорога	2151
22	Тверь-Городское самоуправление	34
23	Донецко-Грушевское Акционерное общество	118
24	Общество Мальцовских заводов	193
25	Николае-Павдинский горный округ	433
26	Волхово-Рыбинская железная дорога	95
27	Трапезундская железная дорога	66
28	Московско-Казанская железная дорога	435
29	Ярославский автомобильный завод	60
30	Приморская железная дорога	322
31	Южно-Русская каменноугольная промышленность	314
32	Новотолжанский сахарный завод	540
33	Кыштымские горные заводы	178
34	Верх-Исетские горные заводы	712
35	Воронежская городская управа	174
36	Камское акционерное общество	509
37	Иные предприятия и учреждения (перевезено для обслуживания нужд, точно не определенных в донесениях управления КВЖД)	9608
Всего		67 123

Источник: РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 835. Л. 44–45.

В 1917 г. началось возвращение китайцев на родину. В некоторых случаях организации, осуществлявшие их наем, отнеслись к выполнению контракта ответственно. Так, в ноябре 1917 г. правление Общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги осуществило расчет с правлением Общества КВЖД за отправку в Харбин партии китайцев численностью около 2 тыс. чел. Продовольствие для рабочих было передано по особому договору подрядчикам «на все время их следования включительно до Харбина»¹⁸². Однако такая ситуация в тот момент была скорее исключением, нежели правилом. Минимальный контроль со стороны органов власти и управления России и Китая делал положение китайцев исключительно тяжелым. Многие из них были брошены в России на произвол судьбы, не могли получить расчет, бедствовали.

Ситуацию усугубляло и обратное движение по КВЖД. Пользуясь бесплатным или льготным проездом, на восток двинулись не только китайские рабочие, но и русские солдаты, являвшиеся уроженцами Приморья или Западной Сибири, — они ехали за продуктами и товарами во Владивосток и Маньчжурию. «Мои надежды на прекращение движения вооруженных банд по китайской дороге не сбылись», — с горечью констатировал управляющий КВЖД генерал Д. Л. Хорват¹⁸³. Управление КВЖД, на которое была возложена реализация задач по перевозке китайских рабочих, столкнулось с большим количеством проблем (организационных, медицинских, социальных), к решению которых не было готово в полной мере. Вербовка и последующая перевозка в Россию десятков тысяч китайцев имели целью смягчить нараставший в стране кризис рабочей силы. В одночасье забыв о «желтой угрозе», российские власти попытались решить многочисленные проблемы в экономике с помощью дешевых рабочих рук. Однако на практике эта дешевизна дорого обошлась государству. Стоимость транспортировки одного рабочего с Юга Китая в Харбин исчислялась суммой в 45 руб., из «среднего» Китая — 25 руб. (паспорт, перевозка, питание и т. д.). По данным управляющего КВЖД, в октябре 1916 г. единовременные расходы по доставке одного китайца в Россию, не считая комиссионного вознаграждения поставщикам, составляли около 80 руб. При этом комиссионные агентам найма выросли с 5 руб. до 70 руб. «за каждого китайца»¹⁸⁴.

¹⁸² РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 835. Л. 33, 36 об.

¹⁸³ «У меня на руках было большое русское дело...»... С. 202.

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 830. Л. 307–308.

Значительных расходов (не только единовременных, но и текущих) требовало создание врачебно-санитарных пунктов на станциях Харбин, Маньчжурия, Куанченцзы. Дорого обошлось казне формирование и содержание харбинского бюро по найму китайских рабочих (180 тыс. руб.), а также сборного пункта в Харбине (256 тыс. руб.)¹⁸⁵. Дополнительных финансовых вливаний (42 300 руб.) требовала укладка железнодорожных путей на разъезде Интендантском, а также устройство остановочных пунктов на станциях Куанченцзы и Маньчжурия для предварительного осмотра китайцев. Кроме того, в погашении своих расходов «по обслуживанию движения китайских рабочих» в 1916 г. нуждались КВЖД и Переселенческое управление, определив их соответственно суммами в 74 300 руб. и 57 800 руб.¹⁸⁶ Китайские рабочие, оказавшись в России, не ослабили проблем национального хозяйства, которые были порождены Первой мировой войной. Несмотря на то что в 1914–1917 гг. трудовые мигранты «внесли весомый вклад в некоторые отрасли российской экономики»¹⁸⁷, все действия правительства в вопросах использования желтого труда представляли собой паллиатив при решении важнейшей проблемы, связанной с обеспечением экономики страны рабочей силой. Успешное выполнение данной задачи, как показали последующие революционные события, требовало иных, более масштабных преобразований.

4.3. Промысловые ресурсы Дальнего Востока и борьба с браконьерством

К экономическому освоению Дальнего Востока российские власти приступили лишь во второй половине XIX в. Эта далекая окраина империи стала вовлекаться в экономические процессы страны достаточно поздно и требовала, исходя из географической, климатической и иной специфики, выработки особых подходов к развитию края. Одной из этих особенностей была малая плотность русского населения, что стало важным фактором при решении целого ряда

¹⁸⁵ РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 830. Л. 191 об.

¹⁸⁶ Там же. Д. 833. Л. 46–47 об., 151–152. — Представление Переселенческого управления Министерства земледелия «на покрытие произведенных в 1916 г. расходов», внесенное в Совет министров 24 февраля 1917 г., осталось нерассмотренным (Там же. Л. 69).

¹⁸⁷ Петров А. И. История китайцев в России. С. 4.

проблем, как экономических, так и военно-политических, и заставляло правительственные круги постоянно искать пути для укрепления российского присутствия в регионе¹⁸⁸. Вплоть до революционных событий 1917 г. первоочередное внимание здесь обращалось на вопросы, связанные с развитием русской колонизации, золото-промышленности, созданием транспортной инфраструктуры, лесодобычей, земледелием и традиционными для края промыслами — рыбным, китобойным, котиковым и пушным. Однако нехватка в регионе населения создавала большие трудности как для обеспечения местной промышленности, сельского и промыслового хозяйства русскими рабочими руками, заставляя обращаться к более дешевому и доступному желтому труду¹⁸⁹, так и для охраны природных богатств, принадлежавших России, от «хищничества», как тогда называли браконьерство. Борьба с этим злом также имела свою специфику: помимо российских подданных, занимавшихся браконьерством, на Дальнем Востоке в преступную деятельность были широко вовлечены иностранцы (китайцы, японцы, американцы, канадцы и англичане). Как отмечал известный исследователь природных богатств и коренных народов Дальнего Востока Н. В. Слюнин (1850–1926), проблема иностранного «хищничества» являлась вопросом «чрезвычайной важности», но в то же время была для властей «очень щекотливой», поскольку затрагивала международные интересы¹⁹⁰. Отдельные сюжеты из истории иностранного браконьерства в дальневосточных водах и противодействия ему российских властей уже затрагивались в работах отечественных историков, и советских¹⁹¹, и российских¹⁹². Сегодня необходимо обобщить имеющийся

¹⁸⁸ См. об этом: *Ходяков М. В.* Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // *Новейшая история России.* 2018. Т. 8, № 4. С. 880.

¹⁸⁹ РГИА ДВ. Ф. 810. Оп. 1. Д. 361. Л. 2–6 об; *Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г.* Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX–XX вв. // *Вопросы национальных и федеративных отношений.* 2018. Т. 8, № 6 (45). С. 720–733.

¹⁹⁰ *Слюнин Н. В.* Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов: отчет за 1892–1893 гг. (по поручению Министерства государственных имуществ). СПб., 1895. С. 36.

¹⁹¹ *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860–1895). М., 1956; *Григорцевич С. С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965.

¹⁹² *Алепо А. В.* Иностранное экономическое проникновение в Дальневосточный регион в 1905–1913 гг. // *Из истории гражданской войны на Дальнем*

фактический материал по теме и расширить представления о проблеме иностранного браконьерства на Дальнем Востоке России и попытках ее решения в конце XIX — начале XX в. за счет введения в научный оборот новых источников, а также выявить масштаб явления и его влияние на экономику региона.

О значении промысловых ресурсов края для России писал в конце XIX в. Н. В. Слюнин, специально изучавший морскую фауну региона. «Изучение местных богатств края представляет одно из главных условий его экономического развития», — отмечал исследователь в 1895 г.¹⁹³ При этом он вынужден был констатировать: «Ни на Камчатке, ни на Сахалине, ни в окрестностях Владивостока никакого организованного рыбного промысла нет, а есть только несметные рыбные богатства, которые или не эксплуатируются нами, или расхищаются иностранцами»¹⁹⁴. По оценкам Н. В. Слюнина, правильно организованная эксплуатация природных ресурсов Дальнего Востока сулила империи ощутимые выгоды, но для этого необходимо было положить конец варварскому истреблению рыбы и зверя, грозившему исчезновением целых видов. Так, по данным исследователя, с 1888 по 1891 г. на рынок поступило с «хищнических» шхун до 100 тыс. шкур «морских котов» (морских котиков), из которых 70 % составляли шкуры легких для добычи беременных самок (по оценке военного губернатора Приморской области П. Ф. Унтербергера, браконьерский убой на воде менее поворотливых беременных самок тюленя достигал 90 %¹⁹⁵). Учитывая, что часть тюленей были ранены и ушли в море, где позже многие погибли, ущерб, нанесенный природе, следовало оценивать в еще больших

Востоке (1918–1922 гг.): сб. науч. трудов. Вып. 3. Хабаровск, 2002. С. 4–15; Гарусова Л. Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2001; Ляпустин С. Н.: 1) Хищнический промысел и контрабанда морских биоресурсов в конце XIX — начале XX века // Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 3. С. 60–68; 2) Исторический опыт деятельности региональных властей в борьбе с иностранным хищничеством и контрабандой биоресурсов в начале XX в. (на примере приамурского генерал-губернаторства) // Сборник труд студентов и преподавателей. К 20-летию Владивостокского филиала Российской таможенной академии. Владивосток, 2014. С. 171–178.

¹⁹³ Слюнин Н. В. Промысловые богатства... С. 1.

¹⁹⁴ Там же. С. 63.

¹⁹⁵ Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. Очерк. СПб., 1900. С. 14.

цифрах¹⁹⁶. Подобную картину рисовал и П.Ф. Унтербергер, отмечавший, что иностранными браконьерами было добыто в 1892 г. до 80 тыс. морских котиков, в 1893 г. — до 102 тыс., а в 1894 г. — до 141 тыс., в то время как российские промысловики добывали около 13 тыс. в год¹⁹⁷. Браконьерство процветало и в отношении других видов дальневосточной фауны: ценных пород лососевых рыб, которых часто варварски выбрасывали, выпотрошив из них икру; морских бобров (каланов), моржей, китов, пушного зверя (песца, соболя), оленей. Массовый характер иностранного «хищничества» подтверждают и современные исследователи. «Английские, американские, японские суда в территориальных водах России вели браконьерский промысел ценных видов морских животных практически вдоль всего тихоокеанского побережья. Не отставали от них и китайские браконьеры, промышлявшие вдоль берегов Приморья»¹⁹⁸. Добычей китайских и корейских браконьеров становились трепанг, морской гребешок, мидии, крабы, осьминоги, промысловые виды рыб, морская капуста; такие млекопитающие, как сивуч, нерпа¹⁹⁹.

Известный камчатский православный миссионер — иеромонах Нестор (Анисимов), впоследствии ставший митрополитом Кировоградским и Николаевским, — выступая в 1911 г. с докладом в Русском собрании, сетовал: «Мы спим, а японец и американец строят заводы в устьях сплошь набитых рыбою рек. Они нарушают закон, обездоливают туземцев, хищнически разоряют природные богатства далекой русской земли. Русские промышленники закупили только 3 тыс. котиковых шкурок, одни американцы доставили их до 20 тыс. штук... Откуда? Кто знает постановку охраны промыслов — ответит легко. Рубят лес без всякой системы, выбивают пушнину, загрозаживают реки»²⁰⁰.

Как свидетельствуют документы, проблема «хищничества» и борьбы с ним была актуальна для Дальнего Востока в течение всего рассматриваемого периода. В 1893 г. в русских водах была арестована британская шхуна Warlock, оснащенная для добычи морских

¹⁹⁶ Слюнин Н. В. Промысловые богатства... С. 31; Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 14.

¹⁹⁷ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 15.

¹⁹⁸ Дяпустин С. Н. Хищнический промысел и контрабанда... С. 60.

¹⁹⁹ Там же. С. 60–61.

²⁰⁰ А. В Русском собрании... // Окраины России. 1911. 12 нояб.

котиков. «Посылка и заход промысловой шхуны в Петропавловск, по мнению начальника Петропавловского округа, — отмечалось в донесении, — произведена в виде опыта, чтобы выяснить, как отнесутся русские крейсера и местная власть к пробной выходке промысловой шхуны, пришедшей на первый раз без шкурок морских котиков в открытый для иностранных судов российский порт, лежащий вблизи котикового и бобрового лежбищ. В случае благоприятного исхода этого опыта для шхуны, таковая и ей подобные приобрели бы право являться в Петропавловск для пополнения запасов воды и провизии, что дало бы им возможность продолжать свой незаконный промысел до самого позднего времени»²⁰¹. Чтобы исключить подобное развитие событий, у капитана британской шхуны были отобраны судовые документы и снасти для отсылки их британскому послу. Исполнявший должность военного губернатора Приморской области докладывал в связи с этим инцидентом Приамурскому генерал-губернатору: «Артели промышленников, организованные с целью производства котикового промысла, по характеру такового настоятельно должны быть отнесены к разряду шаек, организованных с преступной целью. Появление таковой в пределах вод империи, по моему мнению, дает полное право применять к ним существующие законы о шайках, так как котиковый промысел нами запрещен и, следовательно, снаряженные для того шхуны не могут быть нами признаваемы неприкосновенными»²⁰². По данным Н. В. Слюнина, только за 1893 г. были выявлены 34 промысловые шхуны под британскими флагами, добывшие тюленьих шкур не менее чем на 775 тыс. руб., «а так как, по имеющимся сведениям, между хищническими шхунами большой процент приходится на самок, мех которых лучше и нежнее, а потому и дороже ценится в Лондоне, то доходность этого промысла значительно увеличивается»²⁰³.

Капитан 2-го ранга П. Г. Тигерстедт, описывая ситуацию, сложившуюся в регионе в начале XX в., отмечал: «В 1906 г. одно присутствие японцев на берегу уже говорило об их принадлежности к хищникам, и принимались соответствующие меры, преимущественно рыбалки (т. е. базы рыбаков. — *Авт.*) предавались огню. Решительные меры, принятые в прошлом году, дали свои результаты, так как в этом году,

²⁰¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 24. Л. 1 об. — 2.

²⁰² Там же. Л. 3 — 3 об.

²⁰³ Слюнин Н. В. Промысловые богатства... С. 35 — 36.

пройдя по берегу, отряд не встретил совершенно присутствия японцев, за исключением разрешенных рыбалок»²⁰⁴. Но если в береговой рыбной ловле удалось сократить масштабы браконьерства, то иначе обстояло дело с другими промыслами. Сильно страдал от американского браконьерства китобойный промысел. Как отмечает Л. Н. Гарусова, китобойные суда из Новой Англии регулярно стали появляться в российских дальневосточных водах с 1840-х годов, положив начало «откровенному хищничеству американцев на Дальнем Востоке». С 1847 по 1871 г. американские китобои добыли китового жира и уса в северной части Тихого океана на сумму 87,4 млн долларов, в 1865 г. в Охотском море занимались браконьерством 65 американских судов. И хотя к концу XIX — началу XX в. количество китобойных шхун в дальневосточных морях сократилось, обусловлено это было «не мерами по охране морских промыслов, принятыми Россией, а истреблением морских животных»²⁰⁵. «Отсутствие охраны нашего китобойного промысла в Беринговом и Охотском морях, мало того, что нанесло нам за последние 25 лет ущерб в десятки миллионов руб., но и самый промысел не далек от полного уничтожения», — отмечал П. Ф. Унтербергер²⁰⁶. По мнению П. Г. Тигерstedта, хищническое уничтожение иностранными промысловиками китов вело к печальным последствиям: «Кит предназначен, или вернее, ему предстоит исчезнуть с земли в этом веке в силу усиленной охоты за ним. <...> Повсеместная охота за ним загнала его к нам в Тугурский залив, и тут ему не дают покою. Американцы на своих шхунах и барках по 7–8 лет не возвращаясь охотятся, передавая добычу судам-сборщикам. Они все время следуют за передвижением китов, беспощадно его (так в тексте. — *Авт.*) избивая, и недалеко то время, когда исчезнет этот представитель дорогого промыслового животного»²⁰⁷. Решать проблему П. Г. Тигерstedт предлагал следующим способом: «В силу закрытости Тугурского залива островами, пожелал бы возможным, а в силу охранения кита — необходимым, объявить Тугурский залив закрытым для иностранцев. Отсутствие же русских китобоев дало бы киту возможность отдохнуть, и Тугурский залив

²⁰⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 177.

²⁰⁵ Гарусова Л. Н. Российско-американские региональные отношения... С. 11–12.

²⁰⁶ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 36.

²⁰⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 179.

был бы для него заказником»²⁰⁸. Помимо истребления китов, американским браконьерам также ставилось в вину спаивание коренного населения Дальнего Востока контрабандным спиртом, что, наряду с лишением его традиционных промыслов, приводило к обнищанию²⁰⁹. Указывалось также: «Американские агенты в последние годы неоднократно являлись на Чукотский полуостров и вывозили оттуда оленей, по преимуществу здоровых и сильных маток, каковое обстоятельство грозит опасностью для оленеводства, составляющего основу благосостояния Анадырского края»²¹⁰.

Обращаясь в Министерство внутренних дел, местные власти сетовали на то, что деятельность японских браконьеров фактически поощряется властями Страны восходящего солнца. «Пользуясь выгодным географическим положением своих островов, вдоль берегов которых командорские котики совершают свои периодические передвижения осенью — на юг, весной — обратно на север, — отмечалось в документе, — японские промышленники уже с [18]90-х годов <...> стали беспощадно истреблять их на пути следования. Японское правительство в видах поощрения и развития этого выгодного промысла издало 31 марта 1897 г. закон о выдаче премий за промыслы в отдаленных морях»²¹¹. По данным, приведенным в работе С. С. Григорьевича, в начале XX в. промыслом котиков в открытом море занималось около 40 судов, «причем до 1909 г. владельцы этих судов получали правительственную субсидию»²¹².

Нередко дело доходило до вооруженного столкновения с «хищниками». «С каждым годом растет дерзость этих шхун, — писал Н. В. Слюнин. — В 1891 г. шхуна оказала вооруженное сопротивление», а в 1892 г. «Командорские острова положительно находились в блокаде»²¹³. Командир лодки «Маньчжур» доносил, что в апреле 1907 г. у острова Медный три японские шхуны, подойдя к Бобровому Камню и разогнав орудийными выстрелами береговую стражу, в продолжение двух-трех дней беспрепятственно занимались ловлей каланов²¹⁴. Временами противостояние властей с японски-

²⁰⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 179.

²⁰⁹ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 16.

²¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 6. Д. 124. Л. 1–1 об.

²¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 229. Л. 216.

²¹² Григорьевич С. С. Дальневосточная политика... С. 454–455.

²¹³ Слюнин Н. В. Промысловые богатства... С. 31.

²¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 189.

ми браконьерами заканчивалось перестрелками, в результате чего были погибшие²¹⁵.

«Вред, который наносился <...> хищниками промыслам, очевиден, и практические его последствия не заставили себя ждать, — отмечал в 1899 г. П. Ф. Унтербергер. — Привал зверя на лежбищах уменьшился в значительной степени. Это побудило с большею настойчивостью охранять береговые лежбища. Увеличили число военных судов, крейсирующих около островов, и начали конфисковать шхуны, которые были уличены в недозволенном промысле в районе вод нашей территории»²¹⁶. Одной из таких мер стало переоборудование конфискованного в 1893 г. у канадских браконьеров судна в охранную парусно-паровую охранную шхуну «Сторож». По оценке С. Н. Ляпустина, «даже появление одного судна в районе, где осуществлялся незаконный промысел иностранцами, давало положительный результат. Так, например, за короткий срок нахождения у восточных берегов Камчатки летом 1900 г. шхуны “Сторож” удалось прекратить незаконный вылов рыбы японцами в российских водах. Только в июле 1900 г. в устье реки Камчатка были арестованы три японских шхуны, занимавшиеся незаконным рыбным промыслом»²¹⁷. Ввиду «чрезвычайно полезных результатов, достигнутых работой этой шхуны», планировалось расширить данный опыт, но «средств на это ассигновано не было»²¹⁸. А между тем, рассуждал военный губернатор Приморья, если бы увеличить количество таких шхун и «поставить еще по скорострельной пушке, вооружив команду и присвоив таможенный флаг», то шхуны эти могли бы принести много пользы в деле охраны российских вод, поскольку, по сравнению с военными крейсерами, они имели бы явное преимущество в силу большей маневренности и возможности выходить в море, когда крейсера еще опасаются льдов²¹⁹. Охрану российских промыслов осуществляли и суда Сибирской военной флотилии, в составе которой была конфискованная американская промысловая шхуна «Генриетта», получившая в 1889 г. название «Крейсерок»²²⁰. После создания Тихоокеанской эскадры ее корабли

²¹⁵ Там же. Л. 274.

²¹⁶ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 14.

²¹⁷ Ляпустин С. Н. Хищнический промысел и контрабанда... С. 64.

²¹⁸ Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 35.

²¹⁹ Там же. С. 35–36.

²²⁰ Ляпустин С. Н. Хищнический промысел и контрабанда... С. 64.

также осуществляли охрану российских вод и берегов от иностранного браконьерства. Но после поражения Российской империи в войне с Японией охрану биоресурсов в открытом море стали нести лишь два крейсера, так как бóльшая часть кораблей, осуществлявших охрану ранее, была уничтожена²²¹.

Необходимость борьбы с иностранным браконьерством осознала российскими властями, но осуществляемые ими охранные меры были недостаточно эффективными. «Охрана китикового промысла, — писал П. Ф. Унтербергер, — у нас поставлена также неудовлетворительно. <...> Китиковый промысел падает год от году <...> [и] причину этого упадка приходится исключительно искать в беспощадном истреблении этого зверя иностранными шхунами на пути его движения к лежбищам. <...> Охрана промысла на берегу и в районе вод нашей территории далеко недостаточна»²²². Не произошло перелома в деле охраны российских биоресурсов и в начале XX в. Командир транспорта «Шилка» капитан 2-го ранга С. С. Вяземский (будущий контр-адмирал, погибший на Балтике в годы Первой мировой войны), на которого была возложена охрана берегов Камчатки и материка к северу от нее, в 1907 г. отмечал: «Охрана в том виде, в каком она находится в настоящее время, малодействительна, так как одному кораблю нет никакой возможности действительно охранять столь большой район»²²³. О неэффективности действий охранных судов писал и побывавший в дальневосточном крае корреспондент «Русского слова», по свидетельству которого военный транспорт «Шилка» получил разрешение отправляться на борьбу с браконьерами только в начале августа (боялись льдов), в то время как первый американский китобой появился в бухте Проведения (Анадырский залив Берингова моря) в начале мая; в августе же «хищники-китобои» уже возвращались с добычей в Сан-Франциско. Похожая история была и с канонеркой «Маньчжур», призванной охранять морских котиков, каланов и рыбные промыслы. Но там, где хозяйничали японские браконьеры, «Маньчжур» так и не появился, что позволило «хищникам» беспрепятственно уйти с богатой добычей. Позже, отмечал корреспондент, он прочел во владивостокских газетах «невинную заметку»: «Вернувшиеся из плавания

²²¹ Ляпустин С. Н. Хищнический промысел и контрабанда... С. 65.

²²² Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 37–38.

²²³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 183 об.

охранные пароходы <...> сообщили, что в этом году хищников не наблюдалось»²²⁴. Завершая статью, автор заключал: «Позволю себе привести маленькую фактическую справку. В прошлом [1908] году японцы представили на лондонский всемирный пушной аукцион 20 тысяч котиков, русское камчатское торгово-промышленное общество, арендующее Командорские острова, — 3 тысячи. *Котиков лежбищ в Японии нет*»²²⁵.

С. С. Вяземский докладывал: «[Для более эффективной охраны] следовало бы дать более самостоятельности и прав командирам охранных судов, а не стеснять их так, как, напр[имер], в этом году, когда им было объявлено перед уходом в охрану быть возможно осторожнее и чуть ли не предупредительными по отношению японцев (так в тексте. — *Авт.*), при таких условиях лучше совсем не иметь охраны, так как подобное отношение только поднимает престиж японцев в глазах жителей»²²⁶. Помимо боязни обострить международные отношения, сказывалась и элементарная нехватка в людях и их снаряжении. Корреспондент «Русского слова» на Дальнем Востоке писал о ситуации на Чукотском полуострове: «Русская администрация... Она состоит из одного штабс-капитана Калинникова и четырех-пяти казаков, которые на простых шлюпках гоняются за американскими паровыми шхунами»²²⁷. В 1908 г. в донесении местных властей в Министерство внутренних дел отмечалось, что японские браконьерские суда «с каждым годом все настойчивее осаждают берега Командорских островов, и борьба с ними, при наличии у охраны островов лишь берданок казачьего образца с раздутыми стволами, представляется совершенно невозможной, так как японские хищники по большей части вооружены скорострельными и дальноточными ружьями, орудиями малого калибра и пулеметами»²²⁸.

Отдавая себе отчет в невозможности обеспечить борьбу с браконьерством на должном уровне, местные власти просили Петербург вооружить охрану островов винтовками драгунского образца, пулеметом и скорострельной пушкой и прислать дополнительные охранные суда. Однако свободных кораблей для нужд Дальнего

²²⁴ Брио Н. Наши дальневосточные богатства и их охрана (от нашего специального корреспондента) // Русское слово. 1909. 18 окт.

²²⁵ Там же.

²²⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 185.

²²⁷ Брио Н. Наши дальневосточные богатства и их охрана.

²²⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 196–196 об.

Востока не оказалось. Раздосадованный отказом Приамурский генерал-губернатор предупреждал центр, что из-за отказа военных дать корабли для защиты русских вод и берегов неизбежен рост «иностранный хищничества»²²⁹. Командорское уездное полицейское управление, докладывая о нарушениях, просило разрешения «не церемониться с браконьерами» и сообщало, что для успешной борьбы «надо иметь для здешней охраны хорошее оружие, чего в настоящее время нет, и точную инструкцию по преследованию и захвату хищников и действию по ним оружием»²³⁰.

Нередко делались отсылки к иностранному опыту. Издание «Окраины России» обращало внимание властей на опыт соседей, отмечая, что в то время как «на Командорских островах <...> пушной промысел подорван в корне хищнической японской эксплуатацией», «на соседних Прибыловских островах, тщательно охраняемых особыми крейсерами Северо-Американских Соединенных Штатов, замечается быстрое размножение зверя»²³¹. Это понимали и местные власти, отмечавшие, что на островах Прибылова американцы на несколько лет запретили всякий убой зверя. «Точно так же и с нашей стороны придется принять такие же меры, иначе через известное число лет котиковый промысел будет совершенно уничтожен»²³².

Среди мер, предпринятых российскими властями для охраны дальневосточных промыслов, следует указать на ряд инструкций и законодательных актов. Регламентация добычи морских биоресурсов осуществлялась «временными правилами», издававшимися в 1880, 1884, 1889, 1894, 1899, 1901, 1911 гг. В 1889 г. было принято временное положение, запрещавшее охоту на котиков во время миграции к российским берегам; в 1893 г. утвердили решение о запрете добычи котиков на расстоянии 10 миль вдоль российского тихоокеанского побережья и 30 миль вокруг Командорских островов и острова Тюлений²³³.

Поднятый в 1910 г. местной властью вопрос об ограничении плавания в российских водах иностранных судов был разрешен учреждением таможенных постов в Петропавловске и на Сахалине, а ино-

²²⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 1–3, 7.

²³⁰ Там же. Л. 60–60 об.

²³¹ Хроника // Окраины России. 1909. 3 янв.

²³² Унтербергер П. Ф. Приморская область. С. 15.

²³³ См. об этом: Ляпустин С. Н. Хищнический промысел и контрабанда... С. 65.

странным судам предписали приходить только в эти два пункта, «что в значительной мере ограничило хищнические браконьерские действия иностранцев, в особенности американцев и японцев»²³⁴. В январе 1911 г. генерал-губернатор Приамурского края Н. Л. Гондатти издал распоряжение, запрещающее иностранным поданным охотиться в Уссурийской тайге²³⁵. Запрет этот в первую очередь касался китайских браконьеров — грабеж Уссурийской тайги с их стороны приобрел угрожающие для ее флоры и фауны масштабы (так, по данным Н. И. Дубининой, ежегодно здесь хищнически промыслило до 50 тыс. выходцев из Китая²³⁶).

Летом 1911 г. в Вашингтоне состоялась международная конференция, созданная по инициативе России и США, к которой присоединились Япония и Великобритания. Ее итогом стало подписание на 15 лет «котиковой конвенции», полностью запрещавшей охоту на морских котиков и каланов севернее 30° северной широты в морях Беринговом, Охотском и Японском²³⁷. Суда и лица, нарушавшие этот запрет, подлежали задержанию в открытом море со стороны властей государств, участвующих в конвенции, но уголовная юрисдикция в отношении нарушителей принадлежала тому государству, поданными которого они являлись. Принятие конвенции, на которой настаивала Россия, привело к значительному увеличению численности котиков.

В инструкции по заведению пушными промыслами на Командорских островах, утвержденной главноуправляющим землеустройством и земледелием А. В. Кривошеиным (1913), содержались требования выставять караулы у котиковых лежбищ и бобровых местообитаний, а также арестовывать вместе с экипажем «независимо от его национальности» «хищнические шхуны и шлюпки, производящие охоту на котиков и бобров в пределах трехмильной прибрежной полосы»²³⁸. Промысел морских котиков был полностью запрещен, количество морских бобров (каланов) предписывалось «назначать к убою весьма осторожно» (на 1913–1914 г. был допущен убой не более 80 особей, запрещалась охота на самок

²³⁴ Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 256.

²³⁵ Ляпустин С. Н. Исторический опыт деятельности... С. 175.

²³⁶ Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. С. 113.

²³⁷ См. об этом: Григорьевич С. С. Дальневосточная политика... С. 455.

²³⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 156.

с новорожденными детенышами, также повелевалось «строго следить за соблюдением заповедной полосы»). Инструкция указывала на необходимость «восстановить запуски песцов, чтобы годы промысла чередовались с годами запуска» и запретить убой недопесков²³⁹. Обсуждавшиеся меры против хищнического истребления зверя встретили одобрение Государственной думы и Государственного совета и 9 июня 1912 г. были подписаны императором Николаем II, обретая силу закона. Докладчик комиссии об охоте депутат А. А. Скороходов (Томская губерния) отмечал в Государственной думе: «Именно [местные] инородцы высказались за этот запрет на три года (на убой соболя. — *Авт.*), потому что не сами они хищнически выколачивают зверя, а выколачивают зверя пришельцы-хищники. Едва ли в интересах инородцев не сберегать зверя. Раз этот зверь будет выбит там, где он теперь есть, если не запретить сепаратно бить его и в других местностях, то все хищники устремятся туда, и в два-три года выбьют и там зверя так, как они выбили его везде»²⁴⁰.

Закон устанавливал штрафы за убой соболя с нарушениями правил от 15 до 100 руб. за каждого добытого зверя или арест не более месяца, а также полностью запрещал охоту на этого зверя с 1 февраля 1913 г. по 15 октября 1916 г., чтобы восстановить его популяцию. По истечении этого срока охота на соболя восстанавливалась с установлением запрета с 1 февраля по 15 октября²⁴¹. Закон об установлении ограничительных мер по промыслу морских бобров и котиков, принятый 18 марта 1914 г., воспрещал промысел каланов за пределами прибрежной морской полосы в три морских мили шириною, а также совершенно запрещал всякий морской котиковый промысел. Иностранным охотникам законом запрещалось пользоваться российскими портами и территориями. За браконьерство устанавливался тюремный срок от двух месяцев до одного года четырех месяцев с конфискацией добычи и средств охоты²⁴². В 1914 г. охрана промысловых видов Дальнего Востока была дополнительно возложена на суда Гидрографической экспедиции Ледовитого океана²⁴³. Однако положить конец иностранному браконьерству эти меры не

²³⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 157.

²⁴⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия V. Ч. 1. СПб., 1911. Стб. 3706.

²⁴¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 229. Л. 318–319.

²⁴² Там же. Л. 323 об.

²⁴³ См. об этом: *Ляпустин С. Н.* Исторический опыт деятельности... С. 177.

смогли, недостаток людей и средств для их осуществления не позволил добиться эффективности их исполнения. По справедливому замечанию Н. И. Дубининой, «в распоряжении администрации края находились более чем скромные возможности, не позволявшие не то чтобы создать заслон иностранным хищникам, но и хотя бы организовать серьезное сопротивление разграблению природных богатств российской земли. <...> Разве мог стать настоящим стражем тайги лесничий с четырьмя своими помощниками лесниками, если он имел в своем владении от десяти до двадцати миллионов десятин леса? Что мог сделать один начальник Удского уезда, район которого охватывал значительную часть побережья Охотского моря, все нижнее течение Амура и всю северо-восточную часть Уссурийского края? Что могли сделать два маленьких “крейсера надзора” по охране берегов Великого Океана от Владивостока до пролива Дежнева? Эпизодические экспедиции военных отрядов в тайгу тоже не могли обезопасить ее от разграбления»²⁴⁴.

В годы Первой мировой войны, как видно из документов, иностранное браконьерство (прежде всего, японское) продолжалось, сопровождаясь порой откровенным разбоем. В 1915 г. исполняющий должность ревизора транспорта «Тобол» докладывал: «...японцы, не довольствуясь своим хищническим уловом, после окончания хода рыбы насильственным путем отбирают у коряков их улов, необходимый для заготовления запаса на зиму, при этом бьют коряков, нанося подчас им тяжкие побои»²⁴⁵. Очевидно, что Первая мировая война не способствовала усилению контроля над российскими водами и территориями, так как ресурсов и возможностей для этого стало еще меньше.

Приведенные факты и цифры наглядно показывают, что проблема иностранного браконьерства была одной из насущных для российского Дальнего Востока и в силу своего размаха наносила ощутимый урон экономике региона. Бесконтрольное истребление биоресурсов, как сказали бы сегодня, не только наносило вред российской казне, но и ставило на грань уничтожения целый ряд представителей местной фауны. Масштаб проблемы осознавался и местной администрацией, и имперскими властями, что приводило

²⁴⁴ Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. С. 114–115.

²⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. 100. Л. 105.

к выработке инструкций, правил и законов, призванных положить конец иностранному хищничеству. Принятые российскими властями меры заметно улучшили ситуацию к 1910-м годам, однако оказались недостаточными для полного искоренения иностранного браконьерства в Дальневосточном крае. Главными факторами, ослаблявшими эффективность принятых против «хищничества» мер, являлись нехватка российского населения на Дальнем Востоке (а значит, и ресурсов местной администрации) и постоянный недостаток материальных и технических средств. Техническая оснащенность иностранных браконьеров часто заметно превосходила материально-техническую базу, которой располагали российские власти на Дальнем Востоке, что нередко делало «хищников» малоуязвимыми и оставляло безнаказанными.

Часть II

РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Глава 5. Подготовка реформы управления русским Туркестаном
в начале XX века: хозяйственно-экономические аспекты

Глава 6. Деятельность российских кредитно-финансовых
организаций в Средней Азии на примере Русско-Азиатского
коммерческого банка

ПОДГОТОВКА РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ РУССКИМ ТУРКЕСТАНОМ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

5.1. Проекты реформ в начале XX века

Экономическое развитие России в начале XX в. и геополитические интересы поставили вопрос о преобразовании управления окраинами, среди которых своеобразием отличался Туркестан. Край управлялся Положением 1886 г., определявшим его административное, поземельное устройство, организацию суда, имущественные отношения, подати и повинности. Документ критиковался как в центре, так и чиновниками Туркестана за недоучет в нем особенностей или, наоборот, за недостаточную унификацию управления с метрополией, нехватку системности, закрепление ведомственной разобщенности, несоответствие динамичному экономическому развитию региона. Новое положение должно было разом разрешить волновавшие Туркестан вопросы.

В историографии, с учетом незначительных успехов государства в орошении, внимание акцентировалось на проблеме изъятия земли у кочевников, но из-за этого упускалось из вида происходившее в тот период становление новых принципов организованной колонизации региона при государственной поддержке. В основе настоящего параграфа — опубликованные и архивные законода-

¹ Содержание главы частично отражено в опубликованных ранее статьях: Янченко Д. Г., Андреев А. А. Тезисы всеподданнейшего отчета сенатора К. К. Палена о ревизии в Туркестане: от черновых записок к заседанию Совета министров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 11-2. С. 29–36; Мамаев А. В.: 1) Подготовка реформы управления Туркестанским управлением в начале XX века: экономические аспекты // Научный диалог. 2019. № 11. С. 388–406; 2) Имперский проект заселения Голодной степи // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 4. С. 1259–1274.

тельные и делопроизводственные документы, работы чиновников и государственных деятелей, материалы Государственной думы. Мы по возможности подробно рассмотрим как деятельность IV Государственной думы Российской империи, имеющую отношение к вопросам экономического развития Туркестана, так и ограничения, наложенные центральной властью на избрание представителей региональных элит.

На закате существования Российской империи праволиберальное большинство отстаивало комплексную колонизацию края состоятельными переселенцами, частную собственность на землю, развитие земства, кредитования, транспорта. Кадеты и мусульмане требовали первоочередного учета интересов коренного населения, выступали против внедрения там крупной земельной собственности. Внимание Думы к экономическому развитию Туркестана не ограничивалось переселением и сельскохозяйственной сферой, касаясь развития транспорта, городского хозяйства, замены устаревших обычаев четкой правовой регламентацией. В Думе, в частности, обсуждались: проект отвода русским переселенцам казенных орошенных земель в Голодной степи, что вызвало дискуссию о национальных и религиозных ограничениях; проект правил наделения землей Семиреченского казачьего войска; проект положения о пользовании водами в Туркестане; проект оборудования холодильными устройствами линии Самарканд — Петербург и т. д. Решения Думы были нацелены на интеграцию Туркестана как аграрного региона и источника сырья в общеимперское экономическое пространство. Интересы государства и переселенцев ставились выше коренного населения, также затронутого радикальными изменениями. Это создавало конфликтную ситуацию, на которую большинство Думы не обращало внимания. В итоге вспыхнувшее в 1916 г. восстание нанесло мощный удар усилиям по экономическому развитию края и символизировало кризис имперской модели управления.

Власти законодательным путем вводили отбор зажиточных и опытных в сельском хозяйстве переселенцев и устанавливали для них ряд ограничений. Правительство намеревалось создать в Туркестане слой мелких русских земледельцев-колонистов, которые вели бы доходное хозяйство на орошенных землях без использования наемного труда, выращивая необходимый для государства хлопчатник, обеспечивая укрепление хозяйственных связей с имперским центром и являясь примером для коренного населения в эконо-

мическом и культурном отношении. Законопроект о колонизации Туркестана также свидетельствовал об укреплении во властных кругах идеологии русского национализма. Как показало исследование, инициатива правительства в целом получила поддержку в Думе, которая установила начало всесословности и продемонстрировала разногласия, касавшиеся необходимости национальных и культурных ограничений. Однако реализацию закона, создание «русского Туркестана» прервали война и революция.

Трагические события восстания 1916 г. в русском Туркестане стали значимой составляющей системного кризиса Российской империи. Непосредственной причиной и историческим фоном волнений, охвативших значительную часть Средней Азии и других областей страны, была прогрессирующая иррелевантность ее управленческого аппарата вызовам, характерным для периода глобального конфликта высокой интенсивности. Однако тяготы Первой мировой войны лишь обострили десятилетиями накапливавшиеся противоречия между коренным населением региона и мигрантами из европейской части России, прежде всего по вопросу владения плодородными землями. Совокупность военных операций и социально-экономических потрясений, получившая обобщенное определение «восстание 1916 г. в Туркестане», приобрела политическое звучание с началом российской революции. Многие из участников событий устанавливали советскую власть в Средней Азии, стояли у истоков нового регионального государственного строительства. Именно они заложили основу научного изучения событий и вместе с тем политического мифа об их «национально-освободительном» характере.

Анализ историографии, проведенный в начале этой книги, подводит к выводу о недостаточной изученности конкретных вопросов конструирования и реализации экономической политики центра в отношении среднеазиатской окраины в 1894–1917 гг. Преобладающее число современных исследователей концептуально согласны с оценкой, что политика была противоречивой, нецелостной и запоздавающей. Актуальны поиски ответов на вопросы о том, какими экономическими причинами и в какой степени был обусловлен курс центра в отношении Средней Азии, в чем он выражался, как влиял на ирригацию, аграрный сектор, структуру общества, как менялась экономическая политика центра в отношении среднеазиатской окраины в период правления Николая II, в том числе после

создания Государственной думы, насколько значим был фактор правительственного курса на трансформацию экономики края и можно ли говорить об успешности решения экономических проблем региона в имперской парадигме. Также было бы интересно изучить роль центральной власти в накоплении в Туркестане противоречий, ярко проявившихся во время восстания 1916 г. и революции.

Толчком к началу обсуждения реформы управления регионом стала передача Закаспийской и Семиреченской областей в Туркестанский край в 1897–1898 гг., что вызвало необходимость создания обобщенных законоположений. Однако в 1901 г. стараниями военного министра А. Н. Куропаткина было решено, с учетом особенностей Закаспийской области, на пять лет отказаться от согласования ее правовых норм с нормами других областей Туркестана². В 1902 г. для разработки нормативного акта в Ташкенте была создана комиссия во главе с К. А. Несторовским, опытным управляющим канцелярией генерал-губернатора. Работа закончилась в следующем году. Именно кодифицирующий проект комиссии К. А. Несторовского стал толчком для дальнейшего обсуждения назревшей в сфере управления окраиной проблемы в короткий срок, отпущенный российской монархии.

Изменения были предложены в сфере поземельного устройства, чтобы удовлетворить потребность в земле русских переселенцев и четче определить правовые основания собственности. Для переселения крестьян из метрополии участки либо покупались у местного населения, либо уступались по соглашению, однако объем земли был недостаточен, а власти формально не могли изымать излишки, так как это не было прописано в законодательстве. Положение 1886 г. оставляло во владении оседлых жителей на основе обычаев те земли, которыми они потомственно владели, пользовались и распоряжались. В то же время земли кочевников объявлялись государственными и находящимися в бессрочном пользовании³, что упрощало возможность отчуждения участков.

Комиссия К. А. Несторовского предложила внести в новое Туркестанское положение уже имевшийся в Степном положении пункт о возможности изъятия излишков из пользования кочевников.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 3300. Л. 1 об.

³ Положение об управлении Туркестанского края. СПб., 1886. С. 32, 34.

Поправку поддержали туркестанский генерал-губернатор, министр земледелия и государственных имуществ. Ключевым был вопрос, кто и на каких основаниях будет признавать земли излишними. Комиссия констатировала, что в законе прописать все условия невозможно, в каждом случае требовалось подробное изучение быта и хозяйства кочевников. По мнению комиссии К. А. Несторовского, местная администрация не имела ресурсов для такой работы, поэтому ее следовало возложить на особые учреждения по примеру экспедиции, действовавшей в Степном крае. Изъятие земель из пользования кочевников, как полагала комиссия, должно было опираться на отдельный закон и учитывать интересы как государства, так и коренного населения. Поскольку земли кочевников не находились в их собственности, следовало выработать отношение к практике сдачи ими государственных земель в аренду переселенцам. Комиссия предлагала запретить это, чтобы кочевники не получали необоснованных доходов, а колонизация не шла стихийно — выселение крестьян с арендованной земли могло спровоцировать беспорядки⁴.

Предложения комиссии открывали возможность формирования земельного фонда для переселения, но предполагали и защиту земельных прав кочевников, принятие решений лишь после тщательного обследования их хозяйств. Фиксировался приоритет регулируемого государством переселения ради его систематичности и справедливости. Фактически эти предложения серьезно сдерживали переселение из-за необходимости сначала провести землеустройство коренных жителей, запрета на аренду, медлительности и несогласованности действий властей на местах. Новаций в правовом регулировании хозяйственно-экономических вопросов Туркестана, за исключением земельного, комиссия К. А. Несторовского не предложила, что можно объяснить как ее составом, куда входили занимавшиеся текущим управлением местные чиновники, так и задачами — согласовать нормы разных областей Туркестана, учесть все накопившиеся разъяснения закона⁵.

Проект был разослан на заключение министерств в апреле 1905 г. и подвергся критике, которая свидетельствовала о росте внимания имперских чиновников к туркестанской окраине, более чет-

⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3301. Л. 189–190, 201–201 об.

⁵ Объяснительная записка к проекту Положения об управлении Туркестанского края, составленному в 1902–1903 гг. комиссией К. А. Несторовского. Ташкент, б. г. С. 2.

ком осознании ими экономической и геополитической роли края и необходимости улучшить правовое регулирование хозяйственно-экономической жизни.

Имперские чиновники, объясняя важность разработки нового положения об управлении, начали обращать внимание на развитие Туркестана. «Край богатеет; две железные дороги, несмотря на колоссальные трудности борьбы с пустыней и песками, соединяют его с Каспийским морем и с Москвой. <...> Горный промысел развивается с каждым годом все шире и шире: разрастается добыча нефти, каменного угля, меди и других ископаемых; ежегодно образуется несколько новых промышленных компаний для эксплуатации богатств Туркестана. Хлопководство <...> в эти 20 лет выросло до размеров, во много превосходящих самые смелые ожидания. <...> Туркестанские города выросли со сказочной быстротой; русская колонизация края развивается, несмотря на препятствия», — отмечал начальник Азиатской части Главного штаба С. В. Цейль в записке 1908 г., делая вывод: «За 20 лет нормальной жизни Туркестанского края его культурное и экономическое развитие шло такими быстрыми темпами, которым примера в России не было»⁶.

Совет министров при премьер-министре П. А. Столыпине предрекал Туркестану «блестящее экономическое будущее», связывал разработку нового положения с культурным и экономическим развитием края, «первостепенными для государства» назывались вопросы поземельного устройства инородцев, упорядочения колонизации, развития сельскохозяйственной промышленности, усиления эксплуатации горных и лесных богатств⁷. «Цивилизаторскую миссию» русской власти в Туркестане, необходимость «всеми силами» стараться «приблизить к себе трудолюбивое и промышленное население» подчеркивал в записке по проекту положения министр иностранных дел В. Н. Ламздорф в ноябре 1905 г.⁸ О том, что экономическое развитие края «коренным образом» перевернуло «всю жизнь его», писал во всеподданнейшем докладе военный министр В. А. Сухомлинов, посетивший Туркестан в 1912 г. Как отмечал министр, «Туркестан перестал быть отдельной колонией, обратившись в составную, неразрывно связанную с империей часть ее»⁹. Колонизация азиатских

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3300. Л. 172–172 об.

⁷ Там же. Л. 164–164 об.; Д. 3960. Л. 63.

⁸ Там же. Д. 3300. Л. 24 об.

⁹ Там же. Д. 3960. Л. 33 об.

окраин рассматривалась как инструмент геополитики, закрепления границ России¹⁰. Параллельно в метрополии формируется дискурс об убыточности окраин и необходимости повышения их доходности, более активном использовании ресурсов в интересах империи¹¹, что также отражалось в предложениях.

Изменение отношения имперского центра к Туркестану проявилось в критике высшими чиновниками отдельных положений проекта К. А. Несторовского. Государственный контролер П. Х. Шванебах в июле 1906 г. обратил внимание, что проект не затрагивает важнейшего вопроса об ирригации. Именно орошение могло создать земельный фонд для переселенцев вместо изъятия земель. Старый сановник, глава контрольного ведомства понимал, что неясность с правовым статусом земли у коренных жителей и отсутствие документов на владение ею создавали угрозу захвата казенных участков. Стремясь увеличить доходность края для империи, государственный контролер предложил усилить обложение Туркестана, в том числе за счет отказа от постоянных льгот хлопководам. С точки зрения П. Х. Шванебаха, хлопководство в регионе уже достигло значительного развития, а хлопковые посевы были доходнее остальных культур. Обложение кочевников, по мнению Государственного контроля, также требовало пересмотра: критиковалась неравномерность кибиточного сбора, который платили все одинаково независимо от благосостояния, что было на руку богачам, его предлагалось заменить налогом со скота. Государственный контроль заявлял о слишком слабом налоговом бремени кочевников — в пять раз меньше, чем русских крестьян¹².

Товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием Ф. П. Никитин критиковал норму о разграничении земли по показаниям самих жителей, что вело к закреплению за коренным населением чрезмерно больших участков. Чиновник считал, что этим

¹⁰ Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. СПб., 1907. С. 31.

¹¹ См. об этом: *Стеткевич А.* Убыточен ли Туркестан для России? СПб., 1899; *Правилова Е. А.*: 1) «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX–XX века // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 115–143; 2) Река империи. Амударья в геополитических и ирригационных проектах второй половины XIX века // *Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. научных статей / под ред. Н. Г. Суворовой.* Омск, 2005. С. 453–455; *Brower D.* *Turkestan and the Fate of the Russian Empire.* London; New York, 2003.

¹² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3300. Л. 48 об.–49, 50 об.–59.

должны заниматься сами поземельно-податные государственные учреждения. Он выступил против предоставления осевшим кочевникам земли в собственность, поскольку кочевники имели зачаточные понятия об этом праве, могли продать участки и остаться без земли. Выходом, по его мнению, стало бы закрепление за оседающими кочевниками земель на одинаковых началах с переселенцами. Как отмечал главноуправляющий Б. А. Васильчиков, такая позиция ГУЗиЗ обосновывалась ожиданиями, что при переходе к оседлости используемые ими угодья значительно уменьшатся и появятся новые излишки для изъятия¹³. ГУЗиЗ предлагало разработать отдельный проект о землеустройстве кочевников и изъятии у них излишних земель, а также исключить соответствующие нормы из проекта положения¹⁴.

Совещание о землеустройстве киргизов 1907 г. высказало противоположное позиции комиссии К. А. Несторовского мнение об аренде. Так как аренда киргизских участков русскими переселенцами стала мощным средством колонизации, совещание признало целесообразным не мешать этому, предлагая лишь усилить регулирование, а при землеустроительных работах по возможности передавать переселенцу арендованные им земли¹⁵.

Возражения и замечания ведомств предопределили судьбу проекта К. А. Несторовского, который не соответствовал ожиданиям имперской бюрократии, прежде всего в земельном вопросе и обложении. Кроме того, выяснилось, что информации о ситуации в Туркестане для адекватного правового регулирования хозяйственно-экономических вопросов не хватает. Как констатировали в конце 1906 г. в Главном штабе, свое согласие на утверждение проекта дало только Министерство народного просвещения. Ответа от министерства финансов в течение двух лет не поступило, но, как предполагали военные, от него едва ли можно было ждать положительного заключения¹⁶. В новом Туркестанском положении требовалось определить земельные права коренного оседлого и кочевого населения

¹³ Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. С. 3–4, 33, 91; Трегубов А. Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях: впечатления и заметки члена Государственной думы А. Л. Трегубова по поездке летом 1909 г. СПб., 1910; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3300. Л. 74–76.

¹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3300. Л. 74–76, 77 об., 78.

¹⁵ Журнал Совещания о землеустройстве киргиз. С. 80–82, 92.

¹⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3300. Л. 86 об., 88 об., 91 об., 98.

в выгодном для переселения варианте, сформулировать принципы изъятия излишков, стимулировать хлопководство, ирригацию, установить основания водопользования, изменить принципы обложения и добиться повышения доходности. Изменения требовались из-за трансформации правового строя после 1905 г.

Министр юстиции И. Г. Щегловитов в июле 1906 г. предложил отложить реформу Туркестанского положения до завершения пересмотра законодательства империи. Его поддержал военный министр А. Ф. Редигер, предложив связать принятие нового Положения с передачей края из военного ведомства в МВД, с чем согласился и П. А. Столыпин¹⁷.

Однако насущная важность нового Туркестанского положения предопределила возобновление подготовительной работы. Совет министров в июле 1907 г. поручил военному министру образовать совещание для составления нового проекта и внести его в Совмин к 30 июля 1909 г.¹⁸ С созданием совещания возникли затруднения, оно начало работу только с марта 1908 г., тогда же было решено провести в Туркестане ревизию под руководством сенатора К. К. Палена. Работа совещания приостановилась до ее завершения.

Промедление с составлением нового проекта и ведомственные разногласия привели к сепаратным действиям ГУЗиЗ, в которое к тому времени вошло Переселенческое управление. В 1908 г. ведомство возглавил начальник Переселенческого управления А. В. Кривошеин, заслуживший прозвища «министр Азиатской России» и «первый министр русских колоний». Он поставил на первый план задачи переселения и освоения окраин, включая Туркестан, и столкнулся с отсутствием свободной земли.

Взгляды ГУЗиЗ и туркестанской администрации на проблему колонизации резко отличались. ГУЗиЗ выступало за максимально энергичное заселение края русскими крестьянами, ускоренное развитие хлопководства, заявляло о наличии значительных запасов земли и упрекало туркестанскую администрацию в торможении дела, излишних заботах о коренном населении. Туркестанские власти и военное ведомство заявляли об отсутствии свободных орошенных земель и предлагали начинать планомерное заселение окраины только после землеустройства коренного населения, каза-

¹⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3300. Л. 62–66, 79–80.

¹⁸ Там же. Л. 140–142 об.

ков и подготовки свободного земельного фонда. Переселенческое управление ГУЗиЗ обвинялось в нарушении закона и интересов местного населения, что угрожало волнениями как киргизов, так и переселенцев, оставшихся без земли¹⁹. Симпатии большинства в III Думе были на стороне ГУЗиЗ, противодействие туркестанских чиновников ослабло с назначением в 1909 г. генерал-губернатором сторонника форсированной колонизации края А. В. Самсонова. Совет министров 11 июня 1908 г. поручил военному министру принять меры к скорейшему составлению законопроекта об изъятии у киргизского населения земельных излишков²⁰, и в декабре 1910 г. Николай II утвердил примечание к ст. 270 Туркестанского положения, разрешавшее изымать в колонизационный фонд «излишние» для местного населения земли²¹, причем административным путем, согласно инструкции и без проведения перед этим сплошного землеустройства кочевников. По инициативе А. В. Кривошеина в марте 1911 г. Совет министров одобрил план освоения Туркестана, основанный на орошении и развитии культуры хлопка, а в 1913 г. Дума принципиально решила создать 150-миллионный фонд для мелиоративных работ, в том числе 39 млн руб. предназначались на создание «нового Туркестана»²².

Накануне и во время мировой войны в Государственной думе обсуждался ряд проектов, призванных урегулировать отдельные вопросы переселения и землеустройства²³. Так, особый закон был разработан Военным министерством для казаков Семиреченского казачьего войска, чтобы оградить их от притязаний коренного населения и переселенцев. Каждый мужчина в войске обеспечивался 30 десятинами земли, еще 10 отводилось в запас, что превращало казаков в зажиточных землевладельцев. Военному ведомству удалось защитить от передачи в колонизационный фонд значительные наделы казаков, хотя использовались они слабо и неэффективно.

¹⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428а. Л. 1–3, 12–13.

²⁰ Там же. Л. 99.

²¹ См. об этом: *Верещагин П. Д.* Переселенческая политика царизма в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в годы столыпинской реакции: дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. С. 9–10.

²² См. подробнее: *Кривошеин К. А.* А. В. Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 140–144.

²³ См. об этом: *Мамаев А. В.* Проблемы экономического развития Туркестана в работе IV Государственной думы // *Клио*. 2018. № 11. С. 73–82.

Проект был принят Думой в июне 1913 г. и в июле 1914 г. подписан императором²⁴.

Тогда же Николай II подписал и составленный ГУЗиЗ закон о принципах отвода казенных орошенных участков в Голодной степи, который устанавливал требования к переселенцам на орошенных участках: приезжие из Центральной России должны были получить удостоверения о наличии имущества более чем в 1 тыс. руб. Землю без имущественного ценза могли дать тем, кто уже осел в крае и работал на земельных участках, например, как арендатор. Требования к зажиточности или опыту земледелия в Туркестане объяснялись необходимостью быстро «поставить на ноги» хозяйство на орошенных землях. Закон закреплял меры стимулирования переселенцев к выращиванию ценного хлопка²⁵.

В 1913 г. ГУЗиЗ внесло в Думу проект, призванный урегулировать оросительные работы в Туркестане за счет частных средств, который до 1917 г. так и не стал законом. Также в 1913 г. в нижней палате начал рассматриваться проект положения о пользовании водами в Туркестанском крае. В проекте устанавливался принцип верховного распоряжения государства всеми водами, независимо от того, на чьей земле они находятся. Возможность пользования водой закреплялась, как и по обычному праву, за всеми пользователями земли в объеме нужд орошения. Неиспользуемую воду следовало направлять сначала для государственных и общественных надобностей, а затем частным лицам. Закреплялось преимущество задач орошения над промышленно-техническими целями. Создавалась система органов распределения воды и регулирования ее использования²⁶.

Проект опирался на нормы обычного права, развивая их и регулируя новые отношения, закреплял приоритет сельского хозяйства

²⁴ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. IV. СПб., 1913. С. 1–5; Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. 1914 г. Сессия вторая. Ч. V. СПб., 1914. Стб. 786–793; Государственный Совет. Стенографические отчеты. 1913–1914 гг. Сессия девятая. Пг., 1914. Стб. 3139–3140.

²⁵ Проекты законов, одобренные Государственной думой. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. I. Пг., 1914. С. 732–735; Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. 1914 г. Сессия вторая. Ч. V. СПб., 1914. С. 1399–1403.

²⁶ Гинс Г. К. Основные начала проекта водного закона для Туркестана. СПб., 1912; Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. 1916. Сессия четвертая. Вып. III. Пг., 1916. С. 1–54.

в Туркестане, давал государству инструменты эффективного распределения воды, реализации проектов орошения. В то же время он фиксировал тесную связь прав на воду с земельными правами, вопрос о которых не был окончательно решен. До начала революции новый водный закон так и не вступил в действие: в июне 1916 г. он был принят в Думе, но застрял в Государственном совете²⁷.

5.2. Проекты и перспективы реформ в Туркестане между двумя революциями

Еще в эпоху петровских преобразований среди большого числа реформ, создавших основы государственного устройства Российской империи, было и учреждение сенаторских ревизий. По указу Петра I ежегодно должен был проводиться объезд губерний и провинций уполномоченным сенатором и представителем от каждой коллегии «для наблюдения за судопроизводством и всякими делами, и для доставления правосудия недовольным» (из указа Петра I от 4 апреля 1722 г.)²⁸. Подобная инспекция осуществлялась не по инициативе государя, а по требованию «Правительствующего сената». Как известно, ни самому Петру I, ни его наследникам подобного ежегодно мониторинга и ревизии частей империи в XVIII в. организовать не удалось. Поездки сенаторов по губерниям оставались редкостью и предпринимались лишь в крайних случаях.

По мере развития структуры государственного аппарата в XIX в. с заменой устаревших коллегий министерствами сенаторские ревизии стали проводиться чаще. По современным подсчетам, с 1801 по 1917 г. прошло 130 сенаторских проверок, большей частью в губерниях Европейской России²⁹. Во времена правлений Александра II и Александра III целью сенаторского контроля на местах становилось не только расследование злоупотреблений местных губернских чиновников, но и масштабный сбор сведений о той или иной области,

²⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Четвертый созыв. 1916. Сессия четвертая. Ч. III. Пг., 1916. Стб. 4633–4639, 5213; Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XIII. Заседание II. 4 ноября 1916 г. Пг., 1916. Стб. 42.

²⁸ Цит. по: Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. XIII. 2-е изд. М., 1840. С. 345.

²⁹ Михалкина Т.А. Роль сенаторских ревизий при проведении реформ в России // Вестник Поволжского института управления. 2006. № 10. С. 5–10. С. 9.

состоянии отдельных сфер управления в империи в целом для подготовки последующих государственных реформ. Например, в 1880–1881 гг. подробному изучению сенаторскими комиссиями были подвергнуты девять губерний и один край. Сенаторы С. А. Мордвинов, И. И. Шамшин, А. А. Половцов, М. Е. Ковалевский и Ф. К. Гирс проводили инспекции местных властей в Воронежской, Тамбовской, Самарской, Саратовской, Киевской, Черниговской, Казанской, Оренбургской, Уфимской губерниях и в Туркестанском крае.

В настоящем параграфе мы рассмотрим эволюцию взглядов сенатора К. К. Палена на будущее переустройство Туркестанского края от времени окончания проведенной под его руководством ревизии и до совещания Совета министров в 1911 г. В краткой тезисной форме мнение К. К. Палена содержалось во всеподданнейшей записке, представленной Николаю II. Среди комплекса проблем развития края главным образом отмечены факторы, препятствующие его интеграции в пространство империи, и способы их преодоления. Главная наша цель — определение расхождений чернового варианта записки с ее официальной версией, а также с положениями, изложенными сенатором в ходе дискуссии о преобразовании края на совещании в Совете министров в 1911 г.

Сенаторские ревизии достаточно давно проводились для изучения проблемы «органического единства» национальных окраин и империи. Одной из первой ревизий подобного рода была инспекторская поездка сенатора Ф. К. Гирса в Туркестан в 1882 г., после смерти первого генерал-губернатора края К. П. фон Кауфмана. Среди актуальных проблем интеграции завоеванных областей Средней Азии в пространство империи, выявленных сенатором, можно обозначить убыточность края и чрезмерное сосредоточение власти в руках генерал-губернатора (так называемое военно-народное управление). Согласно результатам аудита Ф. К. Гирса, 15 лет владения Туркестаном стоили государству более 100 млн руб. убытка, что само по себе алогично, учитывая его колониальный статус³⁰. Метрополия, не получая доход, лишь инвестировала в колонию. Край «поглощал средств» в четыре раза больше, чем Западные губернии³¹.

³⁰ См. об этом: Сапелкин А. А. К истории феодализма в Киргизии в конце XIX — начале XX вв. (административная устройство и налоговая система). Бишкек, 1968. С. 101.

³¹ См. подробнее: Правилова Е. А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006. С. 275.

Военно-народное управление, под которым тогда понималась система, объединявшая военную и гражданскую власть, была создана в крае К. П. фон Кауфманом, исходя из условий враждебного окружения на недавно завоеванных пространствах. Порядок этого управления отражался и в официальном документе — Временном положении об управлении Туркестанской областью 1865 г. Ф. К. Гирс считал, что к 1882 г. край умиротворен и необходимость в подобной системе отпала. Кроме того, по его мнению, подобное управление замедляло «гражданское развитие народа»³².

Современник тех событий, служивший при канцелярии генерал-губернатора, Г. П. Федоров весьма нелестно характеризовал сенатора, прибывшего инспектировать край после смерти К. П. фон Кауфмана. По его словам, «Гирс представлял собою тип петербургского немца-чиновника, большого говоруна, но очень недалекого»³³. Подобное критическое восприятие самой ревизии и последовавших за ней преобразований края было довольно распространенным среди генерал-губернаторов и служащих их аппарата³⁴. Отчет Ф. К. Гирса и сама ревизия в целом существенно повлияли на дальнейшую политику управления регионом. После предварительной работы специальной комиссии по выработке Положения об управлении Туркестанским краем документ, определявший новую систему управления, был утвержден императором Александром III 12 июня 1886 г. Согласно ст. 8 нового Положения, управление Туркестанским краем, за исключением установлений и лиц, принадлежащих к судебному, финансовому, контрольному, учебному и почтово-телеграфному ведомствам, передавалось в ведение Военного министерства³⁵.

Лишение генерал-губернатора части его полномочий не лучшим образом отразилось на развитии края, где год за годом стали

³² Гирс Ф. К. Отчет ревизующего, по высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса. СПб., б. г. С. 462.

³³ Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) // Исторический вестник. 1913. № 11. С. 438.

³⁴ См., напр.: Записки В. А. фон-Розенбаха // Русская старина. 1916. № 5. С. 212; Семенов А. А. Покоритель и устроитель Туркестанского края генерал-адъютант К. П. фон-Кауфман I-й: материалы для биографического очерка // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана I-го. М., 1910. С. 76; Туркестан в имперской политике России: монография в документах / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2016. С. 156.

³⁵ Положение об управлении Туркестанского края. Т. 2, ч. 2. СПб., 1886. С. 2.

накапливаться религиозные, культурные и экономические противоречия между оседлыми и кочевым населением, местной элитой и царскими чиновниками. В 1898 г. в Андижане произошло первое серьезное восстание со времен покорения Туркестана. Это событие еще раз подтвердило необходимость проанализировать внутренние проблемы генерал-губернаторства с целью реформирования его административной системы. Инициатива реформы управления края исходила от его руководства. Генерал-лейтенант Н. А. Иванов в 1902 г. созвал Особую комиссию для составления объединенного положения об управлении Туркестанского края под председательством К. А. Несторовского³⁶. Проект впоследствии забраковали на уровне Совета министров и отложили до 1906 г., когда на заседании уже объединенного правительства — Совета министров — был рассмотрен вопрос о передаче Туркестанского края из ведения Военного министерства в Министерство внутренних дел³⁷.

Согласно разъяснениям Совета министров от 16 апреля 1906 г. и 30 июня 1907 г.³⁸, вопрос о передаче был уже делом решенным. Только необходимость разработки нового Положения об управлении краем препятствовала переходу контроля над краем от одного, выражаясь современным языком, «силового» ведомства к другому.

К. А. Несторовский впоследствии стал председателем другого Особого вневедомственного совещания, собранного для составления объединенного Положения об управлении областями Туркестанского края. В отличие от предыдущей комиссии 1902 г. под руководством Н. А. Иванова, теперь работа шла в столице. Для ее усовершенствования 8 марта 1908 г. император поручил сенатору К. К. Палену провести ревизию Туркестанского края и предоставить в Петербург необходимые отчеты и материалы. Такова предыстория вопроса.

Ревизионная деятельность К. К. Палена в Туркестане достаточно подробно изучена в отечественной и зарубежной историографии, причем работы можно классифицировать по отраслевому критерию. Биографических работ, посвященных К. К. Палену не так

³⁶ Туркестан в имперской политике России. С. 143.

³⁷ См. об этом: *Шушкова М. Е.* Реформа управления Туркестанским краем: Разногласия между Санкт-Петербургом и Ташкентом // *Новый исторический вестник.* 2012. № 2 (32). С. 11.

³⁸ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 7. Л. 32 об.

много³⁹. И наоборот, практически не одна общая работа по истории Туркестанского генерал-губернаторства или колониальной Средней Азии не обходится без упоминания о ревизии сенатора К. К. Палена⁴⁰. Основными источниками для нас стали два черновых варианта краткого всеподданнейшего доклада К. К. Палена о ревизии Туркестанского края 1909 г.⁴¹, материалы Особого совещания 1911 г. при Совете министров для выработки коренных начал преобразования управления Туркестанским краем, Особые журналы Совета министров⁴².

В начале черновика краткого всеподданнейшего доклада определяется цель ревизии: «осветить всесторонне настоящее положение Туркестанского края», с тем чтобы «дать материалы для...»; далее зачеркнуто «предстоящего составления нового положения об управлении краем и обсуждения условий и порядка» и оставлено «передачи его в ведение Министерства внутренних дел»⁴³. Во втором варианте черновика цель — составление нового закона для управления края — оставлена⁴⁴.

В части второй опубликованной всеподданнейшей записки, содержащей главные выводы, обоснование цели и само упоминание о ней исчезает, ее заменяет общая формулировка о комплексном обследовании всей административной системы на окраине.

Далее, вероятно самим К. К. Паленом, из первого чернового варианта записки были вычеркнуты целые абзацы о том, что конкретно изучала ревизия, и о квалификации экспертов. Подчеркивалось, что внимание было обращено на «внешние условия», «на положение дела заселения края русским элементом», «на вопросы орошения

³⁹ См., напр.: Любичанковский С. В. Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908–1909 гг. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 127–132; Переудина Н. В. Материалы сенаторской ревизии Туркестанского края 1908–1910 гг. источниковедческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978; Morrison A. The Pahlen Commission and the Re-Establishment of Rectitude in Transcaspia 1908–1909 // Monde(s). 2013. No. 2. P. 45–65.

⁴⁰ См., напр.: Котюкова Т. В. Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. М., 2016; Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. P. 136; Crews R. D. For Prophet and Tsar. Cambridge, 2006. P. 269; Sahadeo J. Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, 2007.

⁴¹ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 437.

⁴² Там же. Д. 7.

⁴³ Там же. Л. 28.

⁴⁴ Там же. Л. 46.

его безводных пространств, лесоохранения, промышленности, путей сообщения, народного образования <...> на вопросы обременения населения различным видам податей и повинностей, денежных и натуральных»⁴⁵. О членах команды К. К. Палена сказано, что они не только имели опыт службы, но и обладали «основательными сведениями по различным отраслям государственного управления»⁴⁶. В ревизии участвовали представители Министерства юстиции и Правительствующего сената, Военного министерства, Министерства внутренних дел, Главного управления землеустройства и земледелия. Технические специалисты еще до отъезда из Петербурга погружались в дела края, работая с документами центральных ведомств, касающимися Туркестана. Во втором варианте краткого отчета Палена первый абзац был частично переделан, но сведения об участниках оставлены без изменений⁴⁷.

Текст черновой записки разделен на пункты, названия которых были обозначены слева, на полях. Первый пункт озаглавлен «Отсутствие органической связи Туркестана с Россией». В качестве факторов, определяющих это «отсутствие», назывались: огромный размер территории «превышающей площадь Австрии, Германии и Франции» (1 530 444 кв. верст), климатическое и этническое разнообразие региона. Последнее обстоятельство представляло интерес. В правительственных и сенатских документах те или иные этнические группы Средней Азии наделялись специфическими характеристиками. Члены ревизионной группы, безусловно, попали под влияние местных этнических стереотипов. Сарты⁴⁸ и таджики считались «трудолюбивыми». Сам К. К. Пален разделял эти две этничности, отмечая, что обе категории населения перенесли «самые сильные притеснения со стороны часто сменявшихся завоевателей»⁴⁹. Далее речь шла о туркменах, в отношении которых использовался эпитет «рыцарские». Первоначально планировалось подчеркнуть, что это

⁴⁵ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 437. Л. 28 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 47 об.

⁴⁸ По вопросу о происхождении сартов на данный момент в историографии нет единства. Мы разделяем точку зрения С. Н. Абашина: исходя из таких критериев, как фенотип, образ жизни и традиции, это население иранского происхождения, исходя из языкового критерия — тюркского (*Абашин С. Н. Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных дискуссиях // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 253*).

⁴⁹ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 437. Л. 29.

«туркменские племена», показать их разделение на племена «теке» и «йомудов», но в итоге комиссия решила не вдаваться в детали.

Киргизы (в Средней Азии — казахи), по мнению сенатора, люди «полукочевые, дикие и хитрые <...> привыкшие ко всевозможным лишениям». Остальные «азиатские народности» — китайцы, индусы, афганцы, армяне, евреи — были разбросаны между указанными племенами⁵⁰. Говоря об отсутствии «органического слияния края с империей», К. К. Пален делал акцент на том, что это состояние сохранялось свыше 40 лет. Он писал: «Как управляющие, так и управляемые живут рядом совершенно обособленной жизнью, сталкиваясь лишь в тех немногих сферах, в которых нельзя обойтись друг без друга». Сенатор поначалу подчеркнул, что все это очевидно даже при «самом поверхностном обзоре деятельности органов управления края и отношений их к местному русскому населению»⁵¹. В итоге от подобной фразы отказался ввиду ее двусмысленности в отношении результатов всей ревизии в целом.

По мнению комиссии, в Туркестане «не русский уклад жизни <...> влияет на местный, а наоборот, туземный, азиатский быт, воззрения, понятия и приемы постепенно подчиняют себе местных деятелей из русских чиновников». По наблюдениям участников ревизии, только два фактора содействовали сближению туземного населения с империей — «внешний мир и внутреннее спокойствие» и «возможность сбыта продуктов» и торговли с Россией. Во всем прочем население продолжало жить замкнутой азиатской жизнью, «увеличивая свою самобытную обособленность»⁵². Вину за такое состояние дел сенатор частью возлагал на местные власти, поскольку последние не желали «воздействовать в культурном направлении на строй мало знакомой и чуждой им жизни и довольствуются признаками внешнего изъявления покорности и подчинения». Еще одной проблемой сложившейся системы управления первоначально называлась организация, «пределы прав и обязанностей органов управления, как местного в Туркестане, так и центрального в Санкт-Петербурге»⁵³. Впрочем, в итоговый вариант критика центра не попала, вероятно, из конъюнктурных соображений.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 31.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Л. 31 об.

Чтобы максимально подчеркнуть недостатки российской системы управления сенатор сравнивал ее с английской колониальной системой. В Британской Индии «вопросы направления политики и определение жизненных интересов метрополии по отношению к колонии (примечательно, что в первом черновом варианте записки вместо «интересы метрополии» стояло «интересы коренного населения государства». — *Авт.*), всецело находятся в руках центрального правительства»⁵⁴. Представителю верховной власти, т. е. вице-королю Индии, давалась полная свобода в административном управлении колонией. Метрополия при этом могла отменять его распоряжения и законы. Подобная практика в Туркестанском крае существовала до 1886 г.

По новому Положению (на него сенатор, что характерно, не ссылаясь) документационный оборот между администрацией генерал-губернатора и центральным правительством осуществлялся в хаотичном порядке через разные канцелярии и ведомства в Санкт-Петербурге, с которыми приходилось согласовывать «каждую копейку сметы», каждое административное распоряжение.

Еще в подготовительный период ревизия выявила полную дезорганизацию документооборота краевой администрации с центральными ведомствами. Дела по Туркестану не были объединены даже в Военном министерстве. Таким образом, на практике переход ряда полномочий генерал-губернатора края в столичные ведомства за два с лишним десятилетия совершенно не способствовал «твердому направлению политики для Туркестана» и должному контролю со стороны метрополии; наоборот, «административная жизнь» «привыкла игнорировать» указания из Санкт-Петербурга (подобная радикальная формулировка позднее была смягчена К. К. Паленом). Сенатор в записке прослеживал развитие управленческой системы от самостоятельности генерал-губернаторов к самостоятельности чиновников их собственного аппарата. Подобный административный порядок приводил к переходу от интересов империи к сиюминутным интересам, соображениям «преходящего удобства управления краем в данную минуту»⁵⁵.

В качестве доказательства такого положения дел К. К. Пален привел новый проект управления Туркестанским краем, составлен-

⁵⁴ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 437. Л. 31 об.

⁵⁵ Там же. Л. 32.

ный канцелярией генерал-губернатора. Проект Особого совещания К. А. Несторовского был совершенно несогласованным с общими законами империи. По наблюдениям ревизии, власть в крае на областном и уездном уровнях целиком присвоена самой канцелярией генерал-губернатора, поэтому де-факто в крупнейшей национальной окраине «области находятся в положении уездов, военные губернаторы играют роль исправников, а уездные начальники — старших урядников»⁵⁶.

Следующий пункт записки К. К. Палена вызвал наибольшее число нареканий как в Петербурге, так и в Ташкенте. Уже из названия «Совет при генерал-губернаторе — тормоз в развитии края» становилось очевидным, что в ней содержалась разгромная критика деятельности управляющего канцелярии генерал-губернатора. Ввиду отсутствия компетентных советников-юристов начальник края находился «в худшем положении, чем любой губернатор внутренней губернии, имеющий в своем распоряжении непременных членов губернский присутствий и советников губернских правлений»⁵⁷; сенатор приводил сравнение совета при генерал-губернаторе края с советом вице-короля Индии, опять же не в пользу первого.

Далее был пункт о трех важных аспектах имперской политики в Средней Азии — «учебном деле», «государственных регалиях» и «государственном имуществе». Все они, по мнению сенатора, были совершенно обособлены от государственных и областных учреждений. Наиболее плачевная ситуация, согласно его данным, сохранялась в «учебной части», поскольку она попала в руки «безответственного» главного инспектора учебных заведений и его ставленников. Конкретных подробностей в записке не приводилось, за исключением общих указаний на наличие «революционного духа» среди учителей в низших русско-туземных школах и народных училищах, проблему переполненности реальных училищ и низкое качество получаемого в них образования. Лишь судебные учреждения Туркестана сенатор признавал соответствующими нормам Российской империи, хотя их малочисленность в масштабах региона приводила к концентрации дел в народном суде, которому, в свою очередь, коренное население не доверяло.

⁵⁶ Там же. Л. 33 об.

⁵⁷ Там же.

В записке перечислялись по пунктам «главные вопросы края», среди которых на первом месте стоял «переселенческий вопрос». Видя значительные перспективы в процессе «заселения края русским элементом», К. К. Пален критиковал местные власти за отсутствие планомерной переселенческой программы, ясного определения прав на землю для прибывавших из центральных губерний крестьян, единообразия подходов к переселенческой практике. Параллельно с ростом миграции «русского элемента», народностей ближайших к Каспийскому морю областей, Кавказа и Поволжья в Туркестан у местных народов также пробуждался интерес к собственным (и, заметим, законным) правам на землю. В итоге краевые власти оказались не готовы как к темпам миграции, так и к нарастанию противоречий между переселенцами и местным «туземным» населением. Недовольство деятельностью канцелярии генерал-губернатора, как заметил сенатор, нарастало и по той причине, что нередко отдавались взаимоисключающие приказы решать земельные споры в пользу и местного, и пришлого населения⁵⁸.

В черновом варианте записки, в части, посвященной «мусульманскому вопросу», К. К. Пален провел аналогию между Римом для католиков и Самаркандом для мусульман. Сенатор писал о «видимом спокойствии» в крае и «внешних признаках покорности», усыпляющих бдительность. Наибольшую угрозу представляли организации «ишанов и мюридов», которые к тому времени уже спровоцировали восстание в Андижане и все «крепче» развивали отношения с «общим исламистским движением, с Приволжскими татарами <...> магометанами Кавказа и Турции»⁵⁹.

В качестве меры противодействия предлагалось учредить (в первоначальном варианте записки написано «при начальнике края», но в ходе работы над документом генерал-губернатору подобной задачи решили не доверять) специальный орган для изучения местных традиций ислама. В итоге было предложено создать ответственный орган для всестороннего изучения течений и направлений мусульманского движения. Планировалось постепенно упорядочить вопрос о правах, обязанностях и административном подчинении властям мусульманского духовенства Средней Азии. Подобная мера, помимо политической причины, имела и экономи-

⁵⁸ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 437. Л. 38.

⁵⁹ Там же. Л. 39.

ческий резон — разрешение так называемого вакуфного вопроса⁶⁰. Отдельным пунктом записки был так называемый еврейский вопрос. К. К. Пален подробно описал отличия бухарских евреев от их соплеменников, населивших Россию после присоединения Польши. Он подчеркивал факт игнорирования со стороны еврейской молодежи Туркестана революционных событий 1905–1906 гг. в России. Сенатор призывал не «уравнивать их с единоплеменниками Европейской России»⁶¹.

Текст записки в целом составлен таким образом, что все пункты взаимосвязаны, логически продолжают и дополняют друг друга. Например, давая характеристику деловым качествам предпринимателей из числа бухарских евреев, сенатор переходит к характеристике экономического положения края. Два фактора, по его мнению, предопределили рост благосостояния Туркестана: проведение железных дорог и введение посевов хлопка. К поощрению сырьевой отрасли местные власти оказались не готовы, поскольку возникла необходимость крупного и мелкого кредитования производства хлопка и люцерны, должного юридического оформления и сопровождения сделок.

Еще одной актуальной для края проблемой, которой отведено значительное место в записке, было орошение. Для детального изучения вопросов, связанных с орошением, в состав участников ревизии К. К. Пален включил датского инженера ввиду нехватки подобных специалистов в Российской империи. Как в случае с вопросом переселения, главной проблемой оказалось отсутствие системного подхода у краевых властей. Данная отрасль не имела юридического оформления и с отсутствием единообразия и должного контроля стала наиболее затратной. Приводя в пример ужасающее состояние ирригационной системы в Ферганской долине, сенатор отмечал в первоначальном варианте записки, что система находится в «первобытном состоянии» и поддерживается, помимо казенных средств, силами натуральной повинности местного населения, как во времена Тамерлана⁶². Данная проблема представлялась К. К. Палену практически неразрешимой в связи со стратегическим характером водных ресурсов в регионе. В таких условиях поиск частного

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. Л. 41 об.

⁶² Там же.

инвестора был невозможен из-за абсурдности самой идеи передачи главной ценности Средней Азии — воды — в частные руки.

В первоначальном варианте записки сообщалось о состоянии сельского хозяйства и промышленности, налогообложения и младшего чиновничьего аппарата на местах. Чиновники, в основном офицеры, по мнению К. К. Палена, по уровню компетенции и качеству работы были выше коллег во внутренних губерниях России.

Недочеты, отчасти в смягченном варианте, были перечислены в итоговом варианте всеподданнейшей записки, которая, в свою очередь, как и другие материалы ревизии, обсуждалась 2, 6–8, 10, 13 и 14 мая 1911 г. в Особом совещании при Совете министров под председательством государственного контролера П. А. Харитонova. На этих заседаниях мнения К. К. Палена и генерал-губернатора Туркестана А. В. Самсонова то совпадали, то расходились, но главным оппонентом обоих оказался товарищ министра финансов Н. Н. Покровский.

В полемике с ним А. В. Самсонов ссылаясь фактически на те же особенности края, что были указаны в записке К. К. Палена — климат, производительность почвы, разноплеменное и иноверное население; он говорил о невозможности сравнения региона с внутренними губерниями России. Поэтому, по мнению А. В. Самсонова, «естественно, что правовые нормы, перенесенные сюда из совершенно чуждой обстановки, большею частью остались лишь мертвыми формами, в которые насильно втискивается местная жизнь»⁶³.

Как и его предшественники, А. В. Самсонов, согласно протоколу Особого совещания, причину «неустройства Туркестанского края» видел в Положении об управлении краем 1886 г., благодаря которому «туркестанский генерал-губернатор остался в стороне от управления краем, за исключением лишь административно-полицейской части»⁶⁴. Даже в этом направлении появился бюрократический посредник в виде Азиатской части Главного штаба.

Согласно ст. 12 Положения 1886 г., генерал-губернатор имел право развивать внешнеполитические отношения с хивинским ханом и бухарским эмиром. Данный вопрос не был отражен в черновом варианте всеподданнейшей записки К. К. Палена и, вероятно, ускользнул от пристального внимания участников ревизии. Тем не

⁶³ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 7. Л. 29 об.

⁶⁴ Там же. Л. 30.

менее на практике и эта скромная роль посредника между двумя протекторатами в Средней Азии в русле общей правительственной политики после первой русской революции перешла к Министерству иностранных дел и Азиатской части Главного штаба⁶⁵.

Рецепт разрешения «ненормальной ситуации», по А. В. Самсонову, было предельно прост: «...организовать власть туркестанского генерал-губернатора на началах, приближающих ее к власти наместника его императорского величества на Кавказе»⁶⁶. Позиции сенатора К. К. Палена и генерал-губернатора А. В. Самсонова в отношении сосредоточения власти совпадали, расхождения были лишь в деталях. Проблема реформы полномочий главного военного начальника в крае стала одним из основных вопросов, обсужденных в ходе Особого совещания. Большинство участников не принимали точку зрения генерал-губернатора, желавшего стать наместником, ввиду отсутствия «определенной формы» наместничества, т. е. его должного законодательного оформления. Следующим серьезным аргументом против была перспектива «обособления этого края от остальной империи», что полностью расходилось с главной задачей внутренней политики государства — объединением «окраин с коренными частями государства», распространением на них «начал общего управления» и приобщением их «к русской государственности и культуре»⁶⁷. Третий аргумент звучал довольно иронично в свете обнаруженной в процессе ревизии бюрократической зависимости края от столичных министерств и ведомств: статус наместничества затруднил бы проведение правительственных мероприятий в крае, поскольку при его «вневедомственности» отдельные министерства и главные управления «едва ли уделяли бы [ему] в должной мере свои заботы и попечения, будучи мало заинтересованы в деле, которое в непосредственном их ведении не состоит»⁶⁸.

Категорически против усиления власти генерал-губернатора выступил товарищ министра финансов Н. Н. Покровский. Ссылаясь на отчет К. К. Палена, он обратил внимание участников совещания на то, что в нем нет доводов, доказывавших, что переустройство края необходимо лишь в силу ограниченных полномочий генерал-

⁶⁵ Там же. Л. 30 об.

⁶⁶ Там же. Л. 31.

⁶⁷ Там же. Л. 31.

⁶⁸ Там же.

губернатора⁶⁹. Этот аргумент не нашел поддержки у остальных участников, которые пришли к решению, по сути ставшему полу-мерой. В новое Положение об управлении краем решили включить правила о том, что по всем законопроектам, касающимся Туркестана, министры и главноуправляющие должны были требовать предварительное заключение Туркестанского генерал-губернатора. В случае если то или иное министерское распоряжение становилось неудобным для местной администрации, генерал-губернатор докладывал об этом в Совет министров. Дополнительно ведомства обязались предоставлять начальнику края копии делопроизводственной переписки со своими представителями в крае⁷⁰.

Обсудив спорные моменты, участники совещания перешли к тем, по которым было фактическое единство мнений, например об отмене решений Совета министров от 16 апреля 1906 г. и 30 июня 1907 г., касавшихся передачи управления краем от Военного министерства в МВД. Довод К.К.Палена о том, что в Туркестане «наиболее авторитетною по местным условиям может быть лишь власть военная», получил поддержку со стороны А.В.Самсонова и представителей Военного министерства⁷¹. Генерал-губернатор предложил создать на основе Азиатской части Главного штаба особое управление с усиленным личным составом.

На совещании обсуждался вопрос создания должностей помощников по военной и гражданской части при генерал-губернаторе по аналогии с таковыми у британского вице-короля Индии. Эта идея была отражена во всеподданнейшей записке К. К. Палена, и участники Особого совещания также признали ее целесообразной⁷².

По вопросу «тормоза развития края» — совета при генерал-губернаторе — К.К.Пален не достиг особого успеха. Было решено вывести из его компетенции «поземельно-податные дела» и уже после этого менять его статус, оставляя исключительно совещательные функции. Данная мера помогла бы внести порядок в дела управления, быстро уладить противоречия в земельных спорах между переселенцами и местным населением без лишних обсуждений высокопоставленными чиновниками генерал-губернаторства.

⁶⁹ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 7. Л. 33 об.

⁷⁰ Там же. Л. 36 об.

⁷¹ Там же. Л. 33 об.

⁷² Там же. Л. 37.

На совещании обсуждался и религиозный фактор в крае. Политика игнорирования местного ислама исчерпала себя по причине активности «ишанов и мюридов». Совещание наметило ряд мер по «наблюдению за местной мусульманской жизнью»: 1) создать учебные инспекции мусульманских школ; 2) учредить «орган для историко-этнографического и статистического изучения мусульманства»; 3) организовать цензуру и особое установление для наблюдения за «жизнью местного мусульманства»⁷³.

В определенной степени религиозные вопросы края затрагивали и бухарских евреев Туркестана. Генерал-губернатор А. В. Самсонов не разделял мнения К. К. Палена о данной этнической группе и считал необходимым запретить им приобретать недвижимость вне городов Туркестана, обеспечив таким образом своеобразный вариант черты оседлости в Средней Азии. В ходе совещания, которое в целом поддержало мнение сенатора К. К. Палена о лояльности местных евреев государству, говорилось и о «вреде», который они наносят местному населению, пользуясь российским покровительством⁷⁴.

В итоге члены Особого совещания решили снять с себя ответственность, предоставив на рассмотрение Совета министров две ограничительные по своему характеру рекомендации в отношении бухарских евреев: 1) распространить на «туземных евреев» общие имперские законы о евреях, — это означало, что мнение сенатора К. К. Палена не было принято во внимание; 2) не допустить переселения бухарских евреев из Бухарского эмирата и Хивинского ханства в Туркестанский край⁷⁵.

Был поднят вопрос и по «учебной части», в которой, по мнению К. К. Палена, сложилась наиболее плачевная ситуация. В ходе совещания возник спор в отношении ее подчинения. Генерал-губернатор высказался за передачу контроля над образованием в Туркестане главному начальнику края. С одной стороны, подобную инициативу не поддержали, с другой — было выдвинуто предложение учредить новую должность «попечителя» Туркестанского учебного округа, подчиненного Министерству народного просвещения. Единственное, чем эта мера отличала Туркестан от других областей Российской

⁷³ Там же. Л. 38 об.

⁷⁴ Там же. Л. 63 об.

⁷⁵ Там же.

империи, состояло в том, что попечитель должен был информировать генерал-губернатора «о всех важнейших делах» и о «предписаниях» Министерства народного просвещения.

Сенатору не удалось убедить членов Особого совещания в целесообразности организовать в крае общие губернские учреждения, отчасти усовершенствованные по примеру остальных в Российской империи. Было высказано два контраргумента, и ирония состояла в том, что ссылались одновременно и на несовершенный и устаревший характер губернских учреждений, и на недостаточную зрелость края в культурном отношении⁷⁶. Совещание предложило ввести в крае упрощенное областное управление по примеру четырех Сибирских губерний, в которых административные дела были сосредоточены в так называемых присутствиях. Исключением должна была стать Закаспийская область, еще более уступавшая «в культурном развитии остальным областям края»⁷⁷. Дополнительно высказывалось опасение подобного перехода ввиду перегруженности делами канцелярий губернских управлений в Сибири.

По поводу самой структуры административных дел на совещании было высказано пожелание создать особые комитеты «по заведованию земским хозяйством», «особые областные присутствия по крестьянским делам» и ввести должности областных землемеров и чертежных.

По итогам обсуждения указанных вопросов было решено учредить при губернаторах особые канцелярии и усилить канцелярии областных правлений. Областное присутствие по крестьянским делам решили создать только в Семиреченской области, поскольку именно там имелось значительное количество крестьянского населения.

Товарищ министра финансов Н.Н.Покровский, не оспаривая необходимости преобразований, но считая несправедливой их оплату за счет бюджета страны, предполагал делать это за счет местных средств. Против такой точки зрения высказались и К.К.Пален, и генерал-губернатор, настаивая на том, что расходы на преобразования окупятся впоследствии увеличением благосостояния края.

Н.Н.Покровский расходился с К.К.Паленом и по вопросу надзора за крестьянами на уездном уровне. К.К.Пален и поддерживавшие его сенаторы А.И.Лыкошин и Н.Д.Чаплин выступили за

⁷⁶ РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 7. Л. 40.

⁷⁷ Там же.

учреждение должностей крестьянских начальников в деревнях и аулах во всех уездах пяти областей края. Против высказались председатель совещания П. А. Харитонов, генерал-губернатор А. В. Самсонов, Н. П. Лихарев и Н. Н. Покровский. Ссылаясь на неразвитые, по сравнению с «русским элементом», «общественные потребности туземцев», они считали достаточным сельское управление посредством уездных начальников и приставов. Единственное новшество, которое, по их мнению, следовало бы ввести, — это должности податных инспекторов для помощи начальникам на местах. По итогам заседаний единого решения по этому вопросу не приняли. Институт собственности в исламе — вакуф — и его корреляция с законами Российской империи не обсуждались в ходе совещания. Было высказано только пожелание о подробной разработке данного вопроса в законодательном порядке.

Одна из самых болезненных проблем в Туркестане — распределение земли между переселенцами и местными жителями — также практически не обсуждалась. По результатам совещания выражалась поддержка проекта ГУЗиЗ о порядке размещения новоселов в Туркестане, в основе которого лежали принципы отвода земли в единоличное владение на правах собственности и передачи более ценной ирригационной земли за вознаграждение.

Среди проблем, связанных с переселением «русского элемента», обсуждавшихся на совещании, был вопрос его качества, злободневный для всех колонизируемых территории России. К. К. Пален озвучил свои предложения из всеподданнейшей записки. По мнению сенатора, пользуясь налоговыми льготами и казенными ссудами, люди «с пониженной нравственностью» отвращали туземное население от принятия им «русских обычаев и русской культуры» в будущем⁷⁸. Выход из ситуации так и не был найден в ходе обсуждения, прекращение выдачи ссуд на домоустройство чиновники посчитали преждевременным. Важнейший вопрос, связанный с переселением, — правила распределения и разделения земельного фонда между выходцами из других областей России и согласными осесть киргизами, — был отложен для детального изучения статистических данных по экономическому состоянию края. Такое решение не способствовало ликвидации социальных и религиозных противоречий.

⁷⁸ Там же. Л. 62–62 об.

Анализируя документ, подготовленный К.К.Паленом по результатам ревизии, можно утверждать, что сенатору, досконально изучившему проблемы внутреннего развития региона, не удалось отстоять в полной мере свои реформаторские предложения в правительственном Особом совещании, несмотря на то, что его мнения по многим вопросам совпадали с точкой зрения генерал-губернатора края А.В.Самсонова. Крайне сложный характер таких вопросов, как «переселенческая политика», распределение властных полномочий между начальником края и столичными ведомствами, не позволяя без должной политической воли решить их путем компромисса. Подобное «полупереходное» состояние края ввиду отсутствия нового положения сохранился до Первой мировой войны.

Вопрос о разработке целостного проекта Туркестанского положения вновь был поднят в 1910 г., когда участники ревизии К.К.Палена подвели ее итоги. В декабре 1910 г. в Совете министров Пален высказал предположения об основных началах преобразований, было решено создать новое совещание во главе с государственным контролером П.А.Харитоновым, которое должно было опираться на выводы ревизии. Однако Николай II предложил совещанию учитывать не только позицию К.К.Палена, но и всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора А.В.Самсонова, в котором тот расходился с сенатором по ряду вопросов⁷⁹. Статус совещания оказался значительно выше, чем комиссии К.А.Несторовского: вместо туркестанских чиновников в него вошли товарищи министров, сенатор К.К.Пален, туркестанский генерал-губернатор. Были сформулированы два проекта основных начал реформы управления Туркестаном — К.К.Палена и А.В.Самсонова.

Согласно предположениям К.К.Палена, комиссия П.А.Харитонova должна была руководствоваться идеей правовой унификации «с сохранением лишь самых необходимых особенностей управления»⁸⁰ Туркестаном. Недостатками прежних норм, по его мнению, были обособленность края и обременение имперской казны расходами местного значения. Как считал К.К.Пален, общие законы империи следовало распространить на всю экономическую жизнь края, за исключением вопроса о водопользовании⁸¹. Ключе-

⁷⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 129–130.

⁸⁰ Там же. Л. 2.

⁸¹ Там же. Л. 67 об.–68.

вым он видел изменение краевого управления: его следовало преобразовать по образцу Европейской России, отделив административные функции от хозяйственных и передав последние в полноценные городские и земские органы.

Вопросы землеустройства, как полагал К.К.Пален, следовало возложить на особые межевые органы с «коренным пересмотром оснований» отвода земель кочевому и оседлому населению⁸². По мнению ревизора, в Семиречье в первую очередь следовало выяснить, какие земли останутся у местного населения, а из лишних земель можно было бы создать колонизационный фонд. В деятельности Переселенческого управления и туркестанской администрации сенатор нашел множество нарушений, путаницу в правах и обязанностях, межведомственную борьбу и разногласия личного характера. К.К.Пален констатировал «хаотическое состояние водворения переселенцев»⁸³ и предложил установить обязательные для всех правила изъятия земли у коренного населения, образования участков для переселенцев и выдачи ссуд, не допускающие трактовок и не вызывающие ведомственных пререканий. Переселенческие партии он предлагал подчинить туркестанским властям.

В раздаче земель непривилегированным слоям даром в бессрочное пользование по уравнительной норме, достаточной лишь для выживания, К.К.Пален видел «строй гораздо более согласованный с социалистическими теориями, нежели с основными законами империи»⁸⁴, несоответствие курсу на уничтожение общины и развитие частной собственности. По мнению К.К.Палена, переселение крестьян-общинников вело к малопродуктивному использованию земель. В то же время он отмечал значительное число желающих купить землю и использовать ее более эффективно, в том числе для промышленных целей. Семиречье с учетом своеобразия, по мысли сенатора, следовало выделить в отдельную административную единицу⁸⁵.

⁸² Там же. Л. 70.

⁸³ Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной сенатором К.К.Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910. С. 88.

⁸⁴ Там же. С. 87.

⁸⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428а. Л. 172 об.–174; Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной сенатором К.К.Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910. С. 87.

Как считал К. К. Пален, в Туркестане нужно было установить четкие права собственности на недвижимость и воду, упорядочить порядок уплаты и размер повинностей. По мнению сенатора, обычное право, которым регулировалось водопользование, и неопределенность с правовым статусом собственности на землю мешали притоку капиталов, развитию промышленности и торговли. То же касалось и горного дела — край нуждался в определении прав на недра, в четких правилах горного надзора и выдачи свидетельств на разведку и добычу полезных ископаемых. Семиречье, по мысли К. К. Палена, было бы выгоднее использовать не для переселения, а для целей промышленности, производя табак, рис, фрукты, хлопок, продукты скотоводства — шерсть, кожи, сало, сыр. Задачи колонизации К. К. Пален предлагал решать, развивая частное предпринимательство, привлекая капиталы, обеспеченных и предприимчивых людей, эффективно облагая коренных жителей, завоевывая их симпатии⁸⁶.

К. К. Палену оппонировал туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов, изложивший взгляды в докладе о положении края в 1909 г. К ревизии он отнесся скептически и предложил новое обследование Туркестана, доверив его не петербургским чиновникам, а особому совещанию из местных деятелей, «много лет живущих в крае и знающих его во всех деталях»⁸⁷. Если К. К. Пален объяснял недостатки обособлением Туркестана от империи, то А. В. Самсонов видел их в недоучете специфики края. Генерал-губернатор выступал против попыток подогнать управление к общим нормам внутренних губерний и считал нужным усилить местную власть, которая, по его мнению, обеспечит «быструю и решительную колонизацию <...> русскими людьми», передаст в их руки «зарождающуюся в крае промышленность»⁸⁸. А. В. Самсонов выступил против идеи К. К. Палена выделить из Туркестанского края Семиречье и отметил их экономическую взаимосвязь: этот регион обеспечивал коренные области Туркестана хлебом и скотом, позволяя сконцентрироваться на выращивании хлопка⁸⁹.

⁸⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 69–70 об.; Отчет по ревизии Туркестанского края... С. 413.

⁸⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 74.

⁸⁸ Там же. Л. 76.

⁸⁹ Там же. Л. 77–78.

Краеугольным камнем рассуждений и первостепенной задачей для А. В. Самсонова была колонизация края русскими. В отличие от прежних, новый генерал-губернатор считал возможным ускорить процесс. Старожилам и коренным жителям предлагалось «потесниться и дать место основной государственной народности»⁹⁰. Как полагал А. В. Самсонов, нормы землеустройства русских переселенцев и кочевников должны быть одинаковыми, что освободило бы значительные земли не только для земледелия, но и для скотоводства. Осознавая, что изъятие земель у кочевников вызывает их недовольство, генерал-губернатор предлагал учитывать это как важный и неустрашимый фактор⁹¹. Решать проблему поиска «громadных капиталов» для орошения А. В. Самсонов предлагал, привлекая бизнес, заключая контракты и передавая орошенные земли Переселенческому управлению, чтобы русские поселенцы выращивали там высокодоходный хлопок. По мысли генерал-губернатора, орошением могло заняться и государство — за счет пошлин с заграничного хлопка и за счет налога на хлопок, о введении которого тогда шла дискуссия.

Заселению края русскими и успеху хлопководства, по мнению генерал-губернатора, должно было способствовать развитие банковской сферы. Расширение на Туркестан деятельности Крестьянского поземельного банка позволило бы властям скупать земли вместо спекулянтов, чтобы передавать русским переселенцам. Кредитовать население могли бы сельскохозяйственный мелиоративный банк и учреждения мелкого кредита⁹². Как полагал А. В. Самсонов, русской колонизации Туркестана должно было помочь развитие промышленности и торговли с привлечением русских, в том числе тех, кто не имел земли. По его мысли, российским капиталистам следовало дать привилегии, ограничив допуск иностранцев, разрешая им работу лишь на определенный срок и запрещая покупать землю⁹³. Доход мог бы принести налог на вывоз хлопка из края, средства от которого следовало целиком направлять в ведение туркестанских властей. Генерал-губернатор предлагал сильнее облагать более доходные земли, занятые хлопком, перейти от установленной в Положении 1886 г. общинной раскладки и сбора податей к подворной. Отсутствие

⁹⁰ Там же. Л. 81 об.

⁹¹ Там же. Л. 78–83 об., 91 об.

⁹² Там же. Л. 85 об.–88.

⁹³ Там же. Л. 88 об.–90, 91 об.–92.

у коренных жителей воинской повинности предлагалось компенсировать денежным налогом. Целью этих мер А. В. Самсонов провозглашал «превращение инородческой окраины в нераздельную не только политически, но и экономически и культурно часть империи»⁹⁴.

Разработки К. К. Палена и А. В. Самсонова свидетельствуют об осознании имперской элитой необходимости реформировать законодательные основы, регулирующие хозяйственную жизнь в Туркестане. Проекты объединяло стремление устранить препятствия капиталистическому развитию края, обеспечить русскую колонизацию и слияние с империей при сохранении стабильности. В проекте А. В. Самсонова больший акцент делался на переселение и экономическое освоение края русскими как инструмент его закрепления, учет своеобразия Туркестана. К. К. Пален предлагал действовать через правовую унификацию с остальной империей, вести переселение осторожно, отказаться от уравнительного распределения земли, заменить прямое государственное вмешательство созданием условий для развития в крае предпринимательства и притока русских и зарубежных капиталов. Сенатор акцентировал необходимость взаимного учета интересов переселенцев и коренных жителей, смягчения несправедливостей.

Взгляды А. В. Самсонова были критично восприняты при обсуждении в совещании П. А. Харитонов. Отмечалось, что обособление края ведет в противоположную сторону от курса на объединение окраин с метрополией. В то же время совещание согласилось с необходимостью усилить полномочия генерал-губернатора⁹⁵. Состояние земского хозяйства края было признано неудовлетворительным, но совещание выступило против идеи К. К. Палена о развитии земских учреждений на началах самоуправления, объяснив это низким культурным развитием Туркестана. Было предложено создать такие органы для заведывания земским хозяйством, куда представители населения назначались бы генерал-губернатором и имели совещательный голос — наподобие уездных управ по делам земского хозяйства по образцу шести западных губерний. Чиновники пришли к выводу о необходимости разработки проекта закона о земских повинностях для Туркестана⁹⁶.

⁹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 95.

⁹⁵ Там же. Л. 13.

⁹⁶ Там же. Л. 150–151, 162; Д. 3960. Л. 21 об.–22.

В отношении городского хозяйства совещание высказалось за введение института самоуправления на основе Городового положения 1892 г. в полном объеме в областных городах и за сохранение упрощенного городского управления в Семиречье. По другим городам Туркестана возникли разногласия. К. К. Пален, связав плохие результаты городского хозяйства с тем, что им управляли уездные начальники и участковые приставы, предлагал ввести в этих городах упрощенное городское управление с преобладанием русских, уполномоченные от коренного населения могли бы назначаться. Его поддерживали военное ведомство и Минюст. Но большинство совещания, включая А. В. Самсонова, сочло преждевременным вводить упрощенное городское управление и предложило возложить эти функции на городских старост, назначаемых генерал-губернатором, при которых могли бы состоять выбранные населением уполномоченные. Вся исполнительная власть должна была оставаться у старост, их решения подлежали утверждению туркестанскими чиновниками. Совещание не поддержало предложение К. К. Палена демократизировать представительство горожан путем привлечения к управлению квартиронанимателей⁹⁷.

Дискуссию на совещании вызвал вопрос о недрах. Большинство согласилось, что недра в Туркестане должны стать государственной собственностью, так как признание их за владельцами земли вело к дроблению и затруднениям в использовании природных богатств, казна же могла бы дать льготы разработчикам недр. Против высказался А. В. Самсонов, отмечавший пользу частной инициативы в противовес тормозящему воздействию государства⁹⁸. В связи с определением перспектив экономического развития края совещание высказалось за желательность учреждения в крае особого горного округа, казенной и контрольной палат⁹⁹. По предложению генерал-губернатора было признано необходимым пересмотреть вопрос об обложении богатых и необрабатываемых земель¹⁰⁰.

Совещание признало неудовлетворительным, что в крае не создано института частной собственности, и решило, что для утверждения земель в собственности коренного населения необходимы точное определение этого в законе и юридическое закрепление границ.

⁹⁷ Там же. Д. 3959. Л. 167–171.

⁹⁸ Там же. Л. 175.

⁹⁹ Там же. Д. 3960. Л. 17.

¹⁰⁰ Там же. Л. 178.

Проектировавшийся ГУЗиЗ порядок переселения был сочтен правильным, совещание поддержало отказ от бесплатной раздачи ирригационной земли и единоличное, а не общинное владение землей на праве собственности. Также решили не отказываться от выдачи переселенцам ссуд на домообзаводство, что, по мысли К. К. Палена, привлекало в край «отбросы» и «слабые элементы» крестьянства. Совещание не стало выносить суждение по вопросу о землеустройстве киргизов, заявив о необходимости особого законодательного решения этого вопроса после подробного изучения хозяйственно-экономических отношений в крае¹⁰¹. Чиновник Переселенческого управления, правовед и публицист Г. К. Гинс отмечал, что в совещании высказывалась идея учредить комитет по заселению Туркестана, который мог бы объединить колонизационные мероприятия, но поддержки эта мысль не получила¹⁰².

Открывшееся в мае 1911 г. совещание П. А. Харитонов закончило работы к марту 1912 г. Тогда же, в марте — апреле 1912 г., состоялась поездка в Туркестан военного министра В. А. Сухомлинова, итогом которой стал всеподданнейший доклад, касавшийся и хозяйственно-экономических вопросов. Министр выступил за изъятие городских и земских дел из ведения администрации, установление городского самоуправления для развития хозяйства и улучшения управления. Ближайшими целями в Туркестане В. А. Сухомлинов ставил «возможно широкое развитие в крае хлопководства» и подготовку «всех годных для заселения пространств под русскую колонизацию»¹⁰³.

Итоговое рассмотрение проекта основных начал преобразования управления Туркестаном состоялось в Совете министров 20 ноября 1912 г., на заседании присутствовали сенатор К. К. Пален и генерал-губернатор А. В. Самсонов. Правительство одобрило составленные совещанием основные положения, акцентировав внимание на проведение преобразований за счет местных средств, не используя деньги казначейства. По мнению правительства, это обеспечило бы доброжелательное отношение к реформе Думы и Государственного совета. Совет министров усомнился в целесообразности реформы земского управления по типу западных губерний, но указал, что и общее положение о земских учреждениях к Туркестану неприме-

¹⁰¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3959. Л. 183–186.

¹⁰² Гинс Г. К. Переселение и колонизация. СПб., 1913. С. 29.

¹⁰³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3960. Л. 36 об.

нимо. Правительство присоединилось к мнению большинства совещания, что управлять городским хозяйством следует через назначаемых старост, и назвало преждевременным введение упрощенного городского управления в необластных городах Туркестана¹⁰⁴.

Совет министров считал лучшим признать недра государственной собственностью и применить к Туркестану правила закона о частном горном промысле в губерниях Царства Польского, которые, по мнению правительства, устраняли помехи развитию добычи полезных ископаемых и охраняли интересы собственника¹⁰⁵. Согласно нормам Устава горного, касавшимся Польши, разведку и добычу ископаемых на государственных и частных землях могли вести как собственники, так и посторонние лица, получившие на то согласие и выплатившие компенсацию, однако этого согласия не требовалось в отношении разработки и добычи железных, цинковых, свинцовых руд и ископаемых углей¹⁰⁶. В конце февраля 1913 г. император утвердил предположения Совмина.

Окончательные очертания проекта Туркестанского положения теперь во многом зависели от того, кто займется его составлением. Это спровоцировало ведомственные разногласия. Совмин предложил отдать разработку проекта военному ведомству, причем вести ее в Туркестане под руководством генерал-губернатора А. В. Самсонова. Однако допускалось, что заинтересованные ведомства могли приступить к составлению отдельных законопроектов, например о водопользовании, об основаниях взимания государственного земельного налога, о земском и городском хозяйстве¹⁰⁷.

Азиатская часть Главного штаба попыталась взять функции координации составления проекта на себя и избежать передачи работы в Туркестан, объясняя это опасностью затяжки дела и нарушения цельности. Предлагалось возложить разработку отдельных частей положения на ведавшие этими вопросами ведомства (например, податную часть — на Минфин, землеустройство и переселение — на ГУЗиЗ) с правом образования частных межведомственных совещаний. Выработанный по каждому отделу проект предлагалось послать на заключение туркестанскому генерал-губернатору, затем

¹⁰⁴ Там же. Л. 63–69.

¹⁰⁵ Там же. Л. 69–70.

¹⁰⁶ Устав горный. Свод законов Российской империи. Книга вторая. Т. VII. СПб., 1912. С. 7–103. С. 51–55.

¹⁰⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3960. Л. 71 об.–72 об.

с его заключением проекты следовало рассмотреть в межведомственном совещании, а потом внести прямо в Совет министров¹⁰⁸. Однако этот план встретил противодействие туркестанского генерал-губернатора, назвавшего Азиатскую часть учреждением, «малокомпетентным в местных особенностях»¹⁰⁹. А. В. Самсонов выдвинул альтернативный план, который предполагал разработку проекта в Туркестане, а затем обсуждение в центральных ведомствах. Главный штаб счел этот порядок «крайне затяжным и малообещающим», но согласился после уверений генерал-губернатора, что разработка норм «уже в полном ходу и что некоторые из них уже разработаны»¹¹⁰. Позднее выяснилось, что заверения А. В. Самсонова далеки от реальности. В июне 1914 г. Азиатская часть Главного штаба констатировала низкую интенсивность подготовки проекта, притом что значительная часть высших чиновников края, включая генерал-губернатора, находились в отпуске¹¹¹. Вскоре А. В. Самсонов ушел с поста в Туркестане и погиб в ходе боев в Восточной Пруссии.

Начало мировой войны почти приостановило работу над проектом Положения об управлении Туркестаном. Как констатировал новый начальник края Ф. В. Мартсон в октябре 1915 г., работы резко затормозили прибытие беженцев и отсутствие средств. Туркестанский генерал-губернатор предлагал ради качества работы прервать ее до наступления мира¹¹². К февралю 1916 г., по данным Азиатской части Главного штаба, была составлена лишь незначительная часть проекта. Так, вопрос о поземельно-податном устройстве находился на стадии сбора материала казенными палатами; по вопросам поземельного устройства кочевников и переселенческого дела, переданным Туркестанскому управлению земледелия и имуществ, проекта составлено не было; проект по земскому хозяйству был составлен, но генерал-губернатор признал его неудовлетворительным. Делался вывод, что возложенная на местную администрацию задача оказалась ей непосильна¹¹³.

Активизации подготовки реформы управления Туркестаном потребовала Дума. В марте 1916 г. парламентарии выразили пожела-

¹⁰⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3960. Л. 7–8.

¹⁰⁹ Там же. Л. 87.

¹¹⁰ Там же. Л. 105 об.

¹¹¹ Там же. Л. 7–8, 105–106 об.

¹¹² Там же. Л. 128 об.–129 об., 165–167 об.

¹¹³ Там же. Д. 3961. Л. 4–6.

ние, чтобы правительство внесло проект Туркестанского положения законодателям к осени 1916 г. Азиатская часть попыталась ускорить дело, предложив туркестанской администрации передать в центр материалы по всем вопросам, кроме административного устройства, однако со слов Ф.В.Мартсона выяснилось, что передавать, в сущности, нечего¹¹⁴. Тем не менее Николай II в мае 1916 г. поручил генерал-губернатору продолжать работы, командировав на помощь чиновника МВД, прапорщика П. Вдзенконского, ранее ведавшего делами административного устройства Сибири и степных областей и, по характеристике ведомства, являвшегося знатоком окраин и иногородческого населения¹¹⁵.

Среднеазиатское восстание в 1916 г. продемонстрировало кризисное состояние системы управления окраиной и поставило под вопрос принятые в 1913 г. основания реформы управления. Среди предпосылок восстания современники и историки называли недостатки правового регулирования хозяйственных вопросов, земельных отношений, противоречия в связи с инициированной ГУЗиЗ форсированной аграрной колонизацией края¹¹⁶.

Назначенный летом 1916 г. туркестанским генерал-губернатором А. Н. Куропаткин, помимо подавления восстания, энергично взялся за подготовку реформы. Стараясь избежать неудачного опыта К. А. Несторовского, который, как он писал, составлял положение «канцелярским путем», А. Н. Куропаткин стал привлекать к обсуждению население и администрацию. Был составлен перечень вопросов, из ответов готовился свод мнений для обсуждения в межведомственном совещании. В ходе совещаний А. Н. Куропаткину удалось обсудить, в частности, податное обложение кочевого населения, но в целом к декабрю 1916 г. вопросы податной реформы, земского и городского хозяйства, горного дела оставались на стадии сбора сведений. Генерал-губернатор совершил несколько поездок по краю, интересовался мнением разных слоев русского и коренного населения о желательных реформах, вызывал представителей отдаленных мест¹¹⁷.

¹¹⁴ Там же. Л. 15, 25–27, 29–33.

¹¹⁵ Там же. Л. 4–6, 45.

¹¹⁶ Стенографический отчет Государственной думы. Заседание 15 декабря 1916 г. // Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. документов. Ташкент, 1932. С. 151, 159–160.

¹¹⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3961. Л. 70–71. 101 об., 109 об.

На встречах обсуждались предварительно намеченные вопросы: какой вид подати местные жители считают желательным — по-доходный по скоту или кибиточный; нужна ли круговая порука при выполнении платежей и повинностей; как должно быть устроено земское хозяйство — на общих основаниях с Центральной Россией или на особых и др. Поднимались вопросы поземельного устройства населения: не следует ли при отводе земель ограничить их душевой нормой; нужно ли четче указать в законе, что земли даются в собственность с правом отчуждения, и если да, то как избежать обезземеливания и др.

У жителей Туркестана власти интересовались: на каких основаниях, по их мнению, лучше вести поземельное устройство кочевников — как для оседлого коренного населения или согласно закону для переселенцев; при землеустройстве нужно исходить из их перехода на оседлость или поддерживать и скотоводческие хозяйства, имевшие к тому времени огромное значение в экономике края¹¹⁸; стоит ли дать кочевникам земли в пользование или в собственность с правом отчуждения. Туркестанцам следовало ответить, кому должны принадлежать недра — казне или владельцу земли, нужно ли устанавливать национальные ограничения для занятия горным промыслом¹¹⁹.

Посещение думской комиссией Туркестана в 1916 г. стало неким основанием, позволявшим местным общественным деятелям надеяться на положительное решение вопроса о представительстве делегатов от Туркестанского края в Думе на предстоящей парламентской сессии. На рассмотрение нижней палаты планировалось внести проект нового Положения об управлении Туркестанским генерал-губернаторством. Напомним, что проект объединенного положения краем и штаты по его управлению были подготовлены в канцелярии генерал-губернатора еще в 1903 г. Министерство юстиции предлагало его отвергнуть уже тогда, но к 1907 г. проект рассматривался уже реформированным Советом министров¹²⁰ и был возвращен на доработку. Экономические проблемы местного населения обуславливались и слабой юридической базой. Еще в конце XIX в. русские

¹¹⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3961. Л. 116.

¹¹⁹ Там же. Л. 110–121.

¹²⁰ Институт генерал-губернаторства и наместничества в российской империи: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. В. Черкесова; науч. ред. тома Д. И. Луковская, Д. И. Раскин. СПб., 2001. С. 230.

консервативные публицисты видели проблему в нежелании российской власти производить ни в какой области управления, т. е. ни в суде, ни в администрации, ни в поземельном пользовании, никаких крутых поворотов. Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. поставило вопрос о поиске свободных государственных земель и юридическом закреплении за «туземцами» тех земель, которыми они владели фактически¹²¹. Вместе с тем туркестанская администрация начала борьбу с захватами и расхищением государственных земель.

5.3. Первый законопроект о колонизации Туркестана: вопрос о заселении орошенных земель в Голодной степи в начале XX века

В начале XX в. в ситуации соперничества великих держав и в связи с зарождением двух типов национализма — окраинного и великорусского — в имперском центре была сформулирована задача экономического освоения, эксплуатации ресурсов и геополитического закрепления Средней Азии — ее колонизации как планомерного и регулируемого законами заселения переселенцами из центра России, которые стали бы движущей силой экономического развития региона в интересах метрополии. Это оказывалось особенно важным, так как лояльности «туземного» населения быстро добиться не удалось.

Постепенно начали оформляться правительственные структуры, призванные способствовать переселению. В 1896 г. вопросы, касающиеся переселения, были объединены в одно ведомство — Переселенческое управление. Закон от 6 июня 1904 г. снял ограничения на добровольное переселение сельских обывателей и мещан-землевладельцев, в том числе в Туркестан. Переселявшиеся туда при поддержке правительства освобождались на месте водворения от казенных повинностей на пять лет полностью и на пять — наполовину. Как отмечал служащий Министерства земледелия А. А. Кауфман, закон исходил прежде всего из цели сокращения малоземелья

¹²¹ Котов А. Э. Экономическая политика в Кавказском регионе, Сибири и Средней Азии глазами русских консерваторов: 1894–1899 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 19.

во внутренних губерниях, но учитывалось и стремление к усиленному заселению «политически важных окраин», в том числе Туркестана¹²². Аграрные беспорядки в условиях Первой русской революции 1905 г. актуализировали идею организации переселения крестьян в Сибирь и другие регионы Азиатской России; эту идею стали поддерживать землевладельцы и ряд правительственных чиновников, опасавшихся изъятия части помещичьих земель (как предполагал проект кадета Н. Н. Кутлера) и заявлявших о необходимости защиты неприкосновенности частной собственности.

Вопрос переселения предполагал колонизацию, т. е. заселение и хозяйственное освоение переселенцами малозаселенных или неразвитых районов. По мере развития в России национализма все более важной в глазах части общества и государственных деятелей виделась задача усиления русского влияния на окраинах, их русификации, приспособления интересам русского народа как ядра империи. Особенность среднеазиатской окраины заключалась в том, что пригодные для жизни районы были достаточно плотно заселены, а сам регион имел древнюю культуру, отличную от российской.

Процесс переселения активизировался с проведением железной дороги, значительно приблизившей край к Центральной России. Движение по линии Оренбург — Ташкент было открыто в 1906 г., что значительно повысило транспортную доступность края и обеспечило, в частности, дешевый вывоз хлопка. Наблюдался интенсивный рост экономики. Сбор хлопка в 1907–1913 гг. увеличился более чем на 20 %, число крупного рогатого скота — на 19 %, почтовые денежные обороты с 1907 по 1911 г. возросли почти вдвое¹²³. Как отмечал эконом-географ, специалист по вопросам колонизации и переселения, работавший делопроизводителем переселенческой комиссии Думы, В. П. Вошинин, постепенно Переселенческое управление становилось «всеазиатской земской управой», сосредотачивавшей в себе все вопросы, так или иначе связанные с переселением, и влиявшей на жизненный уклад и развитие производительных сил тер-

¹²² Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 134–136.

¹²³ Законодательное предположение № 287 о восстановлении представительства в Государственной думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая. 1914 г. СПб., 1913. Вып. III. С. 1.

риторий¹²⁴. Ведомство все больше прислушивалось к экспертам, они стали привлекаться в учреждения, занимавшиеся переселенческим делом¹²⁵.

После 1905 г. на нужды переселения государство расходовало все бóльшие суммы, причем, помимо непосредственно нужд переселения, траты росли на агрономическую помощь, дорожные работы, науку, общепользные ссуды, составив к 1912 г. 26 % всего переселенческого бюджета; данные функции осуществлялись в рамках Переселенческого управления. Повышалась эффективность использования средств. Все это было призвано улучшить качество переселенческого процесса, учесть особый государственный интерес в заселении той или иной местности¹²⁶. Так, за семь лет переселенческая смета выросла на 516 %¹²⁷.

Сторонником расширения сельскохозяйственной колонизации являлся занявший в 1908 г. пост главноуправляющего землеустройством и земледелием, а до этого возглавлявший Переселенческое управление А. В. Кривошеин, которого современники называли «министром Азиатской России». «Политическое преобладание в Туркестане русской народности должно быть закреплено и хозяйственной ее силой»¹²⁸, — отмечал он в 1912 г. в записке по итогам поездки в Туркестан, указывая: «Будущее края — в сельском хозяйстве, и притом хозяйстве особом: промышленном, сложном»¹²⁹. Идеи колонизации принципиально поддерживали военные министры А. Ф. Редигер (1905–1909) и В. А. Сухомлинов (1909–1915). «Колонизация Туркестанского края русскими переселенцами должна быть признана одной из крупнейших очередных государственных задач», — сообщал А. Ф. Редигер в 1908 г. в записке П. А. Столыпину¹³⁰.

¹²⁴ Ямзин И. Л., Воицин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926. С. 68.

¹²⁵ См. об этом: Филимонов А. В. Разработка и реализация программ финансирования переселенческого дела в России конца XIX — начала XX века // Исторический курьер. 2018. № 2. Ст. 9. С. 14.

¹²⁶ Там же. С. 13–14.

¹²⁷ Приводится по: Ямзин И. Л., Воицин В. П. Учение о колонизации и переселениях. С. 67.

¹²⁸ Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о поездке в Туркестанский край в 1912 г. (далее — Записка А. В. Кривошеина). СПб., 1912. С. 55.

¹²⁹ Там же. С. 76.

¹³⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428а. Л. 22 об.

Важнейшей помехой при организации переселения в Туркестан было отсутствие удобных земель — их занимало коренное население. Работавший в ученом комитете Министерства земледелия и государственных имуществ А. А. Кауфман после командировки в Туркестан в 1903 г. констатировал, что существовавшие к тому времени законодательные нормы отвода земель оседлому населению наряду с практикой применения были излишне широки и равносильны «более или менее полному закрытию возможности отвода земель под заселение в Ферганской и Самаркандской областях, а в значительной мере — и в Ташкентском уезде, Сырдарьинской области»¹³¹. В то же время, по его оценке, число земель, излишних для потребностей кочевого населения, было весьма значительным и сильно превышало площадь, которую можно использовать для целей колонизации¹³².

Российское государство действовало двояко: теснило кочевников, вызывая их недовольство, и намеревалось ввести в сельхозоборот новые земли путем их орошения. Второй вариант власти признавали наилучшим и «самым правильным», но, как отмечал, например, туркестанский губернатор в 1905–1906 гг. Д. И. Суботич, «путь этот медленный и дорогой». По его мнению, в ближайшем будущем вряд ли можно было рассчитывать на новые ирригационные работы, поэтому возникала «необходимость взять землю у одной части подданных государства и отдать другой»¹³³. Военный министр В. А. Сухомлинов, посетивший Туркестанский край в марте — апреле 1912 г., в своем докладе императору назвал ближайшей целью правительства две задачи: возможно широкое развитие хлопководства и подготовку «всех годных для заселения пространств под русскую колонизацию»¹³⁴. Среди колонизаторов он отводил определенное место нижним чинам, выходящим в запас в крае, которых можно было бы научить аграрной технике и сдавать им в аренду участки поливной земли¹³⁵.

Туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов сообщал в отчете 1909 г., что «государственная необходимость русской ко-

¹³¹ Кауфман А. А. К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: отчет члена ученого комитета Министерства ЗиГ А. А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб., 1903. С. 205.

¹³² Там же.

¹³³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3412. Л. 36 об.

¹³⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 28 об.

¹³⁵ Там же. Л. 29 об. — 30.

лонизации Туркестана треб[овала] для прочного водворения новоселов в крае целого ряда мер», касавшихся не только их землеустройства. «Ближайшая задача по переселенческому делу сводится к подысканию свободных годных земель и к орошению новых площадей», — писал он, отмечая, что старожилы и туземное население должны быть «устроены на справедливых основаниях», при необходимости «потесниться и дать место основной государственной народности»¹³⁶. «Если “отнять” у туземного населения, евреев или армян уже принадлежащие им права было бы недостойно русской власти и несогласно с началами справедливости и определенно-го законами права, то предоставить все то, чем может располагать русское правительство и местные власти Туркестана <...> именно русским людям было бы справедливо в виду тех жертв, духовных и материальных, которые нес в Туркестане в течение полу столетия русский народ», — полагал генерал-губернатор¹³⁷.

Положительно воспринимал процесс колонизации Туркестана чиновник Переселенческого управления, правовед и публицист Г. К. Гинс, который понимал под колонизацией вовлечение в хозяйственный оборот малоиспользованных производительных сил страны и повышение «уровня культурного развития туземцев»; переселение воспринималось им как «одно из могущественнейших орудий колонизации»¹³⁸. По его мнению, колонизируемые земли Азиатской России нуждались в рынках сбыта, а также в посредниках сбыта — торговых учреждениях и людях; сбыт был связан с развитием путей сообщения и городских, торгово-промышленных поселений. Кроме того, требовались рабочие руки и капитал, в том числе благодаря введению собственности на землю и привлечению частных предпринимателей — путем концессий и предоставления земель для организации крупных скотоводческих хозяйств. Просвещение и улучшение правосудия в среде коренного населения, полагал Г. К. Гинс, также должны были позволить избежать его обособленности и враждебности, обеспечить прочную связь окраин с Россией и их скорейшую цивилизацию¹³⁹.

¹³⁶ Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова о положении Туркестанского края в 1909 г. Б. м., 1909. С. 28–29.

¹³⁷ Там же. С. 48.

¹³⁸ Гинс Г. К. Переселение и колонизация. С. 4–5.

¹³⁹ Там же. С. 21–27.

Г. К. Гинс отстаивал экономическую и политическую выгодность колоний, указывая, что нельзя оценивать колонизацию с позиций биржевых спекулянтов. По его мнению, колония могла обеспечить экономические выгоды России путем «разрежения населения», вместе с которыми перетекали и капиталы, однако России не стоило на это особо рассчитывать, так как процент дохода в европейской части страны еще был достаточно велик, и поэтому требовались особые льготы и поощрения русским капиталистам от казны. Также Г. К. Гинс указывал, что колонии расширяют рынок сбыта. Заботы о развитии промышленности в колонии он ставил на последнее место, поскольку «искусственный» процесс «редко представляется необходимым», все в этой сфере могло происходить «само собой»¹⁴⁰. Туркестан Г. К. Гинс ставил на среднее место между колониями заселяемыми и эксплуатационными: там, по его оценке, был «достаточный простор для заселения выходцами из России», но в районах хлопководческих была нужда «почти исключительно в рабочих руках — эксплуатационной силе»¹⁴¹.

Идея ускоренной русской колонизации Туркестана, продвигаемая А. В. Кривошеиным, встречала сопротивление как у части туркестанских чиновников, общественности, так и в имперской бюрократии. Скептичен был министр финансов В. Н. Коковцов, который в 1908 г. заявлял премьеру П. А. Столыпину, что проблему переселения в Туркестан и ирригации следует считать второстепенной и соответственно распределять средства¹⁴². Принципиальное несогласие с форсированным государственным вмешательством в колонизацию Туркестана выразил сенатор К. К. Пален, ревизовавший край в 1908–1909 гг. Он пришел к выводу о нежелательности изъятия земель у коренных жителей, предупреждая, что это ведет к розни и вражде. По мнению сенатора, цель обрусения и закрепления края через переселение недостижима. К. К. Пален выступил за развитие Туркестана за счет частного предпринимательства, введения земель в гражданский оборот, создания благоприятных условий для «сильных представителей русской народности»¹⁴³.

Специалист по земельному устройству и переселению крестьян А. А. Кауфман, много лет прослуживший в Министерстве земледелия

¹⁴⁰ Гинс Г. К. Переселение и колонизация. С. 45.

¹⁴¹ Там же. С. 36.

¹⁴² РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 428а. Л. 22 об., 37–37 об., 98 об.–99.

¹⁴³ Отчет по ревизии Туркестанского края... С. 417–418.

и государственных имуществ и ставший во время Первой русской революции кадетом, полагал, что сотни миллионов рублей вместо орошения Средней Азии выгоднее было бы затратить на улучшение крестьянского хозяйства в местах, откуда идет переселение. Он считал, что даже при развитии искусственного орошения значительную часть вод «придется оставить туземному, в особенности кочевому населению», поэтому «возможность переселения в Туркестан самой природой поставлена в очень узкие пределы»¹⁴⁴. Русские крестьяне, переселившись в Туркестан, как отмечал А. А. Кауфман, продолжали заниматься малопродуктивными зерновыми культурами, истощающими почву и требующими значительно большей земли, чем было бы достаточно при интенсивной культуре, например, хлопчатника¹⁴⁵. «Русские переселенцы совершенно не приспособлены к возделыванию этого растения, что доказывается полным отсутствием посевов хлопчатника даже в тех русских селениях, которые существуют несколько лет и, следовательно, успели освоиться с местными климатическими и почвенными условиями», — отмечала комиссия при Туркестанском обществе сельского хозяйства, созданная в 1907 г. для обсуждения вопросов орошения в Туркестане. Она пришла к выводу о несовместимости «привлечения к делу орошения частных капиталов с колониационными целями в местностях, где возможна культура хлопка», отметив, что «для колонизации могут быть использованы обширные пространства земель лежащих севернее 42° широты, т. е. вне пояса возделывания хлопчатника»¹⁴⁶.

С приходом в ГУЗиЗ А. В. Кривошеина укрепились тенденции активного государственного вмешательства в переселение в Среднюю Азию.

Первым крупным орошенным за счет казны районом в Туркестане стала северо-восточная часть Голодной степи¹⁴⁷ в Самаркандской области — порядка 45 тыс. десятин. Составленные к началу войны проекты орошения предполагали охват 940 тыс. десятин. Туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов рекомендовал на

¹⁴⁴ Кауфман А. А. Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. С. 10.

¹⁴⁵ Там же. С. 32.

¹⁴⁶ Журналы совещаний комиссии, образованной при Туркестанском обществе сельского хозяйства по вопросу об орошении частными предпринимателями земель в Туркестанском крае // Туркестанское сельское хозяйство. 1907. № 7. С. 558–559.

¹⁴⁷ Записка А. В. Кривошеина. С. 30, 53, 67–72, 80.

порядок увеличить ассигнования государства на орошение земель для русских переселенцев — до 10–15 млн руб. ежегодно за счет пошлин с заграничного хлопка¹⁴⁸. Как отмечал А. В. Кривошеин, «цель правительственной работы в Туркестане» — оросить не менее 3 млн десятин земли, что могло дать «еще около 20 млн пудов хлопка и 300 тыс. крепких русских хозяйств, т. е. свыше 1,5 млн русского населения»; это должно было создать «второй Туркестан», и, по мнению А. В. Кривошеина, «новое население его будет — русским». Он полагал, что цена преобразования Туркестана составит до 700 млн руб. от казны, и был уверен, что затраты с избытком окупятся «в несколько лет», а расходы будут постепенными¹⁴⁹. Выбор района для оросительных работ не всем казался очевидным, в том числе из-за постоянных нашествий саранчи¹⁵⁰.

Появление к 1913 г. в районе Голодной степи значительного объема свободных орошенных земель привело к подготовке законодательного акта, который должен был определить, кому и на каких основаниях раздать земли, а также обеспечить возможность «направленного» развития земледелия и его приспособления к местным условиям. Значение проекта заселения орошенных земель Голодной степи подчеркнул в ходе обсуждения в Думе докладчик переселенческой комиссии Д. П. Капнист. Он отметил, что этот проект — не чисто переселенческий: «Это <...> первый законопроект, который говорит о колонизации Туркестанского края»¹⁵¹. Впервые на практике должна была начать реализовываться идея планомерного заселения Туркестана русскими. А. В. Кривошеин надеялся, что «в центре Туркестана, в бесплодной степи, возникнет новый оазис: целый русский уезд, с десятками тысяч жителей и с производством хлопка в сотнях тысяч пудов»¹⁵².

В историографии традиционно основное внимание обращалось на господствующий способ — изъятие «излишней» земли у кочев-

¹⁴⁸ См. об этом: Ямзин И. Л., Воицинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. С. 312–313; Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова... С. 38.

¹⁴⁹ Записка А. В. Кривошеина. С. 30, 67.

¹⁵⁰ См. об этом: Понятовский С. К вопросу о развитии культуры хлопчатника // Туркестанское сельское хозяйство. 1907. № 10. С. 851.

¹⁵¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Сессия первая. Часть III. СПб., 1913. Стб. 2305.

¹⁵² Записка А. В. Кривошеина. С. 37.

ников, поскольку именно это усиливало напряженность, а успехи государства в орошении региона считались незначительными, как и масштабы переселения на вновь орошенные земли, однако глубокой проработки и анализа законодательства не проводилось. Замыслы, обсуждение и законодательное утверждение принципов организованной колонизации Туркестана интересны и достойны изучения с точки зрения конструирования империей институтов, которые в случае успеха могли бы стать модельными и серьезно изменить империю и ее отношения с окраинами.

Земли коренного населения Туркестана, занимавшегося земледелием, государство считало частной собственностью, территории кочевников рассматривались как государственные, находящиеся в бессрочном пользовании. Так как для Туркестана еще не были приняты правила об окончательном земельном устройстве коренного населения, правила 1906 г. устанавливали, что земля отводится переселенцам в постоянное бессрочное подворно-участковое пользование, им нельзя было отчуждать ее и обременять долгами. Если переселенцы не приступали к обработке земли в течение трех лет «по водворении», то она отбиралась.

Переселенцам на казенные земли в Туркестане, получившим разрешение властей, помимо освобождения от казенных платежей и земских денежных сборов на пять лет и их половины в следующие пять лет (для Закаспийской области — полное освобождение на десять лет), могли устанавливать льготы по отбыванию натуральных земских повинностей в течение пяти лет после водворения. Такие переселенцы могли рассчитывать на пособия от правительства: путевые ссуды (не свыше 50 руб.), ссуды на общественные надобности и хозяйственное устройство (устанавливались ГУЗиЗ в зависимости от трудности хозяйственного устройства или особой государственной необходимости, на период 1913–1916 гг. для областей — 165 руб. на семью), а также на безвозмездное получение лесного материала для построек. Возврат ссуд предполагался в течение десяти лет после пяти льготных лет¹⁵³.

Переселенцами могли стать только лица коренного русского происхождения, православного исповедания. То, что это была не просто формальность, свидетельствует отказ причислить к одному

¹⁵³ Правила о переселении на казенные земли (1906 г.). Ст. 15. Прим. 1; ст. 16. Прим. 1 // Сибирские переселения. Документы и материалы. Вып. 1. Новосибирск, 2003. С. 10–38; РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 90–93, 101.

из селений Туркестана таврического крестьянина Франца Швигеля, перешедшего из католичества в православие. Хотя генерал-губернатор А. В. Самсонов поддержал ходатайство, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин сделал запрос в Синод, и оттуда пришел отрицательный ответ, в котором указывалось, что лишь коренные русские и православные могут упрочить в крае начала русской государственности¹⁵⁴.

Вопрос орошения Голодной степи — пустынных пространств площадью более 1 млн гектаров на левобережье Сырдарьи после ее выхода из Ферганской долины — начал разрабатываться уже в первые годы после присоединения края к России. Сначала проекты были неудачными или требовали значительного финансирования, которое не выделялось. В частном порядке князь Николай Константинович Романов к 1896 г. возвел технически несовершенный канал «Николай I», оросивший более 5 тыс. десятин. Сооружение было куплено казной. Великий князь на практике показал возможность осваивать земли и развивать земледелие путем ирригации¹⁵⁵.

В 1901 г. началось строительство Романовского канала, призванного оросить порядка 45 тыс. десятин северо-восточной части Голодной степи. Оно затянулось на 12 лет из-за технических недоработок, плохой организации работ и слабого финансирования государством. В июне 1911 г. был утвержден законопроект об ассигновании на опытные работы почти 5 млн руб., что резко ускорило ход строительства, и 5 октября 1913 г. Романовский канал, ставший крупнейшим каналом в России и одним из крупнейших в Азии, был открыт¹⁵⁶. Первый практический опыт казенного орошения в Туркестане показал невысокую эффективность с учетом затраченного на него времени и упущенных частным капиталом возможностей развития ирригации. Однако опыт этот имел символическое значение. Туркестанский генерал-губернатор А. В. Самсонов в приглашениях на открытие канала председателю Совета министров В. Н. Коковцову, военному министру В. А. Сухомлинову и начальнику Азиатской части Главного штаба С. В. Цейлю подчеркивал: «Предприятие это

¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3493. Л. 36–36 об.

¹⁵⁵ См. об этом: Покорение Голодной степи / В. А. Духовный, П. И. Ковалев, В. С. Судоргин и др. 2-е изд., доп. и перераб. Ташкент, 1980. С. 21–27.

¹⁵⁶ См. подробнее: Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX века до Первой мировой войны). Ташкент, 1959. С. 231–232; Покорение Голодной степи. С. 28–33.

знаменует собой в наших среднеазиатских владениях, искони бедных орошением, начало грандиозных оросительных работ»¹⁵⁷. «Это грандиозное сооружение является крупнейшим залогом наиболее прочного водворения здесь русской гражданственности и русской культуры»¹⁵⁸. Тем не менее В. Н. Коковцов предпочел провести отпуск, пришедшийся на это время, за границей¹⁵⁹.

В 1906 г. в ведение переселенческой организации была передана первая тысяча орошенных десятин казенной земли в Голодной степи, нарезано 100 участков по 10 десятин и водворено 65 семей, основавших поселок Спасский. На следующий год ведомству отошли еще 2 тыс. десятин, и к 1912 г. на участках жили 260 семейств — 1350 чел. Переселенцы страдали от саранчи, уничтожившей в 1907–1910 гг. до 90 % всех посевов, в 1910 г. вредителя истребили. К 1912 г. в поселке появились школа, приемный покой с фельдшером и акушеркой и молитвенный дом. Почти треть посевной площади переселенцев была занята хлопком, пшеницей — почти 17 %¹⁶⁰. По данным Переселенческого управления, в 1913 г. в Голодной степи проживало уже 5 тыс. переселенцев, в том числе более 1 тыс. чел. в том году было водворено на землях, орошенных из Романовского канала. Также землю арендовали 800 самовольных переселенцев¹⁶¹.

Искусственно привлекать на орошенные земли переселенцев не приходилось: несмотря на закрытие Туркестана, в регион шел постоянный приток русских крестьян. Однако их качество, от которого зависел успех колонизации, вызывало у властей большие вопросы. А. В. Самсонов в отчете за 1909 г. отмечал: «Контингент переселенцев является в значительной части не вполне удовлетворительным для целей русской колонизации края, потому что многие из них представляют собой крестьян, отвыкших уже от труда, непрерывно переходящих по Сибири и Среднеазиатским владениям с целью получения пособия на устройство <...> и покидающих край тотчас по получении этого пособия»¹⁶². Для решения этой проблемы

¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4256. Л. 12–12 об.

¹⁵⁸ Там же. Л. 21.

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 841. Л. 133.

¹⁶⁰ См. об этом: *Скрыплев П.* Хлопководство и русские переселенцы // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 207–211, 215.

¹⁶¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 125.

¹⁶² Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова... С. 31–32.

генерал-губернатор предлагал дать право отбора «действительно нуждающихся в земле крестьян»¹⁶³ земствам тех губерний, откуда шел наибольший поток, при этом не передавать переселенческие участки в собственность, а оставлять в ведении ГУЗиЗ.

На особые качества, требовавшиеся переселенцам, обращал внимание чиновник Переселенческого управления, правовед и публицист Г. К. Гинс: «Колонисту необходимо обладать разнообразными познаниями: он должен быть не только земледельцем, но и ремесленником. <...> Колонисту необходимо <...> обладать денежными средствами на первое оборудование. Наконец, колонист должен проявить сознательность: ему должны быть известны условия жизни и хозяйства той колонии, куда он направляется»¹⁶⁴. Г. К. Гинс подчеркивал желательность поддержки состоятельных переселенцев, желательность заимствования европейского опыта поддержки переселения состоятельных людей: «Пособия выдаются людям, которые обладают некоторыми средствами и обещают поэтому стать прочными засельщиками»¹⁶⁵. «Европа не знает “самовольных” и легальных переселенцев: она знает состоятельных и несостоятельных. Поддержка оказывается первым», — отмечал он¹⁶⁶, указывая на важность заимствования западноевропейского опыта путем обеспечения всесословного переселения, привлечения интеллигентных сил, удержания в колониях чиновников, например с помощью награждения их землей¹⁶⁷.

Прямую связь зажиточности крестьянина с успешностью колонизации проводили участники собиравшегося в мае 1911 г. Совещания для выработки основных начал преобразования управления Туркестанским краем. Признавалось, что выращивание высокоценных культур на орошенных землях требует единоличного владения землей на праве собственности, а не общинного землевладения на праве бессрочного пользования с периодическими переделами, практиковавшегося почти во всех русских селениях края. Община рассматривалась как препятствие аграрному развитию, тем более что сарты и киргизы, с точки зрения членов совещания, вели,

¹⁶³ Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А. В. Сомова... С. 32.

¹⁶⁴ Гинс Г. К. Переселение и колонизация. С. 43.

¹⁶⁵ Там же. С. 45.

¹⁶⁶ Там же. С. 46.

¹⁶⁷ Там же. С. 47.

в сущности, хуторское хозяйство. По их мнению, бесплатная раздача искусственно орошенной земли была равносильна растрате государственного достояния. Совещание признало необходимость заселения Туркестана «крепким крестьянством», сославшись на выводы К. К. Палена по итогам ревизии, что «слабые элементы» при переселении не способствовали поднятию производительности¹⁶⁸. Подчеркивалась важность культурного влияния, которое не могли обеспечить бедняки: из-за своего «беспорядочного уклада жизни» они, по мнению членов совещания, не пользовались уважением и отталкивали местное население от возможности принятия в будущем русских обычаев и русской культуры¹⁶⁹.

Посетивший Туркестан в 1912 г. для изучения возможностей его развития А. В. Кривошеин в своей записке сформулировал связь государственной поддержки переселенцев с возможностью их качественного отбора и предъявлением к ним дополнительных требований. Главноуправляющий землеустройством и земледелием подчеркивал необходимость нацелить русских переселенцев на развитие ценного для страны хлопководства, а не выращивание пшеницы, которую можно было бы привезти из других регионов. Он отмечал, что дорогие орошенные земли не могут даваться русским переселенцам на обычных «сибирских» условиях: не менее трети площади отводилось под хлопок, земли следовало давать переселенцам временно под обязательство «закультивировать определенную площадь под хлопок» и лишь после получения такого «стажа» — в собственность. Еще одним обязательным условием становился отвод наделов в единоличную собственность — отрубам и хуторами; сохранение передельной общины, с точки зрения А. В. Кривошеина, было недопустимо¹⁷⁰.

Размер участков для переселенцев на поливных землях, по мнению главы ГУЗиЗ, не мог быть значительным, так как его обрабатывали отдельные семьи своими силами, средним размером отвода он считал 8–10 десятин орошенной земли на семью. Земля передавалась бы переселенцам за плату, покрывающую действительную стоимость земли и расходы казны на орошение. Это оправдывалось денежными интересами казны и психологическими соображениями —

¹⁶⁸ Отчет по ревизии Туркестанского края... С. 418–419.

¹⁶⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 8. Д. 22. Л. 20–20 об.

¹⁷⁰ Записка А. В. Кривошеина. С. 61–63.

«купленное всегда милее дареного». Однако платежи имели льготный характер: допускалась рассрочка, право рассчитываться не деньгами, а частью урожая¹⁷¹. Дума при обсуждении сметы отдела земельных улучшений ГУЗиЗ в 1910 г. тоже признала необходимым возмещение переселенцами расходов казны на орошение в зависимости от получаемых выгод и цены сооружений¹⁷².

А. В. Кривошеин считал возможным в первое время не мешать передаче части наделов переселенцев в субаренду коренным жителям для скорейшего получения хлопка и «выучки» переселенцев. По его мнению, следовало разрешить продажу наделов одними переселенцами другим, более хозяйственным, но ввести запрет на сосредоточение наделов выше определенной нормы в одних руках, их перепродажу «туземцам» и иностранцам. Переселенцы могли получить агрономическую помощь, нужно было удовлетворить их потребность в мелком кредите¹⁷³.

Глава ГУЗиЗ считал нежелательной широкую правительственную политику по обеспечению дешевой русской рабочей силой уже орошенных и занимающихся хлопководством частных хозяйств сартов не только потому, что русские крестьяне непривычны к климату и культуре хлопка, но и из-за того, что «положение русского населения как батрака в хозяйстве покоренного им сарта плохо вяжется с достоинством русского имени, не произведет хорошего морального впечатления на азиатской окраине»¹⁷⁴.

В отчете 1909 г. А. В. Самсонов указывал на необходимость параллельно с землеустройством переселенцев ускорить и обустройство на одинаковых основаниях «туземного» населения, переходящего к оседлости, что должно было «устранить причины недовольства последних <...> возвратив русскому новоселу <...> характер мирного колонизатора, несущего в Азию христианскую цивилизацию и русскую гражданственность»¹⁷⁵. Как отмечал А. В. Кривошеин, изъятие у киргизов поливных земель под переселенческие участки могло быть лишь исключением, так как русская власть «никогда

¹⁷¹ Записка А. В. Кривошеина. С. 65–66.

¹⁷² Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия III. 1910 г. Ч. III. Стб. 754–761.

¹⁷³ Записка А. В. Кривошеина. С. 65.

¹⁷⁴ Там же. С. 14.

¹⁷⁵ Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора А. В. Самсонова... С. 33.

и нигде» не основывала «благополучия русских людей на разорении завоеванных племен»¹⁷⁶; «между тем хозяйство пришлых русских людей должно быть устойчивым, и политическое значение русской колонизации обязывает дать переселенцам доступ именно на поливные земли, к ценным культурам»¹⁷⁷.

Изложенные в записке главы ГУЗиЗ тезисы легли в основу составленного ведомством законопроекта об отводе русским переселенцам участков казенной орошенной земли в Голодной степи. При разработке проекта был использован утвержденный императором 28 июня 1912 г. закон об отводе казенных орошенных участков в Муганской степи на юго-востоке Бакинской губернии на Кавказе. Тот, в свою очередь, основывался на общих Правилах 1906 г. о переселении на казенные земли, накладывая на переселенцев в Муганскую степь ряд дополнительных ограничений. Они освобождались от казенных платежей и земских денежных сборов полностью лишь на первый год после заселения (а не на пять лет, как по общему закону), на два последующих года — в половинном размере (а не на пять лет, как по общему закону). Устанавливались пятилетний срок перехода на единоличное пользование, предельная норма надела в девять десятин на двор, также вводился особый сбор на содержание и ремонт водных сооружений и заведование ими, запрещались посадка риса и сдача земли в аренду тем, кто не имел права получать переселенческие участки на Кавказе¹⁷⁸.

Совет туркестанского генерал-губернатора, рассматривавший проект по Муганской степи в декабре 1912 г., оценил его как вполне применимый к Туркестану с добавлениями и изменениями. Сроки предоставления льгот туркестанские чиновники сочли вполне достаточными. Изначально для переселенцев предлагалось установить имущественный ценз в 2 тыс. руб. капитала, но совет Туркестанского генерал-губернатора не согласился с этой идеей, указав, что таких переселенцев «не так легко подыскать», а простое предъявление суммы не могло гарантировать ее принадлежность переселенцу. В законе предлагалось лишь указать, что зачисление и водворение переселенцев производится «без всякого воспособления от казны».

¹⁷⁶ Записка А. В. Кривошеина. С. 53.

¹⁷⁷ Там же. С. 55.

¹⁷⁸ Проект закона об отводе казенных орошенных участков в Голодной степи, Самаркандской области // Проекты законов, одобренные Государственной думой. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. I. Пг., 1914. С. 291–292.

Предельную норму надела предлагалось ограничить восемью, а не девятью десятинами, так как земля Голодной степи была более плодородной при должном поливе. Также совет посчитал возможным допустить в Голодной степи рисовые посевы. Была рассчитана сумма особого сбора с переселенцев на погашение расходов казны: при стоимости орошения в 7 млн 356,5 тыс. руб. выходил ежегодный платеж в 6,5 руб. с каждой десятины земли¹⁷⁹. Генерал-губернатор А. В. Самсонов, согласившись с проектом в целом, предложил смягчить требования к переселенцам, чтобы ускорить заселение, в том числе выдавать им возвратные ссуды на домообзаводство, увеличить льготный срок и понизить ежегодную выкупную плату¹⁸⁰, что размывало идеи ГУЗиЗ, положенные в основу проекта.

После обсуждения тезисов в Туркестане и их одобрения Азиатской частью Главного штаба в конце марта 1913 г. подготовленный переселенческим управлением ГУЗиЗ проект был представлен в Совет министров. В нем отмечались успехи русских крестьян в выращивании хлопчатника, усовершенствования в обработке почвы, использование технических новшеств. Это подводило к выводу, что русские переселенцы могут успешно развивать хлопководство. Ставилась задача создать из переселенцев в Туркестане столь же зажиточных хозяев, как и «окрестные туземцы». «Необходимо предотвратить поступление ценных земель в руки таких переселенцев, которые без опыта в культуре ценных растений и без достаточных денежных средств не в состоянии сделаться экономически сильным оплотом русского влияния в крае», — отмечал начальник Главного штаба Н. П. Михневич¹⁸¹.

Согласно проекту ГУЗиЗ, на орошенные земли Голодной степи приглашались в первую очередь безземельные переселенцы-арендаторы и рабочие, уже жившие в Туркестане и свыкшиеся с особенностями туркестанского сельского хозяйства. Проект смягчал изложенные первоначально требования к переселенцам из Европейской России. В Туркестан допускались состоятельные русские крестьяне, которые имели в месте выхода имущество не менее чем в 1 тыс. руб., а не 2 тыс., как планировалось ранее. Оценку должны были проводить должностные лица, выдававшие ходаческие и проходные

¹⁷⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 33–36.

¹⁸⁰ Там же. Л. 32–32 об.

¹⁸¹ Там же. Л. 50–50 об.

свидетельства. В проекте предлагалось сократить устанавливаемые общим законом льготные сроки по казенным и земским сборам, но сделать мягче, чем в законе по Муганской степи, так как, согласно имевшимся данным, нормальной доходности хозяйство в Туркестане могло достичь только на второй год после водворения. Поэтому предлагалось освободить новоселов от платежей в течение двух лет по водворении, а в следующие два года взимать платежи в половинном размере, чтобы хозяйство могло окрепнуть.

Срок для заселения зачисленных переселенцам участков устанавливался в один год (а не в шесть месяцев, как в Муганской степи), чтобы дать выходцам из Европейской России достаточный срок для ликвидации хозяйственных дел на родине. Земли предлагалось предоставлять в подворно-наследственное пользование и отбирать у тех, кто в течение трех лет не приступил к их обработке, как и предполагали общие правила о переселении в отношении орошенных земель. Сохранялось ограничение размеров надела: наименьшей и стандартной нормой устанавливалось восемь орошенных десятин земли на двор, а не пятнадцать, как в других заселяемых районах Азиатской России, чтобы не допустить имущественного расслоения и избежать найма поселенцами рабочих для обработки земли, как это происходило в туркестанских поселках, где норма была установлена в десять десятин на двор. Норма в восемь десятин, согласно статистико-экономическим обследованиям, оставляла в распоряжении семьи переселенцев свыше 500 руб. чистого дохода в год, или 65 руб. на десятину. Предельная норма в десять десятин все же допускалась «для особых случаев <...> по условиям почвы и орошения»¹⁸².

Общая оценка затрат на орошение к тому времени повысилась до 8 млн 851 тыс. руб., в итоге расходы на орошение одной десятины земли были оценены в 155 руб., в то время как в Муганской степи — 40 руб. Указывалось, что ежегодная плата переселенцев не должна была значительно превышать земельные налоги, уплачиваемые туземцами (3–4 руб. с десятины), и носила характер платы не за землю, а за орошение.

Срок возмещения затрат казны на орошение являлся слишком значительным — его установили в 20 лет по водворении поселенцев, чтобы в первые годы платежи были ниже, чем в последующие: в первые шесть лет — по 5 руб. с орошенной десятины, следующие пять

¹⁸² Там же. Л. 39 об.

лет — по 10 руб. и в последние пять лет — по 15 руб. Помимо этого, согласно проекту переселенцы должны были с первого же года после заселения платить сбор в 3 руб. с десятины в возмещение расходов по содержанию и ремонту оросительных систем и гидротехнических сооружений, а также оброчную подать в 30 коп. с десятины. По расчетам ведомства, при доходности в 65 руб. с десятины спустя четыре года казенные сборы в 8,3 руб. не могли считаться чрезмерными. ГУЗиЗ предлагало разрешить переуступать участки тем, кто имел право на устройство на этих землях, но уже без льгот; сдачу следовало запретить. Также запрещались посевы риса, которые вели к заболачиванию местности, вредно влияли на здоровье населения и требовали много воды¹⁸³. Эти основания заселения Голодной степи предлагалось применить и к участкам тех, кто переселился ранее, но с сохранением их льгот.

Государственный контроль, согласившись с проектом в целом, предложил не устанавливать предельного размера сбора на содержание и ремонт водных сооружений, так как с развитием оросительной сети сумма могла повыситься; оснований возлагать эту переплату на казну не имелось. В итоге проект поступил в Думу с указанием от председателя Совета министров В.Н.Коковцова: сбор должен быть повышен с 3 до 5 руб. на десятину орошенной земли в год¹⁸⁴.

Внесенный ГУЗиЗ проект обсуждался в Думе в июне 1913 г. Переселенческая комиссия Думы благосклонно отнеслась к нему, предложив давать участки переселенцам всех сословий, а не только крестьянам; для их прочного закрепления необходимо было предпринять дополнительные меры: обеспечить агрономической помощью и мелким кредитом, немного увеличить размер наделов. В предлагаемом комиссией проекте не акцентировалось внимание на национальной и религиозной принадлежности переселенцев. Финансовая комиссия нижней палаты внесла в проект редакционные изменения, прописав, что к заселению допускаются лица «коренного русского происхождения православного исповедания» и старообрядцы или сектанты по соглашению с министрами внутренних дел и военным¹⁸⁵; эта норма была взята из общих Правил по переселению 1906 г. в отношении переселенцев в Туркестан.

¹⁸³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 37–46.

¹⁸⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 440. Л. 48–49.

¹⁸⁵ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. IV. СПб., 1913. С. 7–11.

Вопрос о национальных и религиозных ограничениях спровоцировал в Думе дискуссию. Докладчик переселенческой комиссии октябрист Д. П. Капнист предложил разрешить заселение на орошенных землях не только православным, но и лицам всех христианских вероисповеданий. Предложение прошло большинством в 108 голосов против 94. Д. П. Капнист не согласился с утверждением об угнетении мусульман этим законопроектом. По его мнению, это была мера защиты «горсти русских переселенцев», которым не досталось бы земли без этих ограничений. Он обосновал ограничения и финансовым аргументом: за орошение платило государство, а сам Туркестан не давал дохода. С ним согласился октябрист И. И. Капнист, утверждавший, что иначе орошенные «на русские средства» земли, «затерянные в мусульманском мире», уйдут «туземцам», которые окажутся в более благоприятном положении, чем русские¹⁸⁶. Если октябристы выступали с позиций равенства национальностей, обосновывая ограничения нарушенными правами русского населения в регионе, то правые объясняли их националистическими мотивами. Н. Е. Марков назвал другие народы «вторым сортом», нуждающимся в обрусении, и заявил, что русский народ в государстве должен иметь привилегированное положение¹⁸⁷.

Кадеты предложили отменить в проекте все национальные и религиозные ограничения и не поддержали введение принципа всесословности, отметив необходимость первоочередного устройства малоземельных крестьян. Критиковались наличие в проекте положения об увеличении в этом крае в процессе колонизации чисто русских элементов¹⁸⁸, а также тенденция к ущемлению прав киргизов: если при проведении первого из каналов в Голодной степи — имени Николая II — участки раздавались не только русским, но и киргизам, то в новом проекте туземцы устранились и ставились в «тяжкое положение» «будущих работников[-]переселенцев»¹⁸⁹. Н. Н. Щепкин усомнился в связи между критерием обладания имуществом в 1000 руб. и подготовленностью переселенца к условиям Туркестанского края. Трудовик В. И. Дзюбинский отметил, что владелец имущества в 1000 руб. мог заложить его и иметь долг в несколько тысяч

¹⁸⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая, 1913 г. Часть III. СПб., 1913. Стб. 2287–2288, 2294–2295, 2305–2307.

¹⁸⁷ Там же. Стб. 2295–2298.

¹⁸⁸ Там же. Стб. 2292.

¹⁸⁹ Там же.

рублей. Он полагал, что с экономической точки зрения целесообразнее дать землю местному населению, лучше знакомому с особенностями сельского хозяйства в климатических и культурных условиях Туркестана. Раскритиковали изложенные в проекте ограничения и думские мусульмане — прогрессист М. М. Далгат и представитель мусульманской группы Г. Х. Еникеев¹⁹⁰.

Завершил дискуссию начальник переселенческого управления Г. В. Глинка, отметивший, что национальные и религиозные ограничения на переселение в Туркестан уже законодательно действовали, так как были изложены в правилах о переселенцах 1906 г. Что касается имущественного ценза, то он, по мнению Г. В. Глинки, незначителен и необходим из-за жестких требований по оплате и срокам начала обработки земли¹⁹¹.

Дума приняла законопроект, допустив к получению участков не только крестьян и мещан-земледельцев, но и лиц всех сословий. Это было новшеством, так как общие правила о переселении исходили из сословного принципа, а внесенный переселенческим управлением проект, закреплявший равенство всех сословий в праве на переселение, Дума одобрила только в мае 1916 г. Если проект ГУЗиЗ лишь указывал на прописанную в общих правилах норму, что правом на переселение в Туркестан обладают только лица «коренного русского происхождения», то в одобренном Думой проекте право переселения давалось всем русским подданным, независимо от происхождения. Если правила 1906 г. допускали в Туркестан переселенцев только православного исповедания и ряда «старообрядческих согласий и сектантских толков», то думский вариант — всех христиан. Дума согласилась с принципом, согласно которому переселенцы либо проживали в пределах Туркестанского генерал-губернаторства в качестве рабочих или арендаторов земельных участков, либо соответствовали цензу в 1 тыс. руб.

Размер участка должен был составлять от 8 до 10 десятин удобной земли на двор, причем Дума также прописала в проекте нормы участков под церкви (33 десятины) и школы (2 десятины). Думцы согласились с правилом, что водворившиеся на два года полностью освобождаются от казенных платежей и земских денежных

¹⁹⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая, 1913 г. Часть III. СПб., 1913. Стб. 2294–2295, 2300–2302, 2304–2305.

¹⁹¹ Там же. Стб. 2309–2311.

сборов, а в следующие два года облагаются в половинном размере, уточнив, что срок считается со следующего за водворением полугодия¹⁹². Были одобрены установленные ГУЗиЗ особый ежегодный сбор в казну на погашение капитальной стоимости оросительных сооружений и временная оброчная подать, но с четким указанием, что они платятся в течение 16 лет после завершения льготного четырехлетнего срока. В проекте фиксировался внесенный ГУЗиЗ пункт, согласно которому сумма сбора на содержание и ремонт водных сооружений составляет до 5 руб. в год с десятины с первого же года по водворении, но уточнялось, что основания для определения размера и раскладки сбора должны установить особые правила, которые следовало издать ГУЗиЗ по соглашению с заинтересованными ведомствами.

Дума согласилась с принципом, что при переуступке земли вновь водворившиеся не пользуются льготами по казенным платежам и земским денежным сборам. Наказание за рисовые посевы было ужесточено: если проект ГУЗиЗ содержал ссылку на статью Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, которая предполагала денежное взыскание не свыше 50 руб.¹⁹³, то Дума установила твердую сумму денежного взыскания в 50 руб., причем с каждой засеянной рисом десятины¹⁹⁴.

Одобренный Думой проект был отправлен в Государственный совет, где его рассматривала особая комиссия под председательством П. Ф. Унтербергера, ее зампредом был В. И. Тимирязев. Государственный совет 28 февраля 1914 г. отказался утверждать проект, создав согласительную комиссию для рассмотрения «разномыслий»¹⁹⁵. По итогам ее работы Государственная дума приняла проект в измененном виде. Уточнялось, что участок могут получить не просто рабочие в Туркестане, а только те, кто был занят на земле. Переселенцы из европейской части России должны были заранее при переселении получить удостоверения, что они имеют имущество ценностью не менее чем в 1 тыс. руб. Не допускались к заселению орошенных

¹⁹² Проекты законов, одобренные Государственной думой. Четвертый созыв. Сессия вторая. 1913–1914 гг. Вып. I. Пг., 1914. С. 64–66.

¹⁹³ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Издание Н. С. Таганцева. Пг., 1914. С. 106.

¹⁹⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4218. Л. 69–71.

¹⁹⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая, 1914 г. Часть II. СПб., 1914. Стб. 1682–1683.

казенных участков последователи вероучений, выступавших против несения воинской повинности. Также Государственный совет дополнил норму о переуступке земли, указав, что участки могли получить только те, кто еще не пользовался участками казенных орошенных земель Голодной степи. Было введено жесткое ограничение на сдачу земли внаем: в общей совокупности один двор не мог арендовать больше десяти десятин — максимального размера переселенческого участка, а меру наказания за посев риса было решено не прописывать в законе, а ввести в качестве статьи в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями¹⁹⁶. С такими поправками закон 21 июня 1914 г. утвердил Николай II — спустя полтора года с начала обсуждения проекта¹⁹⁷.

ГУЗиЗ не только заботилось о подборе переселенцев и процессе переселения в Голодную степь, но и стремилось развивать инфраструктуру. В 1914 г. в Голодной степи близ Среднеазиатской железной дороги был основан первый торгово-промысловый поселок Самсонов (ныне в черте города Сырдарья в Узбекистане), которому предназначалась роль экономического и административного центра «хлопкового оазиса». ГУЗиЗ ожидало его разрастания в большой город с развитой торговлей хлопком и хлопковой промышленностью. В поселке имелось свыше 2 тыс. усадебных мест, к концу 1915 г. было сдано в аренду 316 участков, обзавелись или обзаводились постройками около 80 чел., создали больницу, школу, библиотеку, оросительную сеть. Переселенческое управление признавало условиями успешного развития поселка его благоустройство и продолжение заселения Голодной степи¹⁹⁸.

В 1914–1915 гг. разрабатывался новый проект орошения Голодной степи на площади более 500 тыс. га. В конце 1914 г. технический комитет отдела земельных улучшений ГУЗиЗ внес в Думу предложение выделить за пять лет 8 млн руб. для работ по проекту; в связи с войной этих средств не нашлось. Освоение земель отставало от их ирригационной подготовленности. Так, в 1914 г. из 43,4 тыс. орошенных гектаров было засеяно всего 14 тыс. га, а в 1917 г. из 68,9 тыс.

¹⁹⁶ Проекты законов, одобренные Государственной думой. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. I. Пг., 1914. С. 732–735.

¹⁹⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. Часть V. Пг., 1914. Стб. 1399–3.

¹⁹⁸ Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 г.: отчет о работах Переселенческого управления за 1915 г. Пг., 1916. С. 89–91, 100–101.

га фактически посе́вы заняли 34,5 тыс. га¹⁹⁹. Государственные тра- ты на каждую орошенную десятину оказались больше планируемо- го и должны были составить в 1916 г. порядка 11 руб. в год, в ито- ге разни́ца с выплачиваемыми переселенцами 5 руб. покрывалась из казны²⁰⁰. К 1917 г. в Голодной степи, по данным исследователя А. П. Фомченко, было водворено 1250 семей, создано 8 переселенче- ских поселков и свыше 60 хуторов. Если в 1914 г. хлопчатником здесь было занято почти 5 тыс. га, то к 1917 г. — 19 тыс. га, т.е. русские переселенцы оказались в силах отойти от чисто зернового хозяй- ства²⁰¹.

Закон, охарактеризованный в Думе как первый, касающийся колонизации Туркестанского края, создавал альтернативу занятию переселенцами отобранных у коренного населения земель и вводил в организованное русло переселение из Центральной России. Это могло способствовать устранению противоречий между пришлы- ми и коренными жителями. Предполагалось, что закон стимулирует развитие хлопководства в русских хозяйствах, улучшит положение скопившихся в регионе безземельных переселенцев, создаст в Тур- кестане слой зажиточных мелких русских земледельцев, использую- щих передовые приемы обработки земли, защитит от концентрации участков в одних руках. Крепкие переселенцы могли бы обеспечить рывок в аграрно-капиталистическом развитии региона, стать при- мером для коренного населения, приобщить их к русской культу- ре. В то же время процесс подготовки и обсуждения проекта сви- детельствовал об усилении во властных кругах идеологии русского национализма: государство демонстрировало заботу прежде всего о русских переселенцах и делало капиталовложения в их интересах, пренебрегая нуждами коренных жителей.

Площадь первых орошенных казной земель в Туркестане и чис- ло переселенцев для размещения на этой территории были слиш- ком незначительными по сравнению с общим притоком крестьян из Европейской России и количеством коренного населения. Пере- селенцы на орошенных землях уже спустя несколько лет, в услови- ях войны и революции, лишились государственного покровитель- ства и помощи, оказались в иных политических и хозяйственно-

¹⁹⁹ Покорение Голодной степи. С. 45, 47.

²⁰⁰ См. об этом: Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии. С. 234.

²⁰¹ Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983. С. 68, 81.

экономических условиях. Идее создания «русского Туркестана» не суждено было сбыться.

Слишком медленные темпы орошения сконцентрировали внимание метрополии на вопросе изъятия «излишних» для кочевников земель. Проводником ускоренной колонизации путем изъятия земли стало ГУЗиЗ, в интенсификации переселения его поддерживало большинство в III и IV Думах. Император также выступал за ускорение колонизации, а генерал-губернатор края А. В. Самсонов поддерживал планы изъятия земель.

19 декабря 1910 г. император после многолетних обсуждений проблемы утвердил закон, дополнявший ст. 270 Туркестанского положения примечанием, разрешавшим изымать в колонизационный фонд «излишние» для местного населения земли²⁰². «Под намеченную экспроприацию киргизских земель, — отмечал исследователь И. Л. Ямзин, — было подведено статистическое обоснование»²⁰³. Новые оценки показали у киргизов значительные излишки, которые изымались административным порядком, причем без проведения сплошного землеустройства кочевников. Работники переселенческого управления вытесняли кочевников с мест зимовок, пастбищ.

Согласно инструкции Совета министров от 9 июня 1909 г., в случае решения кочевников Туркестана перейти к оседлости им давали землю по нормам для переселенцев и только в пользование с обложением оброчной податью, а не в потомственное владение, пользование и распоряжение с обложением поземельным налогом, как предполагало Туркестанское положение и как были устроены коренные оседлые земледельцы²⁰⁴.

Противоречие инструкции и главного правового акта края вызвало ведомственные разногласия. Местные власти указывали на приоритет норм Туркестанского положения над распоряжением ГУЗиЗ о применении в регионе инструкции 1909 г. Отмечалось, что хотя она и ускоряет землеустройство бывших кочевников, но лишает их значимого права владения, пользования и распоряжения землей. По мнению туркестанских чиновников, такие изменения были возможны только после их законодательного закрепления.

²⁰² Государственная дума. Третий созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты 1910 г. Ч. I. СПб., 1910. Стб. 2586–2634; Государственная дума. Третий созыв. Сессия IV. Стенографические отчеты 1911 г. Ч. II. СПб., 1911. Стб. 1.

²⁰³ Ямзин И. Л., Воишин В. П. Учение о колонизации и переселениях. С. 35.

²⁰⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4232. Л. 34–35 об.

В итоге земельное ведомство решило заняться разработкой особого законопроекта, чтобы добиться отмены соответствующего пункта Туркестанского положения. Против инструкции выступил Минфин из финансовых соображений: в ведомстве посчитали слишком льготной оброчную подать, которой следовало облагать осевших туркестанских кочевников²⁰⁵. Инструкция, закреплявшая неравный статус осевших киргизов по сравнению с коренными земледельцами и приравнивавшая их к переселенцам, не могла не восприниматься кочевниками Туркестана негативно, порождая у них опасения за будущее. Земельный вопрос стал основной причиной того, что восстание 1916 г. приобрело особо жестокие формы в именно Семиречье.

В целом Туркестан в составе Российской империи представлял собой крайне неоднородный регион. Административно-территориальное деление края постоянно менялось, а управление различными областями опиралось на различные законодательные акты. Так, «коренные» Самаркандская, Сырдарьинская и Ферганская области управлялись на основании Положения 1886 г. В Закаспийской же области, вошедшей в состав Туркестанского генерал-губернаторства согласно именному высочайшему указу Правительствующему сенату от 26 декабря 1897 г. (7 января 1898 г. по старому стилю), действовало временное Положение об управлении Закаспийской областью. В Семиреченской области, вошедшей, согласно упомянутому выше указу, из Степного генерал-губернаторства, действовало временное Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской областями. Разработка единого Положения об управлении краем так и не была завершена.

Интенсивное осмысление роли Туркестана в Российской империи в начале XX в. изменило цель разработки нового проекта Туркестанского положения: от задачи кодификации элиты метрополии перешли к осознанию необходимости сформулировать приоритеты развития окраины. Требовался качественно новый акт, который урегулировал бы хозяйственные отношения, идущие на смену традиционным. Решение этой задачи предполагало значительно большее время и усилия, в процессе обсуждения возникли разногласия между ГУЗиЗ, военным ведомством, туркестанской администрацией, ревизором К. К. Паленом. Постепенно происходило осмысление того, что для разработки нового положения нужны не только

²⁰⁵ Там же. Л. 2–2 об., 10, 40.

кабинетные размышления, но и оценка мнений населения, изучение практической ситуации, выявление противоречий. Сомнению подвергались и территориальные рамки края.

Основные начала реформы были сформулированы к 1913 г. и предполагали устранение препятствий капиталистическому развитию в интересах метрополии, аграрную, хлопковую специализацию и ускоренную колонизацию. В дальнейшем ведомственная борьба привела к передаче разработки туркестанской администрации, не согласной с рядом принципов в основе проекта, не имевшей достаточного штата чиновников и средств, что связано с отсталостью налоговой системы и популярной идеей повышения доходности окраины. Мировая война ярко высветила недостатки правового регулирования хозяйственно-экономических вопросов, что сделало задачу создания нового положения об управлении Туркестаном особенно актуальной. Однако война резко затормозила разработку. В условиях восстания 1916 г. А. Н. Куропаткин предпринял экстренные усилия, но начало революции 1917 г. оставило процесс составления проекта незавершенным.

Российское правительство не смогло выработать единую политику в отношении Туркестана. К 1917 г. не был создан проект Туркестанского положения, призванного зафиксировать новый курс империи в крае, многие проекты реформирования либо разрабатывались по много лет, либо находились на стадии обсуждения или их не успели принять. Не было создано единого органа, который обеспечил бы проведение скоординированной политики в отношении Туркестана. В итоге модернизация проходила во многом стихийно, не было сделано ничего, чтобы минимизировать последствия слома традиционного уклада, имущественной дифференциации, обезземливания, эксплуатации. Появились маргинальные слои населения, что вело к экономической и социальной дестабилизации окраины. Правительство и Государственная дума были слабо информированы о развитии ситуации в крае и уделяли недостаточное внимание хозяйственным вопросам.

Можно предположить, что подготовка реформы задерживалась из-за незаинтересованности части элиты и ведомств в законодательном утверждении частной собственности на землю, определении порядка землеустройства коренного населения, установлении налога на хлопок, казенных финансовых вливаниях в край, унификации системы управления.

В качестве альтернативного пути ГУЗиЗ при А. В. Кривошеине предложило принятие отдельных актов по приоритетным вопросам колонизации, землеустройства переселенцев при поддержке Думы. ГУЗиЗ действовало наиболее последовательно, но его односторонность мешала формированию единой политики империи, усилила противоречия. Как справедливо отмечал К. К. Пален, эти действия создали аграрные трудности, закладывали «семена национальной розни»²⁰⁶, что проявилось в восстании.

Недостаточное внимание реформе управления Туркестана уделяло Министерство финансов, в целом не стремившееся финансировать развитие национальных окраин. Так, ведомство не прислало отзыв на проект К. А. Несторовского. В. Н. Коковцов, руководя русскими финансами, заявлял, что проблему переселения в Туркестан следует считать второстепенной, и объяснял низкие темпы оросительных работ затруднительным положением казначейства²⁰⁷. В регионе (как, впрочем, и во всей стране) так и не была решена проблема мелкого кредита, из-за чего доходы от выращивания хлопка получали не производители, а ростовщики, скупщики.

²⁰⁶ Отчет по ревизии Туркестанского края... С. 406.

²⁰⁷ РГИА. Д. 428а. Л. 22 об., 37–37 об., 98 об. – 99.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ КРЕДИТНО-ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ РУССКО-АЗИАТСКОГО КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА¹

6.1. Ново-Ургенчское отделение Русско-Азиатского коммерческого банка — русский банк в Хиве (1909–1917 годы)

Самым крупным банком в регионе, который имел разветвленную сеть филиалов (13 филиалов) по всей Центральной Азии, считался Русско-Азиатский коммерческий банк (далее — РАКБ; до 1910 г. — Русско-Китайский банк). Он старался взять в свои руки хлопководство и промышленное производство, однако так и не сумел стать локомотивом экономического развития региона. Основная причина кроется в приспособлении банка к реально существовавшим экономическим отношениям в Туркестане, Хивинском ханстве и Бухарском эмирате. Модернизация экономики Центральной Азии в понимании банков состояла в финансировании экспортных культур и посредничестве между метрополией и периферией. «Колониальная» периферия на первый взгляд казалась привлекательной сферой для инвестирования и получения сверхприбылей, но спекулятивный характер туркестанской экономики мешал нормальному разви-

¹ При подготовке главы частично использованы материалы опубликованных ранее статей: *Alimjanov B. A., Yanchenko D. G.* A Russian bank in the Khanate of Khiva Novo-Urgenchskiy branch of Russo-Asian commercial bank // *Vestnik of Saint Petersburg University. History.* 2020. Vol. 65, iss. 3 (в печати); *Мамаев А. В.* Проблемы экономического развития Туркестана в работе IV Государственной думы // *Клио.* 2018. № 11. С. 73–82; *Янченко Д. Г., Овсянников Д. В., Шорохов В. А.* Восстание в Туркестане 1916 года и реакция на него Государственной думы: историография вопроса и истоки конфликта // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки.* 2018. № 12. С. 73–80.

тию банков. В результате экономическая модернизация Центральной Азии затянулась и приняла весьма специфические формы.

В Хивинском ханстве имелся единственный банк — филиал РАКБ, который пытался развивать свою деятельность по всему Хивинскому оазису. В сферу деятельности Ново-Ургенчского отделения, отмечал в 1911 г. направленный из Санкт-Петербурга ревизор А. Слуцкий, входили Хивинские владения с городами и кишлаками Хива, Ургенч, Ханки, Хазарасп, Ташауз, Мангит (население около 1 млн чел.) и Амударьинский отдел с городами и кишлаками Петроалександровск, Шурахан, Гурлян, Ходжент, Чимбай, Акбугут (в устье Амударьи) (население около 600 тыс. чел.)².

В 1910–1911 гг. в Хивинском ханстве было произведено около 850 тыс. пудов хлопкового волокна на сумму 12 млн руб. Скупкой и вывозом хлопка занимались в основном Ярославская большая мануфактура, Московское торгово-промышленное товарищество, Стуken и К^о, братья Крафт, Персиц и Шлосберг. Ново-Ургенчское отделение РАКБ в 1910–1911 гг. купило более одной пятой части всего хлопка (20%)³. Также скупкой хлопка занимались местные и иностранные спекулянты — Баккалов, Бекджанов, братья Черниковы, братья Мануйловы и др. В Хивинском ханстве имелось 23 хлопкоочистительных завода, пять из которых находились в Петроалександровске (они принадлежали местным предпринимателям П. А. Мануйлову, Равилову, Чаубанову, Самандарову, Джалекову и Мадьярову); четыре завода находились в Ургенче (принадлежали Ярославской мануфактуре, К. А. Мануйлову, Баккалову и компании хивинцев); три завода находились в Гурляне (владельцы — братья Ризаевы, П. А. Мануйлов и Б. Максutow; три завода в Ташаузе (принадлежали Ярославской мануфактуре братьев Черниковых и Баккалова); два завода в Хазараспе (владельцы С. М. Аминов и С. Баккалов) и один в Мангите (принадлежал К. А. Мануйлову). Маслобойных заводов было только три: П. А. Мануйлов имел один завод в Петроалександровске и один в Ханке; Ярославская мануфактура имела завод в Ургенче. Все полученное масло не вывозилось, а продавалось для местного потребления. В 1911 г. из Хивы было вывезено люцерны до 400 тыс. пудов на сумму около 3 млн руб., из которых на долю Ургенчского отделения досталось более одной трети.

² РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 475. Л. 64 об. — 65.

³ Там же.

«Кроме нашего банка, — писал ревизор А. Слуцкий, — скупали люцерну Крафт, Ризаевы, Карнель, Черниковы и др. Каракуль вывозится из Ургенчского района около 500 тыс. шкурок на сумму до 4 млн руб.»⁴ Шерсти вывозилось до 30 тыс. пудов на сумму до 200 тыс. руб.

Из Хивы экспортировались также кожи, меши (кожаные мешки) и кишки, этим исчерпывался весь вывоз из Ургенчского района. «Из ввозимых товаров, — писал А. Слуцкий, — первое место принадлежит мануфактуре, которой привозится около 200 тыс. пудов на сумму около 8 млн. руб.; потом идет сахарный песок и рафинад также около 200 тыс. пудов на сумму 1 млн руб. Торговля сахаром до последних лет почти исключительно находилась в руках уральцев (казаки[-]уральцы, переселенные с давних пор за уклонение от православного вероисповедания в Амударьинский отдел), но в самое последнее время постепенно переходит в руки частью агентов Транспортных о[бществ], частью банка, частью Ризаева и других лиц. Далее керосина ввозится около 150 тыс. пудов на сумму до 300 тыс. руб. Торговля керосином находится в руках уральцев, но, вероятно, как и сахар, со временем уйдет от них. Чая зеленого ввозится около 60 тыс. пудов на сумму до 1,5 млн руб. Торговля находится в руках персов, главным образом бр. Ризаевых»⁵. Таким образом, весь объем товарооборота в обе стороны определялся в пределах 3 млн. пудов. А. Слуцкий писал: «[Почти весь вышеупомянутый товар перевозится через Чарджуй] на каюках, которых имеется в Амударье около 300 штук, вместимостью каждый от 1500 до 2000 пудов. Незначительная часть перевозится через Аральское море пароходством “Хива” (кстати говоря, плохо оборудованным)»⁶. Во время замерзания Амударьи небольшое количество грузов отправлялось через Чарджуй, Асхабад (ныне — Ашхабад), а также Красноводск, но этот способ перевоза обходился дорого и признавался рискованным.

Ново-Ургенчское отделение РАКБ было основано в 1909 г. Первым директором стал В. Я. Комаровский (с 1909 по 1911 г.), бывший служащий фирмы братьев Познанских⁷. Начальный капитал (вступительный баланс) к 1 января 1910 г. состоял примерно из 4100 тыс. руб.⁸, а к 1 января 1917 г. вступительный баланс составил

⁴ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 475. Л. 64 об. — 65.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 85–90.

⁸ Там же. Л. 16 об.

3 622 561 руб. 03 коп.⁹ В 1911 г. Главное управление РАКБ определило постоянный капитал Ново-Ургенчскому филиалу в 1 млн руб.¹⁰ «Мы находим, — сообщала дирекция банка в Санкт-Петербург, — что назначенного вами нашему отделению в постоянный капитал одного миллиона рублей должно быть далеко не достаточно. Не считая капитала, вложенного в люцерну, означенная сумма потребуется нам лишь для основных наших функций. В постоянный капитал 1 млн руб. и дополнительный капитал 1 млн руб.»¹¹ Банк дополнительно предоставил своему филиалу 800 тыс. руб., но и эти деньги оказались недостаточными. «Мы считаем возможным, — писал И. И. Фрюлинг, директор банка в 1911–1916 гг., — возобновление прошлогоднего нашего условия с господами Мадьяровым и Баккаловыми (они входили в окружение хивинского хана и даже ездили в Петербург с ханом) в случае осуществления идеи синдицирования Хивинского рынка экспортерами люцерны. А в этом последнем случае нам потребуется капитал не менее полумиллиона рублей»¹². В 1911 г. банк попытался монополизировать хивинский рынок, но объединение фирм под руководством банка провалилась. Основной причиной провала синдицирования, по мнению И. И. Фрюлинга, были высокие цены на люцерну в Хиве и ожидаемый хороший урожай во Франции¹³.

Основными активными операциями банка считались учет векселей, вексельные кредиты и срочные ссуды. Для учета векселей был создан Учетный комитет, куда в 1911 г. был приглашен представитель интересов группы персидских торговцев и промышленников господин Хаджи Ага Алиев, доверенный Торгового дома братьев Ризаевых¹⁴. Вексельная операция не достигла того желаемого уровня, который был развит в хлопководческих районах Ферганской области Туркестанского генерал-губернаторства. «Вексельный учет, — писал директор банка В. Я. Комаровский, — дает цифры весьма незначительные и неустойчивые. В этом направлении работа оказывается слабой и развиваться не может, чему причиной служит характер местной промышленности и слабое развитие вексельных отношений в местном населении, прибегающем, в силу

⁹ Там же. Л. 158 об.

¹⁰ Там же. Л. 210–212.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 239–241.

¹³ Там же. Л. 248–249.

¹⁴ Там же. Л. 42.

Таблица 1. Активные операции (вексельные) Ново-Ургенчского отделения Русско-Азиатского банка в 1910–1917 гг.

Годы	Общий оборот	Учено векселей	Получено процентов от учета векселей
1910	61 011 475 руб. 49 коп.	272 592 руб. 60 коп.	11 076 руб. 55 коп.
1911	91 008 142 руб. 24 коп.	684 835 руб. 55 коп.	19 506 руб. 65 коп.
1912	98 327 924 руб. 86 коп.	902 579 руб. 01 коп.	40 875 руб. 26 коп.
1913	92 189 804 руб. 58 коп.	793 981 руб. 85 коп.	38 773 руб. 51 коп.
1914	86 981 251 руб. 44 коп.	638 764 руб. 58 коп.	29 161 руб. 94 коп.
1915	156 115 323 руб. 34 коп.	327 976 руб. 18 коп.	19 277 руб. 03 коп.
1916	211 994 574 руб. 50 коп.	127 450 руб.	6410 руб. 98 коп.
1917	418 754 157 руб. 58 коп.	92 300 руб.	2889 руб. 93 коп.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 474. Л. 2, 16 об., 18, 35 об., 37, 62 об., 64, 82 об., 84, 107 об., 109, 131 об., 133, 158 об., 160.

требований шариата, к совершению казихатов, каковые к учету не принимаются»¹⁵. Очевидно, что система традиционных долговых обязательств вексельного типа продолжала существовать в самой Хиве и широко практиковаться среди коренного населения. Оспаривать решения кази, получавших не менее 1,5 % от суммы сделки, можно было у хана, что, конечно, оказывалось неприемлемым для банка, действовавшего по российским законам.

Из табл. 1 видно, что учет векселей достиг пика в 1912 и 1913 гг. и вскоре начал сокращаться из-за плохого состояния вексельного портфеля банка.

С 1911 г. банк по приказу Правления начал принимать на учет соло-векселя, хотя эту операцию не одобрял И. И. Фрюлинг. Он ссыался на сложности в консигнационной покупке хлопка, на обязательное требование клиентурой соло-векселей при выдаче ссуд под транспортные документы. Формальности отпугивали клиентов из числа хивинцев, которые обращались в к московским фирмам Стукена и Торгопро (Московское торгово-промышленное товарищество)¹⁶. С 1913 г. эта операция все же получила поддержку банка (см. табл. 2).

¹⁵ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 475. Л. 85–90.

¹⁶ Там же. Д. 476. Л. 103–106, 108–109.

Таблица 2. Учет соло-векселей в Ново-Ургенчском отделении Русско-Азиатского банка в 1913–1917 гг.

Годы	Учено	Получено процентов
1913	135 500 руб.	4004 руб. 05 коп.
1914	11 000 руб.	188 руб. 37 коп.
1915	5500 руб.	230 руб. 31 коп.
1916	–	–
1917	–	–

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 474. Л. 64, 84, 109.

Осенью 1911 г. банк поднял процентные ставки по всем товарным и вексельным операциям до 10 % годовых. Это повышение было сделано, чтобы «освободиться от мелкой и неинтересной клиентуры», и достигалась главным образом отказом принятия к учету векселей таких лиц¹⁷.

Основной доход банку давали онкольные кредиты (см. табл. 3).

С 1914 г. банк начал открывать под залог ценных бумаг онкольные кредиты, которые достигли к 1916 г. почти 167 тыс. руб., но этот показатель упал в 1917 г. Из табл. 3 видно: онкольные кредиты под залог товаров и железнодорожных коносаментов непрерывно росли, что объясняется ростом стабильного экспорта в Европейскую Россию и Западную Европу. Во время Первой мировой войны онкольные кредиты под векселя сокращались, кредиты же под залог товаров росли, что было связано со спекуляцией на рынке и инфляцией. К маю 1916 г. товарные операции банка составляли 690 тыс. руб. и распределялись следующим образом: под хлопок — 498 тыс. руб., или 72 %, под чай — 116 тыс. руб., или 17 %, под люцерну — 34 тыс. руб., или 5 %, под сахар, мануфактуру и пр. — 42 тыс. руб., или 6 %¹⁸.

Ново-Ургенчское отделение РАКБ развивало также срочные ссуды (см. табл. 4).

Срочные ссуды выдавались банками в основном под залог товаров и товарных документов, как правило, из 80 % от стоимости

¹⁷ Там же. Л. 26–27.

¹⁸ Там же. Д. 480. Л. 9 об.–10 об.

Таблица 3. Активные операции (онкольные ссуды) Ново-Ургенчского отделения Русско-Азиатского банка в 1910–1917 гг.

Годы	Выдано под залог ценных бумаг	Получено процентов	Выдано под железнодорожные дубликаты, коносаментов и товаров	Получено процентов	Выдано под обеспечение векселей	Получено процентов
1910	–	–	2 740 481 руб. 27 коп.	52 667 руб. 74 коп.	866 320 руб. 09 коп.	16 775 руб. 53 коп.
1911	–	–	2 499 116 руб. 89 коп.	Нет сведений	629 075 руб. 49 коп.	Нет сведений
1912	–	–	3 451 241 руб. 98 коп.	158 475 руб. 34 коп.	667 983 руб. 08 коп.	39 695 руб. 85 коп.
1913	–	–	2 437 353 руб. 14 коп.	87 990 руб. 74 коп.	731 309 руб. 50 коп.	33 158 руб. 76 коп.
1914	74 615 руб. 88 коп.	710 руб. 20 коп.	2 513 245 руб.	83 839 руб. 52 коп.	491 942 руб. 62 коп.	30 216 руб. 72 коп.
1915	59 579 руб. 30 коп.	3241 руб. 67 коп.	3 485 469 руб. 62 коп.	62 152 руб. 81 коп.	462 410 руб. 47 коп.	19 762 руб. 91 коп.
1916	166 903 руб. 99 коп.	5539 руб. 51 коп.	3 923 615 руб. 45 коп.	63 976 руб. 19 коп.	665 386 руб. 48 коп.	9252 руб. 16 коп.
1917	3779 руб. 71 коп.	2887 руб. 12 коп.	3 681 193 руб. 99 коп.	69 955 руб. 16 коп.	4 718 797 руб. 75 коп.	24 304 руб. 07 коп.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 474. Л. 3 об. – 4, 20 об. – 21, 39 об. – 40, 66 об. – 67, 86 об. – 87, 111 об. – 112, 135 об. – 136, 162 об. – 163.

Таблица 4. Активные операции (срочные ссуды) Ново-Ургенчского отделения Русско-Азиатского банка в 1910–1917 гг.

Годы	Выдано под залог ценных бумаг	Получено процентов от срочных ссуд под залог ценных бумаг	Выдано под залог товаров и товарных документов	Получено процентов от срочных ссуд под залог товаров и товарных документов
1910	3422 руб.	156 руб. 25 коп.	233 970 руб.	–
1911	15 660 руб. 16 коп.	Нет сведений	516 759 руб. 43 коп.	Нет сведений
1912	5626 руб.	411 руб. 78 коп.	287 217 руб. 55 коп.	9357 руб. 98 коп.
1913	3726 руб. 70 коп.	497 руб. 33 коп.	61 107 руб. 65 коп.	7750 руб. 20 коп.
1914	2350 руб. 72 коп.	530 руб. 52 коп.	15 280 руб. 47 коп.	8685 руб. 47 коп.
1915	1100 руб.	679 руб. 78 коп.	56 руб. 46 коп.	5 руб. 46 коп.
1916	20 864 руб. 58 коп.	590 руб. 80 коп.	740 318 руб. 99 коп.	5136 руб. 27 коп.
1917	118 134 руб. 10 коп.	3462 руб. 48 коп.	876 700 руб. 81 коп.	16 405 руб. 59 коп.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 474. Л. 3 об.–4, 22, 41, 68, 88, 113, 137, 164.

Таблица 5. Задолженность братьев Ризаевых перед Ново-Ургенским отделением Русско-Азиатского банка на 1 ноября 1913 г.

	Онколь под векселя		Онколь под товары	
	Долг	Обеспечение векселями	Долг	Обеспечение товарами
Самарканд	57 377 руб.	72 691 руб.	303 437 руб.	255 932 руб.
Ново-Ургенч	197 265 руб.	260 538 руб.	233 015 руб.	189 235 руб.
Итого	254 642 руб.	333 229 руб.	536 452 руб.	445 167 руб.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 476. Л. 171; Д. 477. Л. 42.

товара, а задатки обеспечивались наличными векселями клиента¹⁹. Залогом служили хлопок люцерна и чай. Уменьшение срочных ссуд под залог товаров в 1913 и 1914 гг. объясняется ситуацией на бирже и разорением купцов. Например, в 1913 г. разорился один самых крупных торговцев чаем — Торговый дом братьев Ризаевых (см. табл. 5). В результате пострадали два филиала РАКБ — Самаркандский и Ново-Ургенчский.

В результате соглашения между банком и фирмой платеж по вексельному долгу был рассрочен на шесть лет, в обеспечение этого долга была взята закладная на недвижимое имущество фирмы стоимостью в 200 тыс. руб.²⁰ Несмотря на все усилия, братья Ризаевы не смогли погасить свою задолженность банку. К 1 июля 1917 г. сумма долга Ризаевых составляла 144 372 руб. 46 коп. (онколь под векселя) и 105 436 руб. 43 коп. (онколь под документы на товары)²¹. Кроме Торгового дома Ризаевых, должниками Ново-Ургенчского отделения РАКБ по закладной были и другие крупные региональные предприниматели (см. табл. 6).

В 1916 г. банк продал на торгах имущество (завод) Аитбаева на сумму 31 661 руб. 39 коп.²² и таким образом покрыл часть своего убытка.

Основные показатели по активным операциям банка за рассматриваемый период представлены в табл. 7.

¹⁹ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 475. Л. 44–48.

²⁰ Там же. Д. 476. Л. 171.

²¹ Там же. Д. 477. Л. 42.

²² Там же. Л. 36.

Таблица 6. Ведомость долгов, обеспеченных недвижимым имуществом, в Ново-Ургенчском отделении Русско-Азиатского банка на 1 декабря 1913 г.

ФИО клиента	Сумма долга	По какому счету	Закладные
Абдал Юсупов	25 000 руб.	Учет по предъявительству	Копия закладной на 50 000 руб
Он же	5700 руб.	Онколь под документы и товары	
Ю. Аитбаев	26 000 руб.	Учет по предъявительству	
Он же	2000 руб.	Учет по векселедательству	5400 руб.
Он же	39 883 руб. 54 коп.	Онколь под товары	90 000 руб.
Он же	4956 руб. 97 коп.	Дебет по товарному делу	18 000 руб.
Он же	22 345 руб. 55 коп.	Ссуды срочные под товары	36 000 руб.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 477. Л. 8.

Таблица 7. Движение по главнейшим операциям в Ново-Ургенчском отделении Русско-Азиатского банка за 1909–1916 гг.

Годы	Выдачи по вексельной операции	Выдачи по товарным операциям	Списания в убыток
1909	435 000 руб.	1 839 000 руб.	–
1910	1 139 000 руб.	2 978 000 руб.	6400 руб.
1911	1 314 000 руб.	3 032 000 руб.	12 200 руб.
1912	1 570 000 руб.	3 744 000 руб.	20 900 руб.
1913	1 576 000 руб.	2 507 000 руб.	37 800 руб.
1914	1 129 000 руб.	2 605 000 руб.	13 100 руб.
1915	797 000 руб.	3 546 000 руб.	–
01.06.1916	110 000 руб.	1 444 000 руб.	–
Всего	8 070 000 руб.	21 695 000 руб.	90 400 руб.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 480. Л. 7 об.

Рассмотрим сальдо по активным операциям на начало года за 1910–1916 гг. (табл. 8).

Таблица 8. Движение по главнейшим операциям в Ново-Ургенчском отделении Русско-Азиатского банка за 1910–1916 гг.

Дата	Сальдо по вексельным операциям	Сальдо по товарным операциям
01.01.1910	255 000 руб.	653 000 руб.
01.01.1911	598 000 руб.	1 480 000 руб.
01.01.1912	959 000 руб.	1 914 000 руб.
01.01.1913	884 000 руб.	1 742 000 руб.
01.01.1914	961 000 руб.	1 544 000 руб.
01.01.1915	793 000 руб.	1 016 000 руб.
11.06.1916	312 000 руб.	556 000 руб.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 480. Л. 7 об.

К 1916 г. активные операции банка составляли всего около 800 тыс. руб.²³, которые даже не покрывали расходы филиала, поэтому с каждым годом отделение развивало также и пассивные операции: увеличивались вклады на текущие счета, уменьшались бессрочные вклады, а срочные вклады дали рост (см. табл. 9 и 10).

Вклады в банк резко увеличились в 1916 г.: за первое полугодие они выросли на 151 %, а за время проведения ревизии — на 37 %²⁴. Рост вкладов в банке зависел от роста цен на экспортную продукцию в связи с туркменским восстанием. Наиболее крупные вклады и текущие счета (на 16 мая 1916 г.) в банке принадлежали: хану Хивинскому — 150 тыс. руб. из 5,5 % годовых, Х.Бабаджанову — 158 915 руб. из 5,5 % годовых, М.К.Таджиниязову — 113 тыс. руб. из 3,5 %, А.Мадьярову — 70 140 руб. из 3 %, Х.Абдулжаббарову — 51 682 руб. из 3 %, К.А.Мануйлову — 50 803 руб. из 3 %, М.Авезниязматову — 50 тыс. руб. из 6 %, А.Исчанову — 50 тыс. руб. из 5,5 %, т.е. перечисленным восьми клиентам принадлежало 694 540 руб., или 40 % всех вообще вкладов и текущих счетов. Средняя ставка

²³ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 480. Л. 17 об.

²⁴ Там же. Л. 29 об.–31 об.

Таблица 9. Пассивные операции (вклады) Ново-Ургенского отделения
Русско-Азиатского банка за 1910–1917 гг.

Годы	На текущие счета принято	Востребовано	Бесрочные вклады принято	Востребовано	Срочные вклады принято	Востребовано
1910	6 378 486 руб. 40 коп.	6 216 300 руб. 20 коп.	239 828 руб.	227 828 руб.	292 178 руб.	253 828 руб.
1911	5 770 023 руб. 23 коп.	5 856 755 руб. 36 коп.	53 350 руб.	50 350 руб.	28 600 руб.	53 350 руб.
1912	5 582 600 руб. 34 коп.	5 392 386 руб. 07 коп.	7000 руб.	22 000 руб.	69 000 руб.	71 600 руб.
1913	6 578 415 руб. 10 коп.	6 558 026 руб. 76 коп.	92 350 руб.	55 000 руб.	92 400 руб.	21 000 руб.
1914	4 680 740 руб.	4 801 001 руб. 64 коп.	16 000 руб.	65 350 руб.	162 100 руб.	224 400 руб.
1915	12 884 967 руб. 49 коп.	12 423 427 руб. 23 коп.	70 367 руб. 38 коп.	51 367 руб. 38 коп.	428 350 руб.	404 100 руб.
1916	16 509 121 руб. 88 коп.	15 668 271 руб. 64 коп.	84 000 руб.	4000 руб.	731 204 руб. 18 коп.	449 241 руб. 66 коп.
1917	32 027 471 руб. 55 коп.	32 364 899 руб. 07 коп.	не было	99 000 руб.	742 572 руб. 94 коп.	685 885 руб. 46 коп.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 474. Л. 8, 26, 45, 72, 92, 119, 143, 168.

**Таблица 10. Сальдо вкладов и текущих счетов
в Ново-Ургенчском отделении Русско-Азиатского банка
за 1910–1916 гг.**

Дата	Сальдо
01.01.1910	240 362 руб.
01.01.1911	452 898 руб.
01.01.1913	517 030 руб.
01.01.1914	668 168 руб.
01.01.1915	436 257 руб.
01.01.1916	941 047 руб.
16.05.1916	1 723 875 руб.
13.06.1916	2 360 462 руб.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 480. Л. 29 об.–31 об.

по вкладам и текущим счетам была: в 1915 г. — 3,66 %, на 16 мая 1916 г. — 3,89 %²⁵. Рост вкладов повлиял на политику банка, и Правление начало заимствовать у Ургенчского филиала; к июню 1916 г. Правление было должно Ургенчу почти 1,5 млн руб.²⁶

В банке также развивались операции по переводам и корреспондентские счета: если в 1911 г. было дебетовано 3 048 668 руб. 68 коп., кредитовано 3 429 486 руб. 07 коп, то к 1917 г. было дебетовано 18 828 689 руб. 12 коп., кредитовано 18 757 924 руб. 90 коп.²⁷ Выписывались также товары за счет клиентов. Ново-Ургенчское отделение через другие филиалы выписывало клиентам товары: Ризаевы оплачивали чай через Самаркандское отделение РАКБ; мелкие фирмы через Московское отделение могли заказать «мануфактуру», мед, серебро и разные золотые монеты (империалы, турецкие лиры)²⁸. Прибыли по операциям инкассо, переводам и аккредитивам см. в табл. 11.

Во время Первой мировой войны банк в основном продавал облигации военных займов. «Онколь 145 тыс. руб. — обеспечен исклю-

²⁵ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 480. Л. 29 об.–31 об.

²⁶ Там же. Л. 40 об.

²⁷ Там же. Д. 474. Л. 23, 165.

²⁸ Там же. Д. 475. Л. 58 об.–63 об.

Таблица 11. Прибыли по операциям инкассо, переводам и аккредитивам в Ново-Ургенчском отделении Русско-Азиатского банка в 1909–1915 гг.

Годы	Инкассо, переводы и аккредитивы
1909	10 126 руб.
1910	22 957 руб.
1911	15 562 руб.
1912	19 578 руб.
1913	15 915 руб.
1914	15 188 руб.
1915	43 180 руб.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 480. Л. 32 об.–40 об.

чительно облигациями военных займов, — писали ревизоры банка в 1916 г., — главным образом последнего; маржа от 6 до 8 %. По счету ссуд срочных и покупки-продажи всего 8 тыс. руб. — фигурируют только выигрышные билеты»²⁹. Несмотря на некий экономический рост, фондовые операции не развивались как в Хивинском ханстве, как и в Туркестанском генерал-губернаторстве. В 1915 г. банк имел 725 акций Эмба-Каспийского нефтепромышленного общества, 41 акцию Путиловского завода, 24 акции Русско-Азиатского банка³⁰.

С 1910 г. банк пытался за свой счет вести торговлю люцерной и хлопком на зарубежных рынках (в основном в Москве и Гамбурге). Покупка хлопка Ново-Ургенчским отделением производилась «а мета» (от итал. а meta, т.е. пополам) с Московским отделением РАКБ (на сумму до 3 млн руб.), а покупка люцерны «а мета» — с Мадьяровым и Баккаловым (на сумму до 1,5 млн руб.)³¹. Покупка хлопка банком осуществлялась через купцов-посредников И. И. Першина в Петроалександровске, Хазораспе и Шурахане, Т. Пискунова в Ургенче и И. Карманова в Ташаузе. Кроме того, в Гурляне покупка хлопка производилась через Торговый дом Ризаевых «а мета». Ревизи-

²⁹ Там же. Д. 480. Л. 17 об.

³⁰ Там же. Д. 476. Л. 203.

³¹ Там же. Д. 475. Л. 56–58.

зор А. Слуцкий в 1911 г. обнаружил, что неграмотно составленный договор с Мадьяровым и Баккаловым предоставил контрагентам широкое поле для злоупотреблений при покупке люцерны. Мадьяров и Баккалов, несмотря на покупку 118 тыс. пудов, крайне неохотно и редко давали сведения о покупке, причем средняя покупная цена у Мадьярова оказалась выше цены банковской покупки на 17 коп. за пуд, а у Баккалова на 13 коп. за пуд. Ревизор писал, что при этом вся покупка производилась на средства банка, хотя номинально по договору партнеры банка участвовали в прибыли и убытке в размере 55 %³². Ревизор А. Слуцкий отмечал: «Комаровский полагался на свои хорошие отношения с Баккаловым и Мадьяровым и на доверие к нему с их стороны, но в последнее время, вследствие некоторых недоразумений при расчетах покупки люцерны, у Мадьярова и Баккалова появилась подозрительность к действиям банка»³³. А. Слуцкий настаивал на том, чтобы пересмотреть договор с Баккаловым и Мадьяровым в интересах банка и продолжить операции с люцерной³⁴. Всего было куплено в компании с Баккаловым и Мадьяровым очищенной люцерны 144 169 пудов 15 фунтов, из которых осталось непроданными 77 261 пуд 25 фунтов с балансовой стоимостью 684 371 руб. 60 коп., т. е. около 8,71 руб. за пуд франко Ургенч.

В течение 1911 г. было куплено товаров за свой счет на 854 204 руб. 29 коп., продано товаров на 1 179 513 руб. 85 коп.³⁵ Несмотря на развитие товарных операций банка, в 1911 г. убыток по торговле с хлопком составил 234 342 руб. 91 коп.³⁶, а непроданный товар составил сумму 766 031 руб.³⁷ Эта негативная тенденция продолжалась и в следующие годы (табл. 12).

На товарные операции с хлопком и люцерной повлияла неблагоприятная ситуация на московской и гамбургской биржах в 1911–1913 гг., вследствие чего банк понес крупные убытки. Кроме того, зимой 1911 г. банк не смог отправить 70 вагонов люцерны из-за ранней зимы³⁸. В марте 1911 г. управляющий банка В. Я. Комаровский попросил Правление РАКБ выехать в Гамбург, чтобы решить проблему

³² РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 475. Л. 58 об.–63 об.

³³ Там же. Л. 63 об.

³⁴ Там же. Л. 67 об.–68 об.

³⁵ Там же. Д. 474. Л. 25.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Д. 475. Л. 1–2.

Таблица 12. Товарные операции в Ново-Ургенчском отделении Русско-Азиатского банка в 1911–1917 гг.

Годы	Куплено товаров за свой счет	Продано товаров	Остаток	Убыток/ Прибыль
1911	854 204 руб. 29 коп.	1 179 513 руб. 85 коп.	766 031 руб.	– 234 342 руб. 91 коп.
1912	67 253 руб. 04 коп.	831 109 руб. 42 коп.	2174 руб. 98 коп.	– 33 947 руб. 77 коп.
1913	–	–	–	–
1914	15 180 руб.	11 096 руб. 40 коп.	7493 руб. 95 коп.	+ 2566 руб. 28 коп.
1915	3 558 руб. 20 коп.	10 764 руб. 75 коп.	287 руб. 40 коп.	+ 3492 руб. 19 коп.
1916	–	–	–	–
1917	–	–	–	–

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 474. Л. 16 об., 44, 91, 118.

с продаж люцерны на бирже; также он советовал начальству прямо продавать люцерну в Америку, чтобы уменьшить расходы, или предлагать люцерну фирмам-посредникам на комиссионных началах³⁹. Интересно, что все неудачи торговых операций Ново-Ургенчского отделения управляющий объяснял ранней зимой и плохой инфраструктурой Хивинского ханства. Он предлагал также заняться скупкой хлопка в Хивинском ханстве. Управляющий Самаркандским отделением РАКБ Ф. Миляшкевич в письме от 22 марта 1911 г. в Московское отделение РАКБ жаловался на то, что транспортные общества («Восточное», «Кавказ и Меркурий») небрежно относятся к транспортировке хлопка, вследствие чего он подвергался порче и его цена падала на бирже, хотя эти транспортные общества взимали по 3 коп. с пуда хлопка, чтобы покрывать товар брезентом⁴⁰. После ревизии А. Слущкого Ново-Ургенчское отделение резко сократило покупку товаров за свой счет и решило развивать товаро-комиссионную операцию. Однако и в комиссионной продаже банк не смог занять лидирующее место. В 1913 г. размер урожая хлопка

³⁹ Там же. Л. 22–25.

⁴⁰ Там же. Л. 39–40.

в Хивинском ханстве (около 16 % всех земель были заняты посевами хлопка) составил 1 млн пудов (из них 100 тыс. пудов потребило местное население). На первом месте по комиссионной продаже хлопка было Московское торгово-промышленное товарищество (до 500 вагонов). Эта фирма фактически находилась вне конкуренции, так как она практиковала выдачу ссуд под непоставленные товары, что было недоступно банковским учреждениям. Банк получил на консигнационную продажу всего 67 вагонов хлопка⁴¹. В декабре 1914 г. Вадьяевское товарищество купило через банк 160 вагонов хивинского хлопка⁴². Таким образом, Первая мировая война не оказала благотворного влияния на развитие комиссионной продажи хлопка через банк. Например, на консигнационную продажу к маю 1916 г. было получено за весь сезон всего 45 вагонов хлопка⁴³.

Банк продолжал продажу люцерны на Гамбургской бирже. «В течение мая 1914 г., — писал в своем отчете директор банка, — продано люцерны всего в Гамбурге 60 вагонов и в настоящее время остается ее на означенном рынке — урожая 1911 г. — 25 вагонов, 1912 г. — 12, 1913 г. — 59 вагонов, всего 96 вагонов»⁴⁴. С началом войны продажи хивинской люцерны на Гамбургской бирже были заморожены⁴⁵. Вскоре хивинскую люцерну начали продавать через Владивосток в Америку. Экспортом люцерны в партнерстве занялись персидские и русские купцы (Хаджи Ага Алиев и Гейман)⁴⁶, в результате цены на люцерну начали расти. В подобной ситуации прибыли Ново-Ургенчского филиала РАКБ имели неустойчивый характер (табл. 13).

Как видно из табл. 13, почти половина расходов отделения составляла заработная плата служащим, остальные расходы осуществлялись на телеграф, ремонт помещения, топливо и канцелярские принадлежности. Чистый убыток в сумме почти 6500 руб. в 1910 г. был связан с неуплатой клиентом С. П. Фоминым кредитов банку и его (Фомина) разорением. В годовой отчетности за 1910 г. управляющий объяснял убыток также высокими ценами на хлопок на хивинском рынке. Кроме того, он писал: «Первоначальная задолженность С. П. Фомина состояла у нас в январе отчетного года из:

⁴¹ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 476. Л. 178–179, 180.

⁴² Там же. Л. 200.

⁴³ Там же. Д. 480. Л. 10 об.–12 об.

⁴⁴ Там же. Д. 476. Л. 200.

⁴⁵ Там же. Л. 191.

⁴⁶ Там же. Д. 480. Л. 28 об.

Таблица 13. Расходы и прибыли Ново-Ургенчского отделения Русско-Азиатского банка в 1910–1917 гг.

Годы	Текущие расходы	Расходы на жалованье	Прибыль по счету процентов	Чистая прибыль	Чистый убыток
1910	56 298 руб. 16 коп.	33 161 руб. 39 коп.	41 721 руб. 63 коп.	57 698 руб. 67 коп.	6449 руб. 51 коп.
1911	67 539 руб. 01 коп.	43 738 руб. 64 коп.	28 260 руб. 44 коп.	–	249 772 руб. 23 коп.
1912	61 905 руб. 34 коп.	39 053 руб. 50 коп.	125 297 руб. 63 коп.	130 404 руб. 68 коп.	–
1913	59 715 руб. 57 коп.	38 995 руб. 50 коп.	55 067 руб. 42 коп.	5342 руб. 56 коп.	–
1914	56 935 руб. 26 коп.	36 285 руб. 24 коп.	36 283 руб. 41 коп.	36 863 руб. 06 коп.	–
1915	53 163 руб. 95 коп.	30 663 руб. 91 коп.	32 536 руб. 93 коп.	39 682 руб. 31 коп.	–
1916	61 849 руб. 71 коп.	28 307 руб. 63 коп.	46 983 руб. 55 коп.	19 539 руб. 16 коп.	–
1917	128 356 руб. 04 коп.	62 709 руб. 25 коп.	97 171 руб. 90 коп.	26 055 руб. 40 коп.	–

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 474 (Отчеты Ново-Ургенчского отделения банка за 1910–1917 гг.). Л. 11–11 об., 12 об., 29–29 об., 31, 47–47 об., 48 об., 75–75 об., 76 об., 94–94 об., 95 об., 121–121 об., 122 об., 151–151 об., 152 об., 170–171 об., 172 об. — Также см.: Там же. Д. 475. Л. 9–11.

12 тыс. руб. — выданная ссуда под 32 500 пудов чигита (хлопковое семя) и 22 756 руб. 13 коп. — непокрытые авансы и разница в цене между заторгованной и выплаченной затем за его счет, а всего 34 756 руб. 13 коп. В счет уплаты коих от него, а также и от продажи нами его хлопкоочистительного завода поступило 28 306 руб. 62 коп. Остальные же 6449 руб. 51 коп., за отсутствием в наших руках обеспечения и вообще какой-либо возможности получить с него, мы вынуждены были списать со счета нашей прибыли за 1910 г.»⁴⁷ В 1911 г. банк потерял почти 250 тыс. руб. на неудачной операции с люцерной и хлопком. В 1913 г. чистая прибыль банка упала до 5400 руб.,

⁴⁷ Там же. Д. 475. Л. 9–11.

причиной такого уменьшения были протестованные векселя на сумму 37 768 руб. 74 коп.⁴⁸, а также разорение Торгового дома братьев Ризаевых. В 1916 г. прибыли банка снова упали в связи с уменьшением активных операций и увеличением пассивных операций.

В 1911 г. А. Слуцкий, направленный из Санкт-Петербурга для ревизии деятельности Ново-Ургенчского отделения РАКБ, оценил деятельность банка как «большой хаос»⁴⁹. Основной причиной хаоса, по его словам, было то, что «директор В. Я. Комаровский, всецело отдавшийся коммерческой стороне дела, не имел никакого наблюдения над внутренним порядком отделения»⁵⁰. Неудачи с хлопком и люцерной в 1910–1911 гг. ревизор объяснял спекуляцией директора банка В. Я. Комаровского. А. Слуцкий критиковал В. Я. Комаровского за то, что он делал основную ставку на операции с товарами за свой счет⁵¹. Например, он указывал, что в «1910 г. на проданном сахарном песке было получено около 2045 руб. при затрате на него около 65 тыс. руб. <...> Покупка шерсти, как указано в акте ревизии, дала неблагоприятные результаты»⁵². Конечно, писал А. Слуцкий, «при особенно благоприятных условиях, т. е. при сильном повышении, могла бы получиться и хорошая прибыль». Он утверждал, что, занимаясь товарными операциями за свой счет, филиал создавал конкуренцию собственной клиентуре, настраивая ее против банка и лишая возможности для других операций: выдачи ссуд, получения товаров на комиссию. А. Слуцкий взамен операции купли-продажи товаров за свой счет предлагал развивать консигнационную (товаро-комиссионную) продажу товаров (хлопка и люцерны), считая, что эта операция очень слабо развита в отделении⁵³. В результате ревизии В. Я. Комаровского перевели в Андижанское отделение РАКБ, на его место был назначен И. И. Фрюлинг⁵⁴.

В 1916 г. Ново-Ургенчское отделение РАКБ было ревизовано инспекторами банка Б. Лукодяновым и Р. Тальма. Инспекторы отмечали: «Отделение предпочитало работу с клиентами в форме товаро-ссудных, нежели вексельных операций. В самом деле, в то время как

⁴⁸ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 474. Л. 76 об.

⁴⁹ Там же. Д. 475. Л. 56–58.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. Л. 58 об.–63 об.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Л. 67 об.–68 об., 170.

за семь лет выдачи по товарным операциям составили 21 695 тыс. руб., выдачи по вексельным достигли лишь 8070 тыс. руб.»⁵⁵ Вексельные операции отделения были сведены к минимуму, так как в Хиве вексельного материала не имелось, отмечали инспекторы. Вексельные операции составляли к 1916 г. всего 101 тыс. руб. (в частности, учет — 34 600 руб.), или едва 8 % всех активов. Средняя ставка по учету составляла 10–10,5 %, по онколю — 9–9,5 %⁵⁶.

Банк с братьями Баккаловыми владел люцерноочистительным заводом в Чимбае, которому в 1910 г. был списан убыток после провала операций с люцерной. Результаты эксплуатации завода оказались следующими: 1911 г. — убыток 209 руб.; 1912 г. — прибыль 1745 руб.; 1913 г. — прибыль 1162 руб.; 1914 г. — прибыль 443 руб.; 1915 г. — убыток 432 руб.; за пять лет — прибыль 2709 руб., т. е. завод уже наполовину себя окупил, считали ревизоры Б. Лукодянов и Р. Тальма⁵⁷. Инспекторы рекомендовали не продавать завод, а самим эксплуатировать его. Выводы ревизии 1916 г. были неутешительными. Активные операции отделения не могли покрыть расходов. Они составляли 800 тыс. руб., по отношению к которым коэффициент текущих расходов был рассчитан в размере 57 500 руб., или 7,2%⁵⁸. Инспекторы отмечали рост пассивных операций в банке, и в дальнейшем основная функция Ново-Ургенчского отделения, по мнению ревизоров, была в снабжении Правления банка дешевыми деньгами⁵⁹.

Клиентами банковского филиала были хивинские, русские, армянские, персидские, немецкие и татарские купцы. Во многих случаях банк стремился сам выступить партнером купцов по торговым операциям. Клиентами являлись прежде всего местные хивинские предприниматели: Баккаловы, Мадьяров⁶⁰, Торговый дом Салимджанова⁶¹,

⁵⁵ Там же. Д. 480. Л. 8 об.–9 об.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 16 об.

⁵⁸ Там же. Л. 31 об.–32 об.

⁵⁹ Там же. Л. 45 об.–47.

⁶⁰ Банк имел люцерноочистительный завод в компании с Мадьяровым и Баккаловым (в Чимбае) (Там же. Л. 2 об.–5).

⁶¹ Сообщение от 20 декабря 1911 г. из Ново-Ургенча в Санкт-Петербург об открытии Торговому дому «Г. Салимджанов с сыновьями» кредита по учету в сумме 100 тыс. руб.: «Торговый дом Г. Салимджанов с сыновьями, будучи одной из старинных и богатых казанских фирм, ведет многомиллионные обороты, и здесь, в Хиве, производит крупные операции с хлопком, сырьем, шерстью, ма-

братья Мануйловы⁶², Торговый дом братьев Черниковых, Торговый дом братьев Сафарянц⁶³, фирма Дюршмидт, персидские купцы Торговый дом братьев Ризаевых и др. В 1911 г. в списках клиентов филиала насчитывалось около 78 чел.⁶⁴ Хивинские купцы были сановниками хивинского хана (например, Баккалов и Мухаммед Мурадов). И. И. Фрюлинг писал в Управление 1 ноября 1911 г.: «Увеличение задолженности И. Х. Д. Мухаммед Мурадова и А. Б. Ахметханова последовало ввиду увеличения им кредита, первому до 50 тыс. руб. и второму до 15 тыс. руб. Господин Мухамед Мурадов, как сановник хивинского хана, человек богатый и влиятельный и как клиент для нас интересный, так как он связан родством со многими другими сановниками и богатыми хивинскими торговцами, привлечение которых в нашу клиентуру весьма желательно. Что же касается г. Ахметханова, то таковой является поставщиком хивинских сановников и как человек он вполне надежный и честный, так что учитывать его векселя мы риском не считаем»⁶⁵. О братьях Баккаловых директор банка писал: «[Поскольку] положение господ Баккаловых при ханском дворе упрочилось, и для поддержания их хан из личных средств выдал им ссуду в 40 тыс. руб., то наши опасения за господ Баккаловых должны утратить теперь свое значение»⁶⁶.

нуфактурой и пр. До сих пор фирма эта не пользовалась у нас кредитом по учету, и теперь, считая ее в числе своих клиентов, мы надеемся, что в утверждении открытого ей кредита с вашей стороны препятствий не встретится» (РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 476. Л. 136⁶).

⁶² «П. А. Мануйлов со своим братом К. А. Мануйловым, писали ревизоры в 1916 г., является пионером хлопкового, маслостроительного дела и вообще русской колонизации в Хиве. Человек, несомненно, состоятельный. Имеет заводы и другую недвижимость в Петроалександровске, Ханке и Гурляне; занимается торговлей хлопком и чаем, имеет также маслостроительное и мыловаренное производство. Онколько под товарные документы обеспечен 23 вагонами хлопка разных сортов, отправленного в Москву, и 2978 п[удами] зеленого чая (оценка 50 руб.) франко Ургенч» (Там же. Д. 480. Л. 25 об. – 26 об.).

⁶³ «[Братья Сафарянц] довольно состоятельные люди, имеют в Ходжейли хлопкоочистительный завод, большую водокачку и огромные земельные участки, которые орошают сами и сдают исполу в эксплуатацию окрестному населению. Главный векселедатель на 5 тыс. руб. Авестбек Ходжа Муртазаходжаев, Ходжейлинский бек, в феврале был убит восставшими туркменами. Другие векселедатели это большей частью то, что здесь называется «их люди» (приказчики, родственники и пр.)» (Там же. Л. 27 об.).

⁶⁴ Там же. Д. 476. Л. 29.

⁶⁵ Там же. Л. 74.

⁶⁶ Там же. Л. 85–93, 97–100.

«Открытием кредита ханским сановникам, — писал И. И. Фрюлинг в Санкт-Петербург, — хотя и не ведущим самостоятельной торговли, мы стремимся к сближению с этой весьма богатой придворной сферой, имея в виду, с одной стороны, привлечение их вкладов, а с другой — упрочение нашей связи с хивинским двором, что для нас чрезвычайно важно и необходимо»⁶⁷.

Одним из самых крупных клиентов банка был А. Мадьяров из города Ханки. «Владелец хлопкоочистительного завода в Ханках, — писал ревизор Б. Лукодянов в 1916 г., — хлопкопромышленник и спекулянт люцерной Аvezбай Мадьяров типичный хивинский коммерсант старого закала, медлительный и инертный. Его состоятельность не подлежит к сомнению»⁶⁸. «В марте 1916 г. Мадьяров, — писали в отчете ревизоры, — взял с онколя под векселя 50 тыс. руб., за которые платит нам 9,5 %, получая в то же время по текущему счету лишь 3 %, т. е. ни за что приплачивает 6,5 %. Факт вряд ли говорящий в пользу коммерческих способностей Аvezбая. <...> Как всякий состоятельный хивинец, опасаясь ханской конфискации, предпочитает, чтобы за ним всегда был крупный долг Русскому кредитному учреждению. Как бы то ни было с марта месяца не Аvezбай нам должен, а мы ему»⁶⁹. А. Мадьяров был компаньоном А. Ю. Баккалова по скупке хлопка и люцерны. «Баккалов, — писали ревизоры, — является скорее нашим кредитором, нежели дебитором; на текущем счету на 13 июня 1916 г. числится 34 423 руб., эта сумма, возможно, значительно увеличится, так как из контрибуции, взысканной русскими военными властями с туркмен, Баккаловым будет выдано около 350 тыс. руб. в возмещение убытков, понесенных ими от туркменского погрома»⁷⁰. Баккаловым (братья Абдурахман и Абдураим и их племянники) принадлежали хлопкоочистительные заводы в Новом Ургенче и Ташаузе и масса земельной недвижимости в разных местах ханства. В 1916 г. Абдурахман Баккалов был назначен Ново-Ургенцским беком и, опасаясь придворных интриг, почти безвыездно жил в Хиве, основные дела вел его племянник Абдураим⁷¹.

Среди крупных клиентов банка были А. И. Путилов и князь М. М. Андроников, которые в 1914 г. через Ново-Ургенцское отделение

⁶⁷ Там же. Л. 114–115.

⁶⁸ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 480. Л. 22 об.–23 об.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. Л. 23 об.–25 об.

⁷¹ Там же.

РАКБ купили имение «Лаузан»⁷² у хивинского хана. Имение было куплено за 550 тыс. руб. (в отсрочку до 1918 г., банк выплачивал 110 тыс. руб. ежегодно)⁷³. «Хивинский хан, — писал директор банка в декабре 1914 г., — обещал сделать в наше отделение вклад на 50 тыс. руб. на 6-месячный срок из 6 % годовых»⁷⁴. Восстание туркмен в 1915–1916 гг. расстроило планы А. И. Путилова и М. М. Андроникова. Директор банка писал 3 августа 1915 г.: «Наша же дача “Лаузан” находится как раз почти в центре того района, где хозяйничают туркмены хана Мамута, да и в населении ее и соседних кишлаках преобладает туркменский элемент»⁷⁵. Интересно отметить, что банк платил за дачу «Лаузан» вакуфный налог (например, 1 ноября 1916 г. было уплачено 200 руб.⁷⁶).

Ново-Ургенчское отделение РАКБ имело проблемы по привлечению квалифицированных кадров; директор отделения В. Я. Комаровский в письме от 1 февраля 1911 г. в Самарканд главному управляющему Ф. Миляшкевичу отмечал: «Благодаря действительно страшным условиям жизни, впереди мы имеем массу аналогичных просьб наших служащих о переводах, и поэтому покорнейше прошу указать нам, имеются ли свободные служащие, желающие перевестись в наше отделение»⁷⁷. Служащие банка постоянно жаловались ревизорам и начальству на отсутствие врачей, тяжелый климат и болезни родных⁷⁸. Инспектор А. Слуцкий дал не лестные отзывы о служащих банка. Первый доверенный, И. Г. Левенштейн, недолго работал в банке, был мало знаком с банковскими порядками и бухгалтерией. Второй доверенный, И. В. Столяров, также считался человеком малокомпетентным. Бухгалтер Шмидт не имел фактически возможности привести дела в порядок, во-первых, вследствие собственной неопытности, во-вторых, из-за недостатка опытных служащих в отделении и, в-третьих, вследствие того, что своевременно не получал от дирекции сведений относительно условий всех операций с кли-

⁷² Подробнее см.: *Akifumi S. Who Should Manage the Water of the Amu Darya? Controversy over Irrigation Concessions between Russia and Khiva, 1913–1914 // Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th — Early 20th Century) / ed. by P. Sartori. Leiden; Boston, 2013. P. 111–136.*

⁷³ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 478. Л. 1, 4, 15.

⁷⁴ Там же. Л. 28.

⁷⁵ Там же. Л. 91–95.

⁷⁶ Там же. Л. 107.

⁷⁷ Там же. Д. 475. Л. 6.

⁷⁸ Там же. Л. 7–7 об.

ентами и не мог делать правильных записей⁷⁹. Похвалы ревизоров заслужил лишь иностранный корреспондент — А. Ф. Фрост; набор мелких клерков также признавался в целом хорошим⁸⁰. Несмотря на все отзывы, А. Слуцкий отметил трудность жизни в Хиве: «Жизнь страшно дорога, как пример укажу: хлеб стоит 10 коп. фунт, керосин доходил при мне до 40 коп. фунт, дров саксауловые до 50 коп. за пуд, что соответствует 15 руб. за линейную сажень обыкновенных 10 вершков дров или почти 75 руб. за кубическую сажень; прислуга самая негодная, стоит не менее 15 руб. в месяц, никаких почти принадлежностей одежды или домашнего обихода в Ургенче нельзя приобрести и приходится ездить в Петроалександровск, да и там переплачивать большие деньги. В случае отпуска служащий должен затрачивать почти три недели только на проезд в Чарджуй и обратно, что также сопряжено с расходами. Благодаря таким условиям служащие отделения при первой же возможности вырваться из Ургенча бегут оттуда»⁸¹. А. Слуцкий предлагал увеличить заработную плату служащим банка и быть снисходительным к их слабостям⁸². Преемник В. Я. Комаровского И. И. Фрюлинг был вынужден просить Управление повысить оклады следующим служащим: А. М. Кислякову и А. В. Подопригоре — с 1500 до 1800 руб., В. Н. Сниткову — с 1200 до 1500 руб., Н. А. Родзаевскому — с 900 до 1080 руб.⁸³

К 1916 г. персонал банка состоял из одного директора, двух доверенных, одного бухгалтера, семи служащих, одного артельщика, одного приказчика, одного переводчика и восьми служителей. Среди служащих банка на местном языке говорил, но не писал директор И. И. Фрюлинг. По мнению ревизоров, незнание служащими банка языка и юридических тонкостей мешало его развитию в Хиве⁸⁴. Они также заметили, что большинство новых служащих банка — Э. К. Трумпф, Бринкман, Х. Г. Иванова-Абель, ее муж В. И. Иванов — родственники жены И. И. Фрюлинга, а Альтергот — родственник самого И. И. Фрюлинга. Инспекторы констатировали: «Товарное дело Фрюлинг держит целиком в своих руках, и даже доверенные не видят никаких заявлений клиентов, получаемых и отправляемых

⁷⁹ Там же. Л. 56–58.

⁸⁰ Там же. Л. 66 об.–67 об.

⁸¹ Там же. Л. 66–66 об.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Л. 135–136, 138.

⁸⁴ Там же. Д. 480. Л. 40 об.–45 об.

депеш, приказов и даже некоторых копиях книг — благодаря все-
му этому и доверенные слишком мало осведомлены в делах нашего
отделения»⁸⁵. Также ревизоры отмечали: «И. Фрюлинг ставит кли-
енту невозможные условия, с тем, чтобы предложить потом за про-
центы свои собственные деньги и сверх того участие в прибыли, что
продельывается и непосредственно и через Хаджи Агу (персидского
купца)»⁸⁶. Таким образом, И. И. Фрюлинг не защищал интересов бан-
ка, а преследовал только собственные интересы. Личные средства
И. И. Фрюлинга, писали инспекторы, были весьма значительны и до-
стигали внушительной суммы — от 150 тыс. руб. до 200 тыс. руб.⁸⁷
Также И. И. Фрюлинг имел значительное недвижимое имущество
в Ургенче и Хиве и большие текущие счета в банке⁸⁸. В результате
И. И. Фрюлинг был уволен, на его место был назначен П. П. Москвин.

Ново-Ургенчское отделение РАКБ пыталось контролировать
местный экспорт в сотрудничестве с хивинскими купцами. Как вид-
но из отчетов, банк смог взять под контроль экспорт хлопка только
на 20 %, а люцерны — на короткое время на 40–45 % всего урожая.
Банк в основном финансировал торговые операции Баккаловых,
Мадьярова, Мануйловых и братьев Ризаевых. Директора банка пы-
тались участвовать в товарных операциях наравне с купцами и фир-
мами, в основном преуспел в этом И. И. Фрюлинг, который разными
махинациями разбогател за счет средств банка. Таким образом,
Ново-Ургенчское отделение РАКБ не смогло не только контролиро-
вать рынок Хивы, но и повлиять хоть как-нибудь на социальный со-
став и культуру ханства⁸⁹. Архивные документы о филиалах РАКБ
свидетельствуют о том, что кредитная деятельность во многом спо-
собствовала спекуляции хлопком и люцерной на местных рынках,
а это замедляло модернизацию экономики региона.

⁸⁵ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 481. Л. 3 об.–4 об.

⁸⁶ Там же. Л. 4 об.–5 об.

⁸⁷ Там же. Л. 5 об.–6 об.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ В 1911 г. Отделение просило Правление разрешение выделить деньги на
строительство русско-туземной школы в Ургенче (Там же. Д. 476. Л. 134–136^а).

6.2. Верненское отделение Русско-Азиатского коммерческого банка на территории генерал-губернаторства

Работа Верненского отделения РАКБ, как и Ново-Ургенчского, может быть признана типовой моделью, примером отношений коммерческих банков Российской империи и окраинных потребителей финансовых услуг. Верненское отделение финансировало в основном клиентов из г. Верный (ныне — Алма-Ата) и близлежащих поселков, оно обеспечивало кредитами и ссудами купцов, перекупщиков, экспортеров сырья. Город был административным центром Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. В начале XX в. Верный начал экономически бурно развиваться, и к 1913 г. его население составило 40 тыс. чел. В городе имелось 59 промышленных предприятий. Торговля постепенно переходила в руки крупного капитала, из 14 млн руб. товарооборота 6 млн руб. приходилось на банковские операции. В 1913 г. банки контролировали более 85 % торгово-промышленного оборота в городе⁹⁰. В городе имелись отделения Государственного, Русско-Азиатского и Сибирского банков. Функционировали также городской общественный банк, городское общество взаимного кредита и учреждение мелкого кредита. Работали транспортные конторы, страховые общества и отделения разных московских, сибирских и других фирм. В г. Верный свозилась вся сельскохозяйственная продукция Семиреченской области, совершались сделки на хлеб, скот и разные продукты скотоводства⁹¹.

В 1911 г. случилась трагедия: сильное землетрясение разрушило бóльшую часть Верного и навредило торговле и развитию промышленности. Один из банковских служащих писал в январе 1911 г.: «Многие магазины закрыты до сих пор, подвоз на базар сократился до минимума, в магазинах, несмотря на праздники, торговля была ниже обыкновенного. Убытки коммерсантов и населения от землетрясения очень велики, но администрация еще не закончила соби- рание сведений»⁹². Спустя три недели после землетрясения (25 января) чиновник РАКБ отмечал: «Цены на скот, за отсутствием пригона,

⁹⁰ См. об этом: Злобин П. Улицы города как учебник истории. URL: <http://www.kp.kz/3236> (дата обращения: 29.01.2018).

⁹¹ О Верном. 1914 год. URL: <http://silkadv.com/en/content/o-vernom-1914-god> (дата обращения: 29.01.2018).

⁹² РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 273. Л. 3.

Таблица 14. Общие обороты Верненского филиала в 1911–1916 гг.

Год	Обороты	Вступительный баланс	Заключительный баланс
1911	38 076 662 руб. 60 коп.	1 082 537 руб. 54 коп.	1 220 443 руб. 36 коп.
1912	47 587 204 руб. 68 коп.	1 220 443 руб. 36 коп.	1 530 580 руб. 28 коп.
1913	53 357 701 руб. 74 коп.	1 530 580 руб. 28 коп.	1 330 769 руб. 02 коп.
1914	55 164 161 руб. 24 коп.	1 330 769 руб. 02 коп.	866 688 руб. 82 коп.
1915	59 377 426 руб. 60 коп.	866 688 руб. 82 коп.	1 095 481 руб. 37 коп.
1916	85 325 236 руб. 28 коп.	1 095 481 руб. 37 коп.	2 107 877 руб. 96 коп.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 274. Л. 2 об., 20 об.–21, 38 об.–39, 57 об.–58, 75 об., 95 об.–96.

значительно поднялись. На лесные материалы цены увеличились на 80 %, так как некоторые лесопровозные дороги в горах совершенно завалены обвалившимися горами»⁹³. Несмотря на все экономические и природные трудности, Верный вскоре восстановился и не потерял статус экономического и культурного центра Семиреченской области.

Верненское отделение РАКБ было открыто в 1904 г. Банк финансировал в основном скотоводов, купцов и торговцев. С каждым годом его обороты росли (см. табл. 14).

Общий итог кассы колебался от 7,2 млн руб. до 8,3 млн руб. (в 1911–1914 гг.) и 9,5 млн руб. (в 1915 г.); в 1916 г. касса выросла до 13,3 млн руб.⁹⁴ В значительной степени рост оборотов кассы банка объясняется спекуляцией на рынке во время Первой мировой войны и наступившей инфляцией.

Верненский филиал выдавал ссуды и кредиты под обеспечение векселей, как под залог товаров и товарных документов, так и онкольные (до востребования) (см. табл. 15).

В 1915 г. Верненский филиал не выдавал кредиты и ссуды под товары и товарные документы⁹⁵. Как видно из табл. 15, с началом Первой мировой войны вексельные кредиты резко сокращаются более чем вдвое — с 1 млн 70 тыс. руб. до 417 тыс. руб., онкольные кре-

⁹³ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 273. Л. 8–9.

⁹⁴ Там же. Д. 274. Л. 75 об., 95 об.–96.

⁹⁵ Там же. Л. 81.

Таблица 15. Кредиты и ссуды Верненского филиала в 1913–1916 гг.

Год	Выдано под векселя	Полученный процент	Выдано под залог товаров и товарных документов	Выдано под залог ценных бумаг	Выдано онкольных ссуд	Полученный процент
1913	990 696 руб. 63 коп.	35 784 руб. 65 коп.	–	–	–	–
1914	1 070 432 руб. 77 коп.	32 587 руб. 15 коп.	19 926 руб. 38 коп.	15 992 руб.	–	–
1915	Нет сведений	–	–	34 200 руб.	491 726 руб. 58 коп.	15 407 руб. 24 коп.
1916	417 077 руб. 69 коп.	–	10 400 руб.	5200 руб.	–	–

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 274. Л. 43, 62, 63, 80, 81, 100, 101.

диты немного увеличиваются. Война негативно повлияла на местный рынок — здесь не было хлопкового или фруктового бума, как в Ферганской и Зеравшанской долинах. Основу пассивных операций отделения банка составляли вклады, которые делились на три вида: текущие счета, бессрочные и срочные (см. табл. 16).

Из табл. 16 видно, что с 1915 г. резко увеличиваются текущие вклады. Если сравнить показатели текущих вкладов 1914 и 1916 гг., то в глаза бросается трехкратный скачок — с 3 млн руб. до 10 млн руб. Это можно объяснить как инфляцией, так и увеличением продаж на экспорт зерна мяса. В табл. 17 представлены остатки по вкладам и динамика их увеличения за последние (1915 и 1916 гг.) имперские годы.

Если сравнить 1914 и 1916 гг., то видно увеличение остатков в текущих счетах в 5,5 раз, что позволило бы Верненскому филиалу в дальнейшем вести свою деятельность, не используя капиталов со стороны. Верненский банк платил по срочным вкладам в 1911 г. не более 4,75–5 % годовых. В январе 1911 г. клиент банка Ваксман требовал у Верненского филиала РАКБ, чтобы ему по вкладам выплачивали не 4,75 %, а 5 % годовых, как платили ему в Сибирском банке в нарушение соглашения между банками. РАКБ, чтобы сохранить клиента, тоже согласился платить ему 5 % годовых. По этому инциденту директор филиала писал в Санкт-Петербург: «Согласно

Таблица 16. Операции по вкладам в Верненском филиале в 1911 – 1916 гг.

Год	Принято текущих вкладов	Востребовано текущих вкладов	Принято бессрочных вкладов	Востребовано бессрочных вкладов	Принято срочных вкладов	Востребовано срочных вкладов
1911	2 466 423 руб. 66 коп.	2 575 584 руб. 50 коп.	35 800 руб.	19 800 руб.	74 744 руб.	71 296 руб. 09 коп.
1912	3 074 630 руб. 83 коп.	3 114 609 руб. 19 коп.	6 000 руб.	22 000 руб.	78 009 руб.	51 984 руб.
1913	3 048 866 руб. 92 коп.	3 036 764 руб. 03 коп.	–	5 000 руб.	52 385 руб.	71 985 руб.
1914	3 175 140 руб. 03 коп.	3 027 493 руб. 77 коп.	–	–	21 752 руб.	45 425 руб.
1915	5 343 750 руб. 39 коп.	4 928 285 руб. 55 коп.	–	–	31 225 руб.	28 136 руб.
1916	9 917 861 руб. 20 коп.	9 023 400 руб. 49 коп.	–	–	22 575 руб.	32 900 руб.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 274. Л. 12, 30, 48, 67, 87, 105.

Таблица 17. Ежегодные остатки по вкладам в Верненском филиале в 1912–1916 гг.

Год	Текущие вклады	Бессрочные вклады	Срочные вклады
1912	305 869 руб. 65 коп.	8000 руб.	72 909 руб.
1913	317 972 руб.	8000 руб.	53 309 руб.
1914	465 618 руб. 80 коп.	3000 руб.	29 636 руб.
1915	881 083 руб. 64 коп.	3000 руб.	32 725 руб.
1916	1 775 544 руб. 35 коп.	–	32 900 руб.

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 274. Л. 30, 48, 67, 87, 105.

Таблица 18. Уплачено процентов по вкладам в Верненском филиале в 1912–1913 гг.

Год	Текущие вклады	Бессрочные вклады	Срочные вклады
1912	10 907 руб. 07 коп.	904 руб.	3913 руб. 30 коп.
1913	11 498 руб. 83 коп.	–	–

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 274. Л. 30, 48.

п. 8 Протокола совещания банков, доводим до Вашего сведения о несоблюдении здешним отделением Сибирского банка состоявшегося между банками соглашения и просим понудить таковое отделение точно исполнять это соглашение»⁹⁶.

Проценты по вкладам в Верненском отделении банка в 1912 и 1913 гг. см. в табл. 18.

В Верненском отделении также активно развивались переводная операция и корреспондентские счета. Например, в корреспондентских счетах банка за 1912 г. было совершено операций на сумму 316 326 руб. 40 коп.⁹⁷

Основу затрат филиала составляли текущие расходы: заработная плата служащим, наем помещения банка, квартирные деньги для персонала банка. В 1911 г. текущие расходы Верненского отделения составили 28 407 руб. 72 коп.: на жалованье — 18 483 руб. 79 коп., наем помещения банка и квартирные деньги персоналу —

⁹⁶ Там же. Д. 273. Л. 5–7.

⁹⁷ Там же. Д. 274. Л. 27.

Таблица 19. Ежегодные расходы и прибыли Верненского филиала в 1911–1916 гг.

Год	Расходы	Прибыль по процентам	Чистая прибыль	Чистый убыток
1911	28 407 руб. 72 коп.	54 424 руб. 17 коп.	23 860 руб. 46 коп.	–
1912	29 974 руб. 45 коп.	59 090 руб.	27 437 руб. 67 коп.	–
1913	29 920 руб. 77 коп.	47 719 руб. 99 коп.	20 109 руб. 57 коп.	–
1914	29 078 руб. 39 коп.	32 711 руб. 87 коп.	–	28 442 руб. 41 коп.
1915	29 831 руб. 63 коп.	33 912 руб. 54 коп.	14 622 руб. 17 коп.	–
1916	34 269 руб. 69 коп.	31 498 руб. 05 коп.	4952 руб. 31 коп.	–

Источник: РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 274. Л. 14, 14 об., 15 об., 32, 32 об., 33 об., 51, 51 об., 52 об., 69, 69 об., 71, 89, 89 об., 90 об., 107, 108 об., 109 об.

1228 руб. 44 коп., остаток — прочие мелкие расходы (телеграф, почта, отопление и освещение)⁹⁸. Самое большое жалование получал директор филиала: например, в 1916 г. А. И. Черных (директор отделения в 1911–1917 гг.) получил жалование в 4200 руб. и премию в 700 руб.⁹⁹, что вполне сопоставимо с министерскими окладами. Как видно из текущих расходов, около 65 % всех трат составляло жалование персоналу банка (см. табл. 19).

Как следует из табл. 19, только 1914 г. был убыточным для филиала, в остальные годы показан устойчивый доход, который, впрочем, постепенно падал из-за медленной модернизации края и начавшихся в годы Первой мировой общеэкономических проблем в империи.

Клиентами Верненского филиала РАКБ были крупные коммерсанты, купцы, мелкие торговцы и перекупщики. Один из самых крупных клиентов банка — купец Шахворостов; будучи членом Учетного Комитета банка, он тем не менее не стеснялся использовать крупные средства филиала в своих целях. Например, в 1911 г. Шахворостову

⁹⁸ РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 274. Л. 14.

⁹⁹ Там же. Л. 107 об.

был открыт кредит в 125 тыс. руб., хотя он был клиентом и Сибирского торгового банка, где имел 100 тыс. руб. кредита¹⁰⁰. Несколько купцов средней руки постоянно брали заемные средства в банке, превышавшие их кредитоспособность; например, долг Таджибая Калдыбаева по вексельному учету к 13 июня составлял 9800 руб., превосходя разрешенный ему Правлением банка кредит (7 тыс. руб.) на 40 %¹⁰¹. Задолженность Хамды Абдуловича Тюменева по онкольному счету, обеспеченному векселями, к 13 июня 1911 г. составляла 31 850 руб. 72 коп., превышая разрешенный ему Правлением кредит в 25 тыс. руб. на 25 %¹⁰². 11 июля 1911 г. Правление РАКБ разрешило Верненскому отделению увеличить кредиты следующим клиентам: Мухаммад Али Умарбаеву — с 1 тыс. руб. до 2 тыс. руб.; Торговому дому Сулейманов, Тазетдинов, Ибрагимов — с 30 тыс. руб. до 50 тыс. руб. в форме учета. Правление утвердило открытие нового кредита Торговому дому Н. А. Кадки и К^о — 5 тыс. руб.¹⁰³ Двум клиентам банка правление отказало в просьбе об увеличении кредита¹⁰⁴.

Банк выдавал ссуды под недвижимое имущество; например, на 24 апреля 1912 г. долг по онколю клиента И. Х. Шнитникова составил 5121 руб. 01 коп., хотя его имущество оценивалось в 5 тыс. руб. Залоговая недвижимость состояла из четырех городских усадебных мест под фруктовым садом¹⁰⁵. На 5 апреля 1913 г. долг М. Г. Мир Касым Ходжиева по учету векселей составил 1575 руб., хотя его имущество оценивалось в 1500 руб.¹⁰⁶ К весне 1914 г. список должников, заложивших свое недвижимое имущество, увеличился: долг Шнитникова составлял 3470 руб. 47 коп., Мир Касим Ходжиева — 1599 руб. 35 коп., Исмаилбаева — 2566 руб. 20 коп., Караходжаева — 4067 руб. 60 коп., Хамдамбаева — 3490 руб.¹⁰⁷ На 1 января 1918 г. должников у банка осталось совсем немного: мукомольное товарищество Г. Узбекова и К^о и Х. Садыкбаев. Мукомольное предприятие находилось в Токмаке, сумма закладной составляла 50 тыс. руб., сумма долга — 11 900 руб.¹⁰⁸

¹⁰⁰ Там же. Д. 273. Л. 21–22.

¹⁰¹ Там же. Л. 38.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. Л. 48.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. Д. 275. Л. 1.

¹⁰⁶ Там же. Л. 8.

¹⁰⁷ Там же. Л. 16.

¹⁰⁸ Там же. Л. 45.

В целом до 1917 г. деятельность Верненского отделения РАКБ способствовала развитию товарно-денежных отношений в Семиреченской области. В 1918 г. по декрету советского правительства РАКБ и все его филиалы были национализированы.

6.3. Проблемы экономического развития Туркестана в работе IV Государственной думы накануне и в годы Первой мировой войны

Революция 1917 г. обрушила Российскую империю, показав хрупкость отношений между центром и окраинами и противоречивость экономических процессов, которые все сложнее было согласовывать в имперской парадигме. Туркестан стал ярким примером национальной окраины, где отношения с имперским центром зашли в тупик, а накопившиеся противоречия спровоцировали восстание еще до того, как революция началась в центре России. Есть мнение, что началом гражданских войн в России стоит считать именно события в Туркестане в 1916 г.

Согласованием интересов была призвана заниматься Государственная дума — представительный орган, где присутствовали как проправительственные, так и оппозиционные силы. Анализ обсуждавшихся там вопросов экономического развития Туркестана может показать потенциал неревolutionной трансформации империи, ярче продемонстрировать глубину противоречий. В Думе отсутствовало представительство среднеазиатского региона, поэтому парламент испытывал трудности с получением информации оттуда. В IV Думе не раз ставили вопрос восстановления представительства, но безрезультатно. Туркестан до 1917 г. управлялся военным министерством и устаревшим Положением 1886 г.

Хотя экономика региона интенсивно росла, качество управления оставалось низким. Как справедливо отмечает С. Н. Абашин, имперская власть целенаправленно формулировала и рационализировала экономические задачи на окраинах лишь на закате империи¹⁰⁹. В начале XX в. центр вел противоречивую политику ускорения экономической интеграции окраин, приспособления их хозяйства к потребностям метрополии и усиления националистической

¹⁰⁹ Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М., 2008. С. 132–133.

направленности действий. Важнейшими решениями в экономике для Туркестана стали проведение железных дорог, введение культуры американского хлопка и переселенческое движение. Дума вносила пожелания развивать на окраинах водные пути, почтово-телеграфную сеть, мелкий кредит, ввести земства, удешевить тарифы, обеспечить устройство инородцев. Как констатировал член Государственной думы октябрист М. И. Симонов, переселенческое дело к 1912 г. «под влиянием народного представительства» преобразовалось из «простого выселения крестьянских масс с родины» в колониационный вопрос с задачами заселения, экономического оживления и развития окраин¹¹⁰. В то же время тема экономического развития была на периферии интересов Думы, акцентировавшей внимание на политических вопросах.

Важнейшую роль в Средней Азии играли аграрные противоречия и проблема переселения. Идеологические основы деятельности Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ) в Туркестане подчеркнул в Записке 1912 г. его главноуправляющий А. В. Кривошеин, отмечавший, что политическое преобладание русской народности в Туркестане должно быть закреплено ее хозяйственной силой¹¹¹. Выступая в IV Думе в декабре 1912 г., председатель Совета министров В. Н. Коковцов указал на первостепенное значение для правительства переселенческого дела и использования естественных богатств окраин «в интересах русского народа», отметив законодательные инициативы власти по использованию вод в Туркестане и привлечению частной предприимчивости к разработке пустых казенных земель. Он сообщил об изыскании способов широкого развития оросительных работ в крае¹¹². Декларация В. Н. Коковцова в Думе подверглась критике с двух сторон: если правый Н. Е. Марков (2-й) возмущался, что правительство не допускает

¹¹⁰ Законодательное предположение № 287 о восстановлении представительства в Государственной Думе от населения областей: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Семиреченской, Закаспийской, Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской // Государственная дума. Четвертый созыв. Приложения к стенографическим отчетам 1913 г. Сессия вторая. Вып. III. СПб., 1914. С. 1–2.

¹¹¹ Приводится по: Котюкова Т. В. Отношение Государственной думы к переселенческой политике царизма в Туркестанском крае // Общественные науки в Узбекистане. 1999. № 3–4. С. 49.

¹¹² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 271–272.

русских крестьян в Туркестан «в угоду местным инородцам»¹¹³, то член мусульманской фракции М. Ю. Джафаров назвал переселенческие меры способными «только вызвать озлобление местного населения» и призвал не стремиться «к усилению русского элемента на окраинах, а <...> стремиться к усилению любви, симпатии и доверия к русскому элементу»¹¹⁴.

Среди представленных в Думе проправительственных умеренных либералов были сильны позиции национализма, несмотря на декларируемое ими равенство всех русских подданных перед законом. На втором съезде «Союза 17 октября» в мае 1907 г. национальный и аграрный вопросы стали одними из основных. В принятой съездом аграрной программе, помимо прочего, указывалось, что необходимо перенести избыток крестьянского населения на свободные казенные и приобретенные казной земли на льготных для крестьян условиях. При обсуждении национального вопроса подчеркивалось равенство всех российских граждан перед законом без различия национальностей и вер¹¹⁵, в то же время в октябре 1909 г. А. И. Гучков в речи на 3-м Всероссийском съезде «Союза 17 октября» отмечал, что партия в национальном вопросе выдвигает «интересы русской национальности, но они не должны покоиться на рабстве других»¹¹⁶. В IV Думе в земельном и переселенческом вопросах фракция октябристов ставила цель «дать русскому населению, страдающему от земельной тесноты и ищущему свободных земель, возможность приложить свой труд при наилучших условиях использования земли»¹¹⁷. Идею защиты интересов коренного русского населения, «верховных прав господствующей народности» отстаивал профессор Т. В. Локоть в своем докладе о русском национализме, прочитанном по инициативе ЦК «Союза 17 октября» в феврале 1912 г. и имевшем «значительный успех». По его мнению, коренное русское население вложило «в дело строительства России неизмеримо больше других, претендующих на особое внимание народностей». Он привел в при-

¹¹³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 395.

¹¹⁴ Там же. Стб. 520.

¹¹⁵ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905–1915 гг.: в 2 т. М., 1996. Т. I. С. 330, 343.

¹¹⁶ Там же. Т. 2. С. 85, 119.

¹¹⁷ Союз 17 октября. Фракция в Государственной думе. Обзор деятельности. Сессия первая: 15 ноября 1912 — 25 июня 1913 г. СПб., 1914. С. 54.

мер «преобладание во всевозможных областях русской жизни» инородцев, заявив о «натиске подчиненных народностей». Т. В. Локоть полагал, что промышленность и торговля — база экономического процветания страны — «в руках инородцев», как и другие важные области народной жизни¹¹⁸.

Обсуждение общей программы колонизационной политики в IV Думе велось в июне 1913 г. Праволиберальный подход озвучил октябрист, секретарь переселенческой комиссии М. И. Симонов. Как он отметил, руководящими должны были быть такие принципы, как свобода переселения, прочность устройства новоселов с признанием частной собственности на землю и развитием «культурной самостоятельности», прежде всего через институт земства, а также расширение пределов колонизации путем привлечения к заселению окраин более состоятельных элементов, хотя крестьянство должно было остаться основой. М. И. Симонов был убежден в необходимости землеустройства киргизов с переходом на оседлость и получением земли по одинаковой норме с переселенцами. Он отмечал необходимость развития речных и железнодорожных путей сообщения при поддержке государства, так как они не были интересны бизнесу. Среди способов прочной колонизации М. И. Симонов назвал организацию мелкого, промышленного кредита, учреждение торгово-промышленных поселений, развитие почтово-телеграфной сети, изменение в интересах колонизации железнодорожных и водных тарифов¹¹⁹.

Опыт экономического развития Туркестана подсказывал необходимость координации действий. Бюджетная комиссия Думы предложила создать постоянный междудеятельственный комитет при Переселенческом управлении, а ответственным за колонизацию было, по мнению М. И. Симонова, все объединенное правительство. Это предложение приняли в сельскохозяйственной комиссии, но полностью оно не воплотилось¹²⁰. М. И. Симонов построил доклад, рассматривая Туркестан и Степной край как часть азиатских владений наряду с Сибирью, не разделяя задачи колонизации в этих разных регионах. В предложенной им формуле перехода к смете переселенческого управления за 1913 г. констатировалось, что важнейшие

¹¹⁸ Там же. С. 357–358.

¹¹⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 1681–1686, 1697–1698, 1701–1702.

¹²⁰ Там же. Стб. 1703–1704.

запланированные меры Переселенческого управления были не выполнены в той части, которая выходит за пределы ведения ГУЗиЗ.

Озвученная октябристами программа вызвала критику слева — от кадетов и мусульман. Н. К. Волков и М. Ю. Джафаров подчеркивали ограниченность земельных ресурсов на окраинах, несоответствие интересам государства внедрения там крупной земельной собственности, необходимость первоочередного учета интересов коренного населения, к которому у правительства, по их мнению, было «пренебрежительное отношение». М. Ю. Джафаров говорил об «ужасном произволе» чинов переселенческого управления, беззаконии и «возмутительном игнорировании прав туземного населения». В отношении киргизов он отмечал: «Удары переселенческой политики правительства <...> бьют по очень чувствительным жизненным их интересам: ужасы этой политики <...> постепенно вырабатывают в них представление о правительстве, как о каком-то угнетателе»¹²¹. Представитель мусульманской фракции считал, что, прежде чем активизировать переселение, следовало обследовать окраинные земли, наделить землей окраинных «туземцев», внести в Государственную думу законопроект об их землеустройстве. Мусульманская фракция в итоге выступила против ассигнований на центральные учреждения переселенческого управления¹²².

Укрепление прав собственности, развитие кредитной системы и внедрение рыночных отношений в сфере недвижимого имущества рассматривались умеренными либералами как важный элемент внедрения «нормального», общеимперского управления в Средней Азии, ее экономического развития и интеграции с остальными частями России. В связи с этим в Думу было внесено несколько законодательных предположений. Жители городов Закаспийской области, в отличие от населения остальной части Туркестана, имели землю лишь в пользовании с обязательством в определенный срок возвести жилые постройки, а поэтому участки не могли служить залогом в банках, обеспечением при подрядах, затруднена была их купля-продажа, отсутствовал дешевый кредит. В январе 1913 г. октябристы предложили распространить на Асхабад право собственности горожан на приусадебные участки, что также пополнило бы городскую

¹²¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 1724.

¹²² Там же. Стб. 1721–1724, 1729.

казну сборами с недвижимости¹²³. Финансовая комиссия и общее собрание Думы признали предположение желательным. Как разъяснил начальник Азиатской части Главного штаба С. В. Цейль, военное ведомство само собиралось решить вопрос в отношении всех городов Закаспийской области, но решение затягивалось из-за отсутствия планов земельных участков и необходимости ввести ограничения в проект, чтобы земли не скупил иностранцы¹²⁴. В итоге разработку законопроекта передали в Военное министерство, и до революции он не увидел свет.

Экономические достижения городов России в начале XX в. связывались с развитием городского самоуправления. Внесенное октябристами в январе 1913 г. и поддержанное комиссией по городским делам Государственной думы предположение о введении Городового положения в 44-тысячном Асхабаде должно было способствовать улучшению благоустройства города и повышению качества управления. Октябристы отмечали, что за это выступала и местная администрация, но в центре решение связывалось с введением нового Положения об управлении Туркестанским краем¹²⁵. В итоге законодательное предположение Дума признала желательным, но оставила без движения — не передала в комиссию. Разработку проекта в марте 1913 г. взял на себя военный министр¹²⁶. Вопрос до 1917 г. так и не был решен.

Ключевым вопросом экономической политики центра по отношению к туркестанской окраине стало переселение туда русского населения. В тот период переселенческое управление акцентировало внимание на «качестве» переселенцев. ГУЗиЗ подчеркивало важность колонизации русскими Туркестана, создания «из них сразу крепких хозяев, столь же зажиточных, как и окрестные туземцы»,

¹²³ Законодательное предположение № 66. 1913 г. о распространении на г. Асхабад ст. 269 Положения об управлении Туркестанским краем // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. I. СПб., 1913. С. 1–2.

¹²⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. Часть II. СПб., 1914. Стб. 564–566.

¹²⁵ Законодательное предположение № 68 1913 г. о введении Городового положения в г. Асхабаде, Закаспийской области // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. I. СПб., 1913. С. 1.

¹²⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия первая. Ч. I. СПб., 1913. Стб. 2239–2241.

которые, как заявлялось, «чужды нам по духу»¹²⁷. Переселенческая комиссия нижней палаты согласилась с мотивами правительства, подчеркнув важность «насаждения более состоятельных и сильных хозяйств, нежели обычные крестьянские»¹²⁸. Все это отражено в обсуждениях и законопроектах, рассматривавшихся в IV Думе.

Основным очагом печально известного восстания 1916 г. стал район Семиречья, вхождение которого в состав Российской империи имело свою специфику. Этническая неоднородность Семиречья стала отягощающим фактором в событиях 1916 г., так как беспорядки приняли характер межэтнической вражды. Фактически территории нынешнего севера Киргизии, будучи частью исторической области Семиречья, вошли в состав России без серьезного военного сопротивления со стороны местного населения — киргиз-кайсаков Старшего жуза и северных родов «дикокаменных» киргизов. На севере Семиречья (уезды Лепсинский, Джаркентский, Копальский, Верненский и отчасти Пишпекский) преобладали киргиз-кайсаки, на юге (часть Пишпекского и весь Пржевальский уезды) — «дикокаменные» каракиргизы. В 1875–1876 гг. М. Д. Скобелев в Кокандском походе получил поддержку от киргизского манапа Шабдана Джантаева, лидера сарыбагишей, что стало важным фактором успеха русского оружия. В своем докладе офицер, заведующий розыскным пунктом в г. Верном, характеризовал данный процесс не как завоевание, а как «постепенный захват с севера из Семипалатинской области на юг»¹²⁹.

С начала 1830-х годов этот регион Туркестана стали заселять казаки. В 1831 г. была заложена станица Сергиопольская, а позднее Копальское укрепление. В 1854 г. экспедиция из Копала без боя заняла долину р. Или и основала укрепление Верное¹³⁰. С 1855 г. сибирские казаки выстроили станицы вокруг Верного, которые вошли затем в состав Алатавского округа Семипалатинской области. Не послед-

¹²⁷ Доклад № 432 по законопроекту об отводе русским переселенцам участков казенной орошенной земли в Голодной степи, Самаркандской области (Представление Главного управления землеустройства и земледелия по переселенческому управлению, от 10 мая 1913 г., № 742) // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. IV. СПб., 1913. С. 3.

¹²⁸ Там же. С. 7.

¹²⁹ РГИА. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933А. Л. 475.

¹³⁰ Там же. Л. 475 об.

ную роль в формировании этнической и экономической (т.е. относящейся к ведению хозяйства) карты Семиречья сыграли события в соседнем Китае. Среди населения Кульджинского округа Синьцзяна преобладали этнические группы, исповедующие ислам (дунгане, илийские уйгуры или таранчинцы), а также калмыки, в то время как правящий класс составляли маньчжуры и китайцы¹³¹. В ходе антицинского восстания мусульмане взяли Кульджу, изгнали китайцев и образовали ханство во главе с Абилю-Оглы. Русские поддерживали его, но когда обнаружился факт укрывательства Абилем бандита, грабившего «русские пределы», то в 1871 г. русские войска заняли Кульджу, которая была возвращена Китаю в 1881 г. После Илийского кризиса из Китая в Россию потянулись мусульмане Восточного Туркестана, опасаясь расправ со стороны цинских властей. Лидер илийских уйгур Вали-Ахун Юлдашев, уйдя из Китая, получил пособие и инвентарь для хозяйственного освоения земель, отторгнутых у кочевых киргизов, в ущерб русским поселенцам¹³².

Русская администрация благосклонно смотрела на переселение в Семиречье дунган как элемента, враждебного китайцам и в связи с этим выгодного для поселения на границе с Китаем¹³³. В 1883 г. из Восточного Туркестана эмигрировали около 25 тыс. киргизов. Таким образом, инородческое население Семиреченской области состояло из оседлого и кочевого компонентов, отличавшихся в хозяйственно-культурном отношении и имевших разный экономический потенциал. Современники отмечали, что оседлые мусульмане (дунгане и таранчинцы) едины с киргизами лишь в вере, а по характеру «злы, скрытны и мстительны». Будучи предприимчивыми и работающими, они богатели, в то время как киргизы беднели¹³⁴.

Со второй половины XIX в. в русской имперской политике стал доминировать принцип государственного единства России, что подразумевало приобщение инородцев к русской культуре и государственности. В отношении ислама реализовывалась политика ограниченной веротерпимости, допускавшая исповедание ислама, но препятствовавшая его распространению и укреплению. Так, в 1900 г. был снят запрет с паломничества в Мекку. При этом необходимо учесть, что Туркестан был регионом исламским, в котором на

¹³¹ Там же. Л. 476.

¹³² Там же. Л. 496 об.

¹³³ Там же. Л. 477.

¹³⁴ Там же.

1913 г. насчитывалось 6022 мектеба из 9723 во всей империи, а также 445 медресе из 1064¹³⁵.

Присоединение Туркестана к Российской империи запустило процесс модернизации края. Одной из важных вех на этом пути стал период 1905–1917 гг., на который пришлось учреждение одного из важнейших институтов гражданского общества — Государственной думы. Общины Туркестана вместе с другими народами империи выбирали своих представителей во II Государственную думу. Подробно этот вопрос уже рассматривался в отдельной статье¹³⁶.

Из-за нехватки земли для приехавших новые участки можно было получить, либо забрав их из пользования местного населения, либо оросив ранее непригодные территории. Так как орошение стоило дорого, правительство и большинство в Государственной думе соглашались с необходимостью тщательного подбора переселенцев. Первым крупным орошенным районом в Туркестане стала Голодная степь в Самаркандской области. В июне 1913 г. в Думе обсуждался проект, метко названный октябристом Д. П. Капнистом (Капнистом 2-м) «первым законопроектом, который говорит о колонизации Туркестанского края»¹³⁷. Это был проект ГУЗиЗ об отводе русским переселенцам в том районе участков казенной орошенной земли. Согласно предложению властей, туда приглашались безземельные переселенцы и рабочие, уже проживавшие в Туркестане и привыкшие к особенностям ведения там сельского хозяйства. Из Европейской России допускались лишь состоятельные русские крестьяне, имевшие в месте выхода имущество не менее чем в тысячу рублей. Русские переселенцы должны были обеспечить расширение районов хлопководства и технологические улучшения. Для успешного закрепления в регионе им предлагалось дать льготы в налогообложении и в то же время обложить платежами в счет погашения трат казны на создание, содержание и ремонт оросительных систем. Чтобы не допустить имущественного расслоения и избежать найма поселенцами рабочих, предлагалось ограничить наделы восемью орошенными десятинами земли на двор. Также власти планировали

¹³⁵ Приводится по: Россия накануне Первой мировой войны: статистико-документальный справочник. М., 2008. С. 334.

¹³⁶ Янченко Д. Г., Андреев А. А., Шорохов В. А. Выборы депутатов-«инородцев» от Средней Азии в Первую и Вторую Думы // Клио. 2017. № 12. С. 83–95.

¹³⁷ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 2305.

запретить сдачу земли в аренду тем, кто не имел права на переселение в Туркестан.

Переселенческая комиссия Думы, согласившись с проектом в целом, предложила давать участки не только крестьянам, но и переселенцам всех сословий, а для их прочного закрепления обеспечить агрономической помощью и мелким кредитом, немного увеличить размер наделов. В предлагавшемся комиссией проекте не акцентировалось внимание на национальной и религиозной принадлежности переселенцев. Финансовая комиссия Государственной думы не поддержала инициативу коллег увеличить земельный надел и внесла в проект изменения, прописав, что, как и прежде, к заселению допускаются лица коренного русского происхождения православного исповедания и старообрядцы или сектанты по соглашению с министром внутренних дел и военным министром¹³⁸.

Предложенные в проекте ограничения вызвали в Думе острую дискуссию, быстро ушедшую от вопросов экономики в сторону политики. Докладчик переселенческой комиссии октябрист Д. П. Капнист (Капнист 2-й) не возражал против редакции финансовой комиссии о национальной и религиозной принадлежности переселенцев, однако допустил включение туда не только православных, но и всех христиан. Он не согласился с утверждением об угнетении мусульман данным законопроектом: по его мнению, это была защита меньшинства — «горсти русских переселенцев»¹³⁹; без подобных ограничений, как он полагал, орошенная земля не досталась бы ни одному из них. Он обосновал введение ограничений и таким аргументом: «Туркестанский край до сих пор не приносил российскому государству особого дохода»¹⁴⁰, а деньги на орошение ассигнованы из государственных средств. С ним согласился октябрист И. И. Капнист (Капнист 1-й), утверждавший, что иначе орошенные «на русские средства» земли, «затерянные в мусульманском мире», уйдут «туземцам»¹⁴¹.

Поддержали ограничения и правые, но обосновывая их не экономикой, а националистическими мотивами. Если октябристы говорили о нарушении прав русского населения, формально выступая

¹³⁸ Россия накануне Первой мировой войны. С. 1–11.

¹³⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 2306.

¹⁴⁰ Там же. Стб. 2307.

¹⁴¹ Там же. Стб. 2294.

с позиций равенства прав национальностей, то Н. Е. Марков прямо заявил, что русский народ должен быть привилегированным, и назвал другие народы «вторым сортом»¹⁴², нуждающимся в обрусении. Он отметил, что «надо в законодательном порядке оградить священные права» русского народа¹⁴³. Национальные и вероисповедные ограничения «как с принципиальной стороны, так и с точки зрения здравого смысла» вызвали несогласие члена Государственной думы кадета Н. К. Волкова, предложившего допустить на орошенные земли русских подданных всех национальностей и вер. Не поддержал он и принцип всеословности, отметив, что нельзя забывать такую цель, как устройство малоземельных крестьян¹⁴⁴. Кадет Н. Н. Щепкин напомнил об отсутствии в думе голоса местного населения и подчеркнул наличие в проекте «доли увлечения колонизацией этого края чисто русскими элементами», а также тенденцию к ущемлению прав киргизов¹⁴⁵. По мнению трудовика В. И. Дзюбинского, между экономическими и политическими задачами было противоречие: с позиций экономической целесообразности лучшим хозяином орошенной земли было местное население, привыкшее к культуре и климату¹⁴⁶. Прогрессиста М. М. Далгата возмутили «зоологические» аргументы Н. Е. Маркова, которые, с его точки зрения, «не служат к укреплению государства»¹⁴⁷. От мусульманской группы Г. Х. Еникеев выразил протест против мотивов законопроекта, отметив, что местные жители великолепные хлопководы», а в «собрании» России участвовали все национальности¹⁴⁸.

Черту под дискуссией подвел начальник Переселенческого управления Г. В. Глинка, отметивший: в законопроекте нет ничего нового, так как в общих правилах о переселенцах в Туркестанском крае указывалось, что разрешение на переселение дается только лицам коренного русского происхождения, православного исповедания¹⁴⁹. В результате Дума все же приняла проект с формулировкой, допускающей к участкам лиц всех сословий христианского веро-

¹⁴² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 2297.

¹⁴³ Там же. Стб. 2298.

¹⁴⁴ Там же. Стб. 2290.

¹⁴⁵ Там же. Стб. 2292.

¹⁴⁶ Там же. Стб. 2301.

¹⁴⁷ Там же. Стб. 2303.

¹⁴⁸ Там же. Стб. 2304.

¹⁴⁹ Там же. Стб. 2309–2311.

исповедания, состоящих в русском подданстве, либо проживавших в пределах Туркестанского генерал-губернаторства в качестве рабочих или арендаторов земельных участков, либо являвшихся переселенцами с имущественным цензом в 1 тыс. руб. Размер участка должен был составлять от 8 до 10 десятин удобной земли на двор; водворившиеся полностью освобождались от казенных платежей и земских денежных сборов на два года; еще два года они облагались в половинном размере¹⁵⁰. Однако Государственный совет 28 февраля 1914 г. отказался утверждать проект, создав согласительную комиссию. По итогам ее работы Дума приняла проект в несколько измененном виде. Уточнялось, что участок могут получить не просто рабочие в Туркестане, а только те, кто работал на земле, переселенцы должны были при переселении получить удостоверения о наличии имущества в 1 тыс. руб. Не допускались к заселению орошенных казенных участков «последователи вероучений, которые отрицательно относятся к воинской повинности»¹⁵¹. Проект был утвержден императором 21 июня 1914 г.

Безуспешную попытку отменить вероисповедные и национальные ограничения в законах предприняли в феврале 1916 г. социал-демократы, трудовики и национальные группы. Помимо прочего, они указывали, что в пределах Туркестана и Степных областей покупать земли и недвижимость запрещалось нехристианам, кроме «туземцев» и местных евреев, остальным евреям вообще было запрещено селиться в Туркестанском крае¹⁵².

Как показывают дискуссии в нижней палате, думское большинство подчиняло задачи экономического развития Туркестана концепции закрепления ведущей хозяйственной роли европейцев-христиан в колонии, их приоритетной поддержке государством.

¹⁵⁰ Там же. Стб. 2316–2318; Проект закона об отводе казенных орошенных участков в Голодной степи, Самаркандской области // Проекты законов, одобренные Государственной думой. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. I. Пг., 1914. С. 64–66.

¹⁵¹ Проект закона об отводе орошаемых системой Романовского канала казенных участков Голодной степи Ходжентского уезда Самаркандской области // Проекты законов, одобренные Государственной думой. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. I. С. 732–735.

¹⁵² Законодательное предположение № 64 об отмене вероисповедных и национальных ограничений // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая, 1915–1916 гг. Вып. II. Пг., 1916. С. 2.

Сообразно этим изменениям в Государственной думе признали правильным отказ от сословных ограничений при переселении. Внесенный переселенческим управлением в октябре 1913 г. проект, с которым в марте 1914 г. согласилась переселенческая комиссия Думы, закреплял принцип бессословности: право на переселение на общих основаниях с крестьянами давалось другим сословиям, в том числе почетным гражданам, духовенству, мещанам и дворянам. В мае 1916 г. проект был принят Государственной думой¹⁵³.

Задаче закрепления привилегированного положения русских переселенцев соответствовал и принятый Думой в июне 1913 г. без прений проект о правилах наделения землей Семиреченского казачьего войска¹⁵⁴. В нем ставилась цель укрепить недостаточно, на взгляд законодателя, защищенные земельные права казаков: местная администрация с 1880-х годов отрезала у них более 200 тыс. десятин земли при землеустройстве киргизов. Согласно проекту, казакам следовало прирезать около 257 тыс. десятин пахотной земли, обеспечив каждого мужчину 30 десятинами удобной земли. Такие размеры наделов превращали казачество в зажиточных землевладельцев. Земельная комиссия Государственной думы подчеркнула, что интересы киргизского населения не должны быть ущемлены, но допустила, что могут быть отрезаны излишки киргизских земель с вознаграждением за перенос их зимовок. Комиссия заявила о необходимости первоочередного учета интересов не киргизов, а именно казаков. В Думе посчитали, что отвод земель кочевому населению «едва ли» можно было оправдать «настоятельной необходимостью»¹⁵⁵. Однако Государственный совет 21 марта 1914 г. не стал утверждать проект, а создал согласительную комиссию. В основу работы легло предложение Государственного совета наделить каждого казака сверх

¹⁵³ Доклад № 435 по законопроекту о предоставлении лицам всех сословий права переселения на казенные земли Азиатской России на общих с сельскими обывателями основаниях // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. V. СПб., 1914. С. 1–3; Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия четвертая. Ч. III. Пг., 1916. Стб. 4633.

¹⁵⁴ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 2329–2330.

¹⁵⁵ Доклад № 422 по законопроекту об установлении правил о наделении землей Семиреченского казачьего войска // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. IV. СПб., 1913. С. 3.

30 десятин еще 20 десятинами земли, в том числе 10 десятин передать как запас на увеличение населения и 10 десятин — в особый войсковой запас на общественные надобности и пополнение сумм войскового капитала. Большинство членов согласительной комиссии поддержали это. Как заявил докладчик, кадет В. А. Харламов, дополнительная земля могла пригодиться в будущем, чтобы не допустить малоземелья при росте населения. Меньшая часть комиссии выступила против, так как «свободная» земля, по их мнению, была необходима для колонизации крестьянами. Дума согласилась с мнением меньшинства и не поддержала Государственный совет, который на этот раз принял мнение Государственной думы и не стал настаивать на норме в 50 десятин¹⁵⁶. Проект был подписан императором 3 июля 1914 г. в думском варианте, предполагавшем наделение каждого казака 30 десятинами земли и еще 10 десятинами в запас¹⁵⁷.

Важнейшим фактором развития сельского хозяйства Туркестана стали оросительные работы. Высокие пошлины стимулировали быстрое распространение в Средней Азии культуры хлопка, сильно потеснившего зерновые. Возможность дальнейшего расширения посевов зависела в основном от развития мелиорации. Стремясь сократить казенные траты, власти (в частности, министр финансов В. Н. Коковцов) говорили о необходимости законодательно разрешить привлечение частных средств на орошение казенных земель. В прессе писали о наличии «целых групп лиц, заинтересованных в возможно скором решении этого вопроса», так как «орошение пустырей государственной земли обойдется дешевле, чем приобретение ее у частных владельцев»¹⁵⁸.

В указанном вопросе противоборствовали два течения. Представители одного из них предлагали обеспечить орошение земель, привлекая частных инвесторов, чтобы максимально быстро развивать хлопководство, используя труд привычного к этому коренного населения, представители второго — продолжить переселение в Туркестан крестьян из центральных и западных губерний, чтобы усилить русское влияние, для чего делом ирригации должно было заняться государство. До революции решений по этому вопросу не

¹⁵⁶ Государственный совет. Стенографические отчеты, 1913–1914 гг. Сессия девятая. Пг., 1914. Стб. 3139–3140.

¹⁵⁷ Переселение и землеустройство в Азиатской России: сб. законов и распоряжений. Пг., 1915. С. 283–284.

¹⁵⁸ Туркестанское сельское хозяйство. 1906. № 1–2. С. 80–81.

приняли, разногласия касались перехода части земель в собственность предпринимателей, условий распределения воды и правительственных гарантий. Ускоренной ирригации пустующих территорий мешали неопределенность с правом собственности и желание властей иметь фонд свободных земель для колонизации¹⁵⁹.

Действия правительства и туркестанской администрации в данной сфере критиковались в Думе за недостаточность, бессистемность, неэффективность. Так, бюджетная комиссия нижней палаты отмечала высокую стоимость эксплуатации Романовского канала — одного из крупнейших в Азии, открытого в 1913 г., причем расходы возлагались на переселенцев. Член сельскохозяйственной комиссии Государственной думы, прогрессист С. С. Крым в мае 1914 г. отметил отсутствие экономических обзоров районов, где была запланирована мелиорация. Его удивляло, что для орошения выбрали Голодную степь, а не Фергану, где это было проще, быстрее и выгоднее как для создания «русского крестьянского ядра», так и для текстильной промышленности. С. С. Крым не видел экономического смысла в привлечении на орошенные земли переселенцев, а не лояльных мусульман, лучше знающих культуру хлопка. Парламентарий подчеркнул необходимость решить вопрос о том, что приоритетнее — развитие орошения или судьба Аральского моря и судоходства на реках¹⁶⁰.

В связи с 300-летием дома Романовых в 1913 г. Дума одобрила создание 150-миллионного фонда с привлечением частных средств на мелиоративные работы в Европейской и Азиатской России в пятилетний срок. План был одобрен Советом министров 8 марта 1914 г., однако оказался сорван войной¹⁶¹. В марте 1914 г. сельскохозяйственная комиссия Думы обсуждала проект ГУЗиЗ о выделении из казначейства средств на переустройство канала императора Николая I в Голодной степи, что предполагало увеличение площади орошаемой земли в Голодной степи на 12 тыс. десятин — до 57 тыс. десятин. Государственная дума приняла проект с уменьшенной суммой, который был утвержден императором 28 июня 1914 г.¹⁶²

¹⁵⁹ Центральная Азия в составе Российской империи. С. 146–149.

¹⁶⁰ Государственный совет. Стенографические отчеты, 1913–1914 гг. Сессия девятая. Пг., 1914. Стб. 73, 79–83.

¹⁶¹ См. об этом: Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С. 60, 271.

¹⁶² Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. Ч. V. СПб., 1914. Стб. 1185; Доклад № 843 по законопроекту

Октябристы в начале работы IV Думы внесли инициативу об организации мелиоративного кредита путем создания на основе Крестьянского банка Государственного земельного банка для выдачи долгосрочных ссуд на сельскохозяйственные улучшения под залог недвижимости¹⁶³, однако до революции идея не получила развития.

Препятствием мелиоративным работам, частному предпринимательству в хлопководстве и развитию колонизации была неурегулированность правовых оснований пользования водой. Опора на нормы обычаев создавала запутанные ситуации и конфликты, а их решение из-за низкого качества системы управления было проблематичным. «Стоит только возникнуть какому-нибудь водному спору (решение которых циркуляром по Ферганской области <...> предоставлено местной администрации), — и можно быть уверенным, что разбор его будет длиться целые годы, пока сами туземцы не придут к какому-нибудь соглашению. Если же потребуются выполнить какое-нибудь новое более или менее капитальное гидротехническое сооружение — будьте уверены, что администраторы наши так или иначе отклонят этот проект, мотивируя дороговизной затеи», — отмечал автор статьи в журнале «Туркестанское сельское хозяйство»¹⁶⁴.

Признанный исключительно важным, водный вопрос поднимался десятилетиями, но проект положения о пользовании водами в Туркестане был внесен только в IV Государственную думу в январе 1913 г. До начала войны, в феврале — июне 1913 г., его успела рассмотреть сельскохозяйственная комиссия, согласившаяся с его необходимостью. При составлении проекта использовался опыт аналогичного закона для Закавказья, его положения были дважды рассмотрены и одобрены на совещаниях в Туркестане с участием местного населения; местные обычаи сохранялись там, где они фактически применялись и не противоречили нормам права.

об отпуске из Государственного казначейства средств на переустройство канала императора Николая I в Голодной степи // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. IX. СПб., 1914. С. 1–10.

¹⁶³ Законодательное предположение № 67. 1913 г. об изыскании средств для мелиоративного кредита и о пересмотре закона о капитале на сельскохозяйственные улучшения // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. I. СПб., 1913. С. 1–3.

¹⁶⁴ Туркестанское сельское хозяйство. 1906. № 1–2. С. 37–38.

Сельскохозяйственная (аграрная) комиссия Думы признала правильным для «общего блага» установленный в проекте принцип верховного распоряжения государства водами, который не противоречил правосознанию народов Туркестана. Проект закреплял, что права пользования водой устанавливаются в тех районах, где завершились поземельное устройство и обследование оросительных систем, в остальных районах права закреплялись лишь временно. Неиспользуемые воды признавались свободными для общественных надобностей и отвода частным лицам. Сельскохозяйственная комиссия согласилась с установлением в проекте приоритета задач орошения над промышленно-техническими целями, за исключением предприятий, не потребляющих воду, а использующих ее как двигательную силу.

Создавалась система органов распределения воды — уездных и областных по водным делам присутствий с участием выборных от населения. Следующей инстанцией было Туркестанское водное управление, входившее в ведомство ГУЗиЗ по отделу земельных улучшений. Новые органы водного управления должны были объединить работу и поглотить разрозненные организации в области ирригации. Участникам пользования водой необходимо было организовать Советы выборных для распределения воды и участия в расходах по содержанию и ремонту оросительных сооружений. Сохранялись и должности арык-аксакалов. Сельхозкомиссия изменила проект в сторону децентрализации распределения мелких объемов воды, отменив необходимость обращаться в центральные учреждения. Это облегчало жизнь местному населению.

Бюджетная комиссия Думы, рассмотрев проект в феврале 1916 г., признала его желательным и предложила половину издержек на местный аппарат перенести с местных земских средств на Государственное казначейство, а содержание Туркестанского водного управления полностью возложить на плечи государства. Это поддержала и финансовая комиссия Думы, отметившая «громадное» значение водного закона для «планомерного заселения окраины русским элементом и прочного закрепления под скипетром Русской Державы»¹⁶⁵. Мусульманская группа предложила демократизиро-

¹⁶⁵ Доклад № 116 по законопроекту положения о пользовании водами в Туркестанском генерал-губернаторстве // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия четвертая, 1916 г. Вып. III. Пг., 1916. С. 1–54.

вать избрание в органы управления водами делегатов от населения, отказавшись от их утверждения губернатором. С этим согласилась сельскохозяйственная комиссия, и поправка была принята. Положение следовало ввести с 1 января 1917 г. В июне 1916 г. Государственная дума утвердила проект и направила его в Государственный совет¹⁶⁶. Тот 4 ноября 1916 г. передал его на обсуждение комиссий по сельскому хозяйству и законодательных предположений, где он и оставался до революции¹⁶⁷.

Слабое развитие промышленности в Туркестане и подчиненность задачам сельского хозяйства не вызывали особого недовольства в Государственной думе, где Туркестану отводили роль аграрной окраины и поставщика сырья. В то же время думцы согласились с распространением на Степной край и Туркестан правил надзора за фабрично-заводской промышленностью и взаимных отношений фабрикантов и рабочих. Проект был принят Думой в июне 1913 г. Он предполагал учреждение областных присутствий по фабричным и горнозаводским делам и должности старшего инспектора. Представитель националистов А. А. Мотовилов подчеркивал необходимость проекта из-за «роста промышленной жизни и ввиду того, что некоторым окраинам нужно предоставить те же условия, в которых находится центральная <...> Россия»¹⁶⁸.

Развитие транспорта было важным элементом экономических успехов в Туркестане, и в IV Государственной думе осознали это. Например, октябрист М. И. Симонов отмечал в прениях в мае 1914 г., что железные дороги являются условием, обеспечивающим быстрое экономическое развитие окраины — ее заселение и сбыт продукции¹⁶⁹. В марте 1916 г. при принятии сметы переселенческого

¹⁶⁶ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия четвертая. Ч. III. Пг., 1916. Стб. 4633–4639, 5213.

¹⁶⁷ Государственный совет. Стенографический отчет. Сессия XIII. Заседание второе. 4 ноября 1916 г. Пг., 1916. Стб. 42.

¹⁶⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1913 г. Сессия первая. Ч. III. СПб., 1913. Стб. 2220–2221. — См. также: Доклад № 395 по законопроекту о распространении действия правил о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих на некоторые губернии и области Кавказа, Сибири, Степного края и Туркестана и об установлении нового штата фабричной инспекции // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. VI. СПб., 1913. С. 1–10.

¹⁶⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. Ч. V. СПб., 1914. Стб. 135–136.

управления Дума одобрила формулу перехода, указывающую на необходимость «выработать общий план железнодорожного строительства в Азиатской России»¹⁷⁰. Но в последние годы империи крупного железнодорожного строительства в Туркестане не предполагалось, за исключением проекта прокладки железнодорожной ветки длиной около трех верст от станции Аральское море к самому морю. Важность этого проекта объяснялась развитием рыбного промысла, из-за чего грузооборот действовавшей станции вырос с 1908 по 1912 г. в 5,5 раза. Проект не требовал значительных расходов, в январе 1914 г. его одобрила нижняя палата, а 1 марта утвердил император. Думская бюджетная комиссия указывала на желательность привлечь рыбопромышленников к возмещению расходов казны на сооружение ветки и выражала пожелание об урегулировании рыбного промысла Арала во избежание злоупотреблений¹⁷¹.

Еще одним проектом в сфере транспорта, принятым Государственной думой, была организация перевозки скоропортящихся грузов из Туркестана в Петербург и Москву, а потом на zahraniчные рынки, главным образом мяса из Оренбургского района, рыбы из Аральского моря и фруктов из Средней Азии. Это была инициатива министерства путей сообщения в связи с дороговизной доставки скоропортящихся продуктов и потерей их качества, что делало произведенные в России продукты неконкурентными на западноевропейских рынках и вело к вздорожанию жизни в российских городах. Министерство пришло к выводу о «крайней желательности» применения холодильного дела к перевозкам продуктов: помимо изотермических вагонов, в пунктах вывоза и конечных точках следовало оборудовать склады для заморозки и хранения, а по пути — ледники для снабжения вагонов льдом. «В виде первого опыта», с учетом жаркого климата, Министерство путей сообщения решило

¹⁷⁰ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия четвертая. Ч. III. Пг., 1916. Стб. 4032–4033.

¹⁷¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. Ч. II. СПб., 1914. Стб. 1579; Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1914 г. Сессия вторая. Ч. I. СПб., 1914. Стб. 2036; Доклад № 137 по законопроекту о сооружении железнодорожной ветки от станции «Аральское море» Ташкентской железной дороги к Аральскому морю и об утверждении строительной стоимости работ и поставок по устройству этой ветки // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. II. СПб., 1914. С. 1–2.

выбрать именно туркестанское направление по маршруту Самарканд — Ташкент — Самара — Москва — Петербург. За перевозку грузов предполагалось брать плату, которая, по расчетам, должна была окупить траты.

Думская комиссия о путях сообщения признала потребность «вполне назревшей», однако колебания вызвал приоритет туркестанского направления над сибирским. Но все же комиссия согласилась с министерством, признав, что Туркестан как окраина «не в состоянии использовать своих естественных богатств вследствие невозможности вывоза скоропортящихся грузов в центральную Россию», выразила пожелание, чтобы этот опыт скорее распространился на сибирское направление, и сократила более чем на 15 % сумму на проект. Сельхозкомиссия поддержала проект министерства с учетом обещания аналогичного проекта в отношении Сибири, Крыма и Кавказа¹⁷². Дума приняла проект в июне 1914 г., а 1 июля его утвердил император.

Напомним, что в результате третьеиюньского переворота 1907 г. Туркестан был лишен парламентского представительства. Однако это не уничтожило политическую активность в регионе, в том числе в рамках исламского реформизма. Борьба части «туземной» элиты Туркестана за восстановление избирательных прав шла в форме сотрудничества с мусульманской фракцией Думы, а также с конституционно-демократической партией, одним из программных требований которой было всеобщее избирательное право. Эти попытки не оказали заметного влияния на принятие решений, касавшихся мусульман и империи в целом и Туркестана в частности. Заявления мусульманских депутатов, требовавших правового и религиозного равноправия, а также неоднократные обращения по поводу ограничения переселения крестьян из европейской части России в Туркестан подогревали опасения правых фракций в Думе, способствовали усилению реакционных тенденций и выявляли всю глубину расхождения парламентских политических сил по национальному вопросу. При этом думское большинство в Третьей Думе в отношении

¹⁷² Доклад № 855 по законопроекту об утверждении строительной стоимости работ и поставок по оборудованию холодильными устройствами линии Самарканд — Санкт-Петербург (через Сызрань — Тулу — Москву) и отпуске в 1913 г. на приступ к означенным работам 1 млн руб. // Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Четвертый созыв. Сессия вторая, 1913–1914 гг. Вып. X. СПб., 1914. С. 1–21.

Туркестана зачастую проявляло пассивность и, таким образом, санкционировало политику царской администрации.

Начало Первой мировой войны нарушило работу Думы. В январе 1915 г. она собралась только для обсуждения бюджета. Проблемы Туркестана, за исключением вопросов о пользовании водой, находились на периферии ее деятельности, хотя в формуле перехода при принятии бюджета на 1916 г. думцы выражали пожелание, чтобы правительство ускорило выработку нового Положения об управлении Туркестанским краем и внесло его на рассмотрение законодательных учреждений не позже осени 1916 г., чего не произошло. Социалистические и мусульманская фракции продолжали критиковать игнорирование властями прав и потребностей народов Туркестана и Степного края, что вызывало национальную рознь. При обсуждении кредитов на содержание временных партий по заготовлению переселенческих участков в мае 1916 г. трудовик В. И. Дзюбинский отмечал недопустимость «беспорядочных» способов отнятия киргизских земель и передачи «владельцам пришлым и чуждым»¹⁷³.

После присоединения к Российской империи новые власти гарантировали «туземцам» Туркестана освобождение от воинской повинности. Во время войны этот вопрос был вновь поставлен на повестку дня. Так, в августе 1915 г. Государственная дума высказалась за незамедлительное привлечение к воинской службе коренного населения окраин. При обсуждении бюджета на 1916 г. была принята формула перехода, в которой признавалось необходимым «скорейшее разрешение в законодательном порядке вопроса о привлечении к отбыванию воинской повинности инородцев»¹⁷⁴.

В 1916 г., стремясь поддержать верноподданнические чувства в Туркестане в условиях войны, Военное министерство профинансировало издание «Туркестанской туземной газеты» — официаль-

¹⁷³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия четвертая. Ч. III. Пг., 1916. Стб. 4377–4378.

¹⁷⁴ Формулы перехода к очередным делам, принятые Государственной думой при обсуждении проекта государственной росписи доходов и расходов на 1916 г. // Государственная дума. Доклады бюджетной комиссии. Четвертый созыв. Сессия четвертая, 1915–1916 гг. Вып. III. Пг., 1916. С. 17. — См. также: Котюкова Т. В. Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М., 2016. С. 24–105.

ного печатного органа на староузбекском сартском наречии, или старокиргизском, староказахском языках, с переводом на русский язык и с приложением¹⁷⁵. Адресатами газеты должны были стать как представители туземной администрации, так и преподавательский состав (мударрисы) мусульманских учебных заведений (мектебов) и имамы мечетей¹⁷⁶. Примечательно, что в Совете министров в 30 июня 1915 г. обсуждалась возможность окончательного решения вопроса о среднеазиатской «автономии» (смещении бухарского эмира). Правительство, в лице министра внутренних дел Н. Б. Щербатова, связывало потенциальные конфликты в большей степени с внешнеполитическими обстоятельствами. «Намечается движение в Средней Азии среди сартов и революционно-политическое и проч[их] в связи с волнениями в Афганистане и возможностью выступления против России. Пора убрать эмира бухарского (кровапийцу)»¹⁷⁷. Однако причина видится не в личностях. В целом военные условия способствовали усилению экономического прессинга, снижению лояльности мусульманского населения и главное — истощению силовых и экономических ресурсов краевой администрации.

Четвертая сессия IV Думы завершилась 20 июня 1916 г., а всего спустя несколько дней Николай II подписал высочайшее повеление о привлечении инородцев в возрасте от 19 до 43 лет к работам в районе действующей армии, что спровоцировало в Средней Азии восстание, подавить очаги которого едва удалось к февралю 1917 г. По царской воле в военное время «реквизировалось» трудоспособное мужское население. В ст. 42 Устава о воинской повинности 1914 г. указывалось: «Население Туркестанского края, а также инородческое население областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской освобождено впредь до дальнейших распоряжений от исполнения воинской повинности»¹⁷⁸. Таким

¹⁷⁵ Котюкова Т. В. «Другой» мир глазами «своих» на страницах «Туркестанской туземной газеты» // Восточный архив. 2014. № 2 (30). С. 25–30.

¹⁷⁶ Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв четвертый. Сессия IV. Т. 2. СПб., 1916. Стб. 1352.

¹⁷⁷ Bakhmeteff Archive (Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета). Arcadii Nikolaevich Iachontov Papers, 1914–1936. Series I. Correspondence. Box I. Рукописные записи, сделанные А. Н. Яхонтовым в 1914, 1915 и 1916 гг.

¹⁷⁸ Устав о воинской повинности. М., 1914. С. 23.

образом, Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. выполняло роль «дальнейшего распоряжения», прописанного в Уставе. Этот юридический акт был призван расширить возможности призыва на фронт русских, компенсируя заменой их «инородцами» Российской империи на предприятиях и объектах военного назначения. Очевидно, что такой шаг в условиях войны казался власти более рациональным, чем массовое привлечение дешевой иностранной рабочей силы из-за рубежа, в частности из Китая¹⁷⁹.

В русской армии традиционно «инородческие» вооруженные формирования комплектовались на добровольной основе (например, Кавказская туземная конная дивизия). Однако война истощала мобилизационный ресурс коренных областей империи, поэтому в определенный момент в верхах созрело убеждение: «В военной обстановке, вызывающей величайшее напряжение всех сил государства, указанное явление (освобождение от воинской повинности в качестве привилегии для «инородцев». — *Авт.*) представляется недопустимым»¹⁸⁰. Военное министерство, не дожидаясь согласия Туркестанской администрации, пренебрегая порядком проведения закона через Государственную думу, оформило призыв императорским повелением (которое имело силу закона) о наборе инородческого населения для прифронтовой службы в качестве рабочих. Более того, Высочайшее повеление было сформулировано недостаточно четко, порядок и правила призыва прописаны не были. Этот юридический просчет в дальнейшем будет активно использоваться А. Ф. Керенским.

Характерно, что нарушение процедуры принятия акта не помешало ряду членов мусульманской фракции Государственной думы выступить с фактической поддержкой призыва¹⁸¹. Решение о мобилизации было неожиданным для населения, распространялись самые невероятные слухи об использовании мобилизованных на турецком фронте (т. е. против мусульманского халифа) и планах по уничтожению мужского населения Туркестана с целью облегчить колонизацию. За недовольством местных жителей стояли и эко-

¹⁷⁹ См. подробнее: Ходяков М. В., Чжао Чжицин. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 7–30.

¹⁸⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1802. Л. 31.

¹⁸¹ См. об этом: Янченко Д. Г., Овсянников Д. В., Шорохов В. А. Восстание в Туркестане 1916 года... С. 73–80.

номические проблемы: помимо того что возникали противоречия с прибывшими из европейских губерний переселенцами, указ был объявлен в разгар полевых работ.

Первые волнения вспыхнули в Ферганской долине. Наибольшую известность приобрели события 3–4 июля 1916 г. в Ходженге. Вскоре восстание перекинулось в другие уезды Самаркандской области и Ферганскую область. Самое крупное восстание произошло 13–21 июля в Джизаке. Беспорядки и погромы охватили обширные районы Туркестанского и Степного краев. Это не были согласованные между собой акции. Важно отметить, что события затронули не только Туркестан. Новейшая отечественная историография трактует данные явления как «восстания в Азиатской России в 1916 г»¹⁸². Безусловно, оно стало свидетельством масштабного кризиса, охватившего Туркестан, Сибирь, Кавказ. Почти повсеместно отдельными выступлениями руководили выходцы из «инородческой» среды. Местные власти в Туркестане приняли поспешные меры для подавления восстания, были отправлены карательные отряды. Однако относительное успокоение наступило только в преимущественно оседлых областях. Степи продолжали сопротивление.

Стало ясно, что Дума (прежде всего кадеты и их союзники) готова использовать еще один информационный повод для критики имперской администрации в борьбе за власть. Правительство не отменило мобилизацию, но провело кадровые перестановки. Новым генерал-губернатором Туркестана 22 июля 1916 г. назначили участника покорения края генерала от инфантерии А. Н. Куропаткина. Он считал, что нельзя действовать лишь силой и необходимо обновить систему управления регионом.

В это время представители общественности Туркестана М. Чокаев (туркестанский джадид), А. А. Чайкин (редактор газеты «Туркестанский голос») и У. А. Ходжаев прибыли в Петроград с целью пригласить депутатов Думы приехать в край и на месте разобраться в происходящем, а также ходатайствовать об отмене Высочайшего повеления. Государственная дума решила отправить в край свою комиссию, состоявшую из главы мусульманской фракции, депутата от Уфы М.-К. Б. Тевкелева, а также представителя фракции трудовиков

¹⁸² Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.) / ред.-сост. Т. В. Котюкова. М., 2017.

А. Ф. Керенского. На то, что последний стал членом думской комиссии, повлиял случай. Изначально в Туркестан как в мусульманский регион предполагалось ехать депутатам М.-К. Б. Тевкелеву и М.-Ю. Г. Джафарову. Однако беспорядки на Кавказе обусловили необходимость присутствия депутата «от Азербайджана» в родном регионе. Удивительно, но кандидатура А. Ф. Керенского была утверждена Думой в том числе и потому, что несколько лет в юности будущий политик провел в Туркестане, где служил его отец. Сам А. Ф. Керенский с отличием окончил Ташкентскую гимназию в 1899 г. и в рассматриваемый период сумел убедить коллег, что является сведущим специалистом в проблемах Туркестана.

Прежде чем отправиться в Туркестан, А. Ф. Керенский от имени членов Государственной думы отправил (24 июля 1916 г.) телеграмму на имя генерала М. В. Алексеева, начальника Штаба Верховного главнокомандующего. В ней содержалась просьба отсрочить призыв рабочих до окончания сбора хлопка, т. е. до 1 ноября, так как в противном случае под угрозой гибели находилась значительная части стратегически важного урожая¹⁸³. 30 июля 1916 г. был объявлен указ об отсрочке мобилизации.

Ход работы думской комиссии освещен начальником Туркестанского районного охранного отделения полковником М. Н. Волковым. 15 августа 1916 г. в Ташкент в сопровождении Ш. З. Мухамедьярова и М. Чокаева (в качестве переводчика) прибыл депутат Думы М.-К. Б. Тевкелев, а 17 августа А. Ф. Керенский¹⁸⁴. Во время посещения джума-мечети в Андижане 25 августа А. Ф. Керенский попросил полицейских чинов удалиться из мечети. В ходе состоявшейся беседы депутаты выслушали собравшихся мусульман. В ответном слове А. Ф. Керенский представил себя и М.-К. Б. Тевкелева защитниками туркестанцев¹⁸⁵.

Восстания в Туркестане и других регионах Азиатской России, вызванные действиями правительства, а также системный кризис

¹⁸³ См. об этом: Котюкова Т. В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель — Observer. 2011. № 8. С. 112.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Докладная записка начальника Туркестанского районного охранного отделения М. Н. Волкова Туркестанскому генерал-губернатору А. Н. Куропаткину от 27 августа 1916 г. // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии. С. 207–208.

империи, обостренный войной, должны были, по пророческому мнению депутата, закончиться революцией и сменой власти. Новая же власть (к которой А. Ф. Керенский, вероятно, относил и себя), основанная на выборных началах, с его точки зрения, будет соответствовать чаяниям населения национальных окраин. О себе он говорил, что готов для них работать так же, как и для своего народа. Завершился визит в Андижан званым ужином, на который собралось около 70 чел. А. Ф. Керенский использовал представившийся случай, чтобы декларировать идею создания в Туркестане земского и городского самоуправления. Находясь в Андижане, депутаты собрали обширную подборку жалоб местного населения для отправки в Петроград.

На следующий день М.-К. Б. Тевкелев и А. Ф. Керенский приняли в гостинице в Коканде представителей местной буржуазии, с которыми беседовали о необходимости реформ управления и избирательном праве. Председатель Ташкентского комитета по отправке мобилизованных на тыловые работы У. Ходжаев организовал 30 августа в честь депутатов банкет, который посетило свыше 100 чел. Мероприятие сопровождали взаимные благодарности и заверения в наилучших намерениях депутатов, посулы скорого решения назревших проблем. В завершение А. Ф. Керенский выразил надежду на то, что «туземное» население в единении с прогрессивной частью русского общества пойдет по пути завоеваний лучших условий жизни, за которые борются Дума и вся культурная Россия¹⁸⁶.

Туркестанские события обсуждались в Государственной думе в декабре 1916 г., после поездки в край думской комиссии трудовика А. Ф. Керенского и председателя мусульманской фракции М.-К. Б. Тевкелева. Первые выступавшие — М. Ю. Джафаров и кадет С. П. Мансырев — не обратили внимания на экономические аспекты недовольства. А. Ф. Керенский тоже обошел вопрос стороной, посчитав его второстепенным и подчеркивая вину центральной и местной власти¹⁸⁷. Только участвовавший в ревизии сенатора К. К. Палена октябрист граф Д. П. Капнист (2-й) и кадет М. С. Аджемов считали, что события спровоцировало то, как велась русская колонизация края:

¹⁸⁶ Котюкова Т. В. Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Там же. С. 81.

¹⁸⁷ «Такое управление государством недопустимо». Доклад А. Ф. Керенского на закрытом заседании Государственной думы. Декабрь 1916 г. // Исторический архив. 1997. № 2. С. 4–22.

«туземцев грабили» при отводе земель, что привело к обостренным отношениям с русскими поселенцами. М. С. Аджемов назвал в числе «грехов» Государственной думы то, что в ней отсутствовало представительство от Туркестана, то, что у киргизов насильственно отбирали землю, не считаясь с их хозяйственным бытом и условиями жизни, а также насильственно водворяли поселенцев. Это, по его мнению, создало «костер», куда была брошена «головешка» в виде телеграммы о призыве. Как констатировал Д. П. Капнист, в части Семиречья была «уничтожена вся русская колонизация»¹⁸⁸. О печальных итогах восстания, разрушенном хозяйстве, «порабощенных мелких народах» и «мрачной практике национального угнетения» говорил на заседании Думы 3 ноября 1916 г. член мусульманской фракции М. Ю. Джафаров, требуя равноправия инородцев¹⁸⁹. Вместо экономики на первый план выходили задачи успокоения региона. Известно, что за год до событий, в 1915 г. на одном из закрытых заседаний Думы А. Ф. Керенский утверждал, что Туркестан и степные области — это не Тульская и Тамбовская губернии, и на них можно смотреть так же, как англичане или французы смотрят на свои колонии. В этом смысле он мало отличался от русских консерваторов конца XIX столетия.

В целом предложения о вливаниях бюджетных средств в Туркестан негативно воспринимались обществом, планы развития промышленности критиковались за конкуренцию с производителями метрополии, введению налога на вывозимый из края хлопок противодействовали предприниматели, сторонники «хлопковой независимости» России, правые круги выступали против привлечения в Туркестан частного, особенно иностранного капитала. Российская империя так и не смогла согласовать интересы в экономическом развитии Туркестана, упорядочить противоречивые нормы и правоприменение, урегулировать новые для окраины хозяйственные институты и закрепить это юридически.

Архивные данные свидетельствуют, что никакой финансовой иерархии российская банковская система не создала ни в Хивинском ханстве, ни в Туркестанском генерал-губернаторстве, ни в Степном

¹⁸⁸ Стенографический отчет Государственной Думы. Заседание 15 декабря 1916 г. // Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. документов. Ташкент, 1932. С. 143–162. С. 151, 159–160.

¹⁸⁹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия пятая. Заседание 2. Пг., 1916. Стб. 85–86.

крае. Невозможно полностью согласиться с мнением о том, что «деятельность купцов-предпринимателей знаменовала появления в крае местной торгово-промышленной буржуазии, которая заняла достаточно сильные позиции в его экономике. Тесная связь и сильная финансовая зависимость от российского торгово-промышленного и особенно банковского капитала не позволяла ей стать монополистом в торгово-промышленной сфере»¹⁹⁰. По мнению Н. Б. Хотамова, «российский финансовый капитал в своей колонии — Средней Азии совсем не заботился о положении местных банков, которые появились в регионе независимо от российских, а потому оставались слабыми и не оказывали большого влияния на экономическую жизнь Средней Азии»¹⁹¹.

Банки способствовали спекуляции на местных рынках, что замедлило модернизацию экономики региона. Советский исследователь деятельности банков в Туркестане Б. И. Искандаров отмечал, что «банки в условиях Средней Азии мало стимулировали развитие экономики края. Система кредитования исходила не из интересов экономического развития края, а из корыстных целей представителей банков, которые с каждым годом все шире охватывали отдаленные районы дореволюционного Таджикистана»¹⁹². Банки находились в городах Туркестана и Семиречья и редко кредитовали сельских клиентов.

Некоторые российские финансовые учреждения, например Русско-Азиатский банк, попытались взять в свои руки хлопководство и промышленное производство, но в итоге даже этот крупный банк не сумел стать локомотивом экономического развития региона. Основной причиной являлось приспособление финансовых учреждений к реально существовавшим экономическим отношениям в Туркестане и ханствах. Модернизация экономики Центральной Азии в понимании банков состояла в финансировании экспортных культур и посредничестве между метрополией и периферией.

¹⁹⁰ Махкамова Н. Р. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. — 30-е годы XX в.). Ташкент, 2009. С. 26.

¹⁹¹ Хотамов Н. Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе, 1990. С. 4.

¹⁹² Искандаров Б. И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана (вторая половина XIX в.). Душанбе, 1976. С. 115.

На первый взгляд, «колониальная» периферия казалась привлекательной сферой для инвестирования и получения сверхприбылей, но спекулятивный характер туркестанской экономики мешал нормальному развитию банков. В результате экономическая модернизация Центральной Азии провалилась. Тяготы Первой мировой войны обострили противоречия между коренным населением Средней Азии и переселенцами из европейской части России. В ходе работы комиссии из членов Государственной думы в Туркестане петроградские политики, особенно А. Ф. Керенский, усилили свое влияние как среди региональной, так и среди столичной элиты.

Часть III

ИМПЕРСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Глава 7. Государство и кавказская нефть на рубеже веков

Глава 8. Аграрная колонизация и курортное дело на Кавказе
в конце XIX — начале XX века

ГОСУДАРСТВО И КАВКАЗСКАЯ НЕФТЬ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ¹

7.1. Бакинские нефтепромыслы

Поощрение кавказской нефтяной промышленности стало одним из основных направлений правительственной политики в конце XIX — начале XX в. Главное внимание было сосредоточено на промыслах Бакинского района, где добывалась основная часть черного золота в России. Отмена в 1877 г. акциза с керосина дала импульс бурному развитию нефтедобычи и нефтепереработки. Действенными факторами роста стали также приток новых капиталов, расширение площади разрабатываемых нефтеносных земель, увеличение числа буровых скважин и совершенствование техники добычи, улучшение энерговооруженности предприятий, создание новой системы хранения нефти и др. Со второй половины 1880-х годов развитие нефтяной промышленности в значительной мере стимулировалось возрастающим спросом на жидкое топливо. Бакинская нефть была богата тяжелыми фракциями, и при ее перегонке получалось много остатков (мазута), которые стали восполнять нехватку угля и широко использоваться в качестве энергоносителя в промышленности и на транспорте. Если в 1880 г. потребление жидкого топлива составляло 7 млн пудов, то в 1892 г. — 116,8 млн пудов. К тому време-

¹ Содержание главы частично основано на опубликованных ранее статьях: Степанов В.Л.: 1) Нефтяная политика С.Ю. Витте в Закавказье (1892–1903 гг.) // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2 (3). С. 136–145; 2) Государственное регулирование кавказской нефтяной промышленности в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 12. С. 63–68; 3) Нефтяная промышленность Северного Кавказа в правительственной политике конца XIX — начала XX в. // Российская история. 2019. № 6. С. 127–147; 4) Казенное нефтяное хозяйство в России: варианты, проекты, дискуссии (1913–1917 гг.) // Уральский исторический вестник. 2020. № 1. С. 37–44.

ни выпуск мазута в полтора-два раза стал превышать изготовление керосина².

Нефтяная промышленность Апшеронского полуострова отличалась высокой степенью концентрации производства. Ведущие компании (Э. Нобеля, А. Ротшильда, А. И. Манташева, С. Г. Лианозова, Г. З. Тагиева и др.), активно внедрявшие новые технологии, уверенно оставляли позади средние и мелкие предприятия с примитивной организацией труда. В 1890 г. доля восьми крупнейших фирм в нефтедобыче составила 65,4 %. Восстановление акциза с керосина в 1887 г. не отразилось на показателях нефтяной промышленности. В 1888–1892 гг. число скважин на Апшеронском полуострове увеличилось с 239 до 448, добыча нефти — с 192,6 млн до 298 млн пудов, вывоз керосина в российские губернии — с 24,6 млн до 30,9 млн пудов. Следствием этого стало полное вытеснение американского керосина с российского рынка. В 1877 г. он составлял 26,5 % всего керосина, потребляемого в России, в 1880 г. — 12 %, а в 1885 г. его привоз почти прекратился. Бакинские нефтепродукты через черноморский порт Батум устремились за границу, где стали конкурировать с мировым монополистом — крупнейшей американской корпорацией Standard Oil Дж. Рокфеллера. В 1888–1892 гг. российский экспорт возрос с 22,8 млн до 46,1 млн пудов³.

При проведении нефтяной политики на Южном Кавказе министр финансов С. Ю. Витте пользовался содействием сановников, разделявших его взгляды, — министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова (1894–1905) и главноначальствующего Кавказской администрацией кн. Г. С. Голицына (1896–1905). Поддерживая эту отрасль, министр финансов стремился решить две взаимосвязанные задачи: 1) обеспечить потребности экономики страны и 2) превратить нефтяную промышленность в постоянный источник государственных доходов. Особое значение имело решение земельно-нефтяного вопроса в Бакинском районе, поскольку от этого зависело развитие частного предпринимательства. После

² См. об этом: *Самедов В. А.* Нефть и экономика России (80–90-е гг. XIX в.). Баку, 1988. С. 14, 42; *Дьяконова И. А.* Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999. С. 4, 5, 53–58.

³ Приводится по: *Першке С. и Л.* Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913. С. 32, 36; *Нардова В. А.* Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880–1890-е годы. Л., 1974. С. 8–18.

отмены откупной системы и провозглашения свободы нефтяного промысла (1 февраля 1872 г.) вся казенная нефтеносная площадь Апшеронского полуострова была разделена на участки по 10 десятин. Правительство всячески стремилось расширять масштабы нефтедобычи и проводило в Бакинском районе политику изъятия земель у государственных крестьян и переселения их на другие территории. Казенные участки сдавались в аренду частным предпринимателям за подесятинную плату. Кроме того, часть нефтеносных земель выделялась по особым «высочайшим пожалованиям» представителям гражданской и военной элиты. В 1880-х годах наблюдался массовый захват казенной земли кавказской знатью и нефтепромышленниками с помощью самых различных ухищрений: подкупа чиновников, подлогов документов, использования лжесвидетелей и т. п. Возникавшие при этом конфликты с казной обычно заканчивались уступками со стороны местной администрации, и «спорные» участки оформлялись как сданные в аренду. В течение двух десятилетий на Апшероне образовался значительный фонд нефтеносных земель, которые или не входили в число государственных, или фактически перестали быть владением казны⁴.

Дополнительная законодательная регламентация земельно-нефтяных отношений оказалась крайне необходимой в условиях быстрого роста арендных цен и острой борьбы между промышленниками за участки с месторождениями нефти. 3 июня 1892 г. были утверждены «Правила о нефтяном промысле», которые стали составной частью Горного устава⁵. Этот закон подтвердил разрешение заниматься нефтяным промыслом лицам всех состояний, которые обладали гражданской правоспособностью. Все казенные земли Апшерона объявлялись «заведомо нефтеносными». Участки могли сдаваться впредь только в аренду на условиях уплаты единовременного взноса или за определенную денежную плату с каждого пуда добытой нефти (попудную плату), размер которой устанавливался в резуль-

⁴ См. подробнее: *Гейтнер М. Я.* Земельная политика царизма в Азербайджане и захват крупным капиталом нефтяных месторождений (конец XIX — начало XX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: сб. статей к 75-летию академика Н. М. Дружинина / отв. ред. В. К. Яцунский. М., 1961. С. 380–388; *Нардова В. А.* Начало монополизации... С. 112–130.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III (далее — ПСЗ-III). Т. XII. № 8659.

тате соревнования на торгах. При подобной практике сумма годовых платежей не зависела от колеблющейся рыночной цены нефти, оставаясь неизменной в течение всего срока аренды. В том случае, когда годовая добыча нефти оказывалась меньше установленного для участка минимума, предприниматель был обязан уплатить казне недостающую сумму. Такие условия аренды отвечали интересам казны и вместе с тем ограничивали конкуренцию в нефтяном деле. Отводы земельных площадей для евреев вне черты оседлости, иностранцев и заграничных компаний, а также для российских акционерных обществ предоставлялись только с особого разрешения министра государственных имуществ при согласовании с министрами внутренних дел и финансов. Разведка и добыча нефти частными лицами на землях частновладельческих имений должны были проводиться на условиях, установленных собственниками участков.

Торги, состоявшиеся в 1896–1900 гг., сопровождались ажиотажем, стремительным ростом цен на землю и арендной платы, что, в свою очередь, вызывало скачок цен на нефть, керосин и мазут. Однако многие фирмы не приступали к эксплуатации выторгованных участков и, соответственно, не вносили попудной платы, добиваясь облегчения условий аренды. Под влиянием этих обстоятельств в верхах состоялся пересмотр прежнего порядка отвода земель. Изданные 12 июня 1900 г. новые правила заменили постоянную попудную плату отчислением в пользу казны части добытого количества нефти (долевое отчисление), которое должно было взиматься либо натурой, либо деньгами. Устанавливалась шкала арендных платежей казне, которая целиком зависела от рыночной стоимости нефти, так как размер доли начислялся по средней биржевой цене за каждое полугодие⁶. Эта система была особенно выгодна старым компаниям, которые владели землями на условиях уплаты наиболее низкой ренты. Последнее обстоятельство позволяло им предлагать на торгах чрезвычайно высокий процент долевого отчисления нефти (до 60–70 %) и тем самым препятствовать появлению конкурентов. Еще ранее, 14 мая 1900 г., были утверждены правила, касающиеся относительно малоисследованных нефтеносных земель, на которых разрешались разведка и добыча нефти. Желавший получить отвод вносил определенную сумму и в случае обнаружения черного золота получал участок на 24 года за попудную плату⁷. Применение этих

⁶ Там же. Т. XX. Отд. 1. № 18866.

⁷ Там же. № 18608.

правил стало одним из способов получения крупными фирмами богатых нефтью земель без торгов. Кроме того, в начале XX в. большой размах получила практика раздачи земель «за особые заслуги» в завуалированных формах — участки выделялись разным лицам под предлогом проведения разведочных работ, для «поверхностного пользования», оформлялись фиктивные договоры с крестьянскими обществами и др. В обстановке резкого усиления конкуренции между компаниями за источники нефти участились и прямые захваты ими казенных земель⁸.

В связи с удаленностью Баку от основных промышленных центров страны и необходимостью обеспечения экспорта нефтепродуктов министр финансов придавал особое значение развитию транспортной инфраструктуры. Продолжались работы на Закавказской железной дороге, сооруженной к 1883 г. для перевозки нефти из Баку в Батум. В 1890-х годах были построены Тифлис-Карская, Боржомская и Чиатурская ветви. В 1899 г. утвержден проект дальнейшего развертывания строительства Закавказской магистрали по линии Александрополь — Джульфа с ветвью на Эривань. В следующем году завершение прокладки Бакинской ветви Владикавказской железной дороги (Порт-Петровск — Баладжары) соединило Закавказскую линию с общероссийской сетью железных дорог. В 1900 г. для ускорения обеспечения промышленности и транспорта нефтяным топливом в Министерстве путей сообщения были утверждены правила перевозок мазута по железным дорогам, которые устранили многие формальности и проволочки при транспортировке⁹. Поскольку Закавказская железная дорога не справлялась с перевозкой нефтяных грузов, в 1896 г. вдоль ее полотна началось сооружение керосинопровода Баку — Батум. Он обошелся казне в 50 млн руб., был сдан в эксплуатацию спустя десять лет, имел протяженность 835 км и был рассчитан на перекачку 60 млн пудов керосина в год¹⁰. Со-

⁸ См. об этом: *Гейфтер М. Я.* Земельная политика царизма... С. 391–394; *Ибрагимов М. Д.* Нефтяная промышленность Азербайджана в период империализма. Баку, 1984. С. 88, 165.

⁹ См. подробнее: *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975. С. 260, 261, 271; *Самедов В. А.* Нефть и экономика России... С. 78, 79.

¹⁰ Приводится по: *Мир-Бабаев М. Ю.* Краткая история азербайджанской нефти: в 2 кн. Кн. 2. Баку, 2012. С. 90–93.

оружие Транссибирской магистрали позволило доставлять нефть в восточные регионы России, а также в Японию и Китай.

С. Ю. Витте проводил политику укрупнения нефтяных компаний и оказывал первоочередное содействие фирмам, имевшим возможность модернизировать свои предприятия и осуществлять широкомасштабный экспорт продукции. Финансовое ведомство поддерживало постоянные контакты с нефтяными магнатами и всегда учитывало их мнение. Представители Э. Нобеля и А. Ротшильда неизменно присутствовали на всех совещаниях, проводимых в верхах по вопросам нефтяной политики¹¹. В Министерстве финансов стремились осваивать американский опыт, чтобы использовать его в России и укрепить позиции бакинской нефти за границей. В начале 1893 г. С. Ю. Витте командировал на Всемирную выставку в Чикаго видного экономиста И. И. Янжула и главного эксперта по нефтяным делам С. И. Гулишамбарова. Перед ними была поставлена задача изучить организацию трестов и синдикатов. Их отчеты способствовали принятию решения о необходимости создания российского нефтяного экспортного объединения.

В 1894 г. по инициативе С. Ю. Витте был учрежден Союз бакинских керосинозаводчиков для более успешного противодействия Standard Oil и раздела сфер влияния на мировом нефтяном рынке. Со временем этот синдикат стал контролировать 97 % всей добычи нефти в Баку, но ему не удалось ни договориться с корпорацией Рокфеллера, ни выиграть у нее конкурентную борьбу. Исход противостояния между двумя объединениями в конечном счете определился как превосходством финансового могущества и торговой организации американской монополии, так и остротой противоречий внутри бакинского Союза, который в 1897 г. прекратил существование¹². Это привело к ослаблению позиций российских нефтяных фирм на западных рынках и их дальнейшей экспортной переориентации.

¹¹ См. об этом: *Фурсенко А. А.* Первый экспортный нефтяной синдикат в России (1893–1897 гг.) // Монополии и иностранный капитал в России / отв. ред. М. П. Вяткин. М.; Л., 1962. С. 48.

¹² См. подробнее: *Фурсенко А. А., Шепелев Л. Е.* Нефтяные монополии России и их участие в борьбе за раздел мирового рынка в 90-х годах XIX в. // Материалы по истории СССР. Т. VI: Документы по истории монополистического капитализма в России / отв. ред. А. Л. Сидоров. М., 1959. С. 47–156; *Фурсенко А. А.*: 1) Первый экспортный нефтяной синдикат... С. 4–58; 2) Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы — 1918 г. Л., 1965. С. 40–80.

Если первоначально керосин и другие нефтепродукты в основном вывозились в европейские страны, то позднее они стали широко проникать в Индию, Индокитай, Китай и Японию, где американская конкуренция была не настолько сильна. В 1890 г. на восток экспортировалось 30 % российского керосина, в 1892 г. — 40 %, а в 1900 г. — 57,3 %¹³.

Для стимулирования экспорта Министерство финансов создавало нефтяным компаниям льготные условия. Еще в 1887 г. с целью окончательно избавиться от конкуренции Standard Oil в России была установлена высокая ввозная пошлина размером в 1 руб. золотом с пуда керосина и других нефтепродуктов (масел, бензина, газа и др.). Протекционистский таможенный тариф 11 июня 1891 г. подтвердил эту ставку, а тариф 1 июня 1893 г. увеличил ее еще на 20 %¹⁴. Финансовое ведомство охотно шло навстречу требованиям нефтяных компаний о снижении платы за перевозки их продукции. Еще в 1890 г. руководимый С. Ю. Витте Департамент железнодорожных дел по ходатайству Э. Нобеля установил льготные тарифы для отправки мазута и керосина в Центральный промышленный район России. В следующем году были введены пониженные тарифы на транспортировку нефтяных грузов от волжских пристаней за границу через балтийские порты — Ревель, Ригу и Либаву. Для поддержки экспортных операций Союза бакинских керосинозаводчиков в феврале 1894 г. тариф на Закавказской железной дороге снизили с 19 до 14 коп. с пуда, а с июля — до 9 коп. Министерство финансов активно помогало нефтяным королям в борьбе с аутсайдерами (несоюзными предпринимателями) за монополизацию экспортной торговли. С целью лишить конкурентов единственной возможности отправлять керосин другим путем (через Новороссийск) в 1894 г. был отменен льготный вывозной тариф на Владикавказской железной дороге. Вместе с тем С. Ю. Витте не собирался постоянно жертвовать интересами казны. В 1895 г. с учетом высоких цен на керосин с согласия крупных нефтепромышленников тариф вновь подняли до 19 коп. с пуда. Одновременно Министерство финансов повысило провозную плату и на Владикавказской линии. Однако уже в 1897 г. по просьбе Э. Нобеля тариф на Закавказской железной

¹³ Приводится по: *Першке С. и Л. Русская нефтяная промышленность...* С. 44, 66.

¹⁴ ПСЗ-III. Т. XI. № 7811; Т. XIII. № 9705.

дороге был понижен до 12 коп. с пуда и повышен только в 1900 г. до 16 коп.¹⁵

Для поддержки нефтяного бизнеса С.Ю.Витте использовал и кредитный рычаг. На рубеже XIX–XX вв. Бакинское отделение превратилось в один из крупнейших филиалов Государственного банка. Его основными активными операциями были учет и переучет векселей, выдача ссуд под ценные бумаги и товары (нефть и нефтепродукты). В числе постоянных клиентов отделения состояли крупные нефтепромышленники — Э.Нобель, Г.М.Лианозов, Г.З.Тагиев, А.М.Нагиев, А.Ш.Асадуллаев, И.А.Гаджинский, Г.Ш.Дадашев. Клиентами отделения стали и действовавшие в Бакинском районе акционерные компании «Руно», «А.И.Манташев и К^о», «Бр. Мирзоевы и К^о» и др. После учреждения Союза бакинских керосинозаводчиков Государственный банк для поощрения экспорта стал выдавать кредиты под вывозимый товар за льготный процент. Однако в дальнейшем Госбанк уступил акционерным коммерческим банкам первенство в финансировании нефтяной промышленности. Это было вызвано ограниченностью средств банка, вынужденного расходовать значительные суммы на поддержку помещичьего землевладения, преобладание в его деятельности учетно-вексельных операций, высокий учетный процент и др. Акционерные банки предлагали клиентам более низкий процент, компенсируя свои потери высоким процентом по ссудам под нефть и те ценные бумаги, которые не принимались в залог Государственным банком¹⁶.

Министр финансов стремился использовать подъем нефтяной промышленности для повышения государственных доходов. Еще при его предшественнике И.А.Вышнеградском с 1 января 1888 г. был введен акциз на керосин с двумя ставками: для легких масел 40 коп. с пуда и для тяжелых — 30 коп.¹⁷ Этот налог вызвал рост цен на керосин внутри страны и стал тяжелым бременем для населения. Тем не менее С.Ю.Витте пошел на увеличение акциза с керосина, вывозившегося на внутренние рынки, и с 1 января 1893 г. он был

¹⁵ Приводится по: Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России... С. 171–175.

¹⁶ См. подробнее: Ибрагимов М.Д. Нефтяная промышленность Азербайджана... С. 106, 107, 111; Соловьева А.М. Железнодорожный транспорт России... С. 172, 173.

¹⁷ ПСЗ-III. Т. VII. № 4895.

повышен до 60 коп. с легких масел и до 50 коп. с тяжелых¹⁸. Поступление этого налога в 1893–1900 гг. возросло с 16,4 млн до 25,5 млн руб.¹⁹ При вывозе за границу керосин не облагался пошлиной, что делало его выгодным для иностранного потребителя. Это позволяло российским экспортерам снижать цены за границей, повышать конкурентоспособность своего товара и вытеснять с международных рынков американские нефтепродукты. В результате подобной демпинговой политики усугубилась разница между ценами на керосин в России, где он стоил около 2 руб., и за рубежом (например, в Лондоне — 83 коп., в Гамбурге — 98 коп.), что привело к сужению внутреннего рынка нефтепродуктов и замедленному возрастанию их потребления с 37,9 млн пудов в 1893 г. до 40 млн пудов в 1899 г. Россия значительно отставала от передовых западных стран по среднедушевому потреблению керосина: в России в 1900 г. оно составляло 5,235 кг, в Великобритании — 12,270 кг, в Германии — 15,133 кг, в США — 26 кг²⁰.

Обязательным условием развития нефтяной промышленности С. Ю. Витте считал привлечение иностранных капиталов. Однако весной 1898 г. инициативы министра финансов столкнулись с серьезной оппозицией во главе с великим князем Александром Михайловичем, который в своей всеподданнейшей записке высказал опасение, что отвод казенных земель на Апшеронском полуострове иностранным предпринимателям, особенно английским, «может иметь последствием изъятие бакинской нефтяной промышленности из русских рук»²¹. Этой точке зрения сочувствовали многие высшие сановники и сам Николай II²². 28 марта 1898 г. по докладу министра земледелия и государственных имуществ для обсу-

¹⁸ ПСЗ-III. Т. XI. № 9093.

¹⁹ Приводится по: *Першке С. и Л.* Русская нефтяная промышленность... С. 68.

²⁰ Приводится по: *Ахундов Б. Ю.* Монополистический капитал в дореволюционной бакинской нефтяной промышленности. М., 1959. С. 142–144; *Галаган А. А.* Из истории налогообложения российской нефтяной промышленности в XIX — начале XX в. // Предвестие эры нефти. Проблемы истории нефтяной промышленности России и США во второй половине XIX — начале XX в. / под ред. В. Ю. Алекперова. М., 2003. С. 138, 139.

²¹ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914. Документы и материалы / сост. А. Н. Гулиев, М. И. Найдель, В. А. Нардова [и др.]. М.; Л., 1961. С. 219.

²² Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т. Т. 1, кн. 2. СПб., 2003. С. 621.

дения этого вопроса было образовано особое совещание во главе с председателем Департамента государственной экономии Госсювета Д. М. Сольским в составе нескольких министров, председателя Департамента законов Госсювета и главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. На заседаниях С. Ю. Витте и А. С. Ермолову удалось отстоять свою точку зрения. В итоге участники совещания пришли к заключению, что нет никакой необходимости ужесточать действующее законодательство, поскольку «участие иностранцев в развитии русской нефтяной промышленности следует считать не только не вредным, но полезным и желательным, так как только при свободном доступе к ней дешевых иностранных капиталов с предприимчивостью и энергией сия промышленность станет крепко на ноги и получит дальнейшее желательное развитие»²³. Министрам земледелия, финансов и внутренних дел поручалось совместно выработать основания, которые могли бы служить руководством для рассмотрения ходатайств западных предпринимателей об аренде нефтеносных участков на Кавказе. 3 июня 1898 г. это решение было утверждено императором²⁴.

Обсуждение вопроса в январе — феврале 1899 г. продолжилось в межведомственной комиссии при Министерстве земледелия и государственных имуществ, учрежденной в соответствии с постановлением совещания²⁵. Она выработала обязательные требования, которым должны были следовать иностранные акционерные общества, собирающиеся заняться нефтяным промыслом на Кавказе: сообщать в соответствующие государственные учреждения сведения о местонахождении предприятия, которое они собираются приобрести, и участков, на которых собираются вести геологическую разведку, а также о размере имеющегося капитала; представлять отчет и баланс за последние три года деятельности; подчиняться действующим в России законам, постановлениям и правилам, относящимся к сфере их бизнеса; урегулирование споров между иностранными подданными и правительственными учреждениями или частными лицами по делам нефтяного предпринимательства должно производиться на основании российских законов и в местных судебных инстанциях; слияние иностранных фирм с другими акционерными

²³ РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 2618. Л. 43.

²⁴ Там же. Л. 36–43 об.

²⁵ Там же. Л. 3–4.

общества и изменение их устава возможны только с согласия министерств финансов, земледелия и государственных имуществ²⁶.

Одновременно в феврале 1899 г. С.Ю.Витте представил императору записку «О принципах последовательной торгово-промышленной политики России». В этом документе он в очередной раз отметил: «Приток иностранных капиталов является единственным способом ускоренного доведения нашей промышленности до такого положения, при котором она будет в состоянии снабжать нашу страну изобильными и дешевыми продуктами»²⁷. Министр финансов отверг бытующее в верхах и в обществе мнение о засилье иностранного капитала, наносящего ущерб «основным народным интересам». Более того, он указал на явную недостаточность объемов западных инвестиций для нужд развивающейся отечественной экономики ввиду многочисленных законодательных и административных «стеснений» для их проникновения в Россию²⁸. Эти доводы произвели впечатление на Николая II. 16 марта 1899 г. по просьбе С.Ю.Витте состоялось обсуждение записки на совещании министров под председательством императора и участники совещания поддержали министра финансов²⁹.

Тем не менее разногласия в бюрократических кругах не прекратились. Весной 1899 г. главноначальствующий гражданской частью на Кавказе кн. Г.С.Голицын уведомил С.Ю.Витте и А.С.Ермолова о своем мнении: с целью оградить кавказскую нефтяную промышленность от монопольного захвата иностранцами следует ограничить для них приобретение с торгов казенных земель, а также уже действующих промыслов, но вместе с тем разрешить разведку и добычу нефти на еще не разработанных участках. Для обсуждения этой меры император 15 марта 1899 г. распорядился вновь созвать совещание Д.М.Сольского, которое провело свои заседания в апреле. С.Ю.Витте и А.С.Ермолов представили специальные записки с опровержением аргументов Г.С.Голицына. Предложение князя не было поддержано и остальными членами совещания, которые отметили, что российские власти не обладают правом заставлять ино-

²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 2618. Л. 11–17 об.

²⁷ Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / публ. Л.Е.Шепелева. СПб., 1999. С. 339.

²⁸ Там же. С. 339–347.

²⁹ См. об этом: Половцов А. А. Дневник. 1893–1909. СПб., 2014. С. 235.

странных подданных вкладывать средства в рискованные и гораздо менее выгодные предприятия и отказываться от получения более надежных и значительных прибылей. Поэтому оглашение подобной меры способно только отпугнуть западных предпринимателей и вынудить их отказаться от вложения средств в кавказскую нефтепромышленность. Участники заседания, как и в прошлый раз, признали приток иностранных капиталов в эту отрасль экономики «полезным и желательным». Они постановили, что проект правил, которым следует руководствоваться при рассмотрении ходатайств иностранцев о разрешении им заниматься нефтяным промыслом на Кавказе, должен быть окончательно отредактирован и одобрен по взаимному соглашению министров финансов, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ. 1 мая 1899 г. решение совещания было утверждено Николаем II³⁰.

В конце XIX в. резко возрос объем иностранных капиталов, хлынувших в российскую экономику. Этому способствовала не только целенаправленная политика Министерства финансов, но и благоприятная хозяйственная конъюнктура: мощный промышленный подъем в стране во второй половине 1890-х годов, финансовая стабилизация, упрочение золотого рубля в результате реформы 1895–1897 гг., обилие капиталов и низкая норма учетного процента на западном денежном рынке. Главным объектом иностранной экспансии стала именно нефтяная промышленность. Европейские биржи были наводнены ценными бумагами российских нефтяных компаний, которые котируются по высокому курсу. Если общая сумма иностранных вкладов с 1894 по 1901 г. выросла в 4 раза, то в нефтяной промышленности в 30 раз — с 2,6 млн до 83,4 млн руб., причем налицо было подавляющее доминирование английских инвестиций. Всего в 1898–1903 гг. их было привлечено в Бакинский район на сумму 63,6 млн руб., кроме того — 8,5 млн руб. французских и 3 млн руб. бельгийских капиталов³¹.

К началу XX столетия бакинская нефтяная промышленность достигла больших успехов. В 1898–1901 гг. Россия по добыче нефти обгоняла США и занимала первое место в мире. За 1893–1900 гг.

³⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 2618. Л. 49–58 об.

³¹ Приводится по: *Зив В. С.* Иностранные капиталы в русской нефтяной промышленности. Пг., 1916. С. 11–28; *Эвентов Л. Я.* Иностранный капитал в нефтяной промышленности России. 1874–1917. М.; Л., 1925. С. 28–37; *Фурсенко А. А.* Нефтяные тресты и мировая политика. С. 105–138.

количество действующих буровых скважин увеличилось с 458 до 1710, добыча нефти — с 324 млн до 601 млн пудов, численность рабочих на нефтепромыслах — с 7060 до 25 214 чел., общий вывоз нефтепродуктов из Бакинского района — с 248,2 млн до 443,1 млн пудов, а их экспорт — с 60,2 млн до 90,9 млн пудов. Акцизный доход в эти годы возрос с 16,4 млн до 25,5 млн руб.³² На пике своего развития нефтяная промышленность приносила казне до 100 млн руб. в год, которые слагались из акцизных поступлений, арендных доходов и платы за железнодорожные перевозки.

Со второй половины 1890-х годов при поддержке государства заметно ускорились процессы акционирования и концентрации нефтяного производства. Если до 1890 г. в Бакинском районе из 120 нефтяных фирм насчитывалось всего 4 акционерных общества, то к началу XX в. их стало уже 39. В 1893 г. в бакинскую нефтяную промышленность влились 60 млн руб., из которых на долю акционерных предприятий приходилось 33,5 млн руб., а на долю единоличных — 26,5 млн руб. На 1 января 1902 г. сумма акционерного капитала достигла 165,3 млн руб., тогда как размер единоличного капитала составил всего 10,3 млн руб. В регионе возникали предприятия, объединявшие все виды нефтяного производства, транспортные средства и торговлю нефтепродуктами. На рубеже XIX–XX вв. процесс перерастания свободной конкуренции в господство отдельных фирм зашел в нефтяной промышленности значительно дальше, чем в родственных по социально-экономической структуре отраслях добывающей индустрии на юге страны (каменноугольной и металлургической). К 1901 г., когда развитие нефтяного бизнеса достигло апогея, в руках трех фирм (Э. Нобеля, А. Ротшильда и А. И. Манташева) сосредоточилось более четверти всей нефтедобычи Бакинского района и около 40 % производимого здесь керосина, им принадлежало также около половины всех нефтепродуктов, отправляемых в российские губернии и почти 70 % экспорта за границу³³.

Мировой экономический кризис 1900–1903 гг. обрушился и на Россию, поставив нефтяную промышленность в тяжелое положение

³² Приводится по: *Перише С. и Л.* Русская нефтяная промышленность... С. 55, 56, 59, 60, 68; *Пажитнов К. А.* Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М.; Л., 1940. С. 95.

³³ Приводится по: *Ахундов Б. Ю.* Монополистический капитал... С. 77; *Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914.* С. 11, 15.

ние. В 1901–1903 гг. сократились объемы разведочных работ, бурения и переработки нефти, количество действующих скважин — с 1924 до 1850, добыча — с 673 млн до 598 млн пудов, численность рабочих в нефтедобывающей промышленности — с 27 673 до 23 435 чел. В те годы из 91 нефтеперерабатывающего завода осталось 86, но в действительности функционировали лишь 57. Из-за падения спроса в Баку скопились огромные запасы нефти, что усугубляло неустойчивость рынка. Среднегодовая цена сырой нефти в Баку снизилась за 1900–1902 гг. в 2,3 раза, керосина — в 3,4 раза, нефтяных остатков — в 2 раза. Это привело к падению доходов частных компаний, разорению многих средних и мелких неконкурентоспособных предприятий, дальнейшему росту концентрации нефтяного производства. Министерство финансов пыталось бороться с кризисом. В июне 1901 г. С. Ю. Витте командировал в Баку чиновника по особым поручениям С. И. Гулишамбарова, который провел специальные совещания с представителями нефтепромышленников и местной администрации для обсуждения причин, вызвавших обвал цен на нефть. По распоряжению министра финансов была на 30 % снижена арендная плата за нефтеносные участки и выделены ссуды некоторым предпринимателям. Но эти меры не могли кардинально изменить ситуацию к лучшему. Россия навсегда утратила свое лидирующее положение в мировой добыче нефти: в 1901 г. ее доля составляла 53 % (США — 39 %), в 1902 г. — 46 % (США — 46 %), в 1903 г. — 42 % (США — 48,5 %) ³⁴.

Таким образом, правительству на рубеже веков удалось добиться существенных успехов в развитии нефтяной промышленности. Доходы, поступавшие в казну из этой отрасли, стали постоянным ресурсом для пополнения бюджета. Кроме того, рост экспорта нефтепродуктов способствовал активизации торгового баланса России. В условиях золотого монометаллизма в денежном обращении, установившегося после реформы 1895–1897 гг., это имело особое значение для сведения платежного баланса с положительным сальдо, чтобы избежать оттока золота за границу. Однако тепличные условия, созданные для нефтяного бизнеса, имели и негативные последствия. Крупнейшие компании в полной мере воспользовались

³⁴ Приводится по: *Першке С. и Л. Русская нефтяная промышленность...* С. 73–88; *Пажитнов К. А. Очерки по истории...* С. 95, 141; *Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России.* М., 1955. С. 265, 274, 275; *Ибрагимов М. Д. Нефтяная промышленность Азербайджана...* С. 40–45, 78.

правительственной поддержкой, с одной стороны, для экспорта по демпинговым ценам с целью вытеснения иностранных конкурентов, а с другой — для установления монопольно высоких цен внутри страны. Это неизбежно привело к сужению российского рынка и вынужденному сокращению потребления нефтепродуктов. Результаты спекулятивной политики бакинских нефтяных королей отчетливо проявились в ходе кризиса 1900–1903 гг., когда искусственно вздутые цены резко пошли вниз, что нанесло значительный ущерб как нефтяной промышленности, так и экономике в целом.

В дальнейшем нефтяная промышленность вступила в полосу длительной депрессии и темпы ее роста значительно замедлились. Она стала единственной из всех отраслей российской индустрии, не сумевшей достичь докризисного уровня. Под давлением американского треста Standard Oil бакинским нефтяным компаниям пришлось заключить с ним в 1904 г. договор о разделе международных рынков, что привело к утрате российскими экспортерами прежних позиций в Европе³⁵. В результате Русско-японской войны 1904–1905 гг. были также потеряны восточные рынки сбыта, захваченные западными конкурентами. Тяжелый удар отрасли нанесли события Первой российской революции. Еще в июле 1903 г. в Бакинском районе начался подъем стачечной борьбы, апогеем которого стали забастовка в декабре 1904 г., порча промыслового имущества и сожжение 125 нефтяных вышек. Стаечное движение возобновилось в феврале 1905 г., причем на этот раз оно сопровождалось острыми армяно-азербайджанскими столкновениями и многочисленными человеческими жертвами. Следствием социального и межнационального конфликтов были сожжение 225 вышек, падение добычи нефти, массовый отъезд из Баку владельцев промыслов, инженерно-технического персонала и рабочих³⁶.

18 февраля 1905 г. в Баку и губернии взамен действовавшего с 4 сентября 1901 г. состояния усиленной охраны было введено во-

³⁵ См. об этом: Ахундов Б. Ю. Монополистический капитал... С. 171.

³⁶ См. подробнее: Фролов В. И. Очерк забастовочного движения рабочих Бакинского нефтепромышленного района за 1903–1906 годы. Баку, 1907. С. 76–86; Иголкин А. А. Бакинские поджоги 1905 г.: революционаризм или организованный терроризм? // Революционаризм в России: символы и цвета революции: сб. статей / отв. ред. А. П. Логунов. М., 2005. С. 213; Джаббаров Ф. Р. Армяно-азербайджанский конфликт в феврале 1905 г. и его влияние на бакинскую нефтяную промышленность // Вестник архивиста. 1916. № 4. С. 161–179.

енное положение с учреждением должности генерал-губернатора, на которого возлагалась охрана государственного порядка и общественной безопасности. Для усиления бакинского гарнизона в город прибыли новые войсковые контингенты. 26 февраля был восстановлен упраздненный в 1882 г. пост кавказского наместника, его занял граф И. И. Воронцов-Дашков, получивший от императора чрезвычайные полномочия³⁷. Однако временное затишье вскоре сменилось всеобщей забастовкой в мае 1905 г., вызванной срывом предпринимателями декабрьских соглашений прошлого года, которую предпринимателям удалось прекратить только ценой некоторых уступок. Несмотря на режим военного положения и усиление местной администрации, охрана промысловой зоны, содержавшаяся на средства нефтепромышленников, оставалась слабой и была не в состоянии защитить предприятия от натиска толпы. Это доказали трагические события армяно-азербайджанской резни 20–26 августа 1905 г.: поджоги и грабежи на промыслах, уничтожение имущества, оборудования и запасов добытой продукции.

И без того стагнирующая бакинская нефтяная промышленность получила тяжелый удар: из 3110 буровых вышек сторели 1864, пострадали запасы добытой продукции, нефтехранилища, мастерские, котельные, склады, трубопроводы, жилые помещения и другие сооружения на общую сумму 19,8 млн руб., не считая ущерба, который потерпели рабочие и администрация³⁸. Работа промыслов оказалась почти полностью парализованной, а цены на нефть взлетели на невиданную высоту. В дальнейшем это отразилось на основных показателях апшеронских предприятий: выход нефти в 1905 г. по сравнению с предыдущим годом сократился с 616 млн до 405 млн пудов, производство нефтепродуктов — с 486,8 млн до 326,8 млн пудов, вывоз продукции из Баку — с 492,1 млн до 375,3 млн пудов, потребление нефти в стране — с 371,2 млн до 335,9 млн пудов, экспорт за границу — с 99,9 млн до 48,5 млн пудов. Доля России в мировой

³⁷ ПСЗ-III. Т. XXV. Отд. I. № 25854, 25891. — См. подробнее: Мильман А. III. Царский государственный аппарат в борьбе с революционным движением в Азербайджане в годы первой русской революции // Азербайджан в годы первой русской революции: сб. статей / под ред. И. М. Гасанова. Баку, 1966. С. 233–241; Флоринский М. В. Центральная власть и кавказская администрация в системе управления Российской империей в 1905–1914 гг. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 380–384.

³⁸ Отчет Горного департамента за 1905 год. СПб., 1907. С. 249, 250.

добыче за короткий срок упала с 39 до 28 %. Это имело крайне тяжелые последствия для народного хозяйства, поскольку к тому времени железные дороги, флот и многие промышленные предприятия перешли на жидкое топливо. Немалые убытки понесла казна, поступление акциза снизилось с 34,7 млн до 30 млн руб.³⁹

В верхах постарались сделать все возможное для восстановления бакинских промыслов. 22 сентября — 7 октября 1905 г. в Петербурге состоялись заседания Особого совещания под председательством министра финансов В. Н. Коковцова для обсуждения необходимых мер. В состав совещания вошли представители ряда министерств, Кавказского наместничества, биржевых комитетов и предпринимательских организаций. Совещание высказалось за предоставление нефтепромышленникам ряда льгот: 1) отсрочить уплату акциза за нефтяные осветительные масла по принятым до 1 октября 1905 г. залоговым квитанциям на срок от одного до трех лет в зависимости от объекта залога при взимании 5 % годовых с отсрочиваемой суммы; 2) отсрочить взнос арендной платы за казенные нефтеносные участки за первую половину 1905 г. до 15 апреля 1906 г., за вторую половину 1905 г. — до 15 июля 1906 г., за первую половину 1906 г. — до 15 октября того же года при взимании 5 % годовых с отсрочиваемой суммы, а также временно разрешить до конца 1906 г. оплачивать аренду земель долевым нефтью не по условиям договора, а по фактической добыче продукции; 3) в условиях постоянного колебания цен на нефть определять временно до конца 1906 г. размер арендной платы за участки по средним ежемесячным биржевым ценам, а не по полугодовым, как это было ранее; 4) освободить от выплат в пользу казны всю нефть, сгоревшую во время августовского погрома; 5) сложить 100 % пени, начисленной по 15 октября 1905 г. за невзнос в установленный срок причитающегося казне долевого отчисления нефти при взимании 10 % с просроченной суммы в течение двух месяцев и 0,5 % за каждый последующий месяц⁴⁰.

Эти рекомендации были одобрены Комитетом министров под председательством С. Ю. Витте 15 октября 1905 г., а 11 ноября ут-

³⁹ Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1905 год. Т. 2. Баку, 1906. Приложения. С. 2; Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1907 год. Т. 1. Баку, 1908. С. 2, 85, 124, 169; *Першке С. и Л.* Русская нефтяная промышленность... С. 74, 78, 88.

⁴⁰ РГИА. Ф. 1263. Оп. 2. Д. 5775. 538 об. — 539 об.

верждены императором⁴¹. В дальнейшем антикризисная политика осуществлялась по обозначенным направлениям в форме отдельных законодательных актов и административных распоряжений. Приоритетное внимание уделялось финансированию предпринимателей, имущество которых пострадало от пожаров. В Баку был учрежден комитет во главе с управляющим губернской казенной палатой, который принимал ходатайства о ссудах, определял их размер, давал санкцию на выдачу авансов и следил за расходованием заемщиками полученных средств. К концу 1906 г. из 160 занесенных в список пострадавших предприятий 63 получили отказ, а 81 была сокращена запрашиваемая сумма; общая выдача составила 11 млн руб. Всего из предназначенных 20 млн руб. заемщики получили 12,5 млн руб.⁴²

С тем чтобы не допустить повторения августовского погрома, 28 октября 1906 г. император подписал одобренное Советом министром Временное положение о Бакинском градоначальстве, а также расширенные штаты Бакинского и Балахано-Сабунчинского полицеймейстерств в соответствии со ст. 87 Основных законов без обсуждения в Государственном совете и Государственной думе⁴³. В преамбуле закона говорилось, что данное переустройство предпринимается с целью «ограждения порядка и общественной безопасности в городе Баку и прилегающем к нему промысловом и заводско-фабричным районе»⁴⁴. Баку и часть Бакинского уезда, включающая Апшеронский полуостров с островами Нарген, Святой и др., выделялись из состава губернии в особое градоначальство. Вместе с тем в управлении губернией сохранялся существующий порядок, по-прежнему функционировали административные присутственные места, сословные и общественные организации. Во Временном положении констатировалось, что «на градоначальника возлагается особенное попечение об охране бакинских нефтяных промыслов и заводов, о поддержании на них порядка и безопасности и предотвращении и устранении всех могущих возникнуть препятствий к правильному ходу промысловых и заводских работ»⁴⁵. Градоначальнику

⁴¹ Там же. Д. 5772. Л. 186–189; ПСЗ-III. Т. XXV. Отд. 1. № 26898.

⁴² Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1906 год. СПб., 1907. С. 98, 99; Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1909 год. СПб., 1911. С. 141.

⁴³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 36. Л. 300–306; ПСЗ-III. Т. XXVI. Отд. 1. № 28494.

⁴⁴ ПСЗ-III. Т. XXVI. Отд. 1. № 28494.

⁴⁵ Там же.

поручалось председательствование в ряде губернских присутствий — по городским делам, фабричным и горнозаводским делам и др. При нем также состояло собственное присутствие, которое по кругу обсуждаемых вопросов и составу участников подразделялось на две части: нефтяные и общие административные дела.

Нефтяное присутствие имело особое значение и состояло из помощника градоначальника, правителя канцелярии, бакинского и балаханно-сабунчинского полицмейстеров, окружного инженера II Кавказского горного округа, старшего фабричного инспектора, председателя биржевого комитета, городского головы, трех представителей городского общественного управления, председателя совета Съезда бакинских нефтепромышленников и пяти членов по выбору от этой организации. Присутствие занималось поддержанием порядка в промыслово-заводской зоне, регулированием на этой территории цен на товары первой необходимости, составлением проектов постановлений по вопросам «общественного благочиния» для местностей за пределами Баку и другими административно-финансовыми делами. С учреждением градоначальства были отменены военное положение и должность генерал-губернатора. Вместо этого 6 декабря 1906 г. Бакинскую губернию объявили в состоянии чрезвычайной охраны, которое продлевалось 31 мая и 2 декабря 1907 г., 26 мая 1908 г., а в дальнейшем — только в пределах Бакинского градоначальства (указы 27 ноября 1908 г., 14 мая и 5 декабря 1909 г., 30 мая и 11 августа 1910 г. и др.)⁴⁶. Рассмотрение Временного положения в законодательных учреждениях затянулось, и только 23 марта 1912 г. Николай II утвердил окончательный текст закона⁴⁷.

Возрождение промыслов тормозилось новыми вспышками стачечной борьбы. В июле 1906 г. поднялась очередная волна забастовок, которая не спадала в течение полутора лет: если в 1905 г. их число составляло 56, то в 1906 г. — 65, а в 1907 г. — уже 122⁴⁸. Правительство пыталось договориться с представителями рабочих в рамках петербургского Особого совещания для рассмотрения вопросов о мерах обеспечения промышленности каменным углем и жидким

⁴⁶ ПСЗ-III. Т. XXVI. Отд. I. № 28653; Т. XXVII. № 29233, 29810; Т. XXVIII. Отд. I. № 30393, 31242; Т. № 31877, 32761; Т. XXX. Отд. I. № 33595, 34105; Т. XXXI. Отд. I. № 34836, 35745; Т. XXXII. Отд. I. № 37833; Т. XXXIII. Отд. I. № 38898, 40116.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 19. Д. 36. Л. 528–528 об.; ПСЗ-III. Т. XXXII. Отд. I. № 36741.

⁴⁸ Приводится по: *Пажитнов К. А.* Очерки по истории... С. 159.

топливом (октябрь 1906 г.), съездов бакинских нефтепромышленников и совещательной компании 1906–1908 гг.⁴⁹ В совещании В. Н. Ковцовца получил поддержку замысел устройства поселков для рабочих за пределами промысловой зоны, поскольку непосредственно в местах нефтедобычи было невозможно обеспечить им приемлемые жилищные и санитарно-гигиенические условия. Вопрос об этом со второй половины 1890-х годов неоднократно ставился на съездах бакинских нефтепромышленников и обсуждался в правительственных структурах, однако только под давлением августовских событий власти перешли к практическим действиям⁵⁰. 1 февраля 1907 г. Николай II утвердил постановление Совета министров о выделении участков на полуострове для строительства поселков за счет средств Съезда бакинских нефтепромышленников⁵¹. Однако реализация этих планов постоянно отсрочивалась вследствие ведомственных разногласий, бюрократической волокиты, а также нежелания предпринимателей нести крупные расходы.

В целом антикризисная политика сыграла определенную роль в возрождении предприятий Апшерона. Однако на фоне общего упадка бакинских промыслов правительственные меры привели к довольно скромным результатам. По сравнению с 1905 г. добыча нефти возросла лишь с 409,9 млн до 448,4 млн пудов (1906 г.) и 476,5 млн пудов (1907 г.), производство нефтепродуктов — с 326,8 млн до 344 млн пудов (1906 г.) и 360,6 млн пудов (1907 г.), вывоз нефтяной продукции снизился с 375,3 млн до 330,9 млн (1906 г.) и 377,3 млн пудов (1907 г.), а экспорт — с 48,5 млн до 30,7 (1906 г.) и 37 млн пудов (1907 г.). В дальнейшем, вплоть до начала Первой мировой войны, небольшой прирост продукции чередовался с временными падениями в пределах 417,1–499 млн пудов. Доля России в мировой добыче продолжала уменьшаться и в 1911 г. составила 19,5 %⁵². Центральным и местным властям не удалось смягчить

⁴⁹ См. подробнее: *Потолов С. И.* Царизм, буржуазия и рабочий вопрос в Первой русской революции (Бакинская совещательная компания 1906–1908 гг.) // *Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX века* / отв. ред. С. И. Потолов. СПб., 1994. С. 70–137.

⁵⁰ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914. С. 321.

⁵¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 119. Л. 134–136 об.; ПСЗ-III. Т. XXVII. № 28851.

⁵² Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1906 год. Т. 1. Баку, 1907. С. 79, 92, 93; Т. 2. Баку, 1907. Приложения. С. 67; Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1907 год. Т. 1. Баку, 1907. С. 2, 85, 124, 169; *Перишке С. и Л.* Русская

противоречия между трудом и капиталом. Правда, с 1908 г. наступил спад рабочего движения, однако оно по-прежнему создавало препятствия развитию промыслово-заводского района, а в 1913 г. начался новый мощный подъем стачечной борьбы. В итоге, по словам американского экономиста Д. Ергина, «революционные беспорядки 1905 г. превратили Баку в коммерческое захолустье мирового нефтяного рынка»⁵³. Прежних объемов добычи черного золота в России удалось достичь только к концу 1920-х годов.

7.2. Нефтяная промышленность Северного Кавказа

Отдавая в своей политике безусловный приоритет бакинской нефтяной промышленности, правительство осуществляло поиск и освоение месторождений и в других регионах. С конца XIX в. в поле зрения Министерства государственных имуществ (с 1894 г. — Министерство земледелия и государственных имуществ, МЗИГИ), Министерства финансов и других властных структур оказались грозненские промыслы. До начала 1890-х годов добыча нефти здесь велась примитивным колодезным способом и в незначительном объеме. За 1833–1893 гг. было получено всего 3479 тыс. пудов продукции⁵⁴. Разработке местных нефтяных источников препятствовала их отрезанность от основных районов страны вследствие отсутствия железных дорог и выхода к морю (в отличие от Баку). В Терской и Кубанской областях существовала довольно сложная система земельных отношений: казачьи земли состояли в ведении Военного министерства, казенные земли, как свободные, так и состоявшие в пользовании крестьян, управлялись Министерством государственных имуществ, частные земли были в полной собственности владельцев с правом распоряжения поверхностью и недрами⁵⁵. Грозненские месторождения находились в основном на территории войска, командование

нефтяная промышленность... С. 92, 93, 108, 193; *Пажитнов К. А.* Очерки по истории... С. 139.

⁵³ *Ергин Д.* Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2019. С. 149.

⁵⁴ Приводится по: *Юшкин Е. М.* Материалы по грозненской нефтяной промышленности: в 3 т. Т. I. Владикавказ, 1906. С. 2; *Колосов Л. Н.* Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1803–1917 гг.). Грозный, 1962. С. 15–56.

⁵⁵ См. об этом: *Притула А. Ф.* Грозненская нефтяная и терская горная промышленность перед национализацией. М.; Л., 1925. С. 58–59.

которого сумело превратить их в статью постоянного дохода. До середины 1890-х годов нефтеносные участки сдавались на откуп различным предпринимателям, а вырученные деньги поступали в войсковую казну. Между тем откупная система в Бакинском регионе была отменена еще в 1872 г.

Весной 1890 г. инженер А. М. Коншин по заданию Кавказского горного управления обследовал Грозненский район и выявил надежные нефтяные пласты. Перспективными для промышленной разработки он признал Грозненское, Мамакаевское, Беноевское, Дылымовское, Чанты-Аргунское, Исти-Суйское, Вознесенское, Брагунское и другие месторождения⁵⁶. Эти прогнозы привлекли внимание предпринимателей. В 1893 г. завершилась прокладка линии Беслан — Петровск Владикавказской железной дороги, которая прошла через Грозный и с одной стороны соединила его с южными и центральными губерниями через Ростов-на-Дону, а с другой — дала выход к Каспийскому морю и волжскому речному пути⁵⁷. Это позволило доставить в Грозный необходимое оборудование и начать бурение скважин. 6 октября 1893 г. на Алхан-Юртовском участке, арендованном И. А. Ахвердовым, забил первый фонтан, который за две недели дал 150 тыс. пудов нефти. Это вызвало настоящий ажиотаж, повсюду заговорили о том, что грозненское эльдорадо сулит сказочные прибыли. Так началась промышленная разработка нефтяных ресурсов Терской области. В январе 1894 г. был утвержден устав первого местного акционерного общества — Грозненского нефтепромышленного товарищества, основанного А. Р. Русановским, в июне 1895 г. возникло Грозно-Днепровское нефтепромышленное общество (с 1898 г. — Санкт-Петербургское нефтепромышленное общество). В ночь на 27 августа 1895 г. на другом участке И. А. Ахвердова забил мощный фонтан, который ежесуточно выбрасывал сотни тысяч пудов черного золота. Нефть прорвала земляную плотину, затопила вышки, подъездные пути и окрестности. Известие о грандиозном фонтане облетело всю страну и окончательно развеяло последние сомнения в перспективности грозненских

⁵⁶ Коншин А. М. Геологическое описание Грозненской нефтяной площади и нефтяных месторождений Терской области и Каспийского побережья // Материалы для геологии Кавказа. Сер. 2. Кн. 6. Тифлис, 1892. С. 47–102.

⁵⁷ См. об этом: Харин Ю. Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX — начало XX в.). Пятигорск, 2003. С. 58.

месторождений. Нефтедобыча в районе за короткий срок увеличилась с 8 млн (1893 г.) до 28,5 млн (1895 г.) пудов. В апреле 1896 г. было учреждено Общество Грозненского нефтяного производства «И. А. Ахвердов и К^о». По итогам 1896 г. на долю этой фирмы пришлось 67,9 % добычи нефти в районе, 17,9 % — на компанию А. Р. Русановского и 1,2 % — на Грозно-Днепровское нефтепромышленное общество. В 1895–1896 гг. в окрестностях города были введены в эксплуатацию три завода по переработке нефти⁵⁸.

Мощным стимулом развития грозненской нефтедобычи стали промышленный подъем 1890-х годов и связанный с ним быстрый рост потребления жидкого топлива. В те годы полным ходом развернулось техническое перевооружение грозненских промыслов: внедрение паровых двигателей и парового бурения, тартальных станков, строительство современных нефтехранилищ и др. Правительство проявило большую заинтересованность в разработке местных месторождений и с оптимизмом оценивало их масштабы. Начальник Терской области генерал-лейтенант С. В. Каханов в отчете за 1894 г. писал, что эти нефтяные источники по своему богатству «по-видимому, не уступают бакинским»⁵⁹. Появление первого фонтана в Грозном ускорило отмену старой откупной системы на казачьих землях Кавказа. Еще в 1890 г. государственный контролер Т. И. Филиппов по инициативе Ставропольской контрольной палаты поставил вопрос о необходимости изменить ситуацию, сложившуюся на территории нефтяного бассейна Кубанского войска. В начале 1860-х годов она была передана в откупное содержание полковнику А. Н. Новосильцеву. Ему не удалось наладить широкомасштабную добычу нефти, и в мае 1871 г. правительство учредило специальное попечительство, которое получило монопольные права Новосильцева на эти территории до 1 мая 1892 г. Само попечительство не стало заниматься разработкой нефтяных источников и предпочло сдавать их в пользование иностранным предпринимателям. С 1883 г. нефтяное дело на Кубани оказалось целиком в руках французского акционерного общества «Русский стандарт». Поэтому для того, чтобы вырвать богатые запасы ценного сырья из рук иностран-

⁵⁸ См. подробнее: *Алекперов В. Ю.* Нефть России: настоящее, прошлое и будущее. М., 2011. С. 123–126.

⁵⁹ Всеподданнейший отчет начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год (далее — Всеподданнейший отчет...). Владикавказ, 1895. С. 98.

цев, Т.И. Филиппов предложил после окончания срока контракта распространить на войсковые земли действующие в Бакинском районе Правила о нефтяном промысле 1 февраля 1872 г. Министр государственных имуществ М.Н. Островский, которому подчинялся Горный департамент, поддержал эту инициативу и счел целесообразным одновременно ввести общеимперское законодательство на землях Терского казачьего войска, находившихся в сходных условиях⁶⁰.

Между тем с апреля 1888 г. межведомственная комиссия при Министерстве государственных имуществ под председательством чиновника этого ведомства И. П. Архипова как раз занималась пересмотром устаревших правил 1872 г. В сентябре 1890 г. по докладу директора Горного департамента министру государственных имуществ этой комиссии было поручено также на основе новых правил подготовить проект особого закона для Терской и Кубанской областей. По просьбе М.Н. Островского в начале 1891 г. Военное министерство ввело в ее состав по одному представителю от обоих казачьих войск. Комиссия пришла к единогласному мнению, что сохранение откупной системы на землях Северного Кавказа тормозит развитие нефтяной промышленности, наносит ущерб Государственному казначейству, получающему акцизные доходы с нефти, а также идет вразрез с интересами самих казачьих войск. Собравшиеся признали необходимым подчинить обе области действиям новых общих правил, но с «изъятиями» «ввиду особенностей, характеризующих правовые, административные и экономические условия казачьих земель»⁶¹. Разногласия в комиссии возникли только по одному вопросу. Представители казачьих войск настоятельно высказались за ограничение аренды сроком в 30 лет. Они мотивировали это тем, что за такой отрезок времени предприимчивые нефтепромышленники смогут не только компенсировать понесенные расходы, но и получить значительный доход. Кроме того, областные правления по окончании срока аренды получают возможность изменять ее условия в соответствии с уровнем цен на эти земли, зависящим от состояния нефтяной промышленности. Однако остальные члены комиссии высказались за бессрочную аренду нефтеносных участков вплоть до их полного истощения, поскольку это условие было общепринятым

⁶⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 70. Д. 18. Л. 93–94 об., 224–224 об.

⁶¹ Там же. Л. 96.

как в российском горном законодательстве, так за границей. Данное мнение поддержал и сам министр государственных имуществ⁶².

В конце апреля 1891 г. М.Н.Островский отправил подготовленный проект военному министру П.С.Ванновскому⁶³. После утверждения общих для всей империи правил 3 июня 1892 г. министр государственных имуществ в октябре того же года послал в военное ведомство свои соображения о корректировке правил, касающихся Терской и Кубанской областей. Однако обсуждение проекта затянулось, и только экстремальная ситуация, сложившаяся на грозненских промыслах, заставила правительство принять окончательное решение. Фонтанная нефть разлилась по земле и образовала целые озера, в которых скопилось 8–10 млн пудов продукции. При отсутствии нефтехранилищ достаточного объема это создало угрозу пожаров и даже локальной экологической катастрофы. 29 октября 1893 г. новый министр государственных имуществ А.С.Ермолов подписал инструкцию окружным горным инженерам, которая содержала перечень мер предосторожности при регулировании нефтяных фонтанов⁶⁴. 2 декабря 1893 г. он направил в Государственный совет представление о необходимости корректировки действующего законодательства, касающегося возможностей борьбы с разлитием нефти. По его словам, извержения фонтанов приводят к истощению месторождения, создают опасность пожаров, наносят ущерб не только хозяину этого участка, но и соседним промыслам, жилым зданиям, природной среде. Между тем Устав горный 1893 г. не допускал устройства каких-либо сооружений для отведения фонтанной нефти на землях, занимаемых дворами, строениями, плантациями, садами и огородами без согласия их владельцев. Министр настаивал на том, чтобы в случае появления фонтанов вплоть до их урегулирования отменить этот запрет и временно разрешить прокладку труб, каналов и желобов для спуска нефти в амбары. Предложение министра было поддержано Государственным советом в феврале — марте 1894 г., а 5 апреля утверждено императором⁶⁵. 27 января 1894 г. на Терскую область были распространены действовавшие в Бакинской

⁶² РГИА. Ф. 37. Оп. 70. Д. 18. Л. 94 об.—98.

⁶³ Там же. Л. 100–105 об.

⁶⁴ Там же. Оп. 66. Д. 2201. Л. 16–18 об.; Собрание узаконений и распоряжений правительства (далее — СУиР). 1893. Отд. 1. № 189. Ст. 1429.

⁶⁵ РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. 1894 г. Д. 70. Л. 3–5 об., 17, 18; ПСЗ-III. Т. XIV. № 10498.

губернии правила пожарной безопасности в новой редакции от 4 августа 1891 г.⁶⁶

В апреле 1894 г. А. С. Ермолов направил П. С. Ванновскому письмо с настоятельной просьбой о скорейшем издании выработанных правил для Кубанской и Терской областей. По его словам, предприниматели, вдохновленные успехом И. А. Ахвердова, расширяют фронт буровых работ в надежде получить фонтаны дешевого черного золота, а это, в свою очередь, приведет к дальнейшему росту количества «озерной» нефти, годной лишь для топлива. Министр указал на недопустимость подобного хищнического отношения к ценному сырью, которое может быть использовано для производства керосина и смазочных масел⁶⁷. При рассмотрении проекта новых правил в военном ведомстве вновь возник вопрос о сроках аренды казачьих земель. Позицию большинства членов межведомственной комиссии поддержали Кубанское областное правление и Комитет казачьих войск. За ограничение срока аренды выступили Терское областное правление и наказной атаман Кавказских казачьих войск С. А. Шереметев. На заседании 28 апреля 1894 г. Военный совет встал на их сторону и «признал необходимым в хозяйственном отношении установить для руководства войск правила, возможно более обеспечивающие им право распоряжения своей собственностью, не ограничивая этого права только моментом первоначального отвода участков для разработки»⁶⁸. Однако совет счел целесообразным установить срок аренды в 24 года, поскольку «арендная и попудная плата с участка могут быть изменяемы через каждые 12 лет, и таким образом 30-летний срок не совпадал бы со сроком изменения платы»⁶⁹. В итоге проект правил был одобрен с учетом сделанных исправлений, а 22 мая 1894 г. утвержден императором⁷⁰.

По новому закону все казачьи земли (как и казенные) были разделены на свободные «разведочные площади» и заведомо нефтеносные. Управление промыслами возлагалось на областные правления. Они давали разрешение на проведение разведочных работ, занимались разбивкой нефтеносных земель на участки и их отводом промышленникам, наблюдали за производством, контролировали

⁶⁶ СУиР. 1894. Отд. 1. № 25. Ст. 189.

⁶⁷ РГИА. Ф. 37. Оп. 70. Д. 18. Л. 211–213 об.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 826. Л. 224.

⁶⁹ Там же. Л. 225.

⁷⁰ Там же. Л. 220–232 об.

количество добываемой продукции, поступление арендных платежей за землю и попудной платы с нефти, собирали статистические сведения о нефтяном деле и др. Технический надзор за промыслами осуществляли Кавказское горное управление и окружные горные инженеры. Областные управления были обязаны сообщать горному управлению о выданных ими свидетельствах на разведку нефти, сданных в аренду промыслах и открытии новых месторождений. Правила категорические запрещали евреям заниматься нефтяным делом на казачьих землях, а иностранцам и иностранным акционерным общества это разрешалось только по особому разрешению военного министра по представлениям областных правлений (примечание к ст. 6 правил).

За право разведки предприниматели вносили в войсковую казну подесятинную плату, сумма которой ежегодно устанавливалась военным министром и не должна была превышать пяти рублей. Участки по 10 десятин сдавались в аренду с торгов, проводимых областными правлениями, на срок не более 24 лет за установленную плату; кроме того, взималась попудная плата с нефти в размере, определяемом военным министром раз в 12 лет. Промышленники были обязаны выплачивать также в соответствии со ст. 555 Горного устава 1893 г. особый сбор от 1/50 до 1/20 коп. с пуда нефти, поступавший в специальный фонд, средства которого предназначались для «благоустройства и развития» нефтяных районов (приобретения оборудования для регулирования истоков нефти, устройства промысловых дорог, организации медицинской помощи и др.). Размер сбора в установленном диапазоне определялся военным министром по соглашению с министром земледелия и государственных имуществ. Суммы сборов находились в распоряжении областных правлений и расходовались по договоренности с местным горным управлением после одобрения военного министра. В случае если под добычу нефти отводились участки, входившие в наделы казачьих станиц, то они получали равноценную компенсацию из смежных войсковых земель или в форме денежного вознаграждения⁷¹. Эксплуатация казенных земель проводилась в том же порядке, только без уплаты попудной платы и без ограничения срока аренды, т. е. до полной выработки месторождения. Частновладельческие земли

⁷¹ ПСЗ-III. Т. XIV. № 10638.

обычно сдавались в аренду на срок до 99 лет на условиях, полностью зависящих от воли хозяев⁷².

Правительство предприняло целый ряд мер для развития грозненской нефтяной промышленности. Рост объема добытой продукции требовал создания адекватной транспортной инфраструктуры. Прежде всего, следовало обеспечить доставку нефти с промыслов на станцию Грозный, принадлежавшую частной Владикавказской железной дороге, которая состояла под контролем государства. Правление компании было заинтересовано в развитии местной нефтяной промышленности, поскольку это способствовало увеличению грузопотоков и получению дополнительных доходов. В октябре 1893 г. оно обратилось в Министерство путей сообщения с просьбой разрешить произвести расходы на прокладку нефтепровода от месторождений до станции с устройством нефтехранилищ и складов для хранения продукции. Правление особо подчеркнуло, что это послужит стимулом для дальнейшего увеличения добычи нефти и будет способствовать переходу дороги на жидкое топливо. Ходатайство было поддержано Государственным советом и 9 мая 1894 г. одобрено императором⁷³. К началу 1898 г. действовали уже пять трубопроводов, связавших промыслы с Грозным: два из них принадлежали Владикавказской железной дороге, а остальные — нефтедобывающим компаниям⁷⁴.

Транспортировка нефти на дальние расстояния во многом зависела от правительственной тарифной политики. В ноябре 1893 г. правление Владикавказской железной дороги с целью стимулировать перевозку нефтяных грузов обратилось в Министерство финансов с просьбой о снижении провозных плат на маршруте Грозный — Петровск, чтобы отправлять нефть далее по Каспийскому морю и волжскому речному пути до Харькова и других пунктов потребления жидкого топлива. Руководство компании добивалось уравнивания с тарифами, установленными на Закавказской железной дороге, которая традиционно пользовалась льготами при отправке нефтепродуктов из Баку в Батум. Ходатайство компании поддерживали терские промышленники, заинтересованные в удешевлении перевозок своей продукции. На заседании Тарифного комитета

⁷² См. об этом: *Притула А. Ф.* Грозненская нефтяная и терская горная промышленность... С. 59.

⁷³ РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. 1894 г. Д. 169. Л. 2–102; ПСЗ-III. Т. XIV. № 10608.

⁷⁴ См. об этом: *Алекперов В. Ю.* Нефть России... С. 125.

15 декабря 1893 г. было отмечено, что обилие нефти в Грозном и нехватка топлива в местах использования донецкого угля вынуждают пойти навстречу просьбе правления дороги, — это может серьезно затронуть интересы каменноугольной промышленности, однако нельзя закрывать грозненской нефти возможности выхода в другие регионы. Комитет принял решение временно взять за основу для Владикавказской железной дороги тарифы Закавказской железной дороги, а с 1 января 1894 г. распространить на участок Грозный — Петровск общеимперские тарифы, размеры которых будут близки ставкам, действующими на линии Баку — Батум⁷⁵. Вместе с тем правительство не всегда шло навстречу терским нефтепромышленникам, требовавшим равенства с бакинцами в тарифных льготах. Если в первом полугодии 1894 г. провозные платы Владикавказской железной дороги в целом соответствовали ставкам на закавказских линиях, то с 1 июля на участке Баку — Батум был введен еще более пониженный тариф. Это вызвало протест терских предпринимателей, однако им разъяснили, что подобные льготы для них возможны только в будущем, когда грозненская нефтяная промышленность достигнет более высокого уровня. Тем не менее с 4 сентября 1895 г. Департамент железнодорожных дел существенно снизил провозные платы на линии Грозный — Петровск, а в следующем году был принят льготный тариф, который держался продолжительное время. С 1 мая 1897 г. пониженный тариф ввели и на пути от Грозного до Новороссийска и Ростова⁷⁶.

Тарифная политика правительства в регионе осложнялась нарастанием противоречий между интересами терских нефтепромышленников и Общества Владикавказской железной дороги. Эта компания представляла собой крупнейшее предприятие, которому принадлежали железнодорожные мастерские, элеваторы, склады, нефтехранилища, нефтепроводы, нефтеперегонный завод в Грозном, грузовые пристани на Черном море, нефтеналивной флот и другие транспортно-промышленные объекты. Общество было тесно связано экономическими и личными узами с высшей бюрократией, частными банками, предпринимательскими кругами. В число ее акционеров входили видные представители делового мира, придворные аристократы, члены императорской семьи. Обладая мощной

⁷⁵ РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 1132. Л. 119–123.

⁷⁶ Там же. Д. 1146. Л. 9–10, 18–131, 154–161 об.; Д. 1158. Л. 48 об., 415.

поддержкой в Петербурге и доминируя в транспортной системе Северного Кавказа, правление Общества стремилось извлечь из этого максимальную выгоду. Так, в декабре 1907 г. оно обратилось в Департамент железнодорожных дел Министерства финансов с просьбой о повышении тарифа на линии Грозный — Петровск в связи с падением добычи нефти в районе и сокращением объема грузов. Тарифный комитет поддержал это ходатайство и с 16 апреля 1908 г. вдвое увеличил провозные платы на данном направлении. В сентябре 1909 г. года совет Съезда терских нефтепромышленников направил министру финансов В. Н. Коковцову письмо, в котором подчеркивалась необходимость восстановления прежнего тарифа, что мотивировалось ростом нефтедобычи за минувший год и необходимостью вывоза скопившихся запасов водным путем. Предприниматели, как и ранее, настаивали том, чтобы поставить грозненские и бакинские промыслы в равные условия при транспортировке нефти. Позицию терских нефтепромышленников поддержал совет Съезда судовладельцев Волжского бассейна. После длительного обсуждения вопроса в верхах льготный тариф был вновь введен с 1 марта 1910 г.⁷⁷

В связи недостаточной пропускной способностью Владикавказской железной дороги терские промышленники неоднократно ходатайствовали о строительстве магистральных трубопроводов, с помощью которых можно было бы доставлять грозненскую нефть к побережьям Черного и Каспийского морей. В ноябре 1896 г. ревизор Главного управления неокладных сборов Е. К. Истомин, вернувшийся из командировки на Кавказ, представил записку с предложением проложить казенный нефтепровод от Грозного до Петровска или устья Волги. Правление Владикавказской железной дороги отрицательно отнеслось к этому замыслу, расценив его как несвоевременный и убыточный. Вместо этого оно рекомендовало увеличить ассигнования на нужды своей дороги и, в частности, на усиление подвижного состава и увеличение пропускной способности линии Грозный — Петровск. В феврале — июне 1897 г. вопрос обсуждался в межведомственной комиссии при Министерстве финансов. Участники заседаний подтвердили необходимость сооружения трубопровода в восточном направлении, чтобы облегчить поступление нефти из Грозного на Волгу и во внутренние промышленные районы. Комиссия рассмотрела также проект горного инженера Е. В. Глушкова

⁷⁷ Там же. Д. 1195. Л. 1–4, 151–162, 164–167 об., 264–285 об.

о прокладке труб к одному из портов Черного моря. Против этого предложения выступили представители бакинских нефтепромыслов и угольной промышленности Донбасса, опасавшиеся терских конкурентов, а также Департамент железнодорожных дел. Однако большинство членов комиссии сочувственно отнеслись к проекту, но с условием предоставления трубопровода в общее пользование и утверждения тарифа на перекачку нефти в финансовом ведомстве⁷⁸. Выводы комиссии не имели практических последствий. В тот момент казна не могла выделить необходимые средства, а терские нефтепромышленники не обладали достаточными капиталами для реализации этих проектов.

7 февраля 1897 г. Сенат опубликовал представленный Военным министерством список заведомо нефтеносных земель Терского казачьего войска⁷⁹. В 1899 и 1900 гг. этот список был скорректирован и дополнен⁸⁰. 29 мая 1901 г. А. С. Ермолов подписал инструкцию вновь учрежденной Технической по охранению Терских нефтяных промыслов комиссии, которая находилась в подчинении Кавказского горного управления и возглавлялась окружным инженером IV горного округа. В нее вошли чиновники этого округа, представители нефтепромышленников и местного казачьего войска. Комиссии поручался надзор за технической частью, нефтяными фонтанами, безопасностью проводимых работ, путями сообщения в районе нефтепромыслов. В октябре 1905 г. Горный департамент перешел в ведение Министерства торговли и промышленности. 11 ноября 1908 г. министр И. П. Шипов утвердил новую редакцию инструкции⁸¹. В 1898 г. А. С. Ермолов удовлетворил ходатайство местных предпринимателей о создании Съезда терских нефтепромышленников⁸², которому было дано указание руководствоваться в своей деятельности Положением о съездах бакинских нефтепромышленников, утвержденным 18 марта 1887 г. Правда, в отличие от бакинцев, Съезд был лишен права распоряжаться суммами особого сбора с нефтепромышленников, которые предназначались для благоустройства и развития промыслов. Терское областное правление

⁷⁸ РГИА. Ф. 268. Оп. 2. Д. 1158. Л. 44–53, 67–68 об., 382–417 об., 418 об.–420.

⁷⁹ СУиР. 1897. Отд. 1. № 13. Ст. 169.

⁸⁰ Там же. 1899. № 55. Ст. 787; 1900. № 25. Ст. 497.

⁸¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 507. Л. 18–20 об., 22, 75–78.

⁸² Там же. Оп. 72. Д. 10. Л. 2–5 об.

должно было предварительно утверждать смету, и лишь после этого совет Съезда получал возможность производить расходы.

Первый съезд терских нефтепромышленников состоялся в июне — июле 1898 г. с участием представителей казачьего войска и Общества Владикавказской железной дороги⁸³. В дальнейшем съезды собирались ежегодно, на них избирался совет из представителей наиболее крупных грозненских предприятий. На съездах обсуждались вопросы добычи, переработки, вывоза, сбыта и транспортировки нефти и нефтепродуктов, промыслового обложения, условий труда и быта рабочих, представительства от грозненских предпринимателей в правительственных учреждениях и т. п.⁸⁴ Правда, Положение о Съезде терских нефтепромышленников из-за длительных межведомственных дискуссий было утверждено министром торговли и промышленности С. И. Тимашевым только 16 июля 1912 г.⁸⁵ В декабре 1899 г. в Грозном открылось Терское отделение Русского технического общества, деятельность которого развернулась по ряду направлений: проведение общих собраний и заседаний совета, работа различных научных комиссий, оказание консультационной помощи, участие в научных съездах и конференциях, издание трудов и специальной технической литературы, культурно-просветительные мероприятия. Преимущественное внимание уделялось научно-техническим вопросам нефтяного дела, поэтому отделение пользовалось поддержкой со стороны совета Съезда⁸⁶.

В верхах рассчитывали, что рост нефтедобычи в Терской области позволит удовлетворить растущие запросы потребителей жидкого топлива и стабилизировать цены на мазут, которые в 1894–1897 гг. подскочили в три раза и обнаруживали тенденцию к дальнейшему росту. Грозненская нефть относилась к метановому типу, в ней содержалось много бензина, лигроина и парафина, но выход керосина был гораздо ниже, чем на бакинских промыслах, а именно

⁸³ Труды Первого съезда терских нефтепромышленников в г. Грозном: с 25 июня по 9 июля 1898 г. Грозный, 1898.

⁸⁴ См. подробнее: *Колосов Л. Н.* Возникновение организации крупного капитала — съезда терских нефтепромышленников (Из истории грозненской нефтяной промышленности) // Ученые записки Грозненского государственного педагогического института. Серия историческая. 1953. № 8. С. 102–122.

⁸⁵ СУиР. 1912. Отд. 1. № 189. Ст. 1635; РГИА. Ф. 37. Оп. 72. Д. 26.

⁸⁶ См. об этом: *Исаева Р. М.* Терское отделение Русского технического общества: зарождение и становление (1899–1913 гг.) // История науки и техники. 2007. № 3. С. 25–32.

он в те годы пользовался широким спросом на внешнем и внутреннем рынках. Поэтому до 75 % вывозимой продукции составлял мазут, который поступал в близлежащие районы Северного Кавказа и Южный горнопромышленный район, а также в ограниченном объеме и в Поволжье. Сравнительно небольшое количество керосина и бензина отправлялось за границу через Новороссийский порт. Первые годы эксплуатации местных месторождений не оправдали оптимистические прогнозы о превращении Грозного в равноценный Баку центр нефтедобычи. Планы терских нефтепромышленников довести производительность буровых скважин до 120–130 млн пудов в год оказались несбыточными; более того, во второй половине 1890-х годов выход нефти упал с 21,8 млн пудов (1896 г.) до 18,5 млн пудов (1897 и 1898 гг.). В 1900 г. доля грозненских промыслов составляла всего 4,8 % от нефтедобычи в масштабах всей России⁸⁷.

Развитие промыслов столкнулось с серьезными трудностями. Особенностью геологического строения Грозненского района было то, что нефтеносные пласты выходили здесь на поверхность небольшой узкой полосой, а в других местах они были круто падающими. Это требовало основательных разведочных работ, глубокого бурения и крупных расходов, что становилось невозможным при разобщенности участков и отсутствии единого руководства геологическими исследованиями. Отдельные фирмы тщательно скрывали друг от друга глубину своих скважин и характер пройденных пород, и это не позволяло воссоздать какую-либо общую объективную картину. Терское областное правление объявило половину Грозненского хребта и прилегающую к нему долину заведомо нефтеносными землями и сдавало их в аренду, но многие промышленники убеждались в полном бесплодии своих участков⁸⁸. Только с 1902 г. Геологический комитет горного ведомства начал разведочные работы, впервые составил детальную стратиграфическую схему расчленения третичных отложений, карту с нанесенными элементами залегания пород и др.⁸⁹

⁸⁷ Приводится по: Колосов Л. И. Очерки истории промышленности... С. 64.

⁸⁸ См. подробнее: Юшкин Е. М. Материалы по грозненской нефтяной промышленности. Т. I. С. 42.

⁸⁹ См. об этом: Даукаев А. А. История и перспективы развития геологоразведочных и научно-исследовательских работ на нефть и газ на Северном Кавказе (XIX — XXI вв.). М., 2018. С. 59–64.

В первые годы добыча нефти в районе велась стихийно и нерационально, хищническими методами, бурение осуществлялось вслепую, без учета необходимой технологии, с нарушением правил горного надзора и условий охраны природы. Из-за отсутствия необходимых емкостей, проблем с транспортировкой и неумением работников фирм обуздывать фонтаны значительная часть нефти терялась, а ее легкие фракции при перекачке и хранении в земляных резервуарах просто испарялись. Нередко ценные составные части нефти (например, лигроин) просто уничтожались «за ненадобностью». Постоянную угрозу создавали пожары и обводнение нефтеносных пластов, наносившие промыслам значительный ущерб. Во время посещения Северного Кавказа в 1897 г. А. С. Ермолов сам убедился в хаотической организации нефтедобычи в Грозном и устроил местным промышленникам форменный разнос⁹⁰. Подобное состояние терских промыслов использовали в своих интересах бакинские нефтепромышленники, которые прилагали все усилия, чтобы устранить конкурентов. Они вели против грозненских фирм информационную войну, стремились срывать их инициативы, всячески пытались создать впечатление труднодоступности и бесперспективности северокавказских месторождений, активно вторгались на терский нефтяной рынок и причиняли местным предпринимателям огромные убытки.

Обороняясь от бакинских «коллег», грозненские предприниматели были вынуждены противостоять и давлению Общества Владикавказской железной дороги, которое стало главным потребителем жидкого топлива, вкладывало в нефтепромыслы немалые средства и старалось прибрать к рукам перспективную отрасль. 10 июля 1895 г. правление получило разрешение на строительство нефтеперегонного завода рядом с железнодорожной станцией в Грозном. После ввода в эксплуатацию в июне 1896 г. этот завод довольно скоро опередил по объему производства остальные родственные предприятия. Используя острую конкуренцию между владельцами грозненских промыслов, общество скупало сырую нефть по сниженным ценам и перерабатывало ее на собственном заводе. При перегонке нефти, кроме мазута, происходил выход керосина, бензина и лигроина, которые выгодно сбывались, несмотря запрет торго-

⁹⁰ См. об этом: Юшкин Е. М. Материалы по грозненской нефтяной промышленности. Т. I. С. 27.

промышленных операций Общим уставом российских железных дорог 1885 г. Приобретая нефть у промышленников, правление ставило им обязательным условием покупку с завода этих «белых продуктов», причем по завышенным ценам. В результате подобных сделок они терпели большие убытки. В 1901 г. военный министр оспорил у министра путей сообщения законность постройки и эксплуатации завода. Длительная тяжба между двумя ведомствами завершилась только после указа Сената от 19 июля 1909 г., который окончательно легализовал деятельность этого предприятия и разрешил обществу коммерческие операции⁹¹.

Грозненские нефтеносные земли находились в собственности Терского казачьего войска, что также не способствовало развитию промыслов и росту добычи. Ограниченность сроков аренды земельных участков, обременительная попудная плата, полный контроль терских властей над сборами с нефтепромышленников на промысловые нужды ставили Грозный в невыгодное положение по сравнению с Бакинским районом, затрудняли предпринимательскую деятельность и замедляли приток капиталов. Это было характерно и для других казачьих земель. Примером может служить восточная часть Донбасса, расположенная на территории Области войска Донского и в развитии промышленности значительно уступавшая своей западной части⁹². Основная цель областного правления сводилась к максимальному пополнению войсковой казны, и доходы от сдачи земель в аренду непрерывно возрастали: если в 1900 г. они составили 735,7 тыс. руб., то в 1906 г. увеличились до 1,2 млн руб., в 1910 г. — до 2,1 млн руб., в 1913 г. — до 3,1 млн руб.⁹³

В записке 1897 г. на имя А. С. Ермолова местные предприниматели сетовали на свое затруднительное положение: «Грозненские промышленники арендуют участки почти исключительно у Тер-

⁹¹ См. подробнее: Журавлев В. В. Общество Владикавказской железной дороги и развитие нефтепромышленности на Северном Кавказе // Очерки социально-экономической и политической истории СССР / под. ред. П. Г. Софинова. М., 1964. С. 230–233.

⁹² См. об этом: Потолов С. И. Начало монополизации грозненской нефтяной промышленности (1893–1903 гг.) // Монополии и иностранный капитал в России / отв. ред. М. П. Вяткин. М.; Л., 1962. С. 97.

⁹³ Всеподданнейший отчет... за 1900 г. Владикавказ, 1901. С. 97; Всеподданнейший отчет... за 1906 г. Владикавказ, 1907. С. 104; Всеподданнейший отчет... за 1910 г. Владикавказ, 1911. С. 110; Всеподданнейший отчет... за 1913 г. Владикавказ, 1914. С. 86.

ского казачьего войска, которое, являясь в лице областного правления контрагентом по договору, в то же время функционирует в качестве органа администрации. Смешение этих двух функций уже в силу своей конструкции, даже при стремлении к совершенному беспристрастию, не может не тормозить промыслового дела, ибо контрагент по договору при всем желании не может отрешиться от своего административного существа, ввиду чего недоразумения по договору получают характер абсолютного требования, с одной стороны, и беспрекословного подчинения — с другой»⁹⁴. Выдающийся химик В. В. Марковников, с 1880-х годов занимавшийся изучением кавказской нефти, в сентябре 1897 г. представил А. С. Ермолову записку, в которой подчеркнул, что «экспроприация в казну нефтяных земель, принадлежащих казачьему войску, оказала бы большие услуги развитию промышленности, устранив существующие препятствия частью административного, частью социального характера»⁹⁵. Автор также указал на необходимость даровать грозненским промыслам свободу, поставив их в условия, идентичные бакинским. Директор Горного департамента в письме к А. С. Ермолову в феврале 1898 г. отметил, что о подобной экспроприации «не может быть и речи», однако было бы целесообразно изъять горный промысел из ведения областных правлений казачьих войск и передать его в Министерство земледелия и государственных имуществ⁹⁶. Инициатива Марковникова вызвала сильное возмущение терского казачества, и вскоре в правительственных верхах прекратились всякие разговоры о каких-либо ограничениях земельных прав Военного министерства на Северном Кавказе⁹⁷.

Совету Съезда терских нефтепромышленников так и не удалось наладить эффективное сотрудничество с областным правлением, которое осуществляло строгий надзор за финансами организации. Его ходатайства вязли в бюрократической волоките, долгими месяцами шли из Грозного в Военное министерство через Терское областное правление во Владикавказе, штаб Кавказского военного округа в Тифлисе, Главное управление казачьих войск в Петербурге и далеко не всегда удовлетворялись. Нефтепромышленники неоднократно просили уравнивать их в правах с бакинскими предпринимателями

⁹⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 72. Д. 10. Л. 3–3 об.

⁹⁵ Там же. Оп. 66. Д. 2502. Л. 3 об.–4.

⁹⁶ Там же. Л. 14–15.

⁹⁷ См. подробнее: Колосов Л. И. Очерки истории промышленности... С. 232.

и избавить от контроля над расходами совета со стороны войсковых властей, однако неизменно встречали отказ. Остались безрезультатными и их настоятельные требования ввести на территории области бессрочную аренду нефтеносных земель, упразднить принцип заведомой нефтеносности войсковых земель, освободить грозненскую нефтяную промышленность от попудной платы и др. 20 мая 1903 г. председатель Совета писал министру земледелия и государственных имуществ: «Продолжение существования Съездов при такой подчиненности военному ведомству бесцельно и требует коренной перемены существующего порядка вещей»⁹⁸. В прошении грозненских предпринимателей на имя А. С. Ермолова от 28 декабря 1903 г. подчеркивалось: «Терское областное правление — учреждение, по самому существу своему далекое от промышленных интересов и потому вряд ли способное чутко отзываться на нужды терской нефтепромышленности»⁹⁹.

Существенным препятствием для развития нефтяного дела в регионе была нехватка капиталов у местных предпринимателей, поэтому их сразу же основательно потеснили западные конкуренты. Фирма И. А. Ахвердова была учреждена в 1896 г. на бельгийские капиталы, в 1897 г. французская компания «Русский стандарт», ранее занимавшаяся эксплуатацией кубанских месторождений, перенесла свои действия в Грозненский район, в 1899 г. французские Ротшильды скупили акции учрежденного в 1897 г. Московского нефтепромышленного общества, а в конце 1890-х годов на Кавказе началась широкая экспансия английского капитала¹⁰⁰. Новый военный министр А. Н. Куропаткин выступал против участия иностранцев в нефтяном бизнесе на подчиненных его ведомству территориях. В отзыве 10 ноября 1898 г. на устав Терско-Черноморского акционерного общества он писал: «Я не сторонник слишком спешного развития промышленности в казачьих землях за счет особенно иностранных капиталов и при помощи иностранцев и евреев. Лучше позже, но чтобы разработка естественных богатств в казачьих областях осталась в русских руках. Так лучше и для государства, и для казачьих интересов»¹⁰¹. О резолюции министра были проинформиро-

⁹⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 3138. Л. 4.

⁹⁹ Там же. Л. 24.

¹⁰⁰ См. об этом: *Зив В. С.* Иностранные капиталы... С. 20–21; *Эвентов Л. Я.* Иностранный капитал... С. 25–26.

¹⁰¹ См. об этом: *Потолов С. И.* Начало монополизации... С. 124–125.

рованы войсковые и наказные атаманы казачьих войск, от которых потребовали представить свои соображения по этому вопросу. Однако в ответах начальников Кубанской и Терской областей на запрос А. Н. Куропаткина всячески подчеркивалась необходимость привлечения иностранных капиталов для развития местной нефтяной промышленности¹⁰².

16 марта 1899 г. во время обсуждения на совещании министров записки С. Ю. Витте «О принципах последовательной торгово-промышленной политики России» А. Н. Куропаткин занял компромиссную позицию и в своем выступлении, отстаивая «неприкосновенность козацких территорий», вместе с тем «считал возможным допустить помещение иностранных капиталов в разработке подземных богатств, лишь бы поверхностная площадь оставалась в неприкосновенном пользовании козаков»¹⁰³. После утверждения императором 1 мая 1899 г. решения совещания Д. М. Сольского военный министр был вынужден окончательно отступить. 27 мая 1899 г. он отдал распоряжение Главному управлению казачьих войск: «Во всех случаях по допуску иностранных капиталов в казачьих областях действовать строго на основании существующих законоположений, руководствуясь высочайшей волей, последовавшей после обсуждений вопроса об иностранных капиталах в Особом совещании. Иных тормозов, кроме указанных в законе, проникновению иностранных капиталов в казачьи земли не ставить»¹⁰⁴. Тем не менее спустя несколько лет военному ведомству удалось ввести новое ограничение для иностранцев, желающих заниматься нефтяным бизнесом на Северном Кавказе. 26 апреля 1902 г. император утвердил принятую Военным советом новую редакцию примечания к ст. 6 правил 22 мая 1894 г. Как и ранее, разрешение индивидуальным предпринимателям давал военный министр по представлению областных правлений, но для акционерных обществ отныне требовалось еще согласие министров финансов, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ¹⁰⁵.

К 1903 г. британские фирмы — Англо-Русско-Максимовское общество, Нефтепромышленное общество «Шпис», Англо-Терское нефтепромышленное общество, Северо-Кавказское общество,

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Половцов А. А. Дневник. С. 235.

¹⁰⁴ Цит. по: Потолов С. И. Начало монополизации... С. 125.

¹⁰⁵ РСЗ-III. Т. XXII. Отд. 1. № 21349.

Грозненское керосиновое общество и Казбекский синдикат — доминировали в местной нефтепромышленности. По разным подсчетам, из общей суммы 20,5–23,6 млн руб., вложенных в Грозненский нефтяной район, им принадлежало от 47 до 52 %, французским компаниям («Русский стандарт», Московское нефтепромышленное общество) — от 20 до 30 %, бельгийским (Общество «И. А. Ахвердов и К^о») — от 19 до 22 %¹⁰⁶. На рубеже веков обозначился устойчивый рост нефтедобычи: 26,2 млн (1899 г.), 30,7 млн (1900 г.), 34,9 млн (1901 г.) пудов. Однако экономический кризис 1900–1903 гг. и сменявшая его длительная депрессия привели к снижению темпов роста добычи (32,8 млн пудов в 1903 г., 38,2 млн пуд. в 1906 г., 39,4 млн пудов в 1907 г.), сокращению числа буровых скважин и объема производства нефтеперерабатывающих заводов, падению цен на черное золото. Эти явления способствовали монополизации и концентрации нефтяной промышленности: если в 1904 г. в Грозном было 17 нефтедобывающих предприятий, то в 1910 г. их осталось только 10. Этот процесс поощрялся правительством, заинтересованным в укрупнении и модернизации нефтяного производства. В условиях кризиса с целью задержать обвал цен монополистические объединения заключали между собой синдикатские соглашения, а также договоры о консервации нефтяных участков, искусственной задержке бурения, тартания и др. Развернулся новый этап борьбы грозненских компаний с Обществом Владикавказской железной дороги, которая, чтобы нанести удар конкурентам, отказывалась закупать у них нефтепродукты и приобретала мазут на бакинских промыслах¹⁰⁷. Новое оживление терской нефтяной промышленности совпало с предвоенным экономическим подъемом в России 1910–1914 гг. В ноябре 1911 г. были обнаружены запасы черного золота на частновладельческих и казенных землях аула Новые Алды в окрестностях Грозного, что вызвало большой интерес в деловых кругах. После появления фонтана, ударившего из одной из скважин 23 января 1913 г., ажиотаж достиг апогея, усилился приток иностранных капиталов.

¹⁰⁶ Приводится по: Зив В. С. Иностранные капиталы... С. 21–27; Эвентов Л. Я. Иностранный капитал... С. 33–35; Колосов Л. Н. Соотношение русских и иностранных капиталов в грозненской нефтяной промышленности к 1903 г. // Ученые записки Грозненского государственного педагогического института. Серия историческая. 1957. № 9. С. 43, 44, 58, 59.

¹⁰⁷ См. об этом: Колосов Л. Н. Очерки истории промышленности... С. 64, 127–133, 140–144.

В том году было подано 18 515 заявок на разведку нефти на войсковых землях, в 1914 г. — 16 365, а также 29 063 на казенных землях. С открытием нового месторождения по всему Грозненскому району развернулись геолого-съёмочные и разведочные работы. Алдинские нефтеносные участки арендовали и эксплуатировали крупнейшие фирмы — Royal Dutch Shell Transport (Ройял датч-шелл транспорт), Товарищество бр. Нобель, Русское товарищество «Нефть», Акционерное общество Терской области и др. Нефтедобыча на возникших Новогрозненских промыслах быстро возрастала — с 966 тыс. пудов (1913 г.) до 40,6 млн пудов (1917 г.); цены на нефть значительно повысились. Накануне Первой мировой войны в районе функционировали уже семь нефтеперерабатывающих завода и три новых местных трубопровода. К 1917 г. грозненская нефтяная промышленность оказалась сосредоточена в руках четырех компаний: Ройял датч-шелл транспорт, Russian General Oil Corporation (Русской генеральной нефтяной корпорации, сокращенно Ойль), Товарищества братьев Нобель и фирмы И. А. Ахвердова, на которые приходились 93,4 % всей добычи¹⁰⁸.

На волне нефтяного ажиотажа Общество Владикавказской железной дороги поставило перед собой задачу непосредственно заняться промысловым делом и оттеснить местных конкурентов. В 1912 г. правление обратилось в Министерство торговли и промышленности с просьбой разрешить добычу нефти на землях Кубанского и Терского казачьих войск. Это вызвало возмущение предпринимательских кругов. Дело получило всероссийскую огласку и разбиралось в высших правительственных инстанциях. В 1913 г. при Министерстве торговли и промышленности была образована Комиссия по вопросу об организации железнодорожными обществами промышленных предприятий. Возможность предоставления права Владикавказской железной дороге иметь собственные нефтепромыслы широко обсуждалась на заседаниях Государственной думы и вызвала резко отрицательную реакцию многих депутатов,

¹⁰⁸ См. об этом: *Эвентов Л. Я.* Иностранный капитал... С. 73–78; *Колосов Л. Н.* Очерки истории промышленности... С. 144–147, 179–197; *Колосов Л. Н.* «Алдинский бум» (Борьба вокруг грозненской нефти в 1910–1917 годах) // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности / отв. ред. В. В. Адамов. Свердловск, 1972. С. 217–221; *Притула А. Ф.* Грозненская нефтяная и терская горная промышленность... С. 46, 47, 62, 63; *Даукаев А. А.* История и перспективы развития... С. 64–67.

в той или иной степени связанных с бизнесом. Наконец, 23 марта 1913 г. Совет министров решил вопрос в пользу общества. Однако 5 апреля 1913 г. в Думу поступил контрпроект о запрете частным железным дорогам заниматься промышленной и коммерческой деятельностью, но был отвергнут, так как против него выступили министерства финансов, путей сообщения, промышленности и торговли, а также Государственный контроль. Правление дороги активно приступило к освоению нефтеносных земель: проводило геологические исследования, закладывало скважины и др.¹⁰⁹ 10 июля 1915 г. было утверждено постановление Второго департамента Государственного совета о дополнении к уставу компании, которое предоставляло ей право арендовать, приобретать и разрабатывать нефтяные и угольные месторождения¹¹⁰.

В предвоенный период, причем еще ранее, чем в Грозном, начался подъем нефтяной промышленности в Кубанской области. Черное золото добывалось здесь примитивными способами с давних времен. С 1860-х годов в местные промыслы стал проникать иностранный капитал, а с 1883 г. утвердилась монополия французской компании «Русский стандарт». С 1892 г. эта фирма резко сократила свою деятельность, а в 1903 г. вообще завершила все работы под предлогом бедности кубанских нефтяных источников. После этого в отрасли наступило полное затишье. Тормозящее воздействие на разработку месторождений оказывала конкуренция бакинской и грозненской нефтяной промышленности¹¹¹. Однако правительство пыталось оживить кубанские промыслы. С 1907 г. Геологический комитет развернул исследования Майкопского района — поверстную съемку и разведочное бурение на казенные средства. С 1909 г. работы стали проводиться и в других нефтеносных районах Кубани¹¹². 17 июля 1908 г. по инициативе министерств финансов и путей сообщения был утвержден устав акционерного общества для строительства

¹⁰⁹ См. подробнее: Журавлев В. В. Общество Владикавказской железной дороги... С. 236–242.

¹¹⁰ СУиР. 1915. Отд. 2. № 121. Ст. 884.

¹¹¹ См. об этом: Пономарев К. П., Штейнер С. И. Очерки истории нефтяной промышленности Кубани. М., 1958. С. 33–60; Дубовицкий М. М. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубани // Об особенностях империализма в России / отв. ред. А. Л. Сидоров. М., 1963. С. 363–370.

¹¹² РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 1754. Л. 8; Даукаев А. А. История и перспективы развития... С. 70.

и эксплуатации железной дороги Армавир — Туапсе с веткой к Майкопу¹¹³. Предполагалось, что эта линия соединит нефтяной район с Владикавказской дорогой на севере и черноморским побережьем на юге и тем самым будет способствовать развитию промыслов. В тот же день состоялось утверждение устава Ейской железной дороги, которой предстояло связать станцию Сосыка Владикавказской железной дороги с городом Ейском на побережье Азовского моря¹¹⁴.

В 1908 г. было учреждено Бакинско-Черноморское товарищество, приступившее к буровым работам в Майкопском районе. 30 августа 1909 г. в районе станицы Ширванской из скважины на участке этой фирмы забил мощный фонтан нефти, который за две недели выбросил свыше 3 млн пудов. Из-за возникшего пожара и отсутствия нефтехранилищ большая часть черного золота сгорела или пролилась в реки. Тем не менее этот день стал датой рождения кубанской нефтяной промышленности. Известие о фонтане сразу же подхватила российская и зарубежная пресса, что вызвало майкопский нефтяной бум, раздуваемый биржевой спекуляцией. Кубани, как в свое время Грозному, прочили будущее «второго Баку». В период ажиотажа 1909–1910 гг. для разработки майкопских нефтяных месторождений были учреждены десятки акционерных обществ, в основном английских. Западных предпринимателей привлекала выгодная экономическая конъюнктура — сокращение добычи в Баку, высокие цены на нефть и др. В 1909 г. в областное правление поступила 2761 заявка на разведочное бурение и 181 на отвод участков для добычи нефти. Среди открывших свои действия на Кубани компаний крупнейшими были Англо-русское Майкопское общество, Майкопское нефтепромышленное общество, Майкопское кооперативное нефтепромышленное общество, Майкоп-Апшеронское общество, Майкоп-Таманское нефтяное общество, Русско-Кубанская нефтяная компания и др. К 1911 г. английским компаниям принадлежало около 90 % всех нефтеносных участков Майкопского района. Как и в других нефтяных районах, на Кубани параллельно с учреждением новых фирм при поддержке правительства происходили концентрация и монополизация производства. К 1911 г. ведущие английские общества объединились в рамках Англо-Майкопской корпорации, на которую в 1915 г. приходилось 94 % кубанской

¹¹³ ПСЗ-III. Т. XXVIII. Отд. I. № 30834.

¹¹⁴ Там же. № 30838.

нефтедобычи. В Первую мировую войну образовались Майкопский союз, Общество черноморских соединенных нефтяных промыслов и смешанное русско-английское Майкопское нефтепромышленное и торговое общество¹¹⁵.

Прилив на Кубань западных инвестиций в значительной степени был результатом благожелательной позиции местных властей. Генерал-лейтенант М. П. Бабич, управлявший областью в 1908–1917 гг., писал в Военное министерство о необходимости «самого широкого доступа иностранного капитала в сферу кубанской нефтяной промышленности, так как только при таком условии последняя может достигнуть должного развития, вызвав вместе с тем и общий подъем производительных сил края»¹¹⁶. Однако стремительная экспансия английских компаний в Майкопском районе в очередной раз вызвала тревогу в верхах. В июне 1910 г. в Министерстве торговли и промышленности началось проектирование мер по сдерживанию допуска иностранцев к нефтяному промыслу. Подобная инициатива вызвала решительный протест войскового начальства и предпринимательских кругов. М. П. Бабич указывал в отчете за 1911 г.: «Ограничение притока иностранных капиталов к нарождающейся нефтяной промышленности Кубанской области поведет к упадку начавшегося оживления края, к захирению многих связанных с ней производств, к сокращению начавшегося, при участии этих капиталов, роста железных дорог»¹¹⁷. Это мнение поддержали органы городского самоуправления и биржевые комитеты Екатеринодара и Майкопа, а также комитет Союза кубанских нефтепромышленников¹¹⁸. Намерения торгово-промышленного ведомства вызвали негативный резонанс и за границей. Агент Министерства финансов в Лондоне Н. В. Рутковский докладывал своему шефу В. Н. Коковцо-

¹¹⁵ См. подробнее: *Зив В. С.* Иностранные капиталы... С. 31–35; *Эвентов Л. Я.* Иностранный капитал... С. 53–56; *Дубовицкий М. М.* Иностранный капитал... С. 370–372; *Рыжова А. В.* Британский бизнес в Баку и Майкопе: ожидания и результаты // *Нефтяное хозяйство*. 2007. № 1. С. 109–111; *Багаева Е. М.* Британский капитал в нефтяной промышленности Кубани в начале XX в. // *Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сб. науч. статей / отв. ред. А. Н. Еремеева*. Краснодар, 2015. С. 186–191.

¹¹⁶ Отчет начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1910 год. Екатеринодар, 1911. С. 205.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же. С. 206.

ву, что отказ в просьбе ряда английских фирм разрешить эксплуатировать приобретенные участки в Майкопском районе может дать повод к «справедливым жалобам» и «дипломатическим представлениям» со стороны правительства Великобритании¹¹⁹. В итоге Совет министров ограничился постановлением, высочайше утвержденным 18 марта 1911 г.: отныне иностранные предприниматели и акционерные общества могли приобретать нефтеносные участки только на основании правил, выработанных в 1898 г. межведомственной комиссией по распоряжению Особого совещания под председательством Д. М. Сольского. Кроме того, все управляющие иностранными компаниями и заведующие промыслами на местах, а также не менее половины технического персонала должны быть российскими подданными¹²⁰.

Правительство всячески содействовало росту кубанской нефтяной промышленности. 7 августа 1909 г. на область были распространены правила противопожарной безопасности, действовавшие в Бакинской губернии и Терской области¹²¹. 2 мая 1910 г. последовал закон о вознаграждении станиц, а также владельцев сооружений и сельскохозяйственных угодий при занятии под нефтяной промысел станичных и войсковых земель Кубанского и Терского казачьих войск¹²². Это имело особое значение именно для Кубани, где значительная часть станичных владений была занята ценными культурами (садами, огородами, виноградниками, табачными плантациями и т. п.). 7 сентября 1910 г. Сенат опубликовал представленный военным министром список заведомо нефтеносных земель Кубанской области, которые предлагались для сдачи с торгов¹²³. В январе 1910 г. в Екатеринодаре в присутствии М. П. Бабича состоялось совещание представителей нефтяных компаний, на котором было решено ходатайствовать об учреждении местной отраслевой предпринимательской организации по примеру Бакинского и Грозненского районов. Эта инициативу поддержали Кубанское областное правление и Военное министерство¹²⁴. На время до созыва съезда был образован

¹¹⁹ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914. С. 497–498.

¹²⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 48. Л. 136–141.

¹²¹ Там же. Ф. 37. Оп. 66. Д. 996. Л. 2–5 об.; СУиР. 1909. Отд. 1. № 174. Ст. 1747.

¹²² ПСЗ-III. Т. XXX. Отд. 1. № 33412.

¹²³ СУиР. 1910. Отд. 1. № 150. Ст. 1553, 1554.

¹²⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 72. Д. 139. Л. 1–4 об.

полуофициальный комитет Союза кубанских нефтепромышленников.

Первый учредительный съезд состоялся в октябре 1911 г. в Екатеринодаре с участием чиновников ряда ведомств, а также руководителей обществ Владикавказской и Армавир-Туапсинской железных дорог. По распоряжению министра торговли и промышленности С. И. Тимашева при его созыве было применено положение о съездах бакинских нефтепромышленников от 18 марта 1887 г. в новой редакции от 10 сентября 1903 г. На съезде был избран совет, выработаны программа его деятельности и новое положение о самой организации, которое, однако, так и осталось неутвержденным¹²⁵. 3 июля 1912 г. С. И. Тимашев подписал инструкцию Технической по охранению кубанских нефтяных промыслов комиссии, которая получила те же полномочия, что и терская¹²⁶. Геологический комитет продолжил свою деятельность в области: в 1910–1913 гг. в Майкопском и ряде других районов осуществлялись геологическая съемка, постоянное наблюдение за ходом и результатами буровых работ, составление разрезов скважин, сбор образцов проходимых пород и др.¹²⁷

Нефтяной бум и приток иностранного капитала дали ощутимые результаты. Если в 1908 г. в Майкопском районе было добыто 58,1 тыс. пудов нефти, то в 1909 г. — уже 673 тыс. пудов, в 1910 г. — 1,3 млн пудов, в 1911 г. — 7,8 млн пудов, в 1912 г. — 9,2 млн пудов. Доходы Кубанского войска от горного промысла увеличились с 65,2 тыс. руб. (1909 г.) до 498 тыс. руб. (1910 г.). В 1909–1911 гг. построены Екатеринодарский и Ширванский нефтеперегонные заводы, а также завод «Кубаноль» для производства нефтяного оборудования, проложены нефтепроводы: станция Ширванская — Екатеринодар и станция Ходыженская — Туапсе. В 1910 г. открылось временное железнодорожное сообщение между Армавиром и Майкопом, а главный участок Армавир — Туапсе ввели в эксплуатацию в 1915 г. От него были построены ответвления Белореченская — Майкоп и Курганная — Лабинская. В 1916 г. началось движение на восточном участке

¹²⁵ Труды Первого Съезда кубанских нефтепромышленников с 11–15 октября 1911 г. Екатеринодар, 1912.

¹²⁶ РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 507. Л. 80–80 об.

¹²⁷ Там же. Д. 1754. Л. 8; Отчет начальника Кубанской области... за 1910 г. С. 175; Даукаев А. А. История и перспективы развития... С. 70.

железной дороги Армавир — Ставрополь — Петровское¹²⁸, а в июле 1911 г. вступила в эксплуатацию Ейская железная дорога. 24 августа 1912 г. был утвержден устав Общества Черноморской железной дороги, которая должна была пройти через северо-западную часть Кубани, соединив станцию Туапсе с Закавказской железной дорогой у станции Новосенаки¹²⁹. К прокладке этой линии приступили в июне 1914 г., но из-за начала Первой мировой войны ее не удалось сдать в установленный срок.

К 1911 г. ажиотаж закончился, начались свертывание буровой деятельности и падение курса майкопских ценных бумаг на Лондонской бирже. Это было во многом связано со спекулятивным характером многих фирм, нерациональными и хищническими методами эксплуатации кубанских месторождений, низкой квалификацией технического персонала. Из 66 английских компаний, учрежденных для освоения кубанских недр, только 23 проводили буровые работы, а добычу осуществляли лишь 9. В погоне за дешевым черным золотом промышленники бессистемно и хаотически вели разведку, грубо нарушали правила бурения, беспорядочно закладывали одну скважину за другой и, не обнаружив нефти, шли дальше, бросая сделанные выработки, которые потом затоплялись водой. Многие арендаторы были разочарованы отсутствием нефти на застолбленных участках, низкой продуктивностью скважин и не оправдавшимися расчетами на новые фонтаны. Немало фирм безрезультатно затратили значительные средства на оборудование промыслов и буровые работы, поэтому им пришлось ликвидировать свои предприятия или передать их в руки более успешных компаний. Отрицательную роль сыграла и кампания по дискредитации местных месторождений, которую, как и в Грозном, активно проводили бакинские конкуренты. В 1913 г. добыча упала до 4,8 млн пудов, в 1914 г. — до 4 млн пудов, приток иностранного капитала прекратился¹³⁰. Войсковые доходы от горного промысла снизились до 304,5 тыс. руб. (1911 г.)

¹²⁸ См. об этом: *Лебедик Н. И.* Из истории образования и деятельности акционерного общества Армавир-Туапсинской железной дороги (1909–1917 гг.) // Об особенностях империализма в России / отв. ред. А. Л. Сидоров. М., 1963. С. 394–402.

¹²⁹ ПСЗ-III. Т. XXXII. Отд. I. № 38011.

¹³⁰ Приводится по: *Зив В. С.* Иностранные капиталы... С. 35–36; *Эвентов Л. Я.* Иностранный капитал... С. 56–59; *Дубовицкий М. М.* Иностранный капитал... С. 371.

и 292 тыс. руб. (1912 г.)¹³¹. На Западе утвердилось скептическое отношение к возможностям дальнейшего развития нефтяной промышленности в этом районе.

Для выяснения ситуации С. И. Тимашев летом 1914 г. командировал на Кубань директора Геологического комитета К. И. Богдановича. Тот в отчете изложил свое понимание причин упадка нефтедобычи: трудность и незавершенность разведочных работ, игнорирование промышленниками результатов уже проведенных геологических исследований, технические ошибки при бурении скважин, быстрое истощение месторождений, отрицательные последствия «заявочной горячки» 1909–1911 гг. («преувеличенность первоначальных надежд»), непроизводительное расходование фирмами оборотных средств еще до начала эксплуатации участков и др.¹³² С целью усилить заинтересованность в освоении местных нефтеносных земель областное правление стало предоставлять льготы и отсрочки при заключении контрактов, при взносах за свидетельства на разведку нефти, а также при взносах арендной и попудной платы. Кроме того, местные власти встали на путь разработки неосвоенных площадей и в августе 1914 г. выставили на торги новые участки¹³³. Однако эти меры не привели к каким-либо коренным изменениям.

В Первую мировую войну целый ряд факторов (блокирование Черного моря германо-турецким флотом, нехватка материально-технических ресурсов, убыль квалифицированной рабочей силы, дезорганизация транспорта и др.) затормозили развитие нефтепромыслов Северного Кавказа. Кроме того, в условиях топливного кризиса вся российская нефтяная промышленность, включая Кубанскую и Терскую, была поставлена под гораздо более жесткий, чем ранее, государственный контроль. Военное министерство приняло во внимание, что в условиях войны оказалось трудно расширять площадь нефтедобычи. По его ходатайству 15 мая 1915 г. утверждено положение о сдаче в аренду на 24 года заведомо нефтеносных земель обоих казачьих войск «под поверхностное пользование для надобностей, не относящихся непосредственно к нефтяному промыслу», т. е. для строительства на них жилых, хозяйственных и торговых за-

¹³¹ Отчет начальника Кубанской области... за 1912 год. Екатеринодар, 1913. С. 221, 239; Отчет начальника Кубанской области... за 1914 год. Екатеринодар, 1915. С. 296.

¹³² РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 1754. Л. 56–81 об.

¹³³ Отчет начальника Кубанской области... за 1914 год. С. 327, 328. 330, 331.

ведений¹³⁴. Тем не менее выход нефти в Грозненском районе хотя и медленно, но увеличивался (с 98,4 млн пудов в 1914 г. до 109,6 млн пудов в 1917 г.), а доля в масштабах страны за эти годы возросла с 17,7 % до 21,8 %, в основном за счет упадка бакинских промыслов и роста производительности новогрозненских площадей.

Эти показатели могли бы быть и выше, но нефтяные компании по-прежнему испытывали трудности с вывозом продукции в другие регионы. Правда, в 1913–1914 гг. компания И. А. Ахвердова проложила трубопровод для перекачки мазута к Петровску, связавший Грозный с волжским речным путем¹³⁵. Однако окончательно проблему транспортировки решить так и не удалось, поэтому предпринимателям приходилось сокращать таргание и закрывать фонтаны. С началом Гражданской войны нефтедобыча в районе сократилась до 25 млн пудов (1918 г.), так как Новогрозненские промыслы в ноябре 1917 г. были подожжены и горели полтора года, был разрушен нефтепровод Грозный — Петровск и многие промысловые сооружения¹³⁶. На Кубани, в отличие от Терской области, в Первую мировую войну сложилась более тяжелая ситуация: компании продолжали качать нефть лишь на старых и уже истощенных участках, объем продукции в 1916–1918 гг. держался на уровне 2 млн пудов в год и составлял всего от 0,3 % до 1,2 % общероссийской добычи¹³⁷.

Правительственная политика содействовала росту и модернизации нефтяной промышленности Северного Кавказа, однако надежды на появление новых центров нефтедобычи, сходных по масштабу с Бакинским районом, не оправдались. Это объяснялось как объективными условиями (особенностями залегания месторождений, противодействием бакинских нефтяных магнатов, недостаточной развитостью транспортной инфраструктуры и др.), так и просчетами, допущенными в правительственных верхах. Правила 22 мая 1894 г. основывались на принципе «заведомой нефтеносности» земель, который применялся и на казенных землях в Бакинском

¹³⁴ СУиР. 1915. Отд. I. № 124. Ст. 966.

¹³⁵ См. об этом: *Притула А. Ф.* Грозненская нефтяная и терская горная промышленность... С. 129–131.

¹³⁶ См. подробнее: *Колосов Л. И.* Очерки истории промышленности... 179–199, 308, 309; *Притула А. Ф.* Грозненская нефтяная и терская горная промышленность... С. 47.

¹³⁷ Приводится по: *Притула А. Ф.* Грозненская нефтяная и терская горная промышленность... С. 56.

районе. Тем самым государство обеспечивало свои фискальные интересы, сдавая участки в аренду и получая часть доходов от добычи нефти. Этот порядок представлялся настолько удобным и выгодным, что правительство вплоть до 1917 г. не изменяло условия разработки месторождений на войсковых землях. Однако подобная политика проводилась без опоры на полноценную научно-геологическую базу, которую так и не удалось создать, несмотря на все старания горного ведомства. На практике арендаторам заведомо нефтеносных участков зачастую не удавалось обнаружить источники черного золота, что приводило к нерациональному расходованию вложенных средств и сдерживанию роста нефтедобычи. Ограниченность срока аренды 24 годами также отрицательно влияла на развитие нефтяного бизнеса, поскольку многие предприниматели опасались вкладывать средства в участки на такой не слишком продолжительный период.

Целесообразность изъятия нефтяного дела из рук войсковых правлений была достаточно очевидной, однако верховная власть не решилась на этот шаг, поскольку он означал ущемление прерогатив Военного министерства и неизбежность острых межведомственных столкновений. Поддерживаемый правительством приток иностранных капиталов способствовал перенесению на российскую почву новейших организационных форм западного бизнеса, оживлению экономики региона, техническому перевооружению предприятий, росту нефтедобычи, созданию новых рабочих мест. Однако у прогресса имела и обратная сторона: целью иностранных компаний было извлечение максимальной прибыли и ее вывоз за границу при минимальных затратах на производство, поэтому они во многом вели себя на Северном Кавказе как на чужих завоеванных землях. Деятельность значительной части акционерных обществ носила спекулятивный характер, немалая доля иностранных капиталов расходовалась нерационально, освоение участков велось хаотично, без проведения в достаточном объеме разведывательных работ и даже без учета уже имеющихся геологических данных.

7.3. Государственное регулирование кавказской нефтяной промышленности в годы Первой мировой войны

С началом Первой мировой войны в России резко увеличился спрос на нефтепродукты со стороны промышленности, транспорта, военного и морского ведомств. Однако удовлетворить его в полном объеме было крайне сложно, так как возрастание нужд потребителей значительно превышало ежегодный небольшой прирост нефтедобычи на Бакинских и Грозненских промыслах. Количество черного золота, получаемого из других месторождений (Майкоп, Челекен, Эмба, Фергана), было незначительным. Кроме того, положение нефтяной промышленности заметно ухудшилось под влиянием факторов военного времени — дезорганизации транспорта, утраты западных рынков сбыта, прекращения прилива капиталов, падения курса рубля, вздорожания жизни, острой нехватки металлов, нефтяного оборудования и материалов. Проявлениями регресса стали сокращение объема буровых работ, замедление темпов роста нефтедобычи, снижение выпуска продукции нефтеперерабатывающих заводов. Повышение цен на нефть и ее транспортировку позволило крупным компаниям поставить потребителей в зависимое положение и диктовать свои цены на рынках¹³⁸.

Государство в Российской империи обладало прочными позициями в нефтяном деле. Казне принадлежали почти все нефтеносные земли Кавказа, Закавказская железная дорога, Баку-Батумский керосинопровод, огромный парк вагонов-цистерн, множество нефтехранилищ. Государство являлось самым постоянным и платежеспособным заказчиком монополизированной нефтяной продукции. В стране действовала система внерыночных поставок жидкого топлива частными компаниями государственным потребителям. Казна опекала и поддерживала крупнейшие нефтяные фирмы путем

¹³⁸ См. подробнее: *Фролов В. И.* Война и нефтяная промышленность // Война и топливо. 1914–1917 гг. / Труды научно-исследовательской секции ЦС Осавиахима. Война и народное хозяйство. 1-я серия. Мировая война и народное хозяйство России. № 24–28. М.; Л., 1930. С. 99–113; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 524–528; *Ибрагимов М. Д.* Нефтяная промышленность Азербайджана... С. 193–195; *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003. С. 173–176.

выдачи ссуд, предоставления различных льгот и размещения выгодных заказов. Поэтому государственный спрос во многом определял развитие нефтяной промышленности. Правительство строго контролировало предпринимательскую деятельность в этой отрасли. Решение таких вопросов, как учреждение нефтяных компаний, определение сферы их деятельности, увеличение размера акционерного капитала и ряда других, происходило только с согласия высших инстанций¹³⁹.

Тем не менее уже в первые месяцы войны выяснилась неспособность центральных государственных учреждений и местных властей обеспечить производство и распределение жидкого топлива. Поэтому правительство было вынуждено встать на путь еще большего расширения государственного регулирования нефтяной промышленности. Это стало проявлением общего усиления этатистских тенденций во всех воюющих странах и мобилизации экономики для нужд войны¹⁴⁰. Признаки топливного кризиса ранее всего обнаружили в Петербурге, промышленность которого работала в основном на каменном угле. Поэтому 23 июля 1914 г. при Министерстве торговли и промышленности был учрежден Центральный комитет по снабжению топливом, в который вошли также представители военного и морского министерств, Совета съездов промышленности и торговли, Совета съезда горнопромышленников Юга России и Совета съездов горнопромышленников Урала¹⁴¹. В ведение этого органа входили поиск компенсации количества угля, ранее привозимого из-за границы и из донецкого бассейна, нефтью, дровами и углем с Урала и Сибири, пересмотр цен на энергоносители, заложенных в еще довоенные договоры, сокращение непроизводительных затрат топлива на освещение улиц, витрин магазинов и др. Однако деятельность комитета не имела какого-либо существенного значения.

Указом 4 марта 1915 г. министру путей сообщения были предоставлены особые полномочия по организации снабжения топливом армии и флота, а также частных предприятий, выполнявших

¹³⁹ См. об этом: *Ибрагимов М. Д.* Нефтяная промышленность Азербайджана... С. 178.

¹⁴⁰ См. подробнее: Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014. С. 954.

¹⁴¹ См. об этом: *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности... С. 176–177.

военные заказы¹⁴². 31 марта 1915 г. император утвердил правила, конкретизирующие деятельность министра в этой области. Он получил право: запрашивать от всех казенных и частных учреждений и лиц сведения об имеющихся запасах и ожидаемых поступлениях топлива, о заключенных с поставщиками договорах; проводить ревизию запасов топлива на предприятиях и складах; передавать заготовленные энергоносители предприятиям или лицам, работающим для нужд обороны. Министр мог также налагать секвестр на деятельность промышленных объектов, проводить реквизиции топлива, разрешать казенным учреждениям приобретать его на любую сумму внутри страны и за границей. При нем создавался Комитет по распределению топлива, заменивший упраздненный Центральный комитет по снабжению топливом¹⁴³. Он включал представителей министерств путей сообщения, военного, морского, финансов, торговли и промышленности, внутренних дел, Главного управления землеустройства и земледелия, Государственного контроля, а также трех членов от Совета съездов промышленности и торговли, советов съездов горнопромышленников, советов съездов бакинских и грозненских нефтепромышленников. Исполнительными органами комитета на местах являлись губернские комиссии во главе с губернатором, которые выясняли ежемесячные потребности в топливе и решали вопросы о его распределении между потребителями.

2 мая 1915 г. полномочия министра путей сообщения были распространены на снабжение энергоносителями вообще всех потребителей, в той или иной степени причастных к обороне государства¹⁴⁴. Однако дальнейшее обострение топливного кризиса заставило правительство создать более властную и авторитетную структуру государственного регулирования. 10 сентября 1915 г. комитет был упразднен, а его обязанности разделены между Управлением железных дорог Министерства путей сообщения и образованным 17 августа 1915 г. Особым совещанием по топливу (далее — ОСОТОП) под председательством министра торговли и промышленности¹⁴⁵. Этот орган стал частью созданной общей системы особых

¹⁴² СУиР. 1915. Отд. 1. № 77. Ст. 634.

¹⁴³ Там же. № 110. Ст. 865.

¹⁴⁴ Там же. № 141. Ст. 1091.

¹⁴⁵ Там же. № 231, ст. 1760; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917. Документы и материалы / сост. А. М. Алиева, С. С. Алияров, И. А. Бакланова [и др.]. Л., 1973. С. 50–54.

овещаний (по обороне, продовольственному делу и перевозкам)¹⁴⁶. В ОСОТОП вошло по семь членов от Государственного совета и Государственной думы, четыре места получило Министерство торговли и промышленности, по одному месту было предоставлено министерствам военному, морскому, финансов, путей сообщения, внутренних дел, Главному управлению землеустройства и земледелия и Государственному контролю, три места — Центральному военно-промышленному комитету, по одному — всероссийским союзам земств и городов. Председателю совещания разрешалось приглашать на заседания представителей центральных и отраслевых предпринимательских организаций.

Особое совещание по топливу не было подотчетно ни одному правительственному органу или лицу и обладало широкими правами в регулировании добычи и заготовок топлива, проверке его запасов, принятии и исполнении заказов на поставки, упорядочении условий распределения между потребителями, проведении общих и частных реквизиций топлива, секвестровании предприятий, не выполнивших заказы, установлении цен на все виды топлива, изменении условий заключенных договоров с поставщиками, устранении от службы членов правлений компаний и директоров предприятий, определении размера заработной платы на топливных промыслах и заводах и др. В составе ОСОТОП были учреждены угольная, нефтяная, дровяная и торфяная секции, тепловая комиссия для решения технических вопросов, инспекция для наблюдения за добычей и приемкой топлива, перевозочный и распорядительный отделы. Если предшествующие комитеты в основном занимались вопросами снабжения потребителей углем и дровами, то совещание впервые приступило к регулированию деятельности нефтяной отрасли. В круг обязанностей нефтяной секции входили организация производства, установление цен, выработка условий поставок жидкого топлива, закупки его казной, реквизиции, а также выдача всякого рода ссуд нефтепромышленным предприятиям. Для обеспечения роста добычи и переработки нефти секция должна была заботиться о снабжении промыслов энергией, металлами и другими необходимыми материалами. Этой структуре надлежало заниматься также

¹⁴⁶ Особые совещания и комитеты военного времени. Свод законов и состоявшихся в порядке статьи 87 Осн[овных] зак[онов] постановлений. Пг., 1917.

расширением площади нефтедобычи, изготовлением нефтеналивных барж и освобождением рабочих от призыва на военную службу.

11 ноября 1915 г. для исполнения своих распоряжений председатель ОСОТОП назначил в Воронеж, Киев, Москву, Одессу, Пермь, Петроград, Ростов-на-Дону, Самару и Харьков уполномоченных по заготовке, закупке и распределению топлива. Каждый из этих городов являлся центром, вокруг которого несколько губерний объединялись в районы. При уполномоченных были образованы районные совещания из представителей ведомств, общественных и торгово-промышленных организаций. Права председателя ОСОТОП постоянно расширялись и дополнялись. 22 ноября 1915 г. ему было разрешено: объявлять продажу добываемого в стране твердого и жидкого минерального топлива исключительным правом казны, а также устанавливать сроки введения этой меры; определять цены на топливо, приобретаемое казной и отпускаемое потребителям¹⁴⁷. В январе 1916 г. при совещании был образован Временный комитет, в задачу которого входило посредничество между крупнейшими потребителями и нефтеторговыми фирмами, когда те отказывались от поставок топлива тем или другим предприятиям вследствие невыгодности сделок. 3 февраля 1916 г. глава ОСОТОП получил право требовать от населения выполнения гужевых перевозок топлива, осуществления его погрузки и выгрузки¹⁴⁸.

Еще 10 сентября 1915 г. были утверждены правила о задачах и порядке деятельности местных уполномоченных Особого совещания по обороне государства и состоявших при них районных заводских совещаниях из губернских представителей ведомств и местных военно-промышленных комитетов¹⁴⁹. Эти учреждения действовали в каждом из 11 районов, которые были выделены на территории страны. Наибольший интерес для ОСОТОП представлял Кавказский нефтепромышленный район. В его заводское совещание вошли представители гражданской и военной администрации края, а также общественных организаций — уполномоченные местного отдела Союза городов, Земского союза, Закавказского областного военно-промышленного комитета. Этому органу были поручены выяснение ресурсов района для удовлетворения потребностей армии

¹⁴⁷ СУиР. 1915. Отд. 1. № 348. Ст. 2565

¹⁴⁸ Там же. 1916. Отд. 1. № 39. Ст. 216.

¹⁴⁹ Там же. 1915. Отд. 1. № 262. Ст. 1954.

и флота, обследование заводов, работавших на военные нужды, выявление потребностей предприятий в топливе, материалах и рабочей силе, проведение ревизий торговых и промышленных заведений, наблюдение за очередностью перевозок, распределение заказов и контроль над их выполнением. Совещание сразу же приступило к обследованию состояния нефтяной промышленности и даже составило свои заключения о причинах свертывания буровых работ. Однако в реальности оно так и не осуществило каких-либо значимых мероприятий по улучшению добычи и переработки нефти. Отчасти это объяснялось тем, что нефтяные магнаты игнорировали работу заводского совещания и открыто выражали недовольство его деятельностью¹⁵⁰.

Первоочередной задачей органов государственного регулирования была борьба с ростом цен на нефть. Обуздания «нефтяных спекулянтов» требовали как потребители в промышленности и на транспорте, так и широкая общественность. В годы войны это стало составной частью общей политики правительства по таксации цен на товары первой необходимости¹⁵¹. Обсуждение вопроса в нефтяной секции ОСОТОП затянулось, и только 31 декабря 1915 г. была установлена предельная цена сырой нефти в местах добычи в размере 45 коп. за пуд и нефтяных остатков на нефтеперерабатывающих заводах — 47 коп. за пуд¹⁵². 27 января 1916 г. было принято дополнительное постановление, которое вводило повышенные предельные цены на нефть и мазут в местах их распределения и потребления — в Баку, Екатеринодаре, пристанях Волги и Камы, Москве, Петрограде и др.¹⁵³ 17 марта 1916 г. последовало решение о том, что при заключении договоров о поставках нефти в определенный срок предельные цены могут быть увеличены в местах добычи и при отправке жидкого топлива морем из Баку и Петровска не более чем

¹⁵⁰ См. подробнее: *Ибрагимов М. Д.* Нефтяная промышленность Азербайджана... С. 188–191.

¹⁵¹ См. об этом: *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 351–364.

¹⁵² СУиР. 1916. Отд. 1. № 2. Ст. 5; Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 1: издан[ие] со времени учреждения Особ[ого] совещ[ания] и до 31 декабря 1915 г. Пг., 1916. С. 53; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917. С. 68–72.

¹⁵³ СУиР. 1916. Отд. 1. № 28, ст. 153; Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 2: январь — март 1916 г. Пг., 1916. С. 2–4; Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917. С. 88, 89.

на 1 коп. за пуд., из Красноводска — максимум на 3 %, а в других пунктах распределения — не выше 6 %¹⁵⁴. 5 мая 1916 г. в Баку был учрежден Комитет по определению рыночной цены нефти, в который вошли представители министерств торговли и промышленности, финансов, земледелия, Государственного контроля, местного биржевого комитета и Съезда бакинских нефтепромышленников¹⁵⁵.

Нефтепромышленники встретили эти меры в штыки и засыпали совещание докладными записками, в которых доказывали невыгодность фиксированных цен и их опасность для насущных интересов страны. Они ссылались на транспортные затруднения, нехватку вагонов, вздорожание материалов для бурения и другие причины, угрожали закрытием некоторых промыслов и снижением добычи нефти. Их позиция оказывала определенное влияние на правительственную политику. В войну усилились концентрация и централизация капитала в нефтяной промышленности, еще более возросло могущество ведущих компаний. Кроме того, далеко не все в высших эшелонах власти были уверены в целесообразности принудительных мер, которые могли иметь негативные последствия для нефтяного производства. Поэтому бакинские нефтяные короли чувствовали себя достаточно уверенно, уклонялись от выполнения правительственных требований, срывали военные поставки по предельным ценам и требовали от ОСОТОП повышения их нормы¹⁵⁶.

В условиях саботажа со стороны нефтепромышленников правительство стало прибегать к насильственным действиям. 23–25 апреля 1916 г. было принято решение о реквизициях невооруженного адресатами жидкого топлива в договорные сроки из-за нежелания продавца совершить сделку и его передаче потребителям¹⁵⁷. 27–28 апреля 1916 г. ОСОТОП установило реквизиционную цену на 15 % ниже фиксированной при изъятии жидкого топлива, не

¹⁵⁴ СУиР. 1916. Отд. 1. № 76. Ст. 589; Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 2. С. 30–32.

¹⁵⁵ СУиР. 1916. Отд. 1. № 146. Ст. 1184; Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 4: по август 1916 г. Пг., 1916. С. 1–8.

¹⁵⁶ *Букиштан Я. М.* Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л., 1929. С. 406; *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России... С. 529, 530; *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности... С. 183.

¹⁵⁷ СУиР. 1916. Отд. 1. № 113. Ст. 907; Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 3: по май 1916 г. Пг., 1916. С. 9–11.

реализованного по договору¹⁵⁸. Однако и эта мера не оказала должного воздействия на поставщиков и торговцев нефтью, которые находили всевозможные пути, чтобы обходить эти ограничения и продавать свою продукцию по рыночным ценам. В итоге 16–17 января 1917 г. предельная цена сырой нефти в местах добычи увеличилась до 60 коп. за пуд и на нефтяные остатки на нефтеперерабатывающих заводах — до 62,4 коп. за пуд¹⁵⁹. Позднее, уже при Временном правительстве, 31 августа 1917 г. последовало введение третьей предельной цены — 96 коп. за пуд сырой нефти и 99,7 коп. за нефтяные остатки¹⁶⁰.

Другим приоритетным направлением деятельности ОСОТОП стало распределение нефтепродуктов между потребителями и организация их плановых перевозок. Несмотря на предоставление министру путей сообщения чрезвычайных полномочий, осенью 1915 г. обнаружились серьезные проблемы в перевозках жидкого топлива и его доставке на внутренние рынки. В связи с прекращением экспорта после начала войны вся добываемая на Кавказе нефть целиком шла на удовлетворение потребностей российской экономики. Топливо транспортировалось по волжской водной артерии, затем на пристанях перегружалось в цистерны и отправлялось к местам потребления по стальным магистралям. Если речной транспорт в целом обеспечивал перевозку нефти, то железные дороги явно не справлялись с таким объемом грузов, особенно в условиях острой нехватки вагонов-цистерн. Остатки не вывезенного из волжских портовых складов топлива достигали огромного объема. Министерство путей сообщения пыталось решить эту проблему путем усиления подвижного состава за счет заказов вагонов и паровозов за границей, строительства новых линий, повышения норм погрузочно-разгрузочных работ, сокращения пассажирского движения и др.¹⁶¹

4 мая 1916 г. председатель ОСОТОП утвердил правила распределения нефти и нефтяных остатков между потребителями¹⁶². Отныне они могли получать жидкое топливо только в порядке уста-

¹⁵⁸ СУиР. 1916. Отд. 1. № 114. Ст. 909.

¹⁵⁹ Там же. 1917. Отд. 1. № 45. Ст. 276.

¹⁶⁰ Там же. № 258. Ст. 1856.

¹⁶¹ См. об этом: *Маевский И. В.* Экономика русской промышленности... С. 193–197.

¹⁶² СУиР. 1916. Отд. 1. № 135. Ст. 1049; Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 3. С. 26–37

новленной очереди в зависимости от их значимости для интересов обороны государства. Потребители были разделены на пять категорий: 1) флот, железные дороги, казенные и частные предприятия, работающие на оборону; 2) остальные частные заводы, выполняющие второстепенные военные заказы; 3) предприятия, работающие на интендантскую службу и на заказы от военно-промышленных комитетов и местных организаций всероссийских земского и городского союзов; 4) строительные организации, предприятия по производству сельскохозяйственной техники, сахарные заводы, казенные типографии; 5) остальные. При ОСОТОП учреждалась должность главноуполномоченного по снабжению нефтью и нефтяными остатками потребителей империи. Его функции заключались в распределении жидкого топлива на предстоящий год, нормировке по месяцам и составлении общего ежемесячного наряда на вывоз по железным дорогам. В свою очередь, при главноуполномоченном было образовано совещание из представителей управлений железных дорог и водных путей, министерств военного, морского, торговли и промышленности, нефтяных фирм, предпринимательских организаций, всероссийских земского и городского союзов. Разверстка нефти внутри каждого района в соответствии с распределительными списками возлагалась на местных уполномоченных по минеральному топливу и созданных при них совещаний. Органами главноуполномоченного на местах разливки и отправки нефтепродуктов (предприятиях, железнодорожных станциях и др.) стали контролеры по учету нефти, которые отвечали за распределение цистерн по заводам и контроль над запасами топлива на торговых и промышленных предприятиях; им также предоставлялось право проводить анализы отпускаемой продукции на заводах и замеры резервуаров¹⁶³.

С 5 сентября 1916 г. транспортировка нефтяных грузов стала производиться только по нарядам. При Управлении железных дорог учредили нефтяной комитет, ведавший по заданию главноуполномоченного плановыми перевозками жидкого топлива, а 6 декабря 1916 г. утвердили правила отправки керосина, бензина и смазочных масел на внутренний рынок. При ОСОТОП был образован керосиновый комитет, на который возлагалась выработка плана годового завоза продукции в районы распределения и потребления, а также

¹⁶³ См. подробнее: *Ибрагимов М.Д.* Нефтяная промышленность Азербайджана... С. 187–188.

согласование предположений отдельных фирм о ее транспортировке на более короткие периоды времени. В состав комитета вошли представители министерств торговли и промышленности, морского, Управления железных дорог, Нефтяного комитета, главноуполномоченного по снабжению нефтью и нефтяными остатками, всероссийских союзов земств и городов, частных фирм по торговле керосином¹⁶⁴. В ОСОТОП планировался еще ряд мер, которые так и остались нереализованными. Не было проведено распределение запасов нефти на местах добычи и нефтяных остатков в соответствии с вывозными возможностями компаний. Совещание не установило надзор за нефтеперерабатывающими заводами и не определило норму производства на них продукции в зависимости от запросов первоочередных потребителей. Не успели разработать также общий план транспортировки жидкого топлива по Волге, что позволило бы рационально распределить продукцию по складам на речных пристанях в соответствии с потребностями тех или иных районов¹⁶⁵.

После февральских событий 1917 г. Временное правительство некоторое время не вмешивалось в дела снабжения потребителей энергоносителями и ОСОТОП находилось в довольно неопределенном положении. Однако нарастание катастрофического топливного кризиса заставило новую власть заняться реорганизацией этой структуры. 29 апреля 1917 г. было принято новое положение о районных уполномоченных председателя ОСОТОП и учреждаемых при них совещаниях в 11 районах с центрами в Саратове, Баку, Киеве, Петрограде, Екатеринбурге, Москве, Харькове, Томске, Ташкенте, Иркутске, Владивостоке. 13 июня 1917 г. правительство утвердило положение о губернских комитетах по топливу, создававшихся для организации выполнения общего плана обеспечения района топливом. 15 августа 1917 г. была введена специальная должность уполномоченного ОСОТОП по Кавказскому району, которому поручалось обеспечение нефтедобычи на Апшеронском полуострове и отправка нефтепродуктов в центральные губернии. Временное правительство расширило также полномочия главы совещания: 5 мая 1917 г. он получил право назначать правительственных инспекторов для наблю-

¹⁶⁴ СУиР. 1916. Отд. 1. № 352. Ст. 2776.

¹⁶⁵ Материалы по обзору деятельности Особого совещания по топливу за первый год его существования. Т. 1: Минеральное топливо. Пг., 1917. С. 102, 103.

дения за деятельностью предприятий по добыче и заготовке топлива; 7 июня 1917 г. — определять порядок и условия принудительного пользования судами на Каспийском море; 23 июня 1917 г. — устанавливать цены на все виды топлива. Вместе с тем ОСОТОП лишился своего статуса высшего государственного учреждения — он был подчинен образованному 21 июня 1917 г. при Временном правительстве Главному экономическому комитету.

Значительные изменения претерпел и состав совещания. С 5 мая 1917 г. в него вошли по два представителя от Совета рабочих и солдатских депутатов и Совета крестьянских депутатов, представители кооперативов, с 28 июня 1917 г. — по шесть представителей от Всероссийского совета рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского совета крестьянских депутатов, по два — от Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов и Советов Донецкого бассейна, по одному — от советов ряда районов, а также представители от Центрального бюро профессиональных союзов, министерств труда и продовольствия, Особого совещания по обороне, Особого совещания по перевозкам и ряда других органов, от нефтяных, угледобывающих и лесопромышленных компаний, металлургических заводов и частных железных дорог. В тот же день была учреждена должность заместителя председателя ОСОТОП, которую занял товарищ министра торговли и промышленности — главноуполномоченный по топливу¹⁶⁶. Однако в обстановке политического и экономического хаоса структурные перемены и новые назначения не смогли изменить к лучшему ситуацию с топливным снабжением. После октябрьского переворота 1917 г. ОСОТОП прекратило свое существование. 2 декабря 1917 г. декретом Совета народных комиссаров оно было подчинено Высшему совету народного хозяйства (ВСНХ), а 30 декабря того же года упразднено с передачей всех его дел, персонала и средств в ведение отдела топлива ВСНХ¹⁶⁷.

¹⁶⁶ См. подробнее: Букипан Я. М. Военно-хозяйственная политика. С. 486–498.

¹⁶⁷ Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 172–174.

7.4. Вопрос о создании казенного нефтяного хозяйства в 1913–1917 годах

Недостаточная эффективность методов государственного регулирования как накануне, так и в годы войны вызывала сильное недовольство потребителей, терпевших значительный ущерб от политики крупных нефтяных компаний, которые заключали между собой соглашения, искусственно сдерживали добычу и взвинчивали цены на внутреннем рынке. Биржевые комитеты, земства и предпринимательские организации неоднократно требовали от правительства покончить с всевластием монополий, приступить к казенной добыче и даже установить в отрасли полную монополию государства¹⁶⁸. В общественном сознании прочно укоренилась мысль о том, что рост цен на черное золото объясняется преступным сговором нефтяных магнатов. В начале 1913 г. в Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности (далее — МТиП) поступили многочисленные телеграммы и записки, в которых заявлялось о деятельности незаконных бакинских «синдикатов» и «трестов»¹⁶⁹. 13 февраля 1913 г. в Государственную думу был внесен запрос главе торгово-промышленного ведомства С.И.Тимашеву о наличии в стране незаконного нефтяного синдиката, подписанный 41 депутатом¹⁷⁰. Он рассматривался на заседаниях 22 марта, 29 марта и 5 апреля 1913 г., причем большинство участников скептически восприняли объяснения министра, горячо отрицавшего существование в отрасли каких-либо тайных объединений. В итоговом постановлении Думы в числе других мер указывалось на необходимость организации казенной добычи и переработки нефти для борьбы со спекулятивной деятельностью частных компаний¹⁷¹. Тем самым был дан дополнительный импульс обсуждению вопроса о создании казенного нефтяного хозяйства, который затем дебатировался в верхах вплоть до октября 1917 г.

Если идея государственной монополии, которую отстаивали потребители, оценивалась в правительственных кругах весьма

¹⁶⁸ РГИА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 11. Л. 59.

¹⁶⁹ См. об этом: *Ибрагимов М.Д.* Нефтяная промышленность Азербайджана... С. 59.

¹⁷⁰ Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. IV созыв. Сессия I. 1912–1913 гг. Вып. I. СПб., 1913. № 106.

¹⁷¹ Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. 1913 г. Сессия I. Ч. II. СПб., 1913. С. 31–88, 220–283, 396–474.

сдержанно, то призыв Думы к устройству казенных промыслов был положительно воспринят некоторыми министерствами, заинтересованными в создании собственных нефтяных хозяйств для удовлетворения своих нужд. 22 мая 1913 г. глава Министерства путей сообщения (далее — МПС) С. В. Рухлов направил в Совет министров представление с просьбой отвести его ведомству в Романинском и Сабунчинском районах Апшеронского полуострова 43,5 дес. земли и выделить на устройство промыслов в текущем году 450 тыс. руб., а в следующем — 2,15 млн руб. (в рамках общих затрат за 1913–1920 гг. в размере 13,5 млн руб.). Добытую нефть предполагалось сдавать на переработку частным заводам, а полученную продукцию использовать для снабжения государственных железных дорог. По мнению министра, казенная добыча позволит удовлетворить часть потребности МПС в жидком топливе и сократит эксплуатационные расходы линий, снизит спрос на нефть и уронит рыночные цены. С. В. Рухлов полагал также, что к 1920 г. ежегодный выход продукции на промыслах достигнет 27 млн пуд., а ее себестоимость составит 19 коп. за пуд¹⁷². 28 июня 1913 г. Совет министров рассмотрел проект и дал рекомендации по его корректировке. 21 января 1914 г. С. В. Рухлов повторно внес исправленное представление и 13 февраля получил согласие кабинета на его отправку в Государственную думу¹⁷³.

Еще большую активность в этом направлении проявило МТиП, которое распоряжалось нефтяным делом. В записке от 8 марта 1913 г. о путях решения топливной проблемы, адресованной в Совет министров, С. И. Тимашев отверг возможность установления государственной нефтяной монополии, но указал на необходимость начать добычу «собственными средствами» для снабжения казенных предприятий и железных дорог¹⁷⁴. Вместе с тем он поспешил успокоить предпринимательские круги, которые могла встревожить эта правительственная инициатива. 23 марта 1913 г. министр заявил на заседании бюджетной комиссии Государственной думы: «Казенная эксплуатация нефти есть дело очень сложное; сразу поставить дело широко совершенно невозможно. Возможно приступить к делу

¹⁷² РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 362. Л. 2–20.

¹⁷³ Там же. Оп. 10. Д. 349. Л. 1–4 об.

¹⁷⁴ Приводится по: *Гейфтер М. Я.* К истории топливно-металлического «голода» в России накануне Первой мировой войны // Исторический архив. Т. VI. М.; Л., 1951. С. 60–62.

только в виде опыта, в довольно скромных пределах»¹⁷⁵. 13 августа 1913 г. состоялось заседание межведомственного совещания при МТиП под председательством С. И. Тимашева. Участники констатировали, что казенная добыча может стать одним из путей преодоления топливного голода. Предполагалось передавать полученную нефть, как и на будущих промыслах МПС, на частные заводы для выработки мазута, а затем отправлять его ведомствам или на продажу с торгов¹⁷⁶.

В МТиП развернулась подготовка проекта представления в Государственную думу. Правда, в марте 1914 г. в бюджетной комиссии Думы С. И. Тимашев вновь озвучил свою прежнюю позицию: «Правительство держится совершенно определенной точки зрения: надо всемерно развивать частную промышленность и увеличивать отводы земель для частной эксплуатации. Вместе с тем я, как и в прошлом году, повторяю: правительство не отказывается от опыта казенной эксплуатации нефтеносных земель, но думает, что к этому вопросу надо подходить с большой осторожностью»¹⁷⁷. Тем не менее 28 марта 1914 г. представление С. И. Тимашева поступило в Совет министров на предварительное заключение. В нем подчеркивалось, что, несмотря на рост поступления в казну долевой нефти с частных промыслов, с ее помощью будет невозможно покрыть спрос на жидкое топливо, который в ближайшие годы поднимется до 160–170 млн пудов. «Такое положение дела, — говорилось в представлении, — приводит к мысли о необходимости дальнейшего и более действительного воздействия на уровень нефтяных цен путем установления добычи нефти средствами казны»¹⁷⁸. Министерство ходатайствовало о выделении ему 50–60 дес. лучших казенных земель на Апшероне, обеспечивающих ежегодное получение продукции в размере 25–30 млн пудов, и поэтапном ассигновании 13–14 млн руб., необходимых для устройства промыслов в течение четырех-пяти лет¹⁷⁹. 17 апреля 1914 г. Совет министров одобрил проект МТиП, и 29 апреля С. И. Тимашев внес его в Государственную думу¹⁸⁰.

¹⁷⁵ Гефтер М. Я. К истории топливно-металлического «голода»... С. 55.

¹⁷⁶ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 172. Л. 13–18.

¹⁷⁷ Приводится по: Гефтер М. Я. К истории топливно-металлического «голода»... С. 55.

¹⁷⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 172. Л. 3 об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 1–12.

¹⁸⁰ Там же. Л. 19; Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1335. Л. 3–11.

В начале 1914 г. в Морском министерстве также было решено просить о передаче ведомству 81 десятины свободной земли в Романинском и Сабунчинском районах. Это мотивировалось тем, что только за счет долевой нефти невозможно удовлетворить растущие потребности флота в жидком топливе особого качества. Причем министерство не предполагало заводить собственное промысловое хозяйство, а намеревалось сдавать отведенные ему участки в аренду предпринимателям с условием поставок мазута в установленные сроки. Бакинские предприниматели восприняли данный проект как угрозу своим коренным интересам. 28 февраля 1914 г. Совет съездов представителей промышленности и торговли направил председателю Совета министров В. Н. Коковцову докладную записку, в которой подчеркивалось, что земли, на которые претендует Морское министерство, представляют собой «необходимый фонд» для развития нефтепромыслов, поэтому они настоятельно просят отказаться от этого замысла. В ответ из правительственной канцелярии поступило обещание учесть потребности частного бизнеса при осуществлении запланированной меры¹⁸¹. 20 декабря 1914 г. глава морского ведомства И. К. Григорович внес свое представление в Совет министров, а оттуда оно поступило на рассмотрение в межведомственное совещание при МТиП¹⁸². На заседаниях, состоявшихся в январе 1915 г., участники пришли к выводу, что реализация проекта полностью не покроет нужды флота в мазуте, кроме того, нефть с новых участков начнет поступать только через два-три года. Морскому ведомству было рекомендовано восполнять нехватку жидкого топлива путем его приобретения на рынке, что будет менее обременительным для бюджета, чем создание казенного нефтяного хозяйства в Бакинском регионе¹⁸³.

Обсуждение поступивших в Государственную думу проектов МПС и МТиП надолго затянулось. Между тем общественность выступала за более действенные меры и призывала правительство полностью взять нефтяное дело в свои руки. 12 апреля 1915 г. казанское дворянство отправило председателю Совета министров И. Л. Горемыкину телеграмму, в которой высказало твердое убеждение, что «только властная правительственная рука сможет посредством

¹⁸¹ См. подробнее: *Гейфтер М. Я.* К истории топливно-металлического «голода»... С. 68–72.

¹⁸² РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 334. Л. 2–6.

¹⁸³ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 314. Л. 39–44.

государственной монополии обуздать давно существующую фактическую монополию нефтепромышленников, терзающую и тормозящую как развитие всевозможных производств, так даже и развитие своего собственного дела»¹⁸⁴. Спустя три дня на имя премьера поступила также записка биржевых комитетов Астрахани, Казани, Рыбинска, Самары, Нижнего Новгорода и Нижегородского городского самоуправления с ходатайством о сдерживании стремительно растущих цен на жидкое топливо, причем подчеркивалась необходимость в ближайшем будущем поставить вопрос о казенной монополии на торговлю нефтью¹⁸⁵. Подобные требования активно пропагандировались в периодической печати и отдельных изданиях¹⁸⁶.

Однако в правительственных верхах не было уверенности в успехе такого нововведения. В августе 1914 г. при Министерстве финансов началась работа межведомственного совещания по вопросу об усилении средств казначейства под председательством видного экономиста П. П. Мигулина. Перед ним была поставлена задача изыскать новые источники налоговых поступлений в сфере косвенного налогообложения. В совещании поднимался вопрос и о казенных монополиях. По словам самого председателя, это «вещь очень сложная и сопряженная с большими предварительными затратами, не говоря уже о затрагивании и нарушении ею целого ряда частных интересов»¹⁸⁷. П. П. Мигулин подчеркнул «желательность» установления нефтяной монополии, но признал, что правительству будет крайне трудно заниматься переработкой нефти и ее реализацией на рынке. Поэтому такая мера возможна только применительно к промысловой добыче, которая «выяснила бы для правительства действительную себестоимость нефти на каждый данный момент и дала бы возможность Министерству финансов нормировать цены на нефтяные продукты в связи с их обложением, что вполне огради-

¹⁸⁴ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917. С. 39.

¹⁸⁵ Там же. С. 43.

¹⁸⁶ См. напр.: *Вышетравский С. А.* О нефтяном хозяйстве в России в связи с будущностью Апшеронского полуострова. Баку, 1915. С. 61–65; *Кадер С. А.* Короли нефтяной промышленности и государственная монополия на нефть. Пг., 1916. С. 41–71; Известия Особого совещания по топливу. 1917. № 7. С. 27–35; Новый экономист. 1917. № 5. С. 6–7; № 6. С. 6–7; № 10–11. С. 9–10; Поверхность и недра. 1917. № 5–6. С. 185–198.

¹⁸⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1192. Л. 144 об.–145.

ло бы и интересы потребителей, и интересы фиска»¹⁸⁸. Но это предложение не получило поддержки большинства членов совещания.

Более широко вопрос об огосударствлении нефтяной промышленности обсуждался в образованной в марте 1916 г. при Министерстве финансов Комиссии по косвенным налогам и казенным монополиям во главе с товарищем министра А. И. Николаенко. В ее состав кроме чиновников разных ведомств вошли известные экономисты — П. П. Мигулин, И. Х. Озеров, М. И. Туган-Барановский, М. В. Бернацкий, А. А. Исаев, И. И. Левин, М. И. Фридман и др. На первом же заседании А. И. Николаенко сказал, что «в вопросе о монополиях министр финансов и его ближайшие сотрудники не являются принципиально сторонниками широкого применения этого способа извлечения доходов»¹⁸⁹. Большинство членов комиссии (И. Х. Озеров, А. А. Исаев, А. А. Бубликов, П. Н. Крупенский и др.) также усомнились в возможности введения нефтяной монополии «ввиду сложности этого дела, требующего значительных оборотных средств и разнообразного оборудования и предполагающего продолжение экспортных операций, трудновыполнимых для казны»¹⁹⁰. Им возразили М. И. Туган-Барановский, П. П. Мигулин, М. И. Фридман и некоторые другие участники заседаний, полагавшие, что монополия в экстремальной финансовой ситуации может стать обильным источником государственных доходов. Дискуссия возникла также по поводу преимуществ и недостатков нефтедобычи на казенных промыслах. Одни члены комиссии называли ее «естественной и желательной», поскольку «нельзя оставлять военный флот и другие казенные учреждения в полной зависимости от частных нефтепромышленных предприятий»¹⁹¹. Остальные, напротив, считали подобное предприятие слишком дорогостоящим, стесняющим частное предпринимательство и ослабляющим приток иностранных капиталов, что могло привести к упадку отрасли и росту цен на ее продукцию. В итоге не было принято никаких принципиальных решений.

31 мая 1916 г. в нефтяной секции была рассмотрена записка трех членов ОСОТОП от Государственной думы — В. А. Виноградова, Б. И. Кринского и В. А. Степанова, — в которой они рекомендовали

¹⁸⁸ Там же. Л. 146.

¹⁸⁹ Там же. Ф. 575. Оп. 6. Д. 100. Л. 83.

¹⁹⁰ Там же. Л. 190.

¹⁹¹ Там же. Л. 190 об.

поручить торговлю нефтью казне, а также реквизировать частные склады и цистерны. Нефтепромышленники встретили этот замысел резким протестом: «Правительство может издавать обязательные постановления, регулирующие дело снабжения и распределения топлива между потребителями, но не должно передавать многолетними трудами налаженное дело в неопытные руки»¹⁹². 28 октября 1916 г. ОСОТОП удовлетворило ходатайство совета Съезда бакинских нефтепромышленников отложить дальнейшее рассмотрение дела на неопределенное время¹⁹³. 25 ноября 1916 г. нефтяная секция обсудила записку горного инженера Н. А. Соколовского, предложившего образовать из всех нефтеносных земель страны государственную регалию и передать казне разведку, добычу, хранение и продажу нефти частным перерабатывающим заводам. Автор подчеркнул необходимость преодоления тяжелых последствий хозяйничанья частных компаний, указал на хищническую эксплуатацию месторождений, разрушительные для промышленности острые нефтяные кризисы и т. п. В ответ бакинские предприниматели заявили, что записка может послужить «к опорочению современной нефтепромышленности» и «вторжению» в нее «посторонних лиц»¹⁹⁴. По мнению представителей ведомств, автор не подкрепил свою критику частного бизнеса убедительными доказательствами. Они признали также невозможным в условиях войны осуществить такую сложную меру, как введение государственной нефтяной регалии¹⁹⁵.

К началу июня 1916 г. в Горном департаменте МТиП было подготовлено для внесения в Государственную думу представление, содержащее более масштабный, чем предыдущий, проект устройства казенных нефтепромыслов на Апшероне и подписанное новым министром торговли и промышленности кн. В. Н. Шаховским. В нем отмечалось, что казна является крупнейшим потребителем мазута, расходуя его около 130 млн пудов в год, поэтому в условиях топливного голода необходимо увеличить добычу нефти. Между тем на основании действовавших правил сдачи земель в аренду частным предпринимателям существенный прирост продукции стал невозможен. Нефтепромышленники предпочитали качать черное золо-

¹⁹² РГИА. Ф. 92. Оп. 1. Д. 623. Л. 167.

¹⁹³ Там же. Д. 35. Л. 7; Д. 623. Л. 167–168, 258 об; Д. 627. Л. 55 об.

¹⁹⁴ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 623. Л. 279.

¹⁹⁵ Там же. Д. 623. Л. 276–279 об.; Ф. 32. Оп. 1. Д. 314. Л. 15–17.

то на уже разведанных участках и неохотно вкладывали средства в проведение геологических исследований на новых территориях, что сдерживало рост добычи. «Каковы бы ни были общие теоретические соображения о невыгодах казенного хозяйства, — утверждалось в представлении, — практически неоспоримо, что в некоторых случаях казенные предприятия являются не только желательными, но даже необходимыми, так как они избавляют от тягостной иногда зависимости от рынка, находящегося под непосредственным влиянием интересов частного характера, не всегда согласованных с интересами общегосударственного значения»¹⁹⁶.

Горный департамент планировал создание трех промыслов на площадях Сабунчинского, Романинского и Сураханского районов (105 дес.) с общей производительностью не менее 50 млн пудов нефти в год. На их устройство, оборудование и эксплуатацию министерство запрашивало в течение 1917–1922 гг. 53,7 млн руб. и на строительство электростанции на берегу Каспийского моря в 1916–1917 гг. — 7 млн руб. Предполагалось, что реализация этого замысла даст ежегодную экономию в 4,5 млн руб., поскольку добыча одного пуда нефти на казенных предприятиях обойдется в 36 коп., а на частных установлена предельная цена в 45 коп. Кроме того, сам факт появления таких промыслов должен был оказать благотворное влияние на общее состояние нефтяного рынка в результате снижения себестоимости добытой продукции и чрезмерно высоких цен. По мнению департамента, в случае успеха задуманного дела можно будет приступить к устройству таких предприятий и в других местах¹⁹⁷.

Проект рассматривался в ОСОТОП 4 июня 1916 г. под председательством кн. В. Н. Шаховского. Представители нефтепромышленников, участвовавшие в заседании, активно выступили против инициативы МТиП, назвав ее «попыткой монополизации» казной всей отрасли. Они заявили о своем неверии в «доходность и живучесть казенного предприятия», высказывали сомнения в расценках работ и оборудования, отрицали возможность понижения себестоимости нефти, отмечали завышенные цифры производительности скважин и годовой нормы добычи, недостаточную укомплектованность промыслов рабочими и служащими, а также низкий размер их

¹⁹⁶ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 47. Л. 11.

¹⁹⁷ Там же. Л. 10–16 об.

оклада по сравнению с уровнем заработной платы на частных предприятиях. Для смягчения разногласий было решено вынести вопрос на обсуждение в нефтяную секцию. 7 июня ее члены постановили произвести проверку цифровых данных проекта¹⁹⁸.

Однако нефтяные магнаты не стали дожидаться окончания этой работы. 16 июня они представили кн. В.Н. Шаховскому записку, в которой подчеркнули, что устройство казенных промыслов «отзовется весьма тягостно на будущности бакинской нефтяной промышленности»¹⁹⁹, которая в последние полтора десятилетия в условиях роста спроса на свою продукцию переживала падение производительности и могла развиваться только за счет расширения площади добычи. Единственным резервом для этого оставались казенные территории Апшерона, поскольку частновладельческие земли давно находились в разработке. Поэтому проект МТиП угрожал самому существованию частной промышленности, которая могла оказаться «в состоянии постепенного вымирания». Между тем, отмечалось далее, составители проекта думают только о соблюдении выгод казны и совершенно игнорируют потребности нефтяной отрасли не только в Бакинском регионе, но и в масштабах всей страны. Создание казенных промыслов на лучших землях полуострова и освобождение их от разного рода податей приведут к ослаблению частной инициативы и прекращению притока капиталов. В записке вновь оспаривались вывод Горного департамента о возможности экономии государственных средств и предположение о снижении себестоимости продукции²⁰⁰.

В противовес министерскому замыслу владельцы нефтяных компаний выдвинули свой контрпроект учреждения паевого товарищества с основным капиталом в 25 млн руб. для разработки тех самых 105 дес. земли, на которых предполагалось устройство казенных промыслов. Учредители планировали в течение трех лет довести добычу на этих площадях до 50 млн пудов в год. Они брали на себя обязательство привлечь в товарищество всех бакинских нефтепромышленников. Распределение акций между ними должно было производиться пропорционально объему их ежегодной добычи. Товарищество не имело права заниматься торговлей нефтью,

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 92. Оп. 1. Д. 47. Л. 5–7; Д. 623. Л. 181, 182 об.

¹⁹⁹ Там же. Ф. 37. Оп. 66. Д. 1816. Л. 40.

²⁰⁰ Там же. Л. 40–43 об.

поэтому добытую продукцию предполагалось выдавать участникам в соответствии с их долей в акционерном капитале. Проект содержал пункт о возможности участия казны, причем ее вклад не мог превышать 33 % основного капитала. Платой государству за отведенные земли должно было стать долевое отчисление нефти в размере 15–35 %. Несмотря на формально провозглашенное равенство, устав компании фактически закреплял монополию крупных фирм, подчиняя им мелкие промыслы²⁰¹.

На заседании нефтяной секции 21 июня 1916 г. проект МТиП был поддержан, а устав паевого товарищества подвергся критике за недостаточность основного капитала, неясность положений о ликвидации компании и ее возможном переходе в казну²⁰². При обсуждении вопроса в ОСОТОП 13 июля 1916 г. мнения разделились. Чиновники центральных ведомств считали, что «контрпроект даст нефти для казны меньше, чем проект министерства; открытие казенного промысла будет способствовать более интенсивной работе частных промыслов; казна освободится от зависимости от частного рынка, цены на нефть и на нефтяные остатки не будут расти и т.д.»²⁰³. Им возражали представители частной нефтяной и обрабатывающей промышленности, а также Центрального военно-промышленного комитета, которые «находили несвойственным для казны заниматься промышленностью, входить в риск, не имея опыта, гибкости в действиях и подготовленного персонала руководителей»²⁰⁴. Однако их доводы не возымели действия.

Вскоре после этого заседания директор Горного департамента Н. И. Разумов в беседе с корреспондентом «Биржевых новостей» заявил: «Положение нефтяного дела в империи таково, что вмешательство правительственной власти для урегулирования его представляется необходимым»²⁰⁵. По его словам, устройство казенных промыслов на Апшероне — только «первый пробный шаг», и в случае удачи министерство предполагает увеличить добычу нефти до 150 млн пудов. По поводу нефтяной монополии директор сказал, что не является сторонником этой меры, но в то же время считает «чрезвычайно важным, чтобы в руках казны была возможность влиять на

²⁰¹ Там же. Ф. 32. Оп. 2. Д. 11. Л. 44–45.

²⁰² Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 623. Л. 202–210.

²⁰³ Там же. Д. 52. Л. 17.

²⁰⁴ Там же. Л. 18.

²⁰⁵ Нефтяное дело. 1916. 23 июня.

настроение рынка, что возможно лишь в том случае, если у казны будут свои запасы жидкого топлива, которые и будут выпускаться на рынок, регулируя его»²⁰⁶.

16 сентября 1916 г. МТиП направило проект на заключение в Совет министров с некоторыми изменениями в тексте. В частности, в связи с ростом цен на нефть ежегодная экономия должна была составить не 4,5 млн руб., как предполагалось ранее, а 3 млн руб. Кроме того, запрашиваемая у казны сумма возросла с 53,7 млн до 61 млн руб. Министр финансов П. Л. Барк, не возражая в принципе против замысла МТиП, в то же время в отзыве от 13 октября выразил сомнение в его целесообразности: «Я не могу не обратить внимания на то обстоятельство, что устройство казенных нефтяных промыслов в условиях военного времени ввиду чрезвычайно резкого повышения цен на материалы, рабочие руки и на все вообще строительные предметы потребует огромных переплат со стороны казны, в соответствии с чем увеличится и себестоимость нефти, добываемой на казенных промыслах. Кроме того, осуществление этой меры было бы неминуемо связано с отвлечением металлов, предметов оборудования, а равно рабочих рук от использования их непосредственно на нужды государственной обороны»²⁰⁷. Тем не менее на заседании 21 октября 1916 г. Совет министров одобрил проект, и 8 февраля 1917 г. он был внесен в Государственную думу²⁰⁸.

Крушение монархии и отставка кн. В. Н. Шаховского затормозили дальнейшее движение дела. 23 мая 1917 г. заместитель министра торговли и промышленности А. И. Коновалов обратился в Управление делами Временного правительства с просьбой вернуть представление на доработку²⁰⁹. 6 июня 1917 г. в нефтяной секции состоялось его очередное обсуждение. Предприниматели вновь возразили против «слишком поспешного» решения вопроса, поскольку «в законопроекте могут быть такие слагаемые, для освещения коих нужны известные данные, известный фактический материал, которого в данный момент не имеется»²¹⁰. Они настаивали на тщательной проверке цифровых показателей, но председатель секции заявил

²⁰⁶ Нефтяное дело. 1916. 23 июня.

²⁰⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 506. Л. 43.

²⁰⁸ Там же. Л. 2–24, 43, 59; Ф. 37. Оп. 66. Д. 1816. Л. 167–174 об.

²⁰⁹ Там же. Ф. 37. Оп. 66. Д. 1816. Л. 176.

²¹⁰ Там же. Ф. 92. Оп. 1. Д. 627. Л. 143.

о невозможности дальнейшей отсрочки²¹¹. Однако проект так и не был рассмотрен в Государственной думе.

После Февральской революции вопрос о нефтяной монополии время от времени всплывал в правительственных верхах, но без каких-либо последствий. Назначенный в марте 1917 г. начальником Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей М. И. Фридман запросил на просмотр имеющиеся проекты, но на этом все и закончилось²¹². Новый министр финансов М. В. Бернацкий в представлении Временному правительству от 7 октября 1917 г. писал о том, что нефтяная промышленность таит в себе «широкие платежные возможности», но использовать их целесообразнее путем увеличения акцизного обложения, а не установления государственной монополии. По его утверждению, «благоприятные для казны финансовые результаты полной монополизации нефтяного производства, совершенно устраняющие от него частную предприимчивость, не представляются достоверными в условиях русского нефтедобывания, особенно в связи с теми огромными затратами, которых требует замена частного нефтяного хозяйства государственным»²¹³.

Таким образом, в условиях роста цен на черное золото и топливного голода накануне и в ходе Первой мировой войны в высших бюрократических инстанциях империи обсуждались проекты создания казенного нефтяного хозяйства. Правительство ставило перед собой цель обеспечить продукцией государственные предприятия, железные дороги и военно-морской флот, а также учесть требование потребителей обуздать произвол крупных компаний, повышающих цены на внутреннем рынке. Однако оно было не в состоянии пойти на введение нефтяной монополии, за которую выступали многие земства, биржевые комитеты и предпринимательские организации, так как это было связано с расходом огромных средств, а ими казна не располагала в условиях военного времени. Кроме того, полное огосударствление отрасли в сжатые сроки грозило ей серьезным ущербом и еще большим обострением кризиса. Вместе с тем торгово-промышленное ведомство и Совет министров не могли занять стороннюю позицию и полностью оставить нефтяное дело в руках частного бизнеса. Поэтому власти предпочли компромиссный

²¹¹ Там же. Л. 143–143 об.

²¹² Нефтяное дело. 1917. 27 апр.

²¹³ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917. С. 450.

вариант: сочетание казенных промыслов с частными предприятиями по аналогии с утвердившейся в России на рубеже веков смешанной системой железнодорожного хозяйства, при которой государственные дороги сосуществовали с высокодоходными частными линиями. Можно предположить, что подобная перспектива, несмотря на сильное сопротивление нефтяных компаний, была реальна в послевоенный период, однако законодательные работы оказались прерванными октябрьскими событиями 1917 г. То, на что не решилось имперское правительство, осуществили большевики, издав 20 июня 1918 г. декрет о национализации нефтяной промышленности.

АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И КУРОРТНОЕ ДЕЛО НА КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹

8.1. Оживление черноморского побережья Кавказа

О значительном интересе к развитию Черноморского побережья Кавказа свидетельствует историография темы. Только в первом томе «Указателя сочинений о Черноморском побережье Кавказа», специально изданном к открытию выставки в 1913 г., приводятся названия 2276 книг, статей и заметок об этом регионе на русском и иностранных языках². Фундаментальными исследованиями освоения хозяйственно-экономического потенциала побережья являются работы В. Н. Ратушняка и А. В. Фадеева³. Вопросы экономической политики правительства на Кавказе в общеимперском контексте отражены и в целом ряде современных исследований⁴.

¹ Содержание главы частично отражено в опубликованных ранее статьях: Сагинадзе Э. О.: 1) «Первый публичный экзамен»: правительственная политика по развитию Черноморского побережья Кавказа и сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка «Русская Ривьера» (1913 г.). // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 4. С. 130–147; 2) «Курорты суть источники народного национального обогащения»: правительственная политика Российской империи по развитию рекреационных ресурсов Кавказских минеральных вод (1894–1917) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 12. С. 56–62; 3) Состояние и перспективы позднеимперской России: новые подходы к изучению // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 202–207.

² Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга / сост. О. П. Добрыхотов; под ред. Н. И. Воробьева. Пг., 1916 (репринт: Краснодар, 2009). С. 20.

³ Ратушняк В. Н.: 1) Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978; 2) Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века: к проблеме развития аграрного капитализма. Ростов н/Д., 1989; Фадеев А. В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959 г. М., 1961. С. 251–260.

⁴ См., напр.: Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–

К началу царствования Николая II побережье все еще несло на себе отпечаток Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Многие местности были разорены, русское население, опасаясь нападений горцев, покидало эти территории, что приводило к запустению земель. Общую картину довершали бедородье и эпидемии, особенно свирепствовала малярия. В 1890–1910-х годах правительство приняло целый ряд административных и экономических мер по обустройству и освоению побережья. Главными архитекторами имперской политики на Кавказе были министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов и член Государственного совета Н. С. Абаза. С большим вниманием к задачам «оживления кавказского Черноморского побережья Кавказа» относился и сам император. Уже в 1894 г. при Государственном совете была образована особая комиссия для выработки законоположений по устройству Черноморского берега Кавказа, ее первым председателем стал Н. С. Абаза. В ходе заседаний межведомственное собрание обсуждало широкий круг вопросов: новое административное устройство Черноморского округа, его заселение, строительство шоссейных и железных дорог и портов, развитие сельского хозяйства. В 1896 г. указом императора побережье было выделено из состава Кубанской области и образована самая маленькая в империи Черноморская губерния с расширением ее южной границы и включением в нее Тагринской станции.

Первоочередной задачей на побережье центральное правительство считало сельскохозяйственную колонизацию этой отдаленной окраины. А. С. Ермолов, посетивший Кавказ уже летом 1894 г., полагал, что Черноморское побережье более других регионов нуждалось в кардинальном пересмотре прежней постановки переселенческого дела. Обширные территории побережья, по выражению А. С. Ермолова, «служили печальными памятниками ошибок прошлого»⁵. В Петербурге кавказских переселенцев из Европейской России воспринимали как орудие имперского освоения окраин в традиционно-аграрном смысле. При разработке программы сельскохозяйственной колонизации Кавказа правительство ставило во главу угла

1917 гг.). М., 2004; *Правилова Е. А.* Финансы империи: деньги и власть России на национальных окраинах: 1801–1917. М., 2006; *Северный Кавказ в составе Российской империи* / под ред. В. О. Бобровникова, И. Л. Бабич. М., 2007.

⁵ *Ермолов А. С.* Черноморское побережье Кавказа и выставка «Русская Ривьера»: Речь председателя выставочного комитета А. С. Ермолова при открытии выставки 2 ноября 1913 г. 2-е изд. СПб., 1913. С. 3.

решение проблемы не столько аграрного перенаселения центральных губерний, сколько политического удержания окраины в составе империи. Только при достижении демографического баланса можно было рассчитывать на успешное осуществление масштабных проектов экономического развития этого региона.

На протяжении нескольких лет в Петербурге велась работа межведомственных совещаний, результатом которой стали законы 12 февраля и 6 мая 1896 г. Они положили начало образованию так называемых культурных и дачных участков: теперь казенные земли отдавались в частные руки, на льготных условиях, но с обязательством их застройки и развития инфраструктуры (канализации, водопровода, электрификации и пр.). Правительство таким образом пыталось учесть ошибки первоначальной колонизации, по мнению А. С. Ермолова, совершенно неудачной: «Земли раздавались большими участками, иногда в несколько тысяч десятин, различным заслуженным деятелям Кавказского наместничества, часто совершенно бесплатно (10 руб. за десятину с рассрочкой на 10 лет)»⁶. 31 марта 1897 г. был утвержден закон о переселении в Черноморскую губернию, а до 1902 г. образовано всего 36 переселенческих участков общей площадью 52 334 дес.

Для научного и всестороннего изучения сельскохозяйственно-го и природно-климатического потенциала на побережье несколько раз командировались специальные комиссии, в которые входили известные ученые. В 1897–1898 гг. в губернии работали сразу две правительственные экспедиции: одна разведывала и нарезала переселенческие участки, другая — проводила физические и химические исследования местности, уделяя особое внимание возможности развития климатолечебных станций Черноморья. При содействии правительства проводились осушения болот, в разные местности региона выезжали чиновники и врачи для выработки мер по борьбе с эпидемиями. В состав комиссий входили: географ, климатолог А. И. Воейков, гидролог А. И. Лебедев; профессор медицины, терапевт Ф. И. Пастернацкий и горный инженер М. В. Сергеев. Правительственной комиссии удалось провести беглые исследования физико-географических и климатических условий местности. В частности, комиссия предрекла успешное развитие Красной Поляны

⁶ Ермолов А. С. Заметки по поездке на Черноморское побережье Кавказа осенью 1907 г. СПб., 1908. С. 8–9.

как будущей горной климатической станции и определила район будущего Сочи как идеальное место для морских купаний⁷. Внимание комиссии привлекли также минеральные источники в районе Сочи и Красной Поляны. По итогам командировки ученые и врачи однозначно признали, что благодаря уникальному климату Черноморье — это «будущая русская Ривьера», но регион станет таковым в полной мере лишь при условии существенных ассигнований, поддержки государства и содействия опытных лиц⁸.

Русская сельскохозяйственная колонизация Кавказа, которая мыслилась главным мероприятием по прикреплению этой важной окраины к империи, оказалась сопряжена с весьма сложными подготовительными работами. Краеугольное значение для успешного решения поставленных задач имело строительство дорог в регионе. До 1890-х годов Кавказ был фактически отрезан от России, не имея с ним прямого сухопутного сообщения, а существующее морское сообщение не удовлетворяло его растущих потребностей. Прежде всего необходимо было прокладывать нагорные и шоссейные дороги, для того чтобы соединить прибрежные части Черноморской губернии с более удаленными от моря пространствами, предназначенными под переселение. В течение 1897–1899 гг. под непосредственным контролем Абазы шло строительство шоссе от Адлера до Романовска (Красной Поляны).

Существенной проблемой оставалась плохая подготовленность русских переселенцев, привычных к зерновому хозяйству, к культивации ценных сельскохозяйственных культур побережья, с одной стороны, и к хозяйствованию в непривычных условиях гористой местности — с другой. Русским поселенцам в Черноморье приходилось сталкиваться с естественными природно-климатическими препятствиями. В отчете Черноморского губернатора за 1897 г. признавалось, что русские слабо закрепляются на побережье: «Экономическое положение особенно русских поселян на невысокой степени развития возделываемой земли (из 20–30 десятин посемейных наделов) в среднем составляет 1,6 десятин. <...> Тормоз в развитии поселений — отсутствие путей удобного сообщения»⁹.

⁷ Воейков А. И., Пастернацкий Ф. И., Сергеев М. В. Черноморское побережье. СПб., 1898. С. 4.

⁸ Там же. С. 122.

⁹ Государственный архив Краснодарского края. Ф. 468. Оп. 2. Д. 542. Л. 7, 18.

Усовершенствованию переселенческого движения способствовал закон от 11 марта 1902 г. о разрешении частным лицам приобретать в собственность предоставленные им на основании устава сельских хозяйств в потомственное пользование участки казенной земли в Черноморской и Кутаисской губерниях¹⁰, а также законы 31 марта и 1 мая 1903 г. — о переселенцах в Черноморской губернии и их устройстве¹¹. Несмотря на высочайшее внимание к ходу кавказского переселения, русская колонизация шла достаточно трудно. Хотя поток желающих получить земли на побережье рос год от года, многие владельцы участков не спешили вступать в свои права. У такого парадоксального положения было несколько причин. Во-первых, переселенческие участки по-прежнему остро нуждались в проведении дорог. Дорожные сооружения на Кавказе были сопряжены с непомерно большими казенными ассигнованиями. Шоссированные дороги на побережье, особенно в горных и прибрежных районах, должны были отвечать требованиям особой прочности из-за часто выпадающих осадков. По этой причине общая мера целесообразности расходов на дорожные работы, прилагаемые к сметам в других регионах империи (в частности — в Сибири), требовала существенной корректировки для подобных расчетов в Кавказском крае, особенно на Черноморском побережье. В межведомственных дискуссиях о развитии Черноморья (1903 г.) отмечалось, что стоимость шоссированных дорог варьировалась от 3 до 5 тыс. руб., а иногда доходила даже до 7 тыс. руб. за версту (что было почти в два раза выше, чем на аналогичные мероприятия в Сибири и за Уралом)¹².

Хотя к 1905 г. на побережье за казенный счет было построено более 120 тыс. верст дорог, переселенцам все равно приходилось испытывать большие затруднения, порой добираясь до переселенческих участков в горных районах на четвереньках, втаскивая детей на спинах. В правительственных отчетах подчеркивалось, что если бы не бездорожье, «колонизация Черноморской губернии сделала бы уже весьма крупные успехи». В свою очередь, без проведения нагорных дорог на побережье «можно рассчитывать лишь на отдельных пионеров»¹³. Дальнейшее успешное развитие Черноморской губернии требовало также строительства железной дороги от Армавира

¹⁰ ПСЗ-III. Т. XXII. № 21200.

¹¹ Там же. Т. XXIII. № 13915/а, 13522/а.

¹² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 504. Л. 61.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 1229. Л. 36 об.

до Туапсе, постройки порта в Новороссийске и развития портовой инфраструктуры. Революция 1905–1907 гг. временно приостановила и сооружение новых дорог, и поток переселенцев.

К началу XX в. стало очевидно, что традиционная русская колонизация путем переселения крестьян из внутренних губерний на побережье не удалась. А. А. Кауфман утверждал, что именно на Черноморском побережье «с особенной ясностью обнаружилось культурное бессилие русского переселенческого движения». Опытный переселенческий чиновник (а впоследствии — независимый экономист и публицист кадетского направления), он был одним из лучших исследователей крестьянского уклада и истории российской колонизации. «Если искать действительного развития и роста русской колонизации, — а мы этого искренно желаем <...> для этого надо искать других, к сожалению, еще мало испытанных нами, способов и средств», — подводил черту под государственной политикой А. А. Кауфман¹⁴.

После 1905 г. с назначением кавказским наместником И. И. Воронцова-Дашкова русская колонизация Черноморского побережья приостанавливается на несколько лет. Новый наместник и опытный в кавказских делах сановник во всеподданнейшем докладе императору резюмировал: «Водворение русских переселенцев давало лишь печальные результаты»¹⁵. Культурно-бытовые и климатические особенности края, по мнению И. И. Воронцова-Дашкова, не позволяли переселенцам из центральных губерний в полной мере освоить участки и пользоваться плодами сельского хозяйства. В качестве решения проблемы он в 1906 г. предложил главноуправляющему землеустройством и земледелием князю Б. А. Васильчикову сделать ставку не на выходцев из центральных губерний, а на «иностранцев» поселенцев из других районов Северного Кавказа (прежде всего из Кубанской области). Они, в отличие от крестьян Европейской России, привыкших к зерновому хозяйству, были более приспособлены к культивированию ценных сельскохозяйственных культур (огородничества, садоводства, табаководства и пчеловодства). В таком случае можно было надеяться на образование прочных русских поселений на Кавказе¹⁶. Вместо новой раздачи земель русским

¹⁴ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905. С. 342–344.

¹⁵ Цит. по: Исмаил-заде Д. И. И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник. М., 2005. С. 132.

¹⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 258. Л. 23–25.

переселенцам наместник сосредоточился на укреплении уже образовавшихся там русских поселков.

Процесс колонизации шел гораздо более медленными темпами, чем ожидалось. Затягивалось и строительство дорожных сооружений. К 1 января 1910 г. удалось построить в Черноморском районе 11 дорог общей протяженностью 129 верст (всего к этому времени в Кавказском крае за счет казны появилось 156 верст дорог)¹⁷. Однако в большинстве населенных пунктов все еще не хватало подъездных путей к переселенческим участкам. Бездорожье препятствовало формированию полноценного рынка сбыта сельскохозяйственной продукции. Затягивалось и строительство главной магистрали — Черноморской железной дороги. О необходимости строительства железнодорожного пути между побережьем и остальной Россией министр А. С. Ермолов докладывал императору еще в 1902 г., однако ее сооружение откладывалось как из-за недостатка финансирования, так и вследствие событий революции 1905–1907 гг. Устав Черноморской прибрежной железной дороги был утвержден только в 1912 г.

Высшая местная власть находила объяснение столь скромным итогам кавказской переселенческой политики в недостаточном казенном финансировании. Особенно разительным было отличие при сравнении с самым важным в политическом отношении направлением переселения — Сибирью. Так, отвечая на критику из столицы, И. И. Воронцов-Дашков, которому неоднократно приходилось в дискуссиях с казначейством отстаивать сметы финансирования Кавказского края, в 1910 г. сообщал, что за пять лет его службы на Кавказе было организовано 261 поселение и в регион из внутренних губерний империи приехали 54 тыс. чел. обоего пола: «Если эти успехи могут казаться недостаточно значительными по сравнению с Сибирью, то *исключительно* (выделено в источнике. — Авт.) по причине скромности ассигнуемых казной средств»¹⁸.

Казенные кредиты, отпускавшиеся на нужды кавказского переселения, ежегодно становились предметом острых дискуссий между ГУЗиЗ и Переселенческой и Бюджетной комиссиями Государственной думы. При немалом количестве пустующих переселенческих участков на колонизационные нужды запрашивались крупные

¹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 504. Л. 62.

¹⁸ Там же. Д. 505. Л. 34.

суммы. Однако, по оценкам столичных сановников, главная цель колонизации — закрепление в крае русских поселенцев — так и оставалась недостигнутой. Большой резонанс вызвала резкая реплика члена Думы П. П. Червинского, произнесенная на одном из заседаний о том, что, несмотря на колоссальные усилия, правительству не удастся «пробить брешь в стене, которая отделила Кавказ от остальной России»¹⁹.

В немалой степени процесс имперского освоения Кавказа тормозила также плохая координация между ведомствами в Петербурге и на Кавказе. В письме к сенатору А. П. Никольскому, замещавшему наместника в высших государственных установлениях, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин отмечал, что отчеты с Кавказа получаются в Петербурге нерегулярно и с опозданием: «К сожалению, вверенное мне ведомство не может похвалиться ни полнотой, ни своевременностью отчетных данных, в отличие от переселенческого дела за Уралом <...> с Кавказа [в 1910 г.] доставлена лишь краткая ведомость о положении дела 1908 г, в которой неполные данные»²⁰. В таких условиях сложно было обосновывать новые сметы надежными отчетными данными, и эффективно планировать дальнейшие меры.

К пониманию специфики Кавказского края и невозможности проведения колонизации в традиционном для того времени духе пришли в Петербурге накануне Первой мировой войны: «Черноморский район более других кавказских подрайонов нуждается ныне в коренном пересмотре существовавшей в нем постановки переселенческого дела», — признавал сенатор А. П. Никольский в письме наместнику в январе 1914 г.²¹ Несмотря на огромный спрос на земли побережья, переселенческие участки все еще нуждались в проведении серьезных межевых работ и устранении земельного неустройства. Отмечалось, что и иногородние Северного Кавказа не слишком пригодны для колонизации столь своеобразного земельного фонда. Черноморский губернатор в своем отношении от 17 марта 1914 г. строго предписывал, чтобы переселенческие межевые чины в ближайшие годы занимались решением только этой острой про-

¹⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 505. Л. 48.

²⁰ Там же. Л. 49–50.

²¹ Центральный исторический архив Грузии (далее — ЦИА Грузии). Ф. 365. Оп. 1. Д. 163. Л. 74 об.

блемы, не отвлекаясь на другие задачи²². Из-за бездорожья и недостаточных землеустроительных работ поселенцы не имели стимула к долгосрочному хозяйствованию: «Главным образом этим обстоятельством должно быть объяснено и то безудержно хищническое отношение переселенцев к природным богатствам края, которое так поражает на Черноморском побережье всякого нового наблюдателя». В мартовском отчете 1914 г. чины переселенческого управления заключали, что если не принять должных мер в текущем критическом положении, то колонизация Черноморской губернии и дальше «будет направлена по линии наибольшего сопротивления»²³.

Таким образом, традиционная ставка на выходцев из земледельческих русских губерний не оправдала себя, что стало очевидным уже к началу XX в. В свою очередь, русские переселенцы стремились применить на Кавказе привычные методы зернового хозяйствования, а не приспособиться к естественным условиям окраин. Кроме того, решение переселенческого вопроса на Кавказе было сопряжено со сложными и весьма затратными мероприятиями — строительством дорог на Черноморье. Вместе с тем в развитии сельского хозяйства в Черноморской губернии в 1894–1917 гг. имелись очевидные успехи. В 1913 г. итоги правительственной политики продемонстрировала выставка «Русская Ривьера».

8.2. Выставка «Русская Ривьера» (1913 год)

Первая сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера» начала работу 2 ноября 1913 г. в императорском Ботаническом саду в Санкт-Петербурге. Председатель выставочного комитета, бывший министр земледелия и государственных имуществ Российской империи (1894–1905), член Государственного совета статс-секретарь А. С. Ермолов, открывая мероприятие, назвал его «первым публичным экзаменом Черноморского побережья»²⁴. «Русская Ривьера», по замыслу организаторов, должна была продемонстрировать первые результаты правительственной политики по освоению колоссального хозяйственно-экономического, природно-климатического и стратегического потенциала региона. О большом государственном

²² Там же. Л. 51.

²³ Там же. Л. 76.

²⁴ Ермолов А. С. Черноморское побережье Кавказа... С. 22.

значении выставки свидетельствовало и то, что ее высочайшим покровителем был сам император Николай II.

Идея специальной выставки, посвященной Кавказу, назревала давно. Уже с начала XIX в. в России организация выставок стала испытанным средством рекламирования передовых методов ведения хозяйства и распространения научных знаний, технологий, современного отечественного и зарубежного опыта. Наиболее крупные сельскохозяйственные выставки проходили в Петербурге (1860 г.), Москве (1864, 1895 гг.), Харькове (1887 г.), Киеве (1913 г.). Их количество ежегодно увеличивалось: за 1909–1913 гг. в России было проведено 3380 сельскохозяйственных выставок, в том числе более тысячи в 1913 г. Государство уделяло сельскохозяйственным выставкам большое внимание, а самые значительные из них проводились под патронажем членов царской семьи. Под покровительством царя, помимо «Русской Ривьеры», проходила Всероссийская выставка плодородства, виноградарства и огородничества (1913 г.).²⁵

Организатором мероприятия было Общество изучения Черноморского побережья Кавказа, созданное в столице в 1911 г. Члены Общества — выдающиеся ученые, чиновники, врачи, архитекторы — ставили своей целью всестороннее исследование региона «в отношении историческом, географическом, этнографическом, экономическом и культурно-правовом»²⁶. В 1913 г. общество насчитывало 140 чел., во главе его стоял лейб-хирург, профессор Е. В. Павлов. Хотя инициатором «Русской Ривьеры» было частное общество, выставка подготавливалась и проводилась при активном содействии правительства, стремящегося «ознакомить широкие круги общества с естественными богатствами Черноморского побережья и с состоянием всех отраслей лесного, сельского хозяйства и промышленности, а также дать всестороннее представление о курортах края»²⁷. «Русская Ривьера» представляла научные коллекции, отражающие климат, флору и фауну побережья, развитые там производства, литературу и местную печать.

В первое десятилетие XX в. внимание и интерес к Кавказу в российском обществе неуклонно росли. Неслучайно поэтому, что

²⁵ Сельскохозяйственные выставки 1917 г. и ранее. URL: <http://www.cnsnb.ru/artefact3/ia/ie1.asp?page=text&text=vyst1917/> (дата обращения: 14.04.2020).

²⁶ Воробьев Н. И. Отчет Общества изучения Черноморского побережья за 1914 г. // Русская Ривьера. 1915. № 3–4. С. 8.

²⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 17. Д. 197. Л. 1.

одним из первых мероприятий созданного в 1911 г. Общества изучения Черноморского побережья Кавказа, призванного знакомить широкую публику с регионом, стала именно организация специальной выставки. «Никакая газетная статья, никакая книга не могут сравняться по степени воздействия на публику с выставкой», — писал впоследствии один из участников «Русской Ривьеры»²⁸. Основную часть административно-организационной работы взял на себя секретарь Общества, сотрудник Академии наук Н. И. Воробьев. К подготовке приступили в феврале 1911 г., планируя открытие выставки на осень 1912 г. Первый вариант программы был утвержден в июне 1911 г.²⁹ Помимо освещения успехов сельского хозяйства и промышленности, особое значение придавалось рекламированию переселенческого дела на Кавказе. Самой большой проблемой и главной статьей расходов при подготовке к мероприятию были затраты на транспортировку плодов и растений, причиной чего стало отсутствие удобных путей сообщения, поскольку для подобного груза нужна была ускоренная доставка. В 1911 г. между наместником на Кавказе И. И. Воронцовым-Дашковым и министром земледелия и государственных имуществ А. В. Кривошеиным, а также Министерством торговли и промышленности велась переписка по вопросу ассигнования средств из смет министерств. По причине отсутствия в ведомствах свободных средств, а также из-за организационных трудностей мероприятие отложили на год, до осени 1913 г.³⁰

Комитет поначалу планировал выставляться в Михайловском манеже, однако этот замысел осуществить не удалось. Вскоре выяснилось, что количество экспонатов и масштаб мероприятия превосходят все ожидания устроителей. Когда организация выставки вышла на финальный этап, ее взял под свое покровительство Николай II. Главы двух министерств — землеустройства и земледелия и торговли и промышленности — ассигновали из смет своих ведомств 15 тыс. руб. и 10 тыс. руб. соответственно. Также по распоряжению царя министр финансов дополнительно выделил ссуду в 15 тыс. руб. Часть средств Комитет получил от Министерства народного просвещения: 1 тыс. руб. на устройство научных отделов и 500 руб. от отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики

²⁸ Анисимов С. А. Выставка «Русская Ривьера» // Русские субтропики. 1914. № 6. С. 31.

²⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1295. Л. 2, 5, 8.

³⁰ Там же. Л. 8–12.

на собрание коллекций по кустарному делу; 7 тыс. руб. было выделено из средств наместника на Кавказе. Общий объем казенного финансирования будущего мероприятия составил 41,5 тыс. руб. при первоначальной сметной оценке затрат в 63 тыс. руб.³¹

Выставку было решено разместить в двух больших деревянных павильонах бывшей всероссийской кустарной выставки на Аптекарском острове. Помимо этих зданий, для размещения экспозиций пришлось задействовать и все три этажа соседнего Ботанического сада³². Плата за наем помещения — с отоплением, освещением и водопроводом — составила 23,5 тыс. руб., т.е. больше половины казенной субсидии. Таким образом, на устройство выставки и прочие расходы Комитет имел лишь 18 тыс. руб. Недостающие средства было решено получить из предполагаемых доходов выставки. Для содействия Обществу на побережье были организованы 12 местных комитетов, которые вели активную подготовительную работу³³. В марте 1912 г. по поручению Комитета выставки «для произведения фотографических снимков в натуральных цветах всего достопримечательного» на побережье был командирован С. М. Прокудин-Горский. Министерство императорского двора и уделов выдало ему пособие в 500 руб.³⁴ Это был не первый визит знаменитого фотографа на Кавказ: он уже имел возможность снимать Черноморье в 1904–1905 гг. За несколько месяцев он посетил Сочи, Гагры, Сухум и Батум, удельные имения в Чакве и на Дагомысе. Так, впервые было изготовлено свыше 60 цветных диапозитивов с видами климатической станции Гагры.

Выставка открылась 2 ноября и работала ежедневно с 12 часов дня до 11 часов вечера в течение 43 дней, до 15 декабря 1913 г. Каждый день «Русская Ривьера» принимала 2–3 тыс. чел., в отдельные дни численность посетителей доходила до 9 тыс. чел. Ежедневно помещения освещали 3000 ламп. Плата за вход составляла 40 коп., по понедельникам — 1 руб.³⁵ Выставка демонстрировала столичным жителям картину современного состояния побережья. Все экспози-

³¹ Приводится по: *Воробьев Н. И.* Отчет Общества изучения... С. 8.

³² См. подробнее: *Анисимов С. А.* Выставка «Русская Ривьера» // *Русские субтропики.* 1913. № 12. С. 2.

³³ См. об этом: *Воробьев Н. И.* Отчет Общества изучения... С. 8–9.

³⁴ ЦИА Грузии. Ф. 351. Оп. 1. Д. 352. Л. 10.

³⁵ «Русская Ривьера», сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка Черноморского побережья Кавказа. Обзорение Выставки Черномор-

ции были размещены по отделам строго по географическому признаку — от Анапы на севере до Батума на юге. Особое внимание устроители уделяли экспонированию карт и диаграмм культурных и дачных участков, появившихся на побережье благодаря почину правительства. В пристроенных к зданию гербария Ботанического сада двух больших галереях были расположены экспонаты местных отделов, а также удельных имений Абрау-Дюрсо и Чаква, государственного имения Дагомыс, Гагры, имения Синоп великого князя Александра Михайловича и т. д.

Специально для отдела Лесного департамента при содействии служащего при Отделе промышленности художника А. А. Бенуа была создана подробная карта лесов Кавказа. Необычайной экзотичностью поражали отделы Сухумской и Сочинской опытных станций. Сухумская садовая и опытная станция была создана в 1890-е годы на базе Сухумского ботанического сада. Предметом забот дирекции стала акклиматизация на побережье целебных, декоративных и плодовых растений, специально для этой цели выписанных из различных мест Южной Европы, Азии и Японии. Настоящим открытием «Русской Ривьеры» оказался отдел Батумской области, занимавший самую большую площадь — 228 кв. м. Батумский комиссар выставки С. А. Анисимов и военный губернатор области Б. С. Романовский-Романько придавали экспонированию региона в столице громадное значение, поскольку, в отличие от Сочи, Гагр и Сухума, Батум в России почти не знали³⁶. Сильное впечатление на публику производили и экспонаты Батумского имения Н. Н. Смецкого, представленные богатой растительностью разных сортов — более 40 видов пальм, 101 экземпляр хвойных и 62 эвкалиптовых деревьев.

Экспозиции демонстрировали впечатляющие результаты водворения на побережье новых культур и «чисто американское развитие сельского хозяйства на Кавказе»³⁷. Так, только в начале 1890-х стали проводить первые опыты по посадке цитрусовых деревьев из Японии, Сицилии, Алжира, Италии и Турции. Первые цитрусовые плантации появились в Батумском районе, в имении Синоп и в Сухуме. С 1900 г. количество цитрусовых деревьев на

ского побережья Кавказа «Русская Ривьера»: Императорский Ботанический сад. Санкт-Петербург. Ноябрь — декабрь 1913 г. СПб., 1913. С. 1–3.

³⁶ Д. П. «Русская Ривьера» // Русские субтропики. 1912. № 2. С. 77.

³⁷ Анисимов С. А. Выставка «Русская Ривьера» // Русские субтропики. 1914. № 6. С. 32.

побережье начало быстро увеличиваться, достигнув к 1913 г. 200 тыс. единиц³⁸. Украшением отдела стали такие сельскохозяйственные культуры, как табак, бамбук, орехи. Ореховые культуры были представлены продукцией имения Фундук Ф.К. Андерсона. Впервые турецкие орехи высадили на побережье в 1901 г., а к 1913 г. культивируемые площади довели до 10 десятин³⁹. Управляющий Чаквианским удельным имением придавал большое значение экспонированию на выставке своей продукции — русского чая. О выращивании в субтропическом климате чая задумывались и ранее, но в полной мере внедрить эту культуру удалось только на рубеже XIX–XX вв. Чайные кусты завозились из Японии, Китая, с островов Ява и Цейлон. В Чакве работала чайная фабрика, которой управлял выписанный из Китая специалист. К 1913 г. в грузинских районах производилась 131 тонн чая⁴⁰.

Участие в выставке и представление этой важной для Батумской области культуры рассматривались управлением как «громкая реклама русского чая, и не для одних только жителей Петербурга, но и для всей России»⁴¹. Для большего эффекта чиновники решили снять весь процесс изготовления чая, начиная со сбора чайного листа на плантациях и кончая развеской и упаковкой, на кинематографическую ленту. Поскольку подобный вид презентации продукции не предусматривался организаторами как обязательный, было постановлено искать дополнительное финансирование. Управляющий вел переговоры с несколькими московскими кинематографическими фирмами, в результате им удалось договориться о съемке стоимостью 600 руб. Половину затрат взяло на себя Управление уделов, оставшуюся сумму выделили из средств имения. Полная стоимость участия Чаквианского имения в выставке, включая перевозку, транспортировку и размещение растений, составляла 5000 руб.⁴² Все затраты и усилия управления вполне оправдали себя. Для посетителей проводилась бесплатная дегустация напитка, и бойкая

³⁸ Приводится по: Пассек Н. Б., Пассек М. П. Культура цитрусовых насаждений на Черноморском побережье // Русские субтропики. 1913. № 10. С. 7–8.

³⁹ «Русская Ривьера», сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка Черноморского побережья Кавказа. С. 4.

⁴⁰ Приводится по: Синицын И. Обзор культуры чайного дерева на Батумском побережье. // Русские субтропики. 1913. № 10. С. 23–31.

⁴¹ ЦИА Грузии. Ф. 351. Оп. 1. Д. 352. Л. 13.

⁴² Там же. Л. 25, 42.

торговля развесным чаем (по 5 коп. за порцию). Доход только от продажи чая за 43 дня выставки составил более 1800 руб. (больше совокупной прибыли имения от продажи хурмы, мандаринов, растений и бамбука)⁴³.

В тех же павильонах находились отделы главных магистралей побережья (Владикавказской, Армавир-Туапсинской и строящейся Черноморской железных дорог), а также отделы трех цементных заводов. Строительство Армавир-Туапсинской железной дороги началось в 1909 г., что стало возможным благодаря активному развитию банковского дела. В консорциум банков с основным капиталом в 4 млн руб. входили Русско-Азиатский, Азово-Донской коммерческий, Петербургский международный коммерческий, Северокавказский и другие банки. В 1912 г. утвердили Устав Черноморской прибрежной железной дороги, которая должна была финансироваться девятью петербургскими банками с капиталом более 60 млн руб. Отдел Армавир-Туапсинского пути презентовал себя серией фотографий и планов по постройке линий и порта в Туапсе, видами местности и архитектурными проектами зданий, образцами полезных ископаемых и деревьев в районе дороги. Ко времени открытия выставки правление Общества Черноморской железной дороги издало иллюстрированный путеводитель с картами и планами городов того участка побережья, где планировалась дорога (Туапсе — Квалони)⁴⁴. Посередине павильона была выставлена рельефная карта Черноморской губернии, созданная начинающим тогда инженером Г. О. Графтио.

На втором и третьем этаже размещались произведения местной промышленности и научные систематические собрания по геологии, гидрографии, климату, фауне, флоре. Коллекционированием материалов метеорологических и климатических характеристик побережья занималась Тифлисская физическая обсерватория, подготовившая к выставке подробные карты и соответствующие фотографические снимки⁴⁵. Широко представлены были также коллекции экспонатов, характеризующих население края, — военно-исторические, этнографические, по народному образованию и кустарному делу. Особенной полнотой отличались коллекции оружия и картин,

⁴³ Там же. Л. 117–118.

⁴⁴ Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга. С. 19–20.

⁴⁵ ЦИА Грузии. Ф. 351. Оп. 1. Д. 352. Л. 7.

портретов. Выставлялись также книги и брошюры о побережье, путеводители, вся местная печать. При выставке были организованы лекции о лечебно-климатическом значении Черноморья. Приводились подробные статистические сведения о существующих на побережье санаторно-лечебных учреждениях, наглядные материалы (фотографии, таблицы, картограммы), характеризующие отдельные курортные местности. Такие пункты побережья, как Анапа, Геленджик, Сочи, Романовск, Гагры, Гудауты и Сухум, к 1913 г. приобрели большое курортное значение, привлекая в сезон тысячи посетителей. Самым благоустроенным климатическим курортом побережья стали Гагры, владение принца А. П. Ольденбургского. Благодаря энергичным усилиям министра А. С. Ермолова курортное значение приобрел и Сочи⁴⁶.

Выставка производила на публику ошеломляющее впечатление. Множество панно и диаграмм с изображением различных местностей побережья, печатная продукция давали зримое представление об уникальных природных богатствах Черноморского берега. Усиливали ощущение экзотики и декорации — павильоны были украшены субтропическими растениями, пальмами, южной хвоей, цитрусовыми растениями, плодовыми деревьями. Петербуржцы с трудом верили, что они видят перед собой живые растения, привезенные с Кавказа⁴⁷. В главном здании на первом этаже помещались ресторан и кинематограф, где бесплатно для публики демонстрировались различные виды побережья, цветные фотографии С. М. Прокудина-Горского, а также находились чайное и бамбуковое производство и буфет, где проводилась дегустация продуктов побережья — кукурузы, персиков, груш, яблок, чернослива, фруктовых вод⁴⁸.

С 10 по 16 ноября в рамках выставки под председательством сенатора Н. М. Рейнке работал съезд деятелей Черноморского побережья. В нем приняли участие 235 делегатов. Среди участников дискуссий были такие ученые, как А. И. Воейков, А. Н. Краснов, И. В. Палибин. На научной, экономической и сельскохозяйственной

⁴⁶ См. подробнее: Соловьева В. В. Становление курортной индустрии на Черноморском побережье Кавказа в начале XX в. // Современные проблемы сервиса и туризма. 2007. № 1. С. 11–20.

⁴⁷ См. подробнее: Анисимов С. А. Выставка «Русская Ривьера» // Русские субтропики. 1913. № 12. С. 7–8.

⁴⁸ «Русская Ривьера», сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка Черноморского побережья Кавказа. С. 3.

секциях прозвучали 83 сообщения о разных местностях Кавказа, неотложных нуждах и перспективах развития региона. Трехтомник самых интересных докладов издали в кратчайшие сроки — уже в 1913–1914 гг. Для поощрения участников «Русской Ривьеры» была представлена 271 награда, в частности вручены 17 больших золотых медалей, 14 малых золотых, 56 больших серебряных, 46 малых серебряных и 53 бронзовых. Помимо медалей и напечатанных профильными ведомствами почетных грамот, особые почетные премии были предоставлены императором, великим князем Александром Михайловичем, принцем А. П. Ольденбургским, А. С. Ермоловым, Черноморской железной дорогой и т. д.⁴⁹

За полтора месяца на «Русской Ривьере» побывало более 100 тыс. чел., включая 75 тыс. платных посетителей, 15 тыс. экскурсантов и 10 тыс. чел., получивших почетные и бесплатные разовые билеты⁵⁰. С одной стороны, с учетом масштабов Петербурга, эта цифра не поражала воображения. Устроители выставки видели причину относительно малой посещаемости в том, что мероприятие располагалось на отдаленном от центра города Аптекарском острове. Дополнительным сдерживающим фактором стала скверная петербургская погода в течение всего ноября. С другой стороны, приходящая публика была очень заинтересована, задавала множество вопросов, охотно приобретала представленную на выставке кавказскую продукцию⁵¹. Общий доход от мероприятия составил 92 тыс. руб. при расходе в 89,5 тыс. руб.

Главный же результат выставки состоял в том, что благодаря частной инициативе и содействию правительства за два года удалось воссоздать яркую и колоритную картину побережья, познакомив с ним широкие слои русского общества. По оценкам современников, для публики прежде «черноморский берег был землей неведомой», а потому «выставка стала откровением»⁵². Специально для выставки выдающиеся ученые и инженеры с использованием новейших достижений науки и техники подготовили подробные карты, панно и диаграммы побережья, провели серьезные геолого-

⁴⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 1295. Л. 15.

⁵⁰ «Русская Ривьера», сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка Черноморского побережья Кавказа. С. 11.

⁵¹ См. подробнее: Анисимов С. А. Выставка «Русская Ривьера» // Русские субтропики. 1913. № 12. С. 7–8.

⁵² Там же. С. 12.

почвенные, физико-географические, климатические исследования местности. Впервые полномасштабно были сняты на цветную фотопленку живописные виды экзотической кавказской природы. Фотографии С. М. Прокудина-Горского, как и труды участников состоявшегося в дни выставки съезда, до сих пор являются ценнейшими источниками для изучения истории региона. Выставка наглядно продемонстрировала, что накануне Первой мировой войны Черноморская губерния динамично развивалась, продолжалось портовое и дорожное строительство, происходили серьезные изменения в порядке землепользования.

8.3. Переселенческая политика в Закавказье (на примере Муганской степи)

История русской колонизации закавказских земель изучена недостаточно подробно, хотя развитие Мугани затрагивалось в ряде исследований⁵³. Можно назвать работы А. И. Клибанова и Н. Брейфогла, в которых освоение этих пустынных пространств изучалось в связи с проблемами переселения русских сектантов в первой половине XIX в.⁵⁴ Проблема хозяйственного освоения степей Закавказья не была предметом специального изучения в историографии, изучались лишь ее отдельные аспекты⁵⁵. Д. И. Исмаил-заде впервые в историографии предприняла попытку глубокого анализа положения русского крестьянства на Южном Кавказе, в том числе уделила большое внимание району Муганской степи⁵⁶. В работе М. А. Исмаилова, посвященной развитию сельского хозяйства в Азербайджане

⁵³ В частности, в тот период были исследованы проекты орошения Муганской степи — Сарыджалярский и Голицинский каналы, а также проекты Российской империи по решению переселенческого вопроса в начале XX в. См. подробную библиографию Мугани: *Авдеев М. Н.* Мугань и Сальянская степь. Население. Землепользование. Водное хозяйство. Баку, 1927. С. 134–136.

⁵⁴ *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX века — 1917). М., 1965; *Breyfogle N. B.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca, 2005.

⁵⁵ См., напр., анализ этноконфессионального аспекта переселенческой политики Российской империи в Азербайджане: *Вердиева Х. Ю.* Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане (в XIX — начале XX вв.) Баку, 2016.

⁵⁶ *Исмаил-заде Д. И.* Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX — начало XX в.). М., 1982.

в конце XIX — начале XX в., затрагивалось социально-экономическое развитие этих территорий в целом⁵⁷. Однако экономическая стратегия петербургских администраторов на Кавказе не становилась объектом отдельного изучения.

В 1890-е годы колоссальный хозяйственно-экономический и стратегический потенциал пастбищных земель Закавказья оказался предметом особых забот центрального правительства. С точки зрения петербургской администрации, наибольшее значение для колонизации края представляла Муганская степь, расположенная в низовьях Аракса и Куры, в Бакинской губернии⁵⁸, так как в прочих местностях Закавказья не было достаточно подготовленного фонда для большого потока переселенцев. Во всех делопроизводственных документах столичной администрации, касающихся Кавказа, вопрос его русской колонизации занимает первое место. Правительство ставило перед собой две взаимосвязанные задачи в регионе: 1) заселение территории русскими людьми с целью упрочнения в них политического влияния; 2) развитие хлопководства — местные климатические условия позволяли выращивать эту ценную культуру (ежегодно Россия завозила хлопок из-за границы на сумму свыше 100 млн руб.).

Как и освоение другого важного переселенческого района Кавказского края — Черноморского побережья, — колонизация степных пространств была сопряжена с большими сложностями и значительными расходами на подготовительные работы. Однако если на побережье краеугольное значение имело дорожное строительство, то необходимым условием заселения степных земель русскими переселенцами и первым шагом в этом направлении стало строительство гидротехнических сооружений. Без предварительного искусственного орошения русские новоселы, по мнению правительства, были бы «обречены на гибель»⁵⁹. На необходимость строительства ирригационных сооружений в этом районе как ценном колонизационном фонде правительство обращало внимание еще в 1860-х годах. Тогда по поручению наместника на Кавказе князя М. С. Воронцова английские инженеры провели первые исследования местности и составили предварительные проекты оросительных

⁵⁷ Исмаилов М. А. Капитализм в сельском хозяйстве Азербайджана на исходе XIX — начале XX в. Баку, 1964.

⁵⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 504. Л. 3 об.

⁵⁹ ЦИА Грузии. Ф. 13. Оп. 22. Д. 29. Л. 79.

каналов. Был принят и ряд законов для развития систем орошения и регулирования вопросов пользования водными ресурсами. В 1883 г., в связи с введением должности уполномоченного министра государственных имуществ на Кавказе, в штате появилась также должность инженера-гидравлика⁶⁰. В 1890 г. взамен этой должности учредили должность инспектора вод на Кавказе, который подчинялся министру государственных имуществ⁶¹.

К вопросу колонизации Муганской степи вернулись в 1890-е годы, когда в Петербурге с особым вниманием стали относиться к Кавказскому краю. В 1895–1896 гг. чины правительственной экспедиции по орошению юга России и Кавказа провели серьезные научные гидротехнические изыскания. В 1896 г. по инициативе главноначальствующего гражданской частью на Кавказе князя Г. С. Голицына был сооружен Гюр-Гюрский канал, положивший начало магистральной оросительной системе (названной впоследствии Голицинской). К 1901–1902 гг. в районе выстроенной ирригационной системы основали 4 русских поселения, а также спроектировали еще 40 русских поселков. По поручению министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова в 1902 г. составили очередной проект орошения большого участка в 160 000 дес. земли в Муганской степи, а также провели предварительную оценку территорий, пригодных для будущего переселения. В конце 1903 г. этот проект рассмотрели в Особом Совещании, после чего был сооружен Сарыджалярский оросительный канал. К 1 октября 1903 г. общие размеры земель, уже обводненных благодаря усилиям правительства, оказались весьма значительными — 180 000 дес.

Долгое время попытки правительства «усилить в Закавказье русскую народность» носили нерегулярный характер. Основными законами, официально регламентирующими процессы переселения и колонизации в Российской империи, были правила 13 июля 1889 г. и законы 15 марта и 17 декабря 1896 г. В апреле 1899 г. Совет министров издал закон, разрешавший передачу свободных казенных земель только колонистам «русской крови». Важной вехой в укреплении русских переселенцев на Мугани стал и высочайший указ 1 мая 1902 г. о поземельном устройстве закавказских земель. Он подводил

⁶⁰ ПСЗ-III. Т. III. № 1522.

⁶¹ В ЦИА Грузии (Ф. 365) сохранился большой массив документов, освещающих деятельность ведомства.

черту под экспериментами правительства в колонизационном деле на этих окраинных землях. Петербургские администраторы видели в русских переселенцах оплот имперской миссии на Кавказе в противовес мусульманским и иным туземным народностям.

Бурными событиями и большими изменениями начался для Кавказского края 1905 г. После антиправительственных выступлений, отличавшихся в регионе особым ожесточенностью, правительство пошло на серьезные политические и административные реформы. Высочайшим указом Правительствующему сенату 26 февраля 1905 г. было восстановлено кавказское наместничество, во главе которого встал И. И. Воронцов-Дашков. Новый наместник во всеподданнейшем докладе императору подводил итоги всей переселенческой политики на этой окраине, констатируя, что «водворение русских переселенцев давало лишь печальные результаты», а потому вместо новой раздачи земель русским переселенцам он предложил сосредоточиться на укреплении уже образовавшихся там русских поселков. В письме к Главному управляющему землеустройством и земледелием князю Б. А. Васильчикову И. И. Воронцов-Дашков также убедительно отстаивал позицию, что «иностранцы» из Кубанской области (до 1 млн душ) будут иметь несомненные преимущества перед группами крестьян из русских губерний России, привыкших к зерновому хозяйству⁶². Так или иначе, с 1905 г. переселение крестьян из Европейской России в Кавказский край приостановилось на несколько лет.

По распоряжению наместника с 1905 г. в Закавказье стали проводить научные исследования земельного фонда. Для нужд дальнейшей колонизации в регион направлялись несколько агрономических комиссий для проведения первых беглых исследований физико-климатических особенностей местности и почв. В 1905 г. в степи по распоряжению Наместника отправилась первая правительственная экспедиция, за три месяца проводшая более глубокие бурильные работы степных почв и изучившая гидрогеологические особенности земельного фонда. Одновременно комиссия выявила и значительные размеры закавказского земельного фонда (до 3 460 500 дес.), большей частью расположенного в зоне пастбищ и лесов. По оценкам уполномоченного главного управляющего землеустройством и земледелием на Кавказе по переселенческой части, хотя в деле

⁶² РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 258. Л. 23–25.

кавказской колонизации «полстолетия потеряно», при содействии правительства можно устроить на этих землях до 900 тыс. душ мужского пола (или 1800 душ обоего пола)⁶³.

В 1907–1908 гг. постройкой Средне-Голицынской ветви было продолжено сооружение Голицынского канала. В 1907 г. на вновь орошенных территориях образовались семь новых переселенческих участков. Развивалось и хлопководство: если в 1903 г. территория Муганской степи, засеянная хлопчатником, не превышала и 2 дес. земли, то в 1908 г. ее площадь возросла до 675 дес. В 1909 г. под переселенческие участки освоено более 1 тыс. дес. прежде пустынных пространств (возникли еще 12 русских поселков). За пять лет, к 1 января 1910 г. на Мугани появилось 30 больших участков на пространстве до 59 614 дес.⁶⁴ Колонизационное дело на Кавказе шло трудно и более медленными темпами, чем предполагалось. Русские переселенцы в восточном Закавказье, как и колонисты на Черноморском побережье, не могли привыкнуть ни к особому местному климату, ни к высадке хлопка как новому типу хозяйствования. Снимая с ценных орошенных земель урожай пшеницы — привычной им сельскохозяйственной культуры, требующей меньшего ухода, чем хлопок, — колонисты сотнями самовольно снимались с мест и отправлялись на поиски лучших земель, преимущественно в Сибирь. Местные власти были вынуждены зачастую запрещать переселенцам, устроенным в кавказском крае, стремиться в Сибирь⁶⁵.

С целью поддержки русского землевладения в Кавказском крае еще в 1903 г. открылось отделение Крестьянского поземельного банка. Независимо от устройства новых поселений на казенных землях банк должен был содействовать выкупу в казну частновладельческих земель для последующего устройства на них русских поселений. Полагая, однако, что цена пастбищных земель не соответствовала их качеству, в отделении смотрели на поставленную перед ним задачу скорее с точки зрения экономической целесообразности. В 1910 г. член Совета Крестьянского поземельного банка А. А. Никифоров в своем докладе в Петербург признавал, что поначалу местное отделение допустило в крае немало ошибок⁶⁶. Лишь со временем стало очевидно, что в условиях Кавказа деятельность банка «более, чем где

⁶³ РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 504. Л. 58.

⁶⁴ Там же. Л. 61.

⁶⁵ Там же. Л. 43.

⁶⁶ Там же. Л. 74.

либо, должна быть направлена к единственной цели — укреплению на окраинных землях русских людей»⁶⁷.

В правительственных сферах и в общественных кругах столицы зрело недовольство положением русского дела на Мугани⁶⁸. Столичных администраторов беспокоило укрепление в районе инородцев, особенно в области землевладения. Местные дворяне скупали земли и перепродавали их исключительно туземным крестьянам, вытесняя таким образом русское население. Кавказский наместник, напротив, полагал, что скорее устройство земельного быта кочевников имеет в регионе «большое государственное значение» с политической точки зрения, поскольку заметное усиление русского элемента приведет к политической напряженности в регионе и обострит межнациональные противоречия. И. И. Воронцов-Дашков также указывал на несоответствие общих правил переселенческого движения местным условиям. П. А. Столыпин, упрекая И. И. Воронцова-Дашкова в излишнем либерализме, заявлял, что политика наместника создает на Кавказе «удушливую и губительную для русского дела атмосферу»⁶⁹.

Процесс русской колонизации Мугани тормозили не только противоречия между центральным правительством и местными властями, но и недостаточность казенного финансирования. Составляя смету на 1907 г., заведующий переселенческой частью на Кавказе в ноябре 1906 г. в послании в Переселенческое управление признавал, что даже не все расходы первой необходимости включены в итоговые сметные документы. Всего же утвержденная сумма расходов на многочисленные нужды колонизации была меньше изначально запрашиваемой более чем в три раза⁷⁰. Не меньшим препятствием для колонизационного дела в Муганской степи была и медлительность бюрократических процедур. Так, 24 февраля 1910 г. Совет министров рассматривал проект двух новых оросительных систем

⁶⁷ Там же. Л. 77.

⁶⁸ См., напр.: *Шавров Н. Н.* Новая угроза русскому делу в Закавказье: Предстоящая распродажа Мугани инородцам. СПб., 1911.

⁶⁹ Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины (из переписки П. А. Столыпина с гр. И. И. Воронцовым-Дашковым) // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 185. — Суть дискуссии и аргументы сторон уже освещались в литературе. См., напр.: *Исмаил-заде Д. И.*: 1) Русское крестьянство в Закавказье; 2) И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник

⁷⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 258. Л. 69.

в Муганской степи для 142 000 дес. земли в Центральной Мугани. Стоимость гидротехнических работ, завершить которые планировалось за два года, оценивалась в 4 млн руб. Проект предполагалось внести на обсуждение в Государственную думу в весеннюю сессию 1910 г., однако он был отложен. Инспекция вод на Кавказе убедительно доказывала, что если обсуждения не произойдет и осенью, то будет потерян выгодный для таких работ зимний период и процесс растянется на несколько лет⁷¹.

Переселенческий процесс существенно осложняли недостаток медицинской помощи и слабая оснащенность поселений врачебными пунктами. Как и на Черноморском побережье, на Мугани свирепствовала малярия — почти у трети из более 100 тыс. переселенцев, обратившихся за медицинской помощью в 1909 г., зафиксировали малярию. В 1910 г. на Мугани основано 46 медицинских пунктов, из них 7 врачебных и 39 фельдшерских. Еще 10 пунктов планировалось открыть в 1911 г. Однако даже уже существующих врачебных учреждений оказалось недостаточно — по оценкам И. И. Воронцова-Дашкова, на врачебно-санитарные нужды, а также на содержание личного состава медицинских пунктов на Кавказе, нужно было в два раза больше средств, чем почти ежегодно закладывалось в кавказские сметы⁷².

После восстановления наместничества в 1905 г. на Кавказ регулярно отправлялись правительственные инспекторские экспедиции из Петербурга⁷³. Весной 1913 г. с официальной поездкой Мугань посетил и А. В. Кривошеин. Уже в ноябре 1913 г. он сообщил в записке кавказскому наместнику, что планы центрального правительства относительно Мугани остались неизменными. Среди необходимых мероприятий А. В. Кривошеин намечал и поземельное устройство кочевого населения Бакинской губернии, однако именно обустройство русских переселенческих пунктов он назвал «доминирующей колонизационной задачей» в регионе⁷⁴. Необходимо было также продолжать работы по орошению степных пространств для

⁷¹ ЦИА. Грузии. Ф. 365. Оп. 1. Д. 138. Л. 93–93 об.

⁷² РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 258. Л. 70–70 об.

⁷³ Всеподданнейший отчет о проведенной в 1905 году, по высочайшему повелению, сенатором Кузминским А. М. ревизии города Баку и Бакинской губернии. [Б. м., б. г.]; *Тхоржевский И. И.* Отчет о служебной поездке на Кавказ: июль 1909 г. СПб., 1909.

⁷⁴ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 597. Л. 3–5.

дальнейшего культивирования на Мугани хлопковых плантаций. А. В. Кривошеин отмечал в записке: «Хотя этот край дает хлопка в шесть раз меньше Туркестана, но предпринятый недавно казной с успехом опыт орошения пустынной Муганской степи оживил надежды на широкое развитие здесь хлопководства»⁷⁵.

В 1914 г. А. В. Кривошеин в письме к сенатору А. П. Никольскому подводил печальные итоги переселенческой политики Российской империи в регионе. По официальным подсчетам, колонизационная емкость муганских земель оценивалась в 1 млн душ мужского пола. При затратах почти за 10 лет только на содержание кавказского переселенческого отряда около 4 млн руб. удалось освоить лишь 41 727 дес. земли (из 156 000 дес.), устроив на этих землях 3914 семей (или 14 551 душ мужского пола), при этом после 1905 г. 450 семей ушло с Кавказа. В 1908 г. было устроено 3038 семей, за 1909 г. — 2517 семей. Эти цифры, по мнению А. В. Кривошеина, красноречиво свидетельствовали о несоответствии результатов поставленным в переселенческом районе задачам⁷⁶. В 1914 г. подвели предварительные итоги и в Инспекции вод на Кавказе. Как отмечалось в отчете, за 23 года существования водного управления бюджет его возрос в 40 раз (с 50 000 до 2 млн руб. в год), делопроизводство увеличилось в 10 раз⁷⁷. Усилиями управления в период с 1902 по 1916 г. были проложены четыре магистральных ирригационных сооружения, охватывающих до 100 тыс. гектаров. В начале 1914 г. на заседании Совета министров Кавказскому краю было назначено 19 млн руб. на дальнейшие гидротехнические работы, в том числе 4 млн руб. на орошение еще 40 тыс. дес. земли в Южной Мугани⁷⁸.

Таким образом, русская колонизация Кавказа в традиционном для того времени духе, со ставкой на выходцев из центральных губерний, не оправдала себя, что стало очевидным уже к началу XX в. В историографии распространена оценка, согласно которой модернизация региона, проведенная империей в XIX столетии, «шла по линии наибольшего сопротивления». Н. Брейфогл в упомянутой выше работе о колонизации Закавказья в начале XIX в. отмечает,

⁷⁵ Записка главноуправляющего землеустройством и земледелием [А. В. Кривошеина] о поездке в Муганскую степь в 1913 г.: (приложение к всеподданнейшему докладу). СПб., 1913. С. 4.

⁷⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 597. Л. 48–49.

⁷⁷ ЦИА Грузии. Ф. 365. Оп. 1. Д. 163. Л. 51.

⁷⁸ Там же. Л. 1.

что в Петербурге рассматривали ссылаемых туда сектантов как одну из главных опор имперской власти на этой окраине. Вместе с тем вынужденные переселенцы были успешны и с экономической точки зрения, так как, попав в непривычные для себя условия, крестьяне сумели создать там устойчивые социальные структуры и процветающую экономику. Говоря об успехах сектантов в ведении хозяйства, Н. Брейфогл подчеркивает, что основным намерением было не столько изменение окружающей среды, сколько приспособление к ней. Умелое использование природно-климатических условий стало одной из причин процветания их хозяйств. Совсем иначе вели себя русские переселенцы на рубеже XIX–XX вв., поначалу вовсе не учитывавшие ни особенностей почв, ни насущных потребностей региона⁷⁹.

Вместе с тем определенных успехов удалось добиться в хлопководстве, в связи с чем были построены девять хлопкоочистительных заводов. Д. И. Исмаил-заде выявила 342 русских поселения в Закавказье к 1916 г., подавляющая часть которых образовалась благодаря переселенческой политике Российской империи в 1890-х — 1916 гг.⁸⁰ К весне 1916 г. размечены еще 1863 участка (на 5590 душ мужского пола) и 1599 долей в поселках общинного пользования⁸¹. Многие меры, предпринятые правительством, не могли служить текущим потребностям колонизации и сулили ощутимые результаты только в будущем. Несмотря на то что после установления советской власти русские переселенцы были вытеснены из этого региона, события Гражданской войны на Мугани в 1918–1919 гг. косвенно позволяют судить о результатах колонизации — о появлении к 1917 г. в этом районе Закавказья сильной, сплоченной и обладающей серьезными ресурсами группы русских людей.

8.4. Развитие рекреационного потенциала Кавказа: Кавказские Минеральные Воды в 1894–1917 годах

Осенью 1896 г. врач управления Кавказских Минеральных Вод (далее — КМВ, Воды), доктор медицины, статский советник В. В. Святловский находился в служебной командировке в Западной Европе.

⁷⁹ Breyfogle N. B. Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca, 2005.

⁸⁰ Исмаил-заде Д. И. Русское крестьянство в Закавказье. С. 19.

⁸¹ ЦИА Грузии. Ф. 365. Оп. 1. Д. 163. Л. 71.

Управление поручило ему проанализировать, как устроено курортно-лечебное дело на лучших целебных водах Австро-Венгрии, Италии, Франции, Германии и Швейцарии. Во время поездки доктор с грустью отмечал, что на некоторых курортах до 30 % отдыхающих составляли состоятельные русские люди. На самом популярном курорте — в Карлсбаде — русские и вовсе занимали первое место среди иностранцев. Квалифицированный врач, В. В. Святловский знал, что минеральные воды и грязи России по своим целебным свойствам не уступали иностранным, а КМВ в этом отношении и вовсе не имели аналогов в мире. Однако ни по развитию курортной инфраструктуры, ни по числу отдыхающих, ни по доходности отечественные лечебные местности не шли ни в какое сравнение с европейскими курортами. Раздосадованный этим обстоятельством, в отчете по результатам поездки доктор восклицал: «Приглашаю ехать в свои курорты не потому, что каждый кулик свое болото хвалит, а потому, что я глубоко верю, что это “болото” может и должно быть такой же зеленеющей нивой, как все эти Висбадены, Ахены, Карлсбады и Виши. <...> Геологи и врачи, которые приехали к нам [на КМВ] в августе этого года, ахнули при виде наших кавказских богатств, а мы остаемся к ним равнодушными. У нас на Кавказе в одном Пятигорске сидят и Виши, и Карлсбад, и Мариенбад, и все французские Пиренейские термы вместе взятые!..»⁸² В. В. Святловский, хорошо знакомый с насущными проблемами Вод, не мог не принимать их близко к сердцу.

Доктор был далеко не единственным российским чиновником на рубеже XIX–XX вв., кто сокрушался о том, что уникальные природные богатства страны не востребованы в полной мере. В тот период рекреационный потенциал кавказских курортов привлек к себе серьезное внимание в Петербурге и стал предметом особых забот правительства. Исключительная роль в развитии Вод принадлежала министру земледелия и государственных имуществ, статс-секретарю А. С. Ермолову. Возглавлявшего министерство в 1894–1905 гг. сановника, помимо нужд сельского хозяйства и кустарной промышленности, беспокоило состояние казенных минеральных вод и отечественных лечебных мест. Под курортами на рубеже XIX–XX вв. понимали прежде всего минеральные воды и грязи. Особая культура «отдыха на водах» была неотъемлемой частью досуга как

⁸² РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 2403. Л. 119.

российской, так и заграничной состоятельной публики. Кроме КВМ, в государственном ведении были еще пять регионов минеральных вод, но КМВ оставались наиболее важной и многочисленной группой целебных источников. Как и В.В.Святловский, А.С.Ермолов видел главную задачу правительства в том, чтобы поставить Воды в один ряд с лучшими мировыми аналогичными заведениями. Масштабность и амбициозность замысла согласовалась с духом экономической политики в то время, направленной на раскрытие колоссального потенциала страны.

Новый министр начал преобразовательную деятельность не с чистого листа. Процесс формирования курортной инфраструктуры КМВ был длительным и сложным, с переходом от казенного управления к частному контрагентству⁸³. В 1884 г. Воды перешли во временное казенное управление, поскольку ставка на предпринимательскую инициативу себя не оправдала. Курорт был подчинен Министерству земледелия и государственных имуществ (далее — МЗиГИ), имеющему в горном департаменте соответствующих специалистов⁸⁴. За 10 лет государственной опеки на Водах провели ряд работ по газации минеральных и благоустройству пресных источников, постройке ваннх сооружений, прокладке водопроводов. Много внимания уделялось также развитию путей сообщения в регионе. В 1875 г. построили ветку Владикавказской железной дороги, а от станции Кумская к четырем группам вод проложили шоссейные дороги. В 1894 г. открылось движение по Минераловодской ветке (от ст. Кумской до Кисловодска), объединившее группы между собой.

Летом 1894 г. А.С.Ермолов посетил КМВ, чтобы ознакомиться с положением дел и составить свое мнение. Во время визита сановник созвал две комиссии, одну — состоящую из местных врачей и техников, вторую — из чиновников Управления КМВ. В 1894–

⁸³ См. подробнее: «Два века КМВ»: период с 1890 по 1909 год. URL: <http://www.regionkmv.ru/kmv/history04.html> (дата обращения: 10.04.2020); «Два века КМВ»: период с 1909 по 1920 год. URL: <http://www.regionkmv.ru/kmv/history05.html> (дата обращения: 10.04.2020); Кавказские Минеральные Воды. Хронология 1803–2003 / под ред. В.И.Михайленко. Ессентуки, 2003; Курорты Кавказских Минеральных Вод — национальное достояние: становление и развитие (1803–2003) / под ред. Ю.Л.Шевченко, О.П.Щепина. М., 2003; *Урушадзе А.Т.* Формирование и развитие курортной инфраструктуры Кавказских Минеральных Вод в первой половине XIX в. // Северный Кавказ — мир культуры и культура мира. 2011. № 1. С. 17–22.

⁸⁴ РГИА. Ф. 40. Оп. 2. Д. 111. Л. 13.

1897 г. на местах и в столице правительственные комиссии разрабатывали стратегию развития региона. Также в район КМВ из Петербурга направлялись комиссии горного департамента МЗиГИ для проведения исследований химических и физических свойств целебных источников и грязей⁸⁵. В 1897 г. для осмотра вод по приглашению столичных властей на КМВ приехал и главный инженер популярного французского курорта Виши. Одной из первых серьезных реформ стало изменение системы управления курортными группами. В 1895 г. в Государственный совет был внесен проект «О временном порядке управления Кавказскими минеральными водами» (высочайше утвержден 13 марта 1896 г., действовал до 1917 г.). Вместо правительственного комиссара вновь, как и в 1845–1861 гг., во главе Вод стоял директор. Кроме него в постоянном штате были три горных инженера, бухгалтер, врач, архитектор и химик⁸⁶. Первым директором Управления стал В. А. Башкиров (1896–1900 гг.). Затем развитием четырех курортных групп занимались В. В. Хвоцинский (1900–1905 гг.) и С. В. Тиличев (1907–1915 гг.).

Краеугольным вопросом всех межправительственных дискуссий стал порядок финансирования масштабных преобразований. В ходе совещаний в Пятигорске в 1894–1895 гг. составили первоначальный план затрат, необходимых для полного переустройства вод. Управление оценивало стоимость работ в 4 млн 134 тыс. руб. В Петербурге в комиссии под председательством директора горного департамента, а затем вновь на месте при участии А. С. Ермолова сумму уменьшили более чем на 1 млн руб., на чем особенно настаивало министерство финансов⁸⁷. Осенью 1898 г. А. С. Ермолов отправился в командировку в Европу, чтобы сравнить вводимые улучшения с ситуацией за границей. Поездка представлялась министру тем более необходимой, что до этого времени он почти не бывал на зарубежных водах. За короткое время А. С. Ермолов успел посетить лишь 17 курортов, но для подкрепления своего мнения он пользовался сведениями уже побывавших в Европе доктора В. В. Святловского и старшего горного инженера Управления инженера К. Ф. Ругевича⁸⁸.

⁸⁵ Там же. Ф. 856. Оп. 2. Д. 273.

⁸⁶ Там же. Ф. 565. Оп. 7. Д. 26903. Л. 4–4 об.

⁸⁷ К вопросу о переустройстве Кавказских Минеральных Вод в связи с общим положением бальнеологического дела в России и за границей: записка Министра земледелия и государственных имуществ. СПб., 1898. С. 4.

⁸⁸ Там же. С. 6.

По итогам поездки министр подготовил подробную записку, которую и утвердили в качестве долгосрочной стратегии развития кавказских курортов. Этот документ представляет особый интерес, так как в нем подведены итоги правительственных дискуссий и критически проанализирован опыт лучших мировых мест отдыха. В целом знакомство с заграничными водами и беседы с руководителями курортов в Карлсбаде и Баден-Бадене убедили А. С. Ермолова в том, что КМВ в техническом плане оснащены не хуже зарубежных аналогов. Минеральные источники на Кавказе также были каптированы по всем правилам науки⁸⁹. Большое внимание министра привлекло грязелечение. В Карлсбаде, одном из лучших курортов, грязевые ванны комбинировались с приемом минеральных вод. На Кавказе этот набирающий популярность вид лечения почти не был развит⁹⁰.

Огромное впечатление на А. С. Ермолова произвело внешнее благоустройство европейских городов: «Везде канализация, водоснабжение, освещение, прекрасные мостовые, чистота на улицах и дворах»⁹¹. Условия местной жизни на европейских лечебных водах разительно отличались от российских реалий. До 1890-х годов правительство заметно меньше касалось этой стороны курортного дела. На правительственных совещаниях в Петербурге усовершенствование внешних условий жизни и региональной инфраструктуры единогласно признавалось приоритетным направлением развития КМВ⁹². Отсутствие канализации, нормального водоснабжения и электрического освещения, антисанитария в жилых помещениях, пыль и грязь на улицах — так выглядели водолечебные поселения на Кавказе. Причинами столь плачевного состояния региона были противоречия между Управлением КМВ и администрацией прилегающих территорий, а также недостаток финансирования и неразвитость частной инициативы. К 1898 г. из четырех курортных групп только Пятигорск имел статус города. Железноводск и Кисловодск были слободами, а Ессентуки — казачьей станицей. В административно-полицейском и хозяйственном отношении они подчинялись местному казачьему управлению, а также городской думе и станичным общественным властям.

⁸⁹ К вопросу о переустройстве Кавказских Минеральных Вод. С. 71.

⁹⁰ Там же. С. 80, 85.

⁹¹ Там же. С. 11.

⁹² РГИА. Ф. 1228. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–9 об.

Одной из причин неустройства министр считал низкий культурный уровень местного населения. У жителей не было стимула к санитарному улучшению ни территории поселений, ни своих домов, сдаваемых внаем лечащейся публике. Спрос на жилье, даже не самое роскошное, в курортный сезон оставался стабильно высоким⁹³. Так или иначе, эта сторона курортной жизни требовала неотложных и энергичных мер: «Если по-прежнему рядом с ванными зданиями и гидропатическими заведениями, построенными по европейским образцам и по последнему слову науки, будут продолжать свое существование те же, что и теперь, едва ли не чисто азиатские условия жизни, то об эту инертность и косность местного населения могут под конец разбиться все заботы правительства об улучшении наших курортов», — заключал свои размышления министр земледелия⁹⁴.

Проект переустройства Вод, поданный А. С. Ермоловым, был утвержден Государственным советом 12 апреля 1899 г. Согласно документу, сумма, отпущенная на развитие КМВ, составляла 2,5 млн руб. (300 тыс. руб. выделили Управлению ранее, в 1898 г.). С 1 января 1900 г. в течение шести лет казна выделяла на нужды курорта по 350 тыс. руб. ежегодно⁹⁵. Указанные средства должны были пойти на благоустройство Вод в гидротехническом, бальнеологическом и санитарном отношении. Строительство гостиниц, а также развлечений для приезжей публики предоставлялось частным предпринимателями. Правительство ставило перед собой задачу не извлечения немедленного дохода, а планомерного и долгосрочного развития курортной индустрии на Кавказе на прочных основаниях. Несмотря на изменение первоначальной сметы, выделенные средства были значительными. По данным Министерства финансов, в 1819–1884 гг., за 65 лет развития КМВ, на их устройство и ремонт существующих сооружений (каптажей, лечебниц, бюветов и т. д.) казна истратила 1245 тыс. руб., в среднем по 19 тыс. руб. в год⁹⁶. Государственное финансирование позволило начать строительство крупных бальнеологических сооружений и научно-медицинских учреждений. В 1900 г. в Ессентуках были открыты первые на Водах химико-микроскопическая и бактериологическая лаборатории. В том же году на Ессентукской и Пятигорской группе начали работу два

⁹³ К вопросу о переустройстве Кавказских минеральных вод. С. 90.

⁹⁴ Там же. С. 105.

⁹⁵ Там же. С. 4–5.

⁹⁶ Там же. С. 123.

новых капитальных ванн здания и первый на КМВ санаторий. Стал принимать больных самый лучший в империи Цандеровский институт механотерапии, где был установлен комплекс из 50 оригинальных аппаратов, способствующих лечению различных заболеваний. На 1901 г. в Кисловодске намечалось строительство крупных ванн сооружений⁹⁷.

Новый импульс развитию Вод петербургская администрация придала с помощью важнейшей финансовой меры — специализации средств минеральных вод (мера высочайше утверждена 8 апреля 1901 г.)⁹⁸. До этого доходы от деятельности КМВ обращались в пользу государственного казначейства, а суммы на их содержание и потребности отпускались по сметам горного департамента МЗиГИ. Необходимость подчиняться сметным правилам на деле часто приводила к промедлениям. Теперь прибыль от эксплуатации вод (включая экспорт бутилированной воды) временно поступала в специальные средства Управления сроком на 10 лет. Все средства оставались в регионе и направлялись на поддержание и улучшение инфраструктуры Вод, а также Пятигорского лесничества. В результате годовой бюджет КМВ возрос до 2,5 млн руб. в год. В течение последующих восьми лет только на постройку новых и ремонт уже существующих бальнеологических сооружений был израсходован 1 млн руб.⁹⁹

Большое внимание уделялось и развитию водолечебных поселений. В 1898 г. курортные группы КМВ были соединены единой телефонной сетью. В 1901 г. из 750 тыс. руб., выделенных на благоустройство Железноводска, 500 тыс. руб. предназначались для окончания строительства водопровода. Проводились масштабные работы по озеленению курортов: разбивались парки, высаживались сады и рощи. В 1902 г. Управление заключило договор стоимостью в 500 тыс. руб. с фирмой Siemens & Halske на строительство гидростанции и линий электропередач. В 1903 г. на реке Подкумок в Ессентуках заложена первая в Российской империи распределенная сеть электроснабжения — Центральная Пятигорская гидроэлектростанция, позволившая обеспечить электроэнергией все четыре группы КМВ, благодаря чему в Пятигорске в сентябре 1903 г. пустили

⁹⁷ «Два века КМВ»: период с 1890 по 1909 год; Кавказские Минеральные Воды. Хронология 1803–2003.

⁹⁸ СУиР. 1901. Отд. 1. Ст. 1830.

⁹⁹ Приводится по: Анисимов С. Кавказский край: путеводитель. М.; Л., 1927. С. 107.

электрический трамвай. В 1909 г. в Кисловодске сооружена первая на КМВ канализация (в 1911 г. городскую канализацию проложили и в Пятигорске)¹⁰⁰. Одним словом, социально-экономический облик водолечебных поселений значительно усовершенствовался, а по внешнему облику Воды приближались к благоустроенным европейским курортам.

При активном содействии врачей и ученых велась законотворческая работа по реорганизации вод в санитарном отношении. В 1900 г. под председательством известного врача-гигиениста, лейб-медика И. В. Бертенсона к выработке мер по улучшению санитарных условий на курортах приступила специальная межправительственная комиссия из чинов МЗиГИ и МВД. В основу законов были положены материалы 1-го Всероссийского съезда деятелей по климатологии, гидрологии и бальнеологии¹⁰¹. И. В. Бертенсон разработал и эффективные мероприятия против эпидемий в регионе, в частности против холеры. Поскольку все курорты империи находились в ведении медицинского департамента МВД, санитарно-гигиенические нормы регулировались Врачебным уставом. По действующему уставу 1892 г. санитарная охрана распространялась только на минеральные источники и грязи и не касались прилегающей местности¹⁰². Руководствуясь инструкциями А. С. Еромолова, комиссия разрабатывала предложения о санитарном благоустройстве русских курортов, с одной стороны, и общий порядок управления местностями — с другой. Результаты законотворческой деятельности властей нашли отражение в новой редакции Врачебного устава, изданной в 1905 г. Санитарно-административное управление КМВ теперь регламентировались ст. 300–313. Устанавливалась зона охраны, куда включалась также прилегающая к минеральным водам и грязям территория. Согласно уставу, на КМВ учреждался врачебно-технический комитет из чиновников Управления и одного из практикующих на водах врачей (ст. 302). Все дела, касающиеся санитарного благоустройства местности, возведения построек, кроме казенных и на казенной земле в курортном районе, оставались в ведении

¹⁰⁰ См. об этом: «Два века КМВ»: период с 1909 по 1920 год; *Артамонов А. Е.* Госдачи Кавказских Минеральных Вод: тайны создания и пребывания в них на отдыхе партийной верхушки и исполкома Коминтерна: от Ленина до Хрущева. М., 2017. С. 49–57.

¹⁰¹ РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 2784. Л. 125–125 об.

¹⁰² Там же. Ф. 565. Оп. 6. Д. 24658. Л. 95.

Терского областного правления, однако рассматривались только в присутствии директора Управления (ст. 313). Врач Управления теперь осуществлял надзор за зоной охраны и участвовал в регулярных санитарных осмотрах местности (ст. 311). В каждом водолечебном поселении учреждались специальные курортно-санитарные комиссии из представителей городов или земств, местных врачей, чинов полиции и директора, а также врача заведения¹⁰³.

Принимались в Петербурге и специальные законы, направленные на административное устройство региона. В 1897 г. административно-полицейское управление реорганизовано на всех курортных группах, а в Железноводске и Кисловодске введены упрощенные городовые положения¹⁰⁴. В 1903 г. указом Николая II Кисловодская слобода была преобразована в город. Изменение административного статуса поселений влекло за собой возрастание налогов и сборов на благоустройство местности. Новый порядок также позволял жителям приобретать землю на правах собственности, а не аренды, как прежде. Серьезное внимание правительство уделяло решению квартирного вопроса на водах. В апреле 1900 г. на межправительственных совещаниях обсуждались трудности, с которыми столкнулись чиновники МЗиГИ, пытаясь привлечь предпринимателей к строительству жилья для отдыхающих. Чиновники, в частности, обращались к компании, которая эксплуатировала воды Виши во Франции, — они посылали на КМВ особого инженера. Затем велись переговоры с компанией *Societe des Wagons lits*, уже имеющей опыт сооружения гостиниц в Ницце и Алжире. В ходе обсуждений представители компании согласились построить две гостиницы, но при условии казенной субсидии с последующим погашением, на что министерство пойти не могло¹⁰⁵.

Эффективным способом решения проблемы стала передача дачных земельных участков частным лицам на правах собственности, утвержденная постановлением Государственного совета от 12 июня 1902 г. Это позволило, с одной стороны, дать возможность мелким и средним предпринимателям получать прибыль от соору-

¹⁰³ См. подробнее: Колычев Л. А. Устав врачебный, изданный 1905 г. и по продлению 1912 и 1913 гг., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постановками разъяснениями Сената и правительственных установлений, правилами и инструкциями. Пг., 1915. С. 114–117.

¹⁰⁴ «Два века КМВ»: период с 1890 по 1909 год.

¹⁰⁵ РГИА. Ф. 565. Оп. 6. Д. 24658. Л. 111 об. — 112 об.

женных на земле жилых построек, с другой — решить вопрос с жильем в короткий срок. Ранее, 4 июня 1901 г., Государственный совет утвердил законоположение об установлении особого фонда на благоустройство дачных поселений и культурных участков. Согласно закону, средства, получаемые от аренды земельных участков, использовались для проведения дорог, устройства мостов, водоснабжения и т.д.¹⁰⁶ 4 июня 1901 г. было утверждено еще одно положение Комитета министров, предоставлявшее МЗиГИ право сдавать в оброчное содержание участки казенных земель для устройства гостиниц и развлекательных заведений на всех курортных группах без торгов сроком до 60 лет. К развитию инфраструктуры региона широко привлекался и частный капитал, что привело к быстрым и ощутимым результатам, а также небывалому строительному буму на КМВ. В окрестностях Пятигорска, Кисловодска и Ессентуков состоятельные люди массово скупали участки под застройку, в результате чего к началу XX в. стоимость земли увеличилась до 10–12 раз. По сведениям В.В.Хвощинского, совместными усилиями Управления и частной инициативы за период его директорства с 1900 по 1905 г. «на всех группах выстроено 850 новых номеров, а учитывая дачные участки, — до 2000 новых помещений»¹⁰⁷. По оценкам директора, количество жилых построек вполне удовлетворяло потребностям лечащейся публики.

В 1905 г. КМВ вместе с горным департаментом перешли в ведение Министерства торговли и промышленности. В апреле 1911 г. в министерстве подвели итоги первых 10 лет действия нового порядка управления курортом и специализации средств. Прежде всего, в разы выросли доходы Управления — в том числе из-за эффективно налаженного директором С.В.Тиличевым экспорта вод. К 1910 г. продажи бутилированной воды составляли 10–12 млн бутылок в год (в 1900 г. — не более 600–700 тыс. бутылок)¹⁰⁸. Однако рост доходов и вводимые улучшения были неразрывно связаны с возрастанием расходов. Уже в первый год специализации средств операционные расходы сразу возросли на 55 %¹⁰⁹. В качестве вспомогательной меры

¹⁰⁶ Филатова Ж.В. Курорты Кавказских Минеральных Вод в 1900–1905 гг.: факторы устойчивого развития // Вестник экспертного совета. 2015. № 2 (2). С. 106.

¹⁰⁷ Цит. по: Там же.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 37. Оп. 66. Д. 2784. Л. 112.

¹⁰⁹ Там же. Ф. 1158. Оп. 1. 1911. Д. 402. Л. 3–4.

правительство также предоставляло Управлению дополнительные средства. По высочайше утвержденному 3 июня 1901 г. мнению Государственного совета Управление получало из Петербурга по 30 тыс. руб. ежегодной безвозвратной субсидии, единожды было ассигновано 481 983 руб. в качестве оборотных средств; из них к 1910 г. казне было возвращено только 120 495 руб. На 1 января 1910 г. КМВ имели 841 767 руб. частных долгов, большая часть которых образовалась за выкуп частных казачьих земель в казну и строительство курортных объектов. Помимо этого, у управления был долг перед казначейством в 355 204 руб. Общая сумма задолженности к 1910 г. составляла, таким образом, более 1,2 млн руб. Вместе с тем курорты демонстрировали впечатляющие результаты переустройства: за десять лет на Водах появились новые лечебные сооружения, многие из которых, по оценке министерства, «могли бы служить украшением любого западноевропейского курорта»¹¹⁰. Заметно усовершенствовалась и региональная инфраструктура в курортных группах.

Для поддержки дальнейшего стабильного развития кавказских здравниц, министерство заложило в сметы горного департамента ссуду на 15 лет в 800 тыс. руб. для уплаты частных долгов. Прежние долги казначейству и возврат новой ссуды предполагалось рассрочить на пять лет, с тем чтобы выплаты начались с 1 января 1915 г. Основываясь на анализе финансовых показателей, ведомство прогнозировало, что управление КМВ к 1920 г. сможет выполнить свои обязательства перед казначейством. Не терпело отлагательств строительство трех грязелечебниц в Пятигорске, Железноводске и Ессентуках. Этот вид лечения, как и предполагал А. С. Ермолов в 1898 г., стал пользоваться большой популярностью у русской публики. В целом для полного переустройства вод и постановления курортного дела на Кавказе на твердую почву министерство предполагало продлить специализацию средств до 1 января 1931 г.¹¹¹ Государственная дума утвердила лишь отпуск из казны беспроцентного кредита управлению КМВ в 200 тыс. руб. для уплаты частных долгов. Министру торговли и промышленности было поручено в течение 1910 г. представить свои предложения о мерах по дальнейшему устройству Вод, о ликвидации числящихся долгов и о возврате казне кредитов¹¹².

¹¹⁰ РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. 1911. Д. 402. Л. 8.

¹¹¹ Там же. Л. 42.

¹¹² Там же. Л. 52.

Программа финансирования Вод стала предметом дискуссий и на заседании Государственного совета 21 декабря 1911 г. Член Совета Н. А. Зиновьев выступил с критикой финансовой стратегии развития региона. На Водах, по его мнению, выстроенных ваннных заведений было достаточно, и они «такой обширности, каких не встретить и в Европе». Н. А. Зиновьев предложил временно приостановить новые бальнеологические постройки, а высвободившиеся средства потратить на погашение частных долгов¹¹³. Товарищ министра торговли и промышленности А. И. Коновалов, выступая в защиту правительственной программы, уверял, что министерство просит не дотаций, а ссуды, и в доказательство кредитоспособности КМВ представил полный финансовый план: «Много сделано, много продвинуто вперед, но нужно много и сделать, а для этого мы просим средств»¹¹⁴. Председатель финансовой комиссии Госсовета М. Д. Дмитриев и член Госсовета А. С. Ермолов полностью поддерживали ведомство, заявив, что отказ в кредите означал бы остановку курортов в развитии. К мнению министерства присоединились и другие присутствовавшие на заседании¹¹⁵. Одобренным Государственным советом, Государственной думой и высочайше утвержденным 23 декабря 1911 г. законом испрашиваемые ассигнования были предоставлены, а специализация средств КМВ продлена еще на четыре года — до 1 января 1916 г.¹¹⁶

Число посетителей КМВ росло год от года. Если в 1898 г. на четырех группах вод за сезон отдохнули 10 855 чел., а в 1901 г. — 17 345 чел., то уже в 1902 г. кавказские курорты приняли 32 107 чел., а в 1910 г. — 38 347 больных, т. е. посещаемость курортов за 10 лет выросла в три раза¹¹⁷. Отпуск ванн благодаря возведению новых лечебных заведений тоже вырос более чем в два раза: 330 тыс. чел. в 1898 г. и 685 тыс. чел. в 1910 г. Пик посещаемости КМВ зафиксирован в 1913 г. — на всех четырех группах вод в весенне-летний сезон отдохнули 54 638 чел.¹¹⁸ Конечно, курортный поток еще нельзя было считать полностью установившимся: скорее, эти цифры свидетельствовали

¹¹³ Там же. Л. 59.

¹¹⁴ Там же. Л. 59 об.-60.

¹¹⁵ Там же. Л. 65.

¹¹⁶ Там же. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 733. Л. 4.

¹¹⁷ Там же. Ф. 1158. Оп. 1. 1911. Д. 402. Л. 43.

¹¹⁸ Приводится по: Анисимов С. Кавказский край: путеводитель. С. 112.

о многократно возросшем интересе к кавказским курортам и росте их значимости в лечебном отношении.

Продолжалась законодательная работа над усовершенствованием санитарных положений. Главным недостатком действующего Устава, по мнению Совета министров, являлась его неполнота, а в лечебных пунктах отсутствовало «даже минимальное санитарное благополучие»¹¹⁹. В 1912 г. Совет министров разработал законопроект, внесенный на рассмотрение Государственную думу в 1914 г. Понятие «охрана», не определявшееся ранее четко действующим законом, теперь включало в себя охрану геологическую и санитарную. На курортах вводились особые курортные сборы: с приезжающих больных, с лиц, сдающих жилье в наем, а также с владельцев увеселительных, торговых и промышленных предприятий на территории округа. 24 апреля 1914 г. положение Совета министров об установлении временных границ округов санитарной охраны КМВ было высочайше утверждено¹²⁰. Таким образом, процесс разработки и положений курортного и санитарно-гигиенического законодательства продолжался более 20 лет.

Постоянно велись научные геологические исследования минеральных источников, изучение физических свойств и химического состава вод. Управление пригласило квалифицированных специалистов для изучения грязевых озер, была построена первая в регионе сейсмическая станция, налажены метеорологические наблюдения для предсказания оползней, снежных лавин и наводнений. О ходе и результатах работ директор ежегодно сообщал в Петербург¹²¹. На водах регулярно проводились совещания врачей для выяснения необходимых мероприятий. Постоянно действовали Русское бальнеологическое общество, Общество врачей и Общество курортного благоустройства. В район направлялись и экспедиции из центра. Так, в мае 1910 г. в командировку на КМВ отправилась 1-я научная экскурсия врачей из Москвы¹²².

Вопрос об условиях на отечественных курортах вновь поставила на повестку дня Первая мировая война. О состоянии кав-

¹¹⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 809. Л. 10.

¹²⁰ См. об этом: *Колычев Л. А.* Устав врачебный... С. 611–615.

¹²¹ См., напр.: Отчет директора Кавказских Минеральных Вод за 1911 год: о работах по изучению источников и климата Кавказских минеральных вод. Пятигорск, 1913.

¹²² 1-я научная экскурсия врачей на Кавказские минеральные воды в мае 1910 г. М., 1910.

казских здравниц к лету 1914 г. позволяет судить записка горного инженера М. В. Сергеева, в которой он перечисляет неотложные меры к устройству курортов. Первоочередными задачами были признаны: 1) устройство канализации в Ессентуках и Кисловодске; 2) благоустройство мостовых, площадей и тротуаров; 3) введение городского положения в Ессентуках и Железноводске (введено в 1917 г.); 4) дальнейшее устройство водопровода и электрического освещения; 5) запуск электрического трамвая в Железнодорожке, Кисловодске и Ессентуках¹²³. Вместе с тем М. В. Сергеев признавал, что правительству удалось решить жилищный вопрос: помещения для отдыхающих могли «удовлетворить самые изысканные вкусы». Строительство санаториев, гостиниц, комнат опережало спрос. Также к заслугам правительства он относил и бальнеологическое оснащение вод по последнему слову техники¹²⁴.

Уже в первые месяцы войны КМВ стали «лечебно-минералогической станцией» Кавказской армии, на всех четырех группах стали работать военные госпитали и лазареты¹²⁵. Тем не менее в 1914–1917 гг. кавказские курорты по-прежнему принимали посетителей, продолжалось частное и казенное строительство. В 1914 г. открылась Пятигорская грязелечебница, в 1915 г. — крупнейшая в Европе грязелечебница в Ессентуках. На сезон 1917 г. в Кисловодске были намечены постройка очередного бальнеологического сооружения, двух ресторанов и закладка новых участков под застройку¹²⁶. Совет министров Особым журналом от 11 декабря 1915 г., высочайше утвержденным 2 января 1916 г., продлил специализацию средств, показавшую свою целесообразность и эффективность, до 1 января 1920 г. В документе признавалось, что, несмотря на остающиеся санитарно-гигиенические неустройства, кавказские курорты «шли по пути к достижению нормального порядка вещей»¹²⁷.

Таким образом, в 1890-е годы правительство выработало стратегию по превращению КМВ в курорт мирового уровня. Петербургская администрация ставила перед собой задачу добиться не столько

¹²³ РГИА. Ф. 560 Оп. 28. Д. 1190. Л. 45 об. – 47.

¹²⁴ Там же. Л. 45.

¹²⁵ Развитие кавказских курортов в годы Первой мировой войны рассмотрено в специальных исследованиях. См., напр.: *Краснокутский В. С.* Курорты Кавказских Минеральных Вод в годы Первой мировой войны: проблемы и особенности развития: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010.

¹²⁶ См. об этом: *Артамонов А. Е.* Госдачи Кавказских Минеральных Вод. С. 59.

¹²⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 7. Д. 733. Л. 6.

доходности вод, столько постановки курортно-лечебного дела на Кавказе на твердую почву. Правительственная политика на окраине проводилась при активном содействии выдающихся ученых, врачей и инженеров, с использованием новейших достижений науки и техники. По оценкам сановников, к 1917 г. КМВ встали на планомерный путь развития. Несмотря на разницу в масштабах достигнутых положительных результатов на четырех группах вод, в процессе модернизации инфраструктуры прослеживается системность. Благодаря эффективным финансовым мерам и законодательным инициативам удалось решить задачу по привлечению в регион состоятельных людей и значительных частных капиталов. Однако естественный ход развития КМВ прервался начавшейся Первой мировой войной и событиями 1917 г.

Часть IV

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ЗАПАДНОМ КРАЕ И ПРИБАЛТИКЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Глава 9. Земельный вопрос и трудовая миграция

Глава 10. Власть, общество и социально-экономические
проблемы западных окраин

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС И ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ¹

9.1. Власть и переселенческий вопрос на западных окраинах России в 1890-е годы

История переселенческой политики самодержавия в целом изучена достаточно хорошо. Солидную базу заложили еще дореволюционные специалисты², обзор же советской и постсоветской библиографии вопроса потребовал бы отдельного исследования³. Советские исследователи, естественно, утверждали, что «проблема аграрных

¹ Содержание главы частично отражено в опубликованных статьях: *Котов А. Э.* «Легкомысленное стремление в неведомую даль»: власть и переселенческий вопрос на западных окраинах России в 1890-е гг. // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2019. № 11. С. 36–41; *Иванов А. А., Котов А. Э.* Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX — начало XX века) // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 70–88; *Иванов А. А.*: 1) Переселенческая политика Российской империи в оценках правых депутатов III Государственной думы // Таврические чтения — 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст.: в 2 ч. / под ред. А. Б. Николаева. Ч. 1. СПб., 2019. С. 102–108; 2) Чиншевое право в Западном крае Российской империи и законодательные попытки его ликвидации (вторая половина XIX — начало XX веков) // Научный диалог. 2020. № 1. С. 322–340.

² См., напр.: *Кауфман А. А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.

³ См., напр.: *Моисеенко В. М.* Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX — начале XX столетия. М., 2008; *Белянин Д. Н.*: 1) Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX — начале XX вв. // Вестник КемГУ. 2010. № 4 (44). С. 16–22; 2) Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 27–30; 3) Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016; *Чуркин М. К.* Переселенческое движение в Западную Сибирь в оценках и решениях Российского правительства (1861–1905 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4 (35). С. 261–266.

миграций крестьянства, сложившаяся в пореформенное время на новой, капиталистической основе, решалась господствующими классами по-старому, по-крепостнически»⁴. Современная историография смотрит на переселенческие сюжеты более рельефно: в сфере ее внимания и так называемая история повседневности, и отдельные регионы, и общественно-политический аспект переселенческого вопроса, и роль иностранных переселенцев на территориях империи⁵. Вместе с тем исследователи отмечают и определенные лакуны, в том числе недостаточную изученность специфики переселенческой политики самодержавия в западных русских губерниях⁶.

К началу 1890-х годов власть так и не определилась со своим отношением к переселенческому вопросу. С одной стороны, не подлежала сомнению необходимость заселения «русским элементом» Сибири и Кавказа, с другой, как признавалось в официальных документах, «слишком широкое развитие переселенческого движения могло бы поколебать установившиеся хозяйственные отношения целых районов и вообще вызвать крайне нежелательные осложнения»⁷. Наиболее ярко весь комплекс связанных с этим вопросом противоречий проявился именно на западных окраинах империи, которые с 1860-х годов сами рассматривались как объект для русской, в том числе крестьянской, колонизации⁸. Однако по мере интеграции освобожденных от экономического и политического господства польской шляхты русских земель в общеимперский экономический и общественно-политический контекст все больше развивалось обратное

⁴ Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск, 1978. С. 60.

⁵ См., напр.: Иванов А. А., Котов А. Э. Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX — начало XX в.) // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 60–75; Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г. Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 6 (45). С. 720–733.

⁶ См., напр.: Крючек П. С. Переселенческие процессы из Беларуси во второй половине XIX — начале XX в.: историография проблемы // Труды БГТУ. 2016. № 5. С. 12.

⁷ Литовский государственный исторический архив (далее — ЛГИА). Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 5.

⁸ См. подробнее: Котов А. Э. Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати: 1894–1899 годы // Научный диалог. 2018. № 7. С. 258.

движение — белорусское и украинское крестьянство начинало интересоваться свободными землями Западной Сибири.

Массовые кампании по подаче прошений о переселении, перемежавшиеся с попытками самовольных переселений, отмечались в отдельных уездах Северо-Западного края в 1889–1890 гг., сразу после выхода закона от 13 июля 1889 г.⁹, а официальные разъяснения властей нередко принимались крестьянами за приглашение к переселению¹⁰. Местные власти частично удовлетворяли подобные прошения. Серьезным препятствием на пути этого миграционного потока стала нехватка земли, точнее, правильным образом оформленных участков казенных земель. Поэтому 6 марта 1892 г. Министерство внутренних дел выпустило Циркулярное распоряжение № 11 о приостановке выдачи разрешений на переселение и собрании на местах сведений, необходимых для рассмотрения ходатайств просителей. Впрочем, мера была временной, и 2 июля 1894 г. министр внутренних дел И. Н. Дурново в циркуляре за № 34 сообщал виленскому губернатору Н. А. Гревеницу: «Ныне <...> благодаря усиленной деятельности временных межевых партий ведомства Министерства земледелия и государственных имуществ, в Западной Сибири, в Степном крае и в губерниях Иркутской и Енисейской заготовлен достаточный запас переселенческих участков из казенных земель и <...> отвод таких участков с неослабной энергией продолжается и в текущем году»¹¹.

Признавая циркуляр № 11 неактуальным и опираясь на новые решения Особого совещания по переселенческому делу, министр просил Н. А. Гревеница: «...не допуская разглашения всей совокупности настоящих распоряжений моих во всеобщее сведение, путем печати или иным способом, дабы избежать неправильного истолкования их населением в смысле вызова к переселению или забот правительства об искусственном его развитии, приступить к рассмотрению в установленном законом 13 июля 1889 г. порядке ходатайств о разрешении переселения на казенные земли»¹².

Помимо вопроса об оглашении новых сведений, послание содержало целый набор оговорок и ограничений, продиктованных

⁹ Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии. С. 83–88.

¹⁰ См. об этом: Куломзин А. Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896. С. 16.

¹¹ ЛГИА. Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 4.

¹² Там же.

общим непоследовательным подходом МВД к переселению, а также его скептическим отношением к дееспособности подданных русского царя: «Одною из наиболее существенных задач правительства при урегулировании переселенческого дела является внушение населению и развитие в нем убеждения, что переселение должно быть предпринимаяемо лишь вполне сознательно в отношении условий, которые ожидают переселенцев в местах нового водворения, и осмотрительно в смысле подготовки к продолжительному пути и к устройству на этих местах, а не под влиянием легкомысленного стремления в неведомую даль, побуждающего переселенцев, как указал опыт, к поспешной и нерасчетливой ликвидации на родине»¹³.

Этот тезис очевидным образом перекликается с соображениями управляющего делами Комитета министров и Комитета Сибирской железной дороги А. Н. Куломзина, отмечавшего: «Чаще всего ведет на неведомое переселение та чисто детская доверчивость всем, даже самым нелепым, слухам о приволье Сибири и правительственных мерах по ее успешному заселению, которая в значительной степени объясняется низким образовательным уровнем наших сельских обывателей»¹⁴. По его мнению, правительству надлежало направить свои меры «к очищению переселенческого движения от элементов, случайно в него попадающих и увлекаемых им в полусознании»¹⁵.

В унисон А. Н. Куломзину И. Н. Дурново в своем обращении к виленскому губернатору подчеркивал необходимость «приучить население к сознанию, что дело столь большой важности, как переселение, не может быть совершаемо вне точного порядка даже во времени», для чего предлагал «установить известный промежуток между возбуждением ходатайств о переселении и действительным, в случае разрешения этих ходатайств в благоприятном смысле, выходом переселенцев из мест прежнего жительства». Кроме того, губернаторам, представляющим в министерство просьбы о переселении, предлагалось «подробно описывать местности, в которой просятелю проживают, дабы избрание для них места нового водворения могло быть соображаемо со свойствами и хозяйственными особенностями, к коим переселяющиеся давно привыкли»¹⁶.

¹³ Там же. Л. 4–4 об.

¹⁴ Куломзин А. Н. Всеподданнейший отчет... С. 14.

¹⁵ Там же. С. 6.

¹⁶ ЛГИА. Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 4 об.

Наконец, регулировать переселенческое дело должно было решение вопроса о правильной постановке так называемого ходачества: «Доныне ходоки, действуя преимущественно в среде самовольных переселенцев и потому ускользая от надзора местных властей, признавались элементом крайне вредным, смущающим и эксплуатирующим невежественную массу к личной своей выгоде. В совершенно ином положении они окажутся, если избрание и отправка их в качестве законных уполномоченных от лиц, получивших установленное разрешение на переселение, будут поставлены под непосредственный контроль земских начальников и соответствующих им учреждений. При таких условиях предварительное ознакомление ходоков с местами предполагаемого нового водворения переселенцев, даже избрание ими того или другого переселенческого участка для их односельцев, затем возвращение на родину для сообщения пославшим их полученных в Сибири сведений и, наконец, сопровождение ими переселяющихся и водворение с ними на новых местах может принести немаловажную пользу. [Необходимо], чтобы земские начальники <...> с надлежащей внимательностью относились к свойствам избираемых в уполномоченные лиц и разрешали посылку только тех, которые, не делая из ходачества способа наживы, заслуживают доверия по своим нравственным качествам и опытности, и притом сами имеют в виду переселиться вместе с односельчанами». Таким надо было оказывать содействие — «выдачею особых проходных свидетельств по прилагаемой форме с маршрутами и свидетельств на удешевленный проезд по железным дорогам, а в необходимых случаях даже и путевых пособий из имеющихся в распоряжении министерства внутренних дел денежных средств на воспособление переселяющихся»¹⁷.

При этом И. Н. Дурново вновь и вновь подчеркивал «основное положение»: «переселение не поощряется, а лишь допускается правительством в мере действительной в оном необходимости». Поэтому местные власти, прежде чем пересылать ходатайства будущих переселенцев в МВД, должны были «выяснить, стоит ли в нем потребность не только для самих просителей, но и для той местности, из коей они предполагают выселиться»¹⁸. На практике данная обязанность возлагалась на земских начальников, которые должны

¹⁷ ЛГИА. Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 5.

¹⁸ Там же.

были собрать сведения о состоянии лица и количестве недоимок и взысканий, о том, сколько в области останется «наличных душ» и как увеличатся их наделы. Информация передавалась в губернское по крестьянским делам присутствие, а оттуда — в МВД. Само переселение желательно было осуществлять «без пособий от казны», однако признавалось, что часто «как местные, так и общегосударственные интересы требовали бы переселения избытка населения даже с некоторым восполнением от казны»¹⁹.

В целом же ответственность за решение переселенческого вопроса на местах возлагалась на губернаторов, так как само министерство считало, что «установить вполне точно те признаки, при наличии которых переселение должно быть разрешаемо, едва ли в настоящее время возможно», и было уверено лишь в том, что «несомненным и весьма при том существенным злом в переселенческом деле является переселение самовольное»²⁰. Для борьбы с последним предполагалось использовать умеренно репрессивные меры: «Начиная с 1895 г. всех крестьян и мещан, предпринимающих переселение без установленного разрешения, не только возвращать принудительно к местам приписки, но и привлекать к уголовной ответственности по ст. 948 Улож[ения] о наказ[аниях]»²¹.

Однако в дело вмешалась вновь созданная и весьма влиятельная институция — Комитет Сибирской железной дороги, на заседании которого 8 марта 1894 г. был выдвинут «вопрос о скорейшем заселении прилегающих к ней [Сибирской железной дороге] местностей, как для обеспечения потребности дороги в сторожах и т.д., так и в видах споспешествования достижению тех многоразличных государственных целей, с коими предпринято это великое сооружение»²². Высокие геополитические цели требовали смириться с тем, что «хотя порядок и способы административного воздействия на самовольных переселенцев, пока они передвигаются в пределах Европейской России, не могут быть в точности установлены какими-либо общими правилами, так как принятие той или иной меры зависит от разнородных особенностей каждого случая и тех последствий, коими может сопровождаться то или иное распоряжение местной власти, тем не менее приостановление переселенцев, дошедших уже,

¹⁹ Там же Л. 5 об.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 6.

²² Там же. Л. 3.

хотя и самовольно, до гор[одов] Нижнего Новгорода, Казани и других узловых пунктов переселенческого движения в восточной части Европейской России, не может быть признаваемо отвечающим указанной выше надобности. Равным образом нельзя ожидать пользы от обратного возвращения на родину отдельных крестьянских семейств, предпринявших на собственный страх переселение в Сибирь и обладающих достаточными для сего средствами»²³.

Теперь виленскому губернатору предлагалось «воздержаться, впредь до дальнейших указаний, применением правил <...> относительно принятия мер к возвращению самовольных переселенцев с пути и привлечению их к ответственности перед судом». И наоборот: «Если бы <...> потребность ограждения общественного порядка вызвала в некоторых исключительных случаях необходимость воздействия власти для прекращения массового выхода самовольных переселенцев и даже возвращения целых партий их — конечно, не иначе, как с ближайшим к местам прежнего водворения их пунктов, то на принятие подобных мер ваше превосходительство имеете испрашивать каждый раз особое разрешение министра внутренних дел в случае надобности по телеграфу»²⁴.

Тем не менее губернатору по-прежнему следовало «вменить всем местным властям, начиная с волостных старшин, в обязанность тщательно следить за могущим появиться в сельском населении стремлениями, направленными к окончательному, без надлежащего разрешения, разрыву с прежними условиями хозяйственного быта, дабы мерами законного воздействия приостановить в самом зародыше попытки самовольного оставления настоящих мест приписки, а тем более массового выселения»²⁵.

По данным П. Д. Верецагина, именно 1894 г. стал переломным для переселенческого движения из западнорусских земель²⁶. Разумеется, поток крестьянских «стремлений» тут же нашел слабое место в воздвигаемых начальственной осторожностью административных баррикадах: на имя министра внутренних дел из ряда уездов Виленской, Витебской и Минской губерний посыпались сотни написанных по одному образцу прошений о переселении. Вот характерный пример такого обращения:

²³ ЛГИА. Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 2–3.

²⁴ Там же. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 3 об.

²⁶ Верецагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии. С. 89.

Запасного рядового из крестьян Виленской губернии Ошмянского уезда Трабской волости деревни Ковали Казимира Михайлова Руканец.

Прошение

Я, проситель, узнал, что в Западной Сибири в губерниях Иркутской и Енисейской наделяют безземельных и малоземельных крестьян участками земли. Имея в наделе одну десятину земли сообща с отцом и братом при скудном заработке в здешнем крае, должен бедствовать, так как хлеба на прокормление семейства не хватает, а потому осмеливаюсь всепокорнейшее просить милостивого распоряжения Вашего высокопревосходительства о переселении меня с семейством в Западную Сибирь с наделом участка земли в Иркутскую губернию.

Проситель Казимир Руканец, а по неграмотности его и личной просьбе расписался Шубин. 24 октября 1895 года²⁷.

Наличие единого образца обеспокоило местные власти даже в большей степени, чем сами крестьянские инициативы. Основания для некоторой тревоги здесь и в самом деле имелись: с конца 1880-х годов регулярное отходничество западнорусских поселян на заработки в Америку привело к формированию вокруг этого промысла своеобразной мафии, о тщетных попытках борьбы с которой докладывал в 1900 г. виленский губернатор В. Н. Троцкий²⁸. О криминализации переселенческого дела в соседнем регионе рассказывала поступившая в том же году на рассмотрение Главного управления по делам печати пьеса Л. А. Яновской «На Зеленый клин», сюжет которой чиновники цензурного ведомства излагали следующим образом:

Бывший переселенец, парубок Воротыленко, смущает поселян, уговаривая их переселиться в местность, называемую «Зеленый клин». С ним в стачке и местный волостной писарь, Иван Иванович. Писарь читает (будто из газеты) одной бабе-сплетнице Явдохе, что все девушки, переселяющиеся на Зеленый клин, получают по 100 руб. приданого и двух китайцев для услужения, так как Зеленый клин на китайской границе. Явдохе, конечно, спешит, с кем может, поделиться новостями, рассказывая по всей деревне об этом (писарь читает ей поддельный циркуляр).

²⁷ ЛГИА. Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 63.

²⁸ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 548. Л. 176–182 об.

Подруга Явдохи, София, имеющая 6 дочерей, лыстится на столь выгодное предприятие и продает все свое имущество, готовясь к переселению. Мироеду Ипату на руку такой слух, так как по дешевой цене ему удастся скупить все земли крестьян. На землю Софии Ипат делает поддельную купчую и прикладывает печать, взятую у пьяного старшины.

Трохим, жених одной из дочерей Софии, вступает за нее, так как по грамотности знает, что весь вопрос о переселении — одна выдумка мироеда с компаниею. Трохим угрожает убить Ипата, если он не возвратит обратно купчей. Ипат упирается. София узнает, что обещания разных благ для переселенцев на Зеленый клин — выдумка злонамеренных лиц и умоляет Ипата вернуть ей землю. Ипат все-таки не соглашается. Трохим жалуется земскому начальнику и убеждает народ в том, что он обманут и что переселяться в таких условиях не следует. Пьеса кончается тем, что Ипат, волостной писарь, Воротыленко и старшина приглашаются к земскому начальнику в волостное правление на следствие, а народ посмеивается, что Ипату за неправо дело придется, может быть, самому переселяться, только поневоле и подальше от Зеленого клина²⁹.

Не находя ничего предосудительного в этой пьесе, Главное управление по делам печати все же «в виду важности вопроса о переселении, затронутого в этой комедии», препроводило ее в учрежденное в декабре 1896 г. Переселенческое управление, которое, в свою очередь, «не встретило препятствий к выпуску в свет»³⁰.

Переселенческое движение вызывало тревогу прежде всего у местных властей, видевших в нем угрозу, казалось бы, совершившейся русификации бывших владений Речи Посполитой³¹. Впрочем, беспокоились также администраторы и не полонизировавшихся когда-то регионов. Так, 14 апреля 1901 г. правитель канцелярии МВД сообщал В.И. Гиппиусу: «Харьковский губернатор указывает на значительное за последнее время увеличение числа ходатайств крестьян вверенной ему губернии о разрешении переселиться»³². Министерство поручило изучение вопроса чиновнику особых поручений Переселенческого управления, однако «по доставлении им сведений оказалось, что увеличение числа упомянутых ходатайств

²⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 548. Л. 98–99.

³⁰ Там же. Л. 99–100.

³¹ См. об этом: *Верецагин П. Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии. С. 44.

³² РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 548. Л. 169.

приняло несколько тревожные размеры лишь в период наибольшего напряжения переселенческого движения, а затем количество возбуждаемых по этой губернии ходатайств о переселении уменьшилось и не вызывало более опасений»³³.

Разумеется, слухи о переселении, распространявшиеся в Малороссии, имели региональную специфику: так, в докладах исправников и приставов белорусских и литовских губерний о желании потенциальных переселенцев получить «двух китайцев в услужение» не сообщалось. Тем не менее, по сведениям Н. А. Гревеница, «многие крестьяне в ожидании переселения перестали заботиться о своих хозяйствах, предались пьянству, отдают свои земли в долгосрочную аренду и приступают к распродажам своего имущества»³⁴. Тревожились и другие губернаторы Западного края, видевшие в Виленской губернии основной очаг «эпидемии».

В сентябре 1895 г. витебский губернатор В. А. Левашов писал Н. А. Гревеницу о том, что в его владениях крестьяне ходят «к какому-то солдату, проживающему в д. Зябки Дисненского уезда и записываются желающими переселиться в Сибирь, причем означенный солдат читает какой-то приказ от Государыни Императрицы». В. А. Левашов напоминал: ввиду того, что Витебская губерния еще недостаточно густо заселена и сама нуждается в земледельческом элементе, «господином министром внутренних дел не только не разрешены переселения из Витебской губернии, но признаны весьма нежелательными»³⁵. Как следствие, губернатор просил коллегу «принять меры к прекращению» слухов³⁶.

Практически одновременно Н. А. Гревениц получил такое же письмо от минского губернатора Н. Н. Трубецкого. Последний сообщал о полученных им двадцати прошениях из Новогрудского уезда, написанных одним и тем же лицом: «Стремление это, как оказалось по собранным сведениям, вызвано ложными слухами, распространяемыми молодым человеком по имени Антон, проживающим в местечке Белицы Лидского уезда, который составляет окрестным крестьянам прошения на имя господина министра внутренних дел о разрешении им переселиться в Сибирские губернии и утверждает, что распоряжение о разрешении переселений последовало уже года

³³ Там же. Л. 171.

³⁴ ЛГИА. Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 82.

³⁵ Там же. Л. 27.

³⁶ Там же. Л. 27 об.

три тому назад, но местное начальство до сего времени скрывало таковое. <...> Кроме того, распространяет слухи, что будто бы он прислан мировым посредником Лидского уезда для записи всех желающих переселиться в Сибирь»³⁷.

Разобраться с проблемой виленский губернатор поручил уездным исправникам. Им было велено выявить источники слухов и либо (в случае наличия злонамеренного или корыстного умысла) привлечь их к ответственности, либо запретить писать прошения для неграмотных поселян. Чуть позже (уже в начале 1896 г.) Н. А. Гревениц обратился к мировым посредникам своей губернии, которым указывал: «...во-первых, подробно ознакомить всех волостных старшин и писарей и сельских старост с правилами, установленными для переселения законом 13 июля 1890 г. <...> и циркуляром Министерства внутренних дел от 2 июля 1894 г. за № 34, и, во-вторых, немедленно разъяснить крестьянам на сельских сходах все неосновательность распространяемых между ними слухов, объявить им порядок, условия и сроки, установленные вышеприведенными законами о переселении и циркуляром Министерства внутренних дел»³⁸.

Н. А. Гревениц взял под контроль и конкретные доложенные другими губернаторами случаи. На примере некоторых из них хорошо видна вся мелочность и весь формализм бюрократического администрирования на местах. Так, сразу после получения сообщения минского губернатора Лидскому уездному исправнику было предписано «доставлять <...> надлежащие по сему предмету сведения»³⁹. Направленный им на место «преступления» становой пристав выяснил, что «виновник» «проживает в Белицах около четырех лет, занимается исключительно письмоводительством, человек он холостой, живет скромно, поведения вполне хорошего, получает в мещанской управе вознаграждение за труд 10 руб., которые при отсутствии средств не всегда выдаются аккуратно, так что он вынужден заниматься писанием прошений, жалоб и т. п.»⁴⁰ К протоколу прилагалась объяснительная записка от самого письмоводителя, в которой утверждалось, что в Новогрудский уезд он не приезжал и никаких слухов о переселении не распространял. Прощения составлялись

³⁷ ЛГИА. Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 11–11 об.

³⁸ Там же. Л. 1 об.

³⁹ Там же. Л. 12.

⁴⁰ Там же. Л. 13.

в соответствии с предписанием мирового посредника Лидского уезда от 30 ноября 1894 г., «коим объявлялось крестьянам о возможности переселения их в Енисейскую и Иркутскую губернии»⁴¹.

В итоге в рапорте лидского исправника сообщалось: «Антон, о котором заключается отзыв господина минского губернатора, есть мещанин г. Новогрудка по фамилии Наранович, он служит писцом в Белицкой уездной волости; действительно писал прошения крестьянам Белицкой волости с просьбою о разрешении им переселения в сибирские губернии; подача таких прошений началась с того времени, когда мировые посредники объявили по волостям о возможности ходатайства к означенному переселению; узнав об этом, крестьяне стали обращаться к Антону Нарановичу с просьбою составить им на сей предмет прошения, и вот, что собственно вызвало крестьян к подаче прошений о переселении. Наранович же никаких превратных толкований по сему предмету населению не делал, и не получались лживые, Нарановичем составленные прошения, и в среде населения иных слухов, как только то, что можно подавать прошения с ходатайством о переселении, — не существует; запретить же Нарановичу писать такие прошения крестьянам в случае просьбы об этом последних — я не нахожу оснований, так как подобные прошения не заключают в себе ничего дурного»⁴².

Несколько иначе обстояли дела в Ошмянском уезде. Там, согласно рапорту местного исправника, «из неизвестного источника» распространился слух о переселении в Енисейскую губернию, гласивший: «...изъявившим желание переселиться будут выдаваться по 100 руб. на первоначальное обзаведение, пара волов, одна лошадь и надел земель в 30 десятин <...> распоряжение это им не объявляется по просьбе помещиков, которые опасаются, чтобы не остаться без рабочих сил»⁴³. Этим слухам поверили прежде всего безземельные крестьяне и стали справляться в волостных правлениях, где «им разъяснено, что подобного распоряжения нет, но они к таким ответам отнеслись недоверчиво и некоторые из них будто бы послали прошения г-ну министру внутренних дел с изъявлением согласия на переселение и это последнее держат в секрете»⁴⁴.

⁴¹ Там же. Л. 14–15.

⁴² Там же. Л. 10–10 об.

⁴³ Там же. Л. 22.

⁴⁴ Там же. Л. 22–22 об.

Исполняющему должность начальника одного из местных почтово-телеграфных отделений дворянину А.Шубину, к которому такие просители обратились за помощью в написании своих ходатайств, пришлось давать по этому поводу письменные объяснения. В них он подчеркивал, что крестьяне являлись к нему с подобными просьбами неоднократно: «Слыша подобные просьбы, доходящие до нахальности, я этим же просителям отказывал и сказал, идите лучше в свои волостные правления или к мировому посреднику, там вам разъяснят, существует ли вызов на переселение в Сибирь или нет, на что они ответили, куда нам бедным мужикам туда ходить, они все правды не скажут, так как верно, что помещиками подкуплены они, мы хорошо знаем, что если нас и переселят, тогда будут дороги рабочий народ, но я же этим крестьянам ответил, что прошения для вас писать не берусь. Впоследствии ко мне явился хорошо знакомый мне крестьянин Субботнинской волости Петр Трубицкий и, показывая составленный кем-то черновик прошения, просил неотвязчиво переписать таковой, передавая такие же слухи о переселении, хотя я ему сказал, что слухи эти должны быть неверные, так как в волостных правлениях подобной объявки не слышно, на что он ответил: я только прошу Вас, хочу знать, что мне ответят на мое прошение, ведь, барин, знаете, как трудно тут жить. Снисходя его просьбы и соглашаясь с доводами, что такие прошения крестьяне массово подают и слухи о каком-то переселении носятся повсеместно между крестьянским населением, полагая, что может быть и существует вопрос о переселении, притом не видя ничего преступного, а исполнение лишь просьбы неграмотного человека, я уважил его просьбу и написал ему безвозмездно прошение, приняв на себя даже почтовый расход. О том же просил крестьянин Руканец»⁴⁵.

Наиболее ревностно отнесся к поручению начальства исправник Дисненского уезда, где переселенческое движение уходило корнями еще в конец 1860-х годов и в 1895 г. приобрело особенный размах⁴⁶. Обративший внимание на «обуявший все крестьянское народонаселение вопрос о переселении в Сибирь на казенные земли» исправник в итоге сумел обнаружить «корень зла». 6 февраля

⁴⁵ ЛГИА. Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 62–63.

⁴⁶ См. подробнее: *Верещагин П. Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии. С. 89.

1896 г. деятельный правоохранитель сообщал губернатору, что им был организован «особый надзор за деятельностью лиц, занимающихся писанием прошений или так называемых подпольных адвокатов, которые пользуясь невежеством крестьянского люда и, преследуя цели личной наживы, извращают смысл правительственных распоряжений»⁴⁷. Исправнику удалось привлечь нескольких такого рода адвокатов к судебной ответственности, но не по ст. 947 Уложения о наказаниях, а по ст. 37 Устава о наказаниях мировыми судьями, так как ни в одном из случаев невозможно было доказать, «чтобы тот или другой из писак подговаривал кого-либо к переселению, а только в некоторых случаях обнаружены были признаки распространения ложных слухов со стороны сих адвокатов относительно условий переселения»⁴⁸.

В список привлеченных к ответственности входили представители самых разных сословий: мещане, отставные солдаты, дворяне. Однако большинство «нарушителей» покарать так и не удалось: дела по этим обвинениям мировыми судьями, как правило, прекращались за недоказанностью факта преступления либо и вовсе не доходили до суда. В качестве причины указывалось: «...о существовании правительственного распоряжения насчет разрешения переселения в Сибирские области на казенные земли напечатаны сообщения в периодических и других изданиях печати, календарях и т. д., следовательно, вопрос этот не составляет тайны»⁴⁹.

В итоге в Дисненском уезде был найден «нулевой пациент», с которого началась эпидемия слухов: «...народный учитель из крестьян Чересской волости Дисненского уезда, дер. Поляки, Василий Васильевич Локотко, по вызову правительства, около 16 лет тому назад, уехал в Усть-Каменогорск Семипалатинской области, на должность городского учителя, где женился и поселился на постоянное жительство, занимая там в настоящее время должность городского головы. В январе месяце 1895 г. Локотко приезжал на родину и, пробыв здесь около двух недель, рассказывал своим родичам-крестьянам, что в Семипалатинской области есть много свободных казенных земель и можно их получать в бесплатный надел каждому крестьянину, стоит только исходатайствовать на право переселения туда разрешение

⁴⁷ ЛГИА. Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 33.

⁴⁸ Там же. Л. 33–33 об.

⁴⁹ Там же. Л. 33 об.

правительства; причем забрал и увез с собою несколько семейств своей родни, крестьян Чересской волости»⁵⁰. Слух о переселении проник в народные массы: «...сделавшись достоянием невежественной толпы, [слух] передавался от одного другому с различными превратными дополнениями и вырос до фантастических пределов. Крестьяне и прочий темный люд начали подавать тысячи прошений министру внутренних дел и губернаторам. <...> Когда же по этим прошениям стали собирать чрез волостные правления сведения, то число ходатайств подобного рода достигло колоссальных размеров, что, конечно, вызвало большой спрос в лицах, занимающихся писанием прошений, которые, увидев в этом источник наживы, не зная условий переселенческого вопроса, стали различно комментировать и извращать факты»⁵¹.

Попытки уездных властей умерить народный энтузиазм не сразу принесли успех. Так, дисненский исправник сообщал: «Хотя и было своевременно сделано мною и мировыми посредниками чрез чинов полиции и волостного правления распоряжение о внушении крестьянам убеждения, что переселенческий вопрос еще не есть вопрос окончательно разрешенный правительством и что правительство никаких средств на передвижение и обзаведение хозяйством на местах водворения не дает <...> но крестьяне, под впечатлением выгод переселения, внушенных превратными толками писак и собственных фантастических рассуждений, составили убеждение, что чиновники в угоду помещикам, опасаящимся лишиться дешевых рабочих рук, скрывают те льготы и выгоды, которые правительство предоставляет переселяющимся. <...> Последствием же таких учреждений явилось много принадлежащих преимущественно к числу поддонков крестьянской массы лентяев и пьяниц, которые в ожидании разрешения выгод переселения перестали заботиться о своем хозяйстве здесь, сбывать скот и прочее имущество. [Тем не менее в итоге] под влиянием строгих преследований со стороны полиции писак стали облекать свои действия в тайну и избегать всяких превратных толкований, опасаясь перспективы административной высылки с мест жительства, которою пришлось пригрозить им, а крестьяне, в свою очередь, не дожидаясь выгодных разрешений своим ходатайствам, начали недоверчиво смотреть на все толки, а более

⁵⁰ ЛГИА. Ф. 380. Оп. 120. Д. 867. Л. 33 об. – 34.

⁵¹ Там же. Л. 34 об.

благоразумные просто не верить всем этим нелепостям, так что общее стремление к переселению заметно начало охладевать»⁵².

К тому времени в губернаторскую канцелярию поступили от всех уездных исправников списки уличенных в преступном написании прошений, и 11 марта 1896 г. Грейвениц распорядился «принять строгие меры против лиц, занимающихся писанием с корыстной целью прошений крестьянам о переселении в Сибирские губернии», «учредить за означенными лицами строгое наблюдение»⁵³.

О масштабе предпринятого расследования можно судить по майскому рапорту Лидского уездного исправника: «Всего у меня было в производстве 417 прошений. <...> При дознании по 134 прошением крестьяне заявили, что их подговаривали к переселению лица, писавшие прошения, а по остальным прошением 283, крестьяне при дознании не заявили того, что их подговаривали к писанию <...> а напротив, объясняли, что узнали они о возможности переселения от своих волостных правлений, где было объявлено о распоряжении мирового посредника, и затем осведомились по общей молве»⁵⁴. Впрочем, все уличенные лица «под давлением преследования их за то полицией прекратили свою эксплуатационную пропаганду»⁵⁵.

Разумеется, ни это, ни последовавшие в 1897 г. новые циркуляры МВД о борьбе с самовольными переселениями не могли остановить миграционный потока. В итоге к 1897 г. министерство смирилось с тем, что «если западные губернии и не могут быть причислены к местностям, откуда необходимо переселение в скольконибудь широких размерах, то, с другой стороны, они, бесспорно, не могут быть закрыты для выселений»⁵⁶. К концу 1890-х годов поток переселенцев из Северо-Западного края увеличился настолько, что 13 мая 1899 г. министр внутренних дел И. Л. Горемыкин сообщал министру земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолову о проблеме, возникшей уже на месте их водворения: «Из имеющих в Министерстве внутренних дел сведений о ходе заселения Сибири усматривается, что в последние годы обнаруживается весьма заметное увеличение в составе переселенцев выходцев из губерний

⁵² Там же. Л. 34 об.–35.

⁵³ Там же. Л. 43.

⁵⁴ Там же. Л. 49 об.

⁵⁵ Там же. Л. 82 об.

⁵⁶ *Верещагин П. Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии. С. 56.

Прибалтийских и Западного края. Многие крестьяне этой категории, преимущественно немцы-колонисты Волынской губернии и латыши, привыкшие вести хуторское хозяйство на родине, уклоняются от совместного поселения с крестьянами-общинниками и даже подворниками, предпочитая селиться отдельно и в Сибири»⁵⁷. Единственным способом избежать «непрерывных пререканий между теми и другими из-за выбора места для усадебной оседлости и дележа полевых угодий» министру представлялось «образование в Сибири достаточного запаса участков, который бы отвечал требованиям водворения хуторян», а также внесение изменений в действующий порядок переселения⁵⁸.

В ответ на это министр земледелия сообщал 8 июня 1899 г.: «В видах всестороннего выяснения вопроса о способах устройства переселенцев-подворников, одновременно с сим предлагаю заведывающим переселенческими партиями и Западно-Сибирским переселенческим отрядом представить мне свои соображения по сказанному предмету, и в течение будущей зимы буду иметь честь сообщить Вашему превосходительству свое заключение по возбужденному Вами вопросу»⁵⁹. 10 января 1900 г. последовало новое сообщение: «Из доставленных ныне сведений усматривается прежде всего, что вопрос о заготовлении участков для водворения хуторян и вообще переселенцев-подворников не может получить единообразного разрешения для всех вообще местностей Сибири и для всех типов угодий, ныне обрабатываемых под заселение»⁶⁰.

Параллельно вопросом занимался и Комитет Сибирской железной дороги, признавший на заседании 8 декабря 1899 г. желательным оказывать содействие переселенцам к выделению хуторских и подворных участков, а также обративший внимание на необходимость выработать особые правила для руководства межевых чинов, «коим согласно ходатайству сельских обществ будет поручен отвод означенных участков»⁶¹. Сочинение проекта правил было поручено начальнику Переселенческого управления, который в марте 1900 г. и представил их управляющему делами Комитета Сибирской же-

⁵⁷ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 540. Л. 1–1 об.

⁵⁸ Там же. Л. 2–3.

⁵⁹ Там же. Л. 5 об.

⁶⁰ Там же. Л. 6 об.–7.

⁶¹ Там же. Л. 25.

лезной дороги и одновременно Комитета министров А. Н. Куломзину⁶². Окончательно этот вопрос был разрешен последним уже в 1901 г.⁶³

А. Н. Куломзин, считавший ядро «переселяющего ныне элемента» «прямыми потомками по духу тех русских людей, которые в XVI и XVII веках шли на окраины Московского государства», отмечал двойственный характер данного социального явления: «Это люди, с одной стороны, энергичные, предприимчивые, умеющие постоять за себя и бороться с разными невзгодами, а с другой — беспокойные, недовольные существующими порядками, не умеющие и не желающие примириться с известным правомерным строем и постепенно усиливающейся в Европейской России законностью, словом, такие же, как и те древние завоеватели, благодаря которым росла, расширялась Русская земля. Вместе с тем это — люди назойливые, нередко предъявляющие в Сибири требования, ввиду того, что, будто бы, идут они “по приглашению самого царя-батюшки, который повелел отводить им лучшую землю и наделять разным имуществом”»⁶⁴. Как следует из приведенных выше документов, переселенцы с западных окраин не слишком отличались в этом отношении от выходцев из центральных русских губерний.

9.2. Зарубежная трудовая миграция на западных окраинах Российской империи

Первая массовая волна эмиграции из Российской империи, возникшая в конце XIX в., имела преимущественно экономический характер. В поисках лучшей доли российские подданные отправлялись за границу, выбирая, как правило, страны Северной и Южной Америки (США, Канаду, Бразилию, Аргентину и др.), открывавшие, по сравнению с Россией и европейскими государствами, значительно большие возможности для трудоустройства и заработка. Лидирующие позиции в эмиграционном потоке занимали евреи, поляки, литовцы и немцы, но в начале XX в. их ряды все активнее стали пополнять белорусы и украинцы из Западного края (ранее переселявшиеся

⁶² Там же. Л. 25–25 об.

⁶³ См. подробнее: Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. С. 828–835.

⁶⁴ Куломзин А. Н. Всеподданнейший отчет... С. 7.

на юг и восток империи)⁶⁵. Исследователи указывают, что всего за период с 1861 по 1915 г. Россию покинуло 4 200 500 чел., из которых в страны Нового Света, в основном в США, эмигрировало 3 978 900 чел., что составляет 94 % от общей численности эмигрантов⁶⁶. По американским данным 1910 г., в США было зарегистрировано 2 781 200 лиц «русского происхождения», среди которых было 838 тыс. евреев, 418 тыс. поляков, 137 тыс. литовцев, 121 тыс. немцев и только 40,5 тыс. русских (включая великороссов, белорусов, русинов и малороссов)⁶⁷.

Изучению российской эмиграции на всех ее этапах посвящено немало работ. Не стала исключением и первая массовая волна эмиграции из Российской империи конца XIX — начала XX в., имевшая преимущественно экономический характер. Проблема выезда российских подданных в зарубежные страны как на постоянное место жительства, так и временно, на заработки, затрагивалась еще в дореволюционных работах⁶⁸. В дальнейшем этому явлению уделяли внимание такие советские историки, как Р.Ш.Ганелин⁶⁹, А.А.Стрелко⁷⁰, Н.Л.Тудоряну⁷¹ и др. С учетом того, что эмиграционное движение было наиболее развито на западных окраинах империи, историки особо выделяли эмиграцию из регионов, оказавшихся ныне территориями Литвы⁷², Белорус-

⁶⁵ Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1904. Т. 15. С. 748.

⁶⁶ Приводится по: *Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Окороков А. В.* Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 29–30.

⁶⁷ Там же. С. 30.

⁶⁸ См., напр.: *Тизенко П. Д.* Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910. Либава, 1909; *Офросимов Л. С.* Отхожий промысел за океан: обследование Виленской губернии. Вильна, 1912; *Курчевский Б.* О русской эмиграции в Америку. Либава, 1914.

⁶⁹ *Ганелин Р. Ш.* Попытки развития экономических связей между Россией и странами Латинской Америки в конце XIX — начале XX в. // *Монополии и иностранный капитал в России* / отв. ред. М. П. Вяткин. М.; Л., 1962. С. 315–358.

⁷⁰ *Стрелко А. А.* Славянское население в странах Латинской Америки (исторический очерк). Киев, 1980.

⁷¹ *Тудоряну Н. Л.* Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986.

⁷² См., напр.: *Улевичюс П. В.* Эмиграция трудящихся Литвы в Южную Америку, экономические условия их жизни, прогрессивная общественная и культурная деятельность (1909–1940): дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1962; *Эйдинтас А.* Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. Вильнюс, 1989.

сии⁷³ и Украины⁷⁴. Экономическую эмиграцию из Российской империи в зарубежные страны продолжают активно исследовать и современные российские ученые⁷⁵.

Причины, характер и особенности российской эмиграции в страны Северной и Южной Америки, а также ее законодательное обеспечение, обустройство и деятельность в зарубежье изучены достаточно подробно. Поэтому мы обратимся к другому аспекту — влиянию зарубежной трудовой миграции на экономическое положение Западного края, под которым традиционно принято понимать бывшие территории Речи Посполитой, вошедшие в Российскую империю в конце XVIII — начале XIX в. и составлявшие к началу XX в. девять губерний: шесть северо-западных (Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская) и три юго-западных (Волынская, Киевская и Подольская). Такой подход обусловливается, во-первых, тем, что именно Западный край занимал лидирующие позиции по количеству экономических эмигрантов, а во-вторых, влиянием временной трудовой миграции литовского, белорусского, украинского и великорусского населения западных губерний на сельское хозяйство, землеустройство и другие экономические отрасли региона. Последнему аспекту в историографии уделялось значительно меньшее внимание, чем эмиграционному законодательству, причинам и масштабам экономической эмиграции и жизни эмигрантов в заокеанских странах. Между тем, как показывают документы из фондов Российского государственного исторического архива, легшие в основу настоящего параграфа, российские власти, взявшись в конце XIX — начале XX в. за изучение проблемы трудовой эмиграции, пытались анализировать последствия, которые она оказывает на экономику региона и осуществление

⁷³ См., напр.: Тихомиров А. В. Белорусская эмиграция. 90-е гг. XIX в. — 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1994; Ціхаміраў А. В.: 1) Масавая эміграцыя і пачатак фарміравання беларускай дыяспары ў ЗША. 80-я гг. XIX ст. — 1914 г. // Весці АН Беларусі. Серыя грамадскіх навук. 1993. № 4. С. 46–52; 2) Масавая эміграцыя з Беларусі. Пачаток фарміравання беларускай дыяспары // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / гал. рэд. М. Касцюк. Мінск, 2005. С. 376–385.

⁷⁴ См., напр.: Стрелко А. А. Украинская трудовая эмиграция в странах Латинской Америки (конец XIX — начало XX ст.): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1978.

⁷⁵ См., напр.: Куприн Д. О. Эмиграция из России в конце XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; Путятова Э. Г. Российская трудовая эмиграция в Аргентину (конец XIX — начало XX вв.). СПб., 2011; и др.

правительственных мероприятий, направленных на реализацию аграрных преобразований. Другой аспект, который также невозможно игнорировать в рамках обращения к данной теме, — попытки властей выработать официальную позицию в отношении трудовой эмиграции с целью урегулировать ее.

Заметное усиление трудовой эмиграции населения из западных губерний имело как политические, так и экономические причины. По политическим причинам Россию обычно покидали евреи, поляки, литовцы, отчасти немецкие колонисты. Впрочем, для большинства перечисленных этнических групп политический фактор часто неразрывно связывался с экономическим — подавляющую часть эмигрантов «инородческого» происхождения не устраивали политические и экономические реалии Российской империи. Принципиально иным явлением была временная трудовая эмиграция населения западных окраин, представленная преимущественно крестьянами, ремесленниками и неквалифицированными рабочими литовского и русского (белорусского, украинского и великорусского) происхождения. В отличие от эмигрантов, стремившихся в поисках лучшей доли навсегда перебраться в зарубежные страны, трудовые эмигранты рассматривали своей отъезд как временный, предполагая возвращение на родину после того, как удастся заработать за границей достаточное количество денежных средств. Поэтому данный вид эмиграции с полным основанием можно считать одним из направлений трудовой миграции. Если ранее жители западных русских губерний в поисках заработка переселялись на юг и восток империи⁷⁶, искали заработков в соседних европейских державах, то по мере распространения информации о заокеанских странах, открывавших, по сравнению с Россией и европейскими государствами, большие возможности для трудоустройства и заработка, значительная часть трудовых эмигрантов стала перемещаться туда.

Превратившись к концу XIX — началу XX в. в массовое движение, экономическая трудовая эмиграция обратила на себя серьезное внимание российских властей, которые должны были выработать в отношении нее официальную позицию.

Отсчет истории переселенческого движения из Западного края за границу эксперты Переселенческого управления относили к на-

⁷⁶ Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1904. Т. 15. С. 748.

чалу 1880-х годов, не без оснований полагая, что толчок этому движению дало «массовое переселение в 1881–1883 гг. евреев, за которыми потянулось и крестьянское население»⁷⁷. Местные власти рассматривали тогда это явление как нежелательное и с начала 1890-х годов — когда движение приобрело статистически значимый масштаб — пытались противодействовать ему.

Одним из первых русских администраторов, приступивших к пересмотру прежнего подхода, стал виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор В. Н. Троцкий, занимавший эту должность с 1897 г. до своей смерти. Обращение руководителя Северо-Западного края к проблеме трудовой эмиграции было неслучайным: первыми «коренными русскими» (как тогда называли все православное население края), начавшими покидать родину в поисках заработка, оказались жители Виленской и Гродненской губерний, где капиталистические отношения развивались быстрее⁷⁸. В первой половине 1901 г. В. Н. Троцкий подготовил записку «Эмиграционное движение в пределах Северо-Западного края», в которой отнес эмиграцию крестьян к числу «наиболее крупных общественных и хозяйственных явлений» вверенного ему региона. Он указывал: «Несмотря на предпринимаемые меры борьбы с эмиграцией в течение десятилетия, все действия против эмиграции оказываются бессильными и бесплодными и вся борьба обыкновенно сводится к поимке, в большинстве случаев, пограничных крестьян, получающих за провод эмигрантов по рублю, а руководящие и заправляющие делом остаются безнаказанными. Отсюда само собою вытекает, что условия, вызывающие эмиграцию, слишком сильны и не дают возможности прекратить их действиями полицейских мер»⁷⁹.

По сведениям генерал-губернатора (собранным у мировых посредников, полиции и почтовых контор), организаторами эмиграции выступали «как отдельные лица, так и организованные конторы», зарабатывавшие на этом движении значительные средства. Эмиграционных агентов, по преимуществу еврейского происхождения, в случае их выявления высылали из пределов края (на основании ст. 32–34 Положения о государственной охране). В 1890–1896 гг. за незаконную агентскую деятельность наказанию подверглись

⁷⁷ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 12.

⁷⁸ См. об этом: *Тихомиров А. В.* Белорусская эмиграция. 90-е гг. XIX в. — 1917 г. С. 15.

⁷⁹ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 548. Л. 176–176 об.

67 чел. «Едва ли эта мера оказала какое-нибудь влияние на уменьшение эмиграционного движения и место высланных агентов и проводников заняли новые, продолжавшие вербовать эмигрантов и тайно переводить их через границу, — признавал В. Н. Троцкий. — Ловили же в большинстве случаев “работников”, получавших за труды эти от 1 руб. Сколько известно, главных воротил, за отсутствием улик, не трогали и потому борьба с такими агентами была нелегкою». За следующие четыре года были наказаны уже 93 чел., однако «высылка эта на прекращение эмиграционного движения крестьян не оказала влияния»⁸⁰. Говоря о сложившейся в Вильне своеобразной миграционной мафии, В. Н. Троцкий заключал: «Агенты эти хоть всем известны, но совершают свои операции весьма хитро и осторожно, действуя через других лиц — крестьян, которым выдают за каждого доставленного эмигранта небольшую плату». Финансовые же потоки, проходившие через руки посредников, генерал-губернатор оценивал с помощью сообщенных (и, вероятно, далеко не полных) виленским полицмейстером сведений: «Деятельность агентов, проживающих в Вильне, в особенности Лейзера и Леси Гершеновичей, Натансона и Кризовских, по вербовке эмигрантов настолько успешна, что по полученным от виленского отделения Государственного банка сведениям, за время от 1 января по 12 ноября 1900 г. ими переведено в Гельсингфорс на имя финского пароходного общества, откуда в последнее время отправлялись на вербованные ими эмигранты за границу: Лейзером Гершеновичем 3085 руб., Леею Кризовскою 13 135 руб., Лесею Гершеновичем 28 350 руб., Натансоном 525 руб. и Израилем Кризовским 32 250 руб., а всего 78 035 руб.»⁸¹ Впрочем, учтенное властями число эмигрантов из Виленской губернии было еще сравнительно невелико: за 1895–1900 гг. выехали 2411 чел., из которых возвратились 247, причем в это число входили как крестьяне, так и евреи, имевшие право на свободную эмиграцию⁸².

Всех эмигрантов генерал-губернатор делил на две категории. Первую составляли «переселяющиеся в другие государства и прекращающие всякие сношения с отечеством [с] целью уклонения от исполнения воинской повинности» или стремящиеся «избежать судебного преследования за какие-либо преступления и т.п.»; а вто-

⁸⁰ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 548. Л. 176 об.–177 об.

⁸¹ Там же. Л. 181–181 об.

⁸² Там же. Л. 178 об.

рую — «самовольно отлучающиеся в другие государства на многомесячные заработки, без установленных паспортов»⁸³. Наибольший интерес для власти представляла вторая группа — выезжавшие «с целью заработать несколько сотен рублей, для погашения долгов, накопившихся на земельных участках и поднять благосостояние хозяйства». В. Н. Троцкий указывал: «Экономическое положение таких лиц в большинстве случаев безусловно улучшается: возводятся новые и починяются старые постройки, увеличивается хозяйственный инвентарь, а что еще более важно — уплачиваются все долги, бывшие на участках, и, наконец, приобретаются земельные участки»⁸⁴. Анализируя причины, побуждавшие крестьян к отъезду за границу, генерал-губернатор в качестве главной выделял отсутствие «выгодных и постоянных местных заработков» и низкую заработную плату на родине. По его сведениям, средняя цена на поденную работу в летнее время колебалась по Северо-Западному краю в районе 60 коп., лишь в Ковенской губернии доходя в 1899–1900 гг. до 1 руб., «тогда как в Америке чернорабочий получает за поденную 10-часовую работу до 3 руб., а работающие в каменноугольных шахтах от 4 до 5 руб. в сутки»⁸⁵.

В. Н. Троцкий был, по-видимому, первым крупным администратором, положительно оценившим экономическое значение зарубежной трудовой миграции. Доказывая положительное влияние отхода крестьян на заработки за границу, генерал-губернатор приводил следующие факты: с получением средств от заграничных заработков сократились продажи крестьянских имуществ за долги, а также уменьшилась зависимость крестьян от евреев-ростовщиков, так как появилась возможность занимать под меньший процент (6–10 % против 20–30 %) у односельчан, имеющих средства с зарубежных заработков. «Отнести этот факт к влиянию каких-либо местных условий, способствовавших улучшению материального положения крестьян, не представляется никаких оснований, так как местные заработки, урожаи и цены на сельскохозяйственные продукты не обозначали заметного колебания за последние 10 лет», — писал В. Н. Троцкий. Он констатировал: «Эмигранты присылают своим родственникам довольно значительные суммы, нередко по

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. Л. 179.

⁸⁵ Там же. Л. 180 об.

200–300 руб. в год и больше <...> немало крестьян возвращающихся приносят сотни и тысячи рублей. <...> При тех выгодах, которые доставляет эмиграция, борьба с нею трудна и, что хуже всего, обыкновенно подвергаются наказанию проводники, получающие гроши, а воротилы почти никогда»⁸⁶.

После смерти В. Н. Троцкого в 1901 г. внимание властей к проблеме трудовой эмиграции из Западного края, ее недостаткам и выгодам на некоторое время ослабло. Проблема — на новом, уже правительственном, уровне — привлекла к себе внимание только в 1909 г. «Признавая совершенно неотложным упорядочение отечественного отходного на заграничные заработки движения», центральные власти сделали первые шаги на пути регулирования трудовой эмиграции⁸⁷. Однако к ознакомлению с эмиграционным делом «приступило совершенно постороннее крестьянскому населению ведомство» — Отдел торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности (далее — МТиП) — и, как писал чуть позднее эксперт другого ведомства, «по-видимому, на основаниях, мало имеющих отношение к интересам крестьянства»⁸⁸.

Последнее замечание было справедливо и вскоре подтвердилось. В силу ведомственных приоритетов Отдел торгового мореплавания, равно как МТиП, интересовался эмиграционным движением за океан исключительно с точки зрения прибыли, которую можно было извлечь за счет перевозки эмигрантов, а отнюдь не роста материального благосостояния крестьянства и решения вопросов землепользования. «Все дело было в том, чтобы использовать возможности правительственного регулирования эмиграции в интересах скрытого субсидирования русских пароходств»⁸⁹. В 1910 г. ведомство решило освободить заокеанских трудовых эмигрантов от паспортного сбора (15 руб. за паспортную книжку и по 15 руб. за каждые шесть месяцев пребывания за границей, что было очень ощутимо для ищущих заработка крестьян), заменив паспорта особыми разрешительными свидетельствами с единовременной уплатой по 20 коп. Но чтобы воспользоваться этой льготой, эмигранты должны были отправляться в неевропейские порты исключительно

⁸⁶ РГИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 548. Л. 182 об.

⁸⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917. 1914 год. М., 2006. С. 95.

⁸⁸ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 17.

⁸⁹ Ганелин Р. Ш. Попытки развития экономических связей... С. 337.

на российских пароходах, принадлежащих одному обществу, которое получит концессию на перевозку эмигрантов⁹⁰. Однако мера эта вызвала критику со стороны прессы, подметившей, что поскольку Русское Восточно-Азиатское пароходное общество, имеющее главную контору в Либаве, фактически представляет собой монополиста по осуществлению заокеанских рейсов, то все выгоды от подобной меры достанутся ему, а между тем общество это является «русским» весьма условно, так как его акционерами выступают датчане⁹¹ (высказывалось мнение, что датскому капиталу покровительствовала вдовствующая императрица Мария Федоровна — дочь датского короля⁹²). Возмущение прессы вызывало и то, что МТиП своим подходом «приравнивает русских людей к товару, на котором можно заработать». «Русское знамя» недоумевало, почему, когда правительство не жалеет затрат, чтобы заселить пустующие азиатские земли, Министерство торговли намерено в интересах пароходной компании поощрять отток рабочей силы за океан, как будто бы русский народ является «в своем роде рабочим скотом, на котором можно крупно заработать»⁹³. Критика отчасти возымела действие, и Министерство решило было предоставлять льготы лишь пароходствам, работающим на русские капиталы, а не просто под русским флагом, но в результате протестов со стороны Восточно-Азиатского пароходства, ссылавшегося на «трудность определения национальной принадлежности капитала» и недостаток русских капиталов, в итоге было решено не оговаривать этого вопроса в законе, предоставив его решение в каждом отдельном случае соответствующим ведомствам⁹⁴.

Вместе с тем имелись и положительные последствия критики с мест и газетных публикаций. Ведомство, заинтересованное в «привлечении пассажиров и грузов на русские пароходы», обратилось за сведениями к местным властям. В 1910 г. при МТиП было создано межведомственное совещание, целью которого стала выработка «схемы правительственного заведывания эмиграцией». Ведомственная комиссия, разработавшая на основании этой схемы Положение

⁹⁰ В. Г. Льготы эмигрантам // Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1910. 22 окт.

⁹¹ Осведомленный. О министерских «льготах» эмигрантам (Письмо в редакцию) // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1910. 12 нояб.

⁹² Ганелин Р. Ш. Попытки развития экономических связей... С. 339.

⁹³ РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1243. Л. 81.

⁹⁴ Ганелин Р. Ш. Попытки развития экономических связей... С. 338.

об отходе на заработки за границу, естественно, возложила «высшее заведывание» процессом на свое министерство⁹⁵.

В феврале 1910 г., в связи с подготовкой законопроекта об эмиграции, губернаторам, начальникам областей и градоначальникам МТиП разослали анкеты, ответы на которые должны были дать информацию: о развитии движения за последние десять лет, его направлении, национальном, социальном и профессиональном характере; причинах, побуждающих российских подданных перебираться в другие страны и количестве возвращенцев; о роли в движении эмиграционных агентов, влиянии эмиграции на интересы местного населения и о дальнейших перспективах движения⁹⁶. Ответы на эти вопросы, полученные от губернаторов Западного края, позволяют представить общую картину эмиграции с западных окраин в начале XX в. и установить экономическое влияние заграничной трудовой миграции на этот регион империи.

Практически все руководители западных губерний признавали значительный рост эмиграции с начала XX в., охватывающей в первую очередь работоспособное мужское население преимущественно в возрасте от 18 до 40 лет (число женщин среди трудовых эмигрантов колебалось от 10 до 25 %, а их возраст от 18 до 25 лет). По оценке гродненского губернатора, контингент трудовых эмигрантов в большинстве случаев состоял из «младших членов больших мало-земельных или безземельных крестьянских семей, не находящих приложения своему труду на родине»⁹⁷. Абсолютно во всех отчетах указывалось, что, в отличие от эмигрантов, покидавших Россию навсегда, трудовые эмигранты имущество свое на родине практически никогда не ликвидировали, передавая его оставшимся членам семьи или сдавая в аренду.

Основными причинами трудовой эмиграции назывались малоземелье, отсутствие работы и стремление крестьян найти более высокий заработок (волинский губернатор также указывал на «наступивший после Русско-японской войны и внутренних смут 1905 и 1906 гг. небывалый застой в экономической жизни страны»⁹⁸), а потому предполагалось, что эмиграционное движение за океан может ослабнуть только «с наступлением времени

⁹⁵ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 17.

⁹⁶ Там же. Оп. 6. Д. 1241. Л. 3–3 об.

⁹⁷ Там же. Л. 125.

⁹⁸ Там же. Л. 150 об.

уменьшения заработной платы за границей до размеров таковой в России»⁹⁹. (Показательно, что вероятность повышения заработной платы в России до размеров заграничной губернаторами не рассматривалась.) Сроки пребывания трудовых мигрантов за рубежом, где они, за исключением ремесленников, находивших наиболее хорошо оплачиваемую работу, обычно трудились на рудниках, шахтах и реже — в сельском хозяйстве, по губернаторским данным, варьировались в среднем от 2 до 5 лет. Доля возвратившихся с заработков в разных регионах оценивалась по-разному: 45, 75 и 90 %. Однако в подавляющем большинстве случаев указывалось: «[Стремления] к безвозвратному выселению за границу со стороны коренного русского населения не замечается, а отъезжающие из этой среды за границу рабочие для заработков по истечении некоторого времени почти все возвращаются на родину»¹⁰⁰.

Большинство губернаторов вынуждены были признать, что местное население относится к трудовой эмиграции за океан сочувственно (лишь минский и киевский губернаторы докладывали о «равнодушном» отношении христианского населения к этому движению¹⁰¹), поскольку влияние эмиграции на крестьянское хозяйство оказывалось благотворным: она позволяла сократить конкуренцию за рабочие места; на полученные от уехавших на заработки средства улучшались крестьянские хозяйства, покупались скот, инвентарь и земельные наделы, что, в свою очередь, способствовало росту крестьянского благосостояния и сокращению малоземелья¹⁰².

Любопытно, что, оценивая влияние заграничной жизни на эмигрантов, губернаторы расходились во мнении. Если Ковенский губернатор утверждал: «Пребывание рабочих за границей не оказывает на них особого культурного влияния; возвратившиеся эмигранты ничем не отличаются от тех, кои оставались на родине, как по образу жизни, так и по своим религиозным и политическим взглядам»¹⁰³, то руководитель Виленской губернии заверял: «Эмигрировавшие за границу крестьяне приучаются там к труду и способам рационального ведения хозяйства, которые по возвращении стараются применить на родине, что также должно считаться большим

⁹⁹ Там же. Л. 120 об.

¹⁰⁰ Там же. Л. 149 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 144.

¹⁰² Там же. Л. 120 об.–122 об, 126 об.–127.

¹⁰³ Там же. Л. 121.

плюсом для крестьянского хозяйства, которое обыкновенно ведется самым первобытным способом. <...> Возвращаются назад более развитыми, дисциплинированными, волне сознательно относящимся не только к своим правам, но и обязанностям»¹⁰⁴. Последнюю точку зрения поддерживал и гродненский губернатор: «При тех трудностях, с которыми сопряжено путешествие в Америку <...> при тех высоких требованиях, которые предъявляются к труду за границей вообще и в Америке особенно, — у возвращающихся вырабатывается особая настойчивость, терпеливость и практичность в работе, энергия и инициатива, которые большинство прилагает, по возвращении, к своему хозяйству на родине»¹⁰⁵. Однако заметного влияния заграницы на умственное и культурное развитие трудовых эмигрантов губернатор также не замечал. Вместе с тем он обращал внимание на «дух свободомыслия», которым заражались эмигранты в США, заставлявший их «с большим вождением стремиться к равноправию и всякого рода свободам»¹⁰⁶. Последнее наблюдение делали и представители революционного лагеря. Так, один из лидеров меньшевизма Л. Г. Дейч, живший в это время в США, писал: «Многие труженики, которых тяжелая доля погнала за “море-океан” в поисках за заработком и котор[ые] на своей несчастной родине не слышали, быть может, ни единого правдивого, свободного слова, возвращаются домой с более открытыми глазами, а следовательно, увеличивают число борцов за лучшую будущность России»¹⁰⁷.

Наиболее основательно к миграционному вопросу подошел виленский губернатор Д. Н. Любимов¹⁰⁸, вслед за В. Н. Троцким увидевший в трудовой эмиграции способ значительно повысить благосостояние своей губернии. Особенно полно и системно Д. Н. Любимов изложил соображения по этому вопросу в губернаторском отчете за 1910 г.

Кратко осветив историю трудовой эмиграции из Западного края, Д. Н. Любимов сетовал, что процесс этот, играющий с каждым

¹⁰⁴ РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1241. Л. 122 об. — 123.

¹⁰⁵ Там же. Л. 127 об.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Дейч Л. Нью-Йорк: Русские в Соед. Штатах Сев. Америки // Живая жизнь. 1913. 17 (30) июня.

¹⁰⁸ Подробнее о нем см.: Соловьев К. А. В тени больших событий. Дмитрий Николаевич Любимов и его воспоминания // Любимов Д. Н. Русское смутное время. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М., 2018. С. 5–34.

годом все большую роль в жизни региона, долгое время не становился предметом специального исследования властями. Между тем он отмечал: «Движение сельского населения губернии временно на заработки за границу, движение, которое часто смешивается с эмиграцией и обыкновенно считают явлением вредным, является одной из важных экономических основ краевой жизни и, по мнению моему, вполне заслуживает не только полного к нему внимания, но и возможно широкой правительственной поддержки»¹⁰⁹. Понимая, что заокеанские страны (в первую очередь США) дают крестьянам, вынужденным искать дополнительный заработок, возможность заработать гораздо больше, чем в России, Д. Н. Любимов взял на себя труд собрать подробные сведения о движении при помощи полиции, земских начальников и специально назначенного чиновника, «объехавшего все местечки губернии, из коих замечается отлив в Америку на заработки». Полученные данные позволили губернатору прийти к выводу, что трудовая миграция за океан — «явление для благосостояния губернии отнюдь не вредное, а напротив — полезное», так как «из отъезжающих свыше 70 % возвращается домой с деньгами», причем вернувшиеся из Америки отличаются от своих односельчан «опытом, умением работать, почти всегда трезвостью», поскольку «возвращаются лучшие», а «пьяницы и бездельники погибают в борьбе за существование»¹¹⁰.

Чиновником, о котором упоминал виленский губернатор, видимо, был служащий Переселенческого управления Л. С. Офросимов. 27 мая 1911 г. ему было поручено обработать собранные по указанию губернатора данные по эмиграционному вопросу¹¹¹. Л. С. Офросимов отнесся к поручению добросовестно. Сознывая, что сведения волостных правлений и земских начальников неточны по причине нелегального характера эмиграционного движения, чиновник, помимо данных от полицейских и почтовых отделений, стал собирать информацию из конторы Русского Восточно-Азиатского пароходного общества и непосредственно от крестьян (для чего пришлось объехать все населенные пункты губернии), т.е. следовал методу В. Н. Троцкого и его сотрудников, о чьих усилиях, судя по всему, не знал¹¹².

¹⁰⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. Л. 9–9 об.

¹¹⁰ Там же. Л. 9 об.

¹¹¹ Там же. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 48.

¹¹² Там же. Л. 12.

Л. С. Офросимов также пришел к выводу о положительном значении трудовой эмиграции для экономики региона: «При не везде удобной для обработки и мало плодородной почве, при отсутствии на месте кустарного промысла, фабрик, заводов, хороших и широко поставленных сельскохозяйственных предприятий, дающих землевладельцам других губерний побочный заработок, население Виленской губернии принуждено было искать таковой на стороне и нашло его в Соединенных Штатах, где его труд оплачивается, как нигде. Я считаю, что этим только и можно объяснить сравнительно высокий уровень благосостояния местного населения. <...> Наиболее сильное движение крестьян на заработки, как и надо было ожидать, наблюдается из волостей с наименее плодородной почвой. В то же время малоземелье, по-видимому, на этом движении сказывается в самом незначительном размере»¹¹³.

Чиновник отмечал, что редко кто из эмигрантов не высылает деньги на родину семье, а большинство вернувшихся немедленно принимаются за улучшение хозяйства, обстройку, покупку земли и живого инвентаря. «Зачастую во время объездов в деревнях мне приходилось слышать, — писал Л. С. Офросимов, — что такой-то снарядил сына в Америку заработать денег на постройку новой хаты, или на уплату долга, т. е. на заранее определенный домашний расход. [Необходимо признать] движение это, дающее населению огромное подспорье, весьма желательным. <...> Переселение на хутора <...> усиленно развивающееся за последние годы — в значительной доле обязано “американцам”; так как <...> без наличного капитала никакие усилия правительства не побудят бедного и неразвитого крестьянина, владельца малоплодородной земли, ломать хозяйство и быт, затрачивать значительный труд и капитал на перенесение всей усадьбы на другое место»¹¹⁴. При этом, отмечал чиновник, «не замечается особого влияния эмиграции на ослабление в губернии рабочей силы земледельческого класса и вздорожания рабочих рук»¹¹⁵. На значение средств, которые приносят заокеанские трудовые эмигранты, для реализации столыпинской аграрной реформы указывал и губернатор Д. Н. Любимов: «Можно сказать, не рискуя впасть в преувеличение, что успех землеустроительного дела

¹¹³ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 12 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 13 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 15.

в Виленской губернии до известной степени обязан американским деньгам, так как без запасного капитала крестьяне были бы лишены возможности переносить свои усадебные постройки на другие места и резко менять хозяйственный обиход»¹¹⁶.

Интерес представляет также проведенный Л. С. Офросимовым анализ национального характера трудовых эмигрантов: «Чисто русское православное население за границу идет неохотно. <...> Белорусы предпочитают либо сидеть по домам и сплавлять лес, либо ехать на заработки в Ригу и Петербург, либо, наконец, переселяться в Сибирь. Ополяченные же и обруселые литовцы прочих уездов <...> Сибирью совсем не интересуются и уходят на заработки за границу. <...> Белорусы менее охотно мирятся с заграничными порядками»¹¹⁷. В целом же чиновник признавался: «Группировки эмигрантов по национальности мне не удалось произвести по той причине, что большая часть уехавших и возвратившихся и сама затрудняется, к какой национальности себя причислить. Называют себя литовцами лишь те, что плохо говорят по-русски. Посредственно владеющие либо польским, либо русским языком уже называют себя просто католиками; а на вопрос, не поляк ли он, обыкновенно отвечает, что должно быть католик и поляк одно и то же, и что если католик, то должно быть и поляк. <...> Православное население считает себя русским по тем же основаниям, предполагая, что православный и русский — это синоним»¹¹⁸. Таким образом, в национально-конфессиональном плане самыми мобильными оказывались жители края католического вероисповедания, что подтверждается и цифрами, приведенными в отчете виленского губернатора: из 17 680 лиц, уехавших из губернии за границу в 1908–1910 гг., насчитывалось 14 960 католиков, 2690 православных и 30 старообрядцев¹¹⁹.

Характер трудовой деятельности эмигрантов Л. С. Офросимов описывал со слов побывавших в Америке крестьян: «Главный контингент отъезжающих попадает на работы в рудники, либо на фабрики; остальные на сельскохозяйственные работы. Некоторые эмигранты, по болезненному состоянию неспособные к физическому труду и скопившие уже небольшой капитал, снимают квартиры, сдают углы землякам и сородичам и держат нахлебников, выручая

¹¹⁶ Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. Л. 11.

¹¹⁷ Там же. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 13.

¹¹⁸ Там же. Л. 14.

¹¹⁹ Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. Л. 10.

таким образом до 100–120 руб. в месяц»¹²⁰. В результате «меньше чем с 1000 руб. редко кто возвращается»¹²¹. По подсчетам Л. С. Офросимова, в 1910 г. общая сумма денежных переводов только в Виленскую губернию составила более 5 млн руб.¹²² (по оценке виленского губернатора — 4 млн руб.¹²³). О том же говорилось и в отчете губернатора, отмечавшего, что высокий уровень заработной платы в США, колеблющейся между 2 и 10 руб. за сутки, позволяет трудовым эмигрантам помимо периодических денежных отправок домой, делать сбережения: «В этом отношении крайне характерным является то, что каждый отправляющийся на заграничные заработки ставит себе целью привезти из Америки тысячу рублей, как сумму, определяющую по понятиям крестьян, известную степень обеспеченности и, действительно, без этой суммы возвращаются лишь немногие. Большинство скапливают суммы еще большие, а те, которые остаются в Америке до 10 и даже 20 лет, нередко привозят с собою, в конце концов, от 10 до 15 тыс. руб.»¹²⁴

В связи с большими экономическими перспективами трудовой эмиграции особенно актуальным вновь оказывался вопрос о контроле над миграционным процессом, находившимся в руках «тайных агентов», набивавших свои карманы значительными средствами, которые при правильной постановке дела могли пойти на рост благосостояния трудовых эмигрантов и их хозяйств на родине. «Вся поездка от Вильны до Нью-Йорка через Либаву обходится около 105 руб. Между тем цена проезда через тайных агентов в Америку колеблется от 150 до 250 руб.», — указывал Л. С. Офросимов. Другим посредником был виленский филиал Восточно-Азиатского пароходства, однако Л. С. Офросимов отмечал: «Если судить по официальным отчетам этого агентства, то надо признать деятельность его столь плачевной, что приходится лишь удивляться, отчего Восточно-Азиатское общество не упраздняет Виленскую контору»¹²⁵. Последняя, по предположению Л. С. Офросимова, являлась ширмой для деятельности неофициальных агентов. Агенты же, как следовало из отчета виленского губернатора, наносили материальный ущерб

¹²⁰ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 13.

¹²¹ Там же. Л. 15.

¹²² Там же. Л. 15–15 об.

¹²³ Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. Л. 11.

¹²⁴ Там же. Л. 10 об.—11.

¹²⁵ Там же. Л. 12 об.

не только трудовым эмигрантам, но и российскому торговому мореплаванию, так как эмиграционное движение направлялось агентами не в российские, а в германские порты¹²⁶. В числе причин, по которым крестьяне обращались к агентуре, Л. С. Офросимов выделял следующие: неосведомленность, нежелание тратить время, «медленность выдачи удостоверений на право выезда», «боязнь оказаться одиноким, без знания языка, за границей», «обилие на местах бывалых и ловких агентов», «отсутствие правительственных органов», «боязнь правительственных репрессий за случайное несоблюдение формальностей»¹²⁷.

Поручать контроль над трудовой эмиграцией МТиП Л. С. Офросимов считал нецелесообразным, так как данное ведомство также отражало интересы не «трудящихся масс», но посредников, т. е. все того же Отдела торгового мореплавания, главной задачей которого являлась «поддержка российского флота»¹²⁸. Эксперт рассуждал: «Раз дело переселения признано было более целесообразным приурочить к Министерству земледелия, то не менее оснований передать этому ведомству и заведывание и наблюдение за движением населения на отхожие промыслы. [Такой подход] несомненно совпадает с точкой зрения правительства, за последнее время поставившего одной из главных своих задач поддержание интересов земледельческого класса»¹²⁹.

В противовес законопроекту МТиП Л. С. Офросимов предлагал следующую программу:

- упростить систему выдачи удостоверений и паспортов;
- поручить эту деятельность чиновникам особых поручений Переселенческого управления с организацией специальной конторы;
- агентуру на местах поручить земским начальникам и волостным писарям;
- поручить русским консулам и торговым агентам содействовать эмигрантам и сообщать в Россию о ценах и потребности в рабочих руках¹³⁰.

¹²⁶ Там же. Л. 12 об.

¹²⁷ Там же. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 16–16 об.

¹²⁸ Там же. Л. 17 об.

¹²⁹ Там же. Л. 18.

¹³⁰ Там же.

Оттенок утопичности проекту чиновника-энтузиаста придавало заключение его доклада: «Позволю себе добавить, что при создании той или иной организации главное, чего бы следовало избегать, это мертвого канцеляризма, переобременения новым делом учреждений, имеющих уже свои специальные задачи, а также излишних централизации и соподчинения, стесняющих инициативу руководителей дела на местах и в губернии (носящего полукоммерческий характер) — памятуя, что дело делается людьми, а не учреждениями и, по старой поговорке, у семи нянек дитя без глаза»¹³¹.

Позже Л. С. Офросимов опубликовал результаты исследования в виде брошюры¹³². Докладную же записку Л. С. Офросимова Д. Н. Любимов представил в Главное управление землеустройства и земледелия (далее — ГУЗиЗ), приложив к ней и собственные соображения. Соглашаясь в целом с основной мыслью своего порученца, губернатор писал: «Дело отправки крестьян на заработки лучше всего связать в Виленской губернии с делом, наиболее охватывающим все стороны крестьянской экономической жизни, т. е. с делом землеустройства, которое силою вещей уже выходит за пределы межевых работ и экономической помощи. На урегулирование отправки крестьян за границу на заработки, что рано или поздно должно стать предметом правительственного попечения <...> мне кажется, следует смотреть как на одну из сторон дела землеустройства, как на источник той степени крестьянского благосостояния, которая позволяет расширять и улучшать площадь его земельного владения»¹³³.

Однако губернатор не поддержал мысль Л. С. Офросимова о необходимости создания специального регулирующего эмиграцию органа. Вместо него Д. Н. Любимов предложил учредить миграционные бюро при уездных землеустроительных комиссиях, так как «учреждения эти имеют ближайшею целью поднятие крестьянского благосостояния, чему служит также и рабочая эмиграция»¹³⁴. Для обеспечения же материальных затрат администратор считал целесообразным установление особого сбора с отъезжающих крестьян, назначением которого было бы содержание эмиграционных бюро

¹³¹ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 24.

¹³² Офросимов Л. С. Отхожий промысел за океан: обследование Виленской губернии. Вильна, 1912.

¹³³ РГИА. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 49.

¹³⁴ Там же.

и развитие их деятельности. Эмиграционное движение, вливающее в одну только губернию не менее 4 млн руб. в год, заключал губернатор, «может и должно окупать расход на его урегулирование»¹³⁵. О том же Д. Н. Любимов писал и в своем всеподданнейшем отчете за 1910 г.¹³⁶

Со своей стороны Отдел торгового мореплавания МТиП 30 ноября 1911 г. обратился к заведующему находившимся в Вильне Справочным рабочим бюро Северо-Западного края с предложением заняться работой по учету трудовой эмиграции¹³⁷. Оттуда 14 января 1912 г. поступил ответ, из которого следовало, что из-за нехватки кадров осуществить данную работу не представляется возможным, а «если бы такая возможность и представилась, то и тогда, по неразвитости, отсутствию любознательности и запаматованию иностранных названий, не только сельские старосты, но и родные ушедшего, едва ли могли бы показать, каким путем ушел рабочий»¹³⁸. Учрежденное в 1909 г. ГУЗиЗ Справочное бюро занималось отправкой крестьян на Дальний Восток, но брать на себя регулирование трудовой миграцией за границу не спешило. К тому же в ГУЗиЗ были убеждены в том, что заграничная трудовая эмиграция наносит вред колонизации собственной азиатской территории и что необходимо использовать «хотя бы часть этого эмиграционного потока для нужд Дальнего Востока»¹³⁹.

Летом 1912 г. управляющий ГУЗиЗ А. В. Кривошеин предложил сделать Виленское рабочее бюро главной контролирующей инстанцией. В обращении к министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву он отмечал, что возложение обязанностей на землеустроительные комиссии «не представляется возможным, так как комиссии эти ни по своему коллегиальному устройству, ни по характеру своей деятельности совершенно не приспособлены к такого рода посредничеству»¹⁴⁰. Однако поскольку необходимо было тотчас же «прийти на помощь населению Северо-Западного края, поставленному в необходимость искать заработки за границей», ГУЗиЗ предлагало расширить полномочия Виленского справочного

¹³⁵ Там же. Л. 50.

¹³⁶ Там же. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. Л. 11–14.

¹³⁷ Там же. Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 9.

¹³⁸ Там же. Л. 7.

¹³⁹ Там же. Л. 5 об.

¹⁴⁰ Там же. Л. 3 об.

бюро и на эту сферу. Таким образом, задачи бюро в этом отношении сводились бы: к собиранию сведений о состоянии рабочего рынка за границей через российских консулов и торговых агентов; оглашению этих сведений в печати; собиранию и публикации тем же путем сведений об условиях найма и производства работ за границей; возможному посредничеству между заграничными предпринимателями и русскими рабочими при заключении условий найма; выяснению условий и стоимости переезда рабочих в конкретные страны и широкому оповещению местного населения об этом; оказанию содействия в получении заграничных паспортов и устранению в этом отношении посредничества частных агентов; общему учету заграничной эмиграции¹⁴¹.

Мысль А. В. Кривошеина в итоге поддержал и Д. Н. Любимов. В своей записке от 12 января 1912 г., адресованной начальнику Отдела торгового мореплавания С. Веселаго, он характеризовал «отхожий промысел в заокеанские страны» как важную «отрасль народного труда» и настаивал на необходимости ускорить процесс установления государственного над ним контроля. Полагая, что создание законодательным путем особой организации последует не ранее, чем через два-три года, виленский губернатор предлагал воспользоваться уже имеющимся в Вильне бюро, расширив его компетенцию за счет передачи ему функций заведования отхожим промыслом за границу, наблюдения за деятельностью частных контор пароходных компаний (если таковые не будут упразднены) и продажи проездных документов¹⁴². Д. Н. Любимов считал целесообразным распространить на отъезжающих в страны Нового Света те же льготы, что установлены по конвенции для рабочих, отправляющихся на временные заработки в Германию, так как в противном случае трудовые эмигранты могли бы предпочесть отправку за океан не через российские, а через германские порты. Последняя мера свидетельствовала о стремлении губернатора учитывать интересы МТиП, так как должна была удовлетворить главную потребность Отдела торгового мореплавания — «усилить прилив пассажиров к русским портам». В заключение губернатор выражал надежду, что «предполагаемые меры, не исчерпывая вопроса во всей его полноте, все же до некоторой степени введут стихийное движение в русло законности», и ос-

¹⁴¹ Ф. 95. Оп. 18. Д. 616. Л. 6–6 об.

¹⁴² Там же. Л. 8.

ведомлялся «о желании Отдела торгового мореплавания прийти на помощь рабочим, уходящим на заокеанские заработки»¹⁴³.

Не осталась в стороне от обсуждения проблемы трудовой эмиграции и Государственная дума.

Среди депутатов III Государственной думы, наиболее часто поднимавших этот вопрос, был трудовик литовец А. А. Булат (Булота), представлявший Сувальскую губернию, тогда относившуюся к Царству Польскому (ныне в значительной части — территория Литвы). Выступая 13 ноября 1907 г., А. А. Булат обратил внимание Думы на следующее: «Многие тысячи литовцев ежегодно эмигрируют в Америку, лишая как все государство, так и нашу небольшую родину лучших рабочих сил»¹⁴⁴. По оценкам депутата из Литвы, имевшей на тот момент население 2,5 млн чел., ежегодно эмигрировало в Америку до 30 тыс. чел., преимущественно безземельных крестьян¹⁴⁵. Причины такого исхода литовцев депутат видел в политико-экономической сфере: литовцы были раздражены русификаторской политикой и преференциями в экономической сфере, которыми русские наделялись чаще, чем литовцы; кроме того, эмигрировать за океан в поисках лучшей доли их заставляли бедность и малоземелье. (По оценкам советских литовских историков П. В. Улевичюса и А. Эйдинтаса, главной причиной эмиграции литовского населения все же была экономическая — слабо развитая промышленность, неспособная обеспечить работой значительный натуральный прирост населения, и «объективные условия капиталистического развития»¹⁴⁶). Выступая с думской кафедры в 1910 г., А. А. Булат утверждал: «Наделение земель происходит у нас, вопреки заявлению министра финансов, не на общих основаниях, как и во всем государстве, а что особое предпочтение отдается меньшинству населения, именно старообрядцам и поселенцам, в ущерб интересам большинства, интересам местного крестьянского литовского населения. Я приводил и цифры и указывал, что, несмотря на то, что нас, литовцев,

¹⁴³ Там же. Л. 8 об.

¹⁴⁴ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1907. Стб. 167.

¹⁴⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. Ч. 2. СПб., 1909. Стб. 215.

¹⁴⁶ Улевичюс П. В. Эмиграция трудящихся Литвы в Южную Америку... С. 7; Эйдинтас А. Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки. С. 29–31.

в несколько десятков раз больше, чем русских крестьян, — за последнее время русских крестьян, согласно официальным данным, устроено 479 домохозяев, а литовцев всего 97, и что <...> для русских крестьян куплено в настоящее время 22 имения с количеством земли в 21 000 дес., а для литовцев всего четыре имения с количеством земли 4800 дес. с небольшим. Ясное дело, что такие отношения нельзя назвать равными для всех»¹⁴⁷. В дальнейшем депутат-трудовик неоднократно возвращался к этой теме, делая особый упор на том, что, пока литовские крестьяне не будут получать поддержки от российского правительства в приобретении земли и получении возможностей дополнительного заработка, «громадная эмиграция в Америку» будет продолжаться¹⁴⁸. «У нас заработков, кроме земледелия, очень и очень мало, — сетовал депутат в феврале 1912 г., приводя в качестве примера строительство стратегических дорог в Сувалкской губернии, на которые были привлечены рабочие из великорусских губерний, — а наши либо могли глядеть, как те работают, либо уходить за границу и искать там заработка»¹⁴⁹. «Не знаю, г[оспода], хорошо ли с точки зрения финансовой политики, когда население земледельческое, рабочее, трудолюбивое покидает свою страну и эмигрирует в Америку? Америке может быть хорошо, но русскому государству, когда люди, способные платить подати, люди сильные, имеющие рабочие руки, уходят, — едва ли это хорошо», — резюмировал политик в одной из своих речей¹⁵⁰.

В IV Государственной думе тему литовской эмиграции продолжил представитель Ковенской губернии депутат-литовец М. М. Ичас (кадет). Суть его речей, касавшихся данной проблемы, также сводилась к тому, что без устранения в литовских землях малоземелья и безземелья остановить увеличивавшуюся с каждым годом эмиграцию из Российской империи невозможно. Выступая в мае 1913 г., М. М. Ичас охарактеризовал эмиграцию литовцев как «повальное бегство», в результате которого «уходит все здоровое, уходит все трудоспособное и работоспособное население»¹⁵¹. Согласно озву-

¹⁴⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 2. СПб., 1910. Стб. 2495.

¹⁴⁸ Там же. Стб. 2496. — См. также: Созыв III. Сессия V. Ч. 1. СПб., 1911. Стб. 2486.

¹⁴⁹ Там же. Созыв III. Сессия V. Ч. 2. СПб., 1912. Стб. 1311–1313.

¹⁵⁰ Там же. Созыв III. Сессия III. Ч. 2. СПб., 1910. Стб. 2496.

¹⁵¹ Там же. Созыв IV. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1913. Стб. 2244–2245.

ченным депутатом данным, с 1900 по 1913 г. из Российской империи в Америку перебралось около 200 тыс. литовцев. «Если считаться с тем фактом, что литовцы, приходящие в Америку, часто записываются либо поляками, либо не указывают своей национальности, то мы будем весьма недалеки от истины, если предположим, что всех литовцев в Америке около 250 000 чел. <...> Обратный приток литовцев совершенно незначителен, [поэтому] очень часто теперь в Литве вы встретите деревни, которые стонут прямо от того, что нет рабочих рук»¹⁵². Перечислив среди причин эмиграции общее экономическое состояние края и «отвратительные политические условия», стесняющие литовцев «при проявлении самых элементарных прав», главную причину М. М. Ичас видел в политике, проводившейся Крестьянским поземельным банком, который не оказывал литовскому населению достаточного содействия в расширении землевладения¹⁵³.

Представитель Риги князь С. П. Мансырев (кадет, позже прогрессист) рисовал схожую картину в отношении латышей и эстонцев: «В Лифляндии и Курляндии деревня почти обезлюдилась, население ее страшно убавилось, деревенская эмиграция из деревни развилась; бегут в Америку, бегут во внутренние губернии России, бегут главным образом из деревень в города. Вот последствия настоящего аграрного строя в настоящее время в Прибалтийском крае»¹⁵⁴.

О проблеме эмиграции говорил и депутат от Варшавской губернии В. Грабский (будущий премьер-министр Польши в 1920 и 1923–1925 гг.). В отличие от депутатов-литовцев, польский политик затронул несколько иной аспект проблемы. В речи, произнесенной в Думе 27 марта 1908 г., В. Грабский коснулся временной трудовой миграции из страны и правовой незащищенности польских крестьян, вынужденно отправлявшихся на сезонные заработки в Европу. Оценивая этот поток в 200 тыс. крестьян ежегодно, депутат заявлял: «Такая эмиграция — это вовсе не то, что отхожие промыслы, существующие в России. Нашего польского крестьянина гонит нужда из страны... (*голос: а нашего?*)... в страны, где никто его родного языка не знает. Наши рабочие лишены там всяких духовных треб, лишены опеки суда и возможности защищать пред ним свои права,

¹⁵² Там же. Стб. 2245.

¹⁵³ Там же. Стб. 2245—2246.

¹⁵⁴ Там же. Сессия I. Ч. I. СПб., 1912. Стб. 803.

лишены возможности всякого разумного общения с окружающей их средой. И на такую судьбу они решаются массовым движением ради куска хлеба, которого им на родине недостает»¹⁵⁵. Варшавский депутат Е. Ю. Ягелло (социал-демократ) в 1913 г. обращал внимание на то, что российские власти никак не борются с эмиграцией поляков и даже обсуждают проекты облегчения этой эмиграции¹⁵⁶.

Неоднократно в Думе поднимался вопрос и о еврейской эмиграции из России, имевшей свои особенности. В данном случае вместе с экономическими явственно прослеживались и политические причины, заставлявшие российских иудеев менять место жительства. Социал-демократ И. И. Гайдаров (Дагестанская область) 11 декабря 1907 г. обращал внимание депутатов, что еврейская эмиграция из России превышает естественный прирост еврейского населения в стране¹⁵⁷. А депутат-иудей Н. М. Фридман (кадет), представлявший Ковенскую губернию, в 1910 г. убеждал Думу в том, что российскими властями «принимаются все меры, чтобы побольше евреев выселялось из внутренних губерний, чтобы их побольше эмигрировало из России». Оценивая еврейскую эмиграцию из Российской империи в 150 тыс. чел. в год, а общее число оставляющих страну в 1 млн чел. в год, депутат заключал: «Бегут не одни только евреи, эмигрируют литовцы, эмигрируют поляки, эмигрируют латыши, эмигрируют даже немцы; и вот все эти лишние, вытесненные из России люди там в непривычной обстановке на чужбине оказываются полезными тружениками»¹⁵⁸.

Общую картину эмиграции 4 апреля 1908 г. попытался представить в своей речи депутат от Курляндской губернии Л. Н. Ниселович (кадет). Критикуя равнодушие российских консульств в странах Нового Света к тяжелой судьбе эмигрантов из России и ссылаясь на данные Министерства юстиции, он приводил следующие цифры, характеризующие динамику эмиграции только в США: в 1898 г. — 30 тыс. чел., 1899 г. — 61 тыс. чел., 1900 г. — 91 тыс. чел., 1901 г. — 85 тыс. чел., 1902 г. — 107 тыс. чел., 1903 г. — 136 тыс. чел., 1904 г. — 145 тыс. чел., 1905 г. — 185 тыс. чел., 1906 г. — 216 тыс. чел., 1907 г. — 259 тыс. чел. «Как вы видите, — констатировал депутат, —

¹⁵⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты.. Созыв III. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 1062–1063.

¹⁵⁶ Там же. Созыв IV. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1913. Стб. 730.

¹⁵⁷ Там же. Созыв III. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1907. Стб. 897.

¹⁵⁸ Там же. Сессия III. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 1898.

за последние 10 лет эмиграционный поток из России почти удесятился. Причины этого явления весьма разнообразны. <...> Массы крестьян, и городских рабочих, и ремесленников ежегодно покидают насиженные места и широкой волной устремляются в Новый Свет. Их гонят туда нужда, безработица, малоземелье, гражданское и политическое бесправие и за последние годы экономический кризис. <...> Главный контингент этих мигрантов составляют люди темные — крестьяне и мещане»¹⁵⁹. Далее депутат обращал внимание коллег на то, что большинство эмигрантов, собираясь ехать за лучшей долей в Америку, никогда ранее не покидали своих деревень и местечек и понятия не имеют, «из какого города нужно отправляться, как получить паспорт, что стоит переезд, что сделать с багажом и т. д.», в результате чего «они обыкновенно попадают в сети так называемых эмиграционных агентов, которые становятся между ними и пароходными предприятиями, поддерживающими морские рейсы в заатлантические страны». Агенты же эти «грабят эмигрантов при всяком удобном и неудобном случае», но, поскольку пароходным компаниям выгодно иметь дело с этими агентами, обеспечивающими их пассажирами, никто с этой проблемой не борется. Напротив, власти государств, участвующих в этом транзите (в первую очередь Германия), заинтересованы исключительно в поддержке своих пароходных предприятий, а не улучшении положения эмигрантов¹⁶⁰. В связи с этим Л. Н. Нисселович призывал депутатов указать официальным российским представителям за границей, что им следует «быть помощниками и советниками тех русских подданных, которые имеют несчастье отправляться через прусскую границу в заморские страны»¹⁶¹. Генерал А. Ф. Бабянский (кадет) также бил тревогу в связи с тем, что из пограничных губерний Западного края и Царства Польского эмиграция с каждым годом лишь возрастает, доходя до 200 тыс. чел. в год: «Размеры этой эмиграции таковы, что сейчас в Америке есть польская колония, достигающая 3 млн чел., литовская — почти 1 млн чел. — все это уплывает отсюда незаметно для нас и вне всякого учета»¹⁶². Однако депутат справедливо замечал: отсутствие государственного регулирования эмиграции приводит

¹⁵⁹ Там же. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 1833.

¹⁶⁰ Там же. Стб. 1832–1833.

¹⁶¹ Там же. Стб. 1835.

¹⁶² Там же. Сессия II. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 2809.

к отсутствию официальной статистики, равно как и четкого представления о совокупности всех причин, ее вызывающих.

Из приведенных материалов видно, что проблема экономической эмиграции из страны волновала депутатов, преимущественно принадлежавших либо к национальным меньшинствам, проживающим в западной части Российской империи, либо представителей кадетской партии. Поскольку основная масса выехавших из страны была представлена инородцами, а русские (великороссы, малороссы и белорусы) составляли в эмигрантском потоке меньшинство, да к тому же значительная часть из них рассматривала свой выезд за границу лишь как временный отъезд на заработки, октябристы, русские националисты и правые не уделяли этой проблеме большого внимания. Показательно, что во время выступления Л. Н. Нисселовича, говорившего о тяготах и нуждах «русских переселенцев», правый депутат В. М. Пуришкевич с места «поправил» его: «еврейских переселенцев»¹⁶³. А депутат-октябрист барон Н. Г. Черкасов на заявление кадета Н. М. Фридмана, что из-за эмиграции «количество еврейского населения должно убывать ежегодно приблизительно на 30–40 тыс. чел.», бросил фразу: «Господи, если бы это была правда»¹⁶⁴. Правый депутат Г. Г. Замысловский в ходе прений по вопросу о недоборе новобранцев из западных губерний, обращаясь к либералам, вопрошал: «Что вы разумеете под эмиграцией? Если вы разумеете под эмиграцией отъезд из России навсегда, полное переселение, то ведь если такой эмиграцией объяснять этот колоссальный недобор, то казалось бы, что губернии, где наблюдается такой недобор, через несколько лет превратились бы в африканскую пустыню, а ведь между тем мы знаем, что, наоборот, население этих губерний из года в год, увеличивается. Если же вы под словом “эмиграция” разумеете то явление, что лица призывного возраста уезжают за границу на заработки на три-четыре года и затем, когда призыв оканчивается, опять с заработков возвращаются и поселяются в России, то такое явление надо называть не “эмиграцией”, а преступным уклонением от воинской повинности. *(Рукоплескания справа и на от-*

¹⁶³ В стенограмме Государственной думы значит, что реплика В. М. Пуришкевича звучала как «европейских переселенцев», однако это очевидная опечатка, так как из контекста и ответа Л. Н. Нисселовича видно, что речь шла именно о «еврейских переселенцах» (Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 1835).

¹⁶⁴ Там же. Созыв III. Сессия III. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 2715.

дельных скамьях в центре.) Результат такого явления налицо: в то время, когда польские и литовские крестьяне за границей живут на заработках и потом возвращаются с деньгами, русские крестьяне отбывают воинскую повинность и отбывают ее не только за свой счет, но и за счет того недобора, который образовался вследствие уклонения крестьян литовских и польских, которые затем являются из заграницы с деньгами и составляют этим русским крестьянам, отбывавшим воинскую повинность, экономическую конкуренцию»¹⁶⁵. Член фракции правых П. В. Березовский, признавая, что «черта оседлости заставляет евреев эмигрировать», откровенно заявлял: правые «очень рады» исходу значительной части прироста еврейского населения «за океан» и ее обустройству в Америке. Если бы ограничительные меры в отношении евреев отсутствовали, пояснял правый депутат, и они комфортно чувствовали бы себя в империи, то это привело бы к значительному экономическому усилению еврейства, и эмигрировать за океан тогда пришлось бы русским¹⁶⁶. (Отметим, что в 1908 г. московское Русское монархическое собрание просило думскую фракцию правых добиваться для евреев замены воинской повинности таким налогом, «который полностью должен быть обращен на эмиграцию евреев из России»¹⁶⁷.) Что же касается пусть и менее значительной, но также возрастающей год от года русской (преимущественно малороссийской и белорусской) эмиграции из Западного края, то ее причины виделись националисту Г. А. Лашкареву (Минская губерния) в экономическом давлении на православных крестьян, которое они испытывали со стороны польской шляхты и местного еврейства¹⁶⁸.

Отвечая правым, левые и кадеты доказывали, что эмиграция практически никак не связана с уклонением от воинской службы, а ее причинами являются безземелье и «угнетение». «Помните, чем больше какая-нибудь народность угнетается, чем больше она притесняется, тем, конечно, в большем количестве она должна уходить из того места, где ее угнетают. Этим объясняется и то, что евреи, более всех угнетаемые, дают больше эмигрантов; затем следуют литовцы — они дают много; потом поляки — они также дают много

¹⁶⁵ Там же. Сессия II. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 2784.

¹⁶⁶ Там же. Сессия V. Ч. 1. СПб., 1911. Стб. 1667–1668.

¹⁶⁷ Русское монархическое собрание // Московские ведомости. 1908. 26 апр.

¹⁶⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1913. Стб. 1089.

эмигрантов. Сделайте, г[оспода], нас равными с собою, и вы увидите, что мы не будем уходить, не будем эмигрировать, а будем прекрасными гражданами», — говорил А. А. Булат¹⁶⁹. (Однако, как показали последующие события, в независимой Литве, освобожденной от какого-либо «русского угнетения», проблема эмиграции оставалась столь же острой¹⁷⁰.) А кадет Ф. И. Родичев, доказывавший примерно то же самое, признав, что среди эмигрантов действительно много лиц призывного возраста, под смех правых заявил: «Если эмигрировать, то лучше эмигрировать в таком возрасте, чтобы освободиться и от воинской повинности. Это совершенно естественно»¹⁷¹.

Итогом обсуждений стали последовавшие в 1913 г. предложения депутатов обратить внимание центральных властей и ведомств на проблему эмиграции, но не в связи с тяжелым экономическим положением эмигрантов (на что напирали левые и кадеты), а в связи с необходимостью колонизировать внутренние районы империи. «Удивительно то, — говорил октябрист М. И. Симонов, — что в России, где есть масса свободных земельных пространств, самый деятельный, самый энергичный элемент для колонизации удаляется в другие страны, не может найти себе возможности применить свой труд в ближайших наших азиатских окраинах»¹⁷². Другой депутат-октябрист — Н. И. Антонов, выражая позицию комиссий по направлению законодательных предположений и бюджетной, озвучил предложение: для торговых интересов и лучшей охраны эмигрантов из России учредить консульские представительства во внутренних областях Аргентины и Бразилии, а также увеличить их число в Канаде и Австралии, что было принято Думой без прений¹⁷³.

Между тем на высшем государственном уровне попытка урегулировать эмиграцию была предпринята лишь накануне Первой мировой войны. 20 февраля 1914 г. Совет министров под председательством И. Л. Горемыкина рассмотрел представление Отдела торгового мореплавания МТиП «об отходе на заработки за границу», признав этот пробел в законодательстве «совершенно недопустимым» при

¹⁶⁹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. Ч. 3. СПб., 1909. Стб. 2820–2821.

¹⁷⁰ См. об этом: *Улевичюс П. В.* Эмиграция трудящихся Литвы в Южную Америку... С. 6, 8–9.

¹⁷¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1908. Стб. 2136.

¹⁷² Там же. Созыв IV. Сессия I. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 1683.

¹⁷³ Там же. Стб. 2234–2235.

существующих масштабах заграничной трудовой эмиграции («сотни тысяч рабочих»). Особо подчеркивалось, что российская власть собирается не поощрять эмиграционное движение, а только упорядочить, выведя его из нелегального положения. Отмечая, что заграничная трудовая эмиграция расходится по двум основным направлениям — в заокеанские страны и на сезонные работы в Германию и Данию, — Совет министров указывал на принципиальную разницу между ними. Если движение трудовых эмигрантов в страны Нового Света министры были готовы узаконить, то отход на заработки в европейские страны признавали явлением крайне нежелательным, которое следовало заменить внутренним отхожим промыслом. Мотивировалось это тем, что, во-первых, многие регионы империи испытывают нехватку рабочих рук, а во-вторых, нахождение на территории Германии до полумиллиона сезонных рабочих в случае военного конфликта с ней позволит использовать этот трудовой ресурс против России. В результате было принято решение выделить трудовую эмиграцию в заокеанские страны в отдельный законопроект и как можно скорее представить его на рассмотрение Государственной думы¹⁷⁴.

Обсуждение эмиграционного вопроса в Думе состоялось 7 мая 1914 г., вызвав оживленную дискуссию среди депутатов. В ходе этого заседания депутат от польского коло Г. Ч. Госьцицкий (экономист, позже ставший министром сельского хозяйства в независимой Польше) озвучил данные американской статистики, согласно которым только в Америку с 1900 по 1910 г. из России прибыло 1,5 млн чел. (в среднем — 150 тыс. чел. в год), а в следующие годы эмиграция стала заметно усиливаться (в 1911 г. — 158 тыс. чел., в 1912 г. и начале 1913 г. — 291 тыс. чел., во вторую половину 1913 г. — 183 тыс. чел.). Из уехавших на долю евреев приходилось от 40 до 50%; поляков — от 25 до 30%; литовцев — 9–10% (т. е. на 85–90% эмиграция была инородческой)¹⁷⁵. Что же касается «коренных русских», которые, как было отмечено, в начале столетия принимали очень слабое участие в этой эмиграции, то их число в эмиграционной волне после

¹⁷⁴ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917. 1914 год / отв. сост. Б. Д. Гальперина. М., 2006. С. 95–98.

¹⁷⁵ Эти цифры в целом совпадают с данными иммиграционной службы США за 1899–1910 гг.: 43,8% эмигрантов из России составляли евреи, 27% — поляки, 9,6% — литовцы, 8,5% — финны, 5,8% — немцы, 4,4% — русские (*Эйдинтас* А. Литовская эмиграция... С. 41).

1910–1911 гг. также стало расти, достигнув к 1913 г. 35 тыс. чел. Поскольку количество эмигрантов в США не покрывало всего числа эмигрантов (хотя и достигало в 1901–1910 гг. 87,7 % от общего числа эмигрирующих¹⁷⁶), часть из которых направлялись в Южную Америку, Канаду и государства Западной Европы, то приблизительное число ежегодно покидающих Россию было оценено в 700 тыс. чел. в год¹⁷⁷. Подчеркивалось, что почти все эмигранты, отбывающие в Западную Европу, возвращаются обратно в течение зимних месяцев; сообщалось, что экономические эмигранты, уехавшие в США, также «после более или менее продолжительного пребывания в Америке, возвращаются на родину» (за исключением евреев, которые, как правило, уезжали навсегда). Кроме того, отмечался и такой важный аспект, как присылка и привоз трудовыми эмигрантами на родину значительных денежных сумм (депутат оценивал их в совокупности до 100 млн руб. в год), что имело «несомненно влияние на расчетный баланс государства»¹⁷⁸. (На это же обстоятельство обращали в своих отчетах губернаторы западных губерний: в большинстве своем трудовые эмигранты через несколько лет возвращались на родину, привозили с собой довольно крупные суммы, что благотворно сказывалось на их хозяйствах¹⁷⁹). Положение трудовых эмигрантов напоминало докладчику «темные времена рабства и торговли людьми», поскольку их «обижает и эксплуатирует всякий, кому это угодно», а русское правительство остается при этом «совершенно равнодушным к тяжелому положению <...> рабочих и не делает ничего для того, чтобы облегчить их положение»¹⁸⁰. В своем обстоятельном выступлении польский депутат наглядно показал, как в силу самоустранения российской власти на трудовой эмиграции из России наживаются нелегальные агенты и иностранные компании, призвав в заключение полностью искоренить это зло и позволить отбывающим за границу на заработки бесплатно получать заграничные паспорта, чтобы удержать таких людей от поиска нелегальных путей выезда из страны. (Одной из причин нелегаль-

¹⁷⁶ Куприн Д. О. Эмиграция из России... С. 172.

¹⁷⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. Ч. 4. СПб., 1914. Стб. 86.

¹⁷⁸ Там же. Стб. 87.

¹⁷⁹ РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1241. Л. 3–3 об., 120 об.–122 об., 126 об.–127, 144, 149 об. и др.

¹⁸⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. Ч. 4. СПб., 1914. Стб. 87–88.

ного характера эмиграции была сложная процедура получения заграничного паспорта и его высокая цена¹⁸¹.)

Закончилось думское заседание принятием формулы, предложенной бюджетной комиссией: «[Признать необходимым], чтобы правительством были приняты меры к скорейшему внесению в законодательные учреждения законопроекта об эмиграции, причем была бы принята во внимание охрана интересов русских рабочих, как во время пути, так и на местах их труда в иностранных государствах со стороны представителей России в этих государствах»¹⁸². Однако, несмотря на стремление Думы поставить вопрос об эмиграции «во всю государственную ширь»¹⁸³, упорядочить трудовую эмиграцию за рубеж на законодательном уровне так и не удалось. Разразившаяся через несколько месяцев Первая мировая война, с одной стороны, естественным образом приостановила трудовые эмиграционные потоки через западную границу, а с другой — выдвинула перед властью совсем иные задачи, решение которых не требовало отлагательств. В результате вопрос о зарубежной трудовой эмиграции, приобретший в начале XX в. большое экономическое значение и для Западного края, и для империи в целом, в царской России так и не был решен¹⁸⁴.

9.3. Чиншевое право в Западном крае Российской империи и законодательные попытки его ликвидации

Проблемы, связанные с существованием на части территорий Российской империи нехарактерного для отечественного законодательства чиншевого права, привели к появлению достаточно большого

¹⁸¹ Главную же роль играло российское запретительное законодательство в вопросах эмиграции. По мнению современного исследователя, это привело к тому, что данное «общественное явление носило полулегальный характер, вынуждало население пренебрегать законами, пользоваться услугами сомнительных личностей. С другой стороны, содействие эмиграции в начале XX в. превратилось в очень доходный бизнес, чаще всего носивший криминальный характер». (Куприн Д. О. Эмиграция из России... С. 172).

¹⁸² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия II. Ч. IV. СПб., 1914. Стб. 102–103.

¹⁸³ Там же. Стб. 100.

¹⁸⁴ См. об этом: Тихомиров А. В. Белорусская эмиграция. 90-е гг. XIX в. — 1917 г. С. 16; Куприн Д. О. Эмиграция из России... С. 38–39.

пласта исследовательской литературы. В значительной своей части она представлена работами юристов, стремившихся определить характер этого явления, понять причины его возникновения и его перспективы в условиях российского законодательства. Среди трудов, принадлежащих дореволюционным авторам, нельзя не отметить ряд работ известных правоведов¹⁸⁵, в которых достаточно подробно и полно показана специфика чиншевых отношений, история их появления в России, а также государственных мер, принятых по их урегулированию в XIX в. Юридическое направление сохраняет свои позиции и в современной историографии вопроса. Здесь можно отметить некоторые публикации, в которых развивается правовой подход в исследовании чиншевого права в Российской империи¹⁸⁶. Однако специальных исторических работ, в которых рассматривалась бы политика российских властей в отношении чиншевого права, попыток его преодоления и восприятия этой проблемы обществом, создано значительно меньше. И если законодательная практика 1840–1890-х годов в данном вопросе оказалась достаточно подробно исследована юристами и историками права, то попытки законодательных учреждений Российской империи начала XX в. — Государственной думы и Государственного совета — ликвидировать или хотя бы упорядочить чиншевые отношения представлены в историографии заметно слабее. Среди немногочисленных исследовательских работ, в которых данная тема или ее общественно-политический контекст так или иначе затрагиваются, следует указать на некоторые статьи современных истори-

¹⁸⁵ См., напр.: *Боровиковский А. Л.* Отчет судьи: в 3 т. Т. 1: Чиншевое право. СПб., 1891; *Гантовер Л. В.* О происхождении и сущности вечно чиншевого владения. СПб., 1884; *Пихно Д. И.* О чиншевом владении в западных губерниях // *Журнал гражданского и уголовного права.* 1887. № 5. С. 157–180; *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права: в 3 ч. Ч. 1: Вотчинные права. СПб., 1896; *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. М., 1911; и др.

¹⁸⁶ См., напр.: *Бабаев А. Б.* Система вещных прав. М., 2007; *Остроумов Н. В., Остроумов С. В.* Развитие эфитевзиса в России: от наследственного оброчного владения до права пожизненного наследуемого владения и постоянного бессрочного пользования // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2013. № 4 (30), ч. 3. С. 127–131; *Финогентова О. Е.* Субъекты и виды земельных правоотношений в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // *Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право.* 2016. Т. 27, вып. 2. С. 157–163.

ков¹⁸⁷, но и в них представлены лишь отдельные сюжеты, в то время как работ, последовательно реконструирующих попытки законодателей начала XX в. решить проблему чиншевого права в Западном крае, создано не было. Задача данного параграфа — хотя бы отчасти заполнить эту лакуну, акцентируя внимание на думской инициативе ликвидации чиншевого права и ее дальнейшем развитии.

Чиншевое право появилось в Российской империи в связи с расширением ее границ в XVIII в. и получило широкое распространение в Западном крае. Слово «чинш» (польск. *czynsz*, нем. *zins*) произошло от лат. *census*, означавшего оценку имущества римских граждан, и в таком виде закрепилось в российской юридической практике (хотя иногда его пытались переводить, используя устаревшее русское слово «кортома» или «оброк»¹⁸⁸). Согласно закону 1886 г. «О поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков в губерниях западных и белорусских», под *чиншевым правом* понимался «вид владения, отделенного от права собственности, потомственного и бессрочного, дающего чиншевику право пользования и распоряжения земельным участком без согласия собственника или с его согласия и налагающего на чиншевика обязанность уплаты раз и навсегда определенного и неизменного оброка или исполнения натуральных повинностей, изменение состава и размера которых не может быть сделано по произволу собственника»¹⁸⁹. Известный российский правовед, профессор Казанского и Московского университетов, депутат I Государственной думы Г. Ф. Шершеневич так объяснял чиншевое право: «вещное право наследственного пользования чужой землей, под условием взноса платы в определенном раз навсегда размере», отличающееся «от арендного пользования тем, что

¹⁸⁷ См., напр.: Головач Е. И. Деятельность представителей либеральных и монархических политических партий от белорусских губерний в земельной комиссии III Государственной думы Российской империи // Романовские чтения — 12: сб. статей Международной научной конференции. Могилев, 2017. С. 69–71; Котов А. Э. Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи... С. 246–262; Янченко Д. Г. Политика Государственной думы в отношении национальных окраин империи: налоговые вопросы и арендные отношения в Польше и Западном крае // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2: История. 2011. № 4. С. 139–141.

¹⁸⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 1329.

¹⁸⁹ Нечаев В. М. Чиншевое право // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 38. СПб., 1903. С. 852.

оно, во-первых, бессрочно и, во-вторых, имеет вещный характер»¹⁹⁰. Таким образом, под чиншевиками следует понимать вечных и потомственных арендаторов (как правило, мелких) помещичьей земли в деревнях, городах и местечках, чьи отношения к собственнику по чиншевому праву ограничивались лишь обязанностью вечной уплаты установленного чинша¹⁹¹.

Представлявшее собою совокупность обычаев, которыми руководствовались в своих отношениях чиншевики и помещики, чиншевое право появилось в Средние века вследствие запрещения всем, кроме помещиков (баронов), приобретать землю в собственность¹⁹². Из Германии оно распространилось на Польшу и Литву, а после раздела Речи Посполитой продолжило существование в российских западных губерниях. Происхождение чиншевого права в Западном крае правовед и видный государственный деятель К. П. Победоносцев связывал с тем, что при польском владычестве феодалы селили на принадлежавших им землях своих людей, обязывая их служебной повинностью (обороной замка, службой в ополчении и т. п.) и платежом денежного чинша, предоставляя им за это земли в особое потомственное владение (за неисполнение повинностей или за неверность земли могли быть отобраны). Но как меняло свой характер дворянское поместное владение, так с течением времени менялась и эта форма владения, получив в итоге характер чиншевого¹⁹³. «Крупная поземельная собственность сосредоточилась в руках немногих фамилий, принадлежавших к высшему классу, — писал Г. Ф. Шершеневич. — Это обстоятельство вызвало, как и всегда, потребность в рабочих силах. Привлечение рабочих возможно было только на условиях наследственного пользования, потому что такой способ эксплуатации земли представлял обоюдные выгоды. Чиншевику обеспечивалась постоянная оседлость, возбуждался интерес к лучшей обработке земли, к созданию сельскохозяйственных строений, так как он знал, что все его достояние перейдет не к чужому, а к собственным детям. Для собственника выгода состояла в том, что земля не истощалась, как это бывает при временном арендном

¹⁹⁰ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. С. 342.

¹⁹¹ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. С. 213.

¹⁹² Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы / под общ. ред. П. А. Пожигайло. М., 2006. С. 95.

¹⁹³ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. С. 510.

пользовании, а напротив, удобрялась, лес сберегался, строения не разрушались, а поддерживались»¹⁹⁴.

Поскольку объектом чиншевого права могла быть не только сельская, но и городская недвижимость, жители владельческих городов и местечек в Западном крае из рода в род владели усадебными местами на земле местного владельца. Иногда такое владение основывалось на документах, выданных от помещика привилегиях или на договорах с помещиком целого общества (что позволяло мещанам и евреям подводить себя под общее чиншевое право и протестовать против попыток поднять платимый издревле чинш за землю), но в большинстве случаев документы либо оказывались утраченными, либо их не было вовсе. Это часто приводило к тяжбам, когда владельцы требовали поднятия платы на основе вотчинного поземельного права, а чиншевики пытались отстоять право оставаться в своих усадьбах без повышения оброчной платы. «Когда в основание права приводятся старинные документы, — отмечал К. П. Победоносцев, — спор решается судебным порядком, но когда документов нет, возникают затруднения, требующие вмешательства административной власти»¹⁹⁵. Более того, согласно данным, полученным Министерством внутренних дел в 1862 г., жители городов Западного края, приобретшие в свое время на чиншевых основаниях поземельные городские участки, не только передавали их по наследству, но и закладывали, дарили и продавали, не спрашивая даже согласия владельца. Каждый новый владелец участка «как бы в признание верховных прав владельца на землю, обязан был уплачивать назначенный чинш, который, будучи раз определен, обыкновенно оставался без изменения»¹⁹⁶. Впоследствии, в отличие от «вечного» чинша, появился чинш договорной (например, когда новые поселенцы, занимая участки городской земли, были вынуждены соглашаться с владельцами о его размере), хотя права чиншевиков и в этом случае, как правило, оставались теми же.

После присоединения к Российской империи в конце XVIII в. части земель Речи Посполитой, получивших название Западного края, «чиншевое право» было оставлено в неприкосновенности как

¹⁹⁴ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. С. 342.

¹⁹⁵ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. С. 510–511.

¹⁹⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 1329–1330.

сложившееся в результате местных обычаев (Именной указ 30 октября 1794 г. «О разделении Великого княжества Литовского на три части и об образе управления оными»). Несмотря на то что Указ 25 июля 1840 г. распространял на Западный край общеимперское законодательство, чиншевое право продолжало сохранять свою силу. Указ лишь ставил вопрос о правомерности установления чиншевых отношений в будущем, но не подвергал сомнению законность актов, возникших в западных губерниях до 1840 г.¹⁹⁷ В результате этого, по оценке юриста и депутата Государственной думы Н. М. Фридмана, положение стало еще более запутанным: поскольку бытовые и экономические условия не изменились, сделки продолжали заключаться, как и ранее, но новые чиншевики уже не могли надеяться на судебную защиту в случае конфликта с держателем земли¹⁹⁸. Конфликты эти происходили регулярно, а иногда, как показывает на примере Юго-Западного края французский историк Д. Бовуа, выливались в волнения и бунты¹⁹⁹. В течение следующих лет вопрос о том, могли ли чиншевые правоотношения возникать в России после издания указа 1840 г. или нет, оставался спорным, поскольку прямого запрета в законодательстве не содержалось, но максимальный срок найма имуществ, который ближе других институтов подходил к чиншевым отношениям, составлял, за редким исключением (строительство фабрик и заводов), не более 12 лет.

В результате отмены крепостного права чиншевики Западного края остались на невыкупленных помещичьих землях, в таком же положении оказались практически все местечки Белоруссии и значительное количество недвижимости в городах северо-западных губерний. Лишь в царствование императора Александра III Положением от 9 июня 1886 г. «О поземельном устройстве сельских вечных чиншевиков в губерниях западных и белорусских» объявлялось о воспрещении установления новых чиншевых отношений, однако право на таковые, возникшие вплоть до 1876 г., законом сомнению не подвергалось. По оценке Г. Ф. Шершеневича, закон 1886 г. был продиктован в первую очередь политическими соображениями — ослабить поземельную зависимость белорусских крестьян от поль-

¹⁹⁷ См. об этом: *Нечаев В. М.* Чиншевое право. С. 852.

¹⁹⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 1607.

¹⁹⁹ *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. С. 721–738.

ских помещиков²⁰⁰. Чиншевикам и собственникам предлагалось до 1889 г. договориться о прекращении чиншевого пользования путем: выкупа собственником чиншевого права; покупки участка в собственность чиншевиком (соглашение о выкупе давало право на выдачу со стороны правительства выкупной ссуды); перехода на арендные отношения. По истечении трех лет все чиншевые участки, по отношению к которым не установилось добровольного соглашения, подлежали обязательному выкупу при содействии правительства. Заведование делами о выкупе чиншевых участков было возложено на особые административные чиншевые присутствия или губернские по крестьянским делам присутствия. Но из-за больших трудностей с доказательством наличия чиншевых отношений работы присутствий по выкупу крайне затянулись²⁰¹. «Закон предоставил сторонам трехлетний срок для добровольных соглашений; но не слышно, чтобы этот способ применяем был на практике, и дело находится до сих пор в неопределенном положении», — признавал в середине 1890-х годов К.П.Победоносцев²⁰². Кроме того, призванный урегулировать вопрос, касающийся сельских чиншевиков, закон ничего не говорил о чиншевиках из городов и местечек, положение которых также оставалось крайне непростым.

Некоторые современные авторы утверждают, что институт чиншевого права «просуществовал лишь до 1876 г., так как возникновение чиншевого права стало невозможным в силу принятия Положения <...> от 9 июня 1886 г.»²⁰³, однако это не так. Предназначенные к ликвидации в Западном крае чиншевые отношения продолжали существовать и в начале XX в. Видный юрист, профессор Юрьевского и Санкт-Петербургского университетов В.М.Нечаев отмечал: «Независимо от соображений чисто экономического характера, нельзя не указать на крайнюю юридическую неопределенность в отношениях двойной собственности, создаваемой чиншевой формой обладания, — неопределенность, затрудняющую разрешение столкновений и грозящую создать в будущем сложный аграрный вопрос, не раз возникавший в истории на почве таких отношений»²⁰⁴. «По

²⁰⁰ Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. С. 343.

²⁰¹ См. об этом: Нечаев В.М. Чиншевое право. С. 853.

²⁰² Победоносцев К.П. Курс гражданского права. С. 512.

²⁰³ Остроумов Н.В., Остроумов С.В. Развитие эффитевзиса в России...

С. 127.

²⁰⁴ Нечаев В.М. Чиншевое право. С. 854.

владению сего рода в девяти западных губерниях возникали во множестве судебные дела, возбуждая неразрешимые затруднения, — указывал К. П. Победоносцев. — Со стороны землевладельцев предъявлялись иски о выселении чиншевиков; суды постановляли решения по строгости закона, но решения эти с трудом приводились или вовсе не приводились в исполнение, по невозможности лишить дома и крова — нередко — целое население. Вопрос о чиншевиках стал государственным, и настала потребность определить точно юридическое их положение законодательным актом»²⁰⁵.

Очередная попытка ликвидации чиншевого права в западных губерниях Российской империи была предпринята Государственной думой. 4 декабря 1907 г. по инициативе 35 депутатов в законодательное учреждение был внесен законопроект «Об упразднении в Белоруссии последних остатков чиншевого владения и чиншевого права и выродившегося из него городского и местечкового домового арендного владения»²⁰⁶. Среди подписантов значились депутаты, преимущественно представлявшие Западный край и принадлежавшие к центру и правому крылу Думы (октябристы, национальная фракция, умеренно правые и правые). К законопроекту прилагалась пояснительная записка, объяснявшая необходимость скорейшей ликвидации чиншевого права — «родного брата крепостного права»²⁰⁷.

17 января 1908 г. общему собранию Думы законопроект был представлен одним из его инициаторов, представителем Витебской губернии, автором работ по истории, археологии и краеведению Белоруссии, октябристом А. П. Сапуновым. Отметив, что чиншевое право в Белоруссии и Западном крае — явление давнее и весьма распространенное, депутат, кратко обрисовав его историю, делал вывод, что в результате изменения в крае экономического быта споры и недоразумения между чиншевиками и вотчинниками стали с каждым годом нарастать²⁰⁸. С улучшением путей сообщения цена

²⁰⁵ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. С. 511.

²⁰⁶ Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Приложения к стенографическим отчетам. СПб., 1908. Т. I. Стб. 111–113. — См. также: Головач Е. И. Деятельность представителей... С. 70.

²⁰⁷ Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Приложения к стенографическим отчетам. Стб. 115.

²⁰⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 1328–1344.

на землю значительно поднялась, а вместе с ней выросла и арендная плата, что вынуждало вотчинников стремиться к замене чиншевых отношений краткосрочной арендой. А поскольку, во-первых, документальная база древних чиншевых прав оказалась крайне скудной (большинство договоров заключалось в устной форме), во-вторых, российское законодательство не знало права вечной аренды, в-третьих, возможностей решить дело в свою пользу у состоятельных вотчинников было значительно больше, чем у чиншевиков, последних стали обвинять в недобросовестности по отношению к собственникам и бесправном владении землею, что грозило чиншевикам превращением в обычных арендаторов и разорением в результате непомерного роста платы. Доказать же свое право на бессрочную аренду и неизменность оброка зачастую малоимущим и неграмотным белорусским чиншевикам было крайне трудно.

Как свидетельствует статистика, только за 1902 г. чиншевики возбудили 100 тыс. таких дел, из которых лишь треть была удовлетворена. Две трети чиншевиков пошли в кабалу к помещикам, заключая с ними краткосрочные письменные арендные договоры с непомерной арендной платой. Не соглашавшиеся на такие условия подлежали выселению с чиншевых участков через судебного пристава. Городское и местечковое население края, оказавшееся в положении обыкновенных арендаторов, было вынуждено постоянно перезаключать договор аренды, плата за которую могла увеличиваться в два-три раза²⁰⁹.

Приведя целый ряд случаев, свидетельствующих о злоупотреблениях вотчинников в отношении чиншевиков, А. П. Сапунов отметил, что сложившаяся ситуация приводит не только к экономической зависимости чиншевиков и арендаторов от собственников земли, но и, как следствие, к проявлениям классовой борьбы. Политик утверждал, что участь чиншевиков, вынужденно превращающихся в арендаторов, напоминает судьбу крепостных крестьян, только «крепостными тут являются люди всех званий и состояний, всех национальностей, всех вероисповеданий»²¹⁰. В качестве наглядного примера А. П. Сапунов указал на то, что в его родном Витебске 87 % домовладений находятся «на чужой земле», т.е. город «имеет почти владельческий характер», что для государственных и общественных

²⁰⁹ Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг. С. 95–96.

²¹⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 1344.

интересов «несомненно вредно». При таком положении вещей, во-первых, «немыслимо правильное благоустройство города», а во-вторых, «капитал, затраченный на постройки, сады и т. д., нередко во много раз превышающий стоимость земли, на которой они расположены, насильственно выведен из экономического оборота, так как арендаторы не могут ни заложить по закладной свое имущество, ни отдать его в залог, в обеспечение подрядов с казной»²¹¹. Более того, если владельцу земельного надела удавалось добиться аннуляции чиншевого договора и замены его на договор аренды, то он получал право требовать от нового арендатора уничтожить все постройки, возведенные на земле прежним чиншевиком. Юрист, профессор Московского университета А. Г. Гойхбарг в связи с этим указывал, что в 1901 г., когда выгорела треть Витебска, «построенная исключительно на арендной земле», выяснилось, что причиной пожара стали поджоги, устроенные чиншевиками: не имея возможности уплачивать значительно поднятую землевладельцем арендную плату, собственники строений предпочли их сжечь, чтобы попытаться получить хотя бы страховую премию²¹².

В связи с явной ненормальностью сложившейся ситуации А. П. Сапунов призывал Государственную думу положить конец чиншевым договорам, «основанным на *неточном и редко исполняемом праве*»²¹³, поскольку «законодательная власть не может относиться безучастно к судьбе нескольких десятков тысяч семейств чиншевиков»²¹⁴.

Предложенный депутатами законопроект состоял из пяти статей, предполагавших полную отмену «на всем пространстве Белоруссии» чиншевого права и его порождения — городского и местечкового домового арендного владения. Земли, находившиеся в арендном владении у «вечночиншевиков», городских и местечковых домовладельцев-арендаторов, предлагалось выкупить на государственный счет у их собственников с предоставлением выкупленных земель в собственность их фактическим владельцам — чиншевикам и арендаторам, а последних обязать в течение 30 лет возместить государству

²¹¹ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908.

²¹² Гойхбарг А. Г. Закон о праве застройки. 2-е изд., доп. СПб., 1913. С. 5.

²¹³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 1333.

²¹⁴ Там же. Стб. 1334.

затраченные на выкуп денежные средства. В целом указанные меры рассчитывали провести по образцу реформы 1864–1870 гг. в Привислинском крае, но с учетом «местных белорусских особенностей» и изменившихся за это время условий землевладения и цен. Финансирование реформы предлагалось осуществить за счет внутреннего четырехпроцентного займа с погашением его в течение 30 лет²¹⁵.

Законопроект вызвал в Государственной думе полемику, растянувшуюся на несколько заседаний. Киевский депутат И. В. Луцицкий — историк, член-корреспондент Петербургской Академии наук, специалист по рассматриваемому вопросу²¹⁶, — поддерживая инициативу коллег, считал неправильным ограничивать ее территорией Белоруссии и предлагал включить в проект закона Юго-Западный край, для которого проблема чиншевого права также была актуальной²¹⁷. (В рассматриваемый период чиншевое право, помимо девяти губерний Западного края, сохранилось в Малороссии, Остзейском крае и Бессарабии.) Епископ Митрофан (Краснопольский), представлявший Могилевскую губернию, и протоиерей Ф. И. Никонович от Витебской губернии, назвав доклад А. П. Сапунова односторонним, доказывали, что на практике нарушаются права не только чиншевиков, но и владельцев земли, «особенно, если таковыми являются монастыри и церкви», и выступали против возможности выкупа церковных земель, так как это нарушило бы волю тех, кто в свое время завещал их церкви²¹⁸. (Позиция духовенства Западного края в этом вопросе была подробно изложена в статье иеромонаха Антонина, который, говоря о недопустимости передачи чиншевикам церковных земель «хотя бы по действительной их стоимости», указывал, в частности, на то, что это подорвет экономическое положение православного духовенства края, играющего в Белоруссии роль «оплота русской государственности», и экономически усилит евреев-арендаторов²¹⁹.) Депутаты И. Я. Павлович, С. А. Ванькович

²¹⁵ Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Приложения к стенографическим отчетам. Стб. 112–113.

²¹⁶ Бонди В. Государственная дума. Двадцать первое заседание // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 18 янв.

²¹⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 1349.

²¹⁸ Там же. Стб. 1600–1606.

²¹⁹ Антонин, иеромонах. Чиншевой и арендный вопросы в Белоруссии // Минское слово. 1908. 5 февр.

и Г. Е. Червинский, поддерживая идею в целом, сомневались в необходимости взваливать на государство обязательства по выкупу²²⁰. (Как замечал по этому поводу иеромонах Антонин, «внутренние займы до бесконечности не могут выпускаться, ибо процентные бумаги не прокламации социал-демократов»²²¹.)

Товарищ министра внутренних дел А. И. Лыкошин, признав решение вопроса о чиншевом праве в западных губерниях «в высшей степени безотлагательным», вместе с тем выражал сомнение в возможности его разрешения по образцу Привислинского края в связи с особенностями изданных в 1864–1870 гг. актов, а также других оснований проводимой там реформы, не подразумевавшей правительственного содействия в выкупной операции (в Польше выкуп осуществлялся на средства чиншевиков с шестилетней рассрочкой). Смущало А. И. Лыкошина и отсутствие точных «фактических данных», без которых правительство считало невозможным правильное решение этого вопроса, в связи с чем товарищ министра предложил передать вопрос о чиншевиках в специальную комиссию для всестороннего обсуждения²²². Идея создания думской комиссии по разработке законопроекта была поддержана фракцией октябристов, представитель которой С. И. Шидловский настаивал на том, чтобы комиссия эта «не ограничивалась одной Белоруссией, а имела в виду распространение законопроекта на все местности, в коих встречаются виды владения в нем указанные»²²³. По итогам дискуссии Дума 1 февраля 1908 г. проголосовала за учреждение особой комиссии из 22 членов.

Комиссия по вопросу об упразднении чиншевого права была создана 22 февраля 1908 г. Ее председателями поочередно являлись октябристы С. И. Шидловский (1908–1909), А. Ф. Мейендорф (1909–1910) и националист Г. Е. Червинский (1910–1912)²²⁴. Одновременно за разработку законопроекта взялось и МВД. 18 октября 1908 г. оно внесло представление о чиншевом владении (по сути, вводя-

²²⁰ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 1609–1615, 1617–1618.

²²¹ Антонин, иеромонах. Чиншевой и арендный вопросы в Белоруссии.

²²² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия I. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 1354–1356.

²²³ Там же. Стб. 1600.

²²⁴ Демин В. А. Комиссия о чиншевом праве // Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2008. С. 272.

шее новый институт вещного права — право застройки) в Государственную думу, после чего законопроект был передан в комиссию об упразднении чиншевого права²²⁵. По справедливому замечанию депутата В. А. Карякина, из законопроекта о чинше «вылился закон о застройке»²²⁶. Как отмечал А. Г. Гойхбарг, министерский законопроект преследовал ту же цель, что и закон об отрубках, — «создать в России средний обеспеченный класс, который, являясь устойчивым в политическом отношении, исповедовал бы консервативные убеждения и поддерживал бы существующее положение вещей»²²⁷.

2 декабря 1909 г. докладчик комиссии октябрист В. И. Черницкий представил на суд Думы проект Положения о праве застройки, суть которого сводилась к следующему: право застройщика, возводящего здания на арендованной земле, должно быть распространено и на ту территорию, на которой находятся эти строения, а отношение владельца земли должно быть сопоставимо с положением рантье. В таком случае чиншевик-арендатор будет уверен, что не лишится по окончании аренды своей собственности, сможет закладывать ее для получения кредита и уступать другим лицам свое право на аренду, а владелец земли будет иметь гарантированный доход. Срок же аренды с максимальных 12 лет по действовавшему положению предлагалось увеличить до минимальных 36 (срок службы самой плохой постройки), которые могут быть увеличены вплоть до вечных времен по взаимному соглашению договаривающихся лиц²²⁸. Что же касается договоров, заключенных до вступления в силу нового закона, то здесь предлагалась следующая практика: обязать собственников земли по истечении срока договора либо оставлять возведенные строения за собою, возместив арендатору земли их стоимость, определенную в судебном порядке, либо продлевать право арендатора на пользование землею. Поскольку законопроект дважды снимался с повестки под предлогом более детального и основательного изучения его депутатами, к обсуждению его приступили только в конце марта — начале апреля 1910 г. Депутаты предлагали добавления и уточнения, вносили поправки (так, трудовики

²²⁵ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия II. Ч. I. СПб., 1908. Стб. 329.

²²⁶ Там же. Сессия III. Ч. 4. СПб., 1910. Стб. 2889.

²²⁷ Гойхбарг А. Г. Закон о праве застройки. С. 6.

²²⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 4. СПб., 1910. Стб. 2826–2828.

внесли поправку, чтобы право застройки распространялось не только на города, но и на ряд южных сельских местностей России для облегчения положения «иностранцев» среди казаков²²⁹).

В Государственном совете законопроект встретил ряд возражений. Верхняя палата увидела в предложении выкупа хозяином земли построек, возведенных арендатором, ограничение прав собственника, которое посчитала недопустимым в деле, затрагивающим «частные интересы лишь незначительной части населения» и не имеющим «важного общегосударственного значения»²³⁰. В итоге общее собрание Государственного совета большинством голосов (82 против 43) постановило полностью отклонить часть законопроекта, касающуюся регулирования отношений между собственником земли и ее арендатором, заключенных до вступления в силу нового закона²³¹. Из-за возникших разногласий между нижней и верхней палатами законопроект был передан в согласительную комиссию, состоящую из семи членов Думы и семи членов Госсовета, которая в целом поддержала законопроект в думской редакции, после чего в 1912 г. он был вторично одобрен общим собранием депутатов. Поскольку вскоре после принятия законопроекта закончились полномочия III Государственной думы, то Государственный совет, исходя из действующего законодательства, вынужден был либо без изменений принять текст законопроекта, предложенного Думой, либо целиком его отвергнуть. Ситуация, по мнению современников, сложилась драматическая и оставляла минимум шансов на принятие законопроекта верхней палатой. Тем не менее это случилось. Общее собрание Государственного совета с перевесом в один голос (51 против 50) приняло законопроект о праве застройки в редакции, вторично одобренной Государственной думой. 23 июня 1912 г. законопроект был подписан императором и стал законом²³².

Закон, действие которого распространялось не только на Западный край, но и на другие регионы империи, вводил отсутствовавший ранее в российском законодательстве институт права застройки, который А. Г. Гойхбарг трактовал следующим образом: вещное право «владения и пользования земельным участком с определенной целью, а именно с целью иметь строения и сооружения

²²⁹ Приводится по: Янченко Д. Г. Политика Государственной думы... С. 139.

²³⁰ Гойхбарг А. Г. Закон о праве застройки. С. 8.

²³¹ Там же. С. 12.

²³² Закон 23 июня 1912 г. о праве застройки // Право. 1913. № 5. Стб. 272–282.

на поверхности или под поверхностью означенного участка», переходящее по наследству, отчуждаемое (добровольно или с торгов) и обременяемое залогом без согласия собственника²³³. Согласно закону, арендатору вне зависимости от его сословного происхождения принадлежало право владения и пользования землей, переданной под застройку сроком от 36 до 99 лет, а также могли быть предоставлены некоторые права распоряжения землей (например, право устанавливать сервитуты). Собственник, в свою очередь, был вправе отчуждать землю и отдавать ее в залог. Иначе говоря, право застройки отличалось от права собственности тем, что застройщик ежегодно уплачивал собственнику земли оброк, а от найма — тем, что застройщик мог пользоваться имением и извлекать из него выгоды подобно собственнику. Вознаграждение за право застройки не должно было изменяться в пределах договорного срока, но в договор могли включаться условия об изменении арендной платы по истечении оговоренных промежутков времени. При этом в законе ничего не говорилось о правах застройщика на отчуждение строений (ему принадлежало лишь право застройки, которым он мог свободно распоряжаться). По закону собственник земли получал право на постройки, если по окончании аренды они не были снесены застройщиком, в связи с этим вопрос о собственности на возведенные строения так и остался до конца не проясненным. Закон также предусматривал ряд ограничений: право застройки не распространялось на иностранных подданных в приграничных областях и губерниях, на евреев, живущих в черте оседлости за пределами городов и местечек, и на некоторые иные категории подданных.

Тем временем подготовка законопроекта «О чиншевом владении в городах и местечках губерний западных и белорусских» явно затягивалась²³⁴. Члены чиншевой комиссии, по замечанию современных историков, «большого рвения не проявляли»: «Депутаты не любили ходить на обсуждение специальных вопросов, требовавших особых знаний. Например, не вызвала у них интереса проблема чиншевого права. 22 января 1908 г. Е. Я. Кизеветтер, присутствовавшая на заседании Думы, отметила в своем дневнике, что “многие из депутатов поразошлись по кулуарам, а кто остался, сидит

²³³ Гойхбарг А. Г. Закон о праве застройки. С. 13.

²³⁴ Журналы заседаний Комиссии об упразднении чиншевого права // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3455.

разговаривает»²³⁵. Член комиссии протоиерей Ф.И.Никонович признавался: «Чиншевая комиссия <...> разбиралась в различных юридических терминах. Интересного мало»²³⁶.

Доклад комиссии о чиншевом праве был представлен общему собранию Государственной думы 4 июня 1912 г. В нем предлагалось поддержать правительственную версию законопроекта «О чиншевом владении в городах и местечках губерний западных и белорусских». От первоначального думского проекта, исходившего из того, что чиншевое право является пережитком феодальных отношений (в частности, крепостного права), а потому должно быть ликвидировано путем выкупа с выпуском соответствующего государственного займа, он принципиально отличался предложением лишь законодательного оформления и регулирования имевшихся чиншевых отношений, кодифицировав те права, которые установил Сенат в судебной практике в своих кассационных решениях по поступавшим к нему делам о чиншевом праве²³⁷. Таким образом, от изначальной идеи мало что осталось: об отмене чиншевого права речь уже не шла, предполагалось лишь упорядочивание отношений между чиншевиками и собственниками земель. Думская комиссия пришла к выводу, что для удовлетворения нужд чиншевиков будет достаточно лишь более точно определить их права и обязанности. Как признавал докладчик комиссии С.А.Ванькович, «законопроект <...> не вносит принципиальных изменений в существующее положение, а клонится лишь к урегулированию настоящего»²³⁸. Это обстоятельство вызвало критику депутата Н.Н.Щепкина, отметившего, что, несмотря на «чрезвычайно серьезное значение для городской бедноты Западного края» этого законопроекта, думское большинство выносит его в самом конце сессии в спешном порядке вместе с «законодательной вермишелью», да еще и в сильно искаженном виде. «Ради избирательной рекламы, — отмечал Н.Н.Щепкин, — поступают таким образом: в самом начале при открытии сес-

²³⁵ Приводится по: Соловьев К. А., Шелохаев В. В. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. М., 2013. С. 46.

²³⁶ Никонович Ф. И. Из дневника члена Государственной думы — священника // Полоцкие епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1909. № 47. С. 928.

²³⁷ См. подробнее: Столыпин П. А. Переписка. М., 2004. С. 283–284.

²³⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия V. Ч. 4. СПб., 1912. Стб. 3477.

сии вносится законодательное предложение, чрезвычайно широко-вещательное, затем закупоривается в комиссии и держится до конца сессии, а оттуда выпускается в совершенно противоположном виде. <...> В этом законопроекте [Дума] <...> сдает целиком все позиции, которые сама же себе наметила»²³⁹. Но, несмотря на критику, законопроект в тот же день был принят.

Государственный совет рассматривал законопроект 5, 7 и 12 июня 1913 г. В ходе обсуждения он также вызвал полемику. Если Н. А. Зиновьев считал, что проект закона не только не упразднял чиншевое право, но, напротив, бережно охранял его остатки, то, по мнению А. Э. Мейштовича, уничтожение чиншевых отношений было невозможно в принципе, особенно после вступления в силу закона о застройке, а потому законопроект о его урегулировании следует считать весьма полезным²⁴⁰. После постатейного обсуждения Государственный совет принял законопроект в целом, но в связи с внесением ряда поправок постановил передать его в Думу для нового рассмотрения²⁴¹. Таким образом, мнение, будто бы по инициативе думских октябристов чиншевое право в Белоруссии было отменено²⁴², следует считать ошибочным. Дума III созыва прекратила свои полномочия, так и не завершив работу над законопроектом. В связи с тем, что действовавшей в III Думе комиссии по вопросу об упразднении чиншевого права уже не существовало, IV Дума передала законопроект в комиссию по судебным реформам²⁴³, а та, в свою очередь, в ноябре 1913 г. предложила передать его в комиссию для рассмотрения законопроекта о замене сервитутов в Варшавском генерал-губернаторстве и в Холмской губернии²⁴⁴. В этой комиссии законопроект окончательно увяз, и до начала Первой мировой войны депутаты рассмотреть его так и не успели, а в военное время было уже не до обсуждения чиншевого права.

²³⁹ Там же. Стб. 3478–3479.

²⁴⁰ Государственный совет // Киевлянин. 1913. 6 июня.

²⁴¹ Государственный совет // Там же. 13 июня.

²⁴² Демин В. А. Фракция союза 17 Октября в III Государственной думе: успехи и провалы // Таврические чтения — 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / под ред. А. Б. Николаева. Ч. 1. СПб., 2016. С. 160–170.

²⁴³ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия I. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 2365.

²⁴⁴ Там же. Сессия II. Ч. 1. СПб., 1914. Стб. 1358.

Возникнув в Европе в Средние века и доставшись Российской империи «по наследству» от Речи Посполитой, чиншевое право, несмотря на многие его недостатки и связанные с ним проблемы, оказалось удивительно живучим. Неоднократные попытки российских законодателей положить конец этому «пережитку феодализма» не привели к успеху ни во второй половине XIX в., ни в начале XX в. Инициатива Государственной думы ликвидировать остатки чиншевого права хотя бы в Западном крае, где оно проявляло себя наиболее явно, фактически не была реализована. Родившийся в ходе обсуждения проблемы закон о праве застройки мог лишь отчасти решить проблемы, вызванные чиншевыми отношениями, но на деле не успел поспособствовать и этому — начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, а за ней революция 1917 г. не позволили данному закону принести плоды. Законопроект «О чиншевом владении в городах и местечках губерний западных и белорусских», выродившись из идеи радикальной отмены чиншевого права в ряд мер по его урегулированию, так и остался на стадии подготовки и согласований. В итоге чиншевые отношения исчезли лишь в результате революционных потрясений вместе с частной собственностью на землю, Государственной думой, Государственным советом и Российской империей.

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАПАДНЫХ ОКРАИН¹

10.1. Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати

Вторая половина 1890-х годов — не самый яркий период в истории русской консервативной мысли, поскольку к тому времени из жизни ушли наиболее яркие и относительно независимые ее лидеры: М. Н. Катков, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев. Их эпигоны — такие как «катковцы» С. А. Петровский, В. А. Грингмут («Московские ведомости») и Ф. Н. Берг («Русский вестник»), славянофил С. Ф. Шарапов («Русский труд»), церковный традиционалист А. А. Александров («Русское обозрение») — не обладали ни авторитетом, ни литературным талантом своих учителей. Последним представителем старшего поколения консервативных публицистов оставался редактор одиозного «Гражданина» князь В. П. Мещерский, о котором К. Н. Леонтьев писал незадолго до смерти: «Померли “господа” (Катков и Аксаков), лакеи теперь, подлецы, дерутся. Все-таки бестолковый и бестактный, нередко даже глупый князь Мещерский всех их порядочнее. У него еще видна иногда в литературных отношениях мораль, у “Московских ведомостей”, кроме подлой злости в полемике, ничего не видно»².

¹ Содержание главы частично отражено в опубликованных ранее статьях: Котов А. Э. Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати: 1894–1899 годы // Научный диалог. 2018. № 7. С. 246–262; Иванов А. А., Котов А. Э. Экономическая публицистика газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.) // Вопросы истории. 2019. № 8. С. 50–63; Котов А. Э. «Хаос стремлений и планов»: социально-экономические аспекты балтийского вопроса во второй половине XIX — начале XX вв. // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2020. № 5. С. 20–25.

² Леонтьев К. Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 504.

Тем не менее сохранявшаяся в тот период инерция царствования Александра III позволяла охранительным кругам сохранять некоторые иллюзии относительно будущего страны. Наиболее острые пореформенные политические вопросы, казалось, были решены: польский мятеж и революционная крамола разгромлены; провозглашенная М. Н. Катковым и его единомышленниками «национальная политика», на первый взгляд, торжествовала и в столицах, и на окраинах. Все это, наряду с общими тенденциями эпохи, вынуждало консерваторов уделять большее внимание экономическим вопросам — ранее второстепенной и даже презренной для консервативного дискурса «банкирской премудрости»³.

Между тем в рассматриваемый период именно в экономической сфере наиболее ярко обозначились неоднозначные последствия того курса, за который славянофилы, «катковцы» и иные представители «русского направления» боролись в 1860–1870-е годы и который воплотился в «народном самодержавии» Александра III — культурной и экономической русификации окраин, распространении русского землевладения на западе империи и активной колонизации ее востока. Осмысление данного опыта не могло не оказать влияния на окраинную политику правительства в начале XX столетия. Это влияние лишь косвенно затронуто в историографии. Экономическая политика самодержавия на имперских окраинах отражена в целом ряде серьезных общих работ⁴. Экономические воззрения русских консерваторов также привлекли внимание современных исследователей⁵.

В консервативной политической повестке западные окраины Российской империи традиционно занимали центральное место.

³ См., напр.: *Березин Н. И.* Восемь лет в Северо-Западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника // *Русский вестник*. 1896. № 1. С. 140.

⁴ См., напр.: *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004; *Правилова Е. А.* Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006; *Янченко Д. Г.*: 1) Политика Государственной думы в отношении национальных окраин империи: налоговые вопросы и арендные отношения в Польше и западном крае // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 2. История. 2011. № 4. С. 139–141; 2) Бюджет и финансы в Государственной думе 1907–1912 гг.: от Балтики до Дальнего Востока. СПб., 2015.

⁵ См., напр.: *Репников А. В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

В борьбе с «польщиной» и опиравшимися на «петербургскую бюрократию» остзейскими «феодалами» формировалась не только этноконфессиональная, но и социально-экономическая концепция «русского направления»: противопоставление польскому и немецкому дворянству не только русского (украинского и белорусского) крестьянства, но всей, выражаясь словами Ю. Ф. Самарина, «совокупности тех, кому Провидение отказало в праве родиться немцами»⁶. Важной частью этой концепции были экономические меры: передача части конфискованных земель мятежной польской шляхты местному крестьянству и поощрение в Северо-Западном и Юго-Западном крае русского землевладения.

В 1860-е и следующие годы большинство консервативных националистов активно поддерживали политику властей — в частности, вызов М. Н. Муравьевым из Центральной России мировых посредников, чьей задачей и была защита крестьянских интересов при проведении земельной реформы. Три десятилетия спустя на страницах «Русского вестника» появились воспоминания одного из таких посредников — Н. И. Березина. Он вспоминал, что увлечение большинства его коллег борьбой с полонизмом «принесло крестьянам мало действительной пользы и не повредило интересам польских панов, потому что пересол и натяжки в выкупных актах потом приходилось исправлять и переделывать по указаниям Главного выкупного учреждения; но оно давало панам повод для криков негодования, для жалоб и облегчало им драпировку в печальную тогу несправедливо обиженных»⁷.

Это стало одной из причин отмечаемого многими публицистами охлаждения белорусского крестьянства к центральной власти. «Равнодушие народа к России, отсутствие в нем национального чувства доказывают, насколько в деле обрусения края мы далеки еще от цели, насколько до сих пор не успели добиться ничего существенного», — указывал анонимный автор «Литовских писем», опубликованных на страницах шараповского «Русского труда»⁸. Впрочем, главную причину корреспондент славянофильской газеты видел в охлаждении к окраинному «русскому делу» самого русского

⁶ «Я любил Вас любовью брата...»: переписка Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден (1861–1876). СПб., 2015. С. 40.

⁷ Березин Н. И. Восемь лет в Северо-Западном крае. С. 140.

⁸ Е. А. Д. Литовские письма // Русский труд. 1897. 15 сент.

общества: «Попробуйте поговорить о Северо-Западном крае с образованным москвичом, туляком. Окажется полное незнакомство с этим краем и с успехами в нем русского дела. А начните с каким-нибудь берлинским сапожником разговор про Эльзас-Лотарингию, и вы тотчас заметите, что этот сапожник внимательно следит за всеми мерами правительства в завоеванных провинциях и имеет свой определенный взгляд на средства, которыми следует бороться с враждебным настроением тамошнего населения»⁹. Отмечал автор «Писем» и неудачу правительственных мер по внедрению русского землевладения: «За вычетом нескольких отдельных единиц, в этом крае нет русского помещичьего элемента»¹⁰.

Последняя проблема стала предметом обширного исследования, опубликованного в 1894 г. на страницах журнала «Русское обозрение». Автор цикла очерков «О русском землевладении в Северо-Западном крае» А. П. Владимиров — один из деятельных членов виленского кружка русификаторов 1860-х годов¹¹ — поставил цель исследовать историю начавшегося после 1863 г. «располячения западнорусского землевладения». Публицист отмечал, что подобная политика не была русским изобретением, и ссылаясь на успешный опыт германизации Познани, где «немецкое землевладение много сильнее польского»: «Так ведут дело немцы! Познань была “Великой Польшей”, и в настоящее время смело можно предсказывать ей судьбу славянских земель, давно уже онемеченных по обеим сторонам Одры, в Мекленбурге, в Поморье, в стране лютичей, где теперь Бранденбург с Берлином, Шарлотенбургом, Потсдамом и др., где вся разработанная славянами земля уже перешла к ненавидящему их немцу и где образовалось главное логовище германизма»¹². Принципиальную же разницу в положении поляков в двух империях А. П. Владимиров видел в том, что «Пруссия наступает на поляков; Россия же против них только защищается»¹³. Под защитой в данном случае подразумевалась борьба с польским культурным

⁹ Е. А. Д. Литовские письма // Там же. 23 авг.

¹⁰ Е. А. Д. Литовские письма // Там же. 6 сент.

¹¹ См. подробнее: Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 471–474.

¹² Владимиров А. П. О русском землевладении в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 218.

¹³ Там же.

и экономическим влиянием на бывших древнерусских землях — территориях нынешних Украины, Белоруссии и Литвы, средневековая история которой также воспринималась как часть общерусской истории.

Слабость правительственной политики в регионе публицист усматривал прежде всего в ее непоследовательности, «отсутствии строгой системы», зависимости от «личных взглядов правителей края», «вследствие чего одним правителем отменялось и разрушалось то, что было сделано его предшественником»¹⁴. Если при генерал-губернаторах М. Н. Муравьеве и К. П. Кауфмане шла активная русификация общественной, культурной и экономической жизни края, то при А. Л. Потапове вектор переменялся. По свидетельству И. П. Корнилова, «все служащие русские, заявившие себя решительными сторонниками муравьевского направления, подверглись опале и гонению»¹⁵. А. П. Владимиров упрекал А. Л. Потапова в сознательном онемечении Ковенской губернии, «наполнении» поляками и евреями Виленской городской думы и возвращении в край участников мятежа¹⁶. Результатом этого и стало пренебрежение крестьян к «московскому жонду» (т. е. к центральной власти)¹⁷, а «лучшие русские люди перестали думать о прочной оседлости в крае»¹⁸.

А. П. Владимиров обвинял А. Л. Потапова и в прямых злоупотреблениях, например в раздаче земель приближенным¹⁹. «Поставленное Потаповым на почву фаворитизма без всякого отношения к законности и личным качествам и заслугам получавших имения, русское культурное землевладение в Северо-Западном крае совершенно логически развилось в аферу, спекуляцию, кулачество, — отмечал публицист. — О государственных и национальных интересах не было и помину. Получивший имение спешил сорвать с него все, что можно было сорвать, потому что не верил в прочность водворения русского элемента в крае, судя по самому себе»²⁰. «Благодаря Потапову, разрушившему дело Муравьева <...> мы теперь стоим в крае

¹⁴ Там же. С. 223.

¹⁵ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 377. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.

¹⁶ Владимиров А. П. О русском землевладении... С. 223.

¹⁷ Там же. С. 224.

¹⁸ Там же. С. 240.

¹⁹ Там же. С. 229.

²⁰ Там же. С. 233.

лицом к лицу с новою шляхтою, считающиеся уже не десятками, а сотнями тысяч, большая часть которой хорошо обучена военному делу во время своей службы в русских войсках»²¹. Деятельность начальника края, по мнению А. П. Владимирова, способствовала и срыву переселенческой политики: приезжавшие в 1860-х годах крестьяне-великороссы, при этом начальнике края «отданные в жертву полякам <...> обратно потянулись на восток»²².

Разумеется, к личности А. Л. Потапова проблема не сводилась. Активный участник дискуссии 1860-х годов о «русском латинстве» и перспективах православного прозелитизма как инструмента русификации края, в 1894 г. А. П. Владимиров указывал на экономический аспект проблемы: «Затевали было поляки еще средство для приобретения права покупать имения в крае и парализования закона 10 декабря 1865 г. Возбужден был вопрос: как определить национальность помещика в крае? Стали указывать на исповедный признак, как на основание национальности, из которого выводилось положение, что в крае воспрещается землевладение только для католиков, а не для православных и протестантов. Потому поляки-землевладельцы начали переходить в православие, конечно, только номинально, и в протестантство. Эту проделку разрушил М. Н. Катков, доказавши в “Московских ведомостях”, что язык, употребляемый в общей обыденной жизни, есть единственно верный признак народности»²³.

Однако не игнорировал публицист и издержек политики самих «русификаторов». Так, в качестве одного из последствий ограничивавшего польское землевладение закона от 10 декабря 1865 г. А. П. Владимиров указывал на появление в крае «кулачества и перекупщичества». По его свидетельству, в Вильно группа чиновников образовала «шайку», контролировавшую процесс приобретения земель, не давая приезжим из Центральной России становиться владельцами наиболее выгодных имений и помогая поляками приобретать земли на имя местных русских²⁴. Скептически относился автор и к нравственному облику большинства русских помещиков,

²¹ Владимиров А. П. О русском землевладении в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. № 9. С. 176.

²² Там же. С. 177.

²³ Владимиров А. П. О русском землевладении в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 225–226.

²⁴ Там же. С. 226.

которых за дурной пример, подаваемый крестьянству, именовал «дикообразами»²⁵.

Впрочем, поддерживая местных крестьян в противостоянии польским помещикам, А. П. Владимиров в случае аналогичных конфликтов с русскими помещиками становился на сторону последних. Так, упоминая о судебной тяжбе одного русского землевладельца с соседними крестьянами, он подавал ситуацию следующим образом: «Крестьяне присвоили себе часть его земли, купленной им у помещика-поляка. Дело, начатое у мирового судьи, восходило до сената, и везде было решено в пользу землевладельца. Но крестьяне силою не позволяли исполнить решение. Помещик обращался к администрации; администрация отсылала его к суду; суд опять отсылал его к администрации: таким образом, дело его, как мяч, было несколько лет перекидываемо между администрацией и судом, и во все это время крестьяне незаконно владели его землей»²⁶. Белорусское крестьянство, по мнению А. П. Владимирова, было сильно ополчено, причем в основном это произошло уже после присоединения к России, в XVIII в. Так как «память у массы коротка», крестьяне не помнили, кому обязаны свободой и землей. То, что никто из них не пожертвовал на памятник М. Н. Муравьеву, виделось публицисту символическим проявлением не только людской неблагодарности, но и провала всей предыдущей политики русификации²⁷.

В качестве позитивной программы автор «Русского обозрения» предлагал целый комплекс экономических мер. Для того чтобы окончательно закрепить Северо-Западный край за Россией, следовало:

- «иметь ясные, точные и полные сведения о состоянии и движении землевладения»²⁸;
- «положить конец земельной эксплуатации крестьян чиновниками и еврейями»²⁹;
- «упорядочить» деятельность Виленского земельного банка³⁰;

²⁵ Там же. С. 236.

²⁶ Владимиров А. П. О русском землевладении в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. № 8. С. 751.

²⁷ Владимиров А. П. О русском землевладении в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. № 9. С. 172–173.

²⁸ Там же. С. 186.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 187.

- выкупить с помощью Крестьянского банка еще не проданные заложенные владельцами имения и расселить там крестьян-великороссов³¹;
- «направить в Западную Россию главнейший, если не исключительный, на некоторое время, ток крестьянского переселения вместо Сибири, Закаспийского края и т. п. <...> Пусть польские крестьяне переселяются с Мургам, Оксус, Яксарт, Амур, даже с большими льготами, а западная наша окраина должна быть сплошь заселена коренным русским народом»³²;
- защитить крестьян и земледельцев «против польских махинаций и давлений» (конкретного способа этой защиты не указывалось)³³;
- создать русское землевладельческое общество, подобное возникшему в Юго-Западном крае³⁴.

Для отечественной консервативной мысли проблематика Северо-Западного края в целом была производной от польского вопроса. Так, Д. И. Иловайский в 1897 г. отмечал в своей газете: «Всякие меры, предпринимаемые в Привислинском краю, непосредственно отражаются и в западных русских губерниях, где полонизм еще очень силен, если не своею численностью, то своим землевладением, капиталом, интеллигентным слоем и вообще влиянием. Таким образом, всякое сколько-нибудь крупное варшавское явление непременно отражается в Вильне и других центрах Северо-Западного и Юго-Западного края. Вот почему каждая новая политическая или экономическая мера, проводимая в Варшавском генерал-губернаторстве, должна быть предварительно и зрело обдумана»³⁵.

Подобный подход отчасти искажал восприятие консерваторами социально-экономических процессов, разворачивавшихся в то время на территории нынешних Литвы, Белоруссии и Украины. Между тем процесс государственной русификации землевладения на территории собственно Польши к концу XIX столетия также зашел в ту-

³¹ Владимиров А. П. О русском землевладении в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. № 9. С. 188.

³² Там же. С. 189.

³³ Там же. С. 190.

³⁴ Там же.

³⁵ Иловайский Д. И. О новом фазисе польского вопроса // Кремль. 1897. 2 окт.

пик. Еще один эпигон М. Н. Каткова и К. Н. Леонтьева — дипломат и публицист Ю. С. Карцов позднее вспоминал в своей «Семейной хронике»: «Некоторым отступлением от общего правила: ничего для русских, — явилась раздача русским чиновникам конфискованных земель на правах майоратовладения. Основую всякой колонизации обыкновенно служит класс профессиональных земледельцев. В данном случае были даны поместья лицам, с земледелием не имевшим ничего общего, жившим большею частью в Петербурге и не располагавшим для ведения хозяйства оборотными средствами. Как нетрудно было предвидеть, с задачей они не справились, очутившись в тисках местных дельцов и в самом безвыходном положении. Неудача, постигшая русское майоратовладение, лицами, не сочувствующими водворению русских людей в крае, была истолкована как доказательство органической неспособности русского человека к колонизации и вообще культурно-хозяйственной деятельности»³⁶.

Схожим был подход консерваторов к земельному вопросу и в Прибалтийских губерниях. Критика «русским направлением» сепаратизма и сословной замкнутости остзейских баронов имела давнюю историю, освященную авторитетом Ю. Ф. Самарина. Продолжением этой почтенной традиции стало увидевшее свет в 1896 г. на страницах «Русского вестника» исследование князя С. П. Мансырева. Будущий кадет отмечал: «С самого начала русского господства лифляндское дворянство обеспечило себе прежнее земельное могущество. Пользуясь первым приобретением, оно скорее стало простираť свои претензии и дальше; то сословная замкнутость, то стремление к исключительному обладанию землею, которые обнаружались в сильной степени еще во времена шведского господства, в сильнейшей мере проявилось у дворянства вновь»³⁷. Таким образом, если в орденские и шведские времена местное дворянское самоуправление носило земский характер, то после включения в состав Российской империи оно окончательно стало сословным³⁸. Сословный характер российской власти не мог не отразиться и на землевладении: «Последовательная забота о насаждении русского землевладения была чужда правительству; лишь царствование Елизаветы отличается перед другими как бы национальным характером;

³⁶ Архив Дома русского зарубежья. Ф. 1. Д. М-76 (2). Л. 73.

³⁷ Мансырев С. П. Землевладение в Лифляндии // Русский вестник. 1896. № 10. С. 9.

³⁸ Там же. С. 12.

но это объясняется только тем, что в данное время фавориты принадлежали к русской, а не какой-либо иной нации. <...> Сами пожалованные не стремились укрепляться в доставшихся им имениях. Все громадные богатства, полученные в Лифляндии русскими вельможами, с замечательною скоростью возвращались в руки местного дворянства»³⁹.

Выход в 1869 г. правил о выкупе земли привел к появлению мелкого землевладения. Большое значение имело и позднейшее распространение в крае общерусских полицейских и судебных установлений. Однако, по мнению С. П. Мансырева, «сократившись в объеме, самоуправление нимало не изменилось по существу»⁴⁰. Князь утверждал, что «крепкая, исторически сложившаяся и развившаяся связь между землевладением дворянства и его самоуправлением, с одной стороны, препятствует переходу имений из рук корпорации, а с другой — обеспечивает за эту корпорацией первенствующее и даже подавляющее влияние в местных отношениях»⁴¹.

Таким образом, прибалтийское немецкое дворянство по-прежнему оставалось главным объектом критики «русского направления». Естественно, это касалось не только земельного вопроса, но и иных аспектов экономической жизни региона. Например, «Русский труд» в 1899 г. рассказывал о распространении на Прибалтику казенной винной монополии. По прежним местным законам исключительное право торговли спиртным принадлежало владельцам вотчинных имений. Желая сохранить за собой столь почетную привилегию, местные дворяне нашли юридическую лазейку: в законе 1894 г. о казенной продаже спиртного и в законе 1897 г. о распространении его на Прибалтику не было сказано об отмене местных установлений. Обращение остзейцев поддержал ревельский губернатор. И наоборот, на стороне центральной власти оказались «мстительные эстонцы», которые, «желая насолить баронам», старались «составлять общественные приговоры о закрытии корчем, рассчитывая, что за закрытые до введения монополии корчмы бароны не получают вознаграждения от правительства». Со своей стороны, корреспондент славянофильского издания выражал уверенность, что винная монополия благоприятно отразится на нравственности региона⁴².

³⁹ Мансырев С. П. Землевладение в Лифляндии. С. 19.

⁴⁰ Там же. С. 31.

⁴¹ Там же. С. 32.

⁴² Русский. Из Прибалтийского края // Русский труд. 1899. 1 мая.

Впрочем, в представлениях консерваторов того периода и польская, и немецкая «угрозы» не ограничивались отстаиванием региональными «феодалами» своих «вотчинных прав». Одной из центральных тем консервативной публицистики 1890-х годов становится немецкая и отчасти польская колонизация различных российских регионов. Как и в прежние десятилетия, германофобия и полонофобия нередко становились инструментами для решения более узких и конкретных задач. Так, в 1894 г. на страницах «Московских ведомостей» под псевдонимом «Русак» появилась статья И. А. Баженова, направленная против проекта создания в Киеве высшего сельскохозяйственного училища и отстаивавшая идею о необходимости подобного заведения в Харькове. Будущий черносотенец утверждал: «За последние 25–30 лет чуть не весь Юго-Западный край перешел во владение немцев и поляков, он в сельскохозяйственном отношении тесно сплотился с западными губерниями, где господствует исключительно польское землевладение. Эта сплоченность за последние годы в такой степени укрепились, что начинает крайне неблагоприятно отражаться на сельском хозяйстве южнорусских губерний»⁴³. И. А. Баженов считал, что поляки и немцы стремятся к монополии на вывоз хлеба из России, для чего им необходимо «целым рядом разнообразных мер преобразовать хлебную торговлю в таком смысле, чтобы она была выгодна исключительно для Привислинского, для Балтийского и Юго-Западного краев»⁴⁴.

В качестве элементов масштабной германо-польской «стратегии». И. А. Баженов указывал на пересмотр поляками и немцами в свою пользу железнодорожных тарифов; создание «целого ряда сельскохозяйственных обществ и агентств»; «захват» двух из трех имевшихся в империи высших сельскохозяйственных училищ («Ново-Александровский институт и Горыгорецкое землевладельческое училище были предоставлены им; на остальную Россию остался лишь Петербургский Земледельческий институт»); «стягивание» «в Западный и Юго-Западный край целого ряда специальных сельскохозяйственных училищ», куда, по мнению автора, не допускались русские. Благодаря реализации столь коварного плана «польская и немецкая молодежь получила специальное сельскохозяйственное

⁴³ Русак [Баженов И. А.] Глухая сельскохозяйственная борьба Юга России с Юго-Западным и Западным краем // Московские ведомости. 1894. 12 авг.

⁴⁴ Там же.

образование и стала развивать свое хозяйство». Единственной угрозой чужеземному владычеству оставался проект открытия сельскохозяйственного института в Харькове, который должен был ковать кадры «для внутренних черноземных губерний и для южной России». Поэтому, «испугавшись будущего оживления юга, западные и юго-западные поляки и немцы <...> стали ходатайствовать о том, чтобы правительство не открывало на юге России сельскохозяйственного института, а взамен того учредило бы в польско-немецком крае третье высшее сельскохозяйственное училище. Местом для него избран центр Юго-Западного края Киев»⁴⁵.

Столь смелый полет конспирологической мысли несколько опережал свое время — подобные разоблачения в большей степени будут характерны для черносотенной печати начала XX в. Несколько более аккуратно подавал эту тему брат Ю. С. Карцова — агроном А. С. Карцов. Критикуя «польскую» частную Владикавказскую железную дорогу, которой управляли «лица, перечислением имен и фамилий которых, рассыпанных по Владикавказской дороге, ее веткам и сооружениям, пришлось бы исчерпать римско-католические святцы и мемориал польских фамилий», автор подчеркивал, что проблема дороги — не поляки как таковые: «Узкосплоченный, непроницаемый кружок — всегда вреден. Допустим, что костромичи, из среды которых выделились Сусанин и Комиссаров, овладели бы каким-нибудь важным общественным учреждением и состав его наполняли исключительно костромичами. Область, в которой владычествовали бы костромичи, постепенно наполнялась бы их земляками, которым оказывались бы всевозможные послабления сравнительно с другими жителями происхождения не костромского и последние в силу того вытеснялись. Мало-помалу костромичи, заняв такую гордую позицию, возомнили бы о себе, что они существа высшего порядка, а потому, не рассчитав своих способностей и знаний, хватались бы за выполнения всевозможных сооружений, оказавшихся впоследствии негодными и вредными для жизненной безопасности и имущества населения. Могла ли бы такая монополия костромичей понравиться массе жителей и не была ли бы она вредна для государства?»⁴⁶

Новым толчком к обсуждению немецкой темы стала опубликованная «Новым временем» 4 января 1896 г. записка генерала А. И. Ко-

⁴⁵ Русак [Баженов И. А.] Глухая сельскохозяйственная борьба...

⁴⁶ Карцов А. С. Терская область // Русский вестник. 1895. № 3. С. 291–292.

сича, в которой утверждалось, что немецкая колонизация Юго-Западного края поддерживается германским правительством. С этого момента необходимость противостояния немецкой колонизации западных окраин России стала постоянной темой консервативной публицистики 1890-х годов. Так, на страницах «Русского труда» (где позже появится целая рубрика «Хроника иностранного нашествия», освещавшая процесс проникновения в страну иностранного капитала) в 1897 г. появилась статья А. П. Липранди «Фатерланд в России», в которой утверждалось: «Экономические интересы наши требуют прекращения дальнейшего нашествия на русскую землю иноплемennых, интересы же политические, государственные требуют, чтобы пересевшие на нашу почву два с лишком миллиона немцев были русскими, а не германскими гражданами, каковыми пребывают до сего времени. Они должны обязательно сблизиться духовно с приютившею их Россией и если не исчезнуть окончательно в русском море (как славянские племена, достигнутые Пруссией, исчезли в немецком море), то, во всяком случае, навсегда отбросить свои, столько же вздорные, сколько и задорные тенденции и стать в ряды русского рабочего люда». Пока же этого не произошло, «русские зря бегут в отдаленную Сибирь, терпя всякие лишения и невзгоды, а старинные русские земли, еще недавно считавшиеся неотъемлемым достоянием русского народа, достаются мирному завоеванию германских пришельцев!»⁴⁷

В том же году Д. И. Иловайский сочувственно цитировал в своем «Кремле» передовую статью из «толковой» газеты А. П. Пятковского «Гласность»: «В прошлом году из юго-западных губерний переселилось в южно-уссурийский край 300 крестьян, а в нынешнем туда же переселяется уже 1200. <...> Чего бы, кажется, переселяться из такой благодатной сторонки, как волынская, подольская или киевская губерния?.. Крестьяне наши и в особенности хохлы очень неохотно идут на переселения; даже обжившись и хорошо устроившись на новых местах, хранят живое и теплое воспоминание о родных местах. И многих слез, и колебаний, и больших материальных потерь стоит всякое переселение. Это своего рода драма в крестьянском быту. Но что же гонит крестьянина переселяться?.. На юго-западе гонит переселяться теснота, а тесноту сделал немец. Все мало-мальски удобные продававшиеся земли раскуплены немцами и по таким ценам, коих

⁴⁷ Липранди А. П. Фатерланд в России // Русский труд. 1897. 8 нояб.

немыслимо ожидать от хлеборода-хохла. Немцы, занявшие наш юго-запад, преимущественно уезды, граничащие с Пруссией и Австрией, имеют свои бюро в Берлине; из бюро им выдаются крупные суммы в ссуду или вроде субсидии — неизвестно. Но только чуть где продается хорошая земля, преимущественно стратегический пункт около перевозов через реку, немцы выкупят его во что бы то ни стало». Подводя итог размышлениям А. П. Пятковского, редактор и единственный автор «Кремля» восклицал: «Итак, немцы в собственных наших пределах, теснят русских из Европы в Азию; а некоторые мнимые консерваторы заодно с радикалами толкуют об избытке у нас национализма!»⁴⁸

Увязывал немецкий вопрос с переселенческим и омский корреспондент «Русского вестника» Т. И. Тихонов, считая появление в Сибири немецких колонистов с Поволжья и Волыни «новым в переселенческом вопросе явлением» и скорее радуясь последнему. Опираясь на данные о росте «поземельной собственности иностранных или немецких поселенцев», публицист говорил о «политическом характере немецкой иммиграции в <...> западные окраины и преимущественно на Волынь». По его мнению, «немецкая колонизация мало-помалу обратилась в систему как бы мирного завоевания <...> земель на Западной окраине»⁴⁹.

На западных окраинах немецкие колонисты играли, по мнению Т. И. Тихонова, исключительно отрицательную роль: «Отношение колонистов к местному крестьянскому населению вполне отчужденное. Русского языка колонисты не знают и не хотят знать и изучать его. <...> Собственное немецкое образование у колонистов поставлено очень высоко»⁵⁰. Низко оценивал публицист и вклад немцев в развитие местного сельского хозяйства: «О какой-либо рациональной системе ведения хозяйства немецкими колонистами не может быть и речи, так как, по-видимому, все цели этих переселенцев направлены к возможно широкой эксплуатации местного населения и страны, приютившей их. Истощив одни земельные участки, они переходят на другие, применяя ту же немецкую культуру, которая сводится к тому, чтобы, разорив чужую страну и ее жителей, обо-

⁴⁸ Иловайский Д. И. Вынужденные переселения // Кремль. 1897. 1 марта.

⁴⁹ Тихонов Т. И. Письма о переселенцах. Немцы-колонисты в Волыни и в Сибири // Русский вестник. 1896. № 10. С. 320–321.

⁵⁰ Там же. С. 326.

гатить только себя»⁵¹. В силу этого обстоятельства автор «Русского вестника» — будто и не было предыдущих тридцати лет — призывал к русификации землевладения, которая одна только могла привести «к возможно полному упрочению <...> положения именно на Западе, в западной полосе России»⁵².

Новым у Т.И.Тихонова было предложение «видоизменения и расширения <...> колонизационной политики»: при содействии Крестьянского банка переселять крестьян из Центральной России на западные окраины, а немцев отправлять «на Восток, в Сибирь, в киргизские степи»⁵³. Публицист был уверен в том, что подобная стратегия не угрожает перспективе заселения Сибири: «У нас так много безземельных и малоземельных, безлошадных и бесхозяйных крестьян, что их хватит, даже при условии широкой колонизационной политики, для всех наших окраин как в Азиатской, так и в Европейской России, в том числе и для Западного края, на долгое время»⁵⁴.

В начале XX в. рупором консервативной мысли по окраинным вопросам оказалась газета «Окраины России», возникшая в 1906 г. как печатный орган Окраинного отдела Русского собрания⁵⁵. С возникновением в 1908 г. на базе отдела самостоятельной структуры — Русского окраинного общества (далее — РОО), газета стала выразителем его позиции. Редактором еженедельника являлся бывший инспектор народных училищ Виленской губернии и один из учредителей РОО П.Г.Бывалькевич⁵⁶, а издателем, идейным вдохновителем и постоянным автором — также видный член РОО филолог-славист П.А.Кулаковский⁵⁷. Свое кредо газета формулировала словами, вынесенными на обложку каждого номера: «...защищать интересы и права Русского государства и русского народа и отзываться

⁵¹ Тихонов Т.И. Письма о переселенцах. Немцы-колонисты на Волыни и в Сибири // Русский вестник. 1896. № 11. С. 382.

⁵² Там же. С. 387.

⁵³ Там же. С. 387–388.

⁵⁴ Там же. С. 389.

⁵⁵ См. об этом: Иванов А. А. «Окраины России» // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / отв. ред. В.В.Шелохаев. М., 2011. С. 405; Иванов А. А., Котов А. Э. Экономическая публицистика газеты «Окраины России». С. 50–63.

⁵⁶ РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 356.

⁵⁷ См. подробнее: Котов А. Э. «Акрит» русской публицистики: П. А. Кулаковский между Катковым и Аксаковым // Славистика. Вып. XVII. 2013. С. 455–472.

на нужды русских людей, живущих на окраинах, и инородцев, преданных России».

Наиболее значимыми для «Окраин России» были западные окраины. Политические и культурные вопросы здесь преобладали над экономическими. Последние затрагивались в основном применительно к сфере аграрных отношений, которые, впрочем, также приобретали особенную остроту в связи с политическими кризисами и событиями.

Говоря о Прибалтийском крае, публицисты издания много писали о проблемах мелких крестьянских хозяйств. В качестве нового явления обращалось внимание на возникновение большого количества мелких (парцеллярных) сельскохозяйственных участков путем раздробления казенных имений и купленных Крестьянским банком дворянских вотчин, а также на предпосылки к дальнейшему распространению в крае этой системы обеспечения земель безземельных крестьян. Отмечалось, что установленная местным законодательством площадь подобных наделов в 5–6 дес. при имеющихся «почвенных и климатических условиях не обеспечивает существования крестьянской семьи», а потому предлагалось увеличить надел до 10 дес.⁵⁸ Газета внимательно следила за постепенной ликвидацией центральной властью устаревших форм землепользования. «Окраины России» приняли участие и в обсуждении вопроса о ликвидации так называемой квотной или шестидольной земли, выделенной Уложениями о крестьянах Лифляндской и Эстляндской губерний 1849 и 1856 гг. из образованной тогда крестьянской земли «с оставлением ее в распоряжении помещиков»⁵⁹.

Не без тревоги сообщали «Окраины России» о «процессе обезлюдения Прибалтийского края, вызванном переселением латышей и эстов в города и во внутренние губернии»⁶⁰. Опору и поддержку русскому делу в регионе издание надеялось обрести в лице местных крестьян-собственников, так называемых серых баронов⁶¹. Однако самой важной задачей центральной власти газета считала распространение в регионе русского землевладения, как крупного, так и мелкого. Сообщая о предполагавшейся в 1909 г. ревизии Прибалтийского края, «Окраины России» в качестве ее главной задачи

⁵⁸ Ф. Из Прибалтийского края // Окраины России. 1909. 3 янв.

⁵⁹ Ф. Нам пишут из Прибалтийского края // Там же. 1910. 14 мая.

⁶⁰ Из Курляндской губернии // Там же. 6 марта.

⁶¹ Ф. Из Прибалтийского края // Там же. 1909. 7 марта.

называли помощь русскому населению посредством наделения землей и обеспечения своего представительства в Думе⁶². Газета приводила «интересные, но грустные данные» о русском землевладении в Курляндской и Эстляндской губерниях, где насчитывалось соответственно девять и два крупных русских собственника: «В имениях своих [они], к сожалению, не проживают и нисколько не интересуются тем, что они могли бы стать серьезной опорой поднятия русского дела в крае. <...> Положение мелких русских землевладельцев Курляндской губернии очень печальное. [Они, как правило] рассеяны небольшими партиями в качестве сельских рабочих»⁶³. В Эстляндии русское крестьянское население также характеризовалось как немногочисленное, при этом указывалось на враждебное отношение к нему эстонцев, доходящее в отдельных случаях до убийств из-за спорных хозяйственных вопросов: «...а русское главное управление землеустройства и земледелия собирает в благодарность благодетельствовать эстонцам в ущерб русским»⁶⁴. Не лучшим представлялось и «положение местных русских служащих в Прибалтийском крае — стражников, урядников, сидельцев винных лавок, лесных объездчиков и др., заброшенных в захолустья края», которое в экономическом плане характеризовалось корреспондентом газеты как «безвыходное»⁶⁵.

В силу общности проблематики Северо-Западного и Юго-Западного края эти два региона нередко рассматривались «Окраинами России» совместно — как «Северо-Юго-Западный край» — в контексте польского вопроса. На страницах газеты экономические аспекты региона выдвинулись на первый план в 1909–1910 гг. в связи со столыпинским проектом о распространении земств на девять западных губерний, а отчасти с решением выделить Холмскую область из состава прежнего Царства Польского в отдельную губернию.

Один из публицистов, специализировавшихся в польском вопросе, неоднократно подчеркивал, что польские националисты стремятся «завоевать культурно и экономически <...> Северо-Юго-Западный край»⁶⁶. Другой автор издания напоминал, что после манифеста 17 апреля (о свободе исповеданий) «под угрозой лишения

⁶² Хроника // Там же. 4–11 июля.

⁶³ Русское землевладение в Курляндской и Эстляндской губерниях // Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Русский Прибалтиец*. Из Прибалтийского края // Там же. 21 марта.

⁶⁶ *Эльф*. Вильна // Там же. 1910. 6 февр.

найма на полевые работы, неотдачи в аренду земли и сенокосов, отказа в продаже дров на топливо, польские автономисты-помещики так стиснули несчастного православного мужичка, что он <...> не желая умирать с голоду, во многих местах начал “свободно верить в папу согласно велениям своей совести” и тысячами уходит из православия»⁶⁷. Обличал экономическую «польскую интригу» и председатель минского отдела РОО Н. А. Кованько, по словам которого поляки оценивали недвижимость своих единоплеменников гораздо выше, чем православных русских⁶⁸.

Издание колоритно описывало «польское засилье» в сфере виленской розничной торговли, где на весь 200-тысячный город можно было найти лишь несколько русских магазинов, притом что «масса всевозможного товара» доставлялась туда «главным образом русскими или из русских мест производителями». «И все это, — писало издание, — эксплуатируется польскими и еврейскими торговцами. А мы, русские, доставляя нашей производительностью барыши инородцам, не сумели свить в крае торговых гнезд»⁶⁹. Поляков-администраторов издание обвиняло в том, что они создали в крае «обособленную корпоративно-шляхетскую систему, далеко не отвечающую потребностям общей пользы», «замкнутую в сфере интересов частных лиц» и «при инертности русских землевладельцев» способную нанести «большой удар и русскому землевладению в частности и русскому делу вообще»⁷⁰.

Впрочем, отмечались и позитивные тенденции. Так, «Окраины России» подробно освещали деятельность общества «Крестьянин», которое ставило своей задачей поддерживать интересы крестьян-белорусов, заботиться об их культурном и экономическом развитии. Издание с одобрением отмечало, что данное общество «чуждо всяких сепаратистских стремлений» и «не отделяет белорусов от великорусов». Поддержку встречала и экономическая направленность деятельности «Крестьянина»: намерение создавать ссудо-сберегательные товарищества и кассы, потребительские общества, содействовать переселению в Сибирь; рекламировать столыпинскую аграрную политику по созданию образцовых хуторских хозяйств

⁶⁷ Н-в. Екатеринослав // Там же. 1909. 14 февр.

⁶⁸ В «Русском Краинном Обществе» // Там же. 1 мая.

⁶⁹ Эльфи. Вильна // Там же. 20 июня.

⁷⁰ Эльфи. Вильна // Там же. 1 авг.

и т. п.⁷¹ Вместе с тем «Окраины России» вынуждены было признать, что в данном случае все держалось на энергии горстки энтузиастов, особенно председателя общества, в случае ухода которого «Крестьянин» был обречен на прозябание⁷². Газета указывала, что на экономическую почву встал и Виленский отдел Союза русского народа, при котором образовались артели рабочих, берущие небольшие подряды. «Экономическая почва самая прочная в борьбе народной, — говорилось в заметке, — и очень жаль, что русское купечество Москвы не обратит внимания на Западный край, не разовьет свою торговлю: оно могло бы найти там значительный сбыт своим товарам, особенно мануфактурным»⁷³.

В политике правительства «Окраины России» отмечали в тот период как положительные, так и отрицательные тенденции. Сообщалось, например, что Главное управление землеустройства и земледелия ассигнует гродненскому губернатору 19 500 руб. «на оказание агрономической помощи населению и на устройство показательных хуторов», что намечен ряд других мероприятий: «распространение травосеяния, искусственных удобрений, снабжение хуторян саженцами плодовых деревьев, улучшенными огородными семенами, устройство случайных пунктов для рогатого скота и пр.». Кроме того, то же управление разработало «для внесения в Думу проект о развертывании сервитутов, сохранившихся еще в губерниях Царства Польского и в Юго- и Северо-Западном крае», что встречало положительную оценку, поскольку проект должен был «положить конец тем бесконечным правонарушениям, которые возникают на почве сервитутного землепользования, и от которых страдают темные крестьяне»⁷⁴. Резкой критике подвергалась деятельность ГУЗиЗ: «[Из-за этой деятельности] сельское население Могилевской губернии совершенно лишено всякой агрономической помощи, несмотря на ощущающуюся в этом, особенно за последнее время, потребность»⁷⁵.

В целом и политическая, и экономическая публицистика «Окраин России» поддерживала столыпинский курс, что, впрочем, не исключало критики отдельных направлений окраинной политики как

⁷¹ П. Б. Съезд представителей деревни // Там же. 3 янв.

⁷² Ид. Вильна // Там же. 1910. 6 марта.

⁷³ П. Г. Отголоски из Вильны // Там же. 1909. 18–25 июля.

⁷⁴ Хроника // Там же. 1 мая. С. 282

⁷⁵ Хроника // Там же. 1 авг. С. 463.

центральных, так и местных властей. Эта критика имела консервативный и националистический уклон: российской администрации доставалось за либерализм, космополитизм, безынициативность, чиновничье равнодушие к интересам империи и забвение русских интересов. Такой подход был традиционным для изданий «русского направления» еще со времен М. Н. Каткова, учеником которого считал себя П. А. Кулаковский⁷⁶. Национализм издания проявлялся также в борьбе с «инородческим засильем» и с убежденностью, что окраины в первую очередь должны служить экономическому процветанию русского народа и центральной России, а не местных этнических элит. Также отмечалось, что окраины должны быть источником дохода, а не дотационной обузой для империи. Решение этой проблемы издание видело в последовательной русификации национальных регионов. Вместе с тем «Окраины России» были вынуждены обращать внимание на экономическую слабость русских колонизаторов, которую также объясняли ошибками переселенческой политики правительства. Последней отводилась особая роль, поскольку, по мнению издания, хорошо продуманная и массовая колонизация национальных окраин русскими переселенцами должна была решить как экономические, так и политические задачи.

Разумеется, приведенные выдержки из консервативной публицистики конца XIX — начала XX в. не охватывают всех аспектов экономического политики российских властей на западных окраинах империи. Однако сделать из них ряд заключений все же возможно. Вопросы экономической целесообразности были для консервативного дискурса вторичными, производными от государственных и национальных русских интересов. Обозначившееся в 1890-х годах усиление внимания отечественных консерваторов к вопросам экономики связано как с падением политической роли консервативной печати (утратившей после смерти М. Н. Каткова самостоятельную политическую роль), так и с тенденциями эпохи: углублением капиталистических отношений, проникновением в русскую общественную жизнь марксизма. Однако и в этой сфере консерваторы оставались в рамках собственных представлений предыдущих десятилетий, продолжая считать экономику лишь инструментом так и не состоявшейся русификации западных русских земель. Примечатель-

⁷⁶ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский дом). Ф. 572. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

но, что те же самые консервативные общественные круги, в которых во второй половине XIX в. сформировались основы экономической политики русской власти на окраинах, в конце XIX — начале XX столетия констатировали неудачу этой политики. Нужно было искать иные пути, однако их консерваторы предложить уже не могли.

10.2. Социально-экономические аспекты введения земства в западных губерниях Российской империи

Проблема введения земства в западных губерниях Российской империи не обделена вниманием историков. Полемика вокруг этого вопроса отражена в широком круге источников. Однако как в большинстве документов эпохи, так и в работах исследователей акцент преимущественно делался на политических и этноконфессиональных аспектах данной проблемы, в то время как ее экономическая составляющая вызывала значительно меньший интерес. Такое положение дел вполне объяснимо: принятый в 1911 г. закон о земстве в западных губерниях вызвал в стране острый политический кризис, привел к конфликту между председателем Совета министров П. А. Столыпиным и законодательными учреждениями и едва не закончился отставкой премьера. На этом фоне социально-экономические аспекты реформы несколько затушевались, хотя при ее обсуждении и подготовке внимание им уделялось наравне с национальным, религиозным и политическим факторами. Так, отстаивавшая законопроект газета «Окраины России» писала в 1910 г.: «Не подлежит сомнению и то, что преобладание одной какой-либо народности в хозяйственной жизни не может не придавать определенно окраски всей местности, так как хозяйственные интересы едва ли не глубже и быстрее проникают в народные массы, чем интересы политические»⁷⁷.

Не вдаваясь в подробное описание всех этапов борьбы за введение земства в Западном крае, которая уже достаточно хорошо изучена историками и освещена в исследовательской литературе⁷⁸, напомним лишь основные ее вехи, сосредоточившись в рамках

⁷⁷ П. Б. Земство в западных губерниях // Окраины России. 1910. 13 марта.

⁷⁸ См., напр.: Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991; Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.,

данного параграфа на социально-экономических аспектах указанной темы.

Как известно, земская реформа 1864 г. не распространялась на Западный край, включавший бывшие земли Речи Посполитой, присоединенные к Российской империи в конце XVIII в. К началу XX в. край состоял из девяти губерний: Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Волынской, Киевской и Подольской⁷⁹. Первые шесть из них составляли Северо-Западный край, а последние три — Юго-Западный. Вопрос о введении земств в этих белорусско-литовских и малороссийских землях поднимался с самого начала создания органов местного самоуправления, однако всякий раз упирался в серьезную проблему, связанную с этноконфессиональной ситуацией в Западном крае. Суть ее заключалась в экономическом господстве польского католического дворянства, составлявшего в процентном отношении абсолютное меньшинство населения (в среднем 4 % по переписи 1897 г.⁸⁰). При этом, как считалось, польские помещики были враждебно настроены к России, что заставляло правительство опасаться еще большего их усиления, так как при существующей системе выборов именно они должны были получить преобладание в земских органах края.

Как отмечал депутат Государственной думы III и IV созывов октябрист Н. В. Савич, частное землевладение в западных губерниях «в большой мере продолжало еще находиться в руках поляков, элемента культурного, сплоченного и относившегося враждебно ко всему, что могло способствовать укреплению связи края с остальной Россией, продолжавшего политику колонизации крестьян, несмотря на более чем столетнее воссоединение этих губерний с русским государством. Естественно, при введении там земства этот культурный и враждебный русской государственной идее элемент получил бы преобладающее влияние в новых органах самоуправления и использовал бы их для вящей колонизации края, чего правительство не могло допустить»⁸¹. На это же обращал внимание и другой думский

2007; Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016; и др.

⁷⁹ Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 12. СПб., 1894. С. 247.

⁸⁰ Приводится по: Демин В. А. Западное земство // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. С. 194.

⁸¹ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 64.

депутат, известный публицист русского национального направления В. В. Шульгин, отмечавший, что «богатый и прекрасный край», являясь «колыбелью Руси» и «будучи сплошь населен русским племенем», в силу исторических причин «лишился как своей природной земельной аристократии, так и среднего городского и торгового класса»⁸². В результате, по оценке В. В. Шульгина, в Западном крае сформировались две враждебные друг другу силы: «небольшое число сословие людей другой народности и веры» (польское дворянство) и «огромное черноземное море, масса сельского населения, принадлежащая к русскому племени»⁸³. «В прошлом между ними кровавые счеты, в настоящем — противоположность интересов социальных, экономических, религиозных и политических»⁸⁴. Западнорусское крестьянство, оставаясь ущемленным в своих национальных, политических и социальных правах, значительно опережало по своему экономическому развитию крестьян-великороссов, так как не знало уравнительной поземельной общины и со времен отмены крепостного права перешло к подворному владению землей. Не желая в Западном крае «польского земства», русский националист В. В. Шульгин также был против совершенного отстранения польских помещиков от земской работы: «Русская деревня не богата культурными силами, а потому устранять от земского дела людей образованных и хороших сельских хозяев — это роскошь не по средствам»⁸⁵. Но в среде русских националистов звучали и категоричные мнения. «У нас или не должно быть никакого земства, или оно должно быть совершенно русским, с самым малым представительством от поляков, или же, правильнее, с совершенным устранением их от этого дела», — отмечал в 1909 г. публицист Д. В. Скрынченко⁸⁶.

Первые проекты введения выборного земства в Западном крае появились уже 1860–1870-е годы⁸⁷. К концу XIX в. практически для всех стало очевидным, что отсутствие органов местного самоуправления создает ряд неудобств и тормозит развитие экономической

⁸² Шульгин В. В. Выборное земство в Юго-Западном крае. Киев, 1909. С. 5–6.

⁸³ Там же. С. 10–11.

⁸⁴ Там же. С. 11.

⁸⁵ Там же. С. 46.

⁸⁶ Скрынченко Д. Открытое письмо думским октябристам // Минское слово. 1909. 25 дек.

⁸⁷ См. об этом: Западные окраины Российской империи. С. 271–273.

жизни Западного края. После соответствующих предложений от местных губернаторов правительство приступило к разрешению этого вопроса, и в 1896–1897 гг. по указанию И. Л. Горемыкина начальник отделения Хозяйственного департамента МВД С. Е. Крыжановский разработал проект создания западного земства, имевшего некоторые ограничения: выборы допускались лишь для земских собраний, причем только в тех уездах, где земледельческое население признавалось «безусловно преданным русской государственности», а члены земских управ должны были назначаться администрацией⁸⁸. Проект подвергся как консервативной, так и либеральной критике и в результате от него отказались (Не последнюю роль в этом сыграли интриги С. Ю. Витте⁸⁹.)

В начале XX в. к проблеме вернулись снова, попытавшись хотя бы отчасти разрешить ее путем создания в 1903 г. в Западном крае губернских и уездных комитетов и управ по делам земского хозяйства из числа назначенных министром внутренних дел чиновников и местных жителей. Такая организация земского хозяйства в корне отличалась от земств, созданных в результате реформы 1864 г., поскольку выборный принцип был полностью отвергнут (современники прозвали эти земства «казенными» или «маргариновыми»⁹⁰). Кроме того, неудачной оказалась попытка сосредоточить все управление земским делом исключительно на губернском уровне, в то время как уездные комитеты не могли распоряжаться своими средствами, минуя губернскую управу. Поскольку касса была общегубернской и обложение устанавливалось на всю губернию, разрушался важный принцип хозяйственного расчета, согласно которому, как отмечал В. В. Шульгин, каждое хозяйство «должно жить на свои собственные средства, принцип, который и обуславливает бережливое, целесообразное хозяйственное ведение дела»⁹¹. Так как все денежные средства земства сосредотачивались в руках губернской управы, стесненной к тому же необходимостью испрашивать разрешение на их израсходование в МВД⁹², прежде чем распределить их по уездам, уездные комитеты стали пытаться выторговать себе как можно больше средств, не сообразуясь со своим реальным вкла-

⁸⁸ См. подробнее: Демин В. А. Западное земство. С. 193–194.

⁸⁹ См. об этом: Савич Н. В. Воспоминания. С. 63.

⁹⁰ Западные окраины Российской империи. С. 262.

⁹¹ Шульгин В. В. Выборное земство в Юго-Западном крае. С. 27.

⁹² РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 56. Л. 2 об.

дом в общую копилку и неотложными потребностями. Поскольку члены губернских комитетов не имели возможности проверить, насколько важны и необходимы запросы их коллег из разных уездов, на практике дело обычно заканчивалось тем, что «уезды, представленные гласными покрасноречивее и понастойчивее, забирали себе львиную долю бюджета», а «деньги, полученные легко, — легко и расходовались, тем более что настойчивое проведение своих требований вовсе не всегда сопутствует умелому и добросовестному хозяйничанью»⁹³. Отсутствие же согласованной работы приводило к многочисленным перекосам. Как отмечал в 1911 г. во всеподданнейшем отчете киевский, подольский и волынский генерал-губернатор Ф. Ф. Трепов, «особенно слабо развитою земской отраслью является дорожное дело. <...> Явление это должно быть объяснено уездным сепаратизмом в данной области: каждый уезд думает лишь о своих дорожных нуждах, не согласуя удовлетворения таковых с дорожными потребностями общегубернскими»⁹⁴. Да и сам факт привлечения для работы в комитетах чиновников, часто приставленных к земскому делу случайно и не имевших особого рвения, нацеленного на хозяйственно-экономическое процветание края, зачастую приводил к формальному исполнению ими своих обязанностей. Не неся ответственности перед населением, которое их не выбирало, гласные не отвечали и перед администрацией, так как работа в земских органах не считалась государственной службой. В итоге, по справедливому замечанию В. А. Демина, созданные по закону 1903 г. земские учреждения «действовали крайне неэффективно из-за случайного состава гласных, ограниченности их полномочий, отсутствия уездных бюджетов и связи между распорядительными и исполнительными органами»⁹⁵.

Очередная попытка была предпринята в 1906 г. Проект, разработанный в МВД, предусматривал уменьшение представительства дворян и закрепление за русскими (великороссами, белорусами, малороссами) определенного числа мест в земских органах, но из-за сопротивления польского дворянства она также не была реализована.

Помимо сопротивления проектам введения земства в западных губерниях со стороны польского дворянства, против них выступал и местный капитал как таковой. «Крупный промышленный

⁹³ Шульгин В. В. Выборное земство в Юго-Западном крае. С. 28.

⁹⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 56. Л. 2 об.

⁹⁵ Демин В. А. Западное земство. С. 194.

и земельный капитал вообще был крайне враждебен введению там земства, — отмечал Н. В. Савич. — При существовавших порядках обложение на местные нужды было минимальным, вне всякого сравнения с тем, что имелось в староземских губерниях. Ясно, что введение земских учреждений очень быстро подняло бы это обложение, направило бы миллионы рублей на нужды местного крестьянства, и миллионы эти в значительной части были бы взяты из карманов этого богатого и эгоистического класса»⁹⁶.

Принципиально новым этапом стала борьба за создание земства в Западном крае в законодательных учреждениях Российской империи. В 1908 г. по предложению октябристов и умеренно правых Дума высказала пожелание о введении в западных губерниях выборного местного самоуправления. В следующем году правая группа Государственного совета по инициативе Д. И. Пихно внесла законопроект о выборе девяти членов Совета от западных губерний (с 1906 г. губернские земские собрания имели право выбирать по одному члену Госсовета), разделив их по национальным куриям, чтобы русское население было представлено шестью членами Совета, а польское — тремя. Однако думское большинство, не желая ограничиваться лишь изменением выборов в Государственный совет, отклонило инициативу верхней палаты, предложив вместо этой паллиативной меры ввести в западных губерниях выборное земство. Как вспоминал Н. В. Савич, октябристы убеждали П. А. Столыпина: «Если правительство хочет изменить выборный закон в этих губерниях, у него есть простое и законное средство — стоит ввести там земские учреждения и тогда автоматически, в силу основных законов, выборы от землевладельческой курии будут заменены выборами от губернских земств, цель будет достигнута». А чтобы земства не попали под исключительное влияние поляков, Н. В. Савич предлагал «провести в законе принцип ограждения русских интересов путем установления курий по национальностям, выделение поляков в особую курию с предоставлением им небольшого представительства в земских собраниях, например, пропорционально их численности в крае»⁹⁷. После недолгих колебаний П. А. Столыпин, не понаслышке знавший особенности края (детство его прошло в Виленской губернии, 13 лет он служил в Ковенской губернии предво-

⁹⁶ Савич Н. В. Воспоминания. С. 64.

⁹⁷ Там же. С. 65–66.

дителем дворянства, а в 1902–1903 гг. занимал пост гродненского губернатора), согласился с доводами думского большинства и пообещал, что правительство в скором времени представит на суд Думы соответствующий законопроект.

Правительственный законопроект был внесен в Думу в январе 1910 г. Он предусматривал сочетание имущественных, сословных и национальных цензов, призванных обеспечить русское (преимущественно белорусское и малорусское) преобладание. Из девяти западных губерний выборное земство планировалось ввести лишь в шести, отсрочив его введение в Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях из-за невозможности обеспечения «русского земства» в двух первых (как отмечал П. А. Столыпин, русская недвижимая собственность в Ковенской губернии составляла не более 14 %, а в Виленской — не более 20,5 %⁹⁸) и вхождения Гродненской губернии в одно с ними генерал-губернаторство⁹⁹. Но это не означало, что от введения земства в этих трех губерниях отказывались в принципе — практически сразу же здесь началась подготовка почвы для его введения в отдаленном будущем: земли помещиков скупались Крестьянским банком и дробились между переселяющимися сюда русскими крестьянами, что в перспективе должно было обеспечить русскому населению большинство гласных¹⁰⁰.

Как вспоминал товарищ председателя III Государственной думы октябрист С. И. Шидловский, «сначала было предложено ввести своеобразное земство во всем Западном крае с приданием особых преимуществ представителям русской национальности, но как ни вертели и каких только комбинаций ни придумывали, оказалось, что достичь этой цели в Северо-Западном крае (губерниях Виленской, Ковенской и Гродненской) совершенно невозможно за отсутствием в них русского элемента, и поэтому самая мысль о введении земства в нем была оставлена»¹⁰¹. В тех же губерниях, на которое выборное земство распространялось, вводилось всесословное голосование, не предусматривавшее выделение дворян в отдельную курию. Определенное количество мест предлагалось зарезервировать

⁹⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 4. СПб., 1910. Стб. 779.

⁹⁹ См. об этом: *Демин В. А.* Западное земство. С. 194.

¹⁰⁰ См. об этом: *Седова Я. А.* Октябрический режим: в 2 т. Т. 2. М., 2018. С. 317.

¹⁰¹ *Шидловский С. И.* «Убежденный государственник» // Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Самые знаменитые речи и письма. М., 2013. С. 38.

за православным духовенством, считавшимся в крае оплотом «русскости». Таким образом, непольское население края должно было избирать наибольшее число земских гласных, а представители крупного дворянского землевладения (каковыми в Западном крае преимущественно были поляки) лишались преференций.

Выступая перед Думой 7 мая 1910 г., П. А. Столыпин среди прочих составляющих законопроекта обратил внимание депутатов на его экономические аспекты. Упомянув в своей речи, что поляки-землевладельцы в Западном крае «привыкли держать местное население под сильным экономическим гнетом и в экономической зависимости», премьер отмечал: «Правительство и его противники сознают одинаково, что сообразно теперешнему состоянию Западного края необходимо использовать его местные элементы. Правительство обязано сгруппировать их, иначе оно стало бы пособником отсталости края, края, который до настоящего времени не имеет ни самообложения, ни уездных земств, который вследствие этого не может экономически прогрессировать, что, в свою очередь, отражается, конечно, и на благосостоянии всего государства»¹⁰². Указывая, что в силу исторических обстоятельств «цитадели польской культуры» оказались намного сильнее разрозненных русских «гнезд», премьер задавал риторический вопрос: «И вот, когда наступило время для большей свободы и самостоятельности местных групп, спрашивается, вправе ли государство предоставить русские силы самим себе, вправе ли оно теперь, в настоящее время, сразу отказать в помощи тем слабым отросткам русской государственности, которые там еще не окрепли, которые не могут еще самостоятельно себя ограждать? Возможно ли в настоящее время на политической арене Западного края предоставить свободное состязание, свободное соревнование двум политическим и экономическим факторам, русскому и польскому? Достоянна ли русского правительства роль постороннего зрителя, постороннего наблюдателя (*справа и в центре рукоплескания и голоса: браво*), стоящего на этом историческом ипподроме, или в качестве беспристрастного судьи у призового столба, регистрирующего лишь успехи той или иной народности? (*Рукоплескания справа, возгласы: верно, браво!*)»¹⁰³. Подытоживая

¹⁰² Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 4. Стб. 776, 783.

¹⁰³ Там же. Стб. 777.

сказанное, П. А. Столыпин еще раз подчеркнул значение экономического фактора продвигаемого им законопроекта: «Все историческое прошлое Западного края говорит за необходимость <...> оградить его от преобладающего влияния польского элемента в экономической, хозяйственной жизни, которою, главным образом, и живет местное население. Да, необходимо ввести земство, необходимо дать простор местной самостоятельности, необходимо развить силу тех племен, которые населяют Западный край, но исторические причины заставляют поставить государственные грани для защиты русского элемента, который иначе неминуемо будет оттеснен, будет отброшен»¹⁰⁴. Спустя неделю, 15 мая 1910 г. председатель Совета министров, призывая депутатов поддержать законопроект, под рукоплескания правых и центра заявил: «Если в настоящее время не будет принят земский законопроект, то, несомненно, край лишится возможности к дальнейшему процветанию, которое так дорого и правительству, и Государственной думе. Не принят будет этот законопроект, край будет долгое еще время пребывать в той экономической дремоте, в которой доселе пребывает Западная Россия»¹⁰⁵.

В целом законопроект встретил поддержку правоцентристской части Думы — большинства октябристов, националистов и членов фракции правых (хотя единства в отношении столыпинского проекта в черносотенном лагере не было¹⁰⁶); с критикой его выступали социалисты, кадеты, прогрессисты и депутаты-поляки. Первые в большинстве приветствовали правительственную борьбу с полонизацией края, вторые выступали против дискриминации по этноконфессиональному признаку. Как сторонники законопроекта, так и его противники затрагивали его экономическую составляющую. Докладчик комиссии по местному самоуправлению националист Д. Н. Чихачев, представлявший Подольскую губернию, отмечал, что введение национальных курий в Западном крае обусловливается необходимостью считаться «с экономической зависимостью отдельных групп русских избирателей от польских избирателей». Эта экономическая зависимость, продолжал депутат, проявлялась в разных формах: как в виде «зависимости самого бедного русского населения — батраков — от землевладельцев, от крупных сельских хозяев,

¹⁰⁴ Там же. Стб. 787.

¹⁰⁵ Там же. Стб. 1392–1393.

¹⁰⁶ См. об этом: *Стогов Д. И.* Русские монархисты начала XX в. о положении православного населения Западного края // *Русин.* 2019. Т. 58. С. 85–87.

которые преимущественно в данном крае поляки», так и в виде зависимости отдельных групп мелких землевладельцев от крупных сельскохозяйственных промышленных предприятий, также находящихся в польских руках¹⁰⁷. На экономические аспекты законопроекта указывали и его противники. В частности, депутат-поляк Л. К. Дымша предупреждал, что при искусственном ограничении поляков, являющихся в Западном крае наиболее культурной и экономически развитой силой, трудно будет ожидать прироста материальных благ и «исковерканное» земство не принесет ничего иного, как «одни культурные и экономические убытки» и «новые взаимные национальные обиды и раны»¹⁰⁸. Впрочем, В. В. Шульгин поспешил указать, что своими успехами польское сельское хозяйство обязано России, ибо до того, как эти земли были присоединены к Российской империи, понятие *polnische Landwirtschaft* (польское сельское хозяйство) было нарицательным у немцев и обозначало все дурное, что можно было встретить в сельском хозяйстве. А потому из чувства благодарности к России, позволившей материально процветать польским землевладельцам, последние должны смириться перед необходимостью поступиться частью своих привилегий в пользу пробуждающейся в крае русской народности¹⁰⁹. Кадет А. И. Шингарев, выступая против законопроекта, обращал внимание на то, что правительство, указывая на экономическую слабость в крае русского большинства, до законопроекта о западном земстве не спешило «заняться подъемом экономического благосостояния и расцвета этого края»¹¹⁰. А социал-демократ И. П. Покровский, также критиковавший правительственный законопроект, но ратовавший за экономический подъем западнорусского крестьянства, заявлял: если «высшие классы, польские по происхождению, заслонили поработанные народные массы», в результате чего «масса русская была слаба экономически и культурно», то есть только один верный выход переломить ситуацию — устранить порабощение народных масс, предоставив им полную самостоятельность, «и русский край будет действительно и русский, и культурный, и экономически сильный». Для этого, по мнению И. П. Покровского, нужно было лишь ввести

¹⁰⁷ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия III. Ч. 4. Стб. 741–742.

¹⁰⁸ Там же. Стб. 934–935.

¹⁰⁹ Там же. Стб. 955–956.

¹¹⁰ Там же. Стб. 977.

всеобщее избирательное право, и тогда без всяких искусственных ограничений «80–90 % русского населения действительно будут хозяевами края»¹¹¹.

После бурных дебатов и внесения поправок проект закона голосами правополитического большинства был принят (165 голосов против 139 при 8 воздержавшихся). Казалось бы, П. А. Столыпин, по словам кадетского лидера П. Н. Милюкова утверждавший, что законопроект о введение земства в Западном крае будет важнейшим его нововведением после аграрной реформы¹¹², мог торжествовать. Но следующего фильтра — верхней палаты — законопроект о западном земстве преодолеть не смог. В Государственном совете к критикам законопроекта слева подключилась влиятельная группа правых, посчитавшая неприемлемой демократизацию земства в Западном крае за счет снижения ценза и одновременно желавшая нанести ощутимый удар по премьеру. 4 марта 1911 г. Госсовет отклонил столыпинский законопроект. Расценив это как интригу, направленную лично против него, П. А. Столыпин на следующий день подал в отставку, однако император ее не принял. Тогда премьер выставил условием продолжения своей службы роспуск законодательных учреждений на три дня и принятие закона в рамках чрезвычайного-указного права по ст. 87 статье Основных законов, что и было сделано 14 марта 1911 г. Однако такой шаг П. А. Столыпина вызвал негодование практически всех политических сил и привел к серьезному политическому кризису¹¹³. Между тем пусть и неправовыми методами, но летом 1911 г. земство в Западном крае было создано и приступило к работе.

Согласно формулировке белорусского историка В. П. Слободянина, во многом наследующей советской историографической традиции, «закон о западном земстве был плодом политического курса правительства П. А. Столыпина и являлся звеном в процессе реализации правительственной программы модернизации сельского хозяйства <...> Либеральный по форме (бессословность, вдвое пониженные имущественный ценз и вследствие этого повышенный удельный вес крестьянского элемента) — консервативный по

¹¹¹ Там же. Стб. 1097.

¹¹² Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 335.

¹¹³ См. об этом: Соловьев К. А. Конституционный кризис 1911 г. // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. С. 254–257.

существо»¹¹⁴. Между тем надежд власти на консерватизм той или иной из тогдашних общественных сил не следует преувеличивать: существо земской деятельности на западных окраинах мало отличалось от такового в земствах старых и заключалось в отстаивании «начал равномерности (в общественном смысле этого слова) в удовлетворении земством главнейших нужд населения и общедоступности для последнего школ, больниц и пр.»¹¹⁵ Интересно, что националистические мотивы, сопутствовавшие обсуждению законопроекта, не отразились хотя бы в какой-то мере на земской деятельности, а из изданий русских националистов земский вопрос практически исчезает. Причина, вероятно, заключалась в том, что достигнутое «торжество русского элемента», не только сняло этот вопрос с актуальной политической повестки, но и отчасти сгладило межнациональные противоречия в регионе.

Не вполне соответствует реалиям того времени и сложившаяся еще в советское время стереотипная трактовка наметившейся в 1910-е годы тенденции к коммерциализации земской деятельности как тенденции буржуазно-рыночной. Современниками-земцами она воспринималась несколько иначе — как торжество принципа социальной справедливости. Б.Веселовский писал в начале 1914 г.: *«В своей основе деятельность земства была и останется деятельностью культурно-общественной в широком смысле этого слова. С изменением в благоприятную сторону внешних и внутренних условий, с усилением притока средств эта деятельность будет развиваться, становиться многообразнее и сложнее. Виднейшее место в ней будет и далее принадлежать, конечно, заботам просветительно-культурного характера (народному образованию, школьному и внешкольному и т. д.), но, повторяем, жизнь становится сложнее и соответственно этому предъявляет больше различных требований к местному самоуправлению. И тут-то, наряду с мероприятиями просветительно-культурными, должны получить широкое развитие мероприятия культурно-хозяйственные, на основе либо “услуги-возмездия”, либо даже на общественно-коммерческих началах. Это неизбежный выход и естественное следствие применение начала справедливости в общественном хозяйстве. Земство должно считаться с многооб-*

¹¹⁴ Слобожанин В.П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.). Минск, 1994. С. 26.

¹¹⁵ Пятьдесят лет работы (1864–1914 гг.) // Вестник Могилевского земства. 1914. № 1–2. С. 11.

разием выдвигаемых жизнью культурных запросов и стараться их удовлетворить, но при условии, *чтобы интересы целого, всего общественного союза при этом не приносились в жертву* отдельным группам или даже лицам (курсив источника. — Авт.)»¹¹⁶.

Успешной деятельности новых земств способствовали два фактора.

Первым из них было активное использование опыта как работы «старых» земств центральных губерний, так и «казенных» земств, функционировавших на западных русских окраинах по положению 2 апреля 1903 г. «Земства шести западных губерний, только недавно приступившие к работе, имеют перед собой богатый опыт полувековой деятельности земских учреждений в соседних губерниях, — отмечало одно из земских изданий. — Приемы работы, основные руководящие начала ее — уже налицо. И мы видим, что новые земства, сразу же воспользовавшись накопленным полувековым опытом, смело вступили в земскую семью и дружно принялись за земское культурное строительство <...> Старые земства должны были начинать работу с азов, новые же земства получили огромное наследие в виде опыта и навыков полувековой работы земских учреждений. Они получали возможность сразу же приступить к налаживанию в широких рамках всего земского хозяйства»¹¹⁷. Опыт центральных губерний использовали и «казенные» земства, например, в деле организации медицинской помощи, благодаря чему земские учреждения, введенные в крае в 1911 г., застали уже готовую медицинскую организацию, имеющую свою историю и тесно связанную с местным населением¹¹⁸. Впрочем, полученное новыми земствами наследие требовало немалого труда по адаптации к местным условиям. В особенности это касалось наиболее бедных губерний. Так, согласно трехлетнему отчету Витебского губернского земства, «главнейшая особенность нового порядка» заключалась в децентрализации прав и обязанностей по заведыванию различными земскими отраслями и расширении полномочий уездных земств до пределов полной самостоятельности в отнесенных к их ведению областях хозяйства. «Отсюда, — отмечалось в отчете, — необходимость полного

¹¹⁶ Веселовский Б. Сущность земской работы и ее главные направления // Вестник Могилевского земства. 1914. № 8. С. 12–13.

¹¹⁷ Пятьдесят лет работы (1864–1914 гг.). С. 11–12.

¹¹⁸ Краткий обзор деятельности земств Минской губернии в первом трехлетии // Вестник Минского губернского земства. 1914. № 3–4. С. 33.

переустройства всего существовавшего до реформы строя земского управления на началах самоуправления и организации внутреннего распорядка земского управления применительно к новым формам и условиям земской деятельности. На это ушли и истекшие три года существования земства, посвященные сложной организационной работе, результат которой должен лечь в основу всей будущей земской деятельности»¹¹⁹.

Вторым фактором стало увеличение земских доходов и расходов сравнительно со сметами прежних «урезанных» земств. Земский бюджет Минской губернии (занимавшей среди шести западных губерний четвертое место по данному показателю) за 1911 г. (момент окончания действия положения 2 апреля 1903 г.) составил 2 096 034 руб., а за следующий 1912 г. (т.е. сразу после начала деятельности выборного земства) — уже 3 550 610 руб. и в дальнейшем ежегодно увеличивался почти на 50 %. Росли — прежде всего за счет общего экономического подъема в регионе — земские сборы, но увеличивалось и государственное финансирование: «пособия земству от казны и возврат расходов», ежегодные суммы которых возросли за три года с 78 617 руб. до почти 2 млн руб.¹²⁰ Государственная поддержка работы земств была закреплена, в частности, в законе 5 декабря 1912 г. Но ни этих средств, ни полученных в прежнем порядке земских сборов не хватало на удовлетворение всех местных потребностей¹²¹. Не случайно в начале 1914 г. Министерство финансов внесло в Думу законопроект об устройстве кредита для городов и земств¹²². Благодаря всему этому западнорусские земства в целом успешно решали проблемы сельского хозяйства, здравоохранения, народного образования, дорожного строительства, противопожарной безопасности¹²³.

В связи с тем, что шесть западных губерний, в которых вводились новые земства, по преимуществу были аграрными, на первый

¹¹⁹ Краткий очерк трехлетней деятельности Витебского губернского земства первого созыва. Витебск, 1914. С. 2.

¹²⁰ Краткий обзор деятельности земств Минской губернии... С. 5–11.

¹²¹ См. об этом: Слобожанин В.П. Земское самоуправление в Беларуси. С. 35–38.

¹²² См. подробнее: Грасс Г. Об улучшении земских финансов // Известия Волынского губернского земства. 1912. № 4. С. 4.

¹²³ См. об этом: Слобожанин В.П. Земское самоуправление в Беларуси. С. 49–64.

план здесь выдвинулись агрономические мероприятия. Значимость и сложность последних обуславливалась также шедшими в стране аграрными преобразованиями: переходом от общинного хозяйства к единоличному.

Высокий гражданственный пафос предлагаемых земскими изданиями инноваций нередко приобретал анекдотический характер. Так, пропагандировавшая козоводство статья «Вестника Минского губернского земства» начиналась с лозунга: «Голодный крестьянин не работник, не солдат, не гражданин!» Дальнейшая мысль автора вращалась вокруг следующего риторического диалога: «Кто же питает нашего крестьянина, кто воспитает крепкими, здоровыми его детей, кто сохранит для государства сильного, здорового работника, выносливого, храброго солдата, стойкого гражданина? Коза, эта “корова бедняка”, как говорят немцы, “корова слабых и больных”, как говорят французы»¹²⁴. Не менее серьезная идеологическая база подводилась «Известиями Волынского земства» под вопрос о значении для пчеловодов кооперативной самоорганизации: «Слабость и беспомощность наших пчеловодов — в разрозненности. Их счастье и довольство — в единении. В единении — сила! Чудным олицетворением этой идеи служат последние события на Ближнем Востоке. Дружное единение славянских народов на Балканах в тесный братский союз создало ту могучую силу, проявлению которой не в состоянии устоять ни миллионная турецкая армия, ни перво-классные крепости Оттоманской империи, ни даже изворотливая европейская дипломатия»¹²⁵.

Однако центральной темой земской пропаганды был вопрос землепользования. В Могилевской губернии еще «казенные» земские комитеты выделяли средства на организацию в каждом уезде двух опытных хуторов¹²⁶. Организованные новыми земствами в куда более широком масштабе показательные хозяйства демонстрировали крестьянам преимущества «многопольного севооборота, травосеяния, введения новых культур и удобрения почвы суперфосфатом

¹²⁴ Арский И. Д. Корова бедняка // Вестник Минского губернского земства. 1914. № 2. С. 9.

¹²⁵ К. Т. Роль и значение пчеловодных кооперативов // Известия Волынского губернского земства. 1912. № 23. С. 5.

¹²⁶ О сельскохозяйственном совете // Вестник земского хозяйства Могилевской губернии. 1907. № 1. С. 2.

и томасшлаком»¹²⁷. Большую роль в этой пропаганде играли и созданный в 1912 г. в Минске губернский сельскохозяйственный музей, и создаваемые в губернских центрах учебные заведения. Параллельно этому устраивались экскурсии крестьян и мелких землевладельцев в Данию и Швецию — «в эти классические страны мелкого землевладения и высокой сельскохозяйственной культуры»¹²⁸.

В повышении культуры землепользования видели один из способов преодоления проблемы малоземелья: в земских изданиях со ссылкой на американский опыт проводилась мысль о том, что «3 десятины могут прокормить 18 человек, и прокормить хорошо»¹²⁹. Не случайно «Вестник Могилевского земства» предлагал читателю образ нового человека: опубликованный на страницах журнала рассказ «Фантазер» описывал тип прогрессивного крестьянина, узнавшего, что «в Дании, как сказывается в книжках, люди на трех десятинах живут припеваючи». Отказавшись от переселения в Сибирь, главный герой мечтал превратить свой выделенный из общинной земли «бобыльский кусочек» в 2,5 десятины в образцовый хутор, который сподвиг бы и соседей к преодолению косной общинной среды. Вполне в духе позднейшей советской пропаганды «колхозного счастья» автор рассказа рассуждал: «А ведь это вчерашний дикарь, тот жалкий и невежественный белорусский мужик, который еще вчера кроме допотопной сохи да тощих полос земли ничего знать не хотел»¹³⁰.

Крайне важной для региона и сравнительно новой для России была тема «культуры болот», т.е. осушения и окультуривания болотных почв. С 1909 г. ей начали заниматься Новгородское и Тверское земство. Малороссийское и западнорусское крестьянство первоначально относилось к этим земским инициативам крайне скептически. Например, волынский мелиоратор описывал, как поселяне, «узнав, что болото предполагается вспахать и засеять викой с овсом, прямо в глаза смеялись: “Хтоце коли чув, щоб болото орали, та менэ

¹²⁷ Быховец. Агрономические мероприятия в районах землеустройства Могилевского уезда Могилевской губернии // Вестник Могилевского земства. 1914. № 3–4. С. 12.

¹²⁸ Краткий обзор деятельности земств Минской губернии... С. 90–91.

¹²⁹ Коголь И. Что можно получить с одной десятины земли? // Вестник Могилевского земства. 1914. № 3–4. С. 16.

¹³⁰ Белорус. Фантазер // Вестник Могилевского земства. 1914. № 8–9. С. 37–42.

люди просмивают, як я оратыме»¹³¹. Особенно остро стоял болотный вопрос в белорусских губерниях, прежде всего Минской и Могилевской. Еще до начала работы выборного земства появилась Минская болотная опытная станция, работавшая под руководством специальной комиссии. Последняя земским собранием была упразднена и заменена техническим комитетом при губернской земской управе. Впрочем, к 1914 г. работа станции еще носила по преимуществу подготовительно-организационный характер¹³². Бюджет станции на 1912 г. составлял 35 030 руб., на 1913 г. — уже 42 587 руб.¹³³ Минское земство активно поддерживало все новые веяния в болотном деле. Так, большой интерес вызвал опыт пинского землевладельца С. Свежинского, в 1910 г. окультуривавшего родные болота «тем способом, который был применен некогда голландцами при осушении Голландии», т. е. посредством «устройства соответствующих дамб и плотин и выкачивания воды насосами»¹³⁴.

Немалую активность в «болотном деле» проявляли и земские деятели Могилевской губернии — занимавшей «одно из первых мест <...> по количеству негодных, бросовых земель»: «Большое развитие болот местами носит характер прямого бедствия в виду полного отсутствия сенокосных угодий помимо тех, которые находятся под водой. <...> А наряду с таким обилием поверхностной воды приходится сталкиваться с таким на первый взгляд странным явлением, как сильно ощутимый недостаток воды, пригодной для пищи и питья не только людьми, но и скоту. И это при том условии, что наш крестьянин способен пить из первой придорожной лужи»¹³⁵. Остро — при том что «деревенская Русь выгорает дотла в течение каждых двадцати лет» — стоял вопрос и противопожарного водоснабжения. Все это требовало масштабных работ по осушению болот, укреплению берегов рек, сооружения колодцев — для чего при губернской земской управе было создано культур-гидротехническое бюро¹³⁶.

¹³¹ Федоренко А. Заметки болотных дел мастера // Известия Волынского губернского земства. 1912. № 16. С. 6.

¹³² Краткий обзор деятельности земств Минской губернии... С. 101–102.

¹³³ Сербин Е. О культуре болот // Известия Волынского губернского земства. 1912. № 12. С. 8.

¹³⁴ И. Н. Опыт применения нового способа осушки болот Минской губернии // Вестник Минского губернского земства. 1914. № 1. С. 39–40.

¹³⁵ Ветров А. Культур-гидротехнические работы Могилевского земства // Вестник Могилевского земства. 1914. № 1–2. С. 37.

¹³⁶ Там же. С. 38–39.

Специалисты западных земств активно участвовали в работе общерусских мелиорационных съездов и на московском съезде 1913 г. подняли вопрос о создании особого Полесского мелиорационного района, куда входили бы пять губерний: Минская, Волынская, Гродненская, Могилевская и Витебская. Для его создания в начале 1914 г. началась подготовка первого Полесского мелиорационного съезда в Минске¹³⁷. Впрочем, часть земств начала сотрудничать в этой сфере, не дожидаясь его созыва. Так, Волынское и Могилевское земства внесли в 1914 г. в смету Минской опытной станции по 1000 руб.¹³⁸

Введение выборных земств положило начало формированию в Западном крае новой хозяйственно-экономической системы. По замыслу П. А. Столыпина, привлечение к земской работе «русского элемента» должно было усилить влияние не только русских помещиков, но и зажиточных крестьян (преимущественно белорусов и малороссов) и тем самым способствовать перестройке аграрных отношений. Пробуждение экономической активности русского населения предполагало важные изменения в сельском хозяйстве, внедрение кооперации, использование новой сельскохозяйственной техники, развитие системы страхования и т. д.¹³⁹ Однако слишком короткий срок, отпущенный историей выборному земству в Западном крае, нормальный ход работы которого был прерван начавшейся вскоре Первой мировой войной, не позволяет дать ответ на вопрос относительно эффективности его функционирования.

10.3. Социально-экономические аспекты балтийского вопроса во второй половине XIX — начале XX века

Балтийский вопрос был далеко не самым острым из «проклятых вопросов», раскалывавших предреволюционное российское общество. Прибалтийский край, также именовавшийся Остзейским, вошел в состав империи после победы над Швецией в Северной войне и третьего раздела Речи Посполитой. Утративший в 1876 г. статус генерал-губернаторства и, соответственно, административное един-

¹³⁷ Краткий обзор деятельности земств Минской губернии... С. 91–92.

¹³⁸ Там же. С. 102.

¹³⁹ См. об этом: *Шоломицкая Т. Л.* Белорусская земская печать в системе реформирования сельского хозяйства // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта*. Сер. 4. 2008. № 1. С. 73.

ство (которое вновь обрел только в рамках временного генерал-губернаторства 1905–1909 гг.), регион состоял из трех губерний: Курляндской, Лифляндской и Эстляндской. Подавляющее большинство их населения составляли латыши и эсты, однако ведущую роль в крае играли немцы. В составе Российской империи остзейские губернии обладали особым статусом, имели специфическое местное законодательство, основывавшееся на привилегиях влиятельных прибалтийско-немецких сословий — дворянства и бюргерства¹⁴⁰. Остзейские немцы не без оснований гордились своей верностью самодержавию, а имевшиеся у них сословные привилегии давали все основания и в дальнейшем видеть в них оплот монархии¹⁴¹.

Однако с появлением на карте Европы Второго германского рейха остзейцы обрели новый, находящийся вне пределов России, центр притяжения. Близость балтийской окраины России к имперской столице заставляла центральную власть трепетно относиться к любым, даже призрачным, сепаратистским тенденциям. Но главное — специфическое социальное устройство региона вступало в противоречие с объективными процессами: демократизацией российского общества, ростом национального самосознания как местных народов (эстов и латышей), так и русских. Особенную остроту приобрел балтийский вопрос в годы первой русской революции, однако все обострившиеся тогда проблемы обсуждались и в пореформенный период.

Первым, кто поставил балтийский вопрос в националистическом русском дискурсе, был Ю. Ф. Самарин. Объектом его критики первоначально стали сословные привилегии остзейских немцев. В письмах к Э. фон Раден Ю. Ф. Самарин осуждал всякую привилегию: «Тот, кто заявляет о привилегии, говорит об исключении из общего закона, о покровительстве или льготе об одних, о бремени или ограничении большинства»¹⁴². Объектом его защиты было большинство населения региона: «С одной стороны немцы, *die von gutter deutscher Nation sind* (нем. доброй немецкой нации), это привилегированные. Что же вы находите с другой стороны? Это не русские,

¹⁴⁰ См. об этом: Андреева Н. С. «Остзейский вопрос» в политике Российской империи (1900 — февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010. С. 5.

¹⁴¹ См. об этом: Зейналов Р. Г. К вопросу о формировании идеологии балтийского частного права в XIX веке // Современный юрист. 2019. № 3. С. 5–11.

¹⁴² «Я любил Вас любовью брата...» С. 39.

не финны, это совокупность тех, кому Провидение отказало в праве родиться немцами»¹⁴³.

Пользуясь поддержкой петербургской бюрократии, остзейцы успешно отстаивали свои привилегии. В масштабах всей империи подобная «цветущая сложность» только усугубляла бюрократический произвол — и сами немцы этим пользовались: «Вы нас попрекаете в том, что мы домогаемся покровительства Цезаря. Полноте! — писал Ю. Ф. Самарин баронессе Э. фон Раден. — Это Ваши (т. е. остзейские немцы. — *Авт.*) укрываются под его крыло, и острие его меча они направляют против нас»¹⁴⁴. В 1872 г. Юрий Федорович прибавлял к этому: «Чтобы быть уверенным в возможности сопротивляться у себя, по привычке осуждают любое сопротивление в Петербурге, яростно его пресекают повсюду, где оно, как кажется, может возникнуть за пределами провинций»¹⁴⁵.

Однако сословное начало приобретает у Ю. Ф. Самарина и этническое измерение. Прибалтийские рыцари, по его убеждению, требуют «привилегии расовой»¹⁴⁶: «Оторванная навсегда от великого германского ствола, немецкая колония, управляющая тремя провинциями, не желает ни поднять до своего уровня массу *undeutsche*, ни снизить до примирения с нами»¹⁴⁷. Подобное соединение национального с социальным было свойственно как славянофилам, так и иным представителям пореформенного «русского направления».

Наряду с Ю. Ф. Самариным, И. С. Аксаковым и М. Н. Катковым за русификацию Прибалтики последовательно выступал главный славянофильский теоретик-экономист Н. П. Гиляров-Платонов¹⁴⁸. Поддерживая преобразования Александра III, он писал в своей газете: «Несмотря на раннее сравнительно остальною Империей упразднение крепостного права, край, в сущности, принадлежит помещикам: в их руках полиция и в их руках был суд. Подавляющее помещичье землевладение довершило гнет, под которым стоит население края. С другой стороны, стена состоящего в постоянном заговоре рыцарства отгораживает население от государственной

¹⁴³ «Я любил Вас любовью брата...» С. 40.

¹⁴⁴ Там же. С. 92.

¹⁴⁵ Там же. С. 226.

¹⁴⁶ Там же. С. 40.

¹⁴⁷ Там же. С. 51.

¹⁴⁸ См. о нем: *Шаранов С. Ф.* Неопознанный гений. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова. М., 1903. С. 7.

власти, которая через то лишена была способов действовать. Общие законы оказывались бессильными в этом удивительном крае. По общему закону наказание может быть назначено только судом; в просвещенном Балтийском крае порку производят органы полиции. Наказанный имел бы право жаловаться, по-видимому; но кто же его защитит, когда местный суд в руках рыцарей же? А если бы вздумал обиженный жаловаться выше, то его еще сто раз выпорют, а то сгонят с земли под открытое небо; ведь у него нет же собственного гнезда; он либо арендатор, либо батрак... Сколько раз бывало, что самые благонамеренные, самые верноподданнические движения (среди туземного населения) наказывались, как бунт, военными экзекуциями. Так угодно баронам!»¹⁴⁹ При этом в традиционной для «русского направления» манере Н. П. Гиляров-Платонов критиковал за это скорее высшую имперскую бюрократию: «Правительство как будто дожидается, что они сами одумаются и будут послушными детьми из одного уважения к словам закона и администрации. Напрасно, этого не будет; и правительство тем-то и ставит себя в комичное положение повара, усовещивающего Васюку»¹⁵⁰. Чтобы исправить это, публицист призывал: «Давно пора наложить железную руку на эти мнимые привилегии и на ту упорную непокорность законам, которые обратились в закон для балтийских герров. Окончательно сравнять балтийские губернии с остальными, раскассировать их, присоединив часть к Петербургской, часть к Псковской и Витебской губерниям»¹⁵¹.

Разумеется, были у остзейцев и сторонники — представители «немецкой партии» Наиболее известным из них стал «гуманный внук воинственного деда» А. А. Суворов, воспетый в знаменитой эпиграмме Тютчева и «Иродовой работе» Н. С. Лескова. В 1860-е годы в защиту прибалтийских порядков выступила консервативно-аристократическая «Весть», пользовавшаяся поддержкой П. А. Валуева. На ее страницах, в частности, появился цикл «Письма из остзейского края», в котором В. Д. Скарятин заявлял: «Хотя я горжусь быть русским и православным; но если бы меня спросили: как вы желаете жить: под диктовку ли остзейского немца или под диктовку московского славянофила? Грешный человек, я бы скорее помирился

¹⁴⁹ Современные известия. 1885. № 268.

¹⁵⁰ Там же. № 212.

¹⁵¹ Там же. № 23.

с ферулою остзейца, с бутербродами его цивилизации, нежели испытывать радости *Домостроя* и питаться мыльными пузырями пророков славянофильского Алкорана, которые надоели мне криками о каком-то *особом* призвании. Между тем всякому известно, что все, до сих пор сделанное вдохновенными славянофилами, отличается своею дикостью и нелепостью и может разве только способствовать нашему торжественному шествию назад, к азиатским кочевьям. <...> Если бы Белинский был жив теперь, то мне кажется, в союзе с немцами он сумел бы силою своего таланта обратить в решительное бегство наших азиатских доктринеров, которые с каждым днем становятся все храбрее и храбрее, не встречая сильного отпора... Сохрани Боже, если в качестве пионеров цивилизации г-ну Аксакову удастся откомандировать туда (в Остзейский край. — *Авт.*) собственных корреспондентов или вообще людей, имевших несчастье окунуться в славянофильское болото»¹⁵².

Стремление славянофилов опереться на коренное местное население — латышей и эстов — трактовалось «Вестью» как потакание революционно-освободительному движению: «Этот маневр вожakov демократической партии, это обращение к чувству патриотизма, это возбуждение страстей во имя отечества, обнаружилось с особенною смелостью и ясностью в так называемом латышском вопросе. Не постыдились возбуждать русское патриотическое чувство против высших классов остзейского края, заговорив о каком-то сепаратизме, прикрываясь вопросом о чухнах, искусственно возбужденном доморощенными агитаторами, при участии некоторых русских деятелей, пожалуй, и честных, но, конечно, недалеконидных, попавшихся на удочку местных эксплуататоров. А к ним сознательно примкнула уже партия наших псевдомократов. <...> Чего желает русская демократия, выступая в поход против остзейского дворянства? К чему стремится она, создавая героев вроде г. Вольдемара, Бесбардиса... и других. Горя идеальной любовью к чухонцу, не мечтает ли она свить себе теплое гнездо и в остзейском крае?..»¹⁵³

В начале 1880-х годов в защиту остзейцев выступил другой печатный орган сословного консерватизма — газета В. П. Мещерского «Гражданин». На ее страницах, в частности, появилось выступление К. Н. Леонтьева: «Я не изучал учреждений Остзейского края и не буду, вероятно, никогда их внимательно изучать; и мне вовсе этого

¹⁵² Весть. 1864. № 39.

¹⁵³ Весть. 1865. № 24.

и не нужно, чтобы усомниться не только в пользу эсто-латышской демократизации (т.е. в пользу предпочтения протестантов плохих и непородистых протестантам блестящим и породистым), — но даже и в пользу “русификации”. <...> Все эти Мантейфели, Бревверны дела Гарди, Шау фон Шауфуссы — образы и величины определенные и значительные. А что такое эсты? К чему эта племенная демократизация? Пусть их не слишком теснят, и довольно!»¹⁵⁴

В целом принято считать, что в годы царствования предпоследнего самодержца восторжествовала именно «славянофильская» модель окраинной политики. По словам Б.Э. Нольде, «вся деятельность Александра III: упразднение старых балтийских судов, обрусительная школьная политика, превращение Дерпта в Юрьев и Дерптского университета в Русский университет, появление в Прибалтийском крае таких фигур, как Шаховской, — есть не что иное, как осуществление программы, с такой энергией и страстностью построенной Юрием Самариним. А через Александра III издали просвечивают и будущие республики Латвия и Эстония»¹⁵⁵.

Однако имперскому центру так и не удалось довести дело русификации края до конца. Отчасти препятствовала этому слабость русской общественной экономической инициативы. Еще в 1888 г. Н.С. Лесков отмечал: «Говорят у нас часто и много о том, что в Прибалтийской окраине русским людям будто нет никакого дела, а между тем, когда здесь открываются дела как раз того рода, в котором русские давно известны своим искусством и познаниями, оказывается, что на эти-то самые дела и не находится охотников!.. Вот это и странно и это совсем не делает чести русской предприимчивости»¹⁵⁶.

Определенные предпосылки для реализации последней сложились во время промышленного подъема рубежа XIX–XX вв. Остзейский край принадлежал к числу экономически развитых областей империи. Особенно ярко это проявилось в 1890-е годы. В 1870–1880-х годах основу местной промышленности составляла промышленность легкая, а на рубеже веков развивается и тяжелая¹⁵⁷. Создают-ся новые и модернизируются старые промышленные предприятия:

¹⁵⁴ Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т.8, кн. 1. СПб., 2007. С. 41.

¹⁵⁵ Нольде Б.Э. Ю.Ф. Самарин и его время. М., 2003. С. 220.

¹⁵⁶ Цит. по: Дмитриев А.П. Н.С. Лесков, Прибалтийский вопрос и демократизм в православии // Лесков Н.С. Иродова работа. СПб., 2010. С. 78.

¹⁵⁷ Развитие экономики республик советской Прибалтики / отв. ред. К. Мешкаускас. Вильнюс, 1980. С. 9.

вагоностроительные заводы (Русско-Балтийский вагонный завод, «Проводник», «Феникс»); производившие промышленное оборудование («Везувий» и «Атлас»), верфи («Ланге и сын»), электростроительные («Унион») и велосипедостроительные («Россия») предприятия. Примерно в то же время окончательно переходит под государственный контроль и также активно расширяется железнодорожная сеть региона, что еще больше укрепляет его экономические связи с центром. Увеличивается и значение прибалтийских портов в деле экспорта из центральных русских регионов¹⁵⁸.

Однако все это содействовало русификации Прибалтики далеко не в той степени, о какой мечтали славянофилы и позднейшие публицисты «русской партии». В 1911 г. прибалтийский корреспондент «Окраин России» свидетельствовал: «Если в Либаве <...> есть что русского, так это только те деньги, которые здесь затрачены на устройства порта, железной дороги и крепости, теперь упраздненной. <...> Связь этой окраины с метрополией весьма слаба, и если бы здесь вздумал водвориться наш западный сосед, он не встретил бы большого препятствия»¹⁵⁹. Лишь служивший военно-морской базой Ревель представлялся взгляду националиста в достаточной степени русским¹⁶⁰.

Ключевым для решения балтийского вопроса даже в начале XX в. оставался вопрос аграрный, тесно переплетенный здесь с национальным. Местный деятель начала XX в. В. Земцев свидетельствовал: «В конце 80-х годов прошлого столетия власти немецкого дворянства наносится сильный удар *реформой суда, полиции и крестьянских присутственных мест*, de facto дворянство теряет свое значение также и в заведывании *народной школой*. Но реформа строя местной жизни не была доведена до конца, и еще в настоящее время *заведывание общественным хозяйством* находится в руках немецкого дворянства, оказывающего преобладающее влияние также на *евангелическо-лютеранскую церковь* благодаря особенному строю ее. Но и в *аграрном деле* поместное дворянство пользуется еще правами и преимуществами, сохранившимися от средневекового феодального строя»¹⁶¹.

¹⁵⁸ Очерки экономической истории Латвии 1860–1900 / ред. М. И. Козин. Рига, 1972. С. 372–486.

¹⁵⁹ Окраины России. 1911. № 31–32.

¹⁶⁰ Там же. № 51–52.

¹⁶¹ Земцев В. Остатки феодального строя в Прибалтийском крае. Дворянские привилегии в аграрном деле. Юрьев, 1916. С. 6.

Этот тезис не был ни новым, ни хорошо забытым старым. За 20 лет до выхода процитированной брошюры В. Земцева, в 1895 г., лифляндский губернатор М. А. Зиновьев описывал сложившуюся в крае аграрную ситуацию, причины которой усматривал в том же, в чем за десятилетие до него Н. П. Гиляров-Платонов: «Несправедливость в системе раскладки земских повинностей значительно усиливается тем обстоятельством, что вследствие эгоистического стремления дворянства, владевшего крупной земельной собственностью, влияние которого на законодательную власть было в прежнее время весьма сильно, нарушилась равномерность в производстве раскладки земских повинностей между мызной и крестьянской землей и в область их отправлений проникла *привилегия*, в силу которой значительная часть земли стала свободной от земских повинностей. Этот второй недостаток, который следует признать едва ли не самым существенным, коренится вовсе не в старинном аграрном законодательстве, зорко следившим за охранением прав крестьянского сословия, а в причинах случайных: в уступчивости правительства давлению местных правящих классов, а главное — в недостаточном знакомстве законодательных органов с условиями местной аграрной жизни»¹⁶².

За всей этой политической и экономической публицистикой стояла напряженная борьба: противостояние немецкой аристократии с молодой прибалтийской буржуазией на местах и одновременно — борьба различных политико-идеологических тенденций в русском обществе и правительственных верхах. В годы первой русской революции оба конфликта перешли из хронической стадии в острую. Немецкое дворянство не думало сдавать своих позиций.

Публицист «Окраин России» свидетельствовал: «Как все происходившие в прежнее время движения в Прибалтийском крае служили к укреплению позиций дворянства, так и волнения, происходившие в 1905–1906 гг. сослужили дворянству ту же службу. Известно, что лояльность прибалтийского дворянства весьма дорогая вещь, потому что за свою лояльность оно представляет правительству очень высокие счета. Всю вину за происходившие в крае <...> волнения (революцию) дворяне валят на русские учреждения и в особенности на русскую школу и на русских чиновников»¹⁶³.

¹⁶² Зиновьев М. А. Опыт исследования земского устройства Лифляндской губернии. О квотной земле. Рига, 1906. С. 62.

¹⁶³ Окраины России. 1907. № 33–34.

Однако главное состояло в том, что, как и во время любого кризиса, разделилось само русское общество. Те же «Окраины России» указывали: «[Общество] разошлось во взглядах на политические следствия эсто-латышской революции: одни делают отсюда вывод об антигосударственном настроении эстов и латышей и о необходимости искать им противовеса в испытанной веками политической благонадежности балтов, обеспеченной и солидарностью их интересов с видами как русского правительства, так и верхов русского общества; другие же россияне считают последнюю эсто-латышскую разруху естественным следствием нашей прежней немцефильской политики, которая не могла не вызвать в душе туземцев горького чувства по отношению не только к своим баронам и пасторам, но и к опекающему последних столь пристрастно русскому государству»¹⁶⁴.

Основной своей опорой русские националисты по-прежнему видели латышских и эстонских крестьян-собственников: «В настоящее время еще продолжается социал-демократическая агитация против крестьян-собственников, так называемых “серых баронов”, которые, как известно, сильно пострадали от нашей революции и которых спасали только карательные отряды и военное положение от окончательного разорения. <...> В начале января [1905 г.] во многих волостях были распространены прокламации, которыми служащие в крестьянских хозяйствах батраки подстрекались против своих хозяев. В этих прокламациях говорится, что положение батраков у “серых баронов” гораздо хуже, чем у баронов-немцев; батракам дается совет сплотиться и потребовать от своих хозяев значительной прибавки жалованья, которое, как известно, достигло у нас уже небывалых размеров, не находящих себе оправдания в доходности сельского хозяйства; в случае отказа батракам не следует наниматься у крестьян-собственников, этих “настоящих кровопийц”. Можно надеяться, что подобные прокламации, наконец-то, откроют глаза нашим “серым баронам”, которые в свое время примкнули к революционному движению в первой его стадии»¹⁶⁵.

Российская бюрократия — плоть от плоти общества — также не отличалась единством мнений по данному вопросу. С. Ю. Витте считал, что революционное движение с аграрным вопросом было

¹⁶⁴ Окраины России. 1906. № 2.

¹⁶⁵ Там же. 1909. № 10.

не связано¹⁶⁶. Эстляндский же губернатор Н.Г.Бютинг объяснял аграрные беспорядки тем, что коренное население было недовольно именно попустительством русского центра произволу остзейских немцев. В письме к министру внутренних дел П.Н.Дурново он писал: «...в конце концов, все законоположения и распоряжения правительства <...> слагались в духе немецкой партии»¹⁶⁷.

Поиск способов разрешения этой проблемы шел непрерывно. В марте 1906 г. временный прибалтийский генерал-губернатор В.У.Соллогуб в письме к лифляндскому губернатору Н.А.Звегинцову определял круг подлежащих решению проблем: «В области экономических отношений несомненно подлежат постепенному устранению такие явления, как неточное разграничение крестьянских арендных земель от мызных, произвольное повышение арендной платы, неодинаковость условий соблюдения арендных договоров для помещиков и арендаторов, неравномерность распределения натуральных повинностей и другие обстоятельства, быть может вообще и второстепенные, но тем не менее имеющие большое значение в обиходе крестьянина. В области правовых отношений руководящее начало находится ныне почти исключительно в руках помещиков: они участвуют в заседаниях учреждений, призванных до известной степени к самоуправлению, им вверено представительство о местных нуждах, им принадлежит право патроната»¹⁶⁸.

26 апреля 1906 г. на Прибалтику была распространена деятельность Крестьянского банка, что должно было содействовать улучшению положения крестьян-собственников¹⁶⁹. Ключевыми вопросами, обсуждавшимися на Особом совещании при временном прибалтийском генерал-губернаторе, в Государственной думе, Государственном совете и Совете министров, были вопросы об обязательном выкупе арендуемых крестьянами земель, границах квотной земли, фидейкомиссах и распределении земских повинностей. Последний вопрос теснейшим образом связан с планировавшимся распространением земств на западные окраины.

¹⁶⁶ Приводится по: *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин, 1987. С. 158.

¹⁶⁷ Там же. С. 158.

¹⁶⁸ Приводится по: Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века: сб. документов и материалов / сост. Т.Карьяхярм. Тарту, 2000. С. 59.

¹⁶⁹ См. об этом: *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство... С. 158.

На первом же общем заседании Особого совещания (1907 г.), посвященном аграрному вопросу, представители местного крестьянства требовали установления максимума землевладения, льгот при погашении выкупных долгов, отмены привилегий¹⁷⁰. Сочувствовавшие этим требованиям «Окраины России» так описывали работу совещания: «Начавшиеся в половине июля у местного генерал-губернатора заседания совещания о реформах в Прибалтийском крае, после обсуждения земского проекта, прерваны до осени по инициативе дворянства, которому, вероятно, хорошо известны и причины этого перерыва. На заседаниях читался проект лифляндского дворянства, в который вносились поправки, заранее уже намеченные в частном совещании дворянства всех трех губерний края. <...> По всем существенным вопросам крестьянские депутаты были против дворянского проекта. Так, дворянский проект лишает весьма значительное число мелких плательщиков земских сборов участия в земском самоуправлении; стесняет участие гласных от крестьян в земских собраниях тем, что гласные не получают ни суточных, ни прогонных денег...»¹⁷¹ Подготовленные по итогам совещания и представленные в МВД «Предположения по вопросу о земельных отношениях в прибалтийских губерниях» лишь провозглашали — по требованию администрации края — курс на постепенную отмену привилегий. Вместе с тем большинство сюжетов, связанных с землепользованием, были разрешены в пользу помещиков. В схожем ключе проходило обсуждение этих вопросов в III и IV Думах¹⁷².

Остро стоял в регионе вопрос об отрезной земле. В ходе работы Особого совещания местные помещики стремились отменить указ 18 февраля 1893 г. «О квотной и шестидольной земле в губерниях Лифляндской и Эстляндской», ограничивавший их в праве распоряжаться небольшими арендуемыми батраками участками, и вернуть последние в свое безусловное распоряжение. Наоборот, местная буржуазия и русские националисты настаивали на обращении всей отрезной земли в разряд крестьянской и обязательном ее выкупе¹⁷³. После неоднократного рассмотрения вопроса в Совете министров был одобрен проект Н. А. Маклакова «Об обращении квотных и ше-

¹⁷⁰ Карьяхярм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство... С. 161.

¹⁷¹ Окраины России. 1907. № 33–34.

¹⁷² См. подробнее: Карьяхярм Т. Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство... С. 161.

¹⁷³ Там же. С. 188–190.

стидольных земель в Лифляндской губернии в разряд крестьянских земель». Однако в марте 1916 г. Министерство внутренних дел отозвало проект¹⁷⁴.

На протяжении предвоенного десятилетия правительство вносило в Думу немало законопроектов, связанных с экономикой края: о распространении на Прибалтику закона 1902 г. об устройстве канав и водопроводов на чужих землях для осушительных, оросительных и т. п. целей (1910); о разрешении владельцам фидейкомиссных имений в Прибалтике отчуждать входящие в состав их имений крестьянские, квотные и шестидольные земли (1911); о согласовании крепостных и кадастровых книг в Лифляндской губернии (1911); об обязательном выкупе крестьянской земли в рыцарских имениях (1911); об обложении в Лифляндии земским сбором недвижимых имуществ по оценкам, введенным согласно правилам 1901 г. (1912); о привлечении в эстляндской губернии к земскому обложению строений в уездах (1912); о распространении на Эстляндию оценочных правил 4 июня 1901 г. (1913); о причислении квотных и шестидольных земель к крестьянским (1914). По замечанию эстонского историка, немцы воздерживались от их обсуждений, так как «аграрное развитие края по-прежнему протекало по руслу, намеченному самим дворянством. Но зато они развивали бурную деятельность в целях пресечения неугодных им инициатив по аграрному вопросу»¹⁷⁵. Ряд законопроектов появился уже на волне антинемецких настроений военного времени. Так, в августе 1915 г. в сельскохозяйственный комитет Государственной думы был внесен законопроект «Об отмене особых привилегий, присвоенных собственниками дворянских вотчин в губерниях Курляндской, Лифляндской и Эстляндской» — тоже, впрочем, не получивший дальнейшего хода¹⁷⁶.

Администрацию П. А. Столыпина интересовал также вопрос о положении русских в Прибалтике, в том числе, конечно, положении экономическом. В октябре 1908 г. министр запросил у временно-го генерал-губернатора А. Н. Меллер-Закомельского сведения об общественном влиянии русского населения в Прибалтике¹⁷⁷. В своем

¹⁷⁴ Там же. С. 192–193.

¹⁷⁵ Там же. С. 161–162.

¹⁷⁶ Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы / под общ. ред. П. А. Пожигайло. М., 2006. С. 441–442.

¹⁷⁷ См. об этом: *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство... С. 232.

докладе генерал-губернатор охарактеризовал это влияние как «равное нулю» и предлагал ряд мер по укреплению в регионе русского землевладения: «Необходимо отвести землю всем русским в крае предпочтительно перед туземцами, чтобы образовать русских крестьян собственников, вместо батраков и безземельных рабочих у инородцев. Для сего следует обратить в особый фонд казенные земли и приобретаемые крестьянским банком. На такие земли надлежит организовать переселение из внутренних губерний, причем для образования достаточно обеспеченных самостоятельных хозяйств необходимо отводить на каждую семью не менее 15–20 десят[ин]. Что же касается безземельных латышей и эстонцев, то им могли бы быть предоставлены земли в северных губерниях России, в Сибири и в Царстве Польском»¹⁷⁸. Определенную роль должна была сыграть и переселенческая политика: «Укрепление русской государственности в Прибалтийском крае должно происходить, с одной стороны, посредством упрочения благосостояния земледельческого слоя этого населения, находящегося доньше в крае, а с другой — путем переселения русских из внутренних губерний Империи»¹⁷⁹.

Однако в итоге А. Н. Меллер-Закомельский признавал: «Тем не менее устройство земельного быта всех нуждающихся в том русских не может осуществиться в скором времени, ибо казенные мызные имения, приспособленные для сельского хозяйства, находясь ныне в аренде, попадают в земельный фонд только с окончанием сроков прежних арендований. Местные отделения крестьянского банка до сих пор приобрели самое небольшое количество земель от помещиков, и нельзя сказать, чтобы деятельность в этом отношении банковских отделений стала впредь много успешнее. Таким образом, даже первая часть поставленной выше задачи, т. е. упрочение благосостояния находящегося в крае земледельческого русского населения, встречает затруднения, не говоря о тех осложнениях, которые должно вызвать предпочтительное пред туземцами земельное обеспечение русских. Еще более трудным окажется переселение сюда из внутренних губерний русских и земельное их устройство. Нельзя не считать с тем, что латыши и эстонцы гораздо выносливее в работе и культурнее в сельском хозяйстве, нежели русские. <...> Об усилении в крае русского землевладельческого класса едва ли мож-

¹⁷⁸ Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века... С. 314.

¹⁷⁹ Там же. С. 330.

но говорить. Он составляет только 2,5 % немецкого землевладения. Последнее упрочилось здесь веками, крепко своей солидарностью, связью с землей и сильно традиционным подчиненным отношением состоятельного работодателя к туземскому земледельческому люду. Вырвать у него хотя [бы] часть захваченного влияния на местные дела не по силам русским землевладельцам, отличающимся своим абсентеизмом»¹⁸⁰.

Однако правые круги видели иной путь укрепления русского влияния в регионе. Еще в марте 1906 г. депутация русско-прибалтийского Союза 17 октября просила Николая II содействовать образованию в Думе русско-прибалтийского представительства. Идею пропорционального национального представительства от края поддерживал и эстляндский губернатор П. П. Башилов¹⁸¹. В 1907 г. председатель русско-прибалтийского Союза 17 октября И. И. Высоцкий обратился к Особому совещанию с предложением обеспечить русским и «надлежащее представительство в проектируемых для Прибалтийского края земских учреждениях». В этом случае, по его мнению, именно русским удалось бы разрешить немецко-эстонское и немецко-латышское противостояния, примирить «культурные» и «классово-экономические стремления»: «Во многих случаях, при чрезмерном обострении противоречий, единственно надежными третейскими судьями будут русские, которым роль примирителей свойственна и по натуре. Роль примирителей в данном случае окажется чрезвычайно полезной и в чисто хозяйственном смысле: национально-классовое соперничество нередко тормозит развитие хозяйственной жизни страны, так как распорядители этого хозяйства больше заняты политикой поддержки своего и своих, чем настоящим общепользным делом. От такого соперничества русские, при отвращении их к интригам и подвохам, ничего не выигрывают, так что в их прямых интересах — становиться в случае споров на нейтральную почву общей справедливости и государственной пользы»¹⁸².

Разумеется, идея распространения земской организации на Прибалтику была не нова. Она высказывалась в 1881 г. сочувствовавшим славянофильству министром внутренних дел Н. П. Игнатье-

¹⁸⁰ Там же. С. 331.

¹⁸¹ См. об этом: *Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство... С. 235.

¹⁸² Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века... С. 147.

вым. В 1887 г. особое совещание под председательством В. К. Плеве разрабатывало проект введения здесь «бюрократического земства». Не получила развития эта мысль ни в 1896 г. (когда она вновь обсуждалась в Государственном совете), ни во время дискуссий вокруг столыпинского проекта введения земств в 1910 г. Последний и, как казалось, окончательный законопроект был разработан на волне антинемецких настроений в 1916 г. — и, разумеется, его не успели принять¹⁸³. Символично, что в преамбуле он содержал ссылку на Ю. Ф. Самарина¹⁸⁴.

Таким образом, правительство пыталось решить проблему закрепления за Российской империей жизненно важной для нее Прибалтийской окраины сразу несколькими способами: путем решения аграрного вопроса, посредством укрепления экономических связей между краем и центром, а также при помощи роста политического влияния местного русского населения.

¹⁸³ Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века... С. 357–359.

¹⁸⁴ Там же. С. 361.

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о необходимости учитывать важнейшие для истории России и ее современного состояния факторы, определявшие внутреннее развитие государства на разных исторических этапах, а отчасти и его восприятие на Западе через призму имперской политики на периферии. К особенностям экономического развития страны традиционно относят многоукладность, многонациональность, поликонфессиональность, а также обширность территории. Проблема соотношения централизма и автономии, самоуправления, ставшая актуальной еще в допетровской России, обострившаяся в начале XX в., оставалась значимой составляющей государственной политики. Усилия русского правительства, направленные на ее решение, зачастую вызывали негативный отклик как внутри страны, так и за рубежом.

В России было немало сторонников агрессивной политики на Дальнем Востоке и русского военно-политического усиления на берегах Тихого океана. Вместе с тем нередко звучали и другие голоса, призывавшие к более активному заселению региона, созданию условий для жизни там русских людей. Помимо «ястребов» из военного министерства свои представления о будущем края обозначали действовавшие и бывшие генерал-губернаторы, а также те, кто знал Дальний Восток и Маньчжурию не понаслышке.

В этих условиях чрезвычайно важными видятся попытки административной реорганизации полосы отчуждения вдоль линии КВЖД после завершения Русско-японской войны, заключения Портсмутского мирного договора 1905 г. и подавления первой российской революции. Развитие КВЖД по-прежнему оставалось в фокусе правительственного внимания. Очевидно, что представители военного ведомства стремились сохранить контроль над дорогой и восстановить утраченные позиции в регионе. Формальным поводом для этого могли стать перевозка грузов и войск, обеспечение

безопасности дороги, но в основе лежало стремление вернуть подорванное влияние на дальневосточные дела.

Развернувшиеся в Государственной думе дебаты относительно влияния выборного органа на финансовую политику правительства в целом и экономическое развитие Китайско-Восточной железной дороги в частности свидетельствовали об отсутствии согласия между различными фракциями Думы при обсуждении бюджета КВЖД, сохранении после Русско-японской войны прежней политики Министерства финансов. Все это сдерживало деятельность отечественных предприятий в регионе. Обсуждение проблемы, несмотря на ее злободневность, затянулось, продемонстрировав низкую степень взаимодействия различных ведомств, слабую согласованность управленческих и политических решений центральной и региональной администрации.

Присоединение Северной Маньчжурии вместе с КВЖД к России казалось делом практически решенным. Расхождения вызывали лишь методы овладения этой обширной территорией. Они варьировались от заключения с Китаем коммерческой сделки и мирного присоединения края к русскому Приамурью до расширения экономической экспансии и контроля над Маньчжурией без явных признаков ее полного подчинения России. Разумеется, не исключался и военный захват в ходе возможного вооруженного противостояния с Китаем или Японией. Как ни странно, но начавшаяся Первая мировая война привела к росту мирных настроений, прежде всего среди российских деловых кругов, которые все чаще стали высказываться за мирное экономическое сотрудничество с теми, против кого еще недавно планировали воевать.

Особенностью русской колонизации на Дальнем Востоке была ставка на подготовленных, материально обеспеченных переселенцев. В правительственном проекте Правил «О переселении и землепользовании в Приморской области» отмечалось, что семьи переселенцев должны иметь «собственные средства на проезд и на домообзаводство (450 руб. на семью. — *Авт.*) при водворении в области»¹. Местные чиновники и бюрократы ГУЗиЗ были единодушны в том, что качественный состав должен превалировать над количественным. Отсутствие конкуренции за землю со стороны коренного населения, масштабность переселения, способы организации, ранее не

¹ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 66. Л. 3.

использовавшиеся в имперской практике, облегчали процесс русской колонизации. С разрешения МВД допускались к переселению семьи, не вполне отвечавшие условиям, с выдачей им денежных пособий. Хозяйство должно было вестись вне общины. Признавалось преимущество крестьянской, а не казачьей и рабочей колонизации. Несмотря на то что переселение осуществлялось в контексте аграрной реформы, Дальний Восток в перспективе рассматривался как ресурсная база страны.

Царское правительство осознавало необходимость более активной крестьянской и рабочей колонизации дальневосточных окраин. Вместе с тем большинство столичных чиновников не имели четкого понимания того, что должен представлять собой Дальний Восток в будущем. Разобщенность ведомств вела к тому, что в Петербурге в суть дальневосточных проблем вникали лишь поверхностно.

Экономическое развитие Туркестана было предметом пристального внимания власти, в том числе Государственной думы Российской империи последнего созыва. Она участвовала в подготовке законопроектов, указывала на желательность принятия тех или иных мер. Это внимание не ограничивалось переселением и сельскохозяйственной сферой, касаясь и развития транспорта, городского хозяйства, замены устаревших обычаев четкой правовой регламентацией. Решения Думы были нацелены на экономическую интеграцию Туркестана в Россию как аграрного региона и источника сырья для промышленности. Туркестан рассматривался и как важная территория, способная абсорбировать часть избыточного населения, приспособить его к выращиванию ценного хлопка и превратить переселенцев в опору центра на окраине. Думское большинство и ГУЗиЗ согласованно проводили курс на расширение переселения в Туркестан, обустройство и благосостояние переселенцев являлись приоритетом над интересами коренного населения, лишеного думского представительства и (в случае кочевников) вынуждаемого к радикальному изменению образа жизни. Экономическая интеграция региона интересовала думское большинство не только сама по себе, но и для достижения геополитических целей: объявлялось, что Туркестан в будущем станет русским краем, переселенческой колонией, а правые прямо называли «инородцев» «вторым сортом», пораженным в правах и нуждающимся в обрусении. Отсутствие учета экономических интересов коренных жителей в условиях быстрого разрушения привычной среды их жизни создавало конфликтную

ситуацию, которую игнорировало думское большинство. На углубление противоречий указывали лишь левые течения и мусульманская группа. Хотя поводом к волнениям в Туркестане в 1916 г. стали императорский указ о призыве коренного населения на службу и его непродуманное воплощение на практике, Дума тоже выступала за мобилизацию «туземцев». Туркестанское восстание нанесло мощный удар по усилиям центра, связанным с экономическим развитием края, и стало символом кризиса имперской модели управления в России.

На рубеже XIX–XX вв. одним из важнейших регионов России был Кавказ. Всемирная поддержка нефтяной промышленности и превращение ее в одну из ведущих отраслей отечественной индустрии являлись важными составляющими экономического курса правительства. Это диктовалось задачами экономической модернизации и ростом потребностей народного хозяйства страны в эффективных энергоносителях. Министр финансов С. Ю. Витте предпринял целый комплекс мер по стимулированию добычи, переработки и экспорта нефти, среди которых можно выделить: привлечение иностранного капитала, установление запретительных таможенных пошлин на ввоз иностранного керосина, строительство железных дорог, предназначенных для нужд нефтяной промышленности, введение пониженных железнодорожных тарифов, выдача льготных ссуд Государственного банка и др. Благодаря этому удалось добиться существенных успехов в развитии нефтяной промышленности, которая несколько лет по основному показателю занимала первое место в мире. Доходы, поступающие в казну из этой отрасли, стали постоянным ресурсом для пополнения бюджета. Кроме того, рост экспорта нефтепродуктов способствовал активизации торгового баланса России. В условиях золотого монометаллизма в денежном обращении, установившегося после реформы 1895–1897 гг., это имело особое значение для сведения и платежного баланса с положительным сальдо, чтобы избежать оттока золота за границу. Однако созданные министром финансов тепличные условия для нефтяного бизнеса имели и негативные последствия. Крупнейшие компании в полной мере воспользовались правительственной поддержкой, с одной стороны, для экспорта по демпинговым ценам с целью вытеснения конкурентов на внешних рынках, а с другой — для установления монопольно высоких цен внутри страны. Это неизбежно привело к сужению российского рынка и вынужденному сокраще-

нию потребления нефтепродуктов. Результаты спекулятивной политики бакинских нефтяных королей отчетливо проявились также в ходе кризиса 1900–1903 гг., когда искусственно вздутые цены резко пошли вниз, что нанесло значительный ущерб и нефтяной промышленности, и экономике в целом.

К 1917 г. государственное регулирование нефтяной промышленности не дало значимых результатов. Усилия бюрократических учреждений в принципе не могли преодолеть общее несоответствие между уровнем развития российской промышленности и растущими потребностями воюющей страны. Созданная в ходе Первой мировой войны громоздкая пирамида правительственных регулирующих органов с самого начала переживала организационные трудности, вызванные недостаточно четким разграничением полномочий и сфер деятельности, разобщенностью и несогласованностью действий разных ведомств. Система особых совещаний, в частности Особого совещания по топливу (ОСОТОП), не сумела реализовать свои широкие полномочия и решить поставленные задачи. Занимаясь регулированием ценообразования, распределения и транспортировки жидкого топлива, правительство не касалось сферы его производства и не сумело ничего сделать для расширения и увеличения нефтедобычи, снабжения промыслов оборудованием, металлами и вспомогательными материалами. Оппозиция крупных нефтяных компаний вынуждала верхи идти на уступки и принимать непоследовательные решения. Таксация цен имела во многом декларативное значение, поскольку правительство опасалось нанести ущерб нефтяной промышленности, а сами предприниматели, как правило, находили возможности обходить установленные ограничения. Введение предельных цен проводилось без должного учета хозяйственной конъюнктуры, так как у регулирующих органов не было твердых экономических критериев для установления их уровня. Эти цены не соотносились с общим вздорожанием товаров, в частности материалов, нужных для нефтяного оборудования. Контроль над отпуском и перевозками нефти сыграл некоторую положительную роль в улучшении снабжения фронта и тыла жидким топливом. Однако значительная часть нефти и нефтепродуктов оставалась неучтенной ОСОТОП и поступала на частный рынок, что открывало широкие возможности для спекуляций и обогащения частных фирм.

Государственная переселенческая политика в задуманном правительством виде не осуществилась на Кавказе. Предварительные

подготовительные работы требовали весьма серьезных затрат. Проблемы региона заключались в скудости казенных ассигнований, слабой координации между центральной и местной бюрократией, недостаточной развитости дорожных путей как между населенными пунктами побережья, так и между столицей империи и отдаленной окраиной. Многие уже нарезанные переселенческие участки не развивались из-за отложенных гидротехнических и дорожных работ. Кавказские землеотводные работы существенно отличались от сибирских, а земельный фонд в крае был не так велик. Американский путь развития сельского хозяйства на Кавказе с опорой на фермеров (в противовес прусскому пути с опорой на крупное помещичье замлевание) стал возможным благодаря взаимодействию государства и частной инициативы и имел при этом российскую специфику.

Законодательство, регулирующее курортное дело и санитарно-гигиеническую охрану в империи, только формировалось в начале XX в. На развитие региональной инфраструктуры и Кавказских Минеральных Вод большое влияние оказывали несовершенство местного самоуправления и недостаток финансирования. Решение этих проблем требовало больших усилий и времени, чем в состоянии была дать царская Россия. Тем не менее превращение Кавказских Вод во всесоюзную здравницу в советское время во многих отношениях стало результатом усилий и замыслов правительства Российской империи по развитию рекреационного потенциала Кавказа на рубеже XIX–XX вв.

На западных окраинах империи экономическая политика центральных властей характеризовалась как рядом общероссийских проблем, так и характерными для края особенностями. На протяжении последнего десятилетия XIX в. власть все больше склонялась к осознанию необходимости считаться с объективным характером крестьянского переселенческого движения. Чинимые на его пути административные препоны были вызваны не столько «крепостническими» соображениями, сколько неготовностью местных властей к приему возраставшего миграционного потока на новых территориях, а также беспокойством за судьбы «доверчивых» и «увлекаемых в полусознании» переселенцев. Впрочем, присутствовала и обычная бюрократическая осторожность: в переселенческом движении наиболее дальновидные администраторы усматривали стихийный и потенциально крамольный характер.

Развитие в конце XIX — начале XX в. трудовой эмиграции с западных окраин империи во многом обуславливалось противоречивым характером молодого отечественного капитализма. Растущая экономика не могла еще предложить трудовым силам страны необходимое количество рабочих мест (это было связано в первую очередь с недостаточным развитием промышленной базы) и конкурентоспособную заработную плату, а потому соблазн заработать за границей средства, в несколько раз превышающие заработок на родине, становился непреодолимым для жителей Западного края. Трудовая миграция за рубеж превратилась в массовое явление, с каждым годом захватывавшее все большее число лиц, принадлежащих к коренному русскому населению, что заставляло власти искать способы регулирования этого движения. С одной стороны, отток рабочих рук за границу тормозил освоение Сибири и Дальнего Востока, которые в них остро нуждались, но перенаправить европейскую и заокеанскую трудовую эмиграцию в Азиатскую Россию, не сулившую относительно быстрого и крупного заработка, без принудительных и запретительных мер было невозможно.

Понимая, что в государственном масштабе трудовая эмиграция представляет явление скорее отрицательное, власти не могли не признать, что для западных окраин она играла во многом положительную роль: снижала социальную напряженность, ослабляла конкуренцию за рабочие места, повышала благосостояние местного населения, тем самым способствуя разрешению проблемы малоземелья и создавая условия для реализации в регионе столыпинской аграрной программы. Масштаб трудовой эмиграции и растущий вокруг нее теневой бизнес заставили российские власти взяться за ее законодательное урегулирование, однако ход обсуждения проблемы в 1909–1914 гг. свидетельствует, с одной стороны, о стремлении как местных, так и центральных властей решать проблему, а с другой — о несогласованности различных ведомств, отвечавших за окраинную экономическую политику. В последнем отношении значительную роль играл ведомственный интерес: если МТиП было заинтересовано в извлечении дохода, полученного с транспортировки эмигрантов в заокеанские страны, то ГУЗиЗ и местные власти смотрели на проблему трудовой эмиграции с точки зрения поднятия уровня благосостояния земледельческого населения. Несогласованность действий и отсутствие четкого представления о мерах регулирования трудовой эмиграции в итоге так и не позволили властям

решить эту проблему до начала Первой мировой войны. Последняя же, в силу объективных причин, положила конец как движению трудовой эмиграции через западную границу, так и разработке законодательной базы по регулированию миграционных процессов.

Введение земства в западных губерниях Российской империи привело к всплеску экономической активности: стали расти расходы земств на агрономические мероприятия, появились опытные хозяйства и показательные хутора. Однако земство не успело проявить себя в западных губерниях в полной мере, поэтому весьма трудно судить о том, насколько сильно оно повлияло на пробуждение экономической активности русского населения и в целом способствовало экономическому росту в регионе. С одной стороны, практически никто не сомневался, что выборное земство станет более эффективной экономической моделью и позволит значительно успешнее разрешить многие накопившиеся в хозяйственной отрасли проблемы, а с другой — возникал резонный вопрос: сможет ли русское большинство края, отстававшее на тот момент в культурном развитии и экономическом влиянии от польского меньшинства, выполнить при помощи этого рычага возложенную на него правительством задачу.

Попытка российского правительства усилить русское влияние в Западном крае и Прибалтике натолкнулась на непреодолимые трудности: решение аграрного вопроса пошло здесь по тупиковому пути, а укрепление экономических связей с центром и рост политического влияния местного русского населения требовали не только времени, но и последовательности в действиях центральной власти. Однако как раз этими ресурсами империя и не располагала.

Список литературы

- 1-я научная экскурсия врачей на Кавказские минеральные воды в мае 1910 г. М., 1910.
- Абашин С. Н. Возвращение сартов? Методология и идеология в постсоветских научных дискуссиях // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 252–278.
- Абдурахимова Н. А. Становление и особенности экономической политики России в Туркестане во второй половине XIX — начале XX вв. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2008. № 1–4. С. 62–88.
- Абдурахимова Н. А., Рустамова Г. К. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX — первой четверти XX в. Ташкент, 1999.
- Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2005.
- Авдеев М. Н. Мугань и Сальянская степь. Население. Землепользование. Водное хозяйство. Баку, 1927.
- Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
- Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. М., 1985.
- Аврех А. Я. Столыпин и Третья Дума. М., 1968.
- Агаджанов С. Г., Трепавлов В. В. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.
- Азиатская Россия: в 3 т. Т. 1: Люди и порядки за Уралом / издано под руководством Г. В. Глинки; текст редактирован И. И. Тхоржевским; общая редакция карт М. А. Цветков. СПб., 1914.
- Алекперов В. Ю. Нефть России: настоящее, прошлое и будущее. М., 2011.
- Алексеев А. И., Морозов Б. Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. — 1917 г.). М., 1989.
- Алексеев Т. В. Особое совещание по обороне государства и военно-экономическая мобилизация в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2015.
- Алепо А. В. Государственная экономическая политика и иностранный капитал на Дальнем Востоке России: конец XVIII в. — 1917 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2003.
- Алепо А. В. Иностранное экономическое проникновение в Дальневосточный регион в 1905–1913 гг. // Из истории гражданской войны на Даль-

- нем Востоке (1918–1922 гг.): сб. науч. трудов. Вып. 3. Хабаровск, 2002. С. 4–15.
- Алимджанов Б. А. Экономическая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве (вторая половина XIX — начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016.
- Аманжолова Д. А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М., 1994.
- Аминов А. М. Экономическое развитие Средней Азии (со второй половины XIX века до Первой мировой войны). Ташкент, 1959.
- Аминов А. М., Бабаходжаев А. Х. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1966.
- Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994.
- Ананьич Б. В., Правилова Е. А. Имперский фактор в экономическом развитии России, 1700–1914 // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. статей / под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 230–260.
- Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX в. СПб., 2008.
- Андреева Н. С. Прибалтийско-немецкое дворянство и политика российского правительства в начале XX в. // Вопросы истории 2008. № 1. С. 103–111.
- Андреева Н. С. Статус немецкого дворянства в Прибалтике в начале XX в. // Вопросы истории. 2002. № 2. С. 44–61.
- Андреева Н. С. «Остзейский вопрос» в политике Российской империи (1900 — февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2010.
- Анисимов С. А. Выставка «Русская Ривьера» // Русские субтропики. 1914. № 6. С. 21–34.
- Анисимов С. А. Выставка «Русская Ривьера» // Русские субтропики. 1913. № 12. С. 7–14.
- Анисимов С. Кавказский край. Путеводитель. М.; Л., 1927.
- Антонин, иеромонах. Чиншевой и арендный вопросы в Белоруссии // Минское слово. 1908. 5 февр.
- Арапов Д. Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи // Вопросы истории. 2005. № 4. С. 132–137.
- Арсеньев В. К. Краткий военно-географический и военно-стратегический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. Хабаровск, 1912.
- Арский И. Д. Корова бедняка // Вестник Минского губернского земства. 1914. № 2. С. 8–12.
- Артамонов А. Е. Госдачи Кавказских Минеральных Вод: тайны создания и пребывания в них на отдыхе партийной верхушки и исполкома Коминтерна: от Ленина до Хрущева. М., 2017.
- Ахмеджанов Г. А. Российская империя в Центральной Азии (история и историография колониальной политики царизма в Туркестане). Ташкент, 1995.

- Ахундов Б. Ю. Монополистический капитал в дореволюционной бакинской нефтяной промышленности. М., 1959.
- Бабаев А. Б. Система вещных прав. М., 2007.
- Багаева Е. М. Британский капитал в нефтяной промышленности Кубани в начале XX в. // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния: сб. науч. статей / отв. ред. А. Н. Еремеева. Краснодар, 2015. С. 183–194.
- Барабаш Я. Ф. Записка о Маньчжурии (по данным, добытым при поездке в Гирин в 1882 г.). Иркутск, 1883.
- Бартенева И. А. Переселенческое движение в Кыргызстан во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2010.
- Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственной управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.
- Бедельбаев А. Б. Восстание 1916 года в Кыргызстане сквозь призму периодической печати 1991 г. // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16, № 1. С. 201–205.
- Белоглазов Г. П. Научно-образовательная деятельность аграрных обществ в Маньчжурии в первой трети XX столетия // Образовательный потенциал Тихоокеанской России. XVIII–XXI вв. (Восьмые Крушановские чтения, 2016 г.). Владивосток, 2017. С. 238–245.
- Белозерова О. А. Военный министр А. Н. Куропаткин накануне Русско-японской войны в связи с боксерским восстанием // Мир политики и социологии. 2017. № 5. С. 11–26.
- Белозерова О. А. Государственная и военная деятельность А. Н. Куропаткина накануне и в период Русско-японской войны. 1903–1905 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.
- Белоконь И. В. Политические идеи и военно-государственная деятельность А. Н. Куропаткина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2012.
- Бельская И. В. Национальный вопрос в Государственной думе Российской империи, 1906–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
- Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002.
- Беляев С. Г. Русско-Азиатский банк и хлопковая промышленность России в начале XX в. // Российская текстильная промышленность. Технологический трансферт, сырье, финансы / ред.-сост. С. Томпсон. СПб., 2006. С. 116–125.
- Беляева Н. А. Дискуссия о судьбе приамурского порто-франко (1901–1905) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 1 (5). С. 5–10.
- Беляева Н. А. Таможенная политика России на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX века: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Владивосток, 2004.

- Белянин Д. Н. Государственная политика аграрно-крестьянских переселений в Западную Сибирь в 1861–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2016.
- Белянин Д. Н. Организация крестьянских переселений на казенные земли Сибири в XIX — начале XX вв. // Вестник КемГУ. 2010. № 4 (44). С. 16–22.
- Белянин Д. Н. Противоречия в реализации переселенческой политики в Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 1. С. 27–30.
- Березин Н. И. Восемь лет в Северо-Западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника // Русский вестник. 1896. № 1. С. 139–168.
- Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.
- Бонди В. Государственная дума. Двадцать первое заседание // Биржевые ведомости. Утренний выпуск. 1908. 18 янв.
- Боровиковский А. Л. Отчет судьи: в 3 т. Т. 1: Чиншевское право. СПб., 1891.
- Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины (из переписки П. А. Столыпина с гр. И. И. Воронцовым-Дашковым) // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 184–221.
- Брио Н. Наши дальневосточные богатства и их охрана (от нашего специального корреспондента) // Русское слово. 1909. 18 окт.
- Бройдо Г. И. Восстание киргиз в 1916 г. М., 1925.
- Букишпан Я. М. Военно-хозяйственная политика: формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны 1914–1918 гг. М.; Л., 1929.
- Буркова В. В. Китайско-Восточная железная дорога. Основные периоды эксплуатации и перевозки коммерческих грузов // Актуальные проблемы исследования истории КВЖД и российской эмиграции в Китае / под ред. Н. И. Дубининой, В. М. Пескова. Хабаровск, 2008. С. 28–33.
- Ван Куйси (王魁喜). Крах плана «Желтой России» (论沙俄«黄俄罗斯»计划的破产) // Вестник Цзилинского педагогического университета (吉林师大学报). 1979. № 4. С. 46–55.
- Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н., Королева В. А., Дудченко Г. Б., Герасимова Л. А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002.
- Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России: монография / под ред. Л. И. Галлямовой. Владивосток, 2015.
- Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.
- Вексельман М. И. Российский монополистический и иностранный капитал в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 1987.
- Вельможко И. Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- Вердиева Х. Ю. Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане (в XIX — начале XX вв.). Баку, 2016.

- Верещагин П. Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск, 1978.
- Верещагин П. Д.* Переселенческая политика царизма в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края в годы столыпинской реакции: дис. ... канд. ист. наук. М., 1951.
- Веселовский Б.* Сущность земской работы и ее главные направления // Вестник Могилевского земства. 1914. № 8. С. 6–13.
- Ветров А.* Культур-гидротехнические работы Могилевского земства // Вестник Могилевского земства. 1914. № 1–2. С. 37–39.
- Вивдыч М. А.* Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX века // Гуманитарный вектор. 2011. № 3 (27). С. 40–44.
- Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. Т. 2: 1894–1905. Царствование Николая II. Таллин; М., 1994.
- Вишняков О. В.* Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX — начало XX века // Военно-исторический журнал. 2007. № 1. С. 55–57.
- Владимиров А. П.* О русском землевладении в Северо-Западном крае // Русское обозрение. 1894. № 7. С. 217–241; № 8. С. 748–767; № 9. С. 171–192.
- Владимиров А.* Ураган над «Желтороссией» // Родина. 2001. № 7. С. 72–78.
- Власть и реформы. От самодержавной к советской России / редкол.: Б. В. Апаньич (отв. ред.), Р. Ш. Панелин, В. М. Панях. М., 2006.*
- Воейков А. И., Пастернацкий Ф. И., Сергеев М. В.* Черноморское побережье. СПб., 1898.
- Войны и население Юга России в XVIII — начале XXI в.: демографические процессы и последствия. М., 2019.*
- Волубуев П. В.* Монополистический капитализм в России и его особенности. М., 1956.
- Волубуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962.
- Воробьев Н. И.* Отчет Общества изучения Черноморского побережья за 1914 г // Русская Ривьера. 1915. № 3–4. С. 8–9.
- Воронов И. И.* Министерство земледелия в царствование Николая II (1894–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2014. № 12-1 (50). С. 51–55.
- Восстание 1916 года в Средней Азии: сб. статей / П. Галузо, Ф. Божко; Среднеазиатский научно-исследовательский ин-т истории революции при Средазбюро ЦК ВКП(б) (САНИИР). М.; Ташкент, 1932.*
- Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М., 2016.*
- Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): [коллективная монография] / ред.-сост. Т. В. Котюкова. М., 2017.*

- Воицин В. Колонизационное дело при А. В. Кривошеине. Пг., 1916.
- Высшие и центральные государственные учреждения России 1801–1917 гг. / отв. сост. Д. И. Раскин. Т. 1: Высшие государственные учреждения. СПб., 1998.
- Вышетравский С. А. О нефтяном хозяйстве в России в связи с будущностью Апшеронского полуострова. Баку, 1915.
- Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.
- Галаган А. А. Из истории налогообложения российской нефтяной промышленности в XIX — начале XX в. // Предвестие эры нефти. Проблемы истории нефтяной промышленности России и США во второй половине XIX — начале XX в. / под ред. В. Ю. Алекперова. М., 2003. С. 75–146.
- Галиева З. Восстание 1916 г. в Кыргызстане и Центральной Азии: новые подходы и интерпретации // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: сб. ст. Бишкек, 2017. С. 33–40.
- Галлямова Л. И. Социально-экономическое развитие Дальнего Востока (вторая половина XIX — начало XX в.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока / отв. ред. А. П. Деревянко. Вып. 3: Проблемы истории, социально-экономического и культурного развития. Благовещенск, 2000. С. 209–218.
- Галузо П. Г. Троцкистско-колонизаторская концепция истории Туркестана-колонии. М., 1933.
- Галузо П. Г. Туркестан-колония. Ташкент, 1929.
- Ганелин Р. Ш. Попытки развития экономических связей между Россией и странами Латинской Америки в конце XIX — начале XX в. // Монополии и иностранный капитал в России / отв. ред. М. П. Вяткин. М.; Л., 1962. С. 315–358.
- Гантовер Л. В. О происхождении и сущности вечно чиншевого владения. СПб., 1884.
- Гарусова Л. Н. Российско-американские региональные отношения на Дальнем Востоке: история и современность. Владивосток, 2001.
- Геллер А. Б. Переселенческая политика царизма и колонизация Казахстана в XX в. (1900–1916 гг.): по материалам бывшей Семиреченской обл.: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1954.
- Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: коллективная монография / под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2018.
- Гергилов Д. Н., Дуреева Н. С. Сибирь как пример оптимальных государственных механизмов управления // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 103–108.

- Гергилев Д. Н. Административно-территориальное реформирование Сибири в XIX — начале XX веков: опыт и необходимые выводы // Клио. 2014. № 4 (124). С. 129–133.
- Гефтер М. Я. Земельная политика царизма в Азербайджане и захват крупным капиталом нефтяных месторождений (конец XIX — начало XX в.) // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: сб. статей к 75-летию академика Н. М. Дружинина / отв. ред. В. К. Яцунский. М., 1961. С. 380–396.
- Гефтер М. Я. К истории топливно-металлического «голода» в России накануне Первой мировой войны // Исторический архив. Т. VI. М.; Л., 1951. С. 49–80.
- Гиндин И. Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX — начало XX в.). Избранное. Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997.
- Гинс Г. К. Основные начала проекта водного закона для Туркестана. СПб., 1912.
- Гинс Г. К. Переселение и колонизация. СПб., 1913.
- Гирс Ф. К. Отчет ревизующего, по высочайшему повелению, Туркестанский край, тайного советника Гирса. СПб., б. г.
- Глушенко Е. А. Герои империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001.
- Глушенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М., 2010.
- Го Лань (郭岚). Влияние КВЖД на страховую отрасль Харбина (1900–1931) (中东铁路对哈尔滨保险业的影响(1900–1931年)) // Цие цзишу кайфа (企业技术开发). Чанша. 2014. № 6. С. 109–110. URL: <http://www.xzbu.com/4/view-5358840.htm> (дата обращения: 07.04.2018).
- Гойхбарг А. Г. Закон о праве застройки. 2-е изд., доп. СПб., 1913.
- Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. XIII. 2-е изд. М., 1840.
- Головач Е. И. Деятельность представителей либеральных и монархических политических партий от белорусских губерний в земельной комиссии III Государственной думы Российской империи // Романовские чтения — 12: сб. статей Международной научной конференции. Могилев, 2017. С. 69–71.
- Голубев А. А. История строительства Мурманской железной дороги (1894–1917 гг.). СПб., 2011.
- Гончаренко О. Г. Русский Харбин. М., 2009.
- Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999.
- Города империи в годы Великой войны и революции / ред. А. Миллер, Д. Черный. СПб. 2017.

- Государственная дума Российской империи: 1906–1907: энциклопедия / ред-кол.: В. В. Шелохаев (отв. ред.) и др. М., 2008.
- Грасс Г. Об улучшении земских финансов // Известия Волынского губернского земства. 1912. № 4. С. 3–5.
- Григорцевич С. С. Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. Томск, 1965.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области / под ред. П. П. Семенова. СПб., 1894.
- Дальний Восток накануне Первой мировой войны: справочные материалы из «Сибирского Ежегодника» / сост. О. А. Ключинская, Н. А. Троицкая. Владивосток, 2018.
- Дальний Восток России в материалах законодательства. 1910–1911 гг. / ред. Н. А. Троицкая. Владивосток, 2011.
- Даттан А. В. Исторический очерк развития Приморской торговли. М., 1897.
- Даукаев А. А. История и перспективы развития геологоразведочных и научно-исследовательских работ на нефть и газ на Северном Кавказе (XIX — XXI вв.). М., 2018.
- Дацышен В. Г. История российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX века. Красноярск, 2000.
- Дацышен В. Г. Китайская трудовая миграция в России. Малоизвестные страницы истории // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 99–104.
- Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири в XVII–XX вв.: проблемы миграции и адаптации. Красноярск, 2008.
- Дацышен В. Г. Китайцы-земледельцы в Приморье: эпизод длиной в сто лет // Известия Восточного института. 2005. № 9. С. 70–89.
- Дацышен В. Г. Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX — начале XX в. Кызыл, 2000.
- Дацышен В. Г. Русско-китайская война 1900 г. Поход на Пекин. СПб., 1999.
- Дацышен В. Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г. Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб., 1996.
- «Два века КМВ»: период с 1890 по 1909 год. URL: <http://www.regionkmv.ru/kmv/history04.html> (дата обращения: 10.04.2020)
- «Два века КМВ»: период с 1909 по 1920 год. URL: <http://www.regionkmv.ru/kmv/history05.html> (дата обращения: 10.04.2020).
- Дейч Л. Нью-Йорк: Русские в Соед. Штатах Сев. Америки // Живая жизнь. 1913. 17 (30) июня.
- Демидов А. П. Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана. М., 1926.
- Демин В. А. Западное земство // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2011. С. 193–197.
- Демин В. А. Комиссия о чиншевом праве // Государственная дума Российской империи. 1906–1917: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2008. С. 272.

- Демин В. А. Фракция союза 17 Октября в III Государственной думе: успехи и провалы // Таврические чтения — 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / под ред. А. Б. Николаева. Ч. 1. СПб., 2016. С. 160–170.
- Деникин А. И. Русско-китайский вопрос. Военно-политический очерк. Варшава, 1908.
- Джаббаров Ф. Р. Армяно-азербайджанский конфликт в феврале 1905 г. и его влияние на бакинскую нефтяную промышленность // Вестник архивиста. 1916. № 4. С. 161–179.
- Для пользы и процветания: из истории внешнеэкономических связей Российского Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. 1856–1925 гг.: документы и материалы / сост. и ред. Н. А. Троицкая. Владивосток, 2012.
- Дмитриев А. П. Н. С. Лесков, Прибалтийский вопрос и демократизм в православии // Лесков Н. С. Иродова работа. СПб., 2010. С. 5–50.
- Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.
- Друзьяка А. В. «Институт хотя и чуждый пока китайскому законодательству, но жизненно ему необходимый»: русский нотариат в Маньчжурии (1904–1940-е гг.) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2015. Т. 2, № 4 (24). С. 4–9.
- Дубинина Н. И. Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997.
- Дубовицкий М. М. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кубани // Об особенностях империализма в России / отв. ред. А. Л. Сидоров. М., 1963. С. 363–390.
- Дьяконова И. А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М., 1999.
- Дякин В. С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988.
- Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства, 1892–1914 гг.: аграрный вопрос в экономической политике царизма. СПб., 1997.
- Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб., 1998.
- Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978.
- Дятлов В. И. Экзотизация и «образ врага»: синдром «желтой опасности» в до-революционной России // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1, № 2(20). С. 23–41.
- Дятлова А. К. Внешняя политика Российской империи на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в работах Стивена Маркса // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 609–612.
- Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М., 2019.

- Ермолов А. С. Заметки по поездке на Черноморское побережье Кавказа осенью 1907 г. СПб., 1908.
- Ермолов А. С. Черноморское побережье Кавказа и выставка «Русская Ривьера»: Речь председателя выставочного комитета А. С. Ермолова при открытии выставки 2 ноября 1913 г. 2-е изд. СПб., 1913.
- Жигалов Б. С. КВЖД в дальневосточной политике России (1906–1914 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 1. С. 24–44.
- Журавлев В. В. Общество Владикавказской железной дороги и развитие нефтепромышленности на Северном Кавказе // Очерки социально-экономической и политической истории СССР / под. ред. П. Г. Софинова. М., 1964. С. 230–233.
- Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915–1918: в 3 т. / под ред. А. П. Корелина, А. С. Грузинова. М., 2013.
- Заколотная А. С. Основные направления деятельности Переселенческого управления на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вглядываясь в прошлое: мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России / под ред. Л. И. Галлямовой. Владивосток, 2015. С. 99–119.
- Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг.: документы и материалы / под общ. ред. П. А. Пожигайло. М., 2006.
- Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2007.
- Записка главногоуправляющего землеустройством и земледелием [А. В. Кривошеина] о поездке в Муганскую степь в 1913 г.: (приложение к всеподданнейшему докладу). СПб., 1913.
- Записка главногоуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о поездке в Туркестанский край в 1912 г. СПб., 1912.
- Записки В. А. фон-Розенбаха // Русская старина. 1916. № 5. С. 172–244.
- Зейналов Р. Г. К вопросу о формировании идеологии балтийского частного права в XIX веке // Современный юрист. 2019. № 3. С. 5–11.
- Зелькина Е. Очерки по аграрному вопросу в Средней Азии. М., 1930.
- Земцев В. Остатки феодального строя в Прибалтийском крае. Дворянские привилегии в аграрном деле. Юрьев, 1916.
- Зив В. С. Иностраннные капиталы в русской нефтяной промышленности. Пг., 1916.
- Зиновьев В. П. Китайские и корейские рабочие на горных промыслах Сибири и Дальнего Востока в конце XIX — начале XX в. // Вопросы экономической истории России. Томск, 1996. С. 79–100.
- Зиновьев В. П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX — начало XX в. Томск, 2009.

- Зиновьев В. П. Современная историография хозяйственного освоения Сибири в XVIII — начале XX в. // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII — начала XX века / отв. ред. М. В. Шиловский. Новосибирск, 2007. С. 26–34.
- Зиновьев М. А. Опыт исследования земского устройства Лифляндской губернии. О квотной земле. Рига, 1906.
- Злобин П. Улицы города как учебник истории. URL: <http://www.kp.kz/3236> (дата обращения 29.01.2018).
- Зорин В. Ю. Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М., 2002.
- Зорин В. Ю., Аманжолова Д. А., Кулешов С. В. Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законоотворчества. М., 1999.
- Зырянов П. Н., Шелохаев В. В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М., 1976.
- Ибрагимов М. Д. Нефтяная промышленность Азербайджана в период империализма. Баку, 1984.
- Иванов А. А. «Окраины России» // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2011. С. 405.
- Иванов А. А. Иностранное хищничество и охрана промысловых ресурсов на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.) // Научный диалог. 2019. № 2. С. 221–236.
- Иванов А. А. Переселенческая политика Российской империи в оценках правых депутатов III Государственной думы // Таврические чтения — 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст.: в 2 ч. / под ред. А. Б. Николаева. Ч. 1. СПб., 2019. С. 102–108.
- Иванов А. А. Чиншевое право в Западном крае Российской империи и законодательные попытки его ликвидации (вторая половина XIX — начало XX веков) // Научный диалог. 2020. № 1. С. 322–340.
- Иванов А. А. Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов: конец XIX — начало XX веков // Научный диалог. 2018. № 6. С. 124–142.
- Иванов А. А., Котов А. Э. Русские консерваторы и переселенческая политика правительства (конец XIX — начало XX в.) // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 60–75.
- Иванов А. А., Котов А. Э. Экономическая публицистика газеты «Окраины России» // Вопросы истории. 2019. № 8. С. 50–63.
- Иванов А. А., Котов А. Э. Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX — начало XX века) // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 1. С. 70–88.
- Игнатъев А. В. С. Ю. Витте — дипломат. М., 1989.

- Иголкин А. А. Бакинские поджоги 1905 г.: революционаризм или организованный терроризм? // Революционаризм в России: символы и цвета революции: сб. статей / отв. ред. А. П. Логунов. М., 2005. С. 207–219.
- Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003.
- Иловайский Д. И. Вынужденные переселения // Кремль. 1897. 1 марта.
- Иловайский Д. И. О новом фазисе польского вопроса // Кремль. 1897. 2 окт.
- Имперская политика России в Прибалтике в начале XX века: сб. документов и материалов / сост. Т. Каряхьярм. Тарту, 2000.
- Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. В. Черкесова; науч. ред. тома Д. И. Луковская, Д. И. Раскин. СПб., 2001.
- Инфантьев Б. Ф. Малоизвестные страницы жизни и деятельности Криштьяна Валдемара // Русский мир и Латвия. 2009. Три века русской культуры в Латвии. Памяти Б. Ф. Инфантьева. Рига, 2009. С. 47–60.
- Ионцев В. А., Лебедева Н. М., Назаров М. В., Огороков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.
- Иоффе Г. З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970.
- Ирклевский А. Завоевание японцами Северной Маньчжурии // Харбинский вестник. 1908. № 1365. 10 авг.
- Исабаева Н. А. Аграрная политика Российской империи в Северном Кыргызстане во второй половине XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2007.
- Исаева Р. М. Терское отделение Русского технического общества: зарождение и становление (1899–1913 гг.) // История науки и техники. 2007. № 3. С. 25–32.
- Исаев Б. Киргизское восстание 1916 г. Фрунзе, 1932.
- Искандаров Б. И. Из истории проникновения капиталистических отношений в экономику дореволюционного Таджикистана (вторая половина XIX в.). Душанбе, 1976.
- Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / сост. и введ. коммент. Д. Ю. Арапов; отв. ред. А. М. Васильев. М., 2001.
- Исмаил-заде Д. И. И. И. Воронцов-Дашков — администратор, реформатор. СПб., 2008.
- Исмаил-заде Д. И. И. И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник. М., 2005.
- Исмаил-заде Д. И. Русское крестьянство в Закавказье (30-е годы XIX — начало XX в.). М., 1982.
- Исмаилов М. А. Капитализм в сельском хозяйстве Азербайджана на исходе XIX — начале XX в. Баку, 1964.
- История вторжения царской России в Китай (沙俄侵华史) / редакционная группа «Истории вторжения царской России в Китай» при Историческом факультете Фуданьского университета (复旦大学历史系沙俄侵华史编写组). Шанхай, 1975.

- История вторжения царской России в Китай. Т. IV: в 2 ч. (沙俄侵华史第四卷 上下册) / Институт по изучению новой истории при Китайской академии социальных наук (中国社会科学院近代研究所). Пекин, 1990.
- История русско-китайских отношений (中俄关系史): в 2 ч. Ч. 2 / сост. Мин Цзи (明驥). Тайбэй, 2008.
- История Узбекской ССР / под ред. М. Г. Вахабова, В. Я. Непомнина, Т. Н. Кары-Ниязова. Т. 1, кн. 2. Ташкент, 1956.
- К истории Маньчжурского Сельск.-Хоз. О-ва // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 1. С. 6–10.
- Кабузан В. М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII — начало XX в.). 2-е изд., доп. Хабаровск, 1976.
- Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX века. М., 1998.
- Кавказские Минеральные Воды. Хронология 1803–2003 / под ред. В. И. Михайленко. Ессентуки, 2003.
- Кадер С. А. Короли нефтяной промышленности и государственная монополия на нефть. Пг., 1916.
- Казанский П. Е. Государственная дума по действующим законам. СПб., 1906.
- Казанцев В. П. Планы реорганизации управления российским Дальним Востоком и арендованными у Китая территориями в начале XX века // Известия Восточного института. 2012. № 1. С. 19–28.
- Казанцев В. П., Салогуб Я. Л. Становление судебной системы в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги (1896–1901) // История государства и права. 2013. № 9. С. 28–30.
- Какеев А. Ч. Восстание 1916 г: к проблеме историографии и источниковедения // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2015. Т. 15, № 5. С. 200–206.
- Каниметов А. К. Земельный вопрос в Пишпекском и Пржевальском уездах Семиреченской области в конце XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2003.
- Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. С. 395–435.
- Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000.
- Капран И. К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. — 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011.
- Карцов А. С. Терская область // Русский вестник. 1895. № 3. С. 286–308.
- Карьяхарм Т. Попытки реформ местного управления в Прибалтике в 1914–1916 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924) / редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.), А. А. Комаров, М. Л. Коробочкин, Е. Л. Назарова (ред.-сост.). М., 2002. С. 48–59.

- Карьяхярм Т.* Эстонская буржуазия, самодержавие и дворянство в 1905–1917 гг. Таллин, 1987.
- Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). М., 1980.
- Кауфман А.А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: отчет члена ученого комитета Министерства ЗиГ А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб., 1903.
- Кауфман А.А.* Переселение и колонизация. СПб., 1905.
- Кауфман А.А.* Переселение. Мечты и действительность. М., 1906.
- Кауфман А.А.* По новым местам (очерки и путевые заметки): 1901–1903. СПб., 1905.
- Киселев А.А.* «Шанхай» на сопках Мурмана // Полярная правда. 1993. 9 февр.
- Китанина Т.М.* Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова — Стахеева — Батолина. Л., 1969.
- Китанина Т.М.* Проникновение крупного российского финансового капитала в экономику Средней Азии в конце XIX — начале XX в. (Финансово-промышленная группа А.И. Путилова и железнодорожное строительство). СПб., 2019.
- Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне 1914–1917 гг. Экономика и экономическая политика: в 2 ч. Ч. 1: Экономическая политика царского правительства в первые годы войны. 1914 — середина 1916 г. СПб., 2003.
- Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011.
- Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX века — 1917). М., 1965.
- Коголь И.* Что можно получить с одной десятины земли? // Вестник Могилевского земства. 1914. № 3–4. С. 16.
- Колосов Л.Н.* «Алдынский бум» (Борьба вокруг грозненской нефти в 1910–1917 годах) // Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности / отв. ред. В.В. Адамов. Свердловск, 1972. С. 215–224.
- Колосов Л.Н.* Возникновение организации крупного капитала — съезда терских нефтепромышленников (Из истории грозненской нефтяной промышленности) // Ученые записки Грозненского государственного педагогического института. Серия историческая. 1953. № 8. С. 102–122.
- Колосов Л.Н.* Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1803–1917 гг.). Грозный, 1962.
- Колосов Л.Н.* Соотношение русских и иностранных капиталов в грозненской нефтяной промышленности к 1903 г. // Ученые записки Грозненского государственного педагогического института. Серия историческая. 1957. № 9. С. 39–61.

- Колычев Л. А. Устав врачебный, изданный 1905 г. и по продлению 1912 и 1913 гг., и узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постановлениями разъяснениями Сената и правительственных постановлений, правилами и инструкциями. Пг., 1915.
- Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.
- Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1922.
- Контракт на постройку и эксплуатацию Китайско-Восточной железной дороги // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова, сост. И. В. Козьменко. М., 1952. С. 297–301.
- Коншин А. М. Геологическое описание Грозненской нефтяной площади и нефтяных месторождений Терской области и Каспийского побережья // Материалы для геологии Кавказа. Серия 2. Кн. 6. Тифлис, 1892. С. 47–102.
- Корнилов Г. Е. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // Российская история. 2011. № 3. С. 91–101.
- Корнилов И. П. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. Вып. 1. СПб., 1908.
- Косторниченко В. Н. Иностранный капитал в нефтяной промышленности дореволюционной России: к разработке периодизации процесса // Экономическая история. Обозрение. Вып. 10. М., 2005. С. 46–68.
- Косторниченко В. Н. К вопросу о национализации отечественной нефтяной промышленности в 1918 г. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 10. М., 2005. С. 80–101.
- Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских Основных Законов. М., 1912.
- Котов А. Э. «Акрит» русской публицистики: П. А. Кулаковский между Катковым и Аксаковым // Славистика. Вып. XVII. 2013. С. 455–472.
- Котов А. Э. «Легкомысленное стремление в неведомую даль»: власть и переселенческий вопрос на западных окраинах России в 1890-е гг. // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2019. № 11. С. 36–41.
- Котов А. Э. «Хаос стремлений и планов»: социально-экономические аспекты балтийского вопроса во второй половине XIX — начале XX вв. // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2020. № 5. С. 20–25.
- Котов А. Э. Экономическая политика в Кавказском регионе, Сибири и Средней Азии глазами русских консерваторов: 1894–1899 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 16–20.

- Котов А. Э. Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати: 1894–1899 годы // Научный диалог. 2018. № 7. С. 246–262.
- Котюкова Т. В. «Другой» мир глазами «своих» на страницах «Туркестанской туземной газеты» // Восточный архив. 2014. № 2 (30). С. 25–30.
- Котюкова Т. В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 97–112.
- Котюкова Т. В. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель — Observer. 2011. № 8. С. 98–126.
- Котюкова Т. В. Восстание 1916 г.: штрихи к историческому портрету // Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии: сб. документов и материалов / сост., авт. предисл., вступ. ст. и коммент. Т. В. Котюкова. М., 2016. С. 24–105.
- Котюкова Т. В. Окраина на особом положении. Туркестан в преддверии драмы. М., 2016.
- Котюкова Т. В. Отношение Государственной думы к переселенческой политике царизма в Туркестанском крае // Общественные науки в Узбекистане. 1999. № 3–4. С. 46–49.
- Котюкова Т. В. Проблемы Туркестана в центральных законодательных органах Российской империи (1905–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2001.
- Котюкова Т. В. Свет и тени русской колонизации: отношение Государственной думы к переселенческой политике в Туркестане // Этнические проблемы в современной России: сб. докладов. М., 2007. С. 89–94.
- Котюкова Т. В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М., 2008.
- Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. [Страницы истории Харбина — бывшего русского города в Китае.] Хабаровск, 2010.
- Краснокутский В. С. Курорты Кавказских Минеральных Вод в годы Первой мировой войны: проблемы и особенности развития: дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010.
- Красовский М. В. К вопросу о подъеме экономических сил России. М., 1910.
- Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857–1921 г.). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973.
- Кризис самодержавия в России. 1895—1917 / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин, Б. Б. Дубенцов, В. С. Дякин, С. И. Потолов. Л., 1984.
- Кротова М. В. Харбин — центр русского влияния в Маньчжурии (1898–1917 гг.). СПб., 2010.
- Крючек П. С. Переселенческие процессы из Беларуси во второй половине XIX — начале XX в.: историография проблемы // Труды БГТУ. 2016. № 5. С. 9–13.

- Кудрявцева Т. М. Дальневосточная политика России в восприятии русской либеральной общественности по материалам столичной периодической печати (1895–1901 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2014.
- Куломзин А. Н. Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб., 1896.
- Куломзин А. Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016.
- Куприн Д. О. Эмиграция из России в конце XIX — начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.
- Куропаткин А. Н. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913.
- Курорты Кавказских Минеральных Вод — национальное достояние: становление и развитие (1803–2003) / под ред. Ю. Л. Шевченко, О. П. Щепина. М., 2003.
- Курчевский Б. О русской эмиграции в Америку. Либава, 1914.
- Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии). Л., 1930.
- Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. II: Административное право, ч. 1: Органы управления. СПб., 1910.
- Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. I: Конституционное право. СПб., 1908.
- Лайнгер С. Р. К вопросу о китайской эмиграции в страны Латинской Америки // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (проблемы истории и экономики). М., 1969.
- Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.
- Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003.
- Ларин В. Л. Синдром «желтой опасности» в дальневосточной политике России в начале и в конце XX в. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. 1. Владивосток, 1996. С. 34–52.
- Лебедик Н. И. Из истории образования и деятельности акционерного общества Армавир-Туапсинской железной дороги (1909–1917 гг.) // Об особенностях империализма в России / отв. ред. А. Л. Сидоров. М., 1963. С. 394–402.
- Левитов И. Желтая раса. СПб., 1900.
- Левитов И. Желтороссия, как буферная колония. СПб., 1905.
- Левитов И. С. Желтая Россия. СПб., 1901.
- Леонтьев К. Н. Избранные письма. СПб., 1993.
- Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8, кн. 1. СПб., 2007.
- Ли Юнчан (李永昌). Китайские рабочие в России и Октябрьская революция. (李永昌“旅俄华工与十月革命”). Шицзячжуан, 1988.
- Липранди А. П. Фатерланд в России // Русский труд. 1897. 8 нояб.

- Литвинов П. П. Британская Индия и русский Туркестан во второй половине XIX — начале XX вв. // Россия — Индия. Перспективы регионального сотрудничества (Липецкая область). М., 2000. С. 98–111.
- Лукоянов И. В. «Не отстать от держав...»: Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв. СПб., 2008.
- Лю Цзе (刘洁). Влияние сооружения КВЖД на Маньчжурию (中东铁路的修筑对满洲里的影响) // Хэйлунцзян шичжи (黑龙江史志). Харбин, 2015. № 3. С. 35–37.
- Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века / отв. ред. А. Я. Дегтярев. М., 1996.
- Любичанковский С. В. Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908–1909 гг. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 127–132.
- Ляпустин С. Н. Исторический опыт деятельности региональных властей в борьбе с иностранным хищничеством и контрабандой биоресурсов в начале XX в. (на примере приамурского генерал-губернаторства) // Сборник труд студентов и преподавателей. К 20-летию Владивостокского филиала Российской таможенной академии. Владивосток, 2014. С. 171–178.
- Ляпустин С. Н. Хищнический промысел и контрабанда морских биоресурсов в конце XIX — начале XX века // Вестник Российской таможенной академии. 2010. № 3. С. 60–68.
- Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003.
- Малтусынов С. Н. От переселения к заселению окраин (вопросы колонизации Степных областей и Туркестана в третьей Государственной думе) // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт: материалы международной конференции / ред. А. О. Чубарьян. М., 2007. С. 443–449.
- Мамаев А. В. Имперский проект заселения Голодной степи // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 4. С. 1259–1274.
- Мамаев А. В. Подготовка реформы управления Туркестанским управлением в начале XX века: экономические аспекты // Научный диалог. 2019. № 11. С. 388–406.
- Мамеев А. В. Проблемы экономического развития Туркестана в работе IV Государственной думы // Клио. 2018. № 11. С. 73–82.
- Мансырев С. П. Землевладение в Лифляндии // Русский вестник. 1896. № 10. С. 5–35.
- Маркушина Б. И., Иоффе Г. З., Романовский Н. В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977.
- Махкамова Н. Р. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформации (конец XIX в. — 30-е годы XX в.). Ташкент, 2009.

- Меньшиков П. Об урожае хлебов в Хэйлунцзянской и Гиринской провинциях в 1913 г. // Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии. 1913. № 4–5. С. 23–25.
- Меркулов С. Д. «Желтый вопрос в Приамурье»: Открытое письмо автору его А. А. Панову. Владивосток, 1911.
- Меркулов С. Д. Вопросы колонизации Приамурского края. Вып. II. СПб., 1911.
- Меркулов С. Д. Русское дело на Дальнем Востоке: доклад С. Д. Меркулова вел. кн. Александру Михайловичу [и прения]. СПб., 1912.
- Мийманбаева Ф. Н. Социально-экономические отношения в киргизском и казахском хозяйствах Семиречья в начале XX в. (по материалам комиссии П. П. Румянцева): дис. ... канд. ист. наук. Фрунзе, 1990.
- Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
- Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
- Мильман А. Ш. Царский государственный аппарат в борьбе с революционным движением в Азербайджане в годы первой русской революции // Азербайджан в годы первой русской революции: сб. статей / под ред. И. М. Гасанова. Баку, 1966. С. 231–255.
- Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991.
- Министерская система в Российской империи: к 200-летию министерств в России / отв. сост. Д. И. Раскин. М., 2007.
- Мир-Бабаев М. Ю. Краткая история азербайджанской нефти: в 2 кн. Кн. 2. Баку, 2012.
- Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну. 2-е изд., испр.: в 3 т. СПб., 2018.
- Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб., 2017.
- Митинский А. Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 8. СПб., 1911.
- Митинский А. Н. Материалы по вопросу о снабжении Дальнего Востока сибирским хлебом и мясом: по данным обследования 1911 года / Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции. Прил. 1 к вып. 8. СПб., 1912.
- Михалкина Т. А. Роль сенаторских ревизий при проведении реформ в России // Вестник Поволжского института управления. 2006. № 10. С. 5–10.
- Моисеенко В. М. Очерки изучения миграции населения в России во второй половине XIX — начале XX столетия. М., 2008.
- Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883–1914. Документы и материалы / сост. А. Н. Гулиев, М. И. Найдель, В. А. Нардова [и др.]. М.; Л., 1961.

- Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1914–1917. Документы и материалы / сост. А. М. Алиева, С. С. Алияров, И. А. Бакланова [и др.]. Л., 1973.
- Моррисон А. Беженцы, реабилитация и «революционное» насилие после восстания 1916 года // Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии»: сб. ст. Бишкек, 2017. С. 144–154.
- Муров Г. Т. (Гантимуров Г. С.) По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы: Дневник странника: в 2 т. Т. 1. М., 1910; Т. II. М., 1911.
- Нардова В. А. Начало монополизации нефтяной промышленности России. 1880–1890-е гг. Л., 1974.
- Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке (1860–1895). М., 1956.
- Национальная политика в России: история и современность / сост. Н. И. Наумова. М., 1997.
- Некрасов О. В. Русские пограничники на «Крыше мира»: конец XIX — начало XX в. М., 2017.
- Непомнин В. Я. К истории ирригации в Узбекистане. Ташкент, 1940.
- Нестерова Е. И. Управление китайским населением в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1897 гг.) // Вестник ДВО РАН. 2000. № 2 (90). С. 40–50.
- Нечаев В. М. Чиншевое право // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 38. СПб., 1903. С. 852–854.
- Никонович Ф. И. Из дневника члена Государственной думы — священника // Полоцкие епархиальные ведомости. Неофициальная часть. 1909. № 47. С. 924–928.
- Нилус Е. Х. Исторический обзор КВЖД: 1896–1923. Харбин, 1923; СПб., 2012.
- Новая имперская история Северной Евразии: в 2 ч. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / под ред. И. Герасимова. Казань, 2017.
- Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013.
- Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911.
- Нольде Б. Э. Ю. Ф. Самарин и его время. М., 2003.
- Ордынская Ю. В., Козыренко Н. Е. Исторический аспект градостроительного освоения Северо-Востока Китая // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 3, № 5. С. 125–131.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1911 год / отв. сост. Б. Д. Гальперина. М., 2002.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1913 год / отв. сост. Б. Д. Гальперина. М., 2005.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1916 год / отв. сост. Б. Д. Гальперина. М., 2008.
- Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1914 год / отв. сост. Б. Д. Гальперина. М., 2006.

- Остроумов Н. В., Остроумов С. В.* Развитие эффе́тевзиса в России: от наследственного оброчного владения до права пожизненного наследуемого владения и постоянного бессрочного пользования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30), ч. 3. С. 127–131.
- Отчет директора Кавказских Минеральных Вод за 1911 год: о работах по изучению источников и климата Кавказских минеральных вод. Пятигорск, 1913.
- Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной сенатором К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910.
- Офросимов Л. С.* Отхожий промысел за океан: обследование Виленской губернии. Вильна, 1912.
- Очерки по истории государственности Узбекистана / отв. ред. Д. А. Алимова, Э. В. Ртвеладзе. Ташкент, 2001.
- Очерки экономической истории Латвии 1860–1900 / ред. М. И. Козин. Рига, 1972.
- Пажитнов К. А.* Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. М.; Л., 1940.
- Палиенко Н. И.* Основные Законы и форма правления в России. Харьков, 1910.
- Палиенко Н. И.* Основы конституционного права. Пг., 1917.
- Панов А. А.* Борьба за рабочий рынок в Приамурье. СПб., 1912.
- Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций, заседаний ЦК. 1905–1915 гг.: в 2 т. М., 1996.
- Пассек Н. Б., Пассек М. П.* Культура цитрусовых насаждений на Черноморском побережье // Русские субтропики. 1913. № 10. С. 7–14.
- Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. Т. 3: Либеральный взгляд на войну: через катастрофу к возрождению / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2014.
- Переудина Н. В.* Материалы сенаторской ревизии Туркестанского края 1908–1910 гг. источниковедческое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1978.
- Перише С. и Л.* Русская нефтяная промышленность, ее развитие и современное положение в статистических данных. Тифлис, 1913.
- Петров А. И.* История китайцев в России: 1856–1917 гг. СПб., 2003.
- Пихно Д. И.* О чиншевом владении в западных губерниях // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. № 5. С. 157–180.
- Плехан И. С.* Бюджетные законы. СПб., 1911.
- Победоносцев К. П.* Курс гражданского права: в 3 ч. Ч. 1: Вотчинные права. СПб., 1896.
- Побережников И. В.* Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4 (96). С. 191–203.

- Погорельский И. В. Очерки экономической и политической истории Хивинского ханства конца XIX и начала XX вв. (1873–1917 гг.). Л., 1968.
- Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России, XIX–XX вв. М., 1954.
- Покорение Голодной степи / В. А. Духовный, П. И. Ковалев, В. С. Судоргин и др. 2-е изд., доп. и перераб. Ташкент, 1980.
- Половцов А. А. Дневник. 1893–1909. СПб., 2014.
- Пономарев К. П., Штейнер С. И. Очерки истории нефтяной промышленности Кубани. М., 1958.
- Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи: сб. документов / сост. И. В. Лукоянов, Д. Б. Павлов. М.; СПб., 2018.
- Порто-франко на Дальнем Востоке: сб. документов и материалов / сост. Н. А. Троицкая; редкол.: Л. И. Галлямова и др. Владивосток, 1998.
- Потапова Н. Ю. История предпринимательства в Туркестане (вторая половина XIX — начало XX в.). Ташкент, 2011.
- Потолов С. И. Начало монополизации грозненской нефтяной промышленности (1893–1903 гг.) // Монополии и иностранный капитал в России / отв. ред. М. П. Вяткин. М.; Л., 1962. С. 94–141.
- Потолов С. И. Царизм, буржуазия и рабочий вопрос в Первой русской революции (Бакинская совещательная компания 1906–1908 гг.) // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX века / отв. ред. С. И. Потолов. СПб., 1994. С. 70–137.
- Правилова Е. А. «Империя или гегемония»? Современные концепции экономического лидерства и историческая наука // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX в.): материалы конференции. СПб., 2004. С. 224–230.
- Правилова Е. А. «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX–XX века // *Ab Imperio*. 2002. № 4. С. 115–143.
- Правилова Е. А. Река империи. Амударья в геополитических и ирригационных проектах второй половины XIX века // *Азиатская Россия: люди и структуры империи* / под ред. Н. Г. Суворовой. Омск, 2005. С. 425–457.
- Правилова Е. А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006.
- Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников: документы и материалы / сост. и ред. Н. А. Троицкая. Владивосток, 2014.
- Притула А. Ф. Грозненская нефтяная и терская горная промышленность перед национализацией. М.; Л., 1925.
- Простакишина Н. П. Особенности переселенческой политики на Дальнем Востоке во второй половине XIX в. — начале XX в. // История и археология: материалы Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). СПб., 2012. С. 54–58.

- Путятова Э. Г. Российская трудовая эмиграция в Аргентину (конец XIX — начало XX вв.). СПб., 2011.
- Пятков С. В. Место и значимость традиционного жилища переселенца в культурной среде крестьянской общины (Приамурье XIX — начала XX вв.) // Архитектура и градостроительство на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1985. С. 12–20.
- Развитие экономики республик советской Прибалтики / отв. ред. К. Мешкаускас. Вильнюс, 1980.
- Ратманов П. Э. История врачебно-санитарной службы Китайской Восточной железной дороги (1897–1935 гг.). Хабаровск, 2009.
- Ратушняк В. Н. Вхождение Северо-Западного Кавказа в состав России и его капиталистическое развитие. Краснодар, 1978.
- Ратушняк В. Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX — начале XX века: к проблеме развития аграрного капитализма). Ростов н/Д., 1989.
- Ремнев А. В. Имперская история России: азиатский вектор. Проблемы исследования и преподавания // Вестник Омского университета. 2007. № 4. С. 6–22.
- Ремнев А. В. Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина. 2004. № 9. С. 32–34.
- Ремнев А. В. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013.
- Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск, 2004.
- Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX — начала XX веков. Омск, 1997.
- Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск, 2013.
- Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014.
- Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.
- Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014.
- Россия накануне Первой мировой войны: статистико-документальный справочник. М., 2008.
- Русак [Баженов И. А.] Глухая сельскохозяйственная борьба Юга России с Юго-Западным и Западным краем // Московские ведомости. 1894. 12 авг.
- «Русская Ривьера», сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка Черноморского побережья Кавказа. Обзорение Выставки Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера»: Императорский Ботанический сад. Санкт-Петербург. Ноябрь — декабрь 1913 г. СПб., 1913.

- Русско-китайские отношения 1689–1916: официальные документы / сост. П. Е. Скачков, В. С. Мясников. М., 1958.
- Рыбаковский Л. Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. М., 1990.
- Рыжова А. В. Британский бизнес в Баку и Майкопе: ожидания и результаты // Нефтяное хозяйство. 2007. № 1. С. 109–111.
- Рыскулов Т. Р. Восстание киргизов и казахов в 1916 году. Бишкек, 1991.
- Рыскулов Т. Р. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 году // Очерки революционного движения в Средней Азии: сб. ст. М., 1926. С. 46–122.
- Рыскулов Т. Р. Из истории борьбы за освобождение Востока // Красный Восток. 1924. № 6. С. 270–274.
- Рябцев В. Н. Из истории геополитической мысли в России. XX век: малоизвестные страницы (очерки). М., 2018.
- С. И. Тимашев: жизнь и деятельность. Избранные сочинения / сост. А. Л. Вычугжанин. Тюмень, 2006.
- Савич Н. В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.
- Сагинадзе Э. О. «Курорты суть источники народного национального обогащения»: правительственная политика Российской империи по развитию рекреационных ресурсов Кавказских минеральных вод (1894–1917) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 12. С. 56–62.
- Сагинадзе Э. О. «Первый публичный экзамен»: правительственная политика по развитию Черноморского побережья Кавказа и сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка «Русская Ривьера» (1913 г.) // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 4. С. 130–147.
- Сагинадзе Э. О. Состояние и перспективы позднеимперской России: новые подходы к изучению // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 2. С. 202–207.
- Садыков А. С. Россия и Хива в конце XIX — начале XX века. Ташкент 1972.
- Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX вв. ТашГУ. Вып. 296. Ташкент, 1965.
- Самедов В. А. Нефть и экономика России (80–90-е гг. XIX в.). Баку, 1988.
- Самойлов Н. А. Историческое наследие КВЖД и формирование образа России на Северо-Востоке Китая // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 88–94.
- Самойлов Н. А. Китай в геополитических построениях российских авторов конца XIX — начала XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: в 2 т. Т. 2. Благовещенск, 2001. С. 452–457.
- Самойлов Н. А. Россия и Китай в геополитической концепции генерала Д. И. Суботича // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI века: в 2 т. Т. 2. М., 1997. С. 187–191.

- Самойлов Н. А., Старовойтова Е. О., Ходяков М. В., Янченко Д. Г. Китайско-Восточная железная дорога — историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 205–210.
- Сапелкин А. А. К истории феодализма в Киргизии в конце XIX — начале XX вв.: (административная устройство и налоговая система). Бишкек, 1968.
- Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / под ред. Й. П. Нильсена; пер. с норв. М., 2017.
- Северный Кавказ в составе Российской империи / под ред. В. О. Бобровникова, И. Л. Бабич. М., 2007.
- Седова Я. А. Октябрьский режим: в 2 т. Т. 2. М., 2018.
- Сербин Е. О культуре болот // Известия Волынского губернского земства. 1912. № 12. С. 5–8.
- Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М., 2007.
- Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962.
- Сидоркина З. И. Демографические процессы и демографическая политика на Российском Дальнем Востоке / Рос. акад. наук. Дальневосточное отделение, Тихоокеанский ин-т географии. Владивосток, 1997.
- Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960.
- Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973.
- Силонов А. К. К вопросу о роли ростовщического капитала в сельском хозяйстве Средней Азии. Ташкент, 1926.
- Симонов К. В. Проблема соединения железнодорожных сетей России и Индии (середина XIX — начало XX века) // Россия — Индия. Перспективы регионального сотрудничества (Липецкая область). М., 2000. С. 58–66.
- Син Линьчи (邢林池). КВЖД — отправная точка Северо-Востока отмечает 100-летие (中东铁路：百年东北起点站) // Кань лиши (看历史). Пекин, 2012. № 9. С. 58–67.
- Синицын И. Обзор культуры чайного дерева на Батумском побережье // Русские субтропики. 1913. № 10. С. 23–31.
- Скляр Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
- Скрынченко Д. Открытое письмо думским октябристам // Минское слово. 1909. 25 дек.
- Скрыплев П. Хлопководство и русские переселенцы // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 203–224.

- Славкина М. В. История принятия решения о промышленном освоении Западной Сибири // Экономическая история. Обзор. Вып. 10. М., 2005. С. 146–163.
- Слободжанин В. П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.). Минск, 1994.
- Слюнин Н. В. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов: отчет за 1892–1893 гг. (по поручению Министерства государственных имуществ). СПб., 1895.
- Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917. М., 1998.
- Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 2004.
- Соловьев К. А. В тени больших событий. Дмитрий Николаевич Любимов и его воспоминания // Любимов Д. Н. Русское смутное время. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М., 2018. С. 5–34.
- Соловьев К. А. Конституционный кризис 1911 г. // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2011. С. 254–257.
- Соловьев К. А., Шелохаев В. В. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций правотворчества. М., 2013.
- Соловьев Ф. В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989.
- Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.
- Соловьева В. В. Становление курортной индустрии на Черноморском побережье Кавказа в начале XX в. // Современные проблемы сервиса и туризма. 2007. № 1. С. 11–20.
- Сорокина Т. Н. «Китайская тема» на IV Хабаровском съезде Приамурских губернаторов // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы VIII международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2018. С. 281–287.
- Сорокина Т. Н. К вопросу о выработке иммиграционного законодательства для дальневосточных областей России в конце XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 66–69.
- Сорокина Т. Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999.
- Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. Ташкент, 1973.
- Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г. Колонизация, миграция и порто-франко на Дальнем Востоке России в конце XIX — начале XX вв. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2020. № 55 (1). С. 206–214.

- Старовойтова Е. О., Янченко Д. Г. Роль китайских переселенцев в экономическом освоении Дальнего Востока России на рубеже XIX–XX вв. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 6 (45). С. 720–733.
- Степанов В. Л. Государственное регулирование кавказской нефтяной промышленности в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 12. С. 63–68.
- Степанов В. Л. Казенное нефтяное хозяйство в России: варианты, проекты, дискуссии (1913–1917 гг.) // Уральский исторический вестник. 2020. № 1. С. 37–44.
- Степанов В. Л. Нефтяная политика С. Ю. Витте в Закавказье (1892–1903 гг.) // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2. С. 136–145.
- Степанов В. Л. Нефтяная промышленность Северного Кавказа в государственной политике конца XIX — начала XX в. // Российская история. 2019. № 6. С. 127–147.
- Стеткевич А. Убыточен ли Туркестан для России? СПб., 1899.
- Стогов Д. И. Русские монархисты начала XX в. о положении православного населения Западного края // Русин. 2019. Т. 58. С. 85–87.
- Столыпин П. А. Переписка. М., 2004.
- Стрелко А. А. Славянское население в странах Латинской Америки (исторический очерк). Киев, 1980.
- Стрелко А. А. Украинская трудовая эмиграция в странах Латинской Америки (конец XIX — начало XX ст.): дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1978.
- Суботич Д. И. Задачи России на Дальнем Востоке: письмо генерала Д. И. Суботича к Военному министру А. Н. Куропаткину в 1903 году. Ревель, 1908.
- Суворов В. А. Историко-экономический очерк развития Туркестана (по материалам ж.-д. строительства в 1880–1917 гг.). Ташкент, 1962.
- Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.) / публ. Л. Е. Шепелева. СПб., 1999.
- Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу. Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009.
- «Такое управление государством недопустимо». Доклад А. Ф. Керенского на закрытом заседании Государственной думы. Декабрь 1916 г. // Исторический архив. 1997. № 2. С. 4–22.
- Тальская О. Д. Россия в Средней Азии. М., 2018.
- Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в.: Советская историография середины 50-х — начала 60-х годов. М., 1990.
- Тизенко П. Д. Эмиграционный вопрос в России, 1820–1910. Либава, 1909.
- Тихомиров А. В. Белорусская эмиграция. 90-е гг. XIX в. — 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1994.

- Тихонов Т. И. Письма о переселенцах. Немцы-колонисты в Волыни и в Сибири // Русский вестник. 1896. № 10. С. 316–322; № 11. С. 380–392.
- Томпсон С. Реакция империи на дефицит хлопка: развитие российской ирригационной системы в Средней Азии в свете опыта Британской империи // Российская текстильная промышленность. Технологический трансферт, сырье, финансы / ред.-сост. С. Томпсон. СПб., 2006. С. 82–102.
- Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. XI: Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье / В. В. Граве; Н. Гондатти. СПб., 1912.
- Тудоряну Н. Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев, 1986.
- Туркестан в имперской политике России: монография в документах / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2016.
- Турчанинов Н. В. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 гг. (включительно). СПб., 1910.
- Турчанинов Н. В., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 гг. (включительно). Пг., 1916.
- Тхоржевский И. И. Отчет о служебной поездке на Кавказ: июль 1909 г. СПб., 1909.
- Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
- «У меня на руках было большое русское дело...»: воспоминания из архива генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата (ч. I) / публ. А. В. Луговой // Новейшая история России. 2012. № 2. 191–223.
- Улевичюс П. В. Эмиграция трудящихся Литвы в Южную Америку, экономические условия их жизни, прогрессивная общественная и культурная деятельность (1909–1940): дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1962.
- Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906–1910. СПб., 1912.
- Унтербергер П. Ф. Приморская область. 1856–1898 гг. СПб., 1900.
- Урушадзе А. Т. «Мнимая юстиция»: горские словесные суды и проблема судебно-административного реформирования Кавказского края в материалах ревизии Н. М. Рейнке // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 4. С. 914–927.
- Урушадзе А. Т. Кавказ в конце XIX — начале XX в.: проблемы управления и модернизации на южной окраине Российской империи // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 144–157.
- Урушадзе А. Т. Формирование и развитие курортной инфраструктуры Кавказских Минеральных Вод в первой половине XIX в. // Северный Кавказ — мир культуры и культура мира. 2011. № 1. С. 17–22.
- Усманова Д. М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005.
- Устюгова О. А. Торговля на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2002.

- Фадеев А. В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1959 г. М., 1961. С. 251–260.
- Фань Лицзюнь, Цюй Личао (范立君、曲立超). КВЖД и разработка лесных ресурсов на р. Сунгари в Новое время (中东铁路与近代松花江流域森林资源开发) // Цилинь шифань дасюэ сюэбао (吉林师范大学). Сыпин. 2009. № 3. С. 35–37.
- Федоренко А. Заметки болотных дел мастера // Известия Волынского губернского земства. 1912. № 16. С. 6.
- Федоров Г. П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1910 года) // Исторический вестник. 1913. № 11. С. 438–465.
- Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск, 2009.
- Филатова Ж. В. Курорты Кавказских Минеральных Вод в 1900–1905 гг.: факторы устойчивого развития // Вестник экспертного совета. 2015. № 2 (2). С. 104–108.
- Филимонов А. В. Разработка и реализация программ финансирования переселенческого дела в России конца XIX — начала XX века // Исторический курьер. 2018. № 2. Ст. 9. С. 1–18.
- Финогентова О. Е. Субъекты и виды земельных правоотношений в Российской империи (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2016. Т. 27, вып. 2. С. 157–163.
- Флоринский М. Ф. Центральная власть и Кавказская администрация в системе управления Российской империи // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 380–411.
- Флоринский М. Ф., Янченко Д. Г. Финансы России и чрезвычайные полномочия Правительства в 1906–1914 гг. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 42 (4). С. 1328–1336.
- Фомченко А. П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX — начале XX в. (социально-экономический аспект). Ташкент, 1983.
- Фридман Ц. Л. Банки и кредит в дореволюционном Казахстане (1900–1914 гг.). Алма-Ата, 1974.
- Фролов В. И. Война и нефтяная промышленность // Война и топливо. 1914–1917 гг. / Труды научно-исследовательской секции ЦС Осоавиахима. Война и народное хозяйство. 1-я серия. Мировая война и народное хозяйство России. № 24–28. М.; Л., 1930. С. 99–113.
- Фролов В. И. Очерк забастовочного движения рабочих Бакинского нефтепромышленного района за 1903–1906 годы. Баку, 1907. С. 76–86.
- Фурсенко А. А. Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы — 1918 г. Л., 1965.

- Фурсенко А. А. Первый экспортный нефтяной синдикат в России (1893–1897 гг.) // Монополии и иностранный капитал в России / отв. ред. М. П. Вяткин. М.; Л., 1962. С. 4–58.
- Фурсенко А. А., Шепелев Л. Е. Нефтяные монополии России и их участие в борьбе за раздел мирового рынка в 90-х годах XIX в. // Материалы по истории СССР. Т. VI: Документы по истории монополистического капитализма в России / отв. ред. А. Л. Сидоров. М., 1959. С. 47–156.
- Фурсов К. А. Геополитика или экономика? Соотношение целей англо-русской экспансии в Центральной Азии в XIX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 1. С. 6–28.
- Фурсов К. А. Две империи. Экономическая политика колониальных держав в Русском Туркестане и Британской Индии во второй половине XIX — начале XX в. (научный доклад). М., 2009.
- Фурсов К. А. Имперская экономическая политика в Русском Туркестане и Британской Индии: сходства и различия // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 6. С. 28–44.
- Харин Ю. Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX — начало XX в.). Пятигорск, 2003.
- Хисамутдинов А. А. Естественнаучные исследования русских ученых-эмигрантов в Северном Китае (первая половина XX века) // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. 2016. № 1 (185). С. 99–107.
- Ходяков М. В. Желтороссия конца XIX — начала XX века в геополитических планах русской военной элиты // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 880–897.
- Ходяков М. В. Китайско-Восточная железная дорога и планы усиления русского экономического влияния на Дальнем Востоке в преддверии Первой мировой войны // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 3 (19). С. 52–65.
- Ходяков М. В. Попытки рабочей колонизации восточных окраин империи в начале XX в. По документам Российского государственного исторического архива Дальнего Востока // Вестник архивиста. 2019. № 4. С. 995–1006.
- Ходяков М. В. Российское законодательство начала XX в. об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60. С. 78–83.
- Ходяков М. В. Хлеб Маньчжурии и государственные интересы России на Дальнем Востоке накануне Первой мировой войны // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2018. № 3 (60). С. 39–45.
- Ходяков М. В., Чжао Чжицин. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 7–30.

- Хотамов Н. Б. Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х гг. XIX в. — 1917 г.). Душанбе, 1990.
- Ху Личжун, Цзинь Гуанъяо, Шэнь Цзиши (胡礼忠、金光耀、沈济时). От Нерчинского договора до визита Ельцина. 300 лет российско-китайских и советско-китайских отношений (从尼布楚条约到叶利钦访华:中俄中苏关系300年). Фучжоу, 1994.
- Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М., 2008.
- Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: сб. науч. трудов международного семинара. М., 2019.
- Ціхаміраў А. В. Масавая эміграцыя з Беларусі. Пачаток фарміравання беларускай дыяспары // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / гал. рэд. М. Касцюк. Мінск, 2005. С. 376–385.
- Ціхаміраў А. В. Масавая эміграцыя і пачатак фарміравання беларускай дыяспары ў ЗША. 80-я гг. XIX ст. — 1914 г. // Весці АН Беларусі. Серыя грамадскіх навук. 1993. № 4. С. 46–52.
- Чапыгин И. В. Русские на территории Маньчжурии и полосы КВЖД (XVII — начало XX в.) // Преподаватель XXI век. Исторические науки. 2014. № 1. С. 317–328.
- Чеканинский И. Восстание киргиз-казахов и каракиргиз в Джетысуйском (Семиреченском) крае в июле — сентябре 1916 г. (к материалам по истории этого восстания). Кызыл-Орда, 1926.
- Черменский Е. Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976.
- Черноморское побережье Кавказа. Справочная книга / сост. О. П. Доброхотов; под ред. Н. И. Воробьева. Пг., 1916 (репринт: Краснодар, 2009).
- Чуркин М. К. Переселенческое движение в Западную Сибирь в оценках и решениях Российского правительства (1861–1905 гг.) // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 4 (35). С. 261–266.
- Чэн Линь (程琳). Еще раз к вопросу о КВЖД и урбанизации (中东铁路与区域城镇化问题再探) // Хэйлунцзян шичжи (东北师范大学). Чанчунь. 2008. № 15. С. 5–7.
- Чэнь Цюцзе. Влияние КВЖД на численность населения Харбина // Россия и АТР. 2011. № 1. С. 80–85.
- Шавров Н. Н. Новая угроза русскому делу в Закавказье: Предстоящая распродажа Мугани инородцам. СПб., 1911.
- Шарапов С. Ф. Неопознанный гений. Памяти Н. П. Гилярова-Платонова. М., 1903.
- Шелохаев В. В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
- Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911.

- Шестаков А. Восстание в Средней Азии в 1916 г. // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 84–114.
- Шидловский С. И. «Убежденный государственник» // Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Самые знаменитые речи и письма. М., 2013. С. 34–44.
- Шиловский М. В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII — начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: материалы Всероссийской научной конференции / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2008. С. 648–653.
- Шоломицкая Т. Л. Белорусская земская печать в системе реформирования сельского хозяйства // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. 2008. № 1. С. 73–76.
- Штейнфельд Н. Южно-Маньчжурская железная дорога в освещении цифрами и фактами // Харбинский вестник. 1908. № 1315. 8 июня.
- Шульгин В. В. Выборное земство в Юго-Западном крае. Киев, 1909.
- Шушкова М. Е. Реформа управления Туркестанским краем: Разногласия между Санкт-Петербургом и Ташкентом // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 6–18.
- Эвентов Л. Я. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России. 1874–1917. М.; Л., 1925.
- Эйдинтас А. Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. Вильнюс, 1989.
- Экономическая история. Обзорение. Вып. 10 / под ред. Л. И. Бородкина. М., 2005.
- Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 12. СПб., 1894; Т. 15. СПб., 1904.
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2013.
- Юлдашев А. М. Аграрные отношения в Туркестане (конец XIX — начало XX вв.). Ташкент, 1970.
- Юлдашев А. М. Проникновение русского монополистического капитала в экономике Туркестана (1900–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ташкент, 1961.
- Юферов В. И. Хлопководство в Туркестане. Л., 1925.
- Юшкин Е. М. Материалы по грозненской нефтяной промышленности: в 3 т. Т. I. Владикавказ, 1906.
- Юэ Вэй (岳巍). Об особенностях русско-китайских отношений 1900–1924 гг. (论1900–1924年中俄关系之特点) // China Academic Journal Electronic Publishing House. URL: [http://oversea.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?recid=&FileName=2007146598.nh&DbName=CDFD2008&DbCode=CDFD&uid=WEEvREcwSlJHSldRa1FhdKJkVW10QVROTKlVnNjJCZy9pRH Y1SEJvSHozYz0=\\$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4lQMovwHt-wkF4VYPoHbKxJw!!](http://oversea.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?recid=&FileName=2007146598.nh&DbName=CDFD2008&DbCode=CDFD&uid=WEEvREcwSlJHSldRa1FhdKJkVW10QVROTKlVnNjJCZy9pRH Y1SEJvSHozYz0=$9A4hF_YAuvQ5obgVAqNKPCYcEjKensW4lQMovwHt-wkF4VYPoHbKxJw!!) (дата обращения: 17.10.2016).

- «Я любил Вас любовью брата...»: переписка Ю.Ф.Самарина и баронессы Э.Ф.Раден (1861–1876). СПб., 2015.
- Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955.
- Ямзин И. Л., Воицинин В. П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926.
- Янченко Д. Г. Бюджет и финансы в Государственной думе 1907–1912 гг.: от Балтики до Дальнего Востока. СПб., 2015.
- Янченко Д. Г. Вопросы обороны, внутреннего управления и статуса Китайско-Восточной железной дороги в правительственной политике в начале XX в. // Былые годы. Российский исторический журнал. 2018. № 50 (4). С. 1712–1724.
- Янченко Д. Г. Политика Государственной думы в отношении национальных окраин империи: налоговые вопросы и арендные отношения в Польше и западном крае // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2011. № 4. С. 139–141.
- Янченко Д. Г., Андреев А. А. Тезисы всеподданнейшего отчета сенатора К. К. Палена о ревизии в Туркестане: от черновых записок к заседанию Совета министров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 11-2. С. 29–36.
- Янченко Д. Г., Андреев А. А., Шорохов В. А. Выборы депутатов-«инородцев» от Средней Азии в Первую и Вторую Думы // КЛИО. 2017. № 12. С. 83–95.
- Янченко Д. Г., Овсянников Д. В., Шорохов В. А. Восстание в Туркестане 1916 года и реакция на него Государственной думы: историография вопроса и истоки конфликта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 12. С. 73–80.
- Янченко Д. Г., Слободзян Г. М. Колонизация русского Дальнего Востока в правительственной политике в 1906–1911 гг. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 93–106.
- Янченко Д. Г., Старовойтова Е. О. Перспективы экономического развития Китайско-Восточной железной дороги после Русско-японской войны: региональный аспект и петербургская политика // Новейшая история России. 2017. Т. 8, № 3. С. 583–597.
- Ярмолич Ф. К. Китайская диаспора на Кольском Севере в 20-е годы XX века: демографические характеристики // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде: сб. статей / ред. колл.: П. В. Федоров, Ю. П. Бардилова, Е. И. Михайлов. Мурманск, 2005. С. 36–42.
- Akifumi S. Who Should Manage the Water of the Amu Darya? Controversy over Irrigation Concessions between Russia and Khiva, 1913–1914 // Explorations in the Social History of Modern Central Asia (19th — Early 20th Century) / ed. by P. Sartori. Leiden; Boston, 2013. P. 111–136.

- Alimjanov B. A., Yanchenko D. G.* A Russian bank in the Khanate of Khiva Novo-Urgenchskiy branch of Russo-Asian commercial bank // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2020. Vol. 65, iss. 3. (в печати).
- Barnett V.* The revolutionary Russian economy, 1890–1940: ideas, debates and alternatives. London; New York, 2004.
- Breyfogle N. B.* Heretics and Colonizers: Forging Russia's Empire in the South Caucasus. Ithaca, 2005.
- Brower D.* Turkestan and the fate of the Russian Empire. London; New York, 2003.
- Central Asia. 130 years of Russian Dominance. A historical overview / ed. by E. A. Allwort. London, 1994.
- Crews R. D.* For Prophet and Tsar. Cambridge, 2006.
- Demko G. J.* The Russian colonization of Kazakhstan: 1896–1916. Bloomington, 1969.
- Dowler W.* Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860–1917. McGill-Queen's University Press, 2001.
- Florinskiy M. F., Yanchenko D. G.* The Finance of Russia and Extraordinary Powers of the Government in 1906–1914 // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 42 (4). С. 1328–1336.
- Forsyth J.* A history of the peoples of Siberia: Russia's north Asian colony, 1581–1990. Cambridge; New York, 1992.
- Gatrell P.* Russia's First World War: a Social and Economic History. Hoboken, 2014.
- Geraci R. P.* Window to the East. National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca; London, 2001.
- Hartley J.* Siberia: a history of the people. New Haven, 2014.
- Hoch S.* Essays in Russian Social and Economic History. Academic Studies Press, 2015.
- Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge; London, 2002.
- Hosking G.* Russian Constitutional Experiment: Government and Duma. 1907–1914. Cambridge, 1973.
- Hosking G.* Russia. People and empire. London, 1997.
- Ivanov A. A., Kotov A. E., Yanchenko D. G., Ovsjannikov D. V.* Ukrainian question in the Russian conservative thought. The end of 19th — early 20th century // Былые годы. Российский исторический журнал. 2017. № 43 (1). С. 129–138.
- MacKenzie D.* Turkestan's Significance to Russia (1850–1917) // *Russian Review*. 1974. Vol. 33, no. 2. P. 167–188.
- Morrison A.* “Sowing the Seed of National Strife in this Alien Region”: The Palen Report and Pereselenie in Turkestan, 1908–1910 // *Acta Slavica Iaponica*. 2012. No. 31. P. 1–29.
- Morrison A.* Peasant settlers and the “civilizing mission” in Russian Turkestan, 1865–1917 // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2015. Vol. 43, no. 3. P. 387–417.

- Morrison A.* Russian Rule in Samarkand, 1868–1910. A comparison with British India. New York, 2008.
- Morrison A.* Russian Rule in Turkestan and the Example of British India // *The Slavonic and East European Review*. 2006. Vol. 84, no. 4. P. 666–707.
- Morrison A.* The Pahlen Commission and the Re-Establishment of Rectitude in Transcaspia 1908–1909 // *Monde(s)*. 2013. No. 2. P. 45–65.
- Nationalizing Empires / eds A. Miller, S. Berger. Budapest; New York, 2015.
- Penati B.* The cotton Boom and the Land Tax in Russian Turkestan (1880s–1915) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2013. Vol. 14, no. 4. P. 741–774.
- Pereira N. G. O.* Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // *Canadian Slavonic Papers*. 1988 (March). Vol. 30, no. 1. P. 112–133.
- Peterson M.* Technologies of Rule: Empire, Water, and the Modernization of Central Asia, 1867–1941. PhD diss. Harvard University, 2011.
- Pierce R. A.* Russian Central Asia, 1867–1917: a study in colonial rule. Berkeley, 1960.
- Raeff M.* Understanding Imperial Russia: State and Society in the Old Regime. New York, 1984.
- Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930 / eds J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington; Indianapolis, 2007.
- Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / ed. by E. C. Thaden. New Jersey, 1981.
- Sahadeo J.* Russian Colonial Society in Tashkent, 1865–1923. Bloomington, 2007.
- Sanborn J.* Imperial apocalypse: The Great War and the destruction of the Russian empire. New York; Oxford, 2014.
- Sargent L.* The “Armeno-Tatar War” In the South Caucasus, 1905–1906: Multiple Causes, Interpreted Meanings // *Ab Imperio*. 2010. № 4. С. 143–169.
- Sokol E. D.* The Revolt of 1916 in Russian Central Asia / Foreword by S. Frederick Starr. Baltimore, 2016.
- Starr S. F.* Decentralization and Self-Government in Russia, 1830–1870. Princeton University Press, 1972.
- Thaden E. C.* Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. Seattle, 1964.
- Thaden E. C.* Russification in Tsarist Russia // *Modern Encyclopedia of Soviet and Russian History*. 1983. Vol. 32. P. 205–212.
- Weeks T. R.* Russification and the Lithuanians: 1863–1905 // *Slavic review*. Chicago, 2001. Vol. 60, no. 1. P. 96–114.
- Weeks T. R.* Nation and State in late Imperial Russia: Nationalism and Russification on the Western frontier: 1863–1914. Northern Illinois University Press, 1996.
- Wood A.* Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. London; New York, 2011.
- Yanchenko D. G., Shorokhov V. A.* The Caucasian Policy of the Imperial Power Branches during the First Russian Revolution // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История*. 2017. № 4 (62). С. 674–692.

Именной указатель

- Абаза Н. С. 12, 450
Абашин С. Н. 30, 34, 264, 346
Абдурахимова Н. А. 35
Абиль-Оглы 353
Аблова Н. Е. 25, 91
Авдеев М. Н. 466
Авезниязматов М. 324
Аврех А. Я. 18, 575
Агаджанов С. Г. 21
Адамов Е. А. 81, 97
Аджемов М. С. 371, 372
Аитбаев Ю. 322, 323
Аксаков И. С. 555, 594
Алекперов В. Ю. 398, 403
Александр II 259
Александр III 40, 259, 261, 542, 556, 594, 597
Александр Михайлович, вел. кн. 384, 461, 465
Александров А. А. 555
Алексеев М. В. 370
Алексеев Т. В. 210, 212, 213
Алепо А. В. 113, 116
Алиев Х. А. 317, 330
Альтергот 337
Аманжолова Д. А. 21
Аминов А. М. 47
Аминов С. М. 315
Ананьич Б. В. 20
Андерсон Ф. К. 462
Андреев А. А. 58
Андреева Н. С. 42
Андроников (Андронников) М. М. 335
Анисимов С. А. 461
Анисимов С. С. 480
Антонин, иеромонах 547, 548
Антонов Н. И. 534
Арапов Д. Ю. 37
Арсеньев В. К. 124
Арский И. Д. 589
Артамонов А. Е. 481, 487
Архипов И. П. 399
Асадуллаев А. Ш. 383
Афанасьев М. Е. 178
Ахвердов И. А. 397, 401, 412, 414, 415, 423
Ахмеджанов Г. А. 35
Ахметханов А. Б. 334
Ахундов Б. Ю. 384
Бабаджанов Х. 324
Бабаев А. Б. 538
Бабаходжаев А. Х. 47
Бабич И. Л. 38
Бабич М. П. 418, 419
Бабянский А. Ф. 531
Багаева Е. М. 418
Баженов И. А. 565
Баккалов Абдураим 315, 327, 328, 334, 335
Баккалов Абдурахман 315, 327, 328, 334, 335
Баккаловы, братья 317, 333–335, 338
Барабаш Я. Ф. 64, 65
Баранов И. Г. 204
Бардилова Ю. П. 226
Барк П. Л. 184, 214, 217–221, 228, 446
Бартенева И. А. 33
Бахтурина А. Ю. 22
Башилов П. П. 605
Башкиров В. А. 477
Безобразов А. М. 187

- Белинский В. Г. 596
 Белой, купец 207
 Белоконь И. В. 25, 62
 Бельская И. В. 42
 Бельский С. Е. 139
 Беляев С. Г. 33
 Беляева Н. А. 118
 Белянин Д. Н. 490
 Бенуа А. А. 461
 Берг Ф. Н. 555
 Березин Н. И. 557
 Березовский П. В. 533
 Бернацкий М. В. 441
 Бертенсон И. В. 481
 Бесбардис К. 15, 596
 Бибииков Д. Г. 13
 Бобровников В. О. 38
 Бовуа Д. 542
 Богданович К. И. 422
 Божко Ф. 45
 Бонди В. 547
 Боровиковский А. Л. 538
 Бородкин Л. И. 39
 Бреверн де Лагарди 597
 Брейфогл П. 473, 474
 Бринкман 337
 Брио Н. 241
 Бройдо Г. И. 45
 Бубликов А. А. 441
 Букшпан Я. М. 431
 Булат А. А. (Булота А. А.) 527, 534
 Буркова В. В. 96
 Бывалькевич П. Г. 569
 Быховец 590
 Бютинг Н. Г. 601

 Валуев П. А. 595
 Вальдемар К. 15
 Ван Куйси 189
 Ванновский П. С. 400, 401
 Ванькович С. А. 547, 552
 Василевский В. М. 145
 Васильчиков Б. А. 255, 454, 469
 Вашук А. С. 153, 189
 Вдзенконский П. 285
 Вексельман М. И. 49

 Вельможко И. Н. 21
 Вентцель А. Н. 177
 Вердиева Х. Ю. 466
 Верещагин П. Д. 47, 257, 491, 496, 502
 Веселовский Б. 586
 Ветров А. 591
 Вивдыч М. А. 81
 Вискс Т. (Weeks T. R.) 20, 43
 Виноградов В. А. 441
 Витовт 13
 Витте С. Ю. 20, 26, 63, 64, 71, 82, 84, 86, 107, 377, 381–386, 389, 392, 413, 578, 600, 610
 Вишняков О. В. 74
 Владимиров А. 62
 Владимиров А. П. 558–562
 Воейков А. И. 451, 464
 Волков Н. К. 350, 356
 Волобуев П. В. 19
 Вольдемар 596
 Воробьев Н. И. 459
 Воронов И. И. 162
 Воронцов М. С. 467
 Воронцов-Дашков И. И. 12, 37, 391, 454, 455, 459, 469, 471
 Вощинин В. П. 288
 Высоцкий И. И. 605
 Вышетравский С. А. 440
 Вышнеградский И. А. 383
 Вяземский С. С. 241

 Гаджинский И. А. 383
 Гайдаров И. И. 530
 Галаган А. А. 384
 Галлямова Л. И. 153
 Галузо П. Г. 45, 46
 Ган С. Д. 165
 Ганелин Р. Ш. 20, 514, 515
 Гантовер Л. В. 538
 Гарусова Л. Н. 117, 237
 Гедимин 13
 Гейман 330
 Геллер А. Б. 48
 Гераси Р. (Geraci R. P.) 43
 Герасимова Л. А. 189
 Гергилев Д. Н. 16

- Гершенович Л. 512
 Гефтер М. Я. 378, 380, 437, 438
 Гиляров-Платонов Н. П. 594, 595, 599
 Гиндин И. Ф. 20
 Гинс Г. К. 55, 282, 291, 292, 298
 Гинце А. К. 223, 224
 Гиппиус В. И. 498
 Гирс Ф. К. 260, 261
 Глинка Г. В. 132, 306, 356
 Глушков Е. В. 405
 Глущенко Е. А. 35
 Го Лань 92
 Гойхбарг А. Г. 546, 549, 550
 Голиков И. И. 259
 Голицын Г. С. 377, 386, 468
 Головач Е. И. 539, 544
 Голубев А. А. 226
 Гондатти Н. Л. 24, 123, 137, 138, 141, 152, 155–157, 162–165, 180–182, 195–197, 210
 Гончаренко О. Г. 25
 Горемыкин И. Л. 173, 210, 505, 534, 578
 Горизонтов Л. Е. 42
 Госьицкий Г. Ч. 535
 Грабский В. 529
 Граве В. В. 204
 Грасс Г. 588
 Графтио Г. О. 463
 Гревениц Н. А. 492, 499, 500
 Григорович И. К. 439
 Григорцевич С. С. 238
 Грингмут В. А. 555
 Продеков Н. И. 65–67, 77, 79, 83, 85, 87–89, 166, 167
 Грум-Гржимайло Г. Е. 124
 Гулишамбаров С. И. 381, 389
 Гучков А. И. 348
 Дадашев Г. Ш. 383
 Далгат М. М. 306, 356
 Даттан А. В. 125
 Даудов А. Х. 58
 Даукаев А. А. 408
 Дацышен В. Г. 26, 63, 200
 Дворниченко А. Ю. 58
 Дейч Л. Г. 518
 Делле П. И. 180, 186
 Демидов А. П. 45
 Демин В. А. 548, 553, 576, 579
 Деникин А. И. 71, 72
 Денисов В. И. 178
 Джаббаров Ф. Р. 390
 Джалеков 315
 Джантаев Ш. 352
 Джафаров М. Ю. 348, 350, 371, 372
 Джафаров М.-Ю. Г. 370
 Дзюбинский В. И. 305, 356, 366
 Дмитриев А. П. 597
 Дмитриев М. Д. 485
 Долбилов М. Д. 41
 Домрачев А. 152
 Доулер У. (Dowler W.) 43
 Друзья А. В. 82
 Дубинина Н. И. 243, 245
 Дубовицкий М. М. 416
 Дудченко Г. Б. 153, 189
 Дудченко, врач 224, 225
 Дурново И. Н. 492–494
 Дурново П. Н. 601
 Духовский С. М. 133, 135, 201, 206
 Дымша Л. К. 584
 Дякин В. С. 18, 20, 22
 Дятлов В. И. 62, 188
 Дятлова А. К. 76, 208
 Еникеев Г. Х. 306, 356
 Ергин Д. 396
 Еремеев И. И. 190, 191
 Ермолов А. С. 12, 377, 385, 386, 400, 401, 406, 409, 410–412, 450, 451, 455, 457, 464, 465, 468, 475–479, 481, 484, 485, 505
 Жигалов Б. С. 89
 Жилинский Я. Г. 171
 Журавлев В. В. 410
 Заколотная А. С. 159
 Залесский С. И. 56
 Замысловский Г. Г. 532
 Звездинцев Н. А. 601

- Зелькина Е. 45
 Земцев В. 598, 599
 Зив В. С. 387
 Зиновьев В. П. 176, 190
 Зиновьев М. А. 599
 Зиновьев Н. А. 485, 553
 Злобин П. 339
 Зорин В. Ю. 21
 Зырянов П. Н. 18
- Ибрагимов М. Д.** 345
Иваницкий Б. Е. 194
Иванов В. И. 337
Иванов Н. А. 262
Иванова-Абель Х. Г. 337
Игнатъев А. В. 63
Игнатъев Н. П. 605
Иголкин А. А. 390
Извольский А. П. 79, 83, 138
Иловайский Д. И. 562, 567
Инфантьев Б. Ф. 15
Ионцев В. А. 508
Иоффе Г. З. 18
Ирклеевский А. 95
Исабаева Н. А. 35
Исаев А. А. 441
Исаева Р. М. 407
Исакеев Б. 45
Искандаров Б. И. 373
Исмаилбаев 345
Исмаил-заде Д. И. 37, 466, 474
Исмаилов М. А. 467
Истомин Е. К. 405
Ичас М. М. 528, 529
- Кабузан В. М.** 152
Кадер С. А. 440
Кадки Н. А. 345
Казанский П. Е. 17
Казанцев В. П. 74
Калдыбаев Т. 345
Калинников, штабс-капитан 241
Каниметов А. К. 33
Капнист Д. П. (2-й) 294, 305, 354, 355, 371, 372
Капнист И. И. (1-й) 355
- Каппелер А.** 32, 33, 39
Капран И. К. 25
Караходжаев 345
Карманов И. 327
Карцов А. С. 566
Карцов Ю. С. 563, 566
Карьяхьярм Т. 601
Карякин В. А. 549
Кастельская З. Д. 50
Катков М. Н. 555, 556, 563, 574, 594
Кауфман А. А. 55, 124, 290, 292, 293, 454
Кауфман К. П. фон 260, 261, 559
Каханов С. В. 398
Кейстут 13
Керенский А. Ф. 368, 370–372, 374
Кизеветтер Е. Я. 551
Киселев А. А. 226
Кисляков А. М. 337
Китанина Т. М. 37, 50, 161, 209
Клибанов А. И. 466
Ковалевский М. Е. 260
Кованько Н. А. 572
Коголь И. 590
Коковцов В. Н. 69, 75, 78, 79, 84, 87, 89, 93, 94, 97, 99, 100, 102–107, 130, 132, 133, 138, 139, 162, 170–174, 181, 191, 193, 292, 297, 304, 313, 347, 359, 392, 405, 439
Колосов Л. И. 396, 407, 414, 415
Колычев Л. А. 482
Комаровский В. Я. 316, 317, 328, 332, 337
Комзолова А. А. 13
Комиссаров, костромич 566
Кондратович К. А. 83, 84
Кондратьев Н. Д. 164
Коновалов А. И. 446, 485
Коншин А. М. 397
Корнилов Г. Е. 162
Корнилов И. П. 14, 559
Королева В. А. 153
Коростовец И. Я. 85
Корф А. Н. 205, 207
Косторниченко В. Н. 40
Котляревский С. А. 17

- Котюкова Т.В. 29, 30, 263, 347, 367, 370
- Крадин Н.П. 26
- Краснов А.Н. 464
- Краснокутский В.С. 487
- Красовский М.В. 99
- Крафт И.И. 126, 315, 316
- Кривошеин А.В. 11, 54, 125, 130–132, 138, 144, 151, 158, 165, 243, 257, 289, 292–294, 296, 299, 300, 313, 347, 456, 459, 472, 473, 525, 526
- Кривошеин К.А. 131
- Кризовская Л. 512
- Кризовский И. 512
- Кринко Е.Ф. 16
- Кринский Б.И. 441
- Кротова М.В. 26
- Крузенштерн В.П. 200
- Крупенский В.Н. 172, 184
- Крупенский П.Н. 441
- Крыжановский С.Е. 578
- Крым С.С. 360
- Крючек П.С. 491
- Кудрявцева Т.М. 61
- Кузминский А.М. 471
- Кулаковский П.А. 569, 574
- Кулешов С.В. 21
- Куломзин А.Н. 492, 493, 507
- Куприн Д.О. 509
- Куренков М.П. 182
- Куропаткин А.Н. 62, 67, 72, 126, 168, 169, 251, 285, 312, 369, 412, 413
- Курчевский Б. 508
- Кутлер Н.Н. 288
- Лаврентьев В. 46
- Лазаревский Н.И. 17, 148
- Лайнгер С.Р. 199
- Ламздорф В.Н. 83, 253
- Ларин А.Г. 122, 203, 204
- Ларин В.Л. 62
- Лашкарев Г.А. 533
- Лебедев А.И. 451
- Лебедева Н.М. 508
- Лебедик Н.И. 421
- Левашов В.А. 499
- Левенштейн И.Г. 336
- Левин И.И. 441
- Левитов И.С. 60, 61, 200, 203, 208
- Леонтьев К.Н. 555, 563, 596
- Лесков Н.С. 595, 597
- Лессар П.М. 104
- Лечицкий П.А. 155
- Ли Хун Мо 163
- Ли Юнчан 199
- Лианозов Г.М. 383
- Лианозов С.Г. 377
- Липранди А.И. 567
- Литвинов П.П. 34
- Лихарев Н.П. 275
- Локотко В.В. 503
- Локоть Т.В. 349
- Лукодянов Б. 332, 333, 335
- Лукоянов И.В. 26, 51, 63, 92, 104
- Лукьянов С.М. 150
- Лучицкий И.В. 547
- Лыкошин А.И. 274, 548
- Львов, директор Канцелярии министра финансов 85
- Лю Цзе 92
- Любавский М.К. 110
- Любимов Д.Н. 518–520, 524–526
- Любичанковский С.В. 263
- Ляпунтин С.Н. 239
- Мадьяров (Мадияров) А. 315, 317, 324, 328, 333, 335, 338
- Маевский И.В. 425
- Макаренко А.А. 145
- Маклаков Н.А. 602
- Максутов Б. 315
- Малтусынов С.Н. 35
- Мансырев С.П. 371, 529, 563, 564
- Манташев А.И. 377, 383
- Мантейфель 597
- Мануйлов К.А. 315, 324, 334, 338
- Мануйлов П.А. 315, 334, 338
- Мария Федоровна, вдовствующая императрица 515
- Марков Н.Е. (2-й) 305, 347, 356
- Марков Н.Л. (1-й) 101
- Марковников В.В. 411

- Маркушина Б. И. 18
 Мартсон Ф. В. 284, 285
 Мартынов Е. И. 170
 Махкамова Н. Р. 373
 Мейендорф А. Ф. 548
 Мейштович А. Э. 553
 Меллер-Закомельский А. Н. 603, 604
 Меньшиков М. О. 41
 Меньшиков П. 180
 Меркулов С. Д. 17, 188, 195
 Мещерский В. П. 555, 596
 Мещерский М. И. 178
 Мигулин П. П. 440, 441
 Мийманбаева Ф. Н. 48
 Миллер А. И. 41, 48
 Мильман А. Ш. 391
 Милоков П. Н. 585
 Миляшкевич Ф. 329, 336
 Мир Касым Ходжиев М. Г. 345
 Мир-Бабаев М. Ю. 380
 Мирзоевы, братья 383
 Миронов Б. Н. 16, 23
 Митинский А. Н. 125
 Митрофан, епископ Краснополяский 347
 Михайлов В. П. 125, 141, 143, 147, 148
 Михалкина Т. А. 259
 Михневич Н. П. 302
 Моисеенко В. М. 490
 Мордвинов С. А. 260
 Моррисон А. (Morrison A.) 32, 33
 Москвин П. П. 338
 Мотовилов А. А. 363
 Муравьев М. Н. 557, 559, 561
 Муров Г. Т. 124
 Муртазаходжаев А. 334
 Мухамедьяров Ш. З. 370
 Мухаммед Мурадов И. Х. Д. 334
 Нагиев А. М. 383
 Назаров М. В. 508
 Наранович А. 501
 Нардова В. А. 377
 Нарочницкий А. Л. 233
 Натансон 512
 Наумов А. Н. 212
 Некрасов О. В. 35
 Непомнин В. Я. 45
 Нератов А. А. 172
 Нестерова Е. И. 205
 Нестор (Анисимов), иеромонах 235
 Несторовский К. А. 251, 252, 254, 255, 262, 267, 276, 285, 313
 Нечаев В. М. 539, 543
 Никитин Ф. П. 254
 Никифоров А. А. 470
 Николаенко А. И. 441
 Николай I 296, 360
 Николай II 8, 27, 28, 39, 40, 44, 66, 257, 258, 260, 276, 285, 305, 308, 367, 384, 386, 387, 394, 395, 450, 458, 482, 605
 Никольский А. П. 456, 473
 Никонов А. В. 21
 Никонович Ф. И. 552
 Нилус Е. Х. 75
 Нильсен Й. П. 64
 Нисселович Л. Н. 531, 532
 Нобель Э. 383, 415
 Новосильцев А. И. 398
 Нольде Б. Э. 17, 44
 Овсянников Д. А. 58, 314
 Озеров И. Х. 441
 Окороков А. В. 508
 Ольгерд 13
 Ольденбургский А. П. 217, 222, 464, 465
 Ордынская Ю. В. 81
 Осведомленный 515
 Островский М. Н. 399, 400
 Остроумов Н. В. 538
 Остроумов С. В. 538
 Офросимов Л. С. 519–524
 Павлов Д. Б. 51
 Павлов Е. В. 458
 Павлович И. Я. 547
 Пажитнов К. А. 388
 Пален К. К. 54, 260, 262–278, 280–282, 292, 299, 311, 313, 371
 Палибин И. В. 464
 Палиенко Н. И. 17

- Панов А. А. 61
Пантелеев А. И. 190
Пассек М. П. 462
Пассек Н. Б. 462
Пастернацкий Ф. И. 451
Пенати Б. (Penati B.) 33
Перейра Н. 20
Переудина Н. В. 263
Персиц 315
Перфильев В. В. 114, 115, 132, 140
Першин И. И. 327
Першке Л. 377
Першке С. 377
Петр I 168, 259
Петров А. И. 26, 203, 229
Петровский С. А. 555
Пискунов Т. 327
Пихно Д. И. 538, 580
Плеве В. К. 606
Плехан И. С. 17
Победоносцев К. П. 540, 541, 543, 544
Погорельский И. В. 50
Погребинский А. П. 105
Подопригора А. В. 337
Познанские, братья 316
Покотилов Д. Д. 83
Покровский И. П. 584
Покровский Н. Н. 271, 274, 275
Половцов (Половцев) А. А. 260, 386
Пономарев К. П. 416
Понятовский С. 294
Потапов А. Л. 559, 560
Потапова Н. Ю. 50
Потолов С. И. 395, 410
Правилова Е. А. 15, 22, 23, 30, 31, 49, 254, 260
Притула А. Ф. 396
Прокудин-Горский С. М. 460, 464, 466
Простакишина Н. П. 113
Пуришкевич В. М. 532
Путилов А. И. 37, 335, 336
Путятова Э. Г. 509
Пятковский А. П. 567, 568
Равилов А. 315
Раден Э. Ф. фон 593, 594
Раев М. 19
Разумов Н. И. 445
Ратманов П. Э. 75
Ратушняк В. Н. 449
Редигер А. Ф. 256, 289
Рейнке Н. М. 464
Ремнев А. В. (Remnev A.) 24, 25, 62, 63, 109, 114, 121, 125, 134
Репников А. В. 41
Ризаевы, братья 315–317, 322, 327, 332, 334, 338
Риттих А. А. 214, 215
Родзаевский Н. А. 337
Родичев Ф. И. 534
Романов Б. А. 18, 62, 92
Романов Н. К. 296
Романовский Н. В. 18
Романовский-Романько Б. С. 461
Ротшильд А. 377, 381, 388
Рубинский В. И. 124
Ругевич К. Ф. 477
Руканец К. М. 497, 502
Русак (Баженов И. А.) 565
Русановский А. Р. 398
Рустамова Г. К. 36
Рутковский Н. М. 418
Рухлов С. В. 134, 437
Рыжова А. В. 418
Рыскулов Т. Р. 45
Рябцев В. Н. 63
Савич Н. В. 576, 580
Садыкбаев Х. 345
Садыков А. С. 50
Сазонов С. Д. 173, 184
Салимджанов Г. 333
Салогуб Я. Л. 74
Самандаров 315
Самарин Ю. Ф. 15, 557, 563, 593, 594, 597, 606
Самедов В. А. 377
Самойлов Н. А. 25, 58, 67, 91, 132
Самсонов А. В. 54, 257, 270–272, 276, 278–282, 284, 290, 293, 296, 297, 300, 302, 310

- Сапелкин А. А. 260
 Сапунов А. П. 544–547
 Сафарянц, братья 63
 Свежинский С. 591
 Свенцицкий Г. И. 94
 Святловский В. В. 475–477
 Седова Я. А. 581
 Сербин Е. 591
 Сергеев М. В. 451, 487
 Сидельникова С. М. 18
 Сидоркина З. И. 110
 Сидоров А. Л. 19, 425
 Силонов А. К. 45
 Симонов К. В. 34
 Симонов М. И. 347, 349, 363, 534
 Син Линьчи 92
 Синицын И. 462
 Скарятин В. Д. 595
 Скляров Л. Ф. 143
 Скобелев М. Д. 352
 Скороходов А. А. 244
 Скрынченко Д. В. 577
 Скрыплев П. 297
 Славкина М. В. 40
 Слобожанин В. П. 586
 Слуцкий А. 315, 316, 328, 332, 336, 337
 Слюнин Н. В. 233, 234, 236, 238
 Смецкий Н. Н. 461
 Смирнов А. Ф. 20
 Снитков В. Н. 337
 Соболев И. Г. 213
 Соколовский Н. А. 442
 Солдатов В. В. 178
 Солженицын А. 57
 Соллогуб В. У. 601
 Соловьев К. А. 518, 552, 585
 Соловьев Ф. В. 198, 199, 204
 Соловьева А. М. 380
 Соловьева В. В. 464
 Сольский Д. М. 385, 386, 413, 419
 Сорокина Т. Н. 112, 190, 191, 204
 Старр Ф. С. 19
 Степанов В. А. 441
 Стеткевич А. 254
 Стеткевич А. С. 55
 Стишинский А. С. 213
 Стогов Д. И. 583
 Столыпин П. А. 12, 24, 38, 52, 66, 67, 69, 75, 97, 130–133, 138–140, 148, 151, 162, 191, 193, 201, 203, 207, 253, 256, 289, 292, 471, 575, 580–583, 585, 592, 603
 Столяров И. В. 336
 Стрелко А. А. 508
 Стукен 315, 318
 Суботич (Субботич) Д. И. 67, 68, 190, 290
 Суворов А. А. 595
 Суворов В. А. 46
 Суворова Н. Г. 176
 Сулейманов 345
 Сусанин, костромич 566
 Сухомлинов В. А. 169, 171–175, 253, 282, 289, 290, 296
 Схиммельпенник ван дер Ойе Д. 23
 Сэнборн Д. (Sanborn J.) 43
 Сюй Цзинчэн 73, 74
 Тагиев Г. З. 377
 Таден Э. (Taden E.) 20, 41
 Таджиниязов М. К. 324
 Тазетдинов 345
 Тальма Р. 332, 333
 Тальская О. Д. 37
 Тарновский К. Н. 18
 Татищев А. А. 195
 Тевкелев М.-К. Б. 369–371
 Тигерстедт П. Г. 236, 237
 Тизенко П. Д. 508
 Тиличев С. В. 483
 Тиличев С. В. 477
 Тимашев С. И. 174, 407, 420, 422, 436–438, 525
 Тимирязев В. И. 307
 Тимирязев К. А. 178
 Тихомиров А. В. (Ціхаміраў А. В.) 509
 Тихомиров Л. А. 41
 Тихонов Т. И. 568, 569
 Томпсон 101
 Трегубов А. Л. 55, 255
 Трепавлов В. В. 21

- Трепов Ф. Ф. 579
 Троцкий В. Н. 497, 511–514, 518, 519
 Трубецкой Н. Н. 499
 Трубицкий П. 502
 Трумпф Э. К. 337
 Туган-Барановский М. И. 441
 Тудоряну Н. Л. 508
 Турчанинов Н. В. 152
 Тухин А. 225
 Тхоржевский И. И. 472
 Тюкавкин В. Г. 360
 Тюменев Х. А. 345
 Тютчев Ф. И. 595
- Узбеков Г. 345
 Улевичус П. В. 527
 Уманский М. С. 178
 Умарбаеву М. А. 345
 Унтербергер П. Ф. 68–71, 144, 152, 167, 168, 175, 234, 235, 237, 239, 240, 307
 Урушадзе А. Т. 38
 Усманова Д. М. 29
 Устюгова О. А. 112
- Фадеев А. В.** 449
 Фань Лицзюнь 92
 Федоренко А. 591
 Федоров Г. П. 55, 261
 Федоров Д. Н. 226
 Федоров П. В. 227
 Филатова Ж. В. 483
 Филимонов А. В. 289
 Филиппов Т. И. 398, 399
 Финогентова О. Е. 538
 Флоринский М. В. 38
 Флоринский М. Ф. 42, 58
 Фомин С. П. 330
 Фомченко А. П. 48, 309
 Фридман М. И. 441, 447
 Фридман Н. М. 530, 532, 542
 Фридман Ц. Л. 50
 Фролов В. И. 390, 425
 Фрост А. Ф. 337
 Фрюлинг И. И. 317, 318, 332, 334, 335, 337, 338
- Фурсенко А. А. 381, 387
 Фурсов К. А. 31, 32
- Хаджи Ага, персидский купец 317, 330
 Хамдамбаев 345
 Харин Ю. Г. 397
 Харитонов П. А. 134, 270, 275, 276, 280, 282
 Харламов В. А. 359
 Хвостов А. Н. 210
 Хвоцинский В. В. 477, 483
 Хилков С. Н. 178
 Ходжаев У. А. 369, 371
 Холквист П. (Holquist P.) 43
 Хомяков Н. А. 75, 99
 Хорват Д. Л. 95, 171, 177, 220–222, 227, 231
 Хорват К. А. 177
 Хоскинг Д. 19
 Хотамов Н. Б. 50
 Ху Личжун 95
- Цветков, юрисконсульт министерства финансов** 85
 Цейль С. В. 253, 351
 Цзинь Гуанъяо 95
 Цитович А. Л. 104
 Ціхаміраў А. В. (Тихомиров А. В.) 509
 Цюй Личао 92
- Чайкин А. А.** 369
 Чаплин Н. Д. 274
 Чапыгин И. В. 76
 Чарыков Н. В. 153, 191, 192
 Чаубанов 315
 Чеканинский Ив. 45
 Червинский Г. Е. 548
 Червинский П. П. 456
 Черкасов Н. Г. 532
 Черменский Е. Д. 18
 Черниковы, бр. 315, 316, 334
 Черницкий В. И. 549
 Чернолуцкая Е. Н. 153
 Черных А. И. 344
 Чжао Чжицин 24

- Чистяков, товарищ министра финансов 77, 85
 Чихачев Д. Н. 583
 Чичагов Н. М. 145, 170
 Чокаева М. 370
 Чуркин М. К. 490
 Чэн Линь 92
 Чэнь Цюцзе 81
- Шавров Н. Н.** 471
 Шамшин И. И. 260
 Шарапов С. Ф. 41, 555
 Шау фон Шауфусс 597
 Шауфус Н. К. 106
 Шахворостов, купец 344
 Шаховской В. Н. 597
 Шванебах П. Х. 254
 Шварц А. Н. 134
 Швигель Ф. 296
 Шелохаев В. В. 20
 Шепелев Л. Е. 381
 Шереметев С. А. 401
 Шершеневич Г. Ф. 539, 540, 542
 Шестаков А. 45
 Шидловский С. И. 548, 581
 Шингарев А. И. 102–104, 584
 Шипов И. П. 83, 86, 406
 Шликевич С. П. 129
 Шлосберг 315
 Шмидт, бухгалтер 336
 Шнитников И. Х. 345
 Шоломицкая Т. Л. 592
 Шорохов В. А. 58
 Штейнер С. И. 416
 Штейнфельд Н. 94
 Штюмер Б. В. 214, 217–219, 221
 Шубин А. 502
 Шубин 497
 Шуваев Д. С. 213
 Шульгин В. В. 577, 578, 584
 Шушкова М. Е. 262
 Шэнь Цзиши 95
- Щегловитов И. Г.** 256
 Щепкин Н. Н. 552
- Щербатов Н. Б. 210, 367
- Эвентов Л. Я. 387
 Эверт А. Е. 170
 Эйдинтас А. 508
 Эльфи 571
 Эткинд А. 23
 Юлдашев А. М. 50
 Юлдашев В.-А. 353
 Юсупов А. 323
 Юферов В. И. 45
 Юшкин Е. М. 396
 Юэ Вэй 96
- Ягелло Е. Ю.** 530
 Яковлев А. Ф. 389
 Ямзин И. Л. 289, 310
 Янжул И. И. 381
 Яновская Л. А. 497
 Ярмолич Ф. К. 226
 Ясенский Ф. А. 218
- Akifumi S. 336
 Breyfogle N. B. 466, 474
 Brower D. 48
 Crews R. D. 263
 Demko G. J. 47
 Dowler W. (Доулер У.) 43
 Gatrell P. 27
 Geraci R. P. (Гераси Р.) 43
 Hartley J. 27
 Hoch S. 27
 Holquist P. (Холквист П.) 43
 MacKenzie D. 47
 Morrison A. (Моррисон А.) 33, 34, 263
 Penati B. (Пенати Б.) 33
 Peterson M. 33
 Pierce R. A. 47
 Sahadeo J. 263
 Sanborn J. (Сэнборн Д.) 43
 Sargent L. 39
 Sokol E. D. 32
 Starr S. F. 19
 Weeks T. R. (Викс Т.) 20, 43

С. Ю. Витте, министр финансов
(в 1892–1903 гг.), 1903 г.
Автор съемки не установлен
(Центральный государственный архив
кинофотофонодокументов Санкт-
Петербурга (далее — ЦГАКФФД СПб).
Д 14182)

П. А. Столыпин,
председатель Совета
министров и министр
внутренних дел (в 1906–
1911 гг.) на скамейке
в Елагином парке, 1907 г.
Фотография ателье Буллы
(ЦГАКФФД СПб. Г 5353)

Группа членов Совета Госбанка с чиновниками Министерства финансов (в центре — министр финансов В. Н. Коковцов), 1909 г.

Фотография ателье Буллы (ЦГАКФД СПб. Е 4840)

А. В. Коншин, председатель и управляющий Совета Государственного банка (в 1910–1914 гг.), 1912 г.
Фотография ателье Буллы (ЦГАКФФД СПб. Д 3051)

Д. Л. Хорват, управляющий КВЖД (в 1902–1918 гг.), 1900-е гг.
(РГИА. Ф. 323. Оп. 2. Д. 289. Л. 1)

А. Н. Вентцель, товарищ председателя правления Общества КВЖД, до 1915 г.
Фотография ателье Буллы (ЦГАКФФД СПб. Г 12695)

Н. Л. Гондатти, Приамурский генерал-губернатор (в 1911–1917 гг.), 1913 г.
Фотография ателье Буллы (ЦГАКФФД СПб. Е 10586)

И. Л. Горемыкин, председатель
Совета министров (в 1906,
1914–1916 гг.), 1914 г.
Фото К. К. Буллы
(Рыхлякова Т. Н. Буллы.
Семья петербургских
фотографов. СПб., 2017.
С. 165)

М. В. Родзянко, председатель
Государственной думы
IV созыва, май 1917 г.
Фотография ателье Буллы
(ЦГАКФД СПб. Е 44)

А. В. Самсонов, туркестанский
генерал-губернатор
и командующий войсками
Туркестанского военного округа
(в 1909–1914 гг.), 1900-е гг.
Фотография ателье Буллы
(ЦГАКФД СПб. Г 7692)

Б. В. Штюмер, член Государственного
совета, 1913 г.
Фотография ателье Буллы (ЦГАКФД СПб.
Г 5548)

И. И. Воронцов-Дашков,
наместник императора на
Кавказе, командующий войсками
Кавказского военного округа
(в 1905–1914 гг.), начало 1900-х гг.
Фотография ателье Буллы
(ЦГАКФД СПб. Г 6038)

Васильевъ Александръ Кривошеинъ.

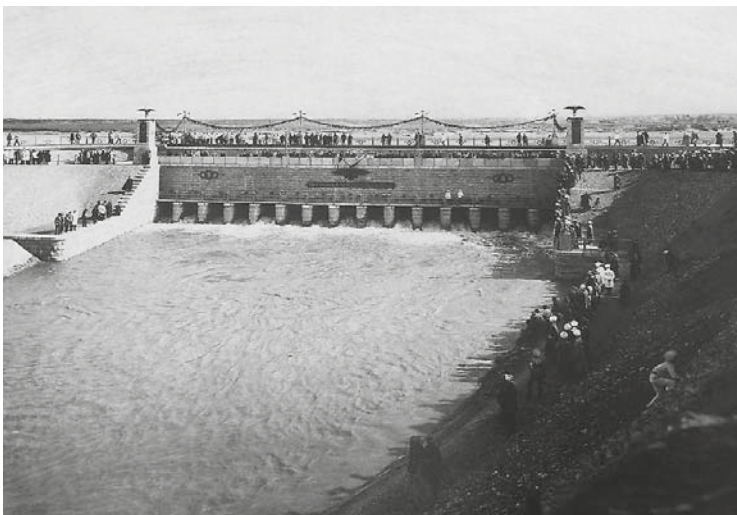
А. В. Кривошеин, главноуправляющий землеустройством и земледелием (в 1908–1915 гг.), 1900-е гг. (Вопросы колонизации. Пг., 1915. № 18. Вкладка)

П. А. Харитонов, государственный контролер и председатель Совета Государственного контроля (в 1907–1916 гг.), январь 1911 г. Фотография ателье Буллы (ЦГАКФФД СПб. Е 10352)

Ташкентское отделение Азовско-Донского коммерческого банка, начало XX в. Почтовая карточка (из архива Б. А. Алимджанова)

Открытие Романовского канала, 1913 г. (из архива Б. А. Алимджанова)

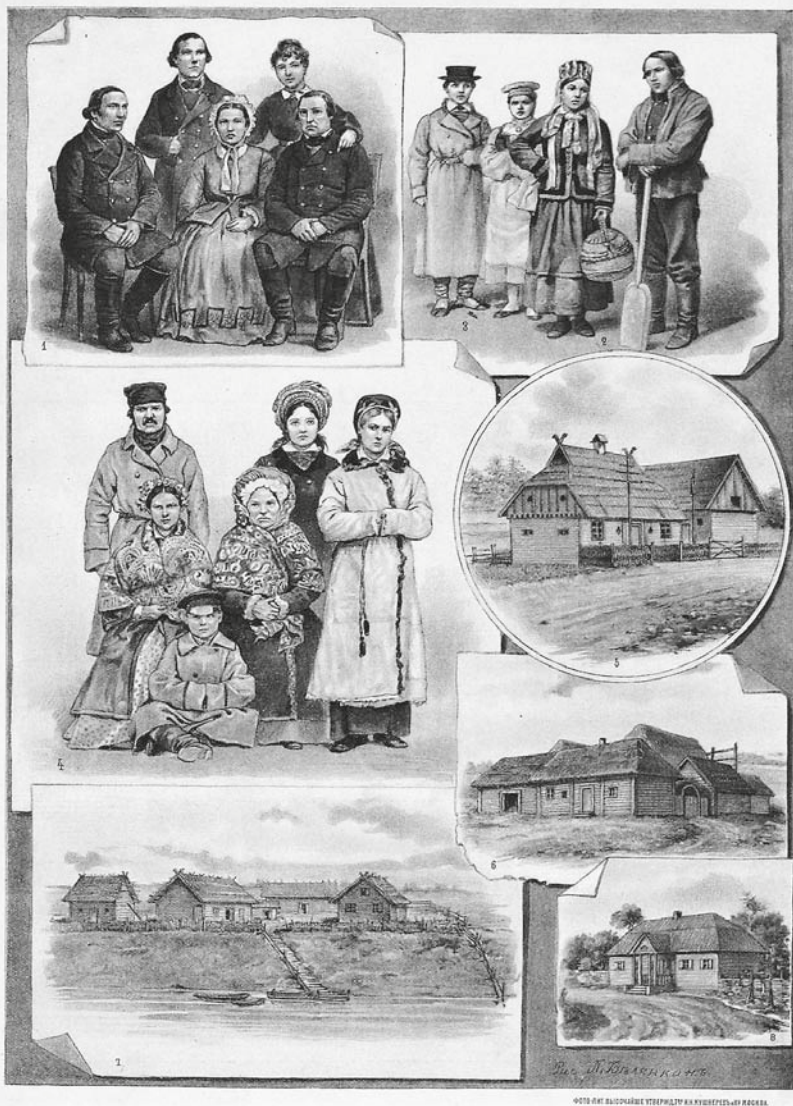

Объявление о выставке «Русская Ривьера», ноябрь — декабрь 1913 г.

(«Русская Ривьера», первая сельскохозяйственная и культурно-промышленная выставка Черноморского побережья Кавказа. Обзорение выставки Черноморского побережья Кавказа «Русская Ривьера»: Императорский Ботанический сад. Санкт-Петербург. СПб., 1913. С. 19)

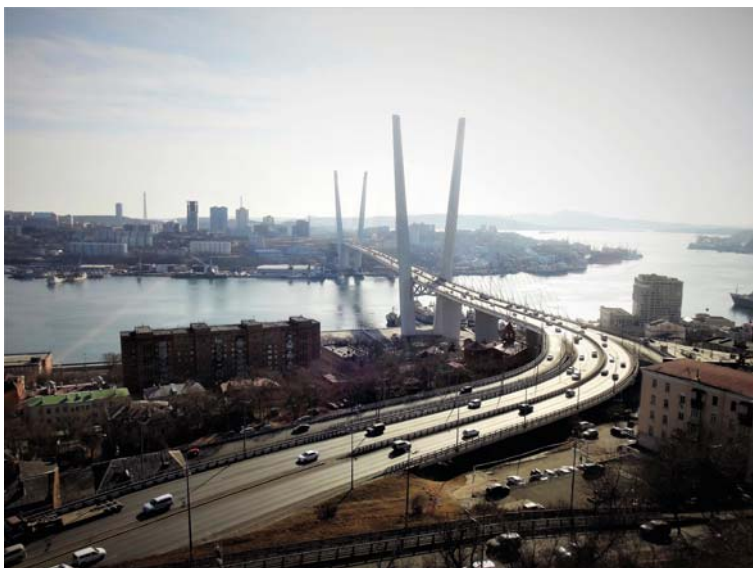
Белорусы (Русские народы: наброски пером и карандашом / текст под ред. Н. Ю. Зографа; рис. Л. Л. Белянкина. Ч. 1, вып. 2: Европейская Россия. М., 1894. С. IX)

Латыши и литовцы (Русские народы: наброски пером и карандашом / текст под ред. Н. Ю. Зографа; рис. Л. Л. Белянкина. Ч. 1, вып. 1: Европейская Россия. М., 1894. С. V)

Финны, тавасты и эсты (Русские народы: наброски пером и карандашом / текст под ред. Н. Ю. Зографа; рис. Л. Л. Белянкина. Ч. 1, вып. 1: Европейская Россия. М., 1894. С. IV)

Владивосток, «Золотой мост» через бухту Золотой Рог, 2012 г.
(февраль 2019 г., фото М. В. Ходякова)

Харбин, старый и новый железнодорожные мосты через р. Сунгари
(сентябрь 2016 г., фото М. В. Ходякова)

Харбин, здание управления КВЖД, нач. XX в.
(сентябрь 2016 г., фото М. В. Ходякова)

Харбин, здание бывших Московских торговых рядов, 1906–1908 гг.
(сентябрь 2016 г., фото М. В. Ходякова)

Харбин, здание бывшего клуба КВЖД, 1911 г.
(ноябрь 2017 г., фото М. В. Ходякова)

Харбин, композиция, посвященная началу строительства КВЖД,
у здания Железнодорожного музея (бывшего клуба КВЖД), 2017 г.
(ноябрь 2017 г., фото М. В. Ходякова)

Харбин, Свято-Покровская церковь, 1922–1930 гг.
(сентябрь 2016 г., фото М. В. Ходякова)

Конечный пункт КВЖД — незамерзающий Порт-Артур.
(сентябрь 2016 г., фото Д. Г. Янченко)

Кокандский филиал Русско-Азиатского банка, 1910 г. (ныне — филиал Народного банка Республики Узбекистан)
(октябрь 2019 г., фото Б. А. Алимджанова)

Ташкентский филиал Госбанка, 1893 г. (ныне — филиал Узбекского промышленно-строительного банка)
(июль 2020 г., фото Б. А. Алимджанова)

Мужская гимназия и Ташкенте (1875 г.), (ныне — здание Ташкентского государственного юридического университета)
(июль 2020 г., фото Б. А. Алимджанова)

Площадь Регистан, Самарканд (XV–XVII вв.)
(декабрь 2016 г., фото Д. Г. Янченко)

Книги и журналы СПбГУ можно приобрести

по издательской цене

в интернет-магазине: **publishing.spbu.ru**

и

в сети магазинов **«Дом университетской книги»**, Санкт-Петербург:

Менделеевская линия, д. 5

6-я линия, д. 15

Университетская наб., д. 11

наб. Макарова, д. 6

Таврическая ул., д. 21

Петергоф, ул. Ульяновская, д. 3

Петергоф, кампус «Михайловская дача»,

Санкт-Петербургское шоссе, д. 109.

Справки: +7(812)328-44-22, publishing.spbu.ru

Книги СПбГУ продаются в центральных книжных магазинах РФ,

интернет-магазинах **amazon.com**, **ozon.ru**, **bookvoed.ru**,

biblio-globus.ru, **books.ru**, **URSS.ru**

В электронном формате: **litres.ru**

Научное издание

**ЦЕНТР И РЕГИОНЫ: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА
НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1894–1917)**

Второе издание

Ответственный редактор *М. В. Ходяков*

Редактор *Н. С. Лосев*

Корректор *Е. В. Величкина*

Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Обложка *Е. Р. Куныгина*

Подписано в печать 19.03.2021. Формат 60×90 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 41,25. Тираж 500 экз. Print-On-Demand. Заказ № .

Издательство Санкт-Петербургского университета.

199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.

Тел./факс +7(812)328-44-22

publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

В коллективной монографии рассматривается экономическая политика, проводившаяся царским правительством на окраинах Российской империи в эпоху царствования Николая II, 1894–1917 гг. В центре внимания авторов книги четыре региона: Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ, а также Западный край и Прибалтика.

Исследование основано на широком круге архивных материалов и показывает, как региональные экономические интересы продвигались в столице с учетом специфики экономического пространства различных по уровню развития частей страны. Усилия российского правительства в экономической сфере были направлены на решение ряда важнейших задач, однако успешную реализацию этих усилий прервала Первая мировая война.

Издание, учитывающее новейшие научные публикации, предназначено для историков, экономистов и всех интересующихся историей России конца XIX — начала XX века.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
publishing.spbu.ru

ISBN: 978-5-288-06102-8

9 785288 061028